Фрейд Стюарт

ЗОЛОТО И МИШУРА

Annotation

Пять поколений гордого и честолюбивого калифорнийского семейства Коллингвуд предстают перед нами на страницах романа, охватывающего полтора столетия, начиная с 1848 года и вплоть до новейшего времени. Богатство — благословение и проклятие этой семьи. В престижном Принстонском университете Фред Стюарт изучал историю, и она стала не просто фоном его неподражаемых саг — документальные события неотделимы в них от событий вымышленных, а «правда жизни» дополняет богатое воображение писателя, автора популярных бестселлеров «Век» и «Остров Эллис».

-
-
-

Annotation

Пять поколений гордого и честолюбивого калифорнийского семейства Коллингвуд предстают перед нами на страницах романа, охватывающего полтора столетия, начиная с 1848 года и вплоть до новейшего времени. Богатство — благословение и проклятие этой семьи.

В престижном Принстонском университете Фред Стюарт изучал историю, и она стала не просто фоном его неподражаемых саг — документальные события неотделимы в них от событий вымышленных, а «правда жизни» дополняет богатое воображение писателя, автора популярных бестселлеров «Век» и «Остров Эллис».

Фред Стюарт
Пролог
Часть I
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава Десятая
Часть II
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая

Глава пятнадцатая
Часть III
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Часть IV
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Часть V
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Эпилог
notes
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44

Фред Стюарт

Золото и мишура

Моей любимой жене Джоан, которую никогда не покидала надежда, а

также моей прабабушке Эмме Буш, которая в прошлом веке приехала в Америку из Германии.

Хотел бы поблагодарить замечательных сотрудников Нью-Йоркской общественной библиотеки, которые очень помогли мне в процессе работы над этой книгой.

Пролог

Золото глупцов — цена всего на свете

— Звонили Пасселтвэйты, приглашают приехать завтра в Марбеллу, — сказал Ги де Ламбер, входя в ванную комнату апартаментов парижского отеля «Ритц». — Я им сказал, что мы с удовольствием приедем.

Его жена, американка Клаудиа Коллингвуд де Ламбер, уставилась из ванны на мужа:

— Но ты ведь терпеть не можешь Марбеллу, — сказала она, — и как будто не очень-то жалуешь Пасселтвэйтов. Сам всегда говорил, что этот Родни — настоящий зануда.

— Это так, но ведь Марго тебе нравится. И кроме того, ты давно уже не покидала замок, а у нас ведь годовщина. Вот я и подумал, что можно будет несколько дней поразвлечься. Марго говорит, есть десятичасовой рейс из Орли в Малагу, она встретит нас в аэропорту.

— Прежде чем давать согласие, не худо было бы и со мной посоветоваться, — сказала Клаудиа, в приятном голосе которой сейчас прозвучали металлические нотки.

Ее муж посмотрел на часы.

— Тебе следует поторопиться. Столик заказан на восемь, — напомнил он, выходя из ванной.

— Ги!

— Что?

Клаудиа была раздражена его странным спокойствием, однако раздражения еще недостаточно, чтобы начать ссору.

— Ничего, — вздохнула она.

Он улыбнулся жене:

— Знаешь, ты все такая же красивая, как и два года назад, в тот день, когда я тебя встретил.

«Да и ты все так же привлекателен, черт бы тебя побрал!» — подумала Клаудиа, когда муж вышел из ванной. Она явно была ему для чего-то нужна, но для чего? То, что Ги принял приглашение в Марбеллу, было

столь же необычно, как и то, что он снял для себя и жены апартаменты в «Ритце» стоимостью тысяча долларов в сутки. Происходило что-то странное, но Клаудиа решительно не понимала что именно. Она даже подумала над тем, не суждено ли второй годовщине их свадьбы стать также и последней. Хотя ее все еще чертовски привлекал этот красивый француз, но в глубине души она знала, что любовь уходит из ее сердца почти так же быстро, как и пришла. Клаудиа провела мыльной губкой по рукам, ощутила запах пены фирмы «Эрмес» и припомнила тот восхитительный день двухлетней давности.

Она тогда ездила по западной Франции — фотографировала замки в департаменте Приморская Шаранта — и однажды наткнулась на крошечное изящное строение, фасадом обращенное в сторону реки Шаранты. То был поистине замок из сказки — с настоящей круглой башенкой, увенчанной крышей в виде ведьминого колпака. Перед фасадом размещался огороженный стеной дворик, ворота которого были открыты. Отъехав немного, Клаудиа припарковала под каштаном взятый напрокат «пежо», повесила на плечо свой верный «Никон» и направилась к воротам. Во дворе замка садовник пропалывал на клумбе бархатцы, ослепительно пылавшие в лучах августовского солнца.

— Извините, пожалуйста, — сказала на своем вполне сносном французском Клаудиа, остановившись за спиной садовника. — Не скажете ли мне название этого замка?

Когда садовник распрямился и повернулся к ней, она почувствовала, как у нее екнуло сердце и зачастил пульс. Мужчина выглядел точно так, как подобает выглядеть голливудскому красавчику-герою.

— Вы американка? — спросил он по-английски, чем немало ее удивил, поскольку в этой сельской глуши умеющие говорить по-английски французы встречались не чаще, чем иностранные туристы.

— Да…

Его загорелое лицо расплылось в улыбке.

— Мне нравятся американцы.

— А мне нравятся французы. Не могли бы вы сказать мне название этого замка? — повторила она свой вопрос.

— Шато де Субиз.

— А владельца здесь нет поблизости? Я делаю снимки для книги по французской архитектуре, а замок мне так понравился, что я хотела бы получить разрешение сфотографировать его.

Садовник, волосы которого были иссиня-черными и густыми, улыбнулся:

— Я даю вам разрешение. А кроме того, приглашаю вас на ланч.

— Это очень любезно с вашей стороны, однако мне действительно хотелось бы спросить владельца…

— Позвольте представиться. Я Ги Октав де Ламбер, граф де Субиз.

— Ох, Боже мой! Я-то подумала, что вы садовник.

— А я и есть садовник, кроме всего прочего. Итак, как насчет ланча? Извините за банальность, но когда я вижу прекрасную блондинку-американку, то обычно думаю: «Ага, она, должно быть, из Флориды».

— А вот и нет, я из Калифорнии.

— Видите, сам не знаю, что говорю…

Клаудиа вылезла из ванны и надела белый махровый купальный халат.

Все было так необыкновенно романтично: она, как девчонка, втюрилась в него с первого взгляда. Они прошли внутрь замка, где Мари-Клод, полная пожилая женщина, которая прислуживала «мсье графу» с первого дня его рождения, приготовила и подала им ланч. Все было простым и чрезвычайно восхитительным: мидии в сладком масляном соусе с луком-шалот, шафраном и белым вином; какой-то хитро приготовленный салат, а также бутылочка «грав». Обедали они в прохладной столовой, где были высокие потолки и старинная мебель, причем отдельные предметы мебели, как заметила Клаудиа, имели весьма неказистый вид. Стрельчатые окна выходили на задний дворик и берег Шаранты, где росли ивы и лесные цветы. Граф рассказывал о своих виноградниках и коньяке, которыми особенно гордился. Клаудиа слушала его мягкий голос с приятным французским акцентом — граф целый год проучился в Рагби, одной из девяти старейших и наиболее привилегированных мужских частных школ Великобритании, — и потягивала вино, чувствуя блаженство и легкую дремоту. Когда он предложил Клаудии провести несколько дней в замке, чтобы «получше узнать регион», она без колебаний приняла предложение.

Неделю спустя Клаудиа позвонила в Калифорнию своему отцу, Спенсеру Коллингвуду.

— Папочка, как говорят в самолетах, пристегни ремень.

— А что случилось?

— Я решила сделаться французской графиней.

— *Кем?!*

— Он самый потрясающий парень на свете! Его зовут Ги, он граф де Субиз. У него коньячный завод, и вообще я прямо-таки с ума по нему схожу. Мы женимся через неделю, так что тебе нужно будет вылететь не мешкая…

— Погоди, — обогнув половину земного шара, долетел до нее

мощный отцовский голос. — Он что же, гоняется за твоими деньгами?

— Он даже и не догадывается о том, что они у меня вообще имеются.

— А кем же ты ему представилась?

— Дочкой фермера.

— Фермера?! Но ты хоть сказала ему, что «ферма» — не больше не меньше, как «Калафия Ранч», самое, черт побери, большое частное ранчо в целой Калифорнии?

— Нет, не сказала. Ведь в кои-то веки кто-то влюбился именно в меня, старую дурнушку Клаудиу, а вовсе не в Клаудиу де Мейер Коллингвуд.

— И вовсе ты не «старая дурнушка Клаудиа», во всяком случае, ты таковая ничуть не больше, чем я — «старый дурак Спенсер». И ради Бога, когда же ты наконец повзрослеешь? У тебя есть определенные обязанности передо мной и ранчо.

— Папуля! — Она хотела закричать, однако заставила себя сохранять спокойствие. Спенсер Коллингвуд был отшельником и жил один на сотнях квадратных миль ранчо «Калафия», что в округе Ориндж; единственной его настоящей страстью были гонки спортивных автомобилей. Он был эксцентричным, с тяжелым характером человеком, который в штыки принимал все новое и норовил спрятаться от него в своих холмах. — Ты ведь знаешь, папуля, что я человек ответственный и люблю ранчо. Но мне очень важно найти человека, который бы полюбил меня, а не наследство Коллингвудов. Как только церемония бракосочетания закончится, ты сможешь ему сказать все, что хочешь.

— Клаудиа, детка, я люблю тебя, но, поверь, ты рассуждаешь совсем как маленькая девочка. Ну хорошо, выходи за этого своего чертова француза. В конце концов, это твое личное дело. Но если он вдруг окажется прохиндеем, после не приходи ко мне плакаться в жилетку. Сколько хоть у него земли?

— Акров сорок примерно. И это одна из лучших земель в коньячной провинции.

— Что?! Паршивые сорок акров? Боже праведный! Ты должна будешь унаследовать в Калифорнии целое королевство, а выходишь замуж за какого-то жалкого винодела с сорока акрами! Господи, я совершенно тебя не понимаю. Моя дочь — и вдруг ведет себя как какая-то хиппи! Тебе остается надеть лишь на себя пластмассовую бижутерию и начать лаять на луну.

— Но, папуля, это же так легко понять: я влю-би-лась!

— Влюби-илась… — с непередаваемой интонацией протянул он. — Отсюда как раз все семейные проблемы: бабы никак не могут без того,

чтобы не влюбляться, черт их побери!

Любовь… Усевшись перед ванной на высокий стул, Клаудиа принялась расчесывать и сушить волосы. Она хорошо помнила венчание в небольшой, грубой кладки часовне в Субизе. Затем был медовый месяц на Ривьере, в «Вуаль д'Ор», что в Сен-Жан Кап Ферра, — целая неделя, в течение которой они занимались только любовью, греблей, теннисом и много купались. В первую неделю сентября они вернулись в замок, чтобы дождаться исключительно важного для виноделов сбора урожая винограда.

Именно тогда волшебная сказка оказалась впервые омрачена грубой реальностью. Ги совсем не вдохновило известие, что его молодая жена, оказывается, наследница миллионного состояния. Он возмутился и даже обиделся. Именно из-за денег произошел их первый скандал. Клаудиа хотела приобрести для себя «мерседес», однако Ги воспротивился, сказав, что эти автомобили слишком дорогие. Когда Клаудиа продолжала настаивать, он взорвался и обругал ее «чертовски испорченной богатой американкой», и она не забыла это ругательство. А кроме того оказалось, что Ги — типичный фаллократ — так французы называют мужчин-шовинистов, не считающих женщин людьми. Сама Клаудиа не была радикальной феминисткой, но ведь как-никак она родилась и выросла в Калифорнии, а значит, привыкла к тому, что ее воспринимают наравне с мужчинами. Но скоро Клаудиа выяснила, что в глазах Ги жена была чем угодно, только не ровней своему мужу. Она вышла замуж за человека, у которого, оказывается, были взгляды столетней давности — если не еще более отдаленных исторических времен.

Хуже того было то, что с некоторых пор Клаудиа начала подозревать, что свой виноград и свои вина муж любит едва ли не больше, чем собственную жену. Виноградарство было страстью Ги де Ламбера, а жизнь в крошечном замке по веками заведенному распорядку полностью поглощала его. Для Клаудии подобная жизнь была тоской смертной. Возможно, было бы лучше, если бы у нее были дети, однако Ги сказал, что пока не хочет ничего подобного. В итоге у Клаудии не было никакой цели в жизни. Она начала даже задумываться, а не был ли в конечном счете прав ее папаша, не получилось ли так, что она отказалась от королевства в Калифорнии ради сорока затрапезных акров в зачуханном уголке Бордо? Она частенько думала о своей семье, вся история которой была столь тесно связана с историей Калифорнии, особенно часто думала она о своей прапрабабушке — легендарной Эмме де Мейер. Эмма без ума влюбилась в Арчера Коллингвуда — так же как Клаудиа влюбилась в Ги, — однако Эмма никогда и ни за что бы не согласилась играть у винодела вторую

скрипку.

Тряхнув взъерошенными кудряшками, Клаудиа с ненавистью взглянула на безобразную гримасу, отраженную зеркалом. Неделю назад что-то случилось, что-то загадочное и довольно-таки пугающее. Вернувшись домой со своего винного заводика, Ги сообщил ей, что прошлой ночью какие-то вандалы вломились туда и уничтожили пятьдесят огромных емкостей с коньяком. Не украли, а именно уничтожили: разбили бутылки о цементный пол подвала. Полиция не имела ни малейшего представления, кто бы мог сотворить подобное, столь бессмысленное и грубое. Не знал этого и Ги… Во всяком случае, он вел себя так, словно не имел ни малейшего понятия на сей счет. Однако же Клаудиа заметила, что чуть ли не в одночасье муж изменился. За ужином его руки дрожали, а когда она попыталась завести с ним об этом разговор, Ги демонстративно сменил тему. Клаудиа была абсолютно уверена, что муж всерьез чем-то напуган. Еще более укрепилась она в этой мысли, когда он предложил отметить годовщину их свадьбы в отеле «Ритц», что было совершенно непохоже на Ги, который был отменным жмотом. А теперь еще и эта поездка в Марбеллу…

— Дорогая, нам следует поторопиться, — сказал он, сунув голову в ванную комнату. — Я не хочу опаздывать.

— Иду, иду. — Клаудиа поднялась из ванны, вытерлась и стала одеваться. Нет, все-таки явно за кулисами что-то происходило, что-то зловещее и непонятное.

И прекрасная блондинка, она же наследница крупнейшего калифорнийского состояния, внезапно почувствовала угрозу, исходившую от этой неопределенности.

— Только не думай, будто Марбелла состоит сплошь из солнца и наслаждений, — сказала Марго Пасселтвэйт. — Тут немало всякого рода подводных течений, есть и большая проблема с наркотиками, — продолжала она, легко управляя своим белым «феррари», который летел в курортный городок, расположенный на южном побережье Испании. — Однако в целом здесь прямо-таки восхитительно. Около четырех миллионов одних только помешанных на сексе туристов разбредаются по ночам в различные дискотеки. Сексуально озабоченные европейские знаменитости и арабские миллиардеры еще более электризуют здешнюю атмосферу. Сегодня вечером мы с Родни отвезем вас в «Марбелла-клуб», и вы сами все увидите. По сравнению с этим падение Римской империи — детская забава.

— Погляди-ка на эти отвратительные туши! — вечером того же дня воскликнула Марго, когда вместе с Родни помогала Клаудии и ее мужу протиснуться через толпу в «Марбелла-клубе». Было сильно накурено, а музыка гремела оглушительно, как у парней в негритянских кварталах; загорелые блондинки с драгоценностями на шее, мужчины с золотыми цепочками на груди тусовались меж небольших круглых столиков, уставленных бутылками диетической кока-колы и шотландского виски. — Сейчас тут полный набор знаменитостей: поистине рай для европейской швали. Ох, прости, Клаудиа, я совсем забыла, что после замужества ты сделалась частью этого мира.

— Не думаю, что «европейская шваль» — подходящее определение для моей жены и для меня, кстати, тоже, — сказал Ги, чье отвращение к чете Пасселтвэйтов в эту самую минуту стало еще более очевидным.

— Ги, миленький, я же так люблю тебя, — сказала Марго, — но, право же, у тебя чувства юмора нет ни капли. В титулах нет ничего плохого, даже напротив. Я, например, обожаю титулы!

— Весомый титул может даже обеспечить скидку в дорогом магазине, — сказал Родни, раздавшийся мужчина с песочными волосами и розовыми щеками, который в настоящее время служил в Марбелле представителем одной из крупнейших лондонских биржевых фирм. — А в писчебумажном магазине так и вообще всякий титул звучит бесподобно.

— Родни очень глубокомыслен, — заметила Марго. — Он в жизни всегда пытается отыскать глубинную правду.

С противоположной стороны зала на них смотрели двое мужчин. Один из них — высокий и сухощавый, с выразительным лицом и седыми, зачесанными назад волосами. Он был одет в блейзер, на нагрудном кармане которого был вышит миниатюрный флажок с цветами его яхты; на нем была также хлопчатобумажная с распахнутым воротником спортивного покроя рубашка белого цвета и белые слаксы, на ногах — белые матерчатые туфли без носков. Второй мужчина — с черной, мефистофельского типа бородкой и длинными усами, концы которых были закручены вверх. В глазнице у него был зажат монокль, а из расстегнутого воротника рубашки выглядывали две золотые цепи; в петлицу белого костюма был вдет красный цветок. Второго мужчину звали дон Хайме де Мора-и-Арагон, он приходился братом бельгийской королеве и был в курсе всех сплетен, которые ходили по Марбелле.

— Графиня де Субиз, — сказал он, показывая на Клаудиу. — Она наследница огромного калифорнийского ранчо.

— Да, я в курсе… — ответил Найджел Синклер, виконт Нортфилд.

К удивлению дона Хайме, Найджел тотчас двинулся через весь зал. Неужели он оказался столь же осведомлен, как и сам дон Хайме?

— Во-он там — видишь? — Гунилла фон Бисмарк, — говорила тем временем Марго, обращаясь к Клаудии и указывая на только что вошедшую в зал золотоволосую красавицу в блестящем, плотно облегающем платье. — Она бывает решительно во всех местах, достойных того, чтобы там бывать. Брат ее, принц Фердинанд, владеет клубом «Марбелла Хилл»… О Боже, лорд Нортфилд идет сюда!

— Что за лорд Нортфилд?

— Вот что значит похоронить себя в дремучем лесу, дорогая, и не высовывать оттуда носа. Лорд Нортфилд не больше не меньше как третий по богатству человек в мире, у него вторая по размерам яхта, или, может быть, наоборот: второй и третья? Я вечно путаю. Ладно, потом… — прошептала она, видя, что Найджел приближается к их столику.

Родни вскочил со стула и протянул руку, обнажив в улыбке отвратительные зубы.

— Найджел, старина, — сказал он, пользуясь тем, что был знаком с Нортфилдом еще с оксфордских студенческих времен. — Ты знаком с четой де Субиз?

— Ну разумеется. Здравствуйте, Ги.

Клаудиа была несколько удивлена, увидев, что муж пожимает руку англичанину. Выдавив улыбку, Ги вежливо ответил на приветствие, после чего лорд Нортфилд был представлен Клаудии. Седовласый виконт поцеловал ей руку и своими голубыми глазами пронзительно глянул в ее зеленые глаза.

— Давно мечтал познакомиться с вами, — сказал он. — Я слышал, что вы самая прекрасная графиня в Шаранте-Маритим, а теперь, увидев вас воочию, могу свидетельствовать, что это воистину так. Ги, вы позволите мне потанцевать с вашей супругой?

— Разумеется, нет.

— А вы, Клаудиа?

— Буду весьма рада.

Лорд Нортфилд прошел с нею к отведенному для танцев битком забитому месту, обнял ее и притянул к себе — главным образом из-за тесноты. Множество глаз устремились на них. Найджел был на полголовы выше Клаудии, и они очень хорошо смотрелись вместе. Клаудиа была одета в короткое черное платье от Мартина Ситбо, молодого парижского модельера, который ей очень нравился. Светлые волосы щекотали ей

обнаженную спину, когда они медленно кружились под музыку. Единственной драгоценностью на Клаудии были золотые клипсы в виде морских раковин.

— Вы в курсе, что я рос на ранчо «Калафия»? — спросил он.

— В самом деле? Странно, однако, поскольку именно там росла и я, но никогда вас там не видела.

— Я рос там в мечтах, — улыбнулся он. — Еще мальчишкой я вместе с отцом одна за другой поменял около полудюжины стран. Его вечно выгоняли то с одной работы, то с другой, а иногда он и сам становился банкротом. Как бы то ни было, я рос с ощущением бездомности, а когда пришло время и я начал читать книги про американский Запад — в особенности про Калифорнию, — впечатление, произведенное на меня этими рассказами, оказалось настолько сильным, что мысленно я именно там и поселился. Ну, а поскольку вашей семье не понаслышке известно многое — и «золотая лихорадка», и стычки между старателями, — можете считать, что я читал именно о семействах де Мейеров и Коллингвудов. Это так захватывающе!

— Я польщена, спасибо. А где вы познакомились с моим мужем?

— С Ги? Так я же вкладываю деньги и в производство коньяка. Кроме того, у меня сеть отелей в различных курортных местах, и для своих отелей я собственноручно отбираю сорта вин — исключительно самые лучшие. Я закупил большую партию коньяка «Субиз» и встретился с вашим мужем на его винном заводе.

— Жаль, что он никогда не приглашал вас в замок.

— Да, и мне тоже жаль, особенно теперь, когда я познакомился с вами. Однако все эти упущения прошлых времен могут быть исправлены. Завтра я на яхте отправлюсь в трехдневный круиз. Мы пойдем в Танжер, затем пройдем немного вдоль африканского побережья. На борту будут интересные люди. Вы не хотели бы вместе с Ги составить нам компанию?

Клаудиа услышала сигнал опасности: было во всем этом нечто странное. Хотя, с другой стороны, ей нравилось учтивое обхождение лорда, нравилась твердость его руки, которую Клаудиа ощущала на спине, приятен был и неброский запах одеколона «Пеналигон». Но она чувствовала также, что у Найджела натура хищника, тигра. Хотя, разумеется, один из богатейших людей в мире не может быть размазней.

— Видите ли, мы остановились у Пасселтвэйтов… — задумчиво сказала она.

— О, Родни и Марго тоже поедут с нами. Ведь Родни — мой биржевой маклер, да будет вам известно. Один из маклеров, правильнее сказать. Мы

— старинные школьные приятели.

— Если только Ги согласится, я буду в восторге.

— Отлично. Будем считать, что все решено. Мы шикарно проведем время.

— Но я же сказала: если Ги согласится…

— Да, я слышал.

Ее еще тогда удивил тот факт, что почему-то с самого начала он был уверен, что Ги согласится.

На следующий день на виллу приехал белый «роллс-ройс» Найджела, в котором они и отправились в Пуэрто-Банус, соседний с Марбеллой залив. Когда автомобиль остановился возле белой, немыслимых размеров яхты, Клаудиа, выйдя из «роллса», задрала голову, чтобы как следует оглядеть эту громадную игрушку. Богатством ее, конечно, не удивишь, но даже ее отец никогда и мечтать не мог о столь экстравагантном способе вложения капитала. Четверо членов экипажа яхты поспешили по трапу вниз, чтобы поднять на борт багаж. Солнце, висевшее над Средиземным морем, нещадно жгло пассажиров, которые взбирались на безупречно чистую, сделанную из тикового дерева главную палубу, где светловолосый офицер в белой униформе приветственно отсалютовал гостям.

— Добро пожаловать на «Калисту», — сказал он с явным немецким акцентом. — Я покажу вам ваши каюты.

Он повел их на корму мимо белоснежной сверкающей крыши навеса. Залив был густо усеян различными яхтами, многие из которых имели более сотни футов в длину, однако и на их фоне «Калиста» казалась настолько большой, что как бы принадлежала уже к другому, нежели яхты, классу судов. Клаудиа прикинула, что длина ее никак не меньше двухсот футов. Над головой, на верхней палубе, стоял закрепленный вертолет, а палубная надстройка ощетинилась самым современным радаром и навигационным спутниковым устройством «Ком-Сат». Одна только эта электроника должна была стоить целое состояние.

Послышался отдаленный шум, который быстро нарастал. Марго показала в море на мужскую фигурку, которая стремительно неслась в направлении яхты на «реактивных лыжах».

— Наш хозяин, — сказала она. — На завтрак Найджел ест специальные высокоактивные сорта хлопьев, чтобы увеличивалась спортивная потенция. Кроме всего прочего, он очень увлекается игрой в теннис и как-то раз заплатил Бьёрну Боргу пятьдесят тысяч долларов, чтобы сразиться с маэстро на корте, причем тогда же он выделил еще

пятьдесят тысяч — на благотворительные нужды.

— И что же, он победил? — спросила Клаудиа.

— Нет, разумеется, однако получил возможность говорить, что был побежден самим Бьёрном Боргом. В наши дни имеет значение, с кем именно ты играешь на корте.

«Реактивные лыжи» рокотали, словно мощная циркулярная пила. Подплыв поближе, Найджел помахал гостям рукой.

— Скажи, а откуда у него деньги? — спросила Клаудиа.

— Себя он величает предпринимателем, — ответил Родни, который против желания был потрясен окружавшей его роскошью и потому чувствовал себя несколько скованно, — хотя другие зачастую называют его пиратом. Он покупает компании задешево…

— А продает втридорога?

— Поначалу он именно так и поступал. Однако со временем начал модернизировать купленные предприятия, делая их более прибыльными. Через его руки столько разных компаний прошло! Конечно, многие его терпеть не могут, однако едва ли кто может отказать ему в коммерческом таланте. Он дает кучу денег тори, вот, собственно, почему миссис Тэтчер устроила ему титул. Но деньги — еще не все, она вообще обожает его.

— А он женат?

— Трижды, — сказала Марго. — Нынешняя его жена — леди Калиста Гасконь, дочь маркиза Шалфона.

— А как ты познакомился с ним, Ги? — как бы между прочим поинтересовалась Клаудиа.

— Мы познакомились еще в Рагби, — ответил он.

«Врет, — подумала она, — они даже не догадались скоординировать свои ответы: Найджел сказал, будто они встретились на винном заводе. Почему же тогда он врет мне, своей жене?»

— Что происходит? — спросила Клаудиа мужа в тот же вечер, когда они шли по палубе, направляясь в главный салон яхты. Судно отчалило от берега вскоре после ланча, взяв курс на африканское побережье; Клаудиа могла видеть, как изящный нос яхты разрезает волны.

— Что ты имеешь в виду под этим «что происходит»? — вопросом на вопрос ответил Ги.

— Почему мы здесь? Ведь совершенно очевидно, что тебе ненавистна Марбелла, ты терпеть не можешь Пасселтвэйтов, и тем не менее мы приехали к ним. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется Найджел и приглашает нас к себе на яхту. Не могу поверить, будто все это лишь цепь

случайностей. Что же в таком случае происходит?

— Понятия не имею, о чем это ты говоришь?

— Неправда, ты все прекрасно понимаешь! Ты лжешь мне, Ги, я нутром чувствую это! И этой ложью я сыта уже по горло, черт побери!

Тут она увидела еще нескольких человек, также приглашенных Найджелом в круиз, которые направлялись в ее сторону. Билли Чинга с супругой они уже видели за обеденным столом. Билли был восточного облика мужчиной из Гонконга, занимавшим пост президента Южно-Китайского банка. Жена его, красавица по имени Перфюм, была одной из ведущих китайских кинозвезд. Во время ланча Перфюм, как бы между прочим, обмолвилась, что в год на одни только тряпки у нее уходит до полумиллиона долларов.

— Из-за того что Средиземное море загрязняется все больше, — сказал Найджел, когда все расселись в столовой, где был кондиционированный воздух, — рыбакам все труднее становится ловить зубатку. Но, на мой взгляд, их усилия все-таки окупаются сторицей. Думаю, лучше этой рыбы в целом свете не сыщешь.

— Лучшая рыба — это акула, — заявила Перфюм, сидевшая по левую руку от Найджела, если, разумеется, тут можно употребить глагол «сидела», ибо пышное черно-красное с воздушной юбкой платье от Лакруа более соответствовало бы, применительно к Перфюм, слову «восседала». На женщине было потрясающе красивое бриллиантовое колье с изумрудами и в тон этому колье сережки, которые ярко вспыхивали в свете свечей. Черная челка закрывала лоб и заканчивалась у миндалевидных глаз красавицы, которые смотрели сейчас через стол на Клаудиу. Английский, на котором объяснялась китаянка, несколько раздражал. — Мне нравится ваше платье, — сказала она. — Это от Армани, так ведь?

— Да.

— Хорошенькое. И вы сами хорошенькая. Как много вы платите для платье?

Марго сдержанно прыснула, отчего Клаудиа почувствовала некоторое неудобство.

— Могу лишь сказать, что оно вовсе не дешевое.

— Могу спорить, вы платите, может быть, даже три тысячи, — как ни в чем не бывало продолжала Перфюм. — Вы знаете, сколько я заплатило за это от Лакруа? Двадцать пять тысяч баксов. А тут вот кое-кто говорит, что такие пышные юбки уже не носят. Но не думайте, будто бы у меня крыша съехала. Не думаете?

— Вы, должно быть, очень богаты? — спросила Марго.

— Ну конечно! Я много богатая, но не очень. Вот Билли, богатейший человек в Гонконге, вот уж кто действительно много богатый.

Сидевший справа от Клаудии Билли что-то пробурчал по-китайски, в ответ на что Перфюм лишь пожала плечами.

— Билли сейчас сказать мне, что говорить о деньгах за столом — это есть дурной тон, — сказала она так, будто переведенное на английский это замечание никакого отношения к ней самой не имеет. — Билли сам очень вульгарен, потому как только про деньги и говорит. Сколько стоит тот, сколько стоит это, сколько заколачивает в год такой-то и так далее. Деньги правят миром, так почему же не поговорить про них? Деньги — самая интересная тема для беседы, за исключением, может быть, секса. А может, даже более интересная, чем секс, как знать.

Одетые в белые кители официанты-камбоджийцы внесли серебряные подносы, на которых лежало поджаренное филе зубатки, пересыпанное сладким фенхелем. Положив несколько кусочков себе на тарелку, Билли улыбнулся жене.

— А знаешь, Перфюм, ты становишься утомительной.

Во время ланча Клаудиу удивил его безукоризненный английский, на котором говорят разве что представители высших слоев. Она также обратила внимание на его умение держаться за столом, на его безупречно сшитый пиджак и запонки, изготовленные из золота и ляпис-лазури.

Перфюм пожала плечами.

— Это ты так думаешь, хотя я уверена, что всем остальным очень даже нравится. Пятьдесят лет назад никто не говорить о сексе, а сейчас всякий норовить обсуждать разное такое. Почему бы не поступать в отношении денег подобным образом? Когда я бывать в Нью-Йорк, они там все ни о чем ином и не разговаривать.

— Разговор этот мне напоминает определение Оскара Уайльда, кто такой «циник», — заметила Клаудиа.

— Вот именно, — согласилась леди Калиста, жена Найджела. Это была высокая, привлекательная блондинка, одетая в черное платье, которое при свете свечей разбрызгивало вокруг радужные переливы. — Циник знает цену всему и ничего не ценит. Я совершенно согласна с вами, графиня. Если уж мы не можем держать *некоторые* вещи при себе, то ничто не препятствует тому, чтобы все мы, подобно друидам, начали танцевать голыми при луне. Если, конечно, друиды танцевали голыми.

— Ну, в общем-то они намазывались синей краской, — заметил ее муж, в то время как дворецкий налил ему в бокал «Шато-Грий».

— Наверное, это прозвучит старо и избито, — продолжила Клаудиа, —

но я верю в то, что самые замечательные в этой жизни вещи даются нам даром. Например, звезды или луна, или земля.

— А-а, — протянул Билли Чинг, сидевший рядом с ней, — так, стало быть, вы полагаете, что и земля дана нам задаром? А ведь земля как недвижимость — самое ценное что только есть. Вот скажите, разве вы отдадите за просто так ранчо «Калафия»?

— Разумеется, нет. Но ведь я не имела в виду недвижимость…

— Но всякая земля суть недвижимость, так ведь? А поскольку Соединенные Штаты становятся второразрядной державой, то для того, чтобы оставаться на плаву, Америка будет продавать нам, иностранцам, все, что только сможет. И в последнюю очередь дело дойдет до недвижимости, после чего история завершит свой цикл и вернется к исходному моменту. Начавшая свою историю как колония, Америка и завершит свои дни как колония.

Посмотрев на его лицо, гладкое и плоское, как лицо Будды, при свете свечей ставшее похожим на лунный диск, Клаудиа сказала:

— Во-первых, я совсем не считаю, будто Америка превращается во второразрядную державу…

— Это потому, что вы давно уже не были на родине. Что-то около двадцати процентов всех американцев неграмотны в самом прямом смысле. Около половины всех молодых людей в Америке знать ничего не знают об истории своей родины, не могут даже с точностью до полувека сказать, когда была Гражданская война. Постоянная обработка рок-музыкой привела к тому, что мозг среднего американца превратился в студень, тем же целям служат примитивные развлекательные шоу и национальный культ «звезд». Большинство американцев куда больше знают о Ванне Уайт, нежели об Аврааме Линкольне. В итоге вы даже в принципе не можете конкурировать с нами, иностранцами, которые гораздо более образованны, нежели вы, а ваш торговый дефицит будет неизменно расти, пока вы в нем не потонете. Ваши политики знают эту ужасающую правду, однако боятся признаться вслух. А уж коли не это характеристика второстепенной страны, тогда не знаю…

— С Америкой уже покончено, — сказала Перфюм. — Пф-ф! — И она взмахнула унизанной драгоценностями рукой.

— Насколько я припоминаю, с Европой, а уж про Китай-то я вообще не говорю, — тоже было бы покончено лет сорок тому назад, если бы не мы, — сердито сказала Клаудиа.

— Вы победили в войне, — согласился Билли Чинг. — Однако в мирное время вы потерпели поражение. Америка медленно, но верно

сползает на мусорную свалку истории. Ирония заключается в том, что все это вы сами себе устроили.

— Мы тут что-то все вдруг ополчились на наших американских друзей, — сказал Найджел, — что едва ли справедливо.

— Могу я закурить? — спросила Перфюм. — Знаю, что все курильщиков за столом терпеть не могут, но ведь я не могу ничего как следует поесть, потому что в противном случае не смогу влезть в это жуткое платье за двадцать пять тысяч баксов. Так как, можно закурить?

Однако сигарета была уже у нее во рту. Сидевший рядом с ней Ги вытащил из кармана изящную золотую зажигалку.

— «Балгари», — сказала Перфюм, кивнув на зажигалку. — Чистейшее золото. Спорить, стоила вам не менее двух тысяч баксов.

Тут даже Клаудиа рассмеялась. Она сама на прошлое Рождество покупала мужу эту зажигалку и заплатила в точности две тысячи.

— О чем это вы задумались? — сказал Найджел, подойдя к Клаудии, когда та стояла у правого борта яхты, глядя с палубы на огни Танжера, сверкавшие в черной африканской ночи. Вскоре после ужина она вышла сюда, чтобы немного подышать свежим воздухом.

— Да, знаете, раздумываю о том, неужели и вправду с Америкой все так плохо, — сказала она. — И потом, я ужасно соскучилась по дому.

— По ранчо?

— Именно.

— Любите его?

— Естественно.

— А почему же вы тогда вышли замуж за французского винодела?

— Влюбилась. Конечно же, отец считает, что я манкирую семейными обязанностями?

— Какими, например?..

— Ну, видите ли, моя семья, как вы знаете, накрепко связана множеством уз с историей Калифорнии, которая… — Она пожала плечами. — Не знаю, впрочем, как и объяснить. В некотором смысле я, может быть, несколько отошла от семейной истории. И, возможно, именно поэтому иногда испытываю чувство вины.

— А если бы вам предложили вновь войти в русло истории вашей семьи?

— Это каким же, интересно, образом?

Он взял ее за руку.

— Пойдемте, я покажу вам. — С этими словами он увлек Клаудиу в

носовую часть яхты.

Найджел привел ее в свой большой кабинет, стены которого были обиты деревянными панелями. Серебряный потолок освещался с помощью скрытых в специальных нишах светильников. Кроме того, здесь висели несколько великолепных полотен, среди которых Клаудиа узнала одну работу Одильона Редона. Все же прочее проскользнуло как-то мимо нее, поскольку ее внимание сразу же приковала к себе топографическая модель, стоявшая на огромном столе посреди комнаты. Приблизившись, Клаудиа с восхищением принялась рассматривать великолепно, с большим знанием выполненную трехмерную конструкцию. Реки и океан были выкрашены в голубой цвет, земля имела пурпурно-коричневый оттенок, похожий на цвет почвы ранчо «Калафия». Затем вдруг Клаудиа узнала свой дом.

— Да, это именно ваше ранчо, — сказал Найджел. — Изготовившая этот макет парижская фирма сделала ландшафт по рисункам Габриэля Катру, молодого французского архитектора, в котором есть признаки гениальности, как мне представляется. Взгляните сами.

Клаудиа медленно обвела взглядом стол, приглядываясь к крошечным миниатюрным городкам, расположившимся вдоль побережья. «Что это за городки? — подумала она. — Ведь на ранчо никаких городков не было».

— Габриэль потратил полгода на изучение фотоснимков ранчо, сделанных с воздуха, равно как и на изучение топографических карт, — говорил тем временем Найджел. — Он продумал, кажется, все мелочи, включая систему резервуаров для воды, расположенную высоко в горах. Видите, вон они.

— Да…

— Наши исследования и проекты разработок дают основание говорить о том, что в ближайшие пять лет мы увеличим общую численность людей, проживающих на этой территории, до двух миллионов. И потому нам, разумеется, понадобятся водные запасы, поскольку дожди не смогут нам дать даже приблизительно того количества воды, которое необходимо стольким людям.

Она подозрительно взглянула на него.

— Стало быть, вы хотите развивать район ранчо? А кто это «мы»?

— Я и Билли Чинг. Мы владеем компанией, которая называется «Группа всемирного отдыха», и нам уже удалось организовать очень неплохой курорт неподалеку от Биаррица. Мы успели также построить кое-что и на западном побережье Флориды. Нам принадлежит, кроме всего прочего, система «Эксельсиор-отель» — целая сеть гостиниц, объединяющая пятьдесят восемь первоклассных отелей, разбросанных по

всему миру. И все это дает некоторое основание полагать, что мы можем считать себя достаточно квалифицированными людьми, чтобы начать освоение ранчо «Калафия». Это будет самым большим и наиболее потрясающим из всех наших начинаний.

— А мой отец знает об этом?

Найджел облокотился на письменный стол, изготовленный в стиле Английского Регентства, скрестил руки на груди и улыбнулся.

— О нет. Мы отлично знаем, что Спенсер Коллингвуд терпеть не может новаторов. Именно поэтому мы и решили прежде всего выйти на вас. Ранчо «Калафия» представляет собой один из лучших кусочков недвижимости, который еще остается в Америке, и потому его нужно правильно усовершенствовать не только с целью увеличить отдачу с каждой единицы земельной площади, но и для того, чтобы наилучшим образом сохранить экологию края. Нам вовсе не нужно, чтобы там бродили, вытаптывая все и вся, толпы тех, кто может соблазниться супермаркетами или посещением ресторана типа «Макдоналдс». Не заинтересованы в этом также и вы. Вот потому, собственно, я и подумал, что если удастся пригласить вас на яхту, познакомиться с вами и показать, что мы вовсе не из тех, кто гоняется за легкими деньгами и скорыми прибылями, а напротив, заинтересованы в том, чтобы сохранить природу и ландшафт ранчо в наибольшей степени… ну, словом, возможно, в этом случае вы сможете присоединиться к нам в наших условиях. Мы уже пытались подъехать к вашему кузену Джеффри Бретту, который контролирует половину ранчо, являясь представителем других членов вашей семьи, или, если выражаться точнее, представителем держателей акций класса «А» «Коллингвуд корпорейшн». Джеффри заинтересовался нашим проектом, и если бы мы сумели привлечь на свою сторону и вас, то, я уверен, в этом случае мы смогли бы сделать весьма и весьма серьезное предложение вашему отцу.

— Но я же объяснила, что папа никогда не продаст ранчо.

— Возможно, и так, но все имеет свою цену.

— Вы говорите, как Перфюм.

— Она, может быть, права, кто знает? Действительно, похоже на то, что деньги правят этим миром. Как бы там ни было, мы предлагаем два миллиарда долларов.

Клаудиа была в замешательстве.

— Два *миллиарда?* — негромко повторила она.

— Именно. Это очень неплохие деньги.

— Верно. Однако ведь и земля немаленькая. Несмотря на то что вот

уже два года я живу за пределами Калифорнии, связь я все равно поддерживаю. И очень хорошо знаю, что происходит в округе Ориндж. Там все вокруг развивается, перестраивается. За такое ранчо без труда выложат два миллиарда. А какое отношение ко всему этому имеет мой муж?

— Собственно, мы только попросили его устроить так, чтобы вы очутились здесь, на этой самой яхте.

— Почему вы не обратились прямо ко мне?

— Я разговаривал со многими людьми, и все они, в том числе Джеффри Бретт, в один голос говорят, что если бы мы, так сказать, напрямую вышли на вас, вы не стали бы с нами даже разговаривать. И я сделал все возможное, чтобы диалог оказался возможен. Так что, сами понимаете, Клаудиа, рано или поздно ранчо придется развивать. Нет никаких шансов на то, что столь обширные земли, к тому же расположенные в непосредственной близости от Лос-Анджелеса и Сан-Диего, могут еще долгое время оставаться необжитыми. И, стало быть, вопрос лишь в том, как сделать все это *правильным*образом. Я надеюсь на то, что смогу убедить вас, что лучше нас людей для этого не сыщешь. Скажите теперь, считаете ли вы мое предложение неприемлемым?

— Нет, полагаю, что нет. Но дело в том, что вы столь неожиданно обрушили на меня все это… Надеюсь, вы не ожидаете, что сейчас я дам ответ?

— Разумеется, нет. Можете думать столько, сколько сочтете нужным. Решение очень важное, каковым бы оно ни было.

Клаудиа вновь перевела взгляд на макет.

— Наверное, это будет одно из самых важных решений в моей жизни. И с этими словами я отправлюсь спать. После нашего разговора мне нужно восстановить дыхание, а для этого лучшее средство — сон.

— Ну разумеется. — Он подошел к двери, распахнул ее и улыбнулся. — Доброй вам ночи, Клаудиа.

Клаудиа вышла на прохладный вечерний воздух; ум ее лихорадочно работал. Нельзя не признать, что Найджел был прирожденным шоуменом, Зигфилдом от Большого Бизнеса, и потому сумел застигнуть ее поистине врасплох. Клаудиа подошла к своей каюте, подумала и вошла внутрь. Гостиная была пуста, однако она услышала шум льющейся воды, который доносился из ванной комнаты. Закрыв за собой дверь, Клаудиа направилась в спальню. Ги уже разделся, готовясь ко сну, и теперь чистил в ванной зубы.

— Что ж, загадка разгадана, — сказала она. — Теперь мне известно, каким образом я оказалась тут. Более того, кажется, я узнала об этом самой последней. Чувствую себя первоклассной раззявой.

Ги прополоскал рот, поставил на место зубную щетку.

— Найджел показал тебе модель?

— Да. И ты все время знал об этом?

— Да.

— И Марго с Родни? Полагаю, они также были в курсе?

— Ну конечно же. Ведь Родни — маклер Найджела. Найджел отстегивает ему одних только комиссионных до полумиллиона фунтов стерлингов в год.

— Но, Ги, почему ты ничего не сказал мне?! Почему бы не сказать мне, что вся эта хитроумная шарада — всего лишь игра? Я ведь как-никак твоя жена!

— Так захотел Найджел. Он попросил меня, чтобы я на годовщину нашей свадьбы привез тебя в «Ритц», и даже выписал чек…

— Черт тебя побери! Ты хочешь сказать, что даже и *это* было липой?

— Видишь ли, у меня нет столько лишних денег. Он сказал, что хочет настроить тебя на благожелательную психологическую волну, чтобы «подготовить тебя к презентации идеи», — так он выразился. После этого оставалось лишь привезти тебя сюда, остальное он брал на себя.

— Но как ты мог так обращаться со мной! Ведь это же форменное предательство!

Ги подошел и попытался обнять ее, но Клаудиа оттолкнула его и ушла в спальню.

— Что ж, ты сердишься, и это естественно, — сказал он, последовав за ней.

— Сержусь?! Да я буквально вне себя! И сколько же он тебе заплатил?

— Ну, знаешь, это такой вопрос…

Она повернулась к мужу.

— Но почему? Родни, муж моей лучшей подруги продал меня за полмиллиона комиссионных. Интересно было бы узнать, на сколько же, по мнению мужа, тяну я?

— Ох, ради Бога, Клаудиа, не драматизируй ты все это до такой степени! Найджел ничего мне не заплатил. Вопрос в том: согласна ли ты быть с ним заодно?

— Не знаю.

— Миллиард долларов — огромная сумма, а именно такой будет сумма, которую ты получишь за свою половину земли.

— Да? Стало быть, это и есть моя цена? Ты ведь всегда усмехался, когда речь заходила о моих деньгах. Ты называл меня «богатой испорченной американкой» — я не забыла, как видишь, — но, как

оказалось, миллиард баксов неожиданно сделал меня менее испорченной, не так ли?

— Ну зачем же так? Ты говоришь ужасные вещи! Уж кто-кто, а ты прекрасно знаешь, что я ненавижу твои паршивые деньги.

— А почему же тогда? — почти крикнула она. — Почему ты предал меня? Я именно так расцениваю все это — как предательство!

Даже сквозь загар на его лице Клаудиа смогла увидеть, что Ги побледнел. На секунду он закрыл лицо руками и застыл на краю постели, затем поднял голову и, посмотрев на Клаудиу, сказал:

— Я это сделал, потому что боюсь их.

— Боишься?! — спросила она, понимая, что муж сказал ей правду. — Скажи, а не стоял ли Найджел за теми людьми, что на прошлой неделе ворвались и разгромили твой винный завод?

— Да, Клаудиа, и потому, умоляю тебя, сделай, как они говорят. Отдай им то, что они хотят. Эти люди чрезвычайно опасны.

Страх мужа передался и ей.

— А что они могут сделать, как ты думаешь? — прошептала Клаудиа.

Ги сжал кулаки, затем медленно разжал.

— Билли Чинг… — прошептал Ги. — Он особенно страшен. В Париже я разговаривал со свояком, а он, в свою очередь, беседовал с некоторыми банкирами. Говорят, будто гонконгский банк Билли помогает отмывать деньги Триадам…

— Кому?

— Бандитским кланам Гонконга. Китайцы во всем мире тесно повязаны с уголовщиной, а Гонконг нечто вроде их родового гнезда, во всяком случае он останется таковым еще минимум восемь лет, покуда коммунистический Китай не присвоит себе эту британскую колонию. Найджел хочет уговорить тебя, чтобы ты вместе с ним выступила против отца. Однако если ты не согласишься…

— Что тогда?

— Билли Чинг послал предупреждение, организовав разгром винного завода. Предупреждение нужно понимать так, что они в крайнем случае будут готовы применить силу.

— Бог ты мой, это как же?

— Не знаю, да и знать не хочу.

Клаудиа принялась кружить по спальне, стараясь хоть как-то успокоиться.

— Ну хорошо, — сказала она наконец, — не будем паниковать. Никаких громких сцен. Я скажу Найджелу завтра утром, что хочу съездить

в Калифорнию и переговорить с отцом. Ты отправишься в свой замок. Чтобы выбраться с этой чертовой яхты, мы сделаем вид, будто намерены принять их предложение. — Неожиданно Клаудиа резко обернулась к мужу. — Но почему же ты раньше ничего мне не рассказывал, Ги? Вот чего никак не могу понять. Почему ты не доверяешь мне?

Ги соскочил с постели.

— Ты, только ты! — выкрикнул он. — Неужели только об этом и можешь сейчас думать? Все только о себе! А как же я? Как же мой замок, который принадлежал моим предкам триста лет? Или ты думаешь, что нужно и замок поставить на карту ради твоего проклятого американского ранчо, на которое мне тридцать раз наплевать?!

— О чем ты говоришь-то?!

Ги пересек спальню, подошел к одному из полированных шкафов, открыл верхний ящик, вытащил оттуда портмоне и извлек из него в несколько раз сложенный листок бумаги, который сунул Клаудии.

— На следующее утро после того, как неизвестные вломились на завод, — шепотом сказал Ги, — я получил это по почте. Это — второе предупреждение Билли Чинга.

Клаудиа развернула письмо и увидела два небрежно сделанных рисунка. Один изображал Шато де Субиз — с легко узнаваемыми круглой башней и островерхой крышей. Над крышей был изображен огонь.

Второй рисунок был и того хлеще: грубо нарисованный нож отрезал мужские гениталии.

Еще через день утром лайнер «Конкорд» взлетел со взлетнопосадочной полосы международного аэропорта имени Шарля де Голля и принялся вспарывать своим вытянутым заостренным носом хмурое свинцовое небо. В салоне самолета, расположившись в одном из тесно поставленных кресел в правом ряду, Клаудиа посмотрела в иллюминатор и увидела, как наполовину скрытая тучами оставалась под крылом Европа. По прошествии двух лет она возвращалась домой и в глубине души была уверена, что никогда больше не вернется во Францию, во всяком случае как графиня де Субиз. Действительно, угроза, что замок сожгут, а его самого кастрируют, до смерти перепугала Ги. Но главное — он не рассказал ей всю правду и, значит, не до конца верил ей. Вместо этого согнулся, как былинка под ветром, перед Найджелом и Билли и фактически отдал в их холеные руки свою ничего не подозревающую жену. Предательство мужа было сродни бесчестию, которого гордость и любовь Клаудии выдержать не могли. Как только возникла угроза, что фамильный замок может быть

сожжен, Ги тут же продемонстрировал приоритеты своей жизни: замок оказался для Ги важнее жены. Возможно, в данном случае она не была беспристрастной, однако Клаудиа не могла больше любить мужа, как бы несправедливо, даже жестоко по отношению к нему это ни было. Она пока не сказала Ги, однако приняла твердое решение получить развод.

Клаудиа полагала, что развод — вполне ординарная вещь, но сейчас, когда из области теории данный шаг превратился в неизбежность, через которую следовало пройти, она неожиданно для себя почувствовала такую горечь, о какой ранее даже и понятия не имела. «Мне сейчас двадцать пять, я одинока, и мне предстоит настоящая война. Смогу я все это вынести, пережить?» — думала она вновь и вновь. Билли Чинг, его безупречный оксфордский акцент… И Найджел, такой пленительный мужчина, такой богатый, оказавшийся в самом сердце британского истеблишмента… они способны, подобно уголовникам, прибегнуть к насилию?

«Некоторые называют его пиратом», — звучали у нее в ушах слова Родни. Разбитые бутылки с коньяком, вульгарные угрозы сжечь и кастрировать. Да, наверное, такое возможно. Ей удалось сравнительно спокойно покинуть яхту, однако по поводу того, что она видела Найджела и Билли последний раз, — на сей счет Клаудиа не заблуждалась. Яхта была всего лишь своего рода пристрелкой в войне за право обладания ранчо «Калафия». Учитывая связь Билли с гонконгскими Триадами, война предстояла долгой и кровопролитной, подобно Тонговым войнам прошлого столетия. Что ж, ее предки, в частности Эмма, пережили кое-что похуже. Так что и Клаудиа обязана выжить в этой войне.

Она прекрасно понимала, что для этого ей нужно быть такой же сильной и находчивой, какой была Эмма, если она думает спасти то, что ее семья создавала на протяжении многих поколений.

Часть I

Путь в Калифорнию

Глава первая

Эмма де Мейер не знала, да и знать не могла, что это будет последний ее концерт в Старом Свете.

Был теплый месяц май 1849 года, воскресенье. Сидя в многолюдном бальном зале за фортепиано фирмы «Плейел», изготовленным из красного дерева, она была само совершенство. Джентльмены, которые получили приглашение, были даже несколько шокированы тем фактом, что Эмма,

совсем недавно потерявшая мужа, позволила себе облачиться в белое шелковое платье с пышными, по последней моде рукавами, однако Эмма давала тем самым понять, что решительно не намерена ходить в трауре. Ее иссиня-черные волосы были забраны назад, открывая лицо, и ниспадали на плечи волнистым каскадом. Большие аметистовые глаза — про которые мать ее, явно гордясь, говорила, что они самые прекрасные во всей Германии, — неотрывно следили за пальцами, которые легко порхали по клавишам из слоновой кости. Хотя от чрезмерной сосредоточенности Эмма иногда хмурилась, лицо ее от этого не становилось менее привлекательным: прямой и правильной нос, небольшой, с намеком на чувственность рот, ровные белоснежные зубы. Единственное, что несколько ее портило, — если, конечно, можно было вести речь о том, что ее красивый облик мог быть чем-то испорчен, — так это маленькая родинка на правой щеке. Правда, сама Эмма называла эту родинку печатью, удостоверяющей ее красоту, с чем трудно было не согласиться.

«Она — само совершенство», — думал Дэвид Левин, кузен Эммы из Лондона, которому в этом году исполнилось двадцать два года. Он жил у де Мейеров вот уже почти два года, помогая Эмме совершенствовать ее и без того превосходный английский. «Но, — напомнил себе Дэвид, — она ведь никогда не полюбит меня, с моей внешностью книжного червя. Разве только, если я отпущу бороду… Эмма прекрасно ко мне относится, я даже немного нравлюсь ей, но сможет ли она когда-нибудь полюбить меня — вот в чем вопрос. Да, она восхищается моим умом, восхищается тем, что я хочу стать писателем…»

Сколько уже времени не покидала его мысль обнять Эмму, поцеловать ее. Целомудренная, чистая душа Дэвида едва ли допускала в воображении картины того, как он с Эммой занимается любовью, и это при том, что сама Эмма уже не была девушкой: целых две недели пробыла она женой незадачливого Антона Швабе.

Закончив исполнение сонаты Бетховена, Эмма приподнялась в ответ на вспыхнувшие аплодисменты, которыми разразились представители немногочисленного клана еврейской элиты Франкфурта. Большие балконные двери зала на втором этаже были распахнуты, открывая доступ легкому ветерку. На улице перед домом собралась небольшая группа людей, также желавших насладиться музыкой.

Когда Эмма улыбалась трем с небольшим десяткам человек, собравшимся сейчас в зале, украшенном двумя внушительными хрустальными люстрами, она неотрывно смотрела на барона Хенкеля фон Хеллсдорфа, одного из немногих гоев, то есть христиан, приглашенных на

этот концерт. Густые светлые волосы и усы придавали Хенкелю импозантность, а Эмма питала слабость к красивым мужчинам.

Именно потому она так сердилась на мать, которая заставила ее выйти замуж за Антона Швабе. Эмма невольно вздрагивала всякий раз, когда он прикасался к ней, испытывая сильное отвращение. А прикасался он к ней слишком даже часто. Она терпеливо сносила все, что положено выносить женщине, потому что любила свою мать, которой очень хотелось, чтобы дочь вышла замуж за Швабе — из-за того только, что дядя Антона был самым уважаемым раввином во всей Германии. Но и Господь Бог может ошибаться… Несмотря на то что Антон являлся племянником раввина, он погиб в катастрофе, когда столкнулись два экипажа, вскоре после свадьбы. Таким вот неожиданным образом Эмме удалось освободиться, чтобы начать поиски нового мужа — на сей раз красивого и представительного.

Эмме нравилось думать о себе как о женщине романтического склада, хотя в глубине души она догадывалась, что сумела в полной мере унаследовать практическую хватку своей матери. И потому, когда Эмма улыбалась залу, она адресовала свою улыбку Хенкелю, обладателю не только красивого лица и статной фигуры, но и баронского титула.

«Разумеется, ему нужны лишь папулины деньги, да к тому же он наверняка сущий профан в музыке, — думала она, вновь усаживаясь за инструмент, чтобы исполнить специально подобранные для сегодняшнего выступления шопеновские вальсы. — Да и мамочка ни за что не позволит мне выйти за него замуж».

«Посмотрите только на него, — думала тем временем сидевшая в первом ряду Матильда де Мейер, одетая в серо-коричневое с черным узором платье. — Посмотрите на алчный блеск в его глазах. И это барон фон Хеллсдорф! Все, что интересует гоев — это деньги и титулы, а ведь еще смеют называть нас жадными! Если бы моя Эммочка не была до такой степени своенравной и гордой… Она ведь просит, подумать только, чтобы ее называли Эммой де Мейер, как если бы она вовсе не выходила замуж! Но девочка явно положила на него глаз!»

Рядом с Матильдой восседал ее супруг. Если фрау де Мейер была высокой и порядком располневшей, особенно за последние годы, дамой, то Феликс де Мейер был субтильным, не слишком крепким в кости мужчиной. Нетрудно было увидеть, что свои прекрасные черты Эмма унаследовала именно от него. У Феликса было задумчивое, почти женственное лицо с большими грустными глазами темно-синего цвета; лишь начавшая седеть густая борода придавала его облику оттенок мужественности. Слушая игру дочери, он растрогался до такой степени, что на глазах у него навернулись

слезы. Феликс обожал свою единственную дочь.

Даже когда он слушал музыку, стараясь забыться, его не покидало предчувствие грядущей беды. Будучи евреем и главным франкфуртским ювелиром, он не мог не думать о тех зловещих событиях, которые происходили вокруг. Вооруженное восстание в Дрездене на прошлой неделе явилось звеном в цепи революций, которые в прошлом году сотрясли Берлин и Париж. После них начали уже поговаривать, что обстановка нормализуется, когда вдруг произошли эти дрезденские события. А если разор и смута будут и дальше продолжаться, наверняка это будет сопровождаться ростом ненависти к евреям.

Евреи сумели добиться немалых успехов в Германии — и это при том, что германские гетто были открыты всего лишь около пятидесяти лет назад, при том, что во франкфуртском гетто условия жизни были даже хуже, чем в иных местах. В прошлом веке, когда Майер Амшель Ротшильд начал свой путь из франкфуртского гетто, евреям императорским указом предписывалось жить лишь на Юденгассе, улочке двенадцати футов шириной, которая проходила между городской стеной и сточной канавой и была отделена от остальной части Франкфурта тяжелыми металлическими воротами, якобы служившими защитой от христиан. Евреи были обязаны пришить к одежде желтую полоску, им запрещалось пудрить парики, а кроме того, всякий еврей вынужден был платить так называемый «еврейский налог» каждый раз, когда переходил мост через Майн. Теперь многое изменилось, и де Мейеры могли жить в одном из наиболее престижных кварталов города, практически по соседству с Ротшильдами, многие из которых были давними клиентами Феликса де Мейера.

Но только дурак мог поверить в то, что с антисемитизмом в Германии покончено. Едва только в Европе вспыхнули революции, роялисты и консерваторы принялись обвинять евреев в том, что те, дескать, финансируют революционное движение, с тем чтобы сбросить старые режимы, в то время как либералы, коммунисты и многие студенты клеймили евреев, называя их алчными капиталистами, пытающимися взять под свой контроль мировые финансовые рынки. Европа распалась, и Феликс, как и многие другие евреи, чувствовал то, что именовалось тогда «американской лихорадкой». Он был сравнительно молод: ему исполнилось сорок три года… а какие приключения сулила Америка! Девственные леса, свобода от антисемитизма, который в Европе имел уже многовековую историю… Недавно пришло известие, что в Калифорнии обнаружено золото… Все это очень манило. «Разумеется, — рассуждал сам с собой он, — Матильда никогда не согласится отправиться в столь дикую

страну, как Америка. Как-то она даже сказала, что не уверена, отыщется ли в целой Америке хотя бы два фортепиано…» И все-таки Америка манила Феликса, подобно Лорелее.

Эмма извлекла из инструмента несколько энергичных финальных аккордов «Минутного вальса» и поднялась в ответ на аплодисменты аудитории. Когда в руках дам запорхали вееры и публика начала подниматься с позолоченных стульев, ливрейные лакеи Феликса, в своих напудренных париках, внесли серебряные подносы с бокалами шампанского и блюда с клубникой. Высокий просторный зал наполнился звуками множества разговоров, подобно тому, как за минуту до того был наполнен звуками музыки. Полуденное солнце светило в окна, на которых были парчовые шторы. Как только Эмму окружили друзья и родственники, поздравляя и благодаря ее за доставленное удовольствие, она подумала, что никогда прежде не была так счастлива.

— Фрейлейн! — красавец Хенкель пробирался к ней сквозь толпу. Подойдя, он взял руку Эммы, поднес к губам. В ответ Эмма одарила его самой очаровательной из своих улыбок. — Вы играли восхитительно! И несмотря на то, что вообще-то я считаю музыку Черни весьма и весьма поверхностной…

— Да, но это был Шопен, барон.

— Точно! Я так и думал, что или Шопен, или Черни, словом, кто-то, чья фамилия начинается с шипящей.

Она буквально глаз не отводила от красивого барона, тогда как в ответ на его слова стоявшие поблизости девушки дружно захихикали, да и сам Хенкель благодушно рассмеялся над своей ошибкой.

— Я, впрочем, и не строю из себя этакого большого знатока музыки, в чем ином, а уж в этом меня никто не упрекнет, — продолжал он, беря с подноса проходившего мимо слуги бокал шампанского. — Я всегда говорил, что музыка создана для женщин. Ваш истинный инструмент, моя дорогая Эмма, — это фортепиано. Мой же инструмент — ружье. Вы стреляете нотами и звуками, а я пулями.

— Если бы Наполеон стрелял вместо пуль нотами, представьте, сколько молодых людей остались бы в живых. — Эмма улыбнулась, забавляясь крайним изумлением, которое отразилось на его лице. — И пускай эти молодые люди оглохли бы для мира музыки, но зато они остались бы живыми, — добавила она, а сама подумала: «Господи, да ведь он же туп!..»

Матильда приблизилась к дочери и взяла Эмму за правую руку.

— Мне очень понравилось твое выступление, дорогая, — сказала она

и улыбнулась Хенкелю. — И, однако, мне кажется, что последний вальс ты исполнила слишком уж быстро. Превосходная техника игры не заменяет чувство. Ну да ладно, пойдем, ты должна пообщаться с гостями. Мы ведь не можем позволить, чтобы барон фон Хеллсдорф монополизировал тебя.

И она повела Эмму в толпу гостей. Именно в этот момент до их слуха донеслись звуки отдаленного скандирования. Сначала то были разве что неразличимые звуки, похожие на стрекотание саранчи, однако сравнительно быстро эти звуки становились громче и более различимыми. Единственное повторяемое слово можно было уже разобрать без труда:

— *Juden… Juden… Juden* [1]…

Разговоры в зале смолкли, элегантно одетые люди повернулись к трем открытым балконным дверям.

— *Juden… Juden… Juden…*

Скандирование звучало громче, подчиняясь ритму, который задавал большой глухой барабан, организующий этих людей и одновременно создающий какой-то зловещий аккомпанемент.

— *Juden… Juden… Juden…*

Скандирование источало ненависть.

Дэвид Левин подошел к одной из дверей и выглянул на улицу. Неширокая улица перед домом опустела: слушатели, которые еще недавно стояли под окнами, наслаждаясь игрой Эммы, враз рассеялись неизвестно куда, словно бы спасаясь от надвигающегося шторма. И наконец из окон стали видны скандирующие люди — это были студенты, многие в университетских шапочках, из-под которых выбивались светлые, пшеничного цвета вихры. Студенты двигались организованной группой по Венстендштрассе, их масса выглядела страшновато. У многих в руках были пивные кружки, а сами молодые люди подошли вплотную к той стадии, которая определяется фразой «море по колено». Один из студентов, которому едва ли было больше пятнадцати лет, тащил барабан. В руках у других были лозунги: «Студенческий радикальный союз», «Союз коммунистов и друзей Бланки», «Долой жидовских капиталистов! Разоблачить еврейский заговор по установлению мирового господства!»

— Это студенты-радикалы, — сказал Дэвид Левин, обращаясь к гостям.

— *Juden… Juden… Juden…*

Феликс быстрым шагом подошел к средней двери и вышел на небольшой балкон. К этому времени студенты, которых, казалось, набралось возле дома около сотни человек, сгрудились перед фасадом. Матильда подошла к своему мужу.

— А ведь это все из-за той статьи, — сказала она громким голосом, стараясь перекричать уличный шум. — Я же тебе говорила, что не нужно было давать интервью тому репортеру. А теперь вот на нас всех собак повесят.

— Да, но я ведь сказал лишь, что экономика не может нормально развиваться, пока в стране не будет восстановлен порядок…

— А следовало бы тебе попридержать язык. И вообще не надо разговаривать с этими ужасными газетчиками.

Когда Феликс и Матильда были замечены толпой, студенты принялись издеваться над ними:

— Эй, вон же они…

— Грязные жидовские капиталисты!

— Вшивые евреи! Вшивые евреи!!!

— Эй, порядка захотелось?! — выкрикнул один из студентов и принялся палкой выковыривать из мостовой булыжник. — Сейчас мы покажем вам порядок — уличный порядок!

Кое-как выковыряв камень, студент с силой швырнул его в среднюю дверь. Камень угодил Матильде прямо в лоб.

— Мамочка! — крикнула Эмма и ринулась к матери. Матильда сделала неуклюжий шаг назад и упала на паркет. Эмма и Феликс склонились над ней, и тут целый град булыжников, извлеченных из мостовой, полетел в балконные двери. На лбу у Матильды была глубокая кровоточащая рана. Кровь тотчас же испачкала белое платье Эммы, которая приподняла голову матери.

— Позовите доктора! — крикнул Феликс.

Дэвид Левин бросился за доктором, тогда как все прочие гости враз отхлынули от распахнутых окон. Один из булыжников угодил в хрустальную люстру, она сильно закачалась, и на паркет звучно просыпался обильный стеклянный дождь. Еще один булыжник вдребезги разбил большую и поистине бесценную вазу в стиле Канг Ши. Все гости с криками бросились к выходу.

— Не могу поверить, — сказал Феликс, держа в руках ладонь жены. На глазах у него были слезы. — Она умерла.

— Мамочка! — зарыдала Эмма. — Ма… мамочка…

По мере того как булыжники продолжали градом лететь в бело-золотой бальный зал, разлетелся на куски и маленький изящный мир Эммы де Мейер.

* * *

Девятнадцатилетний Арчер Коллингвуд стоял под дождем перед только что водруженной плитой на могиле матери. «Марта Коллингвуд, 1811–1850». «Тридцать девять лет всего-то ей и было, — думал Арчер, а капли дождя стекали по его лицу. — Дорогая моя мама, умерла в тридцать девять лет, надо же… Доктор Брикстон назвал причиной смерти «лихорадку», но какого черта этот эскулап смыслит?! По его виду можно безошибочно сказать, что он не знает, что происходит с мамочкой… Бедная, славная моя мамочка… Уже целую неделю ее нет… Целую неделю лежит она в этой сырой могиле! О Боже, как же мне ее сейчас недостает!»

Арчер был рослым, шесть футов один дюйм, мускулистым молодым человеком со светлыми волосами до плеч. У него были голубые глаза, чистая кожа, приятные черты лица, которые соседки называли «ангельскими».

На Арчере был надет его единственный костюм из домашней выделки черной шерстяной ткани. Арчер пришел сюда, во дворик небольшой провинциальной церкви в Индиане, для свидания с матерью. Стоял прохладный мартовский денек, и потому Арчер был вынужден поверх костюма надеть еще и пальто, подбитое оленьим мехом. Возле ног Арчера образовались лужи. «Джозеф Коллингвуд, 1806–1846». Могила отца находилась рядом с материнской. Джозефу едва исполнилось сорок, когда в страшную бурю его убило рухнувшим деревом.

«И вот я остался совершенно один», — подумал про себя Арчер.

Порыв ветра швырнул ему в лицо изрядное количество дождя, и Арчер поежился. Поцеловав материнское надгробие, он направился к лошади и поскакал к себе домой — на 40-акровую ферму, которую за сорок долларов золотом приобрел Джозеф Коллингвуд, когда в 1824 году прибыл в Индиану из штата Нью-Йорк. Тогда еще здесь жили индейцы, земля была совершенно девственной, и в нее пришлось вложить немало труда, пришлось также строить хижину, сарай для скота, курятник. Однако мало-помалу, по мере того как проходило время и один сезон сменялся другим, ферма начала приобретать свои очертания. Но затем выдались два подряд засушливых года — 1840-й и 1841-й. Отцу пришлось заложить ферму, и с тех пор Коллингвуды более уже не вылезали из долгов. Когда Арчер ехал с кладбища домой, он говорил себе, что если бы только банк помог ему протянуть одно лишь следующее лето, то он бы, несомненно, выкарабкался. Если погода будет приличной, если удастся собрать хороший урожай, Арчер мог бы начать выплату денег по закладной.

Если… если… если…

Имея дело с фермерством, человек оказывается со всех сторон

окружен сплошными «если».

Обогнув излучину реки, Арчер увидел возле своей хижины лошадь, впряженную в легкую двухместную коляску с откидным верхом. Но увидел он также, как какой-то полный мужчина прибивает что-то к входной двери. Пришпорив коня, Арчер пустил его галопом — дорожная грязь фонтаном брызнула из-под копыт.

— Эй! — что было сил крикнул Арчер, осадив лошадь и стремительно спрыгивая на землю. — Какого черта вы здесь делаете?!

Мужчина оказался не кем иным, как банкиром Перкинсом. Мистер Перкинс, в наимоднейшем резиновом дождевике и черной шляпе, стоял на крыльце спиной к Арчеру. Когда молодой человек подбежал к самому порогу, мистер Перкинс обернулся.

— А-а, привет, Арчер!

Арчер взглянул на прибитую к дверям табличку. Это было уведомление о лишении права выкупа закладной, присланное Лаймовской банковской и трастовой компанией.

— Но ведь вы не можете так вот поступать, мистер Перкинс! — воскликнул Арчер.

— Понимаешь, Арчер, тут такой случай, когда наш банк ничего не в силах сделать. Твоя мать незадолго до смерти, а именно за пять месяцев, просрочила выплату денег по закладной. С учетом того факта, что после издержек вызванных похоронами, ты остался вовсе без наличных, мы не можем больше делать поблажек. Мы ведь и так уже дали отсрочку, пока у нас была хоть какая возможность, а нынче у нас нет выбора: приходится лишать тебя права выкупа. Мне очень жаль.

Мокрое от дождя лицо Арчера перекосилось гневной гримасой.

— Да, но это же мой дом! Вы не можете вот так взять да и вышвырнуть меня из собственного дома. Я отработаю… Буду вкалывать, как самый последний раб… Вы же меня знаете, я неплохой работник. Вы должны дать мне шанс!

Мистер Перкинс покачал головой.

— Мне очень жаль, парень. Я бы и хотел тебе помочь, однако у нас есть определенные обязательства перед нашими вкладчиками. Даем тебе время до конца недели, чтобы выехать отсюда. Но, поверь, мне действительно очень жаль, Арчер.

Он положил руку на мокрое плечо Арчера и начал спускаться с крыльца. Арчер в сердцах сбросил руку мистера Перкинса.

— Неприятно, черта с два вам неприятно! — крикнул он. — Вы, напротив, рады! Вы ведь знаете, что это один из лучших земельных

участков во всей Индиане. И что же вы собираетесь делать, мистер Перкинс? Купить себе участок практически даром, так, что ли? Вы что же, считаете меня таким дураком, а, мистер Перкинс?! Полагаете, я ничего не слышал о ферме Уолдо? И о ферме Уортона? И про ферму Такера не слышал? Так что уж нечего тут сейчас пудрить мне мозги насчет того, что вам очень жаль, мистер Перкинс! Вы паршивый ворюга, который называет себя банкиром!

Мистер Перкинс ткнул пальцем в грудь Арчера.

— В общем так: чтобы к полудню завтрашнего дня тебя, сволочь, тут не было, чтобы тобою здесь даже не пахло! Иначе я обращусь к шерифу, и уж он-то выбросит тебя в два счета! Понял меня, нет?!

Арчера трясло от гнева.

— Убирайтесь с моей земли! — заорал он. — Убирайтесь!

Сделав резкий выпад, Арчер сильно толкнул мистера Перкинса. Банкир, который имел в поясе по дюйму за каждый из сорока шести прожитых на свете лет, не удержался на ступенях и рухнул на колени в самую грязь. Взбешенный, он вскочил на ноги.

— Сейчас это твоя земля, Коллингвуд, но твоей она будет лишь в течение ближайших суток!

Кое-как отчистив грязь с брюк, банкир доковылял до экипажа, уселся.

— Запомни, завтра до полудня! — крикнул он.

Затем щелкнул кнутом, и легкая коляска тронулась. С крыльца дома Арчер наблюдал, как удаляется мистер Перкинс, и лицо его исказилось гневом. Едва только коляска скрылась за поворотом, как силы оставили молодого человека. Он медленно подошел к двери и, посмотрев на извещение, закусил губу. Затем привалился к дверному косяку и дал волю чувствам, разрыдавшись со всем отчаянием, на которое только оказалось способным его девятнадцатилетнее сердце.

— Моя земля… — рыдал он. — Они отняли мою землю!

Через какое-то время он выплакался и поднял голову.

— Но это несправедливо, черт бы их всех побрал! — произнес он вслух и почувствовал, как к нему возвращается ненависть. — В конце концов, кто важнее: банкиры или фермеры?! Это ведь совершенно несправедливо!..

Лицо его вдруг посуровело: он понял, что именно следует предпринять, — Арчер в глубине души был закоренелым идеалистом. «Что ж, раз уж мир распадается, — подумал он, — я должен как-то собрать этот самый мир воедино».

На следующее утро в девять часов пятнадцать минут высокий мужчина в пыльном черном костюме и черной шляпе вошел в помещение Лаймовской банковской и трастовой компании, расположенное по другую сторону границы штата, на территории Огайо. Нижнюю часть лица мужчины прикрывал повязанный платок, в правой руке у него был револьвер.

— Руки вверх! — скомандовал Он, свободной левой рукой закрыв за собой входную дверь банка. Потом задернул зеленую шторку на дверном стекле, чтобы снаружи ничего нельзя было увидеть.

— О Боже! — воскликнула пожилая женщина, пришедшая, чтобы положить на свой счет двадцать долларов. — Точно, это грабитель! А ведь никогда прежде у нас в Лайме не было грабителей!

— Только ничего не предпринимайте, миссис Кроуфорд, — сказал Фрэнк Парди, банковский кассир, поднимая над металлическими перекладинами кассовой клети руки. — Сохраняйте спокойствие!

Грабитель, пышные светлые волосы которого доставали почти до самых плеч, поспешил к сейфу. Зажатый в его правой руке револьвер заметно вздрагивал.

— Прошу извинить, мэм, — обратился он к сухощавой старушке в шляпке без полей, которая обеими руками в белых перчатках судорожно прижимала к груди маленькую черную сумочку. Когда она посторонилась, давая грабителю пройти, седые локоны, выбившиеся из-под шапочки, дружно качнулись: она не отводила глаз от человека в маске.

— Дайте-ка все наличные, — обратился грабитель к Фрэнку Парди, голос блондина при этом дрожал. — Имейте в виду — револьвер заряжен.

— Так ведь я в этом, сынок, ничуть не сомневаюсь, — поспешил заверить его Парди. — Ведь это, насколько я понимаю, у тебя в первый раз?

— Просто… просто дайте мне деньги!

— Конечно, сынок, конечно…

— Перестаньте называть меня «сынок»! И… — Он замялся, ибо не знал, что сказать. — И поторапливайтесь!

— Спешу, спешу как только могу! Боюсь, в этом ящике немногим больше семи сотен.

— Семи сотен?! Убейте, не поверю! Что ж это у вас за банк такой паршивый?!

— Ну, видишь ли, банк наш маленький. Если тебе нужно больше денег, то нужно переговорить с мистером Перкинсом — он сейчас в своем кабинете. Именно там, в сейфе, находится большая часть наличных.

При этих словах Парди приподнял металлические заслонки и положил

на прилавок замшевый мешок. Грабитель, немного поколебавшись, этот мешок взял.

— Знаешь, сынок, грабителей ведь могут линчевать, — мягко сказал Парди. — Народ не испытывает никакого сочувствия к тем, кто ворует их кровные денежки. Я бы не пошел в банковские грабители ни за что на свете.

— Извините меня, — сказала пожилая миссис Кроуфорд, дергая за полу пальто грабителя, — а ведь я тебя узнала. Узнала по волосам. Знаешь, Арчер, если бы твоя мать была жива и смогла видеть, как ты грабишь банк, она, право слово, сгорела бы со стыда. Ведь, благодарение Богу, ты воспитывался не где-нибудь, а в приличной семье!

— Миссис Кроуфорд, будьте добры заткнуться! — почти крикнул Арчер, которого охватила настоящая паника.

— Кто, я?!

Арчер стремительно выскочил из комнаты.

— Боже праведный, а я-то всегда считала его *хорошим* мальчиком. — Миссис Кроуфорд покачала головой, в то время как Фрэнк Парди бросился к задней двери. — И его мамочка всего неделю, как перешла в Лучший мир, бедняжка!

Арчер побежал через тесный холл к служебной двери банка.

— Мистер Перкинс! — закричал Парди. — В банке ограбление! Грабитель уже на улице!

Арчер рывком распахнул дверь и выбежал на узкую улицу. Сердце в его груди готово было разорваться. Перед тем как отправиться на дело, он намеренно слабо затянул поводья, привязывая неподалеку от здания банка свою лошадь. Теперь же быстро развязал поводья, вскочил в седло, вонзил шпоры в бока лошади и галопом помчался по неширокой улице. «Вот невезуха! — успел он подумать. — Угораздило же миссис Кроуфорд именно в этот момент завернуть в банк!»

Арчер почти уже доскакал до главной улицы Лаймы, когда позади раздался выстрел, и в левом плече вспыхнула жгучая боль. «Меня ранили… О Боже!»

Обернувшись, Арчер увидел, как мистер Перкинс стоит посреди узкой улицы и перезаряжает ружье. Как только он перезарядил его и прицелился, Арчер достиг главной улицы и резко свернул влево, став, таким образом, недосягаемым. Немногие находившиеся в этот утренний час на улице прохожие подумали, глядя на него, мол, не случилось ли где ограбление, иначе почему это мужчина в маске, скрывающей нижнюю часть лица, столь стремительно скачет на лошади, во все стороны разбрызгивая жидкую

грязь. «Хорошо бы, — думали эти прохожие, — кого-нибудь ограбили, потому как Лайма — такой тихий городок, в котором никогда ничего волнующего не происходит, в этой Лайме, штат Огайо…»

А тем временем в банке миссис Кроуфорд все качала головой.

— И такой хорошенький мальчик, — говорила она мистеру Парди, который уже распахивал дверь, намереваясь тотчас идти к шерифу. — С прямо-таки ангельским личиком. Он самый красивый молодой человек, какого мне только доводилось видеть, так что я даже поверить не могу, что он отважился на ограбление банка. Конечно, я слышала, что мистер Перкинс лишил его права выкупа фермы, что мне совсем не кажется справедливым…

Она замолчала только тогда, когда до нее дошло, что в помещении, кроме нее, никого нет.

Доктор Паркер Х. Робертсон намеревался уже пойти на кухню, где его ждал ланч, как вдруг через окно увидел человека, верхом на лошади во весь опор летящего по направлению к его дому. Всадник странным образом тянул шею, как бы стараясь как можно дальше податься вперед. Внезапно он сполз с седла и грохнулся на землю. Доктор Робертсон был практикующим врачом в Ван Вирте, штат Огайо, на протяжении десятка лет, но ему не нужно было иметь диплома, чтобы понять, что случилось что-то крайне серьезное.

Он поспешил в прихожую, набросил пальто на голову, распахнул дверь и выбежал под дождь. На земле, лицом вверх, лежал совсем еще молодой мужчина, а рядом с ним переминалась лошадь. Мужчина был без сознания, одежда на левом плече насквозь пропиталась кровью. Опустившись на колени, доктор засунул руку под пальто незнакомца и, вытащив, оглядел испачканную в крови ладонь.

Не без труда доктор Робертсон поднял Арчера и втащил его в дом.

— А, вы уже проснулись…

Утреннее солнце светило в окно спальни на втором этаже, когда доктор Робертсон, высокий мужчина с темно-русой бородкой, открыл дверь и вошел. Арчер уже сидел в постели; левое плечо его было забинтовано.

— Ну как ваше плечо? — поинтересовался врач, подходя к постели.

Арчер затравленно взглянул на него.

— Кгм… прошу прощения, сэр, но кто вы?

— Я доктор Паркер Робертсон. Вы свалились с лошади как раз перед моим домом, это было вчера, если помните. От потери крови вы потеряли

сознание.

— Да, теперь припоминаю. Я еще заметил вашу докторскую табличку… Так это, стало быть, произошло вчера?

— Именно. Вы долго оставались без сознания. Из вашего плеча я извлек немало крупной дроби, но вы счастливчик: никаких переломов. Нужно только несколько дней по возможности не беспокоить плечо, однако, уверен, что приблизительно через недельку рана ваша заживет. И как же это с вами случилось?

— Я, кгм… Это был несчастный случай на охоте.

Доктор Робертсон придвинул стул и уселся возле Арчера.

— Я знаю, что вы — Арчер, — сказал он, и при этом молодой человек напрягся. — В седельной сумке я обнаружил деньги, а шериф как раз по всему округу расклеил объявления о том, что вы разыскиваетесь полицией.

Хотя Арчеру удалось слабо улыбнуться, он был крайне испуган.

— Стало быть, я не очень-то хороший банковский грабитель, так получается?

— Вам когда-нибудь раньше доводилось бывать в тюрьме? Я не имею в виду бывать там в качестве заключенного: я знаю, что никогда прежде вы не преступали закон. Я спрашиваю, доводилось ли вам когда-нибудь видеть, что представляет из себя тюрьма?

— Нет, сэр.

— Ну а мне вот доводилось: мой дядя был начальником тюрьмы в Занесвилле, и я неоднократно приходил к нему на службу. Дядя был весьма порядочным человеком и начальствовал в тюрьме так хорошо, как только можно начальствовать в таком заведении. И все-таки та тюрьма оставалась жутким местом, полным ужасных людей. Жестоких людей. Убийц, воров, насильников. Неужели вы хотите иметь такую компанию, Арчер? Хотите провести лучшие годы жизни за решеткой?! Хотите, чтобы вас превратили в грубое животное?

— Нет, сэр.

— Тогда зачем же вы ограбили банк?

— Потому, что из-за просрочки этот самый банк отказал в праве выкупа закладной. Потому, что этот банк отнял у меня землю, за которую мой отец заплатил золотом. И вам совсем незачем пугать меня разговорами о тюрьме, док, я и так уже напуган. Однако совсем не сожалею о содеянном, нисколько не сожалею, сэр. Может, я и нарушил закон, но тот закон, который позволяет банкирам вроде мистера Перкинса отказывать в праве выкупа закладной, а затем приобретать фермы за десять процентов их стоимости. И, значит, я нарушил несправедливый закон.

Доктор внимательно посмотрел на него и наконец произнес:

— Я согласен с вами. Я знаю, каким образом действует Перкинс. И даже удивляюсь, что его банк не ограбили задолго до вчерашнего дня. И еще удивительнее, черт побери, что никто его до сих пор не пристрелил! Я предлагаю вам сделку, Арчер.

— Что вы имеете в виду?

— Не вижу смысла в том, чтобы погубить молодую жизнь из-за каких-то семисот долларов. Я с удовольствием помогу вам, если вы поклянетесь никогда более не нарушать закон. Клянетесь?

Арчер усмехнулся.

— Хотите сказать, что не намерены передавать меня в руки правосудия?

— Именно. Куда вы собирались уехать?

— Была мысль уехать в Калифорнию.

— Неплохая идея. Там вы смогли бы начать все по-другому. И я помогу вам добраться туда. Вы можете воспользоваться банковскими деньгами, будем считать это своего рода займом. Вам понадобятся деньги, чтобы добраться до Калифорнии. А когда заработаете деньги честным трудом, то сможете взятую сумму вернуть. Еще десять долларов можете прислать мне за лечение, если уж на то пошло. Так вы клянетесь, Арчер?

— Да, сэр.

— Повторите за мной: «Клянусь перед Господом, что покуда жив, я никогда не преступлю закон!»

— Клянусь перед Господом, что покуда жив, я никогда не преступлю закон!

Доктор поднялся со стула.

— Я буду очень огорчен, если вы обманете меня, Арчер.

— Не обману, сэр. Обещаю, что когда-нибудь вы будете гордиться мной. И огромное вам спасибо, сэр. Я благодарю вас от всего сердца.

— Ваши вещи я положил в ящик комода. Между прочим, ваш револьвер не был заряжен.

— Я знаю.

Доктор Робертсон улыбнулся.

— Именно тогда я и решил, что вы не очень-то опасный преступник. Вам нужно будет купить к нему патроны. Говорят, Калифорния — совсем еще дикий край, и поездка туда далеко не одно сплошное удовольствие. Но опять-таки, говорят, что Калифорния стоит того. Поговаривают даже, что ее могут сделать еще одним штатом, поскольку мы отобрали ее у мексиканцев. «Великий штат Калифорния». Неплохо звучит, правда?

— Да, сэр, звучит превосходно.

— Вот… Сейчас моя супруга принесет вам завтрак.

— Мне бы тогда не мешало рубашку, вот…

— Она на улице, сохнет. Сара отмыла кровь. А обнаженную плоть ей доводилось видеть и прежде, так что, надеюсь, она как-нибудь переживет, увидев вас без одежды.

После того как доктор ушел, Арчер призадумался, затем лицо его расплылось в улыбке.

— Калифорния… — прошептал он.

Это звучало куда лучше, чем тюрьма.

Глава вторая

— Есть на борту кто-нибудь заслуживающий внимания?

Мужчина, который облокотился на парапет правого борта речного парохода «Город Питтсбург», был высок и одет в хорошо пошитое черное пальто, клетчатые брюки, прямой галстук и бобровую шапку. Покуривая сигарку, он обозревал южный берег, откуда простирался штат Индиана, в то время как большой колесный пароход плыл вниз по течению реки Огайо, держа курс на Луисвилль. Мужчина, которого звали Бен Берд, взошел на борт час назад в Цинциннати.

— Да, вообще-то есть несколько заслуживающих внимания пассажиров, — ответил корабельный эконом Ганс Фридрих Рихтер. Уроженец Гамбурга, Рихтер десять лет бороздил воды Северной Атлантики на германских судах и только лишь потом решил сделаться американцем. Он перебрался в Питтсбург и устроился работать на реке. — Есть одно семейство из Франкфурта; они сели в Питтсбурге и едут первым классом в Новый Орлеан, где уже забронировали себе места на «Императрице Китая», которая отправляется в Калифорнию.

— Первый класс недешево стоит. А еще больше денег потребует путешествие в Калифорнию.

— Думаю, деньжата у них есть, и много. Они тут занимают три каюты — седьмую, девятую и одиннадцатую. Имя главы семейства — де Мейер, Феликс де Мейер. Он был во Франкфурте известным ювелиром, однако в прошлом году там произошли какие-то политические беспорядки, и его жена была убита. После этого семья и приняла решение покинуть Германию. И кроме того, дочь Мейера — настоящая красавица. Ее зовут Эмма. С ними также их английский кузен, которого зовут Левин. Именно с ним я уже разговаривал. Отец, как правило, все больше молчит.

— А почему же в таком случае они не сели на «Императрицу Китая» в

Нью-Йорке?

— Этот пароход до следующей недели не будет совершать никаких рейсов, и потому они решили отправиться по реке, заодно посмотреть на настоящую Америку. У отца еврейский акцент, однако немецкий язык самой девушки безупречен, а кроме того, она отлично говорит по-английски: кузен был ее учителем. С момента появления на корабле они ни разу не проверяли свои вещи, сданные на хранение в корабельный сейф, однако я совершенно убежден, что дело тут пахнет большими деньгами.

— Интересно. Может, сможешь устроить так, чтобы сегодня вечером я оказался с ними за одним столиком, а?

— Уже устроил.

Бен Берд, который одно время выступал на театральной сцене и был известен по прозвищу «Бен-Шекспир», потому что имел забавную манеру с завываниями декламировать великого поэта, улыбнулся и убрал с лица прядь длинных, давно немытых черных волос.

— Ты всегда бываешь предусмотрителен, Ганс, рожа ты паршивая!

— А что, кажется, в последние два года мы с тобой все улаживали совсем не так уж и плохо. Да, кроме того, сегодня почти одновременно с тобой прибыл какой-то молодой человек, тоже сел в Цинциннати. Его зовут Алекс Кларк, он в десятой каюте. Распорядился, чтобы ему приносили еду в каюту, сказал, что страдает морской болезнью. Мне это показалось несколько странным.

— Ну, если от судовой качки его не вывернет наизнанку, то от твоей кормежки он точно сблюет. А вот эта немецкая семья, на мой взгляд, заслуживает внимания. М-да… Как написал бессмертный Уилл, «кажись цветком, и будь змеей под ним…» [2]Это «Макбет», акт первый, сцена пятая.

Он швырнул сигарку в бурлящие воды реки Огайо.

Эмма в своей каюте посмотрелась в небольшое зеркальце, прикрепленное над умывальником, и потерла щеки. За месяцы, полные боли и горечи из-за чудовищной гибели матери, произошло многое, и теперь ей уже казалось, что прошла целая вечность с тех самых пор, когда она неподвижно сидела, онемевшая от горя. Боль все еще гнездилась в сердце, она полностью никуда и не исчезнет, не может исчезнуть, ибо Эмма так сильно любила свою мать. Однако мало-помалу рана затягивалась, отчасти из-за волнения, связанного с их прибытием в Новый Свет. Дэвид Левин упросил взять его в опасный путь в Калифорнию. Просьба эта весьма удивила Феликса, но ничуть не удивила Эмму. Уже давно она

догадывалась, что Дэвид испытывал к ней симпатию не только и даже не столько как к кузине… Ну и кроме того, в Калифорнии у него будет куда больше шансов сколотить себе состояние, нежели в Лондоне, где такую огромную роль играет жесткая социальная система. Ему удалось скопить достаточно на путешествие в Нью-Йорк, а Феликс согласился дать взаймы денег, которые потребуются, чтобы проделать оставшуюся часть пути. Эмма радовалась обществу Дэвида, потому что находила его приятным и умным человеком. Но, несмотря на всю симпатию к нему, она никогда не испытывала к Дэвиду ничего, даже отдаленно напоминающего любовь.

Эмма мягко в последний раз провела расческой по гладким черным волосам и поправила короткую накидку-болеро на темно-синем бархатном платье, которое Эмма приобрела в Нью-Йорке. Эмма любила красивую одежду и потому была приятно удивлена, увидев, что женщины в Нью-Йорке одеваются ничуть не хуже, чем жительницы Гамбурга или Лондона. Однако стоило лишь миновать Гудзон, как все переменилось. Большинство женщин плывших на пароходе «Город Питтсбург», были одеты безвкусно, почти что отвратительно, и на их фоне красивые наряды Эммы привлекали множество взглядов. Отчасти то были осуждающие взгляды, которыми награждали ее плохо одетые женщины, однако же большинство взглядов были полны зависти. Эмме нравилось привлекать к себе внимание. Главным ее недостатком было то, что она не исповедовала ни скромности, ни застенчивости, не отводила взгляд, то есть не поступала так, как по мнению ее матери, должны были вести себя порядочные молодые девушки. Эмму слишком переполняла любовь к жизни, чтобы быть застенчивой и отводить взгляд.

В дверь каюты кто-то постучал.

— Одну минуту. — С крюка за шкафом Эмма сняла шаль и набросила себе на плечи. Был первый день весны, но от реки все еще веяло холодом, стоило солнцу опуститься за горизонт. Открыв дверь, Эмма приветливо улыбнулась Дэвиду Левину.

— Только что пригласили к столу, — сказал Дэвид, предложив ей руку.

— Надеюсь, больше не подадут тот жуткий овощной суп, — сказала она, закрыла за собой дверь каюты и взяла Дэвида под руку. — То, что американцы называют «супом», следует включить в перечень уголовно наказуемых деяний. — Ее английский, над которым так долго бился Левин, на фоне носового гнусавого произношения жителей Среднего Запада звучал как иностранный язык. К ним вскоре присоединился Феликс, каюта которого была рядом с каютой дочери, и они втроем поднялись на верхнюю палубу в салон первого класса. Стоял прохладный ясный вечер. По левому

борту простирался берег штата Кентукки — там время от времени можно было заметить проблески света в окошке какого-нибудь фермерского домика. Однако в целом же кентуккийский берег был покрыт лесом и казался черным и безлюдным, да и вообще казалось, что пароход плывет по безлюдному континенту.

Отцовское предложение переехать в Новый Свет явилось для Эммы полнейшей неожиданностью, и первая ее реакция на это была отрицательной. Разве не говорила мама, что в этой Америке фортепиано нет? Однако Феликс убедил ее, сказав, что поездка в Калифорнию станет незабываемым событием и что у них достаточно денег, чтобы приобрести на месте хоть дюжину фортепиано. И вскоре нежелание ехать сменилось энтузиазмом. В конце концов, после того как Эмма воочию увидела проявление безобразного антисемитизма, убившего ее мать, а также вялую реакцию франкфуртской полиции на это убийство, она полностью разделяла отцовский пессимизм по поводу будущего, которое ожидало евреев в Европе. Может, Калифорния очень далеко от Европы, может, там все еще необжито, однако это давало возможность рассчитывать на многообещающее начало — и прельщало Эмму так же, как ее отца.

Войдя в салон, который представлял собой длинную узкую комнату с белыми, украшенными золоченой резьбой консолями, которые поддерживали потолок, они увидели ряды столов под белыми скатертями. Слева и справа оставались узкие проходы, позволявшие неграм-официантам маневрировать в этом пространстве. Метрдотель провел их к столику, где уже восседал мужчина с вытянутым лицом. При их появлении Бен Берд поднялся, пристально глядя на Эмму. Прижав левую руку к сердцу, правую он вытянул вперед и хорошо поставленным сценическим баритоном продекламировал:

«Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!» [3]

Потянувшись через весь стол и едва не опрокинув кувшин с водой, он взял руку Эммы и поцеловал.

— О, прекраснейшая госпожа, кем бы вы ни были, вы принесли свет и радость к этому столу. Позвольте представиться, я Бен Берд, фамилия пишется через «е», мне посчастливилось сыграть все главные роли бессмертного Барда на сценах множества городов — от Бостона до Балтимора. Критики одаривали меня комплиментами, а публика награждала громом аплодисментов. Глаза мои ослеплены вашей красотой,

и теперь я молю небеса лишь о том, чтобы они даровали моему слуху блаженство слышать звуки вашего имени.

Эмма едва сдержалась, чтобы не хихикнуть при столь высокопарном к ней обращении.

— Меня зовут Эмма де Мейер, это мой отец Феликс, а это кузен мистер Левин.

— Рад вас приветствовать, дорогие друзья, — воскликнул Бен и уселся лишь после того, как остальные заняли свои места за столом. — Слышал, что палитра яств на этом корабле еще оставляет желать много лучшего. Ведь было же сказано:

«Собрание гостей за дружеским столом,

А вовсе не поставленное угощенье

Манит неудержимо нас в приятный сердцу дом

И превращает ужин в подлинное наслажденье».

Так ведь, друзья мои?

— Ну, по нашему мнению, большинство того, что здесь подают, вполне съедобно, мистер Берд-через-е, — сказала Эмма, вытаскивая из кольца и расправляя салфетку. — А скажите, много ли театров в этой части Америки? Насколько мы могли видеть, эти края еще только-только начинают обживать.

— О, как вы верно подметили! Мало здесь храмов Мельпомены! Что же касается меня, то я полагаю своим долгом нести в западные штаты, в этот край неотесанных и малокультурных фермеров, искусство бессмертного Барда. Я проехал по всему штату Огайо и в каждом городке, во многих деревушках устраивал чтения его великих творений. А нынче я отправляюсь в Новый Орлеан, чтобы присоединиться к театральной труппе, которая решила поставить три величайшие трагедии, и проехать с ними по всему Югу. Мне оказана великая честь в числе некоторых других ролей исполнить также и роль Гамлета. — В этом месте он не удержался, чтобы не продекламировать:

«Как назову тебя: отец мой, Гамлет,

Король, властитель датский, отвечай!

Не дай пропасть в неведенье. Скажи мне,

Зачем на преданных земле костях

Разорван саван? Отчего гробница,

Где мы в покое видели твой прах,

Разжала с силой челюсти из камня,

Чтоб выплюнуть тебя? Чем объяснить,

Что бездыханный труп, в вооруженье,

Ты движешься, обезобразив ночь,

В лучах луны, и нам, глупцам созданья,

Так страшно потрясаешь существо

Загадками не нашего охвата?..»
[4]

Он сделал драматическую паузу. Обеденный салон, где почти все столики были уже заняты пассажирами, безмолвно слушал актерскую декламацию, а потом все пассажиры разом разразились овацией.

— Вы восхитительны! — воскликнула Эмма, смеясь и хлопая вместе со всеми.

Бен-Шекспир низко поклонился.

— Я всего лишь скромный трагический актер, моя дорогая леди.

Корабельный эконом посмотрел по сторонам. Увидев, что верхняя палуба пуста, ибо все сейчас ужинали, он вытащил из кармана отмычку и открыл Дверь каюты номер одиннадцать. Шмыгнув внутрь, он прикрыл за собой дверь и зажег керосиновую лампу, которая висела возле умывальника. Быстро и ловко Рихтер принялся обыскивать каюту Феликса де Мейера. Он пошуровал в обоих мейеровских саквояжах, затем исследовал наличность платяного шкафа, посмотрел под матрасами

двухэтажной койки.

Не найдя ничего интересного, Рихтер потушил лампу, вышел из каюты и закрыл за собой дверь при помощи все той же отмычки. Подойдя к соседней каюте, где разместилась Эмма, Рихтер повторил всю операцию от начала до конца.

Из полутемного коридора в носовой части корабля за происходящим внимательно наблюдал высокий молодой человек в черном костюме, с короткой черной стрижкой на голове.

* * *

Приблизительно час спустя Эмма с отцом вернулись из салона в свои каюты.

— Правда, он забавен? — поинтересовалась она.

— Актер-то этот? Ну, это несколько, так сказат… как бы поточнее выразиться… — Английский у Феликса не обладал той правильностью и гибкостью, которые отличали речь Эммы. — Übertreibung [5].

— Плохой актер?

— Ja, плохой актер. И мне вовсе не понравилось, что Дэвид пошел с ним в бар.

— Да, он хотел всего лишь капельку бурбона. Мистер Берд сказал, что если мы хотим стать настоящими американцами, то нам следует научиться любить бурбон.

— Глупо. Я почему-то обхожусь вином и пивом и хотел бы, чтобы этим ограничивался и Дэвид. А еще лучше, чтобы он совсем не употреблял спиртного. Ну, я собираюсь спать. Доброй тебе ночи, Эмма.

— Доброй ночи, папочка.

Легко коснувшись губами ее лба, он вошел в каюту номер одиннадцать и закрыл за собой дверь, опустив также и жалюзи. Эмма отпирала свою каюту, как вдруг услышала:

— Псс…

Повернувшись туда, откуда исходил этот звук, она разглядела мужчину, который стоял на носу верхней палубы и делал знаки, чтобы Эмма подошла. Немного поколебавшись, она все-таки приблизилась к нему, но даже когда подошла, не смогла в темноте разглядеть его лицо. На левой и правой стенах коридора горели два фонаря, однако их света хватало лишь на то, чтобы обозначить рулевую рубку, расположенную у них над головой. Эмма сумела только разглядеть, что у незнакомца темные волосы.

— Это ваша каюта? — шепотом спросил он, показывая на дверь.

— Да, номер девять. А в чем дело? И кто вы такой?

— Мистер Кларк, еду в каюте номер десять. Это по другую от вас сторону коридора. А что это был за мужчина, с которым вы только что разговаривали?

— Мой отец.

— Пока вы ужинали, корабельный эконом забирался в башу каюту и каюту вашего отца, а также и в ту, что расположена по другую от вашей сторону. Кажется, там каюта номер семь.

— Мистер Рихтер? Но зачем это ему понадобилось?

— Мне показалось, он что-то разыскивал.

Эмма повернулась и взглянула в направлении своей каюты. Минуту она раздумывала. Герр Рихтер? Приятный краснолицый немец, работающий тут экономом, который всегда был столь любезен с ними?

— Должно быть, тут какая-то ошибка, — сказала она, вновь повернувшись к незнакомцу.

Но мистер Кларк исчез.

Секунду подумав, Эмма торопливо пошла по коридору и постучалась в каюту отца. По другую сторону жалюзи загорелся свет.

— Кто там?

— Это я, папочка, разреши мне войти.

Он откинул задвижку, и Эмма скользнула в узкое пространство каюты. Феликс был во фланелевой ночной рубашке и домашних тапочках.

— Бриллианты на месте? — шепотом спросила она после того, как он закрыл дверь.

В синих глазах отца появилось удивленное выражение, и он привычным движением проверил специальный пояс для хранения денег, который носил под рубашкой.

— Да, конечно. Ты ведь знаешь, что я никогда его не снимаю. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что один человек только что сказал мне, что корабельный эконом рылся в наших каютах, пока мы ужинали.

Феликс поколебался.

— Ну, теперь поняла? — спросил он. — Поняла, что я был прав, когда отказался положить драгоценности в корабельный сейф. Никому нельзя верить, пока не доберемся до Калифорнии. Но как же он прознал?..

— Должно быть, просто догадался, что где-то у нас непременно должны быть деньги. Думаю, что следует сообщить обо всем капитану.

Феликс нахмурился.

— Ну уж нет. Если эконом вор, вором может оказаться также и капитан. Черт побери! Конечно же, мы не знаем наверняка, что делал в

каютах эконом… А кто, собственно, рассказал тебе об этом?

— Один мужчина, некто мистер Кларк, из каюты номер десять. Должно быть, он видел эконома, я полагаю.

— То есть как это «полагаю»? Разве сам он не объяснил?

— Нет. Исчез, как привидение.

— Ах! — вздохнул Феликс. — Чушь какая — «привидение»… вороватый корабельный эконом… Сумасшедшая Америка! Как бы там ни было, сейчас мы все равно не можем ничего предпринять. Иди к себе и ложись, а я все обдумаю.

Выпустив дочь, он закрыл дверь на задвижку, вдобавок к тому, что повернул ключ. Засунув руку под рубашку, нащупал пояс, где были драгоценности, и, отстегнув его, осторожно положил на койку. После этого открыл один из имевшихся там кармашков и вытащил горсть бриллиантов размером от полукарата до двух каратов. Держа бриллианты в ладони, он любовался игрой света в их гранях.

Когда Феликс продал свое дело, а также дом во Франкфурте, он вложил все вырученные средства в эти вот камни, которые и вез теперь в Калифорнию. В поясе находилось драгоценностей на более чем семьсот пятьдесят тысяч долларов — по ценам 1850 года, это было целое состояние. Феликс отдавал себе отчет, что так везти бриллианты опасно, однако как иначе мог он через полсвета переправить свое состояние в место, где не было никаких банков?

Глава третья

Эмма быстрым шагом прошла по коридору и постучала в дверь каюты номер десять. После некоторой паузы из-за Жалюзи послышался шепот:

— Кто там?

— Мистер Кларк? Это я, Эмма де Мейер, из каюты номер девять. Можно с вами поговорить одну минутку?

Последовала такая долгая пауза, что Эмма подумала было, уж не пошел ли мистер Кларк спать. Затем в каюте зажегся свет, дверь открылась, и перед Эммой предстал самый красивый молодой мужчина, какого ей только доводилось видеть. Арчер Коллингвуд был тоже во фланелевой ночной рубашке, однако в отличие от ее отца босиком.

— Входите, — прошептал он и отступил, давая ей пройти. Эмма очутилась в каюте, столь же маленькой и узкой, как и ее собственная. — Что вы хотите?

— Вы сказали, что эконом что-то искал в наших каютах. А почему вы так решили?

«Бог ты мой, — подумал Арчер, — как она великолепна!»

— Но, может быть, он забрался по какой-нибудь корабельной надобности?

— Конечно, и провел в каждой каюте по пять минут.

Они уставились друг на друга.

— Ну, всякое могло быть… — Она понимала, что пора уходить, и тем не менее больше всего хотела остаться. — Вы сегодня не ужинали, не так ли?

— Я ужинал здесь, в каюте. От корабельной качки желудок несколько, знаете…

Помолчали. И опять они пожирали глазами друг друга. Он думал, глядя на нее, что никогда прежде не видел таких прекрасных глаз, цветом напоминавших фиалки…

— А я знаю, что вы имеете в виду, — сказала она, стараясь хоть как-то поддержать разговор, тогда как думала в этот момент лишь о том, что у этого мужчины глаза синие, как васильки. Никогда раньше ей не доводилось испытывать столь сильное физическое влечение к мужчине. Сейчас Эмма больше всего желала коснуться его рукой. — Когда пересекали океан, мне тоже было очень нехорошо.

— Вы из Англии?

— Нет, из Германии. А вы направляетесь в Новый Орлеан?

— Нет, я в Каире пересяду на другой пароход. — «Кожа ее, как молоко, точнее даже — как сливки…»

— Каир? Это в Египте?

— Нет, мэм. Это в штате Иллинойс. Я поеду до Сент-Луиса, оттуда в Индепенденс, пристану к какому-нибудь каравану из повозок.

— Так, значит, вы направляетесь в Калифорнию? И мы едем туда же. Вам, наверное, хочется отыскать золотой участок?

— Нет, мэм, я торговец Библией. — Арчер из предосторожности не только выкрасил свои волосы в черный цвет, чтобы его как-нибудь ненароком не зацапала полиция, не только придумал себе имя, но выдумал также для себя и род занятий.

— Продаете Библию? — Она прижала ладонь к губам, пытаясь скрыть улыбку.

— Вас что-нибудь не устраивает? — спросил он, несколько смущенный такой реакцией.

— Да нет, просто… просто я подумала, что несколько забавно торговать такой книгой. Не могу, например, представить себе торговца Торой.

— А что такое «Тора»?

На этот раз она уставилась на него с изумлением, не понимая, шутит ли он или говорит серьезно.

— Вы что же, никогда не слышали про Тору?

— Нет, мэм.

— Ну, это нечто вроде… — Она помедлила, желая поточнее объяснить и потому стараясь подыскать наиболее точные слова. — Видите ли, это нечто вроде свитка: он в Храме… Проще говоря, это что-то вроде Библии, только это еврейская Библия.

Он моргнул, не вполне поняв объяснение.

— Я ведь еврейка, — добавила она, желая помочь ему лучше понять сказанное ею.

— В самом деле? — переспросил он, удивившись так, словно перед ним вдруг предстал живой герой какого-нибудь мифа.

— Вас что-то в этом не устраивает? — несколько суше поинтересовалась она.

— Да нет, отчего же. Просто у нас в Индиане никогда не было никаких евреев… Так что это в некотором смысле даже интересно. Я всегда хотел встретить живого еврея.

— Почему?

— Когда я был маленький, мать читала мне Библию, и там говорится, что ваш народ убил Иисуса Христа, и вообще…

— Спокойной ночи, мистер Кларк. — Она направилась к двери.

— Эй, погодите, я сказал что-нибудь не так?

Она обернулась, и ее аметистовые глаза сверкнули.

— А я-то рассчитывала, что в Америке нет антисемитизма! Наверняка я ошибалась.

— Нет анти… чего?

— Да вы еще и глупый, как Хенкель фон Хеллсдорф?

— Как кто?

Эмма вышла из каюты, хлопнув дверью. Одолев половину расстояния до своей каюты, она подумала, что, возможно, была в данной ситуации не вполне справедлива. Кажется, он все-таки действительно ничего не знал о евреях и, следовательно, не мог быть антисемитом. Она уже хотела повернуть назад и извиниться перед ним, но в последний момент передумала. Было очевидно, что ложные утверждения, что все евреи несут ответственность за смерть Иисуса, уже достигли Америки, и этот яд, которому уже почти два тысячелетия, внедрился в общественное сознание, а стало быть, этот молодой человек, сам того не подозревая, все-таки

является антисемитом. Не исключено, что антисемитами были все гои, вне зависимости от того, осознавали они этот факт или нет. *Juden… Juden… Juden…*Воспоминания о том, как скандировали это слово франкфуртские студенты, вновь проснулись в ее памяти. Это было отвратительно, ужасно, она никогда не сможет забыть или простить это…

Нужно, однако, быть справедливой к мистеру Кларку: может, он не хотел ее обидеть… А кроме того, он так красив, мой Бог… Хотя его волосы какие-то странные…

Эмма собиралась уже открыть дверь своей каюты, когда услышала вдруг звуки, будто кого-то тошнит, Взглянув в сторону борта, она увидела молодого человека, который перевесился через палубное ограждение: его выворачивало наизнанку.

— Дэвид! — Она поспешила к нему. — Дэвид, что с тобой?

Он выпрямился, отер губы рукавом правой руки, тогда как второй рукой держался за поручень. Он заметно дрожал и, казалось, был нездоров.

— Бурбон… это от него мне сделалось так нехорошо… Я…

— Дэвид, ты же пьян, — прошептала она.

— Да, я немного… ик!.. выпил немного… Ужасно себя чувствую.

— Я помогу тебе добраться до каюты. Обними меня, держись крепче.

Он последовал совету Эммы и сильно навалился на нее. Она повела его к двери его каюты, отворачивая нос: от Дэвида отвратительно пахло виски и блевотиной:

— Ну и запах от тебя! — сказала она.

— «Я жизнь свою в булавку не ценю…».

— Тсс… Отца разбудишь, он будет сердиться.

— Да, ты права… Бен-Шекспир тут как раз цитировал… ик! Забавный он человек… Жуткий актер… ик!.. «Быть или не быть, вот в чем… ик!.. О Господи!..

Дэвид вырвался, подбежал к парапету, и его снова вывернуло. Эмма терпеливо ожидала кузена около двери, и тут внезапно поняла, что именно показалось ей странным в облике мистера Кларка. Волосы у него были черными, а щетина, которой он зарос, была светлой.

Значит, он перекрасил волосы. Но зачем? И тогда, вспомнив его скрытые манеры, Эмма поняла. Он скрывается! Да, именно так, он скрывается. Как странно!

Но от кого или от чего он скрывается?

* * *

— Бриллианты у них, — прошептал Бен-Шекспир эконому. Они

стояли сейчас в кормовой части главной палубы. За их спиной огромные пароходные колеса зачерпывали лопастями воду и вздымали фонтаны брызг, проделывая все это с механической неутомимостью. Вгрызаясь в темную воду реки Огайо, отталкиваясь от этой воды, пароход, двигаясь по течению, развил скорость около двенадцати узлов, не меньше. Была полночь, и кроме двоих мужчин на всей палубе не было видно ни души.

— Почему ты так думаешь? — спросил Рихтер.

— Я накачал бурбоном этого сопляка, едущего вместе с ними, и хотя он начал с того, что евреи никогда не пьют много, мне показалось, что виски пришлось ему очень даже по нутру. Он трепался о семействе де Мейер, какие они там все замечательные. Похоже, он втюрился в девчонку. Затем рассказал, что ее отец заплатил часть его дорожных издержек, за что он, мол, ему крайне признателен. Я сказал, что три билета в первом классе через Атлантику стоят немало денег, а он усмехнулся и сказал, что мистер де Мейер имеет при себе половину всех бриллиантов города Франкфурта. Будь этот сопляк трезвым, черта с два он рассказал бы мне такое.

— Но в каютах ничего нет. Я обыскал все три.

— Значит, они должны быть на нем.

— В поясе, думаешь?

— Скорее всего.

— Как же в таком случае к нему подобраться?

Бен-Шекспир повернулся спиной к ветру и ссутулился, чтобы прикурить сигарку.

— Ну, — сказал он, выпуская дым, — придется нам сымитировать какой-нибудь несчастный случай. Река большая…

Эконом насупился.

— Похоже на убийство, — прошептал он.

— Неужели?! А «половина всех бриллиантов города Франкфурта» похожа на наш с тобой пенсионный фонд.

Ганс Фридрих Рихтер на секунду задумался.

— Ты правильно сказал, — прошептал он, — река большая… И, черт побери, он всего-навсего еврей.

Арчер лежал на койке в своей каюте, глядя в потолок и пытаясь сообразить, что же такое он мог сказать, отчего прекрасная Эмма де Мейер так вдруг оскорбилась.

— Эмма… — чуть слышно прошептал он.

Явно было, что ей пришлось не по вкусу его замечание о том, что евреи убили Иисуса Христа. Но разве это не так? И хотелось бы знать, что

именно называется этим, как его, анти…? Как она там произнесла это слово? Семитизм, что ли? Если это значит ненавидеть евреев, то к нему это слово не имеет решительно никакого отношения. Иисус Христос ведь и сам был евреем, не так ли? Все это бессмыслица какая-то, но тем не менее Эмма на самом деле обиделась. Арчер припомнил сейчас выражение ее потрясающих глаз, припомнил, как она хлопнула дверью каюты. Никогда прежде не доводилось ему встречать столь восхитительную, столь прекрасную девушку. Вообще-то не так уж много девушек он видел в своей жизни, поскольку рос на ферме, однако кое-кого видеть ему все-таки доводилось, но ни одна из виденных им девушек не потрясала его до такой степени. Эмма де Мейер была девушкой его снов, а у Арчера были интересные сны. Множество снов. То были сны неистовой страсти, от которых он просыпался весь в поту, со спермой на животе.

Арчер уселся на койке. Нужно будет как-то объяснить ей, что ничего дурного он не имел в виду. Поднявшись с постели, Арчер через голову стащил ночную рубашку и швырнул ее на койку. Оставшись без одежды, взглянул на свое молодое тело. Когда он подумал об Эмме, то почувствовал странное ощущение в члене, том самом органе, который доставлял ему столько затруднений хотя бы уже потому, что имел обыкновение возбуждаться в самые неподходящие моменты — вот как сейчас, например. Арчер принялся торопливо натягивать одежду. «Я должен увидеть ее, должен ей объяснить, а днем я не могу покинуть эту чертову каюту из опасений, что меня могут обнаружить. Если я смогу добраться до Луисвилля, тогда я спасен. Если, если, если бы…»

Одевшись, Арчер выскользнул из каюты. Звезды отражались в темных водах реки, разбегались, отгоняемые огромными лопастями колес; они крутились с убийственной монотонностью, издавая при этом «хш… хш… хш…» Арчер заторопился к колесу, обогнул верхнюю палубу и направился к каюте номер девять. Именно в этот момент он заметил двоих мужчин, двигавшихся g противоположной стороны. Арчер быстро спрятался за корабельную перегородку. Двое мужчин остановились перед каютой номер одиннадцать.

В одном из двух Арчер узнал эконома.

Вытащив из кармана отмычку, Рихтер вставил ее в замочную скважину и, повернув, открыл дверь. Бен-Шекспир, зажав револьвер в правой руке, шмыгнул следом за экономом в каюту и с силой опустил рукоять револьвера на голову Феликса. Тот издал слабый звук и затих.

— Лампу! — прошептал Бен.

Рихтер закрыл дверь и зажег лампу. Бен-Шекспир склонился над

Феликсом, который неподвижно лежал на левом боку. В месте, куда пришелся удар, от крови слиплись пряди волос.

— Точно, у него пояс… — И рывком задрав ночную рубашку, Бен отстегнул пояс.

— Какая ж… — маленькая и хитрая. Надо же что придумал…

Бен поднес пояс к лампе, открыл одно из отделений.

— Господи Иисусе!.. Ты только посмотри! — Он показал целую пригоршню бриллиантов. В неярких лучах света они ярко засверкали. — Черт возьми, да тут настоящий клад!

— Нужно побыстрее выбираться отсюда, — нервничая, напомнил Рихтер. — Нас никто не видел, и потому незачем этого убивать.

— А что будет утром?! Отыскивая свои камушки, он готов будет разнести пароход на мелкие кусочки. А если мы выбросим его сейчас за борт, то можно будет списать происшедшее на несчастный случай или самоубийство. Кто определит?

Дверь каюты открылась.

— Руки вверх!

Грабители застыли, недоуменно глядя на молодого человека с револьвером в руках. Бен-Шекспир схватился за револьвер и попытался отвести дуло, и именно в этот момент Арчер нажал на курок.

— Ох! — Бен был ранен в правое плечо. Выронив свой револьвер, он упал на перегородку, зажав рукой плечо. Рихтер быстренько поднял руки и закричал:

— Не стреляй!

— Ну-ка, давай сюда пояс! Я тебе говорю, мистер Рихтер!

Трясущимися руками Эконом подобрал пояс и передал Арчеру. Когда тот брал его, камушки из открытого отделения просыпались на пол.

— А теперь револьвер! Ну, живо!

Рихтер ногой отбросил револьвер Бена. Не отводя собственного, Арчер нагнулся и подобрал с пола оружие.

— Мистер Кларк… О Боже, папочка!..

Обернувшись, Арчер увидел Эмму, облаченную в халат. Он только и успел гаркнуть:

— Уходите!

Бен-Шекспир прыгнул на Арчера и толкнул его на перегородку с такой силой, что тот не устоял на ногах. Схватив пояс с камнями, Бен выскочил из каюты и бросился к борту.

— Он спрыгнет! — крикнула Эмма.

Бен перебросил одну ногу через палубное ограждение, затем

перебросил другую. Держа пояс под раненой правой рукой и вцепившись левой в ограждение, он не сразу решился прыгнуть, глядя на темные волны, переливающиеся в тридцати футах под ним.

Вслед за Арчером из каюты выскочил эконом. Арчер споткнулся на палубе и упал. Рихтер тут же подскочил к нему и вырвал из рук молодого человека один из револьверов; нацелив его в спину Бена, выстрелил. Незадачливый актер из городка Ирвингтон, штат Нью-Йорк, которому ранее уже пришлось провести три года в пенсильванской тюрьме за вооруженное ограбление, получил пулю как раз меж лопаток. Взревев, Бен-Шекспир разжал руку и лицом вперед полетел в реку. В момент падения он выпустил пояс. Полуживой от боли, находившийся на грани обморока, Бен увидел, как с монотонным звуком «хш… хш… хш…» на него неотвратимо движется колесо. Затем одна из огромных лопастей металлического колеса опустилась ему на голову и отделила ее от тела, которое было отброшено в бурлящую воду.

— Ну вот, все в порядке! — крикнул эконом, обращаясь к дюжине выскочивших на палубу пассажиров, которые услышали выстрелы и бросились из кают, чтобы выяснить, что происходит.

— Вор забрался в каюту номер одиннадцать, но был застрелен.

— Вор?! — заорал Арчер, поднимаясь на ноги. — Ты сам впустил этого вора в каюту! Ты!!!

Рихтер недоуменно взглянул на него.

— Извините, сэр, но я только что убил его, и все это видели. Дело в том, что он вынудил меня под страхом смерти открыть ему дверь той каюты, но, разумеется, я не был с ним в сговоре. Теперь всех попрошу вернуться к себе! — громко крикнул он, поворачиваясь спиной к Арчеру. — Все в порядке! Пожалуйста, идите спать!

Эмма мимо Арчера кинулась в каюту и упала на колени возле отца. Одернув на нем ночную рубашку, дотронулась до его лица.

— Позовите доктора! — крикнула она, но смотрела на Арчера. — Пожалуйста, Господи, — прошептала она, слегка отпрянув, когда кончики пальцев коснулись крови, — не отнимай у меня так и отца, очень прошу…

Секунду спустя Феликс чуть заметно пошевелился и издал слабый стон, затем открыл глаза и ничего не понимающим взглядом посмотрел на дочь.

— Что случилось, Эмма? — спросил он по-немецки, попытался было сесть, но застонал и опрокинулся на спину. — Голова…

— Бриллианты, — тоже по-немецки прошептала Эмма. — Их похитили.

Феликс, хватая ртом воздух, ощупал живот. Глаза его наполнились ужасом.

— Их нет, — прошептал он по-английски. — Все пропало!

— Не все, сэр, — сказал Арчер, который подобрал рассыпанные на полу камни. Подойдя к постели Феликса, он протянул ему пригоршню бриллиантов. Феликс сел и посмотрел на них.

— Но это едва ли десятая часть того, что у меня было, — прошептал он.

Эмма крепко обняла его.

— Теперь это уже неважно, папочка. Главное, что ты жив, и за это нам нужно благодарить мистер Кларка.

Она улыбнулась Арчеру, который молча стоял, ошеломленный ее красотой. И только в этот момент Эмма обратила внимание, что на белой рубашке медленно расплывается красное пятно.

— Мистер Кларк! — воскликнула она. — Ваше плечо! Вас ранили!

Передав бриллианты Феликсу, Арчер распрямился и только тут почувствовал сильную боль. Когда Бен-Шекспир толкнул его и Арчер ударился о перегородку, рана в плече вновь открылась, и оттуда начала сочиться кровь, которая и намочила рубашку.

— Это ничего, я, должно быть, просто немного оцарапал плечо о дверь. Извините…

Придерживая плечо рукой, он поспешил мимо эконома, который все это время неотрывно следил за Арчером. Оказавшись вновь в своей каюте, он быстро сбросил пиджак, снял рубашку и оглядел в зеркало свое плечо. Кровь начала уже подсыхать: явно не было ничего серьезного. Арчер намочил полотенце и принялся смывать засохшую кровь. Обработав таким образом плечо возле раны, он вытащил бинт, которым снабдил его при расставании доктор Робертсон, и принялся делать себе новую повязку.

Минут через пять он услышал легкий стук в дверь. Набросив рубашку на плечи, он подошел к двери и через опущенные жалюзи произнес едва слышно:

— Мисс де Мейер, вы?

— Это мистер Рихтер, корабельный эконом.

Сердце Арчера зачастило. Он гневно распахнул дверь каюты.

— Что вам угодно?

— Как ваше плечо? — закрыв за собой дверь, спросил эконом, произнося слова с немецким акцентом. Не дожидаясь ответа Арчера, снял с плеча молодого человека рубашку и посмотрел на повязку, затем вновь накинул рубашку.

— Ранение-то пулевое, никак? — спросил он.

— Нет, это я ударился о дверь.

Рихтер улыбнулся, кивнул на запачканную кровью рубашку и извлек что-то из кармана.

— Для простого удара многовато крови. Так что удар был не о дверь, скорее, это огнестрельная рана, а, Арчер Коллингвуд?

Арчер напрягся, выжидая, что последует Дальше, а эконом, развернув, протянул ему бумажку, в которой говорилось:

«Этот человек 15 марта ограбил Лаймовскую банковскую и трастовую компанию в Лайме, штат Огайо. Ему удалось скрыться с места преступления, захватив 700 долларов золотом! Преступнику 19 лет, рост около 6 футов, стройная фигура, светлые длинные волосы. Предположительно *он был ранен в левое плечо,*когда уходил от погони.

Считается ОПАСНЫМ ПРЕСТУПНИКОМ!

Награда в 1000 долларов тому, кто предоставит информацию, позволяющую арестовать преступника.

1000 ДОЛЛАРОВ!»

В середине листка был карандашный набросок лица, в котором при желании можно было разглядеть некоторое сходство с Арчером.

— То-то, когда ты поднялся впервые на корабль, я подумал, что в тебе есть что-то странное, — сказал Рихтер. — Прятался все это время в каюте… А тут как раз раненое плечо, и вдруг у меня в голове — динь-дон! — прозвенел звоночек. Я пошел в свой кабинет, взглянул на этот вот плакат и говорю себе: «У нас на борту знаменитость, а мы-то и не подозревали!» Каково?

Арчера трясло.

— И что же вы намерены делать? — прошептал он.

— Думаю, Арчер, мы заключим небольшую сделку. Как смотришь? Ты поддержишь мою версию о том, что Бен-Шекспир заставил меня открыть ему дверь каюты герра де Мейера, а я, со своей стороны, не скажу полиции в Луисвилле о том, что написано в этом вот сообщении. По-моему, справедливый обмен любезностями. Конечно же, если ты откажешься подтвердить правоту моих слов, я буду вынужден поступить так, как должен поступить всякий законопослушный гражданин, а именно: отведу тебя в полицию и получу тысячу долларов. Так что решай.

Рихтер улыбнулся и помахал полицейским объявлением перед лицом Арчера, явно наслаждаясь произведенным эффектом. Затем осторожно

сложил листок, положил его в карман и вытащил золотые карманные часы.

— Почти половина третьего, — сообщил он, убирая часы. — Прибудем в Луисвилль около пяти. Я буду у себя в кабинете. Ты пока что подумай, а позднее сообщи мне о своем решении. Доброй ночи, Арчер… простите, мистер Кларк…

Глава четвертая

— О, мистер Кларк, а я как раз собиралась к вам. — Эмма, которая при утреннем освещении выглядела еще более красивой, едва не столкнулась на верхней палубе с Арчером. Было 7.45 утра, и корабль «Город Питтсбург» только что встал у луисвилльского причала. Эмме показалось, что высокий молодой человек чем-то обеспокоен и раздражен.

— Мой отец и я, мы хотели бы поблагодарить вас за то, что вы сделали для нас этой ночью, — сказала она. — Благодаря вашим смелым действиям мы спасли хотя бы некоторую часть нашего состояния, а иначе потеряли бы решительно все. Мы не можем найти слов для выражения нашей искренней благодарности. А что касается меня, то отныне я у вас в неоплатном долгу.

— Да что вы, в этом не было ничего особенного, право… Как чувствует себя ваш отец?

— Голова еще болит, но я надеюсь, что, если небу будет угодно, он поправится. А сейчас, мистер Кларк, поскольку корабль уже причалил, не думаете ли вы, что нам нужно сойти на берег и сообщить полиции о случившемся?

Эмму удивил страх, мелькнувший в глазах Арчера.

— Капитан извещен, он и сообщит властям, — сказал Арчер сдавленным голосом.

— Но ведь… — она понизила голос, — откуда мы знаем, может, и капитан с герром Рихтером заодно?! Не уверена, что кому-нибудь из команды можно доверять полностью.

— Мистер Рихтер, кстати, не был вовлечен в ограбление. То есть, вовлечен-то он конечно был, но только потому, что Бен-Шекспир заставил его открыть дверь каюты вашего отца.

Эмма нахмурилась.

— Но ведь вчера ночью вы сказали…

— Да, было дело, но я ошибался. Извините, мисс де Мейер, но с утра мой желудок опять что-то…

К ее удивлению, он заспешил обратно в свою каюту.

— Дэвид, я уверена, что здесь что-то нечисто, — говорила час спустя

Эмма, шагая по дощатому тротуару главной улицы Луисвилля, заглядывая в витрины магазинов. Она держала над собой кружевной зонтик от солнца, которое грело слишком сильно для такого раннего весеннего времени. Выглядела Эмма очень женственной и хорошенькой, однако же целью ее похода по магазинам была покупка пистолета.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Дэвид Левин, который, как обычно, на фоне Эммы выглядел невзрачно.

— Мистер Кларк что-то скрывает. По-моему, у него какие-то неприятности. Я нисколько не сомневаюсь что к ночным событиям эконом имел самое прямое отношение, и мистер Кларк также знает это. И тем не менее сейчас он решительно отвергает этот факт. Что-то весьма странное происходит…

Дэвид, которого мучила сильная головная боль, чувствовал свою вину перед Эммой.

— Да, Эмма, насчет прошлой ночи… Думаю, что тут есть и моя вина. Когда я пил тот ужасный бурбон… Словом, не уверен, но, может быть, я и говорил что-нибудь про бриллианты. Я не очень-то хорошо помню происшедшее, но…

— Ох, Дэвид, я уже думала об этом. Они наверняка тебя специально накачали. Но это, естественно, уже неважно. Ты ведь не нарочно, и потому я ничего не расскажу папе.

— Спасибо, Эмма. Я никогда не прощу себе того, что случилось, но если только твой отец когда-либо узнает, что именно я обошелся ему в такую огромную сумму, он никогда не простит мне, ну я этого просто не переживу. Ты же знаешь, мистер де Мейер для меня почти как отец.

— Знаю.

Впрочем, Эмма слушала Дэвида вполуха, поскольку мысли ее были целиком поглощены загадочным мистером Кларком. «Ему нужна помощь, — думала она. — И помочь ему должна именно я, потому что он столько сделал для нас. Если бы прошлой ночью он не рисковал собственной жизнью, мы остались бы вовсе ни с чем… Да, сегодня же после ужина я пойду… пойду к нему в каюту. * Кажется, он из тех людей, которые предпочитают темноту».

— Ну как тебе, нравится? — Эмма остановилась перед витриной и показала на дамскую шляпу со светло-голубой шелковой лентой. — Первая хорошенькая шляпка, которую я встретила с тех пор, как мы уехали из Нью-Йорка.

— Тебе она и вправду нравится? — спросил Дэвид.

— Да, но посмотри на цену! Тридцать долларов — это же неслыханно!

После того, что произошло прошлой ночью, я не могу и думать о таких покупках. А кроме того, я же вышла, чтобы купить пистолет, а вовсе не шляпу. Пуганая ворона, что называется…

С этими словами она пошла дальше. Дэвид еще некоторое время постоял возле витрины, грустно разглядывая шляпу и думая при этом: «Это я во всем виноват. Если бы не надрался, как последний идиот, они никогда бы не прознали о бриллиантах, и тогда Эмма смогла бы купить себе хоть сотню таких шляп… Черт возьми, какая же я после всего этого скотина! Причинить столько страданий именно этим людям! Женщина, которую я люблю, даже шляпы себе новой не может купить!»

Набрав воздуха в грудь, он отважно вошел в шляпный магазин.

Эмма вернулась на пароход за несколько минут до одиннадцати, то есть перед самым отплытием. Члены экипажа уже дружно разошлись по своим местам, приготовившись к отплытию. Она поспешила подняться на палубу большого белого судна, краем глаза заметив, что две металлические трубы уже дымили. Главная палуба была заполнена множеством пассажиров; когда ее заметили, многие принялись шептаться, но Эмма знала, что обсуждают вовсе не ее наряд, а то, что произошло ночью с ее отцом. Она была убеждена, что случай с поясом стал общим достоянием, и теперь все пассажиры знают о том, что им удалось сохранить за собой несколько бриллиантов. Это значило, что нападение могло повториться и что отец и она сама были в опасности. Именно из этих соображений Феликс решил приобрести оружие. Ни он сам, ни тем более Эмма вовсе не были в восторге от подобной необходимости, однако в Америке вообще, и возле самой границы в особенности, люди должны были уметь защитить себя. И потому Эмма купила «смит и вессон» 32-го калибра с рукояткой из слоновой кости для отца, а для себя — элегантный небольшой пистолет 45-го калибра, рассчитанный на одиночные выстрелы. Этот самый пистолет — «дерринджер», который был назван по искаженной фамилии изобретателя Генри Деринджера, был достаточно компактен, чтобы его можно было носить в женской сумочке.

Когда Эмма добралась наконец до своей каюты, то обнаружила на койке шляпную коробку, обернутую в очень красивую упаковочную бумагу. К изящному банту была прикреплена карточка: «Я унесу свою вину — и свою любовь — в могилу. Твой любящий кузен Дэвид». Открыв коробку, Эмма вытащила ту самую шляпку, которой она сегодня восхищалась. Улыбнувшись, она сняла с головы свою прежнюю шляпу, подошла к зеркалу и примерила новую. Обновка, без сомнения, оказалась очень

недурной.

— Нравится?

Обернувшись, Эмма увидела стоявшего в дверях Дэвида. Он преданно смотрел на нее своими карими глазами спаниеля.

— Дэвид, ну зачем ты ее купил? Ведь теперь мы будем вынуждены экономить каждый пенни. Особенно это касается тебя. И последнее, что мне нужно, — это шляпа. — Увидев, как Дэвид расстроился, она подошла к кузену и улыбнулась. — Но конечно же, мне очень приятно. Большое тебе спасибо. Ты совсем не умеешь распоряжаться деньгами, но все равно ты мой лучший друг. — И она поцеловала его в щеку.

«Друг… — подумал Дэвид. — Кажется, что это самое отвратительное слово во всем английском языке».

— Мистер Кларк, это Эмма де Мейер.

Выйдя из каюты сразу после обеда, она подошла к номеру 10 и постучалась. Через секунду увидела за жалюзи проблеск света, затем дверь открылась. Как и в прошлый раз, Арчер предстал перед ней босиком во фланелевой ночной рубашке.

— Можно войти? — Видя, что он медлит с ответом, Эмма улыбнулась. — Я знаю, конечно, что у иных людей слишком длинные языки, — шепотом добавила она, — но мне плевать.

— Равно как и мне.

Она вошла, и Арчер сразу же захлопнул дверь.

— Хотел бы предложить вам стул, — сказал он, — но боюсь, тут можно сесть лишь на койку.

— Я знаю, эти каюты такие тесные.

Она присела на неразобранную постель, и ее голубое платье, в глазах Арчера, опустилось на несвежие простыни, словно утреннее сияние. Арчер внимательно смотрел на Эмму, полный неясных предчувствий и страха. По сути говоря, он никогда не встречал столь элегантных европейских женщин и потому был потрясен. Но в то же время он хотел ее, хотя и понимал, что об этом не может быть и речи. И тут Арчер заметил узкую полоску золотого обручального кольца на пальце Эммы.

— Вы замужем? — поинтересовался он.

— Была. К сожалению, замужество продлилось всего две недели. Мой бедный муж погиб, когда столкнулись на улице два экипажа.

— Вы так молоды, чтобы быть вдовой.

— Да, я знаю. Между нами, мной и мужем, все было оговорено так, что замужество ничего общего с любовью не имело. Это одна из причин,

почему я рада, что очутилась в Америке, потому что здесь, я читала, нет подобных браков! Тут ведь люди женятся или выходят замуж только если любят друг друга, а это очень важно, разве нет, мистер Кларк?

— Вероятно… Я не очень-то хорошо разбираюсь в вопросах любви или брака, раз уж мы с вами об этом заговорили. Там, откуда я родом, люди просто-напросто… — он пожал плечами, — просто берут и женятся. И как будто все у них складывается нормально.

Эмма была в восхищении от подобной наивности.

— Вас послушать — это так просто. Хотя не исключено, что и в самом деле все именно так. Но впредь я не позволю, чтобы мне указывали, за кого именно я должна буду выйти замуж. Одного раза для меня вполне достаточно. Скажите, мистер Кларк, могу я задать вам один вопрос, хотя он может показаться несколько бестактным? Зачем вы перекрасили волосы?

Арчер быстро-быстро заморгал.

— Не думаю, что вас это как-нибудь касается…

— Ну пожалуйста… — она подалась к нему. — Поверьте, я бы очень хотела вам помочь, поскольку интуитивно чувствую, что вы в каком-то затруднении… Я же не слепая. Волосы у вас на ногах светлые, а на голове почему-то темные. Мужчина не станет перекрашивать волосы, если его не вынуждают к тому обстоятельства. Прошлой ночью вы так нам помогли. Мы вам безмерно благодарны, и как раз потому-то я и хотела бы вам помочь. Я знаю, что это не мое дело, но я хочу, чтобы оно стало моим.

Он оперся на перегородку возле умывальника и начал медленно скользить по стене, пока не уселся на пол, выставив колени. На мгновение Арчер закрыл лицо руками, а затем снизу вверх взглянул на Эмму.

— Я ограбил банк в Огайо, — едва слышно сказал он. — Меня разыскивает полиция. И эконом знает это. Он сказал, что если я не поддержу его версию о событиях прошлой ночи, он сдаст меня в полицию.

— Вы ограбили банк! — неверяще прошептала она.

Арчер кивнул.

— Банк украл мою ферму. После смерти матери они лишили меня права выкупа закладной из-за того, что был просрочен платеж. Ну и вот я решил, что, стало быть, у меня тоже есть право кое-что украсть у банка. В некотором смысле я даже рад, что вы раскололи меня. Мне тут так одиноко, не знаю, долго ли я смогу выдержать такую жизнь.

— Мистер Кларк…

— Это не мое имя. Настоящее мое имя — Арчер Коллингвуд. Ну и конечно же, никакой я не торговец Библией.

— Арчер… — произнесла она его имя, как бы пробуя его на вкус. — А

мне нравится ваше имя. Звучит ужасно романтично.

Он чуть улыбнулся в ответ.

— Я как-то никогда об этом не задумывался. Но, должно быть, «Арчер» звучит лучше какого-нибудь «Зеке». Впрочем, как бы там ни было, я понимаю, что рассказанное отнюдь не выставляет меня в наилучшем свете, и я буду признателен, если вы никому ничего не расскажете.

— Поверьте, о вашем секрете никто не узнает. Кроме того, я уверена, что вы невиновны. Дело ведь не только в том, что вы выглядите невиновным — хотя это звучит глупо, я понимаю, — но я душой чувствую, что без достаточной на то причины вы никому не причините зла.

Она замолчала, глядя в упор на Арчера. Тот так же смотрел на нее, чувствуя, как внизу у него возрастает напряжение.

— Стало быть, вы соломенная вдова? — спросил наконец он.

— Именно.

— А какой он был, ваш муж?

— Его звали Антон, ему было двадцать два. Был он высокий, часто сутулился… Примерно, как мой кузен Дэвид.

— А у вас, должно быть, много поклонников сейчас?

— Нет.

— Вы такая симпатичная, что не думаю, будто вам придется… что вам нужно будет прилагать особые усилия…

Ему трудно было говорить, до такой степени он был возбужден и хотел ее. Арчер медленно встал. Маленькую каюту захлестнули флюиды обоюдного желания, исходившие от молодых людей.

— Я, кстати, хотел извиниться за то, что сказал про евреев, — мягким голосом произнес Арчер. — Дело в том, что я практически совсем ничего не знаю ни про них, ни про вашу религию.

— Я это поняла. Наша религия в действительности очень простая, и именно потому кажется мне такой замечательной. Большинство из нас не верят в загробную жизнь. Если мы сделались плохими в этой жизни, все равно потом не будет никакого ада, чтобы наказать нас. И следовательно, поскольку нам суждено прожить лишь однажды, то мы должны — словом, должны не теряться и брать то, что само идет нам в руки… как, любовь.

Руки Арчера упирались в койку, оказавшись, таким образом, над головой Эммы. Он медленно приблизил к ней свое лицо.

— Да, — прошептал Арчер, — жизнь такая неопределенная штука, что мы должны ловить… любовь. И мне кажется, что я люблю вас, Эмма.

Он склонился, и губы их встретились. Эмма закрыла глаза, чувствуя, как некий» мощный поток захватил ее и понес — как во сне. Опустив руки,

Арчер осторожно снял с головы Эммы шаль и положил эту шаль на койку, затем уселся на койку рядом с Эммой, обнял ее и принялся целовать. Все прочее случилось быстро и как бы само собой. Эмма не оказала ему ни малейшего сопротивления, упиваясь его любовным жаром, его молодым, сильным телом. Арчер целовал ее вновь и вновь, поцелуи эти становились все более страстными. Руки его сжимали ее полную грудь. Впервые в жизни Эмма наслаждалась сексуальной близостью. Ни в каком самом экстравагантном сне, ни в каких самых смелых своих мыслях она не мечтала о подобном. Была секунда, когда Эмма хотела остановить его, однако не смогла: они зашли слишком далеко. Теперь уже и она хотела, хотела его до безумия. Время флирта и скромности миновало, она жаждала наслаждения.

Сбросив с себя широкое платье, она некоторое время провозилась, освобождаясь от нижнего белья, что само по себе было нелегко. И напротив, Арчер быстро снял с себя ночную рубашку. Оказавшись обнаженными в свете неяркой лампы, они с присущей молодости жадностью впились взглядами друг в друга.

— О Боже!.. — прошептала она, протягивая к нему руки. — Иди ко мне, любовь моя.

Он оказался на ней, он целовал ее, тогда как Эмма обнимала его ногами, испытывая при этом самую что ни на есть чистую радость, самое чувственное наслаждение, какие только доводилось ей испытывать в ее недолгой жизни.

— Спасибо тебе, — прошептала она Арчеру, когда все уже закончилось, и нежно поцеловала его. — Ты преподнес мне такой восхитительный подарок — радость. Даже если мне суждено будет прожить еще сотню лет, я никогда не забуду эту ночь. Не понимаю, как можно считать порочным столь прекрасное, как то, что мы только что изведали с тобой! И все-таки — это порочное дело, я полагаю, а сама я — порочная женщина.

Оставив одну свою руку на ее груди, Арчер другой подпер голову.

— Если это так, тогда я должен сказать, что мне нравятся порочные женщины.

— Арчер?..

— Да?

— У тебя это впервые?

— Да. Я, наверное, был не очень-то опытен, да?

— Ты был восхитителен. Ты был, как Ромео, — самым восхитительным любовником. «Любовник»… Какое замечательное слово!

Но знаешь, дорогой, — и это тоже потрясающее слово! — ты не должен чувствовать себя чем-то обязанным мне. Я понимаю, ты сказал, что любишь меня, но тебе не нужно было так говорить.

— Но я и вправду люблю тебя!

Эмма вспыхнула от этих слов. Именно это она и желала услышать.

— Правда? — прошептала она.

Он приблизил лицо и поцеловал ее.

— Никогда я не был более счастливым, чем в эту минуту. Такой и должна быть любовь, я так думаю.

— О, мой дорогой, *дорогой*Арчер. — Она уселась на койке и стиснула его от избытка чувств. — Тебе придется весьма существенно пересмотреть свои планы.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты поедешь в Калифорнию вместе с нами на «Императрице Китая». Это проще и, главное, куда безопаснее, чем ехать в какой-нибудь повозке, где, как мне рассказывали, холера косит людей буквально как мух. О, ты непременно должен ехать вместе с нами!

— Ну, не думаю, что плыть через Магелланов пролив — это удовольствие.

Эмма положила голову ему на грудь, наслаждаясь запахом его тела.

— Я даже помыслить не могу о том, чтобы расстаться с тобой.

Он ласково взъерошил ее волосы.

— Ты права. Я также не могу представить себе, что буду где-то вдали от тебя.

— Значит, решено! — Эмма вложила свою руку в его. — Мы — подобно Адаму и Еве, так ведь? Эмма и Арчер в своем скромном Эдемском саду.

Он поцеловал ее в мочку уха, затем прошептал:

— А знаешь что?

— Что?

— Я снова хочу.

— Арчер! Мне кажется, что ты почти так же порочен, как и я.

— Это, возможно, войдет у меня в привычку — быть порочным!

Глава пятая

— Стало быть, ты хочешь поменять свой билет на билет до Нового Орлеана? — осведомился Ганс Фридрих Рихтер на следующее утро; он сидел в своем кабинете на главной палубе и внимательно разглядывал Арчера.

— Какие-то возражения?

— Решительно никаких. Но, разумеется, это обойдется в некоторую сумму.

— Сколько?

Эконом открыл выдвижной ящик рабочего стола и вытащил оттуда полицейское объявление.

— Давай прикинем, — сказал он. — Ты украл из банка семьсот долларов, а твой билет первого класса из Цинциннати в Каир обошелся тебе в сорок долларов, следовательно, у тебя осталось… Ну, скажем, шесть сотен у тебя должно остаться, это наверняка. Значит, билет до Нового Орлеана обойдется тебе в шестьсот долларов.

— Ты вонючий вор!

— Ну-ну, спокойнее! Это вы вор, мистер Коллингвуд… прошу прощения, Кларк. Именно так сказано в полицейском объявлении. Я ведь должен еще учитывать, что не смогу получить награду в тысячу долларов за твою поимку. Так что, полагаю, будет более справедливо, если ты заплатишь мне шесть сотен золотом, в противном случае, — он показал на объявление, — как только мы остановимся завтра утром в Каире, я уверен, тамошняя полиция заинтересуется тобой.

— Но мы ведь договорились!

— Именно, но всякий договор может быть расторгнут. Кроме того, хочу добавить, что я не вполне уверен, что найдется много людей, которые поверят слову банковского грабителя, вроде тебя, если этому слову будет противостоять слово достопочтенного человека вроде меня. Но есть, разумеется, и еще одна альтернатива.

— А именно?

— Один из членов команды сказал, что видел, как сегодня утром фрейлейн де Мейер покидала твою каюту. Не могу выразить, насколько я был потрясен, услышав, что на этом судне совершилось прелюбодеяние. Но я воздержусь от морализирования по этому поводу.

Арчер стоял перед столом, за которым восседал Рихтер, уперевшись пальцами в столешницу.

— Если ты скажешь еще хоть одно слово о мисс де Мейер, — вкрадчивым голосом сказал он, — я убью тебя, грязный ублюдок!

— Сомневаюсь. Однако меня тронуло твое рыцарство. Могу лишь предположить, что между вами вспыхнуло некое романтическое чувство.

— Мы любим друг друга! Разве в этом есть что-нибудь плохое?

— Как человек, родившийся в Германий, то есть в том самом краю, который считается колыбелью романтики, вряд ли я могу иметь что-то

против любви. Но дело в том, что ее отец все еще обладает некоторым состоянием в виде бриллиантов. Если бы ты смог добыть эти бриллианты для меня, то смог бы оставить свое золото при себе.

Арчер перегнулся через стол, схватил Рихтера за грудки, рывком вытащил из кресла и ударил кулаком в нос. Со сдержанным стоном Рихтер плюхнулся на место, опрокинулся вместе с креслом на пол, ударившись при падении головой о перегородку.

— Я принесу тебе свое золото, — сказал Арчер, открывая дверь. — Можешь засунуть его себе в ж… — И вышел из каюты, хлопнув дверью.

Рихтер с трудом поднялся. Из носа текла кровь. Вытащив из кармана носовой платок, он приложил его к носу.

— Даром вам это не пройдет, мистер Коллингвуд, — пробормотал он, пряча полицейское объявление в стол. — Дорого вам это обойдется, очень дорого.

Она принадлежала к той категории женщин, про которых французы говорят «бальзаковского возраста»: хотя ей было уже сорок лет, она вполне могла сойти за тридцатилетнюю. Когда в тот вечер она вошла в корабельный салон, при ее появлении все разом повернули головы. Тут даже Эмма не могла не позавидовать: такой женщине надлежало бы быть при лучших дворах Европы, а вовсе не на корабле, забитом неизвестно какого рода и племени людьми. Ее платье, каштанового цвета, украшенное черной отделкой, выглядело просто и очень элегантно. На голове была бриллиантовая звезда и — по моде времени — перья, что делало ее и без того очень красивую прическу произведением искусства. Эмма была уверена, что эта эффектная блондинка чуточку, как говорили тогда, «подправила цвет волос с помощью своей французской служанки». То, как она держала себя, придавало ей естественную элегантность — сразу видно было, что у этой женщины есть свой определенный стиль. Метрдотель проводил ее к столику. Феликс, Дэвид и Арчер почтительно встали, а она всем им улыбнулась и сказала с легким акцентом, который Эмма не смогла определить.

— Добрый вечер. Я графиня Давыдова, у меня место за вашим столиком. Вы позволите составить вам компанию?

— Разумеется, графиня, — сказал Феликс, поднося ее затянутую перчаткой руку к губам. Арчер, потрясенный, лишь безмолвно взирал на них. Он никогда прежде не видел графинь, как, впрочем, не доводилось ему прежде видеть и то, как целуют руки. И кроме того, он был несколько удивлен тем, что на голове столь прекрасной женщины нет короны.

— Позвольте представиться, — говорил меж тем Феликс. — Меня зовут Феликс де Мейер, я родом из Франкфурта, а это моя дочь Эмма, мой кузен мистер Левин, а это мистер Кларк.

— Я рада видеть таких приятных джентльменов своими соседями по столу, — сказала она, присаживаясь рядом с Феликсом. — Но скажите, герр де Мейер, правильно ли мне рассказывали, что прошлой ночью вы стали жертвой бандитского нападения?

— К сожалению, да.

— О, это ужасно! — сказала она, разворачивая салфетку. — Мне говорили, что на этих пароходах каких только бандитов не бывает. Воры, профессиональные карточные шулеры, потом эти, как их иногда называют, «внимательные попутчики одиноких женщин». В моей стране этим людям не позволяют так спокойно разгуливать на свободе.

Когда Эмма поинтересовалась у графини, из какой страны она родом, Арчер позавидовал той легкости, с которой европейцам удается поддерживать друг с другом приятный, ничем не обремененный разговор. Акценты, с которыми произносились английские слова, казались ему сущей музыкой в сравнении с тем гнусавым произношением, к которому с детских лет привык сам Арчер у себя на ферме.

— Из России. Я из Санкт-Петербурга. Мой покойный супруг граф Давыдов служил в дипломатическом корпусе. Сейчас я направляюсь в Буэнос-Айрес к дочери, которая вышла замуж за одного плантатора, живущего в пампасах. У моей дочери двое детей, моих внуков, которых мне еще ни разу не доводилось видеть. Так что вы, должно быть, понимаете, насколько мне не терпится поскорее добраться до Аргентины.

— Одно удовольствие видеть на борту женщину такой красоты, графиня, — сказал Феликс, внимательно разглядывая элегантную бриллиантовую с рубинами брошь на левом плече графини. — Как ювелир, хочу отметить, что у вас очень красивая брошь. Тонкая работа, а этот бирманский рубин так и вовсе потрясающий.

— Благодарю вас. Это подарок мужа.

— Готов предположить, что он купил эту драгоценность в Париже у мсье Леммонье.

Радостная улыбка осветила ее лицо.

— Герр де Мейер, да вы почти волшебник! Я просто поражена!

От этого комплимента Феликс зарделся.

«Папочка явно заинтересовался этой женщиной, — подумала меж тем Эмма и под столом протянула руку и незаметно коснулась руки Арчера. — Надо же! Никогда не видела, чтобы он интересовался какой-либо

женщиной помимо матери».

Сидевший слева от Эммы Дэвид увидел ее руку в руке Арчера, и сердце его преисполнилось гневом.

— Могу я спросить, — сказала Эмма, — почему вы не поплыли прямиком в Буэнос-Айрес?

— Ой, что вы, это было бы так скучно! А мне захотелось увидеть эту новую страну, о которой мне доводилось столько всего слышать. И кроме того, я купила немного земли в Кентукки, которую я хочу осмотреть. Это ферма, где выращивают лошадей. Я села на корабль в Луисвилле, но, к сожалению, немного простудилась, и потому некоторое время мне пришлось провести в постели. Но теперь, слава Богу, теперь все прошло, и я надеюсь, что смогу не без удовольствия добраться до Нового Орлеана.

— Мы как раз в те края и направляемся, — сказал Феликс. Там мы пересядем на «Императрицу Китая» и на ней доберемся до Калифорнии.

— Как интересно! Ведь на том же корабле, на «Императрице Китая», я отправляюсь в Буэнос-Айрес. — Она улыбнулась Эмме. — Мы должны будем подружиться.

«Но что-то говорит мне, что мы не подружимся», — подумала Эмма. А тем временем Дэвид, который чувствовал себя так, словно его поджаривают на медленном огне, рассуждал: «Эмме нравится этот парень Кларк лишь потому, что симпатичный. Если бы у меня была такая вот внешность! Черт бы его побрал!..»

— Должен предупредить вас, графиня, — сказал Арчер. — Не прибегайте для хранения драгоценностей к услугам эконома. Ему нельзя верить.

Графиня Давыдова перевела свои зеленые глаза на Арчера, думая о том, что этот молодой человек необычайно красив.

— Спасибо за предупреждение, мистер Кларк, я обязательно прислушаюсь к вашему совету.

«Эта женщина авантюристка, — подумала Эмма, чувствуя, как в душе у нее растет неприязненное чувство к этой русской графине. — Охотница за мужчинами, вот кто она! И лучше ей держаться подальше от моего Арчера, или же я выцарапаю ее зеленые глазищи!»

Эмма в своей каюте с нетерпением дожидалась половины двенадцатого. Она полагала, что к этому времени большинство пассажиров разойдутся по каютам и палуба опустеет. Дождавшись этого времени, она выскользнула из каюты, осторожно прикрыла за собой дверь и отправилась по ветренной палубе в каюту номер десять. Из темноты вдруг выступила

чья-то фигура и схватила Эмму за руку.

— Эмма, куда ты?

Это был Дэвид.

— Мне не спится, вот я и подумала, почему бы не прогуляться немного по свежему воздуху…

— Ты лжешь! Ты ведь направлялась к *нему* в каюту, не так ли?

— Что ты имеешь в виду? И вообще, дай пройти!

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду! Ох, Эмма, и как ты могла опуститься до такой степени! В конце концов, кто такой Кларк? Обычный деревенский парень, необразованный, некультурный, олух — вот он кто! В нем нет ничего от джентльмена!

Эмма вырвала свою руку и ударила Дэвида что было силы.

— Как ты смеешь говорить такое про человека, который спас жизнь моему отцу? Мистер Коллингвуд замечательный, прекрасный человек. Он добрый, откровенный и кроме того…

— Что еще за мистер Коллингвуд?

Эмма чуть замешкалась.

— Я имею в виду мистер Кларк. И кроме того, ни от тебя, ни от кого бы то ни было другого я больше не потерплю, чтобы мне указывали, что я могу, а чего не могу делать, понял?

Дэвид взялся за щеку. От ее пощечины щека горела, но отношение Эммы, ее слова еще больнее ранили его сердце.

— Ты что же, любишь его? — шепотом спросил он.

— А если и да, что такого?

— Но ведь он из гоев!

Она закусила губу, чтобы сдержаться. Более всего ей хотелось сейчас убежать.

— Ты не только сноб, Дэвид, ты еще и настоящий фанатик.

При этих словах Дэвид вновь схватил ее за руку. Едва ли не впервые он понял, что если не хочет потерять это сокровище, то должен действовать напористо.

— Я люблю тебя! — прошептал он. — Меня убивает, когда я вижу, как ты швыряешь свою репутацию, да и… самое себя к ногам этого дурака-американца.

— Он вовсе не дурак. И каким же это образом я «швыряю свою репутацию»?

— Ты занималась с ним любовью! — В его шепоте было столько зависти и злобы, что звуки слились в единое змеиное шипение.

И снова она вырвала у него руку.

— Ради Бога, я ведь не девочка! — сердито, но также шепотом сказала она. — И кроме того, это решительно не твоего ума дело. А теперь прекрати преследовать меня! — И решительно повернувшись, зашагала по палубе.

«Черт бы ее побрал! — подумал Дэвид, у которого навернулись на глаза слезы ревнивой злобы. — Она не стоит того, чтобы из-за нее разрывалось мое сердце!»

Но что бы он ни говорил себе, сердце его все равно разрывалось.

Когда Эмма подошла к двери каюты Арчера, она несколько поколебалась, прежде чем постучать. Она была ужасно расстроена тем, что сказал ее кузен. И хотя она злилась на Дэвида за то, что он пытался вмешиваться в ее дела, но втайне понимала, что многое из сказанного им — правда. В родной для Эммы Германии представители среднего класса, к которым она причисляла себя, имели строгие представления о морали, и только молодые романтики во главе с художниками, писателями и поэтами восставали против притворной стыдливости и призывали к «свободной любви».

Эмма вовсе не желала быть порочной женщиной, даже если подчас и говорила обратное. С другой стороны, то физическое наслаждение, которое довелось ей испытать с Арчером, было таким сладким и притягательным, что Эмма не могла поверить, будто его тоже следует считать порочным. И чем дальше она удалялась от европейского берега и европейской социальной структуры, чем ближе оказывался практически необжитый край Америки, тем менее и менее порочным казалось ей собственное поведение. Арчер пробудил в Эмме чувства страсти, которых прежде она никогда не испытывала. И в то же самое время Эмма понимала, что Дэвид никогда бы не понял этих ее переживаний, как не понял бы и отец.

И все же со всей присущей ей рациональностью Эмма понимала, что если сейчас постучится в дверь Арчера, то ей придется сжечь множество мостов, многие из которых были весьма удобны и комфортабельны.

Она постучалась.

И пока Эмма ожидала, в памяти вновь и вновь звучали сказанные Дэвидом слова: «Деревенский парень, необразованный, некультурный, олух…» Она вынуждена была признать, что данное кузеном описание вполне подходит к ее любовнику. Страна, в которой практически не знали фортепиано, — разве не так ее мать описывала Америку? Шопен, Бетховен… Эмма внезапно ощутила сильную тоску по этим композиторам, по всей той культуре, что стояла за ними: красота, искусство — разве не это самые прекрасные вещи на свете? «Так что же я делаю? — испуганно

подумала она. — Что я уже сделала?!»

Дверь каюты открылась, и за ней стоял ее любовник, мужчина, которого Эмма любила и хотела. Она вошла в каюту, закрыла за собой дверь. Арчер обнял ее и принялся жадно целовать, но через секунду отступил.

— Что случилось? — спросил он.

— Да просто… нет, ничего.

— Неправда, я ведь чувствую, что ты чем-то обеспокоена!

Эмма несколько отстранилась.

— Арчер, — сказала она наконец, — приходилось ли тебе когда-либо слышать о человеке по имени Фредерик Шопен?

Молчание. Она посмотрела на его лицо. «Он прекрасен, как божество, — подумала она не в первый раз. — У него такое великолепное лицо. Но и такое простое!»

— Фредерик… Как ты сказала?

«Он — еще один Хенкель фон Хеллсдорф, — подумала она. — Прекрасный, но пустой. Впрочем, нет, это не так. Он tabula rasa, чистый лист. Тот самый благородный дикарь, про которого говорил Руссо».

— Да так, не важно.

— Нет, важно. Кто этот мужчина? Кто-нибудь из твоих знакомых?

Она едва сдержалась, чтобы не прыснуть со смеху.

— Фредерик Шопен — это знаменитый композитор, умерший в прошлом году.

Арчер нахмурился.

— Понятно. Хотя, полагаю, не так-то уж он знаменит.

Эмма взяла его руку в свою.

— Нет, правда, все это совершенно не важно, — улыбаясь, сказала она.

— Значит, ты все-таки упорствуешь. О'кей, пусть я никогда не слышал о Шопене. Ты только не думай, будто я не понимаю, что между тобой и мной существенная разница. Я очень хорошо увидел это как раз сегодня за обедом, когда с нами сидела эта русская дама. Вы, иностранцы, и говорить ловко умеете, и манеры у вас безукоризненные, тогда как я всего лишь неотесанный провинциал, деревенщина. Кто-то сказал так обо мне, да? И кто же, хотел бы я знать? Твой отец, может быть?

— Нет, мой кузен Дэвид. Видишь ли, он ревнует меня к тебе. Он знает, что мы стали близки, и хочет оказаться на твоем месте, потому и нападает на тебя. И на меня тоже. Он сказал, например, будто бы я швыряю свою репутацию, что веду себя совсем не так, как подобает леди. Думаю, он совершенно прав.

— Что, репутация так много значит для тебя?

— Ну… вообще-то, конечно.

Он вырвал из ее ладони свою руку.

— В таком случае тебе лучше отсюда уйти. И я вполне понимаю тебя. Между прочим, я сказал твоему отцу, что когда я отправился к эконому, чтобы поменять билет до Нового Орлеана, этот самый эконом пытался подбить меня на то, чтобы украсть у него оставшиеся драгоценности.

Внезапно Эмма вспомнила, чем обязана Арчеру. «Может, он действительно неотесанный, — подумала она, — может, он и вправду никогда не слышал музыку Шопена, но ведь он истинный джентльмен, истинный! Он стоит двух таких, как Дэвид, который может запросто надраться и выболтать какому-нибудь Бену-Шекспиру о наших бриллиантах».

— Впрочем, плевать мне на моего кузена! — вырвалось у Эммы, и она обняла Арчера. — И Бог с ним, с Шопеном! Ох, Арчер, я так люблю тебя, что… не перестану любить, даже если ты думаешь, будто Земля плоская.

Он рассмеялся, а Эмма принялась покрывать его лицо поцелуями. Отсмеявшись, Арчер также начал целовать ее в ответ.

Казалось, что протекло лишь одно-единственное мгновение — и вот она уже лежала на койке, глаза ее были закрыты в экстазе, а на своей груди Эмма чувствовала горячий язык Арчера. Казалось, что Арчер как бы играет ее отвердевшими сосками, время от времени проводя языком по коже меж грудей. Он прокладывал горячий путь от сосков выше и выше, к горлу и шее. Эмма застонала от удовольствия, а Арчер осторожно раздвинул ей ноги. Рука ее принялась гладить его сильные гладкие бедра. Арчер лег на нее, и Эмма почувствовала его мощный возбужденный член, зажатый меж двух тел так, что оказался как раз у нее на животе. Словно в гипнотическом танце Арчер двигался по ее телу вперед-назад, вперед-назад, языком касаясь мочки ее правого уха, щеки.

— О, Арчер, — прошептала она, — любовь моя!

Затем ощутила у себя на губах его губы, а его язык у себя во рту. Как только языки коснулись один другого, Эмма почувствовала, как Арчер вошел в нее. И затем очень медленно — «ларго», подумала она, использовав музыкальный термин, — Арчер начал двигаться в ней.

Шопеновская прекрасная мелодия, ноктюрн ми-бемоль зазвучал у нее в голове. Затем, по мере того как пульс ее учащался, начал звучать вальс «Бриллиант», который в свою очередь сменился бетховенской «Вальдштейновой» сонатой. Когда же Эмма напряглась от охватившей ее страсти, зазвучали мощные аккорды величественной, сопровождаемой

звуками ударных, финальной части хорала из Девятой симфонии.

— Freude, — прошептала она, когда он лег рядом с ней.

— Что?

— Это значит «радость» по-немецки. Именно это исполняет хор в финале Девятой симфонии Бетховена. Ты хоть слышал о Бетховене?

— Да, но я никогда не слышал саму симфонию.

Приподнявшись, Эмма взяла обеими руками его лицо и поцеловала.

— О, мой дорогой, — прошептала она, — настанет день, и мы вместе пойдем в филармонию, будем сидеть, держась за руки, и наслаждаться Девятой симфонией. Ты получишь такое же огромное удовольствие, какое испытала я в тот самый день, когда впервые услышала эту симфонию в исполнении оркестра под управлением герра Мендельсона.

— Герра… кого?

— Это не суть важно. Дорогой мой Арчер, ты подарил мне радость любви, и я всегда буду благодарна тебе за это. А придет день, я познакомлю тебя с радостью, которую дает музыка.

Арчер на секунду задумался, затем сказал:

— Ты и есть моя радость и моя музыка.

Эмма вздохнула. Благородный дикарь, он действительно благородный дикарь…

Никогда прежде не доводилось ей спать таким спокойным и глубоким сном. Сейчас, когда стук в дверь каюты разбудил Эмму, она все еще была исполнена радостью сексуальной близости.

— Арчер… — пробормотала она, переворачиваясь на правый бок и вспоминая, как Арчер ласкал ее груди своими сильными руками.

— Эмма! Ты проснулась?

Это был голос отца. Она села на койке и зевнула.

— Одну минуту, папочка.

Потерев глаза, она поднялась с постели и побрызгала на лицо водой из умывальника. Быстро вытерлась полотенцем, надела халат и подошла к двери.

Феликс был элегантным мужчиной. Некоторые их знакомые во Франкфурте даже критиковали его за некоторое щегольство, хотя ни изнеженным, ни тем более женственным он не был. Дело в том, что, будучи ювелиром состоятельных людей, Феликс де Мейер вынужден был одеваться так, как это было принято среди его клиентов. Его врожденный тонкий вкус и приятная внешность придавали ему аристократическую элегантность, которая так восхищала Эмму. В это утро он выглядел как

всегда безукоризненно опрятным, в серой бобровой шапке, с украшенной золотым набалдашником прогулочной тростью в руке. Однако Эмме достаточно было взглянуть на его лицо, чтобы понять: что-то случилось.

— Утро доброе, папочка, сколько времени?

— Почти полдень.

— Боже праведный, ну я и заспалась!

— Наверное, потому, что тебя не было в каюте до трех часов ночи. Можно войти?

Она посторонилась, поняв наконец, что случилось. Войдя, отец снял шапку. Эмма закрыла дверь.

— Садись, пожалуйста, на постель, папа.

— Благодарю, я лучше постою.

Она неуверенно улыбнулась и сама уселась на койку.

— Эмма, после трагической гибели твоей матери, — начал он, — я счел естественным принятие на себя как сугубо отцовских, так и материнских обязанностей, насколько это вообще осуществимо. Однако, боюсь, я не особенно-то в этом преуспел. Скажи, какие у тебя отношения с мистером Кларком?

Эмма перевела дыхание.

— Не стану лгать, папочка, я люблю мистера Кларка.

— Полагаю, именно с ним… с ним ты и провела эту ночь?

— Да.

Он нахмурился.

— Неделикатный вопрос, но и все-таки… вы занимались любовью?

— Да.

— Понятно. — Феликс провел указательным пальцем по губам. Эмма часто видела этот жест, означавший, что отец крепко задумался. — Видишь ли, я ничего не имею против мистера Кларка, — продолжил отец. — Более того, мы все перед ним в долгу за то, что благодаря именно ему нам удалось сохранить хоть часть нашего состояния. Между прочим, после того что произошло прошлой ночью, я немало размышлял о том, нужно ли нам вообще продолжать путь в Калифорнию при наших-то заметно уменьшившихся средствах. И все-таки пришел к выводу, что денег наших вполне достаточно для того, чтобы вполне прилично обосноваться в Калифорнии, хотя мы и не сможем наладить жизнь на таком высоком уровне, о котором я раньше мечтал. Скажи, ты одобряешь это мое решение?

— Разумеется, папочка. Мне и в голову не приходило, что мы не поедем в Калифорнию.

— Да, но такая мысль пришла в голову мне. Но раз уж мы все-таки заплатили за билеты на «Императрицу Китая», а заплатить пришлось весьма значительную сумму…

Феликса прервал мрачный рев пароходной сирены. Вытащив из кармашка золотые часы, он посмотрел на циферблат.

— Полдень, — сказал он. — Какие бы недостатки ни были у этого корабля, он, по крайней мере, идет по расписанию. Мы должны отплыть из Каира ровно в полдень.

Пароход вздрогнул, и Эмма услышала отдаленное «шш-шш-шш», издаваемое начавшими вращаться колесами. Феликс положил часы в кармашек.

— А ты знаешь, — продолжил он, — что мистер Кларк не настоящее его имя?

— Да, но как ты об этом узнал?

— Об этом говорит весь пароход. По-видимому, твой юный любовник ограбил в Огайо банк.

Эмма вся напряглась от тревожного чувства.

— Папочка, что случилось?

— Примерно два часа назад, вскоре после того как мы пришли в Каир, на пароход явилась полиция и арестовала мистера Кларка, которого в действительности зовут Коллингвуд, если не ошибаюсь.

— Арчер! — Эмма вскочила с постели. — Я должна пойти к нему! Где он?

— Его арестовали и увели на берег. Он будет отправлен обратно в Огайо, где его будут судить…

— Арчер!

Эмма ринулась к двери, но Феликс поднял трость, преграждая дочери путь.

— Слишком поздно. Пароход уже отошел от причала.

С гневным выражением лица она резко обернулась, ее восхитительные аметистовые глаза были наполнены слезами.

— Почему же ты не разбудил меня? — почти крикнула она.

— Ты должна забыть мистера Коллингвуда, Эмма. Поначалу тебе будет очень больно, я понимаю, однако ты должна забыть…

— Ты специально сделал все это! Ты дал мне возможность спать, когда они арестовывали и уводили его. — В ее глазах мелькнуло паническое выражение. — Это наверняка корабельный эконом выдал Арчера.

Отведя отцовскую трость в сторону, Эмма выбежала из каюты, оставив дверь раскрытой.

— Эмма!

Она бежала босиком, в неглиже.

— Эмма, вернись!

Она бежала на корму, расталкивая глазеющих на нее пассажиров, и наконец достигла палубного ограждения. Возле правого борта со звуком «шш-шш-шш» вращались огромные лопасти, приводящие судно в движение. Опускаясь в воду, каждая лопасть вскоре выныривала на поверхность, поднимая тучу брызг, и каждый гребок все более и более отдалял пароход от иллинойского берега, все далее уносил его по волнам Миссисипи. Ветер трепал волосы Эммы, которые рассыпались на множество кудрявых черных локонов. Она уставилась на маленький прибрежный городок Каир, который все более отдалялся, тая вдали.

— Арчер! — зарыдала Эмма.

Двое средних лет коммерсантов из Луисвилля поспешили прийти ей на помощь, иначе Эмма рухнула бы на палубу.

— Мой дорогой господин де Мейер! — воскликнула графиня Давыдова, подойдя к Феликсу, в то время как двое мужчин осторожно перенесли Эмму в ее каюту. — Что могло случиться с вашей очаровательной дочерью?

— Боюсь, — печально сказал Феликс, — что только что разбилось ее сердце.

Глава шестая

К тому времени, когда в Новом Орлеане Эмма взошла на борт «Императрицы Китая», она уже поняла, что беременна. У нее не было месячных, и, более того, она чувствовала, как внутри у нее начинает существовать что-то совершенно новое, особенное. Мысль о том, что она носит в себе ребенка Арчера — а в его отцовстве никаких сомнений и быть не могло, — вызвала у Эммы противоречивые чувства. С одной стороны, она испытывала затаенную радость при мысли, что в ней зреет живое напоминание о молодом человеке, в которого она так отчаянно влюбилась, и эта мысль помогала ей выкарабкаться из состояния депрессии, в которую поверг ее арест Арчера. С другой стороны, Эмма оказалась перед лицом чудовищных практических трудностей, с которыми сталкивалась всякая незамужняя женщина, собиравшаяся стать матерью-одиночкой. В ответ на ее признание в том, что между нею и Арчером была любовная близость, отец почти ничего не сказал, однако поступки его красноречивее всяких слов говорили о том, что он обо всем этом думает. Феликс не будил Эмму до тех пор, пока пароход не отчалил от Каира, чтобы таким образом

предотвратить всякую безрассудную попытку дочери последовать за Арчером. Эмма знала, что про себя он говорит примерно следующее: «Да, я знаю, что Арчер не самый неприятный из грабителей банков молодой человек. Но будет куда лучше, если этого человека вовсе не будет в жизни дочери». И кроме того, Эмма отлично понимала, что отец совсем не придет в восторг от известия, что она беременна, не имея при этом семьи.

Эмме отчаянно хотелось хоть с кем-то поговорить, посоветоваться. Но с кем? Ведь не с Дэвидом же обсуждать проблему, тем более что он вовсе не горевал из-за отсутствия Арчера, а даже наоборот. На трехмачтовом клипере «Императрица Китая» набралась едва ли дюжина пассажиров, поскольку он считался в первую очередь грузовым судном. Однако все равно о таком интимном предмете Эмма не смогла бы поговорить ни с кем из этих посторонних людей.

В конце концов на второй день после выхода из порта Нового Орлеана, когда клипер скользил по водам Мексиканского залива, направляясь в сторону Гаваны, чтобы оттуда взять курс на Буэнос-Айрес, Эмма решилась подойти к графине Давыдовой. Элегантная русская светская дама, которая ехала со своей французской служанкой по имени Сесиль, понемногу подружилась не только с Феликсом, но и с Эммой. И хотя Феликс с каждым днем все более проникался романтическим чувством к графине Давыдовой, сама графиня, к удивлению Эммы, вела себя совершенно безупречно и ничем не давала дочери повода упрекнуть ее в желании окрутить отца. Ничто в поведении графини не подтверждало первоначального впечатления Эммы о ней как об авантюристке. Обаяние Давыдовой оказалось столь велико, что вспыхнувшая было враждебность Эммы по отношению к русской мало-помалу улетучилась, поэтому после дневного сна Эмма решилась-таки поговорить с ней. Она вышла на главную палубу, где и поджидала того момента, когда графиня выйдет из каюты, чтобы совершить прогулку на свежем воздухе. Ожидая выхода русской дамы, Эмма с интересом наблюдала за тем, что творилось на борту красивого клипера, который будет ее домом по крайней мере ближайшие четыре месяца.

Являясь самым быстрым кораблем, этот клипер был гордостью Америки. Эмма восхищалась царившей на судне чистотой и слаженной работой экипажа, хотя у нее и вызывала неудовольствие теснота каюты. Сейчас Эмма, задрав голову, с интересом наблюдала, как ловко карабкались по мачтам матросы, как под напором ветра вздувались огромные белые паруса, креня судно на левый борт, когда оно мягко скользило по водам залива.

— Прекрасно, не правда ли? — услышала она голос. Повернувшись, Эмма увидела настоящего гиганта, облаченного в капитанский китель. Будучи тридцати с небольшим лет — а именно так Эмма ориентировочно определила возраст капитана, — он явно производил впечатление: широкие плечи, узкая талия, густые волосы цвета огненной меди, а лицо едва ли не такое же, как и волосы, что являлось, подумала Эмма, результатом воздействия солнца, которое много дней подряд светило над капитаном. — Я имею в виду корабль, — добавил он, коснувшись своей треуголки. — Я уверен, что отличный клипер — самое прекрасное, что только есть на земле. Исключение составляют разве только прекрасные женщины вроде вас. Позвольте представиться, я Скотт Кинсолвинг, капитан этого судна, а также его владелец. Вы, насколько я понимаю, мисс де Мейер из третьей каюты?

— Совершенно верно, капитан.

У Эммы создалось вполне отчетливое впечатление, что капитан Кинсолвинг, который был почти на целый фут выше ее, заинтересовался ею отнюдь не по служебной необходимости, и потому она решила держаться с ним холодно и официально, насколько это позволяют приличия.

— В ближайшие примерно сто дней мы будем нередко видеться друг с другом, — продолжал капитан, — и поэтому хорошо бы нам сейчас познакомиться.

Он довольно-таки нахально улыбнулся, так во всяком случае показалось Эмме.

— Вот не знала, что, приобретя билет на пароход, я тем самым взяла на себя обязательство подружиться и с его экипажем, — сказала она, думая, что после такого ответа капитан наверняка заткнется.

Но он смотрел на Эмму своими зелено-голубыми глазами, такими же нахальными, как и его улыбочка.

— Я вовсе не член экипажа, мисс де Мейер. Пока вы на борту моего корабля, я — Бог. Всего доброго. — Он повернулся, намереваясь уйти, затем чуть помедлил, заглянул в ее аметистовые глаза. — И я действительно думаю, мисс де Мейер, что если бы взглядом можно было убить человека, то я давно уже был бы трупом.

— Рыжий бык! — пробормотала она едва слышно, как только капитан скрылся в служебном помещении. — Он что же, думает, что и вправду Бог? Подонок!

Корабль продолжал скрипеть и постанывать, подгоняемый ветром, дувшим в направлении Гаваны.

— Но поймите, дорогая Эмма, на корабле он *действительно*Бог, — говорила ей графиня Давыдова минут двадцать спустя, когда они прогуливались по палубе. — Неблагоразумно так задирать нос перед капитаном. Пока мы в море, он распоряжается нашими судьбами.

— Может быть, это и так, но он показался мне просто самодовольным болваном!

Графиня рассмеялась.

— Вы обошлись с ним довольно-таки резко. Говорят, он один из самых богатых бостонских судовладельцев. Я также слышала, что его любовная жизнь полна скандалов и тайн.

— В самом деле? — спросила Эмма, у которой против ее воли эти слова пробудили определенный интерес. — И что же это такое?

— Ну, если бы мы с вами о них знали, то это уже не было бы загадкой, так ведь? А если и есть в мире что-нибудь вызывающее большее неудовлетворение, чем неразгаданная загадка, — то это загадка разгаданная.

Эмма улыбнулась. Ей был по нраву юмор графини Давыдовой, а легкий акцент русской дамы придавал ему элегантную пикантность.

— Но сказать не могу, как я рада, что цвет возвратился на ваши щечки, — продолжала графиня. — В последние несколько дней я наблюдала, как вы все более оживаете, и могу добавить, вашему отцу это тоже очень приятно видеть. Знаете, он очень волновался по поводу вашего здоровья. Но я сказала ему: «Время, дорогой мой Феликс, дайте ей время. Время лечит все раны, даже сердечные».

— Время никогда не сможет залечить мою рану, графиня.

— Пройдет время, и вы обнаружите, что в один прекрасный день лихой мистер Коллингвуд напрочь исчезнет из вашей памяти.

— Ну, это маловероятно хотя бы потому, что… — она набрала побольше воздуха в грудь, — что у меня будет от него ребенок.

Графиня Давыдова внимательно посмотрела на нее.

— В самом деле? — прошептала она.

— Боюсь, что да.

— И вы, разумеется, ничего не рассказали отцу?

— Нет, потому что, если честно, боюсь. Я так сильно люблю папу, и, кроме того, я совсем не уверена, что он захочет взглянуть на то, что случилось моими глазами. Я понимаю, что согрешила, и готова держать ответ за содеянное. Но мой бедный папочка, — Эмма тяжело вздохнула. — Боюсь, это известие может разбить его сердце.

— Конечно, это будет для него сильным потрясением, впрочем, этого и

следует ожидать. Хотя, с другой стороны, ваш отец — трезвомыслящий человек, чем он, кстати, мне и нравится… Может быть, вам хотелось бы, чтобы я сообщила ему эту новость? Может, так будет лучше?

— Да! Я уверена, что так будет гораздо лучше. Я знаю, что папочка симпатизирует вам, и… Ну, словом, я надеялась, что вы сможете быть посредником. Жизнь поистине странная штука! Когда я впервые увидела вас, вы мне не понравились, и вот получилось так, что мы с вами подружились. По крайней мере я считаю вас своим другом.

Графиня слегка похлопала по руке Эммы.

— И я считаю точно так же, — с улыбкой сказала она, затем на секунду призадумалась. — Скоро мне придется рассказать обо всем вашему отцу. Конечно же, то, что вы теперь в интересном положении создает определенные проблемы, из которых отсутствие отца — не единственная.

— Что вы имеете в виду?

— Корабль пойдет вокруг мыса Горн как раз тогда, когда в Южной Америке зима. И наверняка будут жуткие ветры. Для женщины, которая собирается стать матерью, это совсем не то же самое, что отдыхать во Франкфурте, лежа в шезлонге, не так ли? Не исключено, что возникнут даже некоторые опасности.

— Я совсем не подумала об этом.

— Вы о многом не подумали. Но, увы, вот что такое любовь — наслаждение моментом и никаких мыслей о будущем. Милая моя, вы еще так молоды. Когда-то и я тоже была молоденькой, так что все это мне прекрасно известно, и потому я не говорю ни единого критического замечания в ваш адрес. Больше того, я должна помочь вам.

— Дорогая графиня, какая же вы добрая!

— Не столько «добрая», сколько практичная. И вообще, вы должны называть меня Зита. Потому что «графиня» звучит слишком официально. А Зита, по-моему, очень неплохое имя, так ведь? Когда мне было всего пять лет, я сама придумала себе это имя. Настоящее мое имя Ирина, точно так же, как у моей дочери. Но Зита звучит гораздо забавнее, вы не находите? В этом есть что-то цыганское. — Она улыбнулась. — Ну так как же преподнести эту новость вашему отцу? — Она пожала плечами. — Может, и вправду лучший путь — самый прямой: рассказать ему все как есть. Непременно после сытного обеда и стаканчика вина, может быть, даже после двух стаканчиков.

— У меня такое чувство, что вы очень хорошо изучили мужчин.

— О да, я немало про них знаю. Когда-нибудь я непременно расскажу

вам историю моей жизни. Она почти такая же скандальная, как и жизнь капитана Кинсолвинга.

Образ высоченного рыжеволосого капитана возник в мыслях Эммы, которая неожиданно для себя обнаружила, что сгорает от желания выяснить, какие такие тайны были в капитанской жизни.

— Эта де Мейер из каюты номер три, — говорил тем временем Кинсолвинг своему штурману мистеру Розберри, — на редкость красивая.

— Ага, так и есть, капитан, — согласно кивнул мистер Розберри.

Мужчины стояли на кормовой палубе, за спиной рулевого. Мистер Розберри, молодой человек, уроженец Нью-Бедфорда, ранее бывший китобоем, поджидал, когда солнце скроется за горизонтом, чтобы можно было сориентироваться по звездам. И хотя ветер был сильный, что усложняло задачу, штурман надеялся, что ему удастся провести ориентировку. Как бы то ни было, а небо оставалось ясным, и звезды первой величины — такие незаменимые в северном полушарии ориентиры, как, например, Вега или Альдебаран, — должны были появиться на небосклоне очень скоро, как только зайдет солнце. В распоряжении штурмана будут считанные минуты, чтобы воспользоваться секстантом: требовалось, чтобы и звезды уже были различимы, и горизонт еще был достаточно хорошо виден. Оптимальные условия предполагали еще плюс ко всему тихое море, которое позволило бы сделать измерения с максимально возможной точностью. Однако мистер Розберри отлично знал, что идеальные условия бывают крайне редко, а в его профессиональные обязанности входило умение при всякой погоде ориентироваться по звездам. Ему нравилась работа штурмана, поскольку он был влюблен в звезды, красота и загадочность которых внушали ему благоговение.

Мысли Скотта Кинсолвинга были далеко от звезд. Он думал об Эмме де Мейер, ее аметистовых глазах, о ее груди и более сокровенных частях ее тела — все это сплошной чередой проносилось в воображении капитана. Скотт, будучи сыном рыбака, сколотил состояние тяжким трудом, и потому в душе его практически не осталось места для романтики.

— Действуйте, мистер Розберри, — вслух сказал он, — а я тем временем полежу у себя в каюте.

— Да, капитан.

— Постарайтесь получить как можно более точные координаты. Барометр падает, и я не исключаю, что в ближайшие несколько дней нам придется хлебнуть дерьма по самое горло. Потому я и хочу знать наше точное местонахождение.

— Сделаю, что смогу, капитан.

Как только Скотт покинул палубу и закрыл дверь, что вела в капитанские апартаменты, он автоматически отметил наличие на корабле положенных сигналов: красного для левого и зеленого — для правого борта. Скотт плавал с тех пор, как ему стукнуло четырнадцать, и его считали одним из наиболее умелых капитанов на «Китайском пути». Именно на этих маршрутах Скотту и удалось сколотить состояние. Компания «Китайская торговля» осуществляла перевозку товаров, произведенных на крупных фабриках Новой Англии, в далекий Китай, а обратно везла шелка, чай, специи, а также фарфор из Гонконга и Кантона. Многие коммерсанты, которые были связаны с торговыми операциями этого региона, со временем стали миллионерами. Пароходная компания Кинсолвинга, имевшая в своем распоряжении семь клиперов, сумела наладить отличный бизнес, и сам Скотт оказался вполне вознагражден за все тяготы своей профессии. Его уважали другие капитаны, хотя некоторые, наиболее занудные среди них, и говорили, что Скотту недостает подлинного совершенства в работе.

Дойдя до каюты, которая помещалась по правому борту, сразу под румпелем, капитан закрыл за собой дверь. Абнер Пибоди, прислуживающий ему четырнадцатилетний пацан, как раз зажигал огонь в лампах. Через иллюминаторы были видны последние отблески солнечного света.

— Кок как раз сейчас готовит суп из креветок вам на ужин, капитан.

— Отлично. А сейчас принеси мне ром, Абнер.

— Слушаюсь, капитан.

Несмотря на более чем скромное происхождение и склонность к употреблению крепких словечек в разговорах с матросами, Скотт вовсе не был намерен до конца жизни оставаться грубым неучем. Пять лет назад он преподнес двадцать тысяч долларов Гарвардскому университету, попросив, в свою очередь, президента Эдварда Эдвардса порекомендовать ему полсотни книжек, которые необходимо прочитать, чтобы стать образованным человеком. Президент Эдвардс в ответ на столь щедрую дотацию откликнулся с живейшим вниманием и выслал Скотту просимое количество томов, из которых капитан сумел уже одолеть два десятка. С некоторым удивлением Скотт ловил себя на мысли, что язычник Платон интересует его куда больше христианских авторов, творения которых он проштудировал.

Сейчас Скотт подошел к книжному шкафу, который занимал целую стену его весьма просторной каюты. В кожаных переплетах, защищенные

медными застежками от качки, тома выглядели весьма солидно. Он вытащил с полки труд Кониерса Миддлтона «Вольное исследование чудодейственных сил, которые, как считается, существовали в Христианской Церкви на протяжении прошедших веков». Это был с большим трудом поддававшийся осмыслению, но все же интереснейший труд, написанный в 1748 году. Именно эту книгу капитан сейчас одолевал. Взяв ее, Скотт устроился на длинном диване возле иллюминатора. Подложив, чтобы было удобнее, еще несколько подушек, капитан с удовольствием растянулся на нем, а в это время Абнер принес оловянную кружку ямайского рома. Капитанская каюта была весьма изящно меблирована: Скотту нравилось окружать себя красивыми и удобными вещами, а бывая в плавании, он не видел причин отказываться от привычного комфорта.

Раздался стук в дверь. Это был Феликс де Мейер.

— Могу ли я видеть капитана Кинсолвинга? Я мистер де Мейер, из каюты номер пять.

— Входите, мистер де Мейер.

Скотт вскочил с дивана, едва только подумал об Эмме. Подойдя к гостю, он пожал руку хорошо одетому бородатому ювелиру из Франкфурта.

— Не желаете ли глоток рома, мистер де Мейер? Или, может быть, вы предпочитаете портвейн?

— Нет, благодарю вас, капитан.

— Садитесь, сэр.

Скотт сделал знак Абнеру оставить их одних и жестом предложил гостю занять место в красном плюшевом с бахромой кресле, Феликс сел, положил руки на набалдашник прогулочной трости.

— Насколько я знаю, капитан, — сказал он, — во время нахождения в море вы облечены правом совершать церемонии бракосочетания, не так ли?

— Совершенно верно.

— В таком случае, не могли бы вы сочетать браком мою дочь и мистера Левина? Если возможно, завтра.

Скотт внимательно изучал бородатое лицо Феликса, чуя в этой просьбе что-то недоброе.

— Да, вообще-то я мог бы… Но только…

Дверь с силой распахнулась, и глазам Скотта предстала одна из самых необычных картин, какую ему когда-либо доводилось видеть. В дверях в зеленом бархатном платье стояла Эмма. Глаза ее были широко раскрыты, затянутые в перчатки руки растопырены, отчего возникало впечатление, будто она собиралась взорвать каюту.

— Не-ет! — закричала она, устремившись к отцу. — Папочка, ты не можешь заставить меня выйти замуж за Дэвида! Я не люблю его и не позволю, чтобы второй раз подряд меня насильно выдавали за нелюбимого человека!

— Эмма, ступай в свою каюту!

— Нет! — Она обернулась к Скотту. — Ну скажите, ведь наверняка есть какое-нибудь правило, запрещающее выдавать женщину замуж против ее воли, разве нет?

Скотт так и впился в нее взглядом. Когда он в первый раз увидел Эмму, то подумал, что она прекрасна. Теперь же он пришел к заключению, что она восхитительна. Казалось, гнев добавил ей красоты, превратив эту красоту в подлинное великолепие. «Боже мой, — подумал он, — а ведь не прав я был, не прав… Это не женщина. Это — богиня!»

— Действительно, мисс де Мейер, вы правы. И хотя правила такого не существует, но я, разумеется, не буду женить кого бы то ни было, в том числе и вас, против воли.

Она улыбнулась ему.

— Благодарю вас, капитан. — Затем вновь повернулась к отцу. — Видишь, папочка? Это тебе не десятый век, и мною нельзя помыкать, словно рабыней. Я вышла за Антона Швабе потому, что этого желала мамочка, но за Дэвида я ни в коем случае замуж не выйду. Я люблю другого человека.

— Грабителя, который теперь уже наверняка в тюрьме. — Феликс поднялся. — Когда мы прибудем в Гавану, капитан?

— Если ветер не переменится, то послезавтра.

— Я устрою так, что Дэвид женится на тебе там, на острове. Я полагаю даже, что в Гаване может отыскаться синагога, что, разумеется, было бы для меня предпочтительнее.

— Папочка…

— И слушать не желаю! — оборвал он дочь, подняв голос почти до крика, чего ранее Эмма за отцом не замечала. — Я люблю тебя, Эмма, и ты прекрасно это знаешь. И никогда, разумеется, не заставлял тебя делать что-то, что противоречит твоим интересам. Дэвид — превосходный молодой человек, который будет тебе прекрасным мужем. И хватит об этом! — С этими словами Феликс вышел из капитанской каюты, закрыв за собой дверь.

Несколько секунд Эмма стояла неподвижно, уставившись на закрытую дверь, а Скотт в это время неотрывно смотрел на нее. Наконец Эмма прошептала:

— Не бывать тому…

— Если бы я был азартным человеком, я бы держал пари, что вы выйдете замуж.

Она резко повернулась к нему. И вновь на губах капитана играла наглая улыбочка. Она собралась было дать ему достойную отповедь, ибо капитан был ей и вправду неприятен, однако в последний момент передумала. «Как-никак, он мой союзник, — подумала Эмма, — а сейчас мне понадобится любая помощь».

— Вы не знаете, в Гаване есть синагога? — спросила она.

— Нет. Там есть множество католических соборов. Как вы думаете, отец ваш удовлетворится католической церемонией?

— Скорее умрет. Тогда, возможно, я буду свободна от…

— На Ямайке есть синагога.

Эмма подозрительно взглянула на него.

— Но ведь вы не собираетесь останавливаться на Ямайке?

— Можем и остановиться.

И опять эта его наглая улыбка. «Черт бы его побрал! — подумала Эмма. — Играет со мной, как кошка с мышкой. Так и хочется влепить ему пощечину! Но благоразумнее быть с ним поприветливее».

— Вы были столь галантны, капитан, — бархатным голосом произнесла она, сопроводив эти слова одной из своих наиболее неотразимых улыбок. — Я имею в виду то, что вы отказались женить меня против моей воли. Весьма признательна вам за это. Я также совершенно уверена, что вы не намерены делать остановку на Ямайке, так ведь?

Он отвесил ей шутливый поклон.

— Расстроенные мамзели всегда поднимают со дна моей души все самое лучшее, что только там имеется, — сказал он. — Мы даже и близко к этой самой Ямайке не подойдем. И, конечно, я мог бы помочь вам расхлебать всю эту кашу, если вам угодно.

— Могли? Каким же образом?

— Вы задали сейчас этот вопрос столь темпераментно, что я могу сделать вывод: вы сильно влюблены в этого мистера Левина.

«Черт бы его побрал!» — подумала Эмма, а вслух сказала:

— Дэвид — мой лучший друг, однако я совсем его не люблю, и это более чем очевидно. И я была бы вам крайне признательна, капитан Кинсолвинг, если бы вы прекратили ваши подтрунивания на мой счет.

— Вижу, у вас не только характер, но и острый язычок! Интересно, а сам мистер Левин понимает, во что он позволяет втянуть себя? Что-то говорит мне, что лет этак через двадцать вы вообще превратитесь в

сварливую фурию.

— Не имеет значения, что будет через двадцать лет! Вы говорили, что знаете способ, как мне выбраться из этой ситуации.

— Да, но сперва объясните, отчего это вашему отцу так не терпится выдать вас замуж. Тут, мне кажется, попахивает порохом.

Эмма напряглась, однако сумела не покраснеть. Она не краснела никогда в жизни!

— Я не стыжусь сказать правду, — сказала она. — У меня будет ребенок.

Капитан ухмыльнулся.

— Полагаю, что счастливым отцом ребенка как раз и является тот самый грабитель, которого упомянул ваш отец?

— Да, хотя это не ваше дело.

— Для такой молодой женщины вы уже много успели совершить, мисс де Мейер. А вот интересно, если бы я ограбил банк, смогли бы вы тогда влюбиться в меня?

— Капитан Кинсолвинг, даже если бы я была Евой, а вы Адамом, то и тогда я скорее согласилась бы умереть старой девой, чем влюбиться в вас.

— О, для рода человеческого это имело бы самые серьезные последствия. Лучше расскажите мне о вашем грабителе.

— Он ласковый, смелый и красивый до невозможности. Я буду любить его до самой смерти. А теперь прошу вас, расскажите, каким образом вы намереваетесь помочь мне.

«Надо же, — подумал Скотт, — какая потрясающая маленькая плутовка!»

— Когда мы прибудем в Гавану, мисс де Мейер, — учтивым тоном сказал он, — вы сами увидите.

«До чего же он противный человек, до белого каления может довести», — подумала она, вслух же сказала:

— Значит, мне нужно будет ждать до самой Гаваны, не так ли? Что ж, благодарю вас, капитан Кинсолвинг, за все, что вы делаете для меня.

И она направилась к двери, но с проворством кошки капитан кинулся наперерез и успел преградить Эмме дорогу.

В таком случае вы можете продемонстрировать свою благодарность, — с усмешкой сказал он. Она остановилась как вкопанная.

— Капитан Кинсолвинг…

— Называйте меня Скотт.

— Я предпочла бы не выходить за рамки формальных отношений. Так что, пожалуйста, позвольте мне пройти.

— Мне кажется, вы не вполне понимаете ситуацию. Я не намерен делать людям добро за просто так. И коли уж вы хотите, чтобы я помог вам не попасть в грязные лапы мистера Левина, вам придется отплатить мне, по самым скромным подсчетам, как минимум одним поцелуем.

Эмма уставилась на него.

— Сразу видно, что вы не джентльмен.

— Раз уж вы вели себя столь свободно с вашим банковским грабителем, то я могу сказать, что и вы не леди. Эмма, когда вы сердитесь, вы прекрасны, но верьте на слово, что краснеющая экс-девственница — далеко не самая лучшая ваша роль.

— Вы самый отпетый грубиян, какого только мне доводилось видеть. И я не давала вам разрешения называть меня по имени.

— Понимаю. Словом, мне сейчас недосуг спорить с вами. — Он открыл для нее дверь. — Надеюсь, вы будете счастливы с мистером Левином.

Эмма смотрела, как капитан подошел к рабочему столу и развернул свои карты.

— Ну ладно, пусть так. Поцелуйте меня.

Подойдя к Скотту, она подняла лицо. Мгновение капитан сверху вниз оценивающе смотрел на нее. Избегая встретиться с ним взглядом, Эмма отвела глаза.

— Я буду ждать, пока вы не соизволите посмотреть на меня, — наконец произнес он. — В самом деле, Эмма, не так уж я ужасен, чтобы даже не взглянуть на меня.

Она впилась в него взглядом.

— Только поторопитесь, у меня масса дел.

— У вас, раз уж на то пошло, какой-то совершенно удивительный способ наполнять сердце мужчины возвышенными чувствами. Но придет день, Эмма, и вы будете умолять, чтобы я поцеловал вас.

— После дождичка в четверг, когда свиньи летать научатся. Ну, так я жду!

Обняв ее, он впился губами в ее губы и не выпускал ее как минимум минуту. Наконец отпустил ее, и они посмотрели друг на друга. И опять на его тонких губах заиграла оскорбительная усмешка.

— Ну как, — поинтересовался он, — зажег я священный огонь в вашей груди?

— Не высекли ни единой искорки!

С этими словами она покинула каюту. Пройдя несколько шагов по узкому проходу, Эмма приложила руку к сердцу и тяжело привалилась к

корабельной переборке. Глубоко вздохнув, подняла голову, посмотрела на раскачивающийся судовой фонарь. «Бог ты мой, — подумала она, — никто прежде не целовал меня так. Он заставил меня почувствовать себя прямо-таки девкой!»

Эмма распрямилась, и на ее лице вновь появилось решительное выражение. «Но все равно, я никогда не дам ему почувствовать, что мне это очень понравилось, — твердо решила она, направляясь к себе в каюту. — Самодовольная обезьяна!»

Глава седьмая

Пять лет.

Слова судьи отдались в мозгу Арчера, подобно ударам погребального колокола. «Арчер Коллингвуд, вы признаны виновным по обвинению в вооруженном ограблении. Таким образом, я присуждаю вас к пяти годам исправительного срока в государственной каторжной тюрьме».

И вот сейчас он сидел вместе с шестью другими заключенными в повозке, которую тянула четверка лошадей. На ногах были надеты стальные кандалы, наручники сковывали руки. Заключенным было запрещено переговариваться. Двое вооруженных конвоиров сидели сзади, равнодушно глядя на арестантов. Впереди, рядом с возницей, находились еще несколько вооруженных охранников.

Повозка остановилась перед каменной, высотой около двадцати футов, стеной тюрьмы штата Огайо, которая была расположена неподалеку от города Коламбуса. Медленно, створками внутрь, распахнулись огромные металлические ворота, и повозка с грохотом въехала на тюремный двор. Как только ворота вновь закрылись, лошади остановились. Задняя дверь открылась, и оба сидевшие в повозке охранника выбрались наружу.

— Ну, пташки, выметайтесь! — распорядился один из них. — Добро пожаловать в новый дом.

«Новый дом» представлял собой массивное каменное здание недавней постройки; оно состояло из четырех больших корпусов, которые, подобно сторонам четырехугольника, опоясывали собой внутренний тюремный дворик. На каждом углу дворика располагались зубчатые башни для охранников, а вся территория тюрьмы была огорожена большой стеной. Башни, выстроенные по моде в готическом стиле, превращали эту сумрачную тюрьму в подобие сказочного замка, где, возможно, мог бы обитать дракон.

Посмотрев на мрачную крепость, Арчер содрогнулся.

Пять лет.

— Я начальник тюрьмы Эдвард Ридли, — сказал интеллигентного вида человек в пенсне на остром носу. — Вы будете отбывать срок в одной из самых современных тюрем Америки. Цель вашего здесь нахождения — не только наказать вас за совершенное преступление, но и восстановить ваше моральное здоровье, чтобы к тому моменту, когда для вас придет время покинуть эти стены, вы смогли бы стать полезным членом общества.

Он сделал паузу. Арчер стоял по стойке «смирно» перед столом в просторном кабинете начальника тюрьмы; кабинет располагался как раз над главным входом в тюрьму. За последние два часа Арчер был раздет, прошел санитарную обработку, призванную уничтожить вшей, ему выдали два комплекта хлопчатобумажной униформы в горизонтальную полоску, две полосатые — «домиком» — крошечные шапочки; парикмахер обкорнал его волосы так, что на голове остался только небольшой, в дюйм, «ежик». Кроме того Арчеру присвоили номер — 4162. Как только он надел униформу, его привели в кабинет начальника тюрьмы. Он более не чувствовал себя человеком, он стал *номером*.

— Распорядок тюрьмы базируется на модифицированной Обернской системе, названной так по имени тюрьмы в Оберне, штат Нью-Йорк, — продолжал начальник тюрьмы. — Вам надлежит в течение всего светового дня соблюдать полнейшую тишину — как во время работы, так и во время еды. Передвигаться будете с кандалами на ногах, глаза должны быть всегда обращены вниз. Только вечером, возвратившись в камеру, вы сможете разговаривать, но только с сокамерником. Все скандалы и драки будут наказываться самым решительным образом. В случае каких-либо нарушений правил тюремного распорядка вы будете подвергаться одиночному заключению и посажены на хлеб и воду. Могу вам гарантировать, что это чрезвычайно неприятно. Так что мой вам совет — избегать каких бы то ни было нарушений режима.

Тем не менее я полагаю, что наше заведение основано на гуманных принципах. Вы молоды и впервые преступили закон. Я вовсе не намерен превращать вас в заматерелого преступника. Если вы будете вести себя вполне достойно, то можете получить, как мы это называем, «скидку». А именно: за каждые десять дней заключения, проведенные без нарушений тюремного режима, у вас будет вычитаться по одному дню срока. Таким образом, оказывается возможным уменьшить время пребывания здесь на одну десятую, в вашем случае — это шесть месяцев. Но стоит вам совершить хотя бы одно-единственное нарушение, и вся скидка будет аннулирована. Понятно? Можете говорить.

— Да, сэр.

— Отлично. Если вам понадобится священное наставление, можете получить Библию. Ваша камера номер 41. Желаю удачи, 4162. Введите следующего заключенного.

Надзиратель схватил Арчера за правую руку и вывел его из кабинета. Арчера провели затем по широкому коридору, на стенах которого красовались портреты губернатора штата Огайо и двух сенаторов. Наконец его подвели к еще одной металлической двери. Над ней была укреплена табличка: «Вы входите в корпус «А». Надзиратель, сопровождавший Арчера, позвонил. Открылся глазок, затем дверь.

— Заключенный 4162, определенный в камеру 41, — объявил надзиратель и впихнул Арчера внутрь. С его ног кандалы сняли, но на запястьях все еще оставались стальные наручники. Теперь и новый надзиратель обыскал Арчера. Они находились в небольшом вестибюле перед стальными прутьями решетки, которая протянулась от пола до самого потолка. По другую сторону решетки находилось просторное помещение высотой в три этажа. По правую сторону этого помещения располагались три яруса камер. Из стены выдавались стальные газовые рожки. За располагавшимися слева окнами, забранными крепкими решетками, виднелся тусклый дневной свет, которому, казалось, не хотелось проникать в это здание. Весь же корпус был пустым и до странности тихим.

— Заключенный 4162, определенный в камеру 41, — объявил второй надзиратель третьему, находившемуся по внутреннюю сторону решетки. При этих словах внутренний надзиратель открыл створку ворот, и Арчера впихнули внутрь корпуса. Надзиратель сразу же вновь запер ворота, затем схватил Арчера за левую руку повыше локтя; пальцы больно впились в руку. Надзиратель повлек Арчера по длиннейшему коридору, протянувшемуся по всему корпусу до металлической лестницы. Надзиратель был молодым, черноволосым мужчиной с рябым лицом.

— Тебе наверняка понравится сокамерник, 4162, — мягко сказал он. — Он индеец, ненавидит всех белых. А ты ведь самый что ни на есть белый, 4162, так что побереги ж…, иначе в одно прекрасное утречко проснешься, а ты уже мертв. Что на это думаешь, а?

Арчер хотел что-то ответить, но тут вспомнил: *молчание*.Чтобы скидка была. Надзиратель осклабился.

— Вижу, ты неглуп, 4162, не стал мне отвечать. Однако настанет день, ты забудешься и заговоришь. И вот уж тогда я отправлю тебя в одиночку. Мне, конечно же, очень бы не хотелось поступать так с таким славным

парнем, как ты. Конечно, ты уже не будешь таким славным после нескольких недель, проведенных в одиночке.

И он захохотал. Рука Арчера болела. Кроме того, изо рта надзирателя отвратительно воняло табаком.

— Меня зовут сержант Вулридж, 4162, — продолжал тем временем надзиратель, пока они поднимались по ступеням металлической решетки лестницы. — Я пользуюсь уважением у арестантов. Очень большим. И с тобой мы также будем друзьями, 4162. А что тут делать, а? Только дружить и ждать, ждать и дружить. А ждать тебе придется ох как долго, 4162! Конечно, потому и даем тебе эту чудесную камеру во втором ярусе. Что-то вроде камеры с хорошим видом. Просторную, как, впрочем, и остальные здешние камеры. Ты и Джо Тандер. Он индеец из племени шоуни. И такое дерьмо, какое редко встретишь. Говорят, однажды он снял скальп у белого мальчика пяти лет. Представь себе! Ну вот мы и пришли, вот он, дом, уютный дом.

Поднявшись на второй ярус, они пошли вдоль затянутого решеткой прохода мимо металлических дверей с крошечными зарешеченными оконцами. И вот подошли к двери с номером 41. Вулридж отцепил от пояса связку ключей и открыл ее.

— Сейчас время ужина, — сказал Вулридж. — Сегодня у тебя ужина не будет, но ты ничего не потерял. Если честно, здесь кормят жутким дерьмом… — Еще одним ключом он отомкнул наручники. Как только Арчер принялся растирать поврежденную браслетами кожу, надзиратель закончил: — Так что, 4162, это и есть твоя камера. Тут должно быть чисто. Мы иногда устраиваем внезапные проверки, и если вдруг окажется, что у вас тут грязь, можешь угодить в одиночку. Передавай привет Джо Тандеру.

Впихнув Арчера в камеру, Вулридж захлопнул металлическую дверь и закрыл ее на замок.

Оставшись один, Арчер опустился на койку. Она была металлическая, покрыта тонким матрасом, в ногах было аккуратно сложено одеяло. Камера имела три с половиной фута в ширину и семь в длину, словом, каменный мешок, кошмар для страдающих клаустрофобией. Крошечное оконце в двери было единственным вентиляционным отверстием; через это же самое оконце в камеру проникал свет. Никаких иных источников света, равно как и никакого окошка во внешний мир, тут не было. Помойная бадья на полу заменяла туалет.

— О Господи, — прошептал Арчер, закрыв руками лицо. Его заживо замуровали тут вместе с индейцем-убийцей по имени Джо Тандер.

Тело Арчера изнывало без Эммы, тогда как мысль его устремилась на

волю, в Калифорнию. Он задумался над тем, суждено ли ему когда-нибудь увидеть то и другое…

Он лежал на койке, сжавшись в комок, пытаясь сном отгородиться от ужасного мира.

Арчер был разбужен властной рукой, которая схватила его за предплечье и сдернула с койки.

— Что это ты делаешь на моей койке, белый, а? — прошептал, глядя ему в глаза, человек с таким злобным лицом, какого Арчер прежде никогда не видел. На правой щеке у него был огромный шрам, черные глаза пылали; лицо украшали ястребиный нос, высокие скулы, кожа имела темно-коричневый оттенок, а волосы на голове были черными и густыми. Человек этот буквально сорвал Арчера с койки и швырнул его на каменный пол камеры. — Я Джо Тандер, и никакой белый не смеет ложиться на мою койку, понял, белый?!

Высокий, мускулистый индеец был, судя по внешности, двадцати с небольшим лет. Он склонился над Арчером, сверкнув глазами. Арчер при падении сильно ударился головой о пол, и потому в глазах у него мелькали звездочки.

— Я не знал, что койка твоя, — зло выпалил он, пытаясь сесть. Джо Тандер сильно толкнул его, затем прыгнул ему на живот, ударив ногами с такой силой, что Арчер застонал от боли.

— А кому же, мать твою, эта койка принадлежит? Я провел в этой камере два года, так их и растак, я в ней хозяин, понял, белый?

Арчер обхватил Джо Тандера за колени и рванул на себя так, что индеец оказался в воздухе, сделал что-то вроде сальто назад и сильно ударился головой о металлическую дверь. Взвыв от боли и злости, индеец бросился на Арчера, который только поднимался на ноги. Арчер нагнул голову и, как баран, головой ударил Джо Тандера в живот. Тот вновь ощутил прелесть свободного полета, на сей раз перелетев через голову ловко пригнувшегося Арчера. Индеец едва не угодил в парашу. Встав на ноги, он бросился в атаку, и теперь они, ограниченные тесными рамками камеры, начали драться, крича и завывая. Шум, подобно ножу, вспорол тишину тюрьмы: заключенным других камер передалось истеричное возбуждение, и они тоже принялись орать и трясти двери своих камер. Весь корпус наполнился звериным ревом двух сотен мужчин, истомившихся по крику в условиях вынужденной тишины, этой странной новации в современной истории пенитенциарной системы. Раздались пронзительные свистки надзирателей. Громко топая по металлической гулкой лестнице,

надзиратели бросились толпой к дверям камеры 41. Сержант Вулридж отомкнул замок, вместе с двумя охранниками ворвался в камеру, и они полицейскими дубинками оглушили дерущихся зеков.

— Обоих! В одиночки!!! — завопил Вулридж.

Один из тюремщиков схватил Джо Тандера и ударом дубинки по голове чуть не вырубил индейца. В тот самый момент, когда Арчер поднес руку, чтобы проверить, насколько серьезна рана над левым глазом, второй надзиратель схватил его. Обоих заключенных вытащили из камеры.

— Тридцать дней одиночки каждому!

— Эй, белый! — крикнул Джо Тандер. — Ты молодец, здорово дерешься!

Арчер едва ли понимал, что он кричит.

— Увидимся через месяц, — продолжал кричать индеец с каким-то маниакальным упорством. — Мы отлично сойдемся, увидишь!

— Молчать! — гаркнул Вулридж, с силой опуская дубинку на голову Джо Тандера.

Индеец застонал и рухнул на пол, потеряв сознание.

Глава восьмая

— Ямайка, — мягко произнесла графиня Давыдова. — До чего же прекрасно! Как во сне!

Русская леди стояла возле палубного ограждения левого борта корабля. Клипер скользил вдоль побережья этого карибского острова. В ослепительно ярком сиянии солнца узкая полоска белоснежного песчаного пляжа была границей, отделявшей воду от заросших деревьями склонов, которые переходили в сверкающие вершины гор. В прозрачных бирюзовых водах Ямайка являла собой подлинную сказку. Однако для Эммы, которая стояла рядом с Зитой, Ямайка выглядела зловещей.

— Почему он передумал? — спросила она, держа легкий кружевной зонт таким образом, чтобы яркие солнечные лучи не падали на лицо. — Отчего мы не плывем в Гавану?

— Капитан Кинсолвинг сказал, что изменил маршрут исключительно ради вас, — сказала Зита, которая также защищала зонтом лицо от солнца. — В Кингстоне есть синагога. По-моему, с его стороны это весьма тактично.

— Да, разумеется, однако… — Эмма прикусила губу. Ей нравилась Зита, однако она не была вполне уверена, что может доверить ей секрет, заключавшийся в том, что Скотт Кинсолвинг пообещал по прибытии в Гавану помочь ей весьма нетривиальным способом. И вот вместо этого

корабль внезапно изменил курс и теперь подошел к Ямайке. «Он предал меня, — подумала Эмма, испытывая чувство, близкое к отчаянию. — Но почему? И можно ли рассказать обо всем этом Зите? Она так близка с папочкой, уж не передаст ли она ему наш разговор? И вообще, что делать?»

Эмма обернулась и увидела, как, заложив руки за спину, с улыбочкой на загорелом лице, к ней по палубе направляется Скотт. «Здоровенная обезьяна! — подумала она. — И какая у него улыбочка! А ведь он действительно *предал*меня. Будь моя воля, убила бы его!»

— Доброе утро, дамы, — произнес Скотт, приподнимая шляпу и делая при этом сдержанный учтивый поклон. — Согласитесь, для женитьбы лучшей погоды и желать нельзя, не так ли? А как себя чувствует будущая новобрачная?

Он усмехнулся, и Эмме показалось, что вместе с усмешкой все его ехидство выплеснулось ей прямо в лицо.

— Будущая невеста находится в убеждении, что церемония бракосочетания должна состояться в Гаване. — Она прямо-таки швырнула эти слова ему в лицо.

— Да, но Ямайка гораздо романтичнее. Вот вы знаете, например, что само слово «ямайка» происходит от старинного слова кубинских индейцев «хаумаск» и что…

— Меня абсолютно не волнует, что означает слово «ямайка», — перебила Эмма. — Но я отлично знаю, что означает слово «кинсолвинг». Оно означает «предатель».

Скотт рассмеялся.

— Как знать, как знать… К полудню мы бросим якорь в Кингстонском заливе, неподалеку от Порт-Ройал. Я предоставлю лодку, ваш жених сможет сойти на берег, а сойдя, подготовит все необходимое для бракосочетания.

— И вовсе он не мой жених, — почти крикнула Эмма, изо всех сил сжав кулаки.

— Можете называть его, как вам заблагорассудится, но завтра он женится на вас. Так что, — капитан вновь учтиво приподнял шляпу, — за сим разрешите откланяться.

Сопровождаемый взглядом Эммы он двинулся прочь.

— Эмма, дорогая, почему вы так враждебно настроены по отношению к капитану? — поинтересовалась Зита.

— В его облике есть нечто такое, чего я терпеть не могу.

— Ну, это же очевидно!

«Что же мне делать? — думала тем временем Эмма. — Я вовсе не хочу

выходить за Дэвида. Мне нужен только Арчер. О, Арчер, где ты сейчас? Где ты, любовь моя?»

Зита увидела слезы в глазах молодой женщины и все поняла. Она дружески сжала руку Эммы, желая хоть как-то ободрить.

— Дэвид такой приятный молодой человек, — сказала Зита. — И очень любит вас. Все будет отлично, вот увидите.

— Ничего отличного не будет, — тихо возразила Эмма. — Я совсем не люблю его. Ох, Зита… — сказала она, печально глядя на графиню. — Разве может быть брак без любви? Разве он может быть удачным?

— Мой был таковым, — с улыбкой ответила Зита. — Вы путаете страсть с любовью. Впрочем, для женщины столь молодой, как вы, это вполне естественно. Но рано или поздно вы поймете, что страсть быстро проходит. А любовь, если она настоящая, может продлиться до гробовой доски и даже за ней, вероятно.

Однако Эмме было девятнадцать, и проблема гробовой доски не слишком ее интересовала. Для нее любовь без страсти была бессмысленна.

Паруса были свернуты, якорь брошен, клипер «Императрица Китая» покоился на волнах изумительного Кингстонского залива. По правому борту тянулся длинный полуостров, защищающий залив. На самой оконечности полуострова находились остатки Порт-Ройал, который после ужасного землетрясения 1692 года исчез в море. По левому борту на северо-востоке возвышались гора Лонг, а за ней гора Даллас, названная в честь семейства, среди членов которого был человек, только что завершивший свой срок на посту вице-президента Соединенных Штатов и давший свое имя одному из городов Техаса.

Дэвид Левин, который в лучшем своем костюме и высокой шляпе с полями выглядел на удивление симпатичным, стоял сейчас на главной палубе, держа Эмму за руки.

— Я вернусь сегодня же вечером, — сказал он и улыбнулся, отчего его вечно сосредоточенное лицо книгочея осветилось изнутри мягким светом любви. — О, дражайшая Эмма, я действительно верю, что счастливее меня нет сейчас никого на свете. Скажи, ты ведь тоже счастлива?

— Да, — мрачно ответила она.

У парапета возле Зиты и Феликса стоял как ни в чем не бывало и ухмылялся, глядя на Эмму, Скотт Кинсолвинг, скрестив руки на массивной груди.

— Поцелуйте невесту! — игриво крикнул он. — Дайте посмотреть, как влюбленные милуются!

Присутствовавшие при этом члены экипажа заухмылялись, а Эмма бросила на капитана убийственный взгляд.

— Капитан Кинсолвинг, я думаю, что вам следует, если вас это не затруднит, заняться своим делом.

— Но, мисс де Мейер, мы, бедные моряки, так истосковались по возвышенному. Наши души прямо-таки изнывают по нежным чувствам. Ну же, мистер Левин, исполняйте свои обязанности! Поцелуйте вашу невесту, сэр!

— С удовольствием, капитан!

Дэвид пылко обнял Эмму и поцеловал ее прямо в губы, так что матросы зааплодировали и засвистели.

Эмма тотчас же оттолкнула Дэвида.

— Ну хватит, Дэвид, — пробормотала она, поправляя шляпку, которую Дэвид неловко сдвинул набок. — А теперь, пожалуйста, иди.

— Она любит его! — крикнул Скотт. — Видел ли кто-нибудь подобную страсть? Я готов прямо-таки обреветься, черт возьми!

Эмма, взгляд которой не предвещал ничего хорошего, медленно сложила свой кружевной зонт, подошла к Скотту и ударила его этим зонтом по голове. Матросы просто с ума сошли от восторга, а Скотт лишь почесал голову и ухмыльнулся, глядя, как Эмма стремительно уходит прочь.

Отец догнал ее, явно шокированный.

— Эмма! — воскликнул он, едва поспевая за ней. — Я никогда не видел подобной неприличной выходки!

— Погоди, ты еще не то увидишь, — пообещала Эмма, с треском раскрывая зонт. — Раз уж ты заставил меня сделать это… пойти на это аморальное замужество…

— Можно мне напомнить тебе, что именно ты вела себя аморально? — сказал он, переходя на немецкий. — Вспомни, что тебя воспитывали как леди, а не как потаскуху.

Слово, которое употребил Феликс, было столь непристойным и грубым, что Эмма от удивления разинула рот и едва не покраснела.

— Папочка, — прошептала она. — Это так жестоко! Я просто потрясена!

— А я был потрясен, глядя на тебя! И отныне будь любезна вести себя как положено!

Скотт с интересом наблюдал за этой перебранкой, потом, повернувшись к Дэвиду, сказал:

— Шлюпка ожидает вас, сэр!

— Благодарю вас, капитан.

И Дэвид начал спускаться по трапу. Сверху утлая лодчонка с двумя матросами на веслах казалась игрушечной.

— До свидания, мистер Левин, — перегнувшись через борт, прокричал Скотт, радостно помахав рукой. Дэвид помахал в ответ, а затем, неуклюже ступив на дно шлюпки, кое-как уселся на банку, и гребцы дружно налегли на весла.

— Как только лодка возвратится, — сказал Скотт, обращаясь к мистеру Розберри, своему штурману, — мы отплывем. Курс на Порт-оф-Спейн, что в Тринидаде. Там, а не в Кингстоне мы запасемся провиантом.

Когда он направился в свою каюту, мистер Розберри выглядел ошарашенным.

— Да, но как же быть с мистером Левином?

— А что такое с мистером Левином?

Когда час спустя Эмма увидела, что матросы поднимают паруса, то в первое мгновение она почувствовала смущение. Когда же огромные полотнища белых парусов были натянуты, когда ветер наполнил их, когда якорь был поднят и корабль развернулся, она спросила одного матроса:

— Скажите, а что случилось?

— Отплываем в Тринидад, мэм.

— Но мистер Левин…

Матрос только пожал плечами, а на лице Эммы появилось выражение крайнего недоумения. Корабль между тем разворачивался, готовясь покинуть воды залива. Тут до Эммы дошел замысел капитана, и она расхохоталась. Пробежав через всю палубу, Эмма скрылась за дверью, которая вела в капитанские апартаменты. Пройдя по лестнице и узкому коридору, она постучала в дверь. Открыл Эмме Абнер Пибоди; веснушчатый мальчик, прислуживающий капитану.

— Здесь ли капитан Кинсолвинг? — спросила она.

— Нет, мэм, он наверху.

— Вот как?

— Но как только выйдем из Кингстонского залива, он непременно придет сюда пообедать. Если хотите подождать его, я пойду и скажу ему, что вы здесь.

— Что ж, спасибо.

Абнер отошел чуть в сторону, давая возможность Эмме пройти в каюту. После того как он вышел и прикрыл за собой дверь, Эмма огляделась. Уютная и безукоризненно чистая каюта, отделанная деревянными панелями, с низким потолком. И кроме того — что вовсе не

было странным, — каюта имела все признаки того, что здесь обитает настоящий мужчина, который занимается истинно мужским делом. Подойдя к книжному шкафу, Эмма внимательно рассмотрела надписи на кожаных корешках книг, провела пальцем по верхнему обрезу нескольких томов и посмотрела на палец — пыли не было.

— Должно быть, он и вправду читает их, — воскликнула пораженная Эмма.

Обойдя кресло, обтянутое красным плюшем, которое было накрепко привинчено к полу, чтобы морская болтанка не мешала уютному отдыху, Эмма подошла к рабочему столу Скотта. Сразу за столом, возле стены, находился секретер орехового дерева, предназначенный для хранения бумаг; все выдвижные ящики секретера были аккуратнейшим образом снабжены табличками. Вытащив наугад один ящик, Эмма увидела в нем карту южной части Атлантики. Она провела пальцем маршрут вдоль Южной Америки, далее через Магелланов пролив. Вспомнились сказанные Зитой слова о том, что они будут огибать Южную Америку зимой и что это может оказаться опасным для беременности Эммы. Нервно передернув плечами, она задвинула ящичек.

Затем перевела взгляд на стол, на котором стояли полочки с курительными трубками и симпатичная серебряная чернильница; когда Эмма попыталась приподнять ее, то поняла, что и чернильница так же накрепко привинчена к столу. Сколько дней они были в море, однако пока что путешествие проходило сравнительно гладко, но глядя на чернильницу, которая при сильном шторме может превратиться в опасный летающий предмет, Эмма вновь подумала о том, что впереди их ожидают суровые моря. Она положила ладонь на живот. Там, внутри нее, развивается ребенок. Ребенок Арчера. Любой ценой она должна защитить его.

Легкая дрожь и тошнота вернули Эмму к действительности. Она перевела взгляд на правую сторону каюты, где находилась койка. Подойдя поближе, Эмма обратила внимание, что постель имела безукоризненный вид, как и все, что находилось в каюте. Тут взгляд ее упал на что-то, выглядывавшее из-под подушки. Протянув руку, она вытащила маленький дагерротип, оправленный в старинную золоченую рамку овальной формы. То был портрет чрезвычайно привлекательной молодой женщины, облаченной в странные одежды.

Глаза Эммы расширились от удивления, когда она поняла, что эта женщина — китаянка.

— Капитан, я требую, чтобы вы объяснили свой неслыханный

поступок! — Придерживая рукой шляпу, поскольку ветер заметно крепчал, Феликс де Мейер вынужден был кричать, ибо находился в кормовой части палубы, где он наконец сумел отыскать Скотта. Капитан стоял возле борта, глядя в подзорную трубу, обращенную в сторону Порт-Ройал. Корабль выходил из залива, оставляя остров слева по борту.

— Какой неслыханный поступок, мистер де Мейер? — небрежно поинтересовался Скотт.

— Вы оставили мистера Левина в Кингстоне, сэр.

— Ах, вот какой, оказывается, неслыханный поступок! Да, мне чрезвычайно неприятно, однако дело в том, что барометр вдруг начал падать настолько стремительно, что ради безопасности судна я счел необходимым без промедления выйти в море.

— Но ведь вы, конечно, вернетесь за ним?

Скотт наконец оторвался от подзорной трубы.

— Боюсь, что мне едва ли удастся сделать это, мистер де, Мейер. Знаете, график движения очень жесткий.

Феликс был потрясен.

— Но ведь не можете же вы просто так взять и оставить юношу. У него совсем мало денег…

— Не знаю, обратили вы внимание или нет, что в заливе находился еще один клипер? Это «Летящее облако» из Нью-Бэдфорда. Я послал записку капитану этого судна, Маккини, с просьбой подобрать мистера Левина и довезти его до Сан-Франциско. Капитан — мой старинный друг, и он охотно согласился. Условия на том судне ничуть не хуже, и мистер Левин прибудет в Сан-Франциско буквально через несколько дней после нас. — Скотт передал подзорную трубу мистеру Розберри и дружелюбно улыбнулся Феликсу.

— Что бы вы ни думали обо мне, сэр, поверьте, я не дурак, — сказал в припадке гнева Феликс. — Все это было заранее спланировано, разве не так? Неужели моя дочь предложила вам этот сумасшедший план?

— Ваша дочь ничего не знает, мистер де Мейер. Я понимаю, что ее сердце будет разбито, поскольку ближайшие четыре месяца она будет оторвана от мистера Левина. Но что-то подсказывает мне, что она переживет это. Хотя ваша дочь и обладает неотразимым женским очарованием, она, без сомнения, очень сильная молодая леди. Подозреваю, что Эмма переживет даже конец света. А теперь прошу простить, сэр, наступило время моего обеда. Так держать, мистер Розберри.

Приложив пальцы к шляпе, капитан направился на корму, оставив франкфуртского ювелира в крайнем замешательстве.

Несколько секунд спустя Скотт уже открывал дверь своей каюты. Он заметил, как Эмма быстрым движением спрятала руку за спину, обратил он также внимание и на ее испуганный вид. На ней было белое, отороченное зеленой лентой хлопчатобумажное платье с плотно облегавшим фигуру лифом, который у талии распускался, подобно цветку, пышной юбкой. Увидев сердитый взгляд, капитан вновь подумал, что Эмма восхитительна. Сейчас он также заметил, что румянец стыда окрасил ее щеки; порозовев, она и вовсе стала бесподобной. Скотт подумал, что от такой женщины и впрямь захватывает дух.

— Добро пожаловать, мисс де Мейер, — сказал он, закрывая за собой дверь. — Мальчик, что прислуживает мне, сказал о вашем визите. — Скотт снял шляпу и кивнул на стол, стоявший возле дивана. — Может, составите мне компанию и отобедаете со мной?

— Очень любезно с вашей стороны, капитан, с удовольствием.

— Хотя, с другой стороны, может быть, вы потеряли аппетит, горюя по поводу потери мистера Левина?

— Вам прекрасно известно, что это вовсе не так, капитан. Так что давайте сведем притворство к минимуму. Хотя по тому, каким образом вы избавились от Дэвида, я могу сделать вывод, что у вас лукавая скрытная натура, что, как известно, зачастую выручает в игре.

— А это совсем неплохо до тех пор, пока игра приносит дивиденды, не так ли? — поинтересовался он, вешая шляпу на крюк.

— О да, конечно. Но я пришла сюда вовсе не для того, чтобы критиковать вас, капитан. Я пришла поблагодарить вас и хочу также принести извинения за свое сегодняшнее поведение.

Скотт взъерошил волосы.

— Да уж, вы изрядно меня поколотили. Уж и не знаю, может быть, имеет смысл, когда вы рядом, надевать шлем?

— Обещаю вам, что это никогда не повторится.

— Мм… Я, видите ли, только что беседовал с вашим отцом, который выглядит выбитым из колеи. Я объяснил ему, что устроил все так, что мистер Левин последует по нашему маршруту на другом судне, однако и это, судя по всему, не успокоило вашего отца.

— И все же никак не могу понять, отчего это вы направились на Ямайку вместо Гаваны?

— Я знал, что «Летящее облако» будет в Кингстоне и что мне удастся избавиться от мистера Левина при минимальных для него неудобствах.

— Что ж, очень мило с вашей стороны, я вечно буду вашей должницей.

— Я намерен в один прекрасный день полностью истребовать с вас

этот долг. А можно поинтересоваться, что это вы прячете за спиной?

Чуть поколебавшись, она вытащила дагерротип.

— Кто это?

Он был явно потрясен, что отчетливо читалось в его зелено-голубых глазах. Подойдя к Эмме, капитан резким движением вырвал портрет.

— Ведьма! — прорычал он. — Кто, черт возьми, разрешил вам шарить в моей каюте?

— Но я вовсе не шарила…

— Хотел бы, черт бы вас побрал, узнать, как же тогда это называется?!

Подойдя к своему рабочему столу, он выдвинул один из ящиков, положил туда дагерротип и резко задвинул ящик. Затем так же стремительно, как вспыхнул от ярости, Скотт сумел обуздать свои эмоции. На лицо возвратилась его обычная сардоническая улыбка. «Очаровательно! — подумала Эмма. — А ведь он, оказывается, еще и актер! Посмотришь — сплошное самообладание, выдержка, а под ними, оказывается, скрывается страстный человек».

Раздался стук, и дверь открыл прислуживающий капитану мальчик.

— Можно накрывать на стол, капитан? — спросил Абнер.

— Да, мы обедаем вдвоем. Мисс де Мейер составит мне компанию.

— Слушаюсь.

Когда он вышел, воцарилось неловкое молчание.

— Ее зовут Чинлинг, — мягко сказал Скотт. — Мать ее — маньчжурская принцесса, отец — принц Кунг. Он был вице-королем Двух Куангов и самым, пожалуй, влиятельным человеком во всем Китае после императора и главного евнуха.

— Не уверена, что такое слово, как «евнух», можно так вот запросто произносить в присутствии дамы, — несколько чопорно сказала Эмма.

— Пардон, все время забываю, насколько вы респектабельны. А вы знаете, что такое «евнух»?

— Да. Но вот что такое «Два Куанга»?

— Это две китайские провинции — Куантунг и Куангси. Куангси граничит с королевством Лаос на юге, а Куантунг — это самая восточная территория. И Кантон, и Гонконг расположены на территории провинции Куантунг. Это два очень важных для императора города. Однако дело в том, что китайцы и сами не знают, чего хотят. За последние столетия их общество практически не претерпело изменений, их император до сих пор думает, что он — Бог…

— Как думаете вы?

— Куда мне… Как бы то ни было, моя компания установила

многочисленные деловые контакты с Китаем, но эти проклятые императорские сановники постоянно меняют правила игры. В Китае живут четыреста миллионов человек — только вдумайтесь в эту цифру! Четыреста миллионов! Поистине бездонный рынок для американских и европейских предприятий. У китайцев практически отсутствуют производимые фабричным способом товары…

— Да, но ведь у них нет и денег, — сказала Эмма, более заинтересованная, чем могла предполагать.

— Это так, но ведь деньги произрастают из торговли. Мы приобретаем у них шелка, фарфор, но с вас три пота сойдет, прежде чем вы сумеете что-нибудь продать им самим! Император и его двор относятся ко всем иностранцам с огромным подозрением и какие только преграды не выдумывают для «круглоглазых» — это одно из наиболее вежливых китайских выражений, обозначающих нас, белых. Чтобы чего-нибудь там добиться, мы должны давать взятки китайским официальным лицам. Принц Кунг брал огромные взятки, об этом узнал император. Он послал своих баннерменов арестовать принца Кунга; его арестовали, привезли в Запретный Город и отрубили голову. — Эмма вздрогнула. — Извините, Эмма, однако китайцы — люди очень грубые. Как бы то ни было, жена и дочь принца сумели спрятаться, и баннермены их не нашли…

— Баннермены — это кто?

— Вам действительно интересно?

— Не было бы интересно, я бы не спрашивала. Напоминаю вам, капитан, что я не какая-нибудь дурочка.

— О да, я это вижу. Значит так, придется сделать небольшой экскурс в историю. В тысяча шестьсот сорок четвертом году маньчжурская конница обрушилась на Пекин и захватила город. Последний император династии Мин повесился на дереве, а маньчжуры основали новую династию, которая получила название Чинг. Представители именно этой династии и находятся сейчас у власти в Китае. Армия маньчжуров состоит из восьми больших военных подразделений, называемых «баннерами», а военные называются «баннерменами».

— Иными словами, солдаты?

— Точно. Принцесса Кунг, которую зовут Ах Той, отлично понимала, что и ее, и ее дочь баннермены непременно убьют, и потому они скрылись. Я с ними познакомился на приеме в доме одного английского купца в Кантоне. Ах Той доставила свою дочь ко мне на корабль и упросила, чтобы я отвез их обеих в Америку. Мне было весьма сложно отказать, и потому я вынужден был пойти им навстречу. Сейчас они проживают в Сан-

Франциско.

— И это все?

Он пожал плечами.

— По-моему, вполне достаточно.

— Совершенно недостаточно, ибо не объясняет, почему это вы так разозлились, когда увидели у меня в руках дагерротип Чинлинг, который я обнаружила у вас под подушкой. Недостаточно и для того, чтобы понять, почему люди у вас за спиной шепчутся о вашей тайной любовной жизни. Разве не правда, капитан, что эта самая Чинлинг и есть ваша любовница?

И опять Эмма увидела, как глаза его вспыхнули огнем.

— А если и так? — мягко сказал капитан.

Эмма направилась к двери.

— Благодарю вас за приглашение вместе отобедать, капитан, но я только сейчас вспомнила, что у меня ранее уже была назначена встреча.

— Черт вас побери! — взревел он, выходя из-за стола. — Хватит разговаривать со мной таким идиотским образом, нахалка! Говорите прямо, что вам не по душе? То, что я сплю с китаянкой?

— Именно! — крикнула она, поворачиваясь к капитану. — В ту самую секунду, как только я впервые вас увидела, я сразу же подумала, что в вас есть что-то неприятное, и сейчас я наконец поняла что именно.

— Вы, прекрасная фанатичка! — Взяв Эмму за плечи, он привлек ее к себе и поцеловал. Она пыталась вырваться, однако он держал крепко. — Отличается ли этот поцелуй от предыдущего? — спросил он.

Она вытерла губы рукавом платья.

— Да. Он пахнет Чинлинг, ужасный, отвратительный, *аморальный*человек!

Уперев руки в бока, он рассмеялся.

— Что же здесь, черт побери, смешного? — воскликнула она.

— Вы! Уж кто бы другой говорил про аморальность! А вот скажите мне на милость, кто же затащил к себе в постель смазливого грабителя банков и кто от него забеременел, а?

— О! Ну вы и подонок!

Она что было сил отвесила ему пощечину.

— Сука!

В свою очередь и он ударил Эмму, сильно ударил. У нее появилось на лице такое недоуменное выражение, что капитан вновь рассмеялся.

— Имейте мужество, мисс де Мейер, смотреть правде в глаза: у вас нет никакого права так яростно презирать мою мораль — или отсутствие таковой, как вам будет угодно. Вы маленькая самодовольная лицемерка,

которой более всего необходимо, чтобы ее кто-нибудь хорошенько отшлепал. И если бы я не взял себе за правило в отношении вас вести себя как подобает джентльмену, то давным-давно бы уже взял на себя труд отшлепать вас собственноручно. Да, действительно, я сплю с Чинлинг, точнее говоря, она моя наложница, но ничуть не стыжусь этого, хотя и не болтаю об этом на каждом углу. Дело в том, что Чинлинг весьма осведомлена в вопросах любви, и у нее в одном только мизинце больше опыта, чем во всем вашем прельстительном теле. Более того, она не лицемерка!

— Прекратите произносить это слово! Я вовсе не лицемерка!

— А кто же вы в таком случае? И что уж действительно поражает, так это тот факт, что вы, евреи, можете быть столь предвзятыми по отношению к другим, тогда как сами же на протяжении столетий остаетесь жертвами той же самой предвзятости!

Она выдавила кривую усмешку. «Juden… Juden… Juden… — зазвучало в ее памяти скандирование франкфуртских студентов. — Juden… Juden… Juden…».

Раздался стук в дверь, и в каюту просунулась голова Абнера.

— Можно накрывать на стол, капитан?

— Да, можно. Только мисс де Мейер не будет обедать, она так решила.

Эмма взглянула на капитана, потом решительно выпрямилась.

— Отчего же, я составлю вам компанию.

На лице Скотта появилась усмешка.

— Мне кажется, мисс де Мейер, что вы понемногу начинаете нравиться мне, — сказал он. — А это само по себе чего-нибудь да стоит. Хотя мне и самому подобное кажется крайне неправдоподобным.

Эмма одарила его надменной улыбкой.

— Вы как-то сказали, что наступит день, когда я буду умолять, чтобы вы меня поцеловали, так ведь, капитан? Не исключено, что наступит день, когда с подобной мольбой обратитесь ко мне вы.

Скотт уставился на ее спину, когда Эмма невозмутимо подошла к окну каюты и принялась любоваться карибским ландшафтом.

Глава девятая

— Почему вы решили помочь мне? — спросила Эмма полчаса спустя, когда Абнер убрал со стола.

Обед оказался превосходным. Эмма выпила два бокала какого-то потрясающего вина и теперь маленькими глотками смаковала третий.

— Иначе говоря, вы хотели бы знать, почему именно я освободил вас

от присутствия мистера Левина? Как только я представил, что вы сделаете с этим бедным молодым человеком, если выйдете за него замуж, а именно: разжуете его и выплюнете, так вот, как только я представил себе это, то сразу же разработал план действий, так что вы можете расценивать мой поступок как акт благотворительности.

Чуть опьянев от белого вина, Эмма захихикала.

— Вы и вправду ужасный человек. Но знаете, я сейчас хочу вам сделать одно признание: мне нравится цвет ваших волос.

Абнер открыл коробку сигар, и Скотт взял себе одну.

— Что ж, приятно слышать, что не все во мне вам отвратительно. Вы позволите мне закурить?

— Пожалуйста, мне нравится запах сигар.

Облокотившись о стол, Эмма смотрела, как Абнер подает капитану огонь. Скотт выдохнул дым, а Абнер молча покинул каюту.

— Отвечу на ваш вопрос. Я избавился от мистера Левина главным образом потому, что в моем извращенном мозгу родился дьявольский план.

— О чем это вы?

— Позвольте, я немного расскажу о себе. Я вовсе не романтик. Меня интересуют деньги и власть, но никак не сантименты. За последние несколько лет мне довелось наблюдать подлинное чудо: из жуткого захолустья Калифорния превратилась в самое крупное и быстро развивающееся сообщество на земле. В Нью-Йорке мне довелось слышать, что до конца нынешнего года Калифорния станет, вполне вероятно, еще одним штатом. Но даже если этого не случится, когда-нибудь этот край все равно обретет этот статус. Мне кажется, что как только вы увидите Калифорнию, вы влюбитесь в эту землю, как влюбился в нее я сам. Там есть все.

— А я думала, что вы не романтик.

Скотт улыбнулся.

— Хорошо, пусть будет так, я немного романтик.

— Вы так говорите, как будто это бранное слово.

Он пожал плечами.

— Да, в бизнесе есть определенная романтика. Строительство империи всегда сопряжено с изрядной долей романтики.

Она подняла глаза и удивленно посмотрела на капитана.

— Вы что же, империю строите?

— Как знать. Благодаря так называемой «золотой лихорадке» мне удалось сколотить состояние, и весьма большое. Впрочем, нет, правильнее было бы сказать, очень большое. Вот, скажем, груз на этом судне. Вы,

например, знаете, что мы везем?

— Нет.

— Лопаты. Кирпичи. Гвозди. Скобяной товар. Этот корабль — плавучий универсальный магазин. И знаете почему? Потому что в Сан-Франциско огромный спрос на лопаты, кирпичи, гвозди, и поставляя эти товары, я подчас делаю до тысячи процентов чистой прибыли. Это не так романтично, полагаю, как поиски золота, но огромные состояния, которые делаются на золоте, идут в обмен на мои товары. Или вот, скажем, недвижимость. Тоже никакой романтики, но есть земля, которую я весьма недорого приобретаю сегодня, а через несколько лет она будет стоить целое состояние. Извините, я не очень утомил вас?

Он пожевал кончик сигары, внимательно глядя на Эмму.

— Ничуть.

— Ну и отлично. Моя вера в Калифорнию настолько велика, что я решил перебраться туда. Продал в Бостоне дом, теперь отстраиваю дом в Сан-Франциско. Это будет очень большой и весьма эффектный дом. Фактически самый большой в этом городе.

— Поистине, вы не джентльмен, вы просто нувориш.

— Там нет больше ни «нуво», ни тем более «ришей». Что касается Сан-Франциско, то город как раз тем и хорош, что там всякий нувориш. И это весьма серьезно стимулирует. Я намерен стать самым влиятельным человеком в том штате, если смогу. Не исключено, что в один прекрасный день я даже стану тамошним губернатором.

— Да вы амбициозны, ничего не скажешь! Но мне кажется, не все так просто, правда? Я знаю, что Калифорния — место весьма дикое, однако как бы там ни было, но ведь даже калифорнийцы могут подумать, прежде чем голосовать за человека, у которого есть китайская наложница.

Он холодно посмотрел на Эмму.

— Вот именно для этого мне и нужны вы.

Внезапно Эмма протрезвела и насторожилась.

— Кажется, я начинаю понимать «дьявольский план», родившийся в вашем извращенном мозгу, — прищурившись, сказала она.

Подавшись вперед, Скотт понизил голос:

— У нас с вами очень много общего, Эмма. Мы из породы бойцов, мы созданы, чтобы побеждать. Мне нужна такая жена, которая сделала бы из меня респектабельного человека, а вам необходим такой муж, который, в свою очередь, сделал бы вас респектабельной, а вашего ребенка — законнорожденным. Вы и я от этого только выиграем. Выходите за меня замуж, и я сделаю вас королевой Калифорнии. Я подарю вашему ребенку

целый мир. Мы с вами чертовски подошли бы друг другу, Эмма, сделались бы непобедимой командой. Что вы думаете об этом?

— Думаю, что вы забыли об одной существенной вещи — о любви.

— Но я же сказал, что я не романтик.

— Зато я романтична. Для меня любовь — самое важное, что есть на свете.

— Вы слишком часто говорите о любви, но если хотите знать мое мнение, то вы производите впечатление весьма практичной особы, из тех, про кого говорят «себе на уме». Подумайте о практической стороне сделанного мною предложения, Эмма, и вы увидите все в моем свете.

Едва ли какие-нибудь другие слова могли столь сильно рассердить Эмму. Ибо, сам того не подозревая, Скотт задел то, что Эмма считала своей «ахиллесовой пятой»: она действительно была чрезвычайно практичной женщиной. Она была, пожалуй, столь же практичной и мудрой в бытовых делах, как ее покойная мать, которая устроила авантюрное замужество, отдав дочь за Антона Швабе. Поднявшись из-за стола, Эмма наградила капитана своим самым ледяным взглядом.

— Благодарю вас за теплое и весьма сердечное предложение, капитан, однако вынуждена отказать. Может, вы и богатейший человек во всей Калифорнии, но вы никогда не станете так богаты, как я, потому что я люблю. Но, разумеется, вам этого не понять.

И она стала обходить стол. Вскочив, Скотт схватил ее за руку.

— Черт возьми, Эмма, не будьте идиоткой! Ваш отец все равно выдаст вас за кого-нибудь замуж, так что забудьте разные красивости про любовь. Ведь я же предлагаю вам целый мир, преподношу его на серебряной тарелочке.

— Пустите меня! Меня не интересуют ваши предложения, разве непонятно? Мне очень вас жаль. В вашей душе нет ни грана любви. Все, чем вы располагаете, — это горой гвоздей, кирпичей и прочего скобяного товара.

Эмма высвободила руку и направилась к двери.

— Я-то думал, что вы умны, — мягко сказал Скотт. — Наверное, я ошибся. Ладно, можете выходить за вашего чертового грабителя, если, конечно, ему посчастливится выйти когда-нибудь из тюрьмы!

Рука ее, коснувшаяся дверной ручки, сжалась так, что даже пальцы побелели. Эмма прикрыла глаза, стараясь успокоиться.

— Рано или поздно он непременно выйдет, — прошептала она. — И я его дождусь.

— Лучше надейтесь на то, что он, выйдя на свободу, не почувствует

отвращения, увидев ваши морщины!

Глаза ее расширились. У капитана вновь играла на губах привычная наглая ухмылка. Эмма оглядела каюту, затем выкрикнула:

— Если бы тут было хоть что-нибудь неприбитое, я швырнула бы вам это в рожу! Неприбитая разве что фотография вашей чертовой Чинлинг! — С этими словами она распахнула дверь и убежала.

Скотт глубоко затянулся сигарой и выпустил струю дыма. Через секунду ухмылка искривила его губы.

— Правильно говорят, есть несколько способов содрать шкуру с кошки, — сказал он. — А это будь здоров какая котяра!

Сержант Вулридж и два надзирателя по имени Паттерсон и Эванс спустились по каменным ступеням в подвальное помещение корпуса «А» каторжной тюрьмы штата Огайо. Открыв зарешеченную дверь, они вошли в узкий и темный каменный коридор, свет в который поступал через небольшие потолочные оконца, размещенные вдоль одной стороны потолка. Пройдя мимо нескольких дверей, каждая из которых имела высоту в три фута, охранники остановились около двери с номером 4. Она целиком была изготовлена из металла; в ней имелись отверстия в четыре квадратных дюйма и еще была сделана небольшая дверца, больше похожая на почтовый ящик.

— Откройте! — распорядился Вулридж.

Паттерсон вытащил связку ключей, выбрал нужный, а Эванс светил ему фонарем «бычий глаз», свет которого несколько разрядил полумрак подземелья. В коридоре стоял такой отвратительный запах, что даже надзиратели морщили носы. Паттерсон открыл дверь, и в тишине подземелья громко скрипнули петли. Внутри была кромешная тьма.

— Коллингвуд! — выкрикнул сержант. — Тридцать дней истекли. Можешь выходить, только прикрой руками глаза, иначе будет больно от света.

Молчание.

— Коллингвуд?

Молчание.

— Проклятье! — прошептал сержант. — Подохла там эта скотина, что ли?

— Не-а, утром он получал хлеб и воду. Ну же, Коллингвуд, выматывайся!

— Пойди и вытащи его оттуда.

— Господи, Сардж, тут же сплошное дерьмо! Не заставляй меня

входить туда. Он ведь просидел тут целый месяц, к тому же последнюю неделю было очень тепло.

— Посветите туда… Эй, обожди-ка! Вот и он!

Совершенно голый человек на четвереньках медленно выполз из тесной, пяти футов высотой, одиночки. Его светлые волосы были выпачканы в дерьме, с подбородка свисала борода пяти дюймой длиной. Вес человека был едва ли более сотни фунтов. Через тонкую, нездорового серого оттенка, дурно пахнувшую кожу без труда можно было рассмотреть все мускулы и ребра. Глаза человека были плотно зажмурены. Когда он выбрался из одиночки, то начал глубоко дышать, пытаясь насытить свои легкие более свежим воздухом. Из камеры разило так, что выворачивало наизнанку.

— Фу! — воскликнул Паттерсон, скорчив гримасу. — Боже, ну и воняет же от него!

— Да уж, отсюда не выходят, благоухая розами, — сказал Вулридж. — Отведите его в лазарет на обследование, а потом мы выпустим и индейца.

— Готов спорить, что и от того тоже разит, как от паршивой обезьяны в зоопарке. Эй, Коллингвуд, давай-ка, пошевеливайся! Давай, давай…

Двое младших по чину надзирателей схватили Арчера под мышки и рывком поставили на ноги.

— Не так красив уж больше, красавчик. — Вулридж скорчил уморительную рожу. — Ну как, 4162, понравилось тут?

Арчер медленно разлепил веки. Он посмотрел на Вулриджа, прищурился, хотя в коридоре было совсем немного света. Однако после тридцати дней абсолютной темноты и этот слабый свет резал глаза. А в этих голубых глазах полыхала ненависть.

Но он не произнес ни звука.

— Ничего, я еще им отплачу за это, — шептал той же ночью Джо Тандер, лежа на своей койке в камере 41. — Я напился и обворовал лавку бакалейщика. Добыл всего-то три сотни баксов, а они запихнули меня сюда аж на целых четыре года. Да вдобавок бросили в то дерьмо на тридцать дней. Ну ничего, они у меня за все поплатятся…

— Только расплачивайся с ними без меня, — сказал Арчер, лежавший на верхней койке. Обоих заключенных сводили в баню, побрили и накормили, прежде чем отвести в камеру. — Не желаю больше возвращаться в одиночку. Никогда. Я думал, что сойду с ума.

— Ага, знаю, моя вина. Я понимаю. Я твой должник, белый. Извини. С нынешнего дня мы с тобой будем дружить, вот увидишь.

— Я намерен начать зарабатывать то, что они называют скидкой. Я буду подчиняться всякому их идиотскому правилу. Мне нужно выбраться отсюда как можно раньше, чтобы поехать в Калифорнию и разыскать Эмму.

— Это твоя скво?

— Может, и будет таковой. Когда-нибудь.

— В Калифорнию, значит, двинешь? Я и сам когда-то подумывал об этом. Рассчитывал поехать туда, золотишко поискать. Но сейчас уже слишком поздно: белые наверняка заграбастали все золото, какое там было. У тебя отобрали ферму, но ведь у нас эти свиньи белые отобрали целую страну! Мне бы хотелось собственноручно уничтожить всех белых — кроме тебя. Ты мой друг.

«Ничего себе друг, — подумал Арчер, уставившись в темный потолок. — Хотя, с другой стороны, нам предстоит много дней провести вместе. Он немного психованный, но в душе ничего…»

— Эй ты, белый, а может быть, отправимся как-нибудь вместе в эту самую Калифорнию?

— Может быть. В самом деле, почему бы и нет? Но только прежде нужно выбраться отсюда. И единственный способ — подчиняться тем поганым правилам, что они тут напридумывали.

И хотя при этих словах Джо Тандер осклабился и уставился на верхнюю койку, сам он тем не менее призадумался о том, что сказал сейчас белый фермер. «Может, он и прав, — подумал гордый индеец. — Может быть, совместными усилиями мы и сумеем переиграть их в их собственной игре».

На второй день по выходе из Кингстона Абнер Пибоди постучал в дверь каюты номер 5. Было три часа пополудни, сорок человек команды «Императрицы Китая» лихо драили палубу, полировали металлические части; проверяли оснастку. Через секунду после того как Пибоди постучал, дверь каюты открылась, и Феликс де Мейер, одетый в домашний халат, выглянул в коридор.

— Да?

— Капитан прислал меня передать вам его наилучшие пожелания, и кроме того он имеет честь пригласить вас к себе в каюту на ужин сегодня вечером в семь часов.

— О, очень мило с его стороны. Я непременно буду.

— На ужин приглашена также графиня Давыдова.

Стюард отсалютовал и скоренько ретировался, а Феликс закрыл дверь и обернулся к Зите, сидевшей на койке прикрыв грудь простыней.

— Интересно, как он узнал, что я здесь? — шепотом поинтересовалась она.

Феликс выглядел смущенным.

— Понятия не имею.

Зита улыбнулась.

— Похоже, что наш великолепный капитан Кинсолвинг знает куда больше, чем мы можем предположить, о том, что происходит на борту его судна.

— Он не джентльмен, — сказал Феликс, присаживаясь возле Зиты и целуя ее обнаженное плечо. — Недавно он при всех выставил Эмму в дурацком свете. Разумеется, я вынужден признать, что и Эмма вела себя далеко не лучшим образом, ударив его зонтиком по голове.

— А мне это показалось очень забавным.

— У тебя своеобразное чувство юмора.

— Дорогой мой Феликс, если жить в России и не иметь чувства юмора, то можно попросту сойти с ума. Ну, довольно быть таким щепетильным, забирайся опять в постель. Ведь у нас только-только началось все самое интересное.

— Видите ли, — говорил вечером того же дня Скотт, уплетая тушеную рыбу, — дело в том, что матросы с различных судов нередко сплетничают, встречаясь друг с другом. Когда мы стояли в порту Нового Орлеана, некоторые из моих матросов сумели поговорить с матросами того самого речного парохода, на котором вы спустились по Миссисипи. Они-то и узнали о том, что на вас было совершено покушение и что вы остались живы благодаря молодому человеку по фамилии Коллингвуд.

— Совершенно верно, — сказал Феликс, который вместе с Зитой сидел за небольшим столом в каюте капитана Скотта.

— Этот же самый Коллингвуд впоследствии был арестован по обвинению в ограблении банка. Полагаю, это как раз и есть тот человек, в котором заинтересована Эмма?

Вилка с кусочком тушеной рыбы на мгновение замерла в руке Феликса.

— Несмотря на то что моя дочь уже побывала замужем — хотя и весьма непродолжительное время, — у нее практически не было никакого интимного опыта в отношениях с противоположным полом, — сказал наконец Феликс, подчеркивая тоном деликатность темы. Фактически Эмма ничего не знает о мужчинах. Этот Коллингвуд оказался симпатичным молодым человеком, хотя и напрочь лишенным какого бы то ни было

образования, не ведающий о хороших манерах, и, боюсь, у Эммы в отношении его появилось, как мы в Германии называем, «Schwärmerei». — Феликс повернулся за помощью к Зите. — Comment dit-on en anglais «l'amour d'adolescent»? [6]

— Англичане говорят «puppy love» — «любовь молокососов».

Подобно многим великосветским русским, Зита почти не говорила по-немецки, но в совершенстве владела английским и французским.

— Вот именно, любовь таких вот молокососов. Это была всего лишь увлеченность, но дело в том, что у Эммы склонность драматизировать свои эмоциональные состояния.

— Понятно. — Скотт сделал знак Абнеру снова наполнить бокалы, затем сказал: — Вы позволите, мистер де Мейер, задать вам один вопрос? Что вы собираетесь делать, когда доберетесь до Сан-Франциско?

— Может, это и нескромно, но я все-таки признаюсь, что во Франкфурте считался неплохим ювелиром. В Сан-Франциско у людей масса денег, однако я подозреваю, что значительной части жителей накопленные деньги просто не на что тратить. Я намерен заняться ювелирным бизнесом.»

— О продаже в розницу, вынужден признаться, я не имею решительно никакого представления, — сказал Скотт. — Но вы совершенно правы, полагая, что в Сан-Франциско нет своих ювелиров. Вы без особого труда сможете добиться успеха, даже большого успеха. Однако у меня есть альтернативное предложение, и мне хотелось бы, чтобы вы рассмотрели его.

— А именно, капитан?

— Неподалеку от Эмбаркадеро у меня имеются три складских помещения, которые я заполняю всем, что только мои корабли привозят со всего мира в Сан-Франциско. Местные купцы как раз и приобретают на моих складах то, что им нужно. В последние несколько лет эта система действовала безупречно, однако нынче она сделалась излишне громоздкой. Вот я как раз и подумал: зачем позволять этим торгашам наживаться на моих товарах за счет увеличения цены? Но дело в том, что я моряк, а не торговец. И если бы вдруг попытался самостоятельно наладить розничную торговлю всем, что привожу на своих судах, то неизбежно запутался бы. А кроме того, у меня нет для этого ни времени, ни тем более желания. А вы как раз являетесь тем человеком, которого я давно искал. Что бы вы сказали, мистер де Мейер, если бы я предложил вам стать моим деловым партнером? И вместо ювелирной мастерской вы смогли бы открыть большой универсальный магазин вроде тех, которые открылись в Нью-

Йорке и в Бостоне? Этакий торговый центр, где можно было бы купить все, включая и ювелирные изделия.

Феликс положил вилку и даже вздрогнул, настолько громким получился звук. Он нерешительно посмотрел на Зиту, затем вновь перевел взгляд на Скотта. Несколько секунд собирался с мыслями, затем тихо сказал:

— Знаете, капитан, по-моему, это весьма заманчивая идея.

— Ну и как?

— Я хорошенько обдумаю ее. А о каком именно партнерстве вы сами думаете?

— В последние год-полтора я купил изрядное количество недвижимости, в частности кусок земли на Портсмут-сквер. Это в самом центре города, лучшего места для строительства торгового центра трудно и сыскать, я так полагаю. В случае если вы возьмете на себя строительство здания, я мог бы внести в качестве своего пая землю, а прибыль мы делили бы пополам. Скажу также, что поскольку я импортирую все необходимые строительные материалы, то вы смогли бы покупать оптом все пиломатериалы, необходимые для строительства. Даже нет, коли уж мы будем партнерами, я готов сделать больше, так что вы сумеете построить торговый центр чертовски дешево.

— В таком случае не вижу оснований опасаться, что наше дело потерпит неудачу! — воскликнул Феликс.

У Скотта появилась на губах озорная улыбка.

— Только не обольщайтесь, мистер де Мейер, Сан-Франциско — это город, где полно ловкачей и воров, в нем всегда приходится держать ухо востро. Но я думаю, что, имея такого партнера, как Скотт Кинсолвинг, вы будете на коне. Ну, — капитан помахал рукой, давая понять, что разговор на эту тему закончен, — у нас будет еще время обсудить все подробности этого дела, Феликс. Вы позволите вас так называть?

— Да, пожалуйста, капитан.

— Впереди еще долгое путешествие, и я не намерен уверять вас, что оно будет легким. Завтра в Тринидаде мы пополним запасы провизии, однако они изрядно полегчают к тому моменту, когда мы достигнем Буэнос-Айреса. Вы ведь понимаете, что это не пассажирское судно, именно поэтому мы все здесь так отлично себя чувствуем, разве вот только развлечений маловато. Но поскольку я хочу сделать наше путешествие как можно приятней, то я хочу предложить вам пользоваться моей библиотекой. Вы можете брать любые книги, если, конечно захотите. — И он указал на книжный шкаф.

— Ваши книги выглядят такими высокоумными, капитан, — сказала Зита. — Полагаю, тут не найдется французских романов?

— Боюсь, вы совершенно правы, графиня, — сказал Скотт, награждая ее слегка насмешливым взглядом. — Вам нравятся пикантные истории?

«Она, наверное, представляет себя на месте главной героини всякий раз, когда открывает роман», — подумал Скотт, которому его матросы доложили о посещениях Зитой каюты Феликса.

Зита иронично приподняла бровь.

— Лишь до тех пор, пока главная героиня остается добродетельной, — сказала она с улыбкой.

— Ну разумеется, героиням всегда надлежит оставаться добродетельными как минимум до того момента, когда они выходят замуж. Но после этого, мне кажется, героини могут вести себя как им заблагорассудится.

— У вас весьма своеобразная концепция того, что являет собой брак, капитан.

— Я замечал, что подобное же мнение разделяют многие другие люди, с которыми мне доводилось разговаривать. Скажите, Феликс, а ваша дочь любит читать?

— Даже очень. Она читает запоем, хотя главная ее любовь — фортепиано.

— О, так она умеет играть?

— И даже очень хорошо. Раз уж зашла об этом речь, я признаюсь вам, что одной из главных проблем, связанных с тем, чтобы уговорить Эмму приехать в Калифорнию, была ее боязнь, что в Америке не отыщется ни единого фортепиано.

— Что ж, — сказал Скотт, — она недалека от истины. — Он выбрал из специальной коробки, принесенной Абнером, сигару. «Фортепиано, стало быть, — подумал он. — Интересно…»

Глава Десятая

Дэвид Левин сидел в пабе «Гуд Куин Бесс» в Буэнос-Айресе и размышлял об Эмме, потягивая ром и почесывая недавно отрощенную бородку. Ненавидел он Эмму за то, что она фактически выбросила его на берег на Ямайке? «Нет», — признавался он себе и вздыхал, он не мог ненавидеть эту женщину. А кроме того, Дэвид был почти уверен, в том, что это было делом рук проклятого капитана Кинсолвинга. Но так как он вот-вот намеревался обогнуть мыс Горн на борту «Летящего облака», можно считать, что Эмме не удалось от него отделаться. Он плыл в Сан-

Франциско, он отрастил бородку — и почему только мысль об этом не пришла к нему раньше? — и не исключено, что у него еще вполне все может сложиться с Эммой. Если только за это время кто-нибудь другой не подцепил ее…

— Добрый вечер, лапочка. Не надоело скучать в одиночестве?

При звуках кокни Дэвид резко обернулся. Девушка, стоявшая рядом, была одета в плотно облегающую черную блузку, фасон которой давал возможность хорошенько рассмотреть ее большой бюст, на плечах было наброшено довольно-таки паршивенькое боа. Несмотря на практически полное отсутствие знаний о противоположном поле, даже Дэвид сумел сообразить, что перед ним дешевая шлюшка.

— Я… — Дэвид залпом выпил ром.

Этот паб, который содержал человек, некогда служивший в британском королевском флоте, был расположен неподалеку от доков Буэнос-Айреса, и сюда нередко заглядывали английские моряки. Уже много лет это заведение привлекало также и проституток, которые обслуживали тех, кто расширял границы Британской империи.

— А ведь ты покраснел… — И она шутливо погрозила пальчиком… — Надо же, как мило… Меня зовут Кора. Если хочешь, я могу сделать так, что твой шалунишка вскочит и споет «Правь, Британия…»

Дэвид чуть не грохнулся с высокого стула. Его отец Исидор Левин был владельцем книжной лавки в Лондоне, дружил с Исааком Дизраэли, известным литератором, отцом Бенджамина Дизраэли. Последний был для Дэвида подлинным кумиром, ибо оказался в числе тех первых евреев, избранных в парламент. Он также был автором трех великолепных романов, один из которых — «Сибиллу» — Дэвид приобрел в Кингстоне и как раз читал в настоящее время. Дэвид и сам мечтал в один прекрасный день сочинить выдающийся роман. Может, это даже будет история безответной любви — вроде — увы, увы! — собственной его любви к Эмме. Но дело осложнялось тем, что Дэвид получил сугубо книжное, исключительно рафинированное образование и понимал, что сцены страсти едва ли окажутся ему по плечу, если возникнет необходимость писать таковые. Сейчас же он смутился, ибо никто никогда при нем не говорил вслух об интимных частях тела.

— Ты, это… — начал было он, и снова выпил. — Хочешь рому?

— О, с удовольствием. — Она улыбнулась, обнажив гнилые зубы. — Для Коры это вроде мамочкина молочка! А если ты возьмешь мне сразу две порции рома, то в качестве награды я возьму у тебя в рот.

Дэвид Левин, желавший стать писателем, пишущим в стиле

социального реализма, едва не упал в обморок.

* * *

Восемь всадников скакали среди пампасов по залитой лунным светом дороге приблизительно в шестидесяти милях к юго-западу от Буэнос-Айреса. Пампасы были самой сутью Аргентины, этой богатой, плодородной равнины, которая, подобно океану, волнообразно поднимаясь и опускаясь, простиралась до самых гор, вздымавшихся на западе. Это была страна, в которой насчитывалось совсем немного дорог и еще меньше городов, а расстояние от одного имения до другого оказывалось столь большим, что даже в тихую лунную ночь собаки соседей не слышали лая друг друга.

Всадники были гаучо, в их сердцах пылала жажда убивать. Приблизившись к имению дона Хайме Марии Урибелларе, молодого и вместе с тем состоятельного помещика, женатого на Ирине Алексеевне, дочери графини Давыдовой, ковбои остановились и слезли с лошадей. В это время дон Хайме и его жена крепко спали в спальне своего двухэтажного дома.

Большинство наездников были метисы, в жилах которых индейская кровь смешалась с испанской. Три века назад испанцы завезли лошадей в Северную и Южную Америку, и местные индейцы очень скоро стали искуснейшими наездниками, а их потомки так и вовсе не имели себе равных, когда речь заходила о верховой езде. Они почти сплошь были коренастыми мужчинами, носили черные шляпы с широченными полями, плотно облегающие рубахи, куртки «болеро», изукрашенные ручной вышивкой, вязаные шарфы, мешкообразные штаны и короткие кожаные сапоги. У иных были револьверы, но всякий носил с собой украшенную серебряными накладками бутыль из сухой тыквы и серебряную специальную трубочку, чтобы потягивать чай мате.

Ковбои, посасывая свой чай, взошли на крыльцо. Один из них с помощью револьвера высадил дверной замок. Открыв дверь, мужчины оказались в небольшой прихожей, освещенной керосиновой лампой. Один из вошедших взял лампу, и все двинулись вверх по лестнице.

В хозяйской спальне на втором этаже дон Хайме и его супруга проснулись от звука пистолетного выстрела, и дон Хайме принялся торопливо натягивать брюки. Потомок одного из двадцати наиболее влиятельных родов в Аргентине, известных под названием «Олигархия», дон Хайме был владельцем 150 тысяч акров земли и 30 тысяч голов скота. Схватив с ночного столика револьвер, он бросился к двери спальни как раз

в то самое мгновение, когда дверь распахнулась. Дон Хайме выстрелил, убив первого из гаучо, однако же и сам получил от второго гаучо пулю, которая пробила грудь молодого человека. Ирина закричала, а гаучо один за другим ввалились в спальню и буквально изрешетили женщину пулями. Керосиновая лампа была брошена в ноги высокой кровати — постельное белье загорелось, и пламя быстро поглотило тело Ирины, из которого все еще сочилась кровь. Постель превратилась в погребальный костер. Спальня наполнилась дымом, и все гаучо поспешили ретироваться. Увидев вышедших в холл второго этажа двух слуг, гаучо выстрелили им в лицо. Войдя затем в детскую, они тотчас же убили и обеих маленьких дочерей дона Хайме, после чего спустились вниз. Серебряные шпоры отбивали мелодичный такт, когда они спускались по лестнице, и под этот серебряный перезвон имение превратилось в пылающий ад.

Но прежде чем ускакать в ночь, один из гаучо швырнул на землю дощечку. На ней было вырезано: «Смерть всем врагам каудильо Хуана Мануэля де Розаса!»

Устроенная в доме дона Хайме и занявшая от силы пять минут кровавая бойня вскоре получила известность как «Убийство в пампасах».

— Пианино! — воскликнула Эмма, когда Скотт привел ее в небольшой обеденный салон «Императрицы Китая» и показал ей инструмент. Здесь уже были Феликс, Зита, а также еще несколько пассажиров, пришедших сюда, поскольку время близилось к обеду. — Но откуда оно тут взялось?

— Я приобрел его сегодня утром в Порт-оф-Спейне, — сказала Скотт. — Так, ерунда, Франц Лист разве что плюнул бы на него, однако я подумал, что вы сможете, вероятно, немного развлечь нас.

Обогнув обеденный стол, Эмма уселась за миниатюрное пианино, которое было накрепко привинчено к палубе около левой стены салона. Эмма сразу же принялась исполнять шубертовскую сонату ля-мажор. Приятная мелодия до краев наполнила все это помещение с низким потолком; даже скрип судна не мешал слушателям наслаждаться музыкой. Ветер набирал силу, судно постанывало, и деревянный скрип превращался в некое подобие жутковатого звукового фона. Как только Эмма закончила играть, небольшая аудитория разразилась благодарными аплодисментами.

Поднявшись со стула, Эмма обернулась к Скотту.

— Благодарю вас, — сказал она, сопроводив слова наиболее чарующей из своих улыбок.

Скотт в ответ склонил голову.

— Это я вас должен благодарить. Музыка была превосходна!

Эмма прошла мимо капитана так, что ее широкая юбка задела его ноги.

«Хоть она, может быть, и не леди, — подумал он, — но у нее очень хорошее воспитание. Из нее получилась бы эффектная жена губернатора. В конце концов, кому нужны эти леди? В постели они скучны. Но что-то говорит мне, что эта…»

— До чего же мило со стороны капитана Кинсолвинга, что он приобрел пианино, — сказала Зита, когда они с Эммой после сытного обеда прогуливались по палубе. Солнце как раз опускалось за горизонт. В какой-нибудь миле по правому борту находилось побережье Венесуэлы.

— Действительно, — согласилась Эмма.

— Он и вправду очень приятный человек.

— Не более приятный, чем гремучая змея.

— По-моему, вы не вполне справедливы по отношению к нему.

— Ох, Зита, можете мне поверить, я вижу этого человека насквозь. Во-первых, тот мрачный секрет, касающийся его любовных отношений, про который иногда шепчутся, заключается в том, что он живет с любовницей-китаянкой. Я не считаю себя такой уж святой, однако даже и на мой взгляд, что называется, немного de trop [7]. А кроме того, он просил меня выйти за него замуж, чтобы иметь респектабельную жену в Сан-Франциско. Это было, скажу я вам, совершенно взвешенное, расчетливое и хладнокровное предложение. Дэвид Левин по крайней мере хоть любит меня, а этот капитан Кинсолвинг даже понятия не имеет, что такое любовь. И хотя мне действительно очень приятно, что он приобрел пианино — хотя оно порядком расстроено, — но если он рассчитывал таким вот образом заручиться моей благосклонностью, то его ждет серьезное разочарование.

— Знаете, дорогая, вы мне очень нравитесь, но должна вам сказать, что, по-моему, именно вы расстроены, как то пианино.

— Почему же?

— Я живу побольше вашего на свете и, насколько мне представляется, несколько лучше разбираюсь в том, что называется «жизнью». Хоть наше пребывание на этой планете весьма непродолжительно, однако и за это короткое время с некоторыми из нас порой случаются прекрасные вещи, но, бывает, случаются и ужасные. Как мне кажется, самое главное — это дети. Если есть дети, возникает осознанное чувство того, что жизнь продолжается. Например, у меня красавица-дочь, и у нее, в свою очередь, две дочери, которых мне так не терпится увидеть. У меня была полноценная и, могу признаться, довольно-таки богатая жизнь, но мое

главное сокровище — это они, мои потомки. Вы носите под сердцем ребенка, и придет такой день, когда он станет вашим сокровищем. Однако теперь у вас появилась и ответственность, Эмма. Теперь вам более уже недостаточно ограничиваться разговорами о любви, хотя и это также бывает важно. Вы теперь должны найти отца вашему ребенку. Достойного человека, который сумел бы дать ему все, что тому понадобится в жизни: общественное положение, состояние, ну и, конечно же, любовь. Вы говорили, будто капитан Кинсолвинг понятия не имеет о любви. Но откуда вам это известно? Вам еще придется немало дней провести на борту этого судна, а здесь вовсе не так уж много подходящих людей. Так что, может быть, уже настало для вас время, скажем так, «настроить ваше жизненное пианино»?

Графиня задумчиво посмотрела на Эмму и ушла.

Оставшись одна, Эмма облокотилась на бортовое ограждение и уставилась в океан. Арчер… Мысль о нем пронзила ее, опалив воспоминаниями. Неужели ей более не суждено увидеть его?!

И тем не менее Эмма вынуждена была признать, что в словах Зиты содержится определенная правда. Может, даже немало правды. Ребенок — вот что самое важное!

Вздохнув, Эмма сказала себе, что, возможно, нужно повнимательнее присмотреться к этому медноволосому капитану. Так или иначе, но она должна признать, что у этого мужчины красивая фигура.

А уж целуется он — черт побери!

Скотт сидел за своим рабочим столом, как всегда внимательно изучая вахтенный журнал, когда раздался стук в дверь.

— Кто там?

— Мисс де Мейер.

На лице его появилась усмешка. Закрыв вахтенный журнал, Скотт встал из-за стола и пошел открыть дверь. Одетая в черное платье, поверх которого была наброшена цветастая черно-красная шаль, приобретенная в Тринидаде, Эмма в мягком свете масляной лампы казалась настоящей колдуньей. Скотт медленно, изучающе разглядывал ее — с головы до пят, с пят до головы.

— Мы в трауре по мистеру Левину? — поинтересовался он.

Как всегда, его сардоническая манера разговаривать взбесила Эмму.

— Конечно нет! Можно войти?

— Без сопровождающих?

— Вам отлично известно, что я не только вдова, но еще и женщина,

которая собирается стать матерью-одиночкой, поэтому, полагаю, для сопровождающих уже несколько поздновато, не так ли?

— Что ж, в ваших словах есть смысл. Входите. Хотел бы знать, чем обязан столь высокой честью?

Он отошел чуть в сторону, позволяя Эмме войти. Шурша юбками, она прошла в каюту и сразу же направилась к дивану, расположенному возле окна. Выглянув наружу, Эмма попыталась взять себя в руки. «Притворись, будто бы он тебе симпатичен», — приказала она себе и обернулась к капитану.

— Я… — «Улыбнись же!»— напомнила она себе и улыбнулась. — Я, собственно, подумала, что, может быть, вы сможете рассказать мне еще что-нибудь про Калифорнию.

— С удовольствием. Это одна из тем, на которые я могу беседовать сколько угодно, — он закрыл дверь. — Но вам лучше сесть, а то море становится неспокойным. Не желаете ли бокал портвейна?

Эмма с удовольствием села возле окна, поскольку сильная качка вызывала у нее тошноту.

— Да, благодарю вас.

Скотт взял увесистый, широкий внизу винный графин и наполнил из него два бокала красным, как кровь, портвейном.

— Итак, что бы вы хотели узнать о Калифорнии? — спросил он, протягивая Эмме бокал.

— Меня интересует все. Откуда, скажем, такое название? — Эмма сделала маленький глоток вина.

— Неплохой вопрос для начала разговора. Была когда-то в Испании весьма популярная книга — «Эспландан». Главный герой, рыцарь по имени Эспландан, отправился на остров, где правила королева Калафия. Тот остров назывался Калифорния, на нем жило племя амазонок, которые носили золотые одежды и были вооружены золотым оружием. Постепенно конкистадоры начали называть западное побережье Северной Америки Калифорнией, потому как практически ничего не знали об этих землях и думали, будто золото находится именно там. Следующий вопрос.

— Как выглядят женщины в Сан-Франциско?

Капитан уселся в красное бархатное кресло и улыбнулся.

— Ответ на сей вопрос будет зависеть от того, нужна вам прекрасная ложь или же грубая правда.

— Предпочитаю последнее.

— Женщин там не особенно много, те же немногие, что есть, это женщины, скажем так, легкого поведения.

— Вроде Чинлинг?

Лицо его сразу стало твердым как камень.

— Мне не хотелось бы говорить о ней.

— Почему? Вы разве стыдитесь ее?

Скотт казался взволнованным. Несколько поколебавшись, он попытался объяснить:

— Видите ли, Чинлинг вышла совершенно из иной культуры, гораздо более древней, чем наша, и во многих отношениях гораздо более сложной. В мире Чинлинг те женщины, которые сожительствуют с мужчинами — это отнюдь не злые, не порочные и не корыстные существа. Больше того, в ряде случаев такие женщины могут пользоваться большим уважением. Скажем, сожительницы императора могут приобретать очень большое влияние при дворе.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— Про то, будто бы я стыжусь ее? Вовсе нет! Но я же не дурак! Я отлично понимаю, что люди — белые люди — говорят за моей спиной. Как раса, мы, белые, можем занять доминирующее положение в мире, однако у нас есть один принципиальный недостаток: мы двулики, как черт знает кто! Так что вам нужно отдать должное, поскольку у вас хватило по крайней мере честности сказать мне прямо в глаза, что вы думаете о Чинлинг.

— Теперь я уже сожалею о сказанном. Вы были совершенно правы: уж кому-кому, но только бы не нам, евреям, проявлять свою нетерпимость! А она так же красива, как на дагерротипе?

— Как лунный свет на воде.

— Она…? — Эмма закусила губу, отчего Скотт рассмеялся.

— Какая же вы все-таки женщина! Вам до смерти хочется выяснить, красивее ли она вас или нет? Не могу поверить, что мне удалось пробудить в вас ревность.

— Вы самый самодовольный… — «Будь с ним поприветливее! И кроме того, может быть, я действительно ревную…» — Эмма пристально взглянула на капитана:

— Сколько вам лет?

— Тридцать четыре.

— А если бы у вас не было Чинлинг, вы женились бы?

— Никогда об этом не задумывался.

— Вы разве не хотите иметь детей?

— Хочу, но пока с этим особо не спешу.

Эмма отпила еще немного портвейна.

— Вы как-то сказали, что… если я выйду за вас замуж, то вы будете

заботиться о моем ребенке. Вы действительно так думаете?

— Конечно! Или вы подозреваете какой-то тайный умысел в моем предложении?

Корабль, подскочив на очередной волне, рухнул вниз, и у Эммы тошнота подступила к горлу, так что на несколько мгновений ей пришлось даже задержать дыхание. Чувствуя, как кровь отливает от лица, она произнесла:

— Я лишь обдумывала ваше предложение…

— А не нужно этого делать! Вы отвергли мое предложение в очень высокомерном стиле и были, вероятно, правы. Любовь — это самое важное на свете, а вы любите совершенно другого человека, который, несомненно, гораздо в большей, нежели я, степени достоин вашей любви. Так что предлагать вам замужество с моей стороны было просто ошибкой. И кроме того, мы с вашим отцом намерены стать деловыми партнерами, а дела и чувства плохо сочетаются, можете мне поверить. Так что забудьте про мое предложение, Эмма. Вы отказали и были при этом совершенно правы: я не достоин вас… Может, еще портвейна? — спросил он, ухмыляясь.

Она поднялась из-за стола, явно расстроенная.

— Вы дьявол! — чуть ли не выплюнула она слова в лицо Скотту. — Я не вышла бы за вас даже…

— Даже если бы я оказался единственным на земле человеком. Что ж, я понимаю ваши чувства, поэтому у меня создается впечатление, что мы оба с вами обречены на страстную жизнь вне брака.

— Единственная страсть, которую я испытываю, — это гнев! После всех гнусностей, которые вы себе позволяли, еще и взять назад собственное предложение! Вы хам, сэр, бессердечный наглый хам и… О Господи!

В этот самый момент корабль вновь начал падать. Эмма выронила бокал с вином, рухнула на стоявший возле окна диван и ухватилась обеими руками за живот. Когда корабль начал вновь взбираться на гребень, она застонала:

— Ох… О-о!

Скотт поспешил ей на помощь и осторожно взял на руки.

— Моя дорогая мисс де Мейер, — сказал он, неся ее на руках через всю каюту, — одна маленькая птичка сказала мне, что вы страдаете морской болезнью.

— О, Скотт, мне так плохо…

— Лучшее средство — подышать свежим воздухом. — Распахнув дверь каюты, капитан помог Эмме выбраться наружу. — К вам будет одна только просьба: постарайтесь, пожалуйста, не блевануть на меня, если,

конечно, сможете.

— Совсем не смешно… — начала было Эмма, но тут же замолчала, борясь с приступом тошноты.

Скотт перенес ее на главную палубу и возле самого борта поставил на ноги.

— Крепко держитесь за поручень и метайте харч за борт.

— О-ох!

Корабль бешено тряхнуло, и у Эммы подкосились ноги, но поручни она не выпустила.

— Не смотрите! — гневно воскликнула она.

Капитан рассмеялся и, стараясь перекричать порывы ветра, крикнул:

— Не переживайте, прекрасная мадемуазель, я успею отвести взгляд. Но скажите, может ли что-нибудь быть романтичнее?

— Ох! Вы… вы!..

Тут она поперхнулась и снова перегнулась через бортовое ограждение. А Скотт тем временем продолжал смеяться, и тут на них низвергся целый водопад океанских брызг. Изрядно опустошенная, Эмма в конце концов медленно выпрямилась.

— Ну как, теперь лучше? — поинтересовался Скотт.

В ответ она слабо кивнула.

— Позвольте, я помогу вам добраться до каюты.

Он взял ее под руку, однако Эмма тотчас же резко отдернула ее.

— Не нужна мне ваша помощь, — сказала она. — И кроме того, вы обещали отвернуться, а сами смотрели. Ни один джентльмен не позволил бы себе та… О Боже!

Эмма подбежала к борту, и снова ее вырвало.

Мистер Розберри подошел к капитану и отдал честь.

— Капитан, ветер меняется на норд-вест.

— Да, погодка становится паршивой. Я пойду на мостик, а вы помогите мисс де Мейер добраться до каюты.

— Есть, капитан.

Скотт пошел на палубу, расположенную вровень с рубкой управления, тогда как штурман помог Эмме подняться на ноги.

— Обопритесь на меня, мисс, — крикнул он. — Тут такая погода, сами видите…

— Благодарю вас, я чувствую… чуть получше.

В действительности же она чувствовала себя настолько слабой, что едва держалась на ногах. С помощью Розберри Эмма кое-как добралась до каюты, где незамедлительно разделась, повесила мокрое платье на крючок

и замертво свалилась на койку.

«Вот опять, опять он издевается надо мной, — сказала она себе и даже зубами заскрежетала от злости. — Убила бы его!» И все-таки Эмма помнила, какие сильные у Скотта руки.

Три часа спустя Эмма пробудилась после неглубокого и неспокойного сна. Тошнота прошла, и это несмотря на то, что качка была пуще прежнего. Усевшись на койке в своей тесной каюте, Эмма прижалась лицом к прохладному стеклу иллюминатора, расположенного по левому борту. За стеклом было так же темно, как и в самой каюте, но как только глаза Эммы привыкли к темноте, она смогла различить пенистые гребни огромных океанских волн: клипер переваливался с одной такой волны на другую. Судно мотало из стороны в сторону, и при этом скрежет был прямо-таки ужасающий. Только теперь Эмма поняла, почему все находившиеся на борту предметы были привинчены к полу или каким-либо иным способом приспособлены к качке. Даже на миниатюрной полочке над умывальником, где Эмма расставила туалетные принадлежности и баночки с парфюмерией, даже на этой полочке были особым способом натянуты три тонкие проволочки, которые удерживали их на местах. Приделанная к постели специальная деревянная планка не позволяла Эмме в случае сильного крена вываливаться из койки. Сама Эмма, ее отец и еще Зита занимали три самые лучшие и дорогие каюты, однако и в них удобства были примитивные.

Привкус во рту у Эммы был ужасный. Выбравшись из постели, она зажгла единственную масляную лампу, которая, как сумасшедшая, болталась из стороны в сторону, затем подошла к умывальнику и прополоскала рот розовой водой. До чего же унизительно, когда тебя выворачивает на глазах у такого вот усмехающегося бабуина! Но в то же время… Эмма едва заметно усмехнулась. Было даже занятно помериться с ним силами. В натуре Скотта было нечто дьявольское, что как раз и влекло ее к нему, хотя подчас Скотт и выводил ее из себя. И что это за бизнес, которым он собирается заняться вместе с отцом?

Когда корабль зарылся носом в гребень очередной волны, Эмма едва дотащилась до койки и улеглась, забившись в уголок. Что ж, стало быть, он отступился от нее? Ничего, это мы еще посмотрим… Может быть, она и не влюблена в него, но никто еще не отступался от Эммы де Мейер по собственной воле!

* * *

Вскоре после восхода солнца ветер начал ослабевать, и Скотт, всю

ночь простоявший на капитанском мостике вместе с рулевым, передал вахту мистеру Эпплтону, своему старпому. Испытывая после такой ночи огромную усталость, он направился вниз, в свою каюту, где скинул с себя насквозь мокрую одежду и тотчас же уснул. Проснулся он около десяти часов, поднялся и немного поплескался у умывальника. Затем принялся бриться, радуясь, что океан стал несколько более спокойным и потому уменьшилась вероятность перерезать себе горло собственной же бритвой.

Он наполовину уже выбрился, когда раздался стук в дверь.

— Войдите!

В каюту вошла Эмма, одетая в белое платье с зеленой отделкой. Увидев Скотта, она была поражена.

— Ох, а я и не предполагала, что…

— Доброе утро, мисс де Мейер. Как сегодня чувствуете себя, получше? — спросил он, продолжая бриться.

— Да, благодарю вас. Хотя ночью думала, что мы утонем.

— Ну, это было просто-таки небольшое волнение по сравнению с тем, что поджидает нас у Магелланова пролива. Вот уж когда вы сможете узнать, что такое настоящая штормовая отрыжка!

— Знаете, капитан, у вас такая элегантная манера изъясняться. Когда-нибудь вы должны написать мемуары под названием «Сорок лет в нептуновой отрыжке».

Выбривая горло, Скотт, как смог, ухмыльнулся.

— Мне нравится это название.

— Я разговаривала с отцом. Он рассказал мне о том самом бизнесе, которым вы двое намереваетесь заняться. Так вот, хочу вам высказать свое отношение ко всему этому. По-моему, это отличная мысль, и какие бы отношения ни были между вами и мной, я вовсе не хотела бы, чтобы они повлияли на отношения между вами и моим отцом.

Эмма все это время не отрываясь смотрела на широченные плечи Скотта и его мускулистую спину, и ей нравилось то, что она видела.

— Разумеется! Как я вам вчера говорил, бизнес и любовь решительно не сочетаются друг с другом. И я говорю так вовсе не потому, что между вами и мной было много любви. Знаете, я чертовски старался, чтобы понравиться вам, но ведь я вам совсем не нравлюсь, ведь так?

Закончив бриться, он вытер бритву, затем сполоснул водой лицо.

— Вы столько сил потратили, чтобы сделать мне предложение, — сказала Эмма, — а потом отступились от своего предложения. У меня, собственно, и возможности-то узнать вас не было.

— О, так, стало быть, вы полагаете, что я отступник?

— А как же еще вас можно назвать?

— Ну, видите ли, у меня есть гордость, и негоже о ней забывать. Я сделал вам предложение с чистой душой, а вы в ответ хоть и весьма витиевато, однако же вполне доходчиво дали мне понять, чтобы я засунул его себе в одно место.

— Только не нужно говорить грубостей.

Отбросив полотенце, Скотт подошел к ней и ухватил ее за руки повыше кисти.

— А вот вам, значит, грубость не возбраняется? — мягко сказал он.

И прежде чем Эмма успела хоть что-нибудь ответить, его губы прижались к ее губам. У Эммы голова пошла кругом, и, не отдавая себе отчета в собственных действиях, она принялась отвечать на его поцелуй. От него слегка пахло мылом, оставшимся на коже после бритья, но Эмму сейчас более всего возбуждала животная сила Скотта, в то время как руки ее ощущали мягкую гладкую кожу его спины. Когда он принялся расстегивать пуговицы на ее платье, Эмма даже не попыталась оказать хоть какое-то сопротивление. Лишь только затем Скотт оторвал губы.

— О, чертовы женщины, вы столько всегда тряпок на себя надеваете, что семь потов сойдет, прежде чем доберешься до тела! — сказал он. — Ты разденься, а я пойду запру дверь.

Впервые в жизни Эмма решительно не знала, что ответить. Она уставилась на него, тогда как Скотт запер дверь каюты, затем стянул кальсоны. При этом он, освободив одну ногу, некоторое время стоял, как цапля, стаскивая их с другой. И опять-таки Эмма не нашлась, что сказать, лишь рот раскрыла от изумления.

— Только не притворяйтесь, мадам, будто вы никогда прежде не видели голого мужчину, — сказал он. — Если, конечно, Арчер Коллингвуд не сделал вас беременной, не снимая брюк. Но мне что-то не верится в это. Ну так как? Разденетесь сами, или же прикажете сорвать с вас одежду?

При этих словах Эмма быстренько расстегнула пояс, положила его на бархатное кресло, затем освободилась от платья.

— У вас не достанет мужества взять меня силой, — сказала Эмма.

— Спорный вопрос, тем более, что вполне очевидно, что насиловать вас мне не придется.

— Не уверена, что вы отважились бы в приличном обществе произнести вслух это отвратительное слово.

— Ну, раз уж на то пошло, наше общество с каждой секундой становится все менее приличным.

Его зелено-голубые глаза не пропускали ни малейшей детали, глядя на

нее. Эмма сняла с себя две последние юбки и осталась в одной лишь рубашке и белых панталонах с оборочками.

— Ну же! — поторопил он. — Ожидаю увидеть завершающий этап.

— У вас мораль мартовского кота!

— Совершенно верно. Впрочем, как и у вас. Или вы будете сейчас говорить, будто бы девичья скромность не позволяет вам обнажиться перед представителем противоположного пола? Если так, то смею заметить, что вы зашли уже слишком далеко, чтобы подобный аргумент звучал мало-мальски убедительно.

— Ваше отношение мне кажется возмутительным, а ваша неимоверная грубость лучше, чем что бы то ни было, доказывает, что вам не дали решительно никакого воспитания, — сказала она, снимая панталоны.

Он рассмеялся.

— Вот в этом вы совершенно правы, дорогая. Действительно, мне не дали никакого воспитания, но я люблю воспитывать других. А теперь должен признаться, что ноги у вас настолько стройные, что подобных им я, пожалуй, и не встречал. Скрывать их под одеждой — это просто стыд и срам! До чего же все вы, женщины, глупые: надеваете на себя уйму всяких юбок и всего такого. Но насколько я могу судить, подарочек мистера Коллингвуда потихонечку начинает обозначаться. Или, может, это наша еда такая питательная?

Эмма нахмурилась: она слишком хорошо знала, что все ее юбки стали ей тесны.

— На вашем месте в подобной ситуации я вовсе не стала бы упоминать Арчера Коллингвуда, — сказала она.

— Великий банковский грабитель. Без сомнения, он из тех, кто крадет у богатых, чтобы затем отдать украденное бедным?

— Именно это он и сделал, с той лишь разницей, что бедным оказался он сам! И вообще, он очень добрый и милый — к сожалению, именно этих качеств недостает вам.

— Клянусь Богом, Эмма, я буду трахать вас до тех пор, пока вы не забудете о самом существовании Арчера Коллингвуда!

Ей был отлично известен смысл глагола «трахать», но другое дело, что употребление этого слова так вот запросто, в ее присутствии, произвело на нее впечатление разорвавшейся бомбы.

— Какое омерзительное слово!

— Поверьте, вы забеременели вовсе не от слова!

Скотт поднял ее на руки, перенес на постель и осторожно уложил на спину. Эмма не отрываясь смотрела на него. Его возбудившийся пенис стал

подобен симитару — кривой турецкой сабле, и Эмма была более чем поражена его размером. Скотт забрался на постель и оказался на Эмме.

— Ты прямо-таки колдунья, — прошептал он, — но прекрасная колдунья…

— Более красивая, чем Чинлинг?

— Умираешь от любопытства, так? Я лишь могу сказать, что если она сравнима с лунным светом, то ты — со светом солнца! Не знаю, удовлетворит ли тебя подобный ответ.

— Нет.

— И тем не менее на данный момент ничего иного я не скажу. Сейчас я занят другим.

Он лег на Эмму, его широкая грудь, поросшая рыжими волосами, прижалась к ее груди, и Эмма буквально утонула в исходящей от него мужской силе. Она вынуждена была даже признаться себе, что его огромная жизненная энергия, физическая сила и мощь приводили ее в трепет, хотя он был насмешлив и груб.

Впоследствии она говорила себе, что без особых усилий сумеет привыкнуть к его вульгарности.

— Ну как, на сей раз удалось мне зажечь твой священный огонь? — поинтересовался Скотт, когда лег рядом с ней.

— По крайней мере, дымом уже пахнет, — промурлыкала Эмма.

Он рассмеялся.

— Нет дыма без огня. Сейчас, я уверен, ты хочешь услышать, что все это время ты не выходила у меня из головы. Что ж, готов признаться: именно так и обстояло дело. Ты не выходила у меня из головы. Всю прошлую ночь, пока бушевал этот проклятый шторм, я не переставая думал о тебе.

— В самом деле?

— Да, в самом деле. Дело в том, что я, возможно, влюблен в тебя, однако природная глупость не позволяет мне понять этого. Сейчас же я могу с полной уверенностью сказать, что ты меня совершенно не любишь. Твое сердце принадлежит этому Робин Гуду из штата Огайо. Однако же я человек слова. Ты обидела меня, Эмма, и именно поэтому я взял назад свое предложение. Однако же оно все еще остается в силе. Здесь, на судне, я не могу сочетать браком самого себя, однако, как только мы прибудем в Буэнос-Айрес, мы сможем пожениться надлежащим образом, так что ребенок, который у тебя сейчас в животе, будет вполне законным. Что ты на это скажешь?

— Ох, Скотт, может быть, ты и вправду меня любишь! — в

восхищении воскликнула она. — А теперь признайся: разве тебе не было прекрасно?

Он тихо засмеялся в ответ.

— Бог мой, кажется, ты решительно не можешь успокоиться на сей счет. Ну хорошо, признаюсь: это действительно было прекрасно. — Тут Скотт высунул язык и состроил уморительную гримасу.

Она засмеялась и шутливо толкнула его в бок.

— Ты жуткий человек!

— Да, но этот самый жуткий человек вторично сделал тебе предложение и так до сих пор и не услышал ответа.

— А если я скажу «да», можно мне будет переехать в эту каюту и жить здесь до конца пути? Я терпеть не могу свою каюту, она такая крошечная…

— Если я правильно понял ход твоих мыслей, тогда да. Ты сможешь перебраться сюда. Но после того, как станешь миссис Скотт Кинсолвинг. А до тех пор я заставлю тебя вести себя надлежащим образом.

Она скорчила гримаску.

— И когда же мы прибудем в Буэнос-Айрес?

— Если ветер не ослабнет и не переменит направление, то недели через две.

Она прильнула к Скотту и провела ладонью по его груди и плоскому животу. Ощущение было такое, будто она погладила нового замечательного плюшевого медведя.

— Но до тех пор будет ли мне позволено время от времени приходить сюда в гости? — шепотом осведомилась она.

— Да, — прошептал он ей в ответ. — Ты можешь приходить в мою каюту всякий раз, как только твой отец направится в каюту графини Давыдовой.

Эмма резко привстала и изумленно посмотрела на него.

— Ты шутишь! — прошептала она.

— Нет, не шучу.

— Неужели папочка и Зита?.. Я обратила внимание, что они симпатизируют друг другу, но неужели они…

— Они, действительно, как кролики солидного возраста. Мальчик, который мне здесь прислуживает, держит меня в курсе всего, что происходит на судне.

— Папочка был так одинок с тех пор, как умерла мама. О, я так рада, что они полюбили друг друга!

— Не столько полюбили, сколько подошли друг другу в постели. Не путай кислое с пресным.

Эмма вновь опустила голову ему на грудь.

— Ты и вправду жуткий человек.

— Ты это уже говорила.

— А что, разве нельзя повторить? Ты — жуткий человек. И очень грубый.

— Скажите, я правильно поступаю? — спросила Эмма.

— Что выходите замуж за капитана Кинсолвинга? О да, безусловно, — ответила Зита. Они разговаривали, стоя на палубе возле борта: корабль как раз входил в порт Буэнос-Айреса. — Странно, что вы еще сомневаетесь в этом.

— Я во многом сомневаюсь, — печально сказала Эмма. — Во-первых, конечно, Арчер. Я понимаю, что предаю его…

— Моя дорогая, но разве можно быть такой глупой! — прервала ее русская графиня. — Если уж на то пошло, вы делаете для него самое лучшее, что только возможно: вы нашли его ребенку ответственного и умного отца.

— Да, пожалуй…

— И кроме того, капитан Кинсолвинг будет отличным мужем. Он вам наверняка нравится, не так ли?

— Да, он мне симпатичен, — сказала Эмма. Но она солгала. На самом деле она все больше и больше думала о Скотте как о человеке восхитительно красивом, хотя подчас у Эммы недоставало мужества самой себе признаться в этом. — Но у него такие манеры! И эта ужасная привычка бравировать передо мной своим незнанием многих вещей. Он, конечно, делает это, чтобы шокировать меня, но все это мне кажется просто безвкусным.

— Ох, мужчины всегда остаются мужчинами. Например, половина высокопоставленных лиц в России бьют своих жен и матерятся похуже крестьян. Может, капитан Кинсолвинг не вполне идеальный человек — а кто идеальный? — но он сделает вас счастливой. А если вы захотите, то сможете даже и приручить его, воспитать по собственному вкусу. В этом — половина прелести супружеской жизни: приручить дикое животное под названием «мужчина». И он любит вас, я уверена в этом.

— Да, не исключаю, что немного любит, хотя, конечно, любит в его понимании этого слова. Только вот сердцем он с Чинлинг, равно как и я — с Арчером. Так что я едва ли имею право слишком критиковать его. — Эмма вздохнула. — И до чего же странным получится этот брак!

— Только не будьте слишком уж уверены, что его сердце принадлежит

этой самой китаянке, — сказала Зита, поплотнее заворачиваясь в черную накидку. — Равно как не следует слишком верить в то, будто бы ваше сердце всецело принадлежит Арчеру.

Эмма удивленно взглянула на нее.

— Но я уверена в этом!

— Знаете, дорогая моя, время подчас делает такие кульбиты! Время и физическая близость. Я никогда не верила, будто отсутствие человека укрепляет любовь к нему. Как правило, бывает наоборот: с глаз долой — из сердца вон. Странно, но на причале я не вижу своей дочери! Ведь она наверняка должна была получить мое письмо.

Столица Аргентины была накрыта свинцовыми тучами, холодный ветер рождал барашки на воде. «Императрица Китая» наконец пристала к муниципальному причалу, на котором, за исключением портовых грузчиков, не было сейчас ни души. Эмма перевела взгляд на корму, где в окружении нескольких морских офицеров стоял мужчина, за которого она должна будет днем выйти замуж. Скотт внимательно наблюдал за процедурой швартовки. В тысячный раз Эмма спрашивала себя, каковы же ее истинные чувства к Скотту, и в тысячный раз не находила ответа. Даже речи не могло быть о том, получает ли она наслаждение, занимаясь с ним любовью: наслаждение было столь велико, что Эмма подчас содрогалась при одной только мысли о том, что подумала бы дорогая мамочка, узнай она о распутстве своей дочери. Да, именно распутстве, ибо это слово как нельзя лучше характеризует то, чем занималась Эмма на протяжении последних двух недель. Разумеется, мамочка никогда бы не разрешила ей выйти замуж за гоя, не говоря уж о том, чтобы позволить дочери лечь с гоем в постель. Однако как в категориях морали, так и в категориях религии Феликс оказался значительно более либеральным человеком, нежели его покойная жена. Эмма понимала, что в значительной мере это объясняется связью отца с Зитой, которая вовсе не была еврейкой, так что Феликс был не в том положении, чтобы читать дочери мораль. Кроме того, к удивлению Эммы, она выяснила, что Скотт абсолютно не интересуется вопросами религиозного толка, что лишний раз доказывало отсутствие предвзятости в отношении Скотта к другим людям. В то время как антисемитизм бурно распространялся в Америке, Скотта он абсолютно не затронул.

Однако, как, впрочем, всегда, когда дело касалось Скотта, это положительное качество уравновешивалось отрицательным. Не будучи антисемитом, Скотт также не относился с предубеждением и к китайцам, что явно вытекало из его близких отношений с Чинлинг. Потрясающая,

возмутительная правда заключалась в том, что Скотт не относился с предубеждением к чему бы или кому бы то ни было. А из этого логически вытекала принципиальная возможность того, что при определенных обстоятельствах он сможет затащить в постель кого угодно. Она могла бы смотреть сквозь пальцы на его сарказм, на его вопиющую необразованность, но как только Эмма пыталась взглянуть сквозь пальцы на национальность Чинлинг, то неминуемо упиралась мыслью в отношения Скотта и Чинлинг. Само существование прекрасной китаянки в качестве соперницы являлось для Эммы источником постоянного раздражения. Даже если бы Эмма не любила Скотта, сама мысль о необходимости делить его с другой женщиной все равно была ей ненавистна. Он бесил Эмму, да, но в то же самое время и поражал ее. Скотт мог быть груб и вульгарен, мог позволять себе непристойности, однако же у него был первоклассный интеллект. Хотя она выходила за него замуж из практических соображений, однако же истинные чувства Эммы к Скотту были такими, что она даже себе не смела в них признаться.

— Это, должно быть, Ирина! — воскликнула Зита, указав на элегантный экипаж, который только что появился на причале. — У нее потрясающий муж! Они познакомились четыре года назад в Париже, и это была любовь с первого взгляда — так романтично! Он представитель одной из старейших фамилий Аргентины. Ирина писала, что он начал заниматься политикой. Кажется, они хотят избавиться от этого ужасного диктатора Хуана Мануэля де Розаса, который в случае чего вообще ни перед чем не остановится.

Эмма посмотрела на нее. Зита, хмурясь, смотрела на причал. Полный мужчина в шерстяном пальто и высокой шляпе как раз выбирался из подъехавшего экипажа, глядя на них.

— Это граф Шереметьев, — сказала Зита, — российский посол. Интересно, зачем он сюда приехал.

— Вы знакомы с ним?

— Да, он был коллегой моего мужа.

Посол взошел на корабль, сказал несколько слов Скотту, обменялся с ним рукопожатием, затем направился в сторону Эммы и Зиты. Сняв шляпу, Шереметьев поцеловал руку Зиты, сказал ей несколько слов по-французски и повел внутрь корабля.

А через секунду Эмма услышала крик.

Скотт подошел к ней.

— Скотт, что случилось?

— Российский посол только что сообщил ей, что вся ее семья была

убита по приказу диктатора де Розаса.

— О нет! Господи, бедная Зита! Ох, Скотт!.. Я должна сейчас же помочь ей… — Эмма направилась к двери, но Скотт удержал ее.

— Я послал сказать твоему отцу. Пусть он пойдет сейчас к ней.

Эмма посмотрела на него и поняла, что Скотт прав. За исключением случая с пианино, он впервые демонстрировал свою предусмотрительность.

«Может быть, когда-нибудь я и сумею полюбить его, — подумала Эмма. — А раз уж я собираюсь стать его женой, я, конечно, должна постараться. Но, Боже правый, я все еще не знаю, а правильно ли я поступаю…»

Часть II

Страна золотых холмов

Глава первая

Клипер «Императрица Китая» бросил якорь в порту Сан-Франциско 12 сентября 1850 года, совершив пятимесячное путешествие, во время которого целых десять дней судно и его команда сражались в Магеллановом проливе со страшным штормом. Стоял теплый солнечный день, но, едва только взглянув на город, которому теперь надлежало стать также и ее городом, Эмма почувствовала разочарование.

— Да это же вовсе не город! — сказала она Скотту, который стоял возле нее, обняв Эмму за живот, значительно округлившийся за последнее время. — Это какое-то скопище лачуг, не более того!

— А что же ты ожидала увидеть — Париж? Не следует забывать, что еще каких-нибудь три года назад на этом самом месте находилась мексиканская деревушка Йерба Буэна, где проживали три сотни человек. Теперь же здесь тридцать тысяч жителей, и город растет необыкновенно быстро. Признайся, что здешний залив просто восхитителен.

— Да, очень красив, но хотелось бы знать, что здесь делают все эти корабли?

Приблизительно полсотни судов со свернутыми парусами стояли на якоре планшир к планширу. Некоторые из них изрядно подгнили, и почти все выглядели заброшенными.

— Команды оставили суда и отправились на поиски золота. Большинство матросов до сих пор на золотодобыче, пытаются сколотить состояние. Я тоже потерял несколько человек, захваченных этой самой

«золотой лихорадкой»… Впрочем, как бы то ни было, добро пожаловать в новый дом.

Скотт повернулся к мистеру Эпплтону и распорядился сначала переправить на берег пассажиров, а потом экипаж, которому давались три дня, чтобы моряки могли отдохнуть после долгого, отнявшего немало сил пути. Тут к ним подошли Феликс и Зита.

Граф Шереметьев сказал ей тогда, в Буэнос-Айресе, что в случае, если она примет решение сойти на берег, посол не гарантирует ей безопасность, поскольку Хуан Мануэль де Розас, кровожадный деспот худшего пошиба, поклялся уничтожить не только всех своих политических противников, но и их родственников. Получалось так, что у Зиты не оставалось иного выбора, кроме как продолжить путешествие вплоть до Сан-Франциско. Многие недели кряду она оставалась безутешна, но мало-помалу Феликс сумел помочь ей прийти в себя и немного успокоиться. Сейчас же, облаченная в траур, послав впереди себя на берег служанку, графиня сошла по трапу. Легкий ветерок колыхал траурную вуаль, и это жутковатое волнообразное движение черной материи настолько усугубляло трагический облик графини, что у Эммы на глазах выступили слезы.

— Бедная Зита, — прошептала Эмма, обращаясь к мужу. — Она все еще не может до конца осознать происшедшее. С твоей стороны так мило, что ты позаботился о ней, предложив ей и отцу разместиться у тебя.

— Мне нравится графиня Давыдова. Она храбрая женщина. А кроме того, в этом городе нет ни одного отеля, который не кишел бы клопами. Пойдем.

Скотт помог жене, которая была сейчас на шестом месяце беременности, сойти по трапу, и они заняли свои места в шлюпке. Как только гребцы заработали веслами, над головами пассажиров начали скользить, словно огромные темные привидения, покинутые суда; от слабых порывов ветра старые суда стонали и покряхтывали.

— На причале должен быть Кан До, — сказал Скотт.

— Кто?

— Кан До. Мой главный слуга. Лет пять тому назад я привез его из Кантона.

— Вместе с Чинлинг?

Скотт посмотрел на Эмму. Он знал, что его прекрасной молодой жене не давала покоя мысль о его сожительнице.

— Да, вместе с ней, одним и тем же рейсом. Этот Кан До очень ушлый малый. Я поручил ему обставить новый дом. Интересно, как он справился с заданием. Как видишь, Сан-Франциско — город холмов, причем некоторые

из них довольно-таки крутые. Вон тот, например, называется Телеграфный холм, потому что давно уже ходят разговоры, что на его вершине будет установлен семафор. Смотри, видишь, сюда идут несколько лодок? Там сидят владельцы здешних магазинов, которым не терпится купить привезенный мной товар. Только на сей раз их ожидает разочарование, правильно, Феликс?

— Абсолютно.

— Никакие грузы, доставляемые Судоходной компанией Кинсолвинга, не покинут складских помещений до того самого часа, пока не распахнет двери Торговый центр Кинсолвинга и де Мейера. Если же и будут исключения, то весьма немногочисленные. А к тому времени наши товары станут до такой степени необходимыми покупателям, что мы сможем втрое повысить цены.

— Я могу поверить в это, капитан, — сказала Зита сквозь траурную вуаль. — Вы с Феликсом просто-таки обречены на то, чтобы очень разбогатеть.

— Если совместить еврея и шотландца, получится беспроигрышная комбинация.

Все рассмеялись этим словам.

— Эге-гей, та-ам! Кинсолвинг!

К ним приблизилась первая шлюпка, и мужчина в черной куртке и цилиндре приветственно замахал рукой.

— Вы привезли платья для Чикаго? — крикнул он.

— Привез, привез, отчего же нет? Два больших тюка, самые модные платья, какие только можно увидеть в Нью-Йорке. Мистер Эпплтон отдаст их тебе сразу же, как только заплатишь.

— Четыре тысячи золотом, верно?

— Вовсе нет, ты, вор! Пять тысяч!

Мужчина рассмеялся.

— Это я так, память твою проверяю. Заглядывай сегодня вечерком в «Бонанзу». У Чикаго появились три новенькие девочки из Чили; так готовят устрицы, что пальчики оближешь.

Лицо Скотта покрылось красными пятнами.

— Эй, Слейд, познакомься с моей супругой, ее зовут Эмма Кинсолвинг.

— Боже праведный, ты — женился?! Прошу прощения, мэм. Я тут не совсем вроде… Гхм. Словом, черт меня возьми! Поверить не могу, что Скотт Кинсолвинг женился! Слушай, Скотт, что скажут об этом на Дюпон-стрит, когда эта новость дойдет туда, а?

Он заржал, а Скотт грозно нахмурился. Эмма вопросительно посмотрела на мужа.

— Что значит Дюпон-стрит?

— Этот парень, Слейд Доусон, — один из самых» очаровательных жуликов Сан-Франциско. Он владеет казино на Портсмут-сквер, заведение носит название «Бонанза» — «золотое дно».

— Так что же все-таки значит Дюпон-стрит? — повторила свой вопрос Эмма.

— А Чикаго — его подружка. Не хотел бы вас шокировать, графиня, но эта самая Чикаго — самая выдающаяся в Сан-Франциско «мадам».

— Хотя географические тонкости мне не вполне понятны, — ответила Зита, — можете поверить, капитан, я вовсе не шокирована. Как бы там ни было, но в одном только Сан-Петербурге у нас четыреста двадцать maisons de passe [8], что позволяет говорить о проституции, как об одной из главных профессий России.

— Да, так что же все-таки значит Дюпон-стрит? — в третий раз поинтересовалась Эмма.

Скотт вздохнул.

— Это сердце Маленького Китая, — сказал он.

Глаза Эммы сузились.

— Чинлинг? — прошептала она.

— Да, — коротко ответил Скотт. — А вот и Кан До! — Скотт привстал и приветливо замахал рукой молодому китайцу, который стоял на пристани возле элегантного открытого экипажа. Кан До был одет в красивую красного цвета форму с золотыми пуговицами.

— А почему вы зовете его Кан До? — спросил Феликс.

— Видите ли, он говорит только на пиджин, этакой смеси английского с китайским, как, впрочем, и все здешние «поднебесиики» — так называют китайцев, поскольку они выходят из Поднебесной Империи. Эй, Кан До! — крикнул Скотт. — Лови носовой фалинь!

— Кан до [9]! — крикнул в ответ Кан До, в то время как один из матросов кинул ему трос.

— Теперь я понимаю, почему вы так его называете, — с улыбкой сказал Феликс.

«Не показывай своего гнева, — говорила себе Эмма, взбираясь по лестнице на причал. — Держи себя с достоинством, как подобает леди…» Но внутри у нее все клокотало. Было совершенно очевидно, что о Чинлинг в Сан-Франциско знали многие, и что отсылка к ее имени была чем-то

вроде местной расхожей шутки. «Боже мой, — думала Эмма, — надо мной будет потешаться весь этого город! Такого я и помыслить не могла!»

На причале собралось немало народу. Эмма впоследствии узнала, что приход всякого судна собирал толпу, поскольку жители Сан-Франциско, будучи отрезанными от остального мира, были жадны до новостей. За небольшим исключением, эта толпа состояла из мужчин, довольно-таки непрезентабельного вида. Когда они заметили Эмму, которая, несмотря на большой живот, выглядела очаровательно в белом платье и белой, в тон платью, шляпе с перьями, с белым кружевным зонтиком в руках, — так вот, когда они ее увидели, то начали аплодировать и свистеть самым бесцеремонным образом.

— Капитан Кинсолвинг! — прокричал один молодой человек, приложив руку к глазам козырьком, чтобы лучше видеть. — Ты что же, привез новых девочек для заведения Чикаго?

Эмма была потрясена. Скотт же подошел к молодому человеку, схватил его за грудки и сильным ударом в челюсть отшвырнул наглеца в толпу. Возникла неловкая тишина.

— Друзья мои, — сказал Скотт, вытирая руки о штаны, — мы все отлично знаем, как мало женщин в Сан-Франциско. Однако мне не хотелось бы думать, что вы здесь настолько одичали, что при виде настоящей русской графини и моей жены способны подумать нечто иное, кроме того, что обе они представляют собой благороднейших дам, которых судьба привела в наш город, и которые непременно украсят собой Сан-Франциско.

— Капитан босс! — крикнул изумленный Кан До. — Хорошенький женшин ваш жена?

— Совершенно правильно.

— О, Боже… Боже… — только и сумел вымолвить Кан До, однако у Эммы возникло ощущение, что китаец порядком испуган.

Скотт проводил обеих женщин в ландо, верх которого был опущен; на козлах восседал еще один «поднебесник», одетый в яркий красный сюртук, отделанный золотым шитьем, в замшевые панталоны и хорошо начищенные кожаные сапоги. Нарядный костюм венчала ярко-красная шляпа с пером, которая показалась Эмме чудовищно безвкусной. Когда экипаж тронулся, кто-то из мужчин крикнул:

— А она красавица, капитан! Примите поздравления!

Скотт улыбнулся и приподнял шляпу.

— Вот теперь я начинаю понемногу понимать, что же имели в виду люди, называя Америку «Новым Светом», — сказала Феликс. — Эти люди

обращаются с нами так, как будто все мы равны.

— Именно так они и думают, — сказал сидевший против жены Скотт. — На этом, предполагается, и стоит Америка.

— Вы говорите «предполагается», капитан, — сказал Феликс. — А у вас есть какие-нибудь сомнения в этом?

— Конечно есть. В Бостоне, равно как и в Нью-Йорке, и в Филадельфии, если вы имеете деньги — прекрасно. Но если только у вас нет денег — особенно в Нью-Йорке — вы обречены на собачью жизнь. В Америке не больше равенства, чем где бы то ни было еще в мире. Тут деньги — подлинное божество! Не зря же говорят, что деньги — это благословение Америки, хотя иные и добавляют, что они же — и проклятие этой страны. Единственное преимущество, которое у нас есть, заключается в том, что если вдруг получится так, что ты родился бедным, однако пронырливым и сообразительным, то ты можешь стать богатым. И даже если тебе суждено в конечном итоге свалять дурака, это, по крайней мере, будет богатый дурак.

Эмма слушала вполуха, впитывая в себя облик города.

— Улицы не вымощены, — сказала она, — и тротуары — всего лишь деревянные покрытия. Должно быть, ужасно, когда идет дождь.

— Ужасно, — подтвердил Скотт. — Но в свое время и улицы будут вымощены, и тротуары будут сделаны из кирпича и камня, хотя бы для того, чтобы умерить распространение огня при крупных пожарах. На прошлое Рождество в одну ночь выгорел практически весь город.

— Значит, в довершение ко всему, это еще и огненная ловушка… — проворчала Эмма, чувствуя, как ухудшилось настроение.

— Теперь уже поздно отступать, — заметил Скотт.

— Эмма, — сказал отец, — мы ведь знали, что жизнь здесь будет несколько примитивной.

Эмма решила более не обсуждать эту тему. Откинувшись на спинку сиденья, она устроилась таким образом, чтобы ажурный зонт защищал лицо от яркого калифорнийского солнца. Тем временем экипаж ехал вдоль улиц, уставленных по обе стороны двух- и трехэтажными деревянными домами; на их фасадах были укреплены вывески аптек, магазинов скобяных товаров, кузниц, зеленных лавок, магазинов, торгующих всем, за исключением спиртных напитков, всевозможных мелких лавок. Большинство домов не были даже выкрашены, деревянная обшивка посерела от дождей и непогоды. Ни цветов, ни, тем более, зеленых насаждений, Эмма не заметила; бросилась ей в глаза также и явная нехватка деревьев, из-за чего городские холмы имели угнетающе голый

вид. Иными словами, общее впечатление оказалось довольно-таки неприглядным. Все было просто-таки чрезвычайно безобразным. Эмме захотелось заплакать: она оставила замечательный дом во Франкфурте, претерпела множество трудностей при пересечении Атлантики, обогнула Южную Америку — и ради чего? Ради *этого?!*

Когда экипаж стал взбираться вверх по склону холма, Эмме открылось необычайное зрелище: на самом верху холма, подобно короне, располагался белый дом. Опоясанная лестницей массивная постройка возвышалась на высоту двух этажей и чем-то напоминала жилые дома в Новой Англии. Выше здания была только центральная башня, имевшая, благодаря арочным оконным пролетам, несколько итальянский облик. Здание представляло собой архитектурный винегрет, можно было даже сказать — «архитектурный кошмар», однако по сравнению с соседними домами оно выглядело едва ли не восхитительно.

Кан До, сидевший рядом с возницей, обернулся, лицо его сияло широчайшей улыбкой.

— Ну, вот и дом, хороший миссис. Это твоя новая дом. Ты нравится?

— О да, — с улыбкой ответила Эмма, усаживаясь попрямее. — Дом очень симпатичный. И здесь есть *деревья!*

— Это я дал задание Кан До посадить их, — сказал Скотт и повернулся, чтобы получше рассмотреть посадки. — Большинство деревьев было уничтожено пожаром.

— О, тут еще есть и небольшой пруд! Чудесно!

— Он также служит и пожарным бассейном.

Ландо проехало сквозь деревянные ворота, и взору Эммы предстали многочисленные клумбы, усаженные цветами, и не менее многочисленные газоны. Возница уверенно свернул на гравийную дорожку, огибающую пруд, и остановил экипаж перед большим особняком. Двое молодых «поднебесников» в таких же, как у кучера, ярких красных сюртуках поджидали возле входа. Один из слуг с готовностью распахнул дверцу ландо, давая возможность Эмме и Зите выйти. За ними последовали Феликс и Скотт.

Зита взяла Эмму за руку.

— Посмотри.

Эмма обернулась. Зита указывала вниз, в направлении залива и тихоокеанского побережья, которое, казалось, уходило в бесконечность, как и сам океан. Эмма долго смотрела на этот восхитительный вид, испытывая блаженные мгновения восторга, затем повернулась к Скотту.

— Беру все ранее сказанное назад! — воскликнула она. — Мне теперь

уже неважно, насколько непригляден сам город. Это — самое замечательное место на земле.

Он улыбнулся.

— Вот и отлично. Я надеялся, что и ты полюбишь все это так же, как полюбил я. Ну, а теперь, миссис Кинсолвинг, как и подобает новобрачной, я намерен перенести тебя на руках через порог твоего нового дома.

Он легко поднял ее на руки, чуть не утонув в пышной белой юбке Эммы, и поднялся по четырем ступеням на широкую веранду. Еще двое «поднебесников» тотчас распахнули двухстворчатую входную дверь, в которую было вставлено цветное стекло, Скотт переступил порог и только тогда опустил Эмму на пол.

— Добро пожаловать домой, Эмма, — сказал он, обнимая и целуя ее.

— Ох, Скотт! — воскликнула Эмма, высвободившись из его объятий. — Дом такой огромный! И все такое замечательно новое!

Она оглядела гигантских размеров холл. Здесь центральное место занимала большая широкая лестница, полированные ступени которой покрывала красная дорожка. Разделяясь надвое, эта дорожка вела на второй этаж, в галереи, так что из холла, подняв голову, можно было видеть, как изящно выполненные деревянные перила опоясывают три стороны большого прямоугольника. На третьем этаже была сделана еще одна галерея. Потолок холла парил на огромной высоте, до него было футов пятьдесят; потолок тоже был весь застеклен цветным стеклом, сквозь которое проступали хорошо различимые контуры венчающей особняк башни.

— Кан До проводит тебя в твою комнату. Прими ванну, отдохни, а вечером мы организуем банкет. — И Скотт направился к входной двери.

— А ты сейчас куда? — спросила она.

— Нужно проследить за разгрузкой судна, — сказал он от самых дверей. — Буду вечером.

Она нахмурилась, уверенная, что Скотт лжет. Эмма очень даже хорошо понимала, куда он идет.

Экипаж, теперь уже с поднятым верхом, двинулся по Дюпон-гэ или, что то же самое, Дюпон-стрит, главной магистрали китайской части города Гам Сан Та Фоу — Большого Города Земли Золотых Холмов, или «Фа-лан-цзе-ко», как большинство живущих здесь китайцев произносили «Сан-Франциско». Деревянные тротуары шли вдоль непрерывной череды лавок, магазинчиков, большинство из которых прямо на тротуар выставили свои прилавки, на которых громоздились продукты, китайские деликатесы,

разного рода шелка. Владельцы лавок охотно торговались с покупателями, а над их головами трепетали красочные полотнища с рекламой товаров.

Ландо Скотта остановилось перед деревянным зданием, над которым не висело никаких полотнищ, а перед фасадом не было никаких прилавков. Вывеска над дверью строго извещала: «СУДОХОДНАЯ КОМПАНИЯ КИНСОЛВИНГА. СКЛАД № 4». На первом этаже здания не было никаких окон, и только два верхних этажа украшали несколько балкончиков, на которых в несколько рядов были поставлены горшки с розовой геранью. Выйдя из экипажа, Скотт направился к двери под вывеской. Открыв ключом замок, вошел внутрь. Взбираясь по плохо освещенной лестнице на второй этаж, он думал о тех китайцах, которые валом валили в Сан-Франциско из Кантона и Гонконга и тащили деньги в его банк. Тысячи «поднебесников» иммигрировали в «Ка-ла-фо-ни-ю», и каждый вынужден был платить около сорока долларов за право пересечь Тихий океан на одном из принадлежащих Скотту судов, и половина этой суммы оседала в карманах Скотта. Однако же подавляющее большинство китайских иммигрантов, которые бежали из Китая от нищеты, решительно не склонны были доверять «чужеземным дьяволам», и потому главной своей задачей считали необходимость заработать как можно больше денег, с тем, чтобы потом возвратиться к себе на родину, открыть свое небольшое дело и сделаться в конечном итоге Гам Сан Хок, иначе говоря — «вернувшимся с Золотых Холмов Сан-Франциско». Таким вот образом тысячи и тысячи возвращались в Китай каждый год, что практически удваивало прибыли Скотта. Условия плавания на нижних судовых палубах, надо сказать, оставляли желать много лучшего, и Скотт знал, что его корабли постепенно превращались в настоящие помойки, хотя он и приказывал капитанам своих судов поддерживать чистоту, насколько это было возможно. Как бы то ни было, но китайцы не были рабами, хотя те суммы, которые нищим китайцам казались целым состоянием, не позволяли осуществлять перевозку в более приемлемых условиях.

Поднявшись по ступенькам, Скотт оказался в небольшом холле. Войдя туда, он невольно улыбнулся, услышав приглушенные звуки расстроенного пианино, которое исторгало из себя «Оставайся верен мне». Пройдя через холл, Скотт открыл дверь. Тут начинался Китай.

По крайней мере, здешний декор был сугубо китайский, вкупе с любопытной смесью американских стилей образующих какой-то экзотический коктейль. С потолка свешивались китайские фонарики, большинство мебели и все раздвижные ширмы были тоже сугубо китайскими. Лишь возле дальней от двери стены находилась явно

американская латунная кровать, рядом с которой стояло американское же маленькое пианино.

Около него, повернувшись в сторону Скотта, стояла манчжурская принцесса Ах Той. Женщине было, наверное, лет около сорока. У нее было красивое бесстрастное лицо, сильно напудренное и потому казавшееся неживым. В середине нижней губы женщины была нарисована крошечная ярко-красная «мушка» в виде слезы, на щеках киноварью нанесены небольшие правильной формы круги. Иссиня-черные волосы женщины были зачесаны на тот сложный манер, каковой отличал придворный стиль причесок в Манчжурии, в волосы воткнуты несколько длинных шпилек из слоновой кости. На женщине было ярко-красное, с высоким воротником шелковое платье, украшенное сложным узором из черных и золотых нитей.

Когда Скотт вошел и закрыл за собой дверь, девушка, сидевшая спиной к дверям и мучившая инструмент звуками «Оставайся верен мне», прекратила играть и оборвала пение. И только теперь она обернулась. На вид лет двадцати, одета она была в серебряное платье манчжурского покроя. Выразительное лицо явно указывало на то, что между нею и Ах Той имелось тесное родство, только молодое лицо было более утонченным и более красивым. Не было в нем и намека на жестокость, которая была написана на лице Ах Той.

— Скотт! — воскликнула девушка. Она вскочила со стула и бросилась через всю комнату в его объятия, покрывая лицо Скотта поцелуями. — Чинлинг так рада видеть свой возлюбленный! — пропела она на своей смеси китайского с английским. — Чинлинг так хочет доставлять Скотт приятные минуты!

Скотт мягко отстранил девушку и посмотрел на ее мать, продолжавшую все так же неподвижно стоять возле пианино.

— Добро пожаловать домой, капитан, — сказала Ах Той. — Мы очень скучали без тебя.

— Я ведь просил не обучать ее этим дурацким мелодиям, — сказал Скотт.

— А почему бы и нет? Моя дочь должна стать христианкой, потом она станет настоящей американкой. Однако, насколько я могу судить, капитан сегодня не в лучшем настроении. Не угодно ли ему чаю? Или, может, набить трубочку ah pin yin [10]?

— Оставь нас одних, — сказал Скотт не допускающим возражений тоном.

Ах Той послушно склонила голову, при этом ни один мускул не дрогнул у нее на лице. Она подошла к голубой занавеске и отдернула ее,

открыв скрытую за ней дверь. Женщина скрылась за дверью, занавеска вернулась на прежнее место.

Чинлинг — что на имеющем множество оттенков китайском означало «счастливое настроение» или «великолепная жизнь» — успела расстегнуть свое серебряное платье и снять его, представив взору Скотта совершенное в своей наготе тело. Скотт впился в него взглядом, приблизил девушку к себе и зарылся лицом между ее маленьких грудей.

— О, Чинлинг, дорогая! — едва не застонал он. — Я так чертовски люблю тебя!

Чинлинг провела рукой по его золотисто-рыжим волосам.

— Чинлинг любить Скотт, — мягким голосом сказала она. — Вся жизнь Чинлинг для того, чтобы делать Скотт счастливый.

Он погладил рукой ее упругие ягодицы, провел ладонью по бедру.

— Ты должна знать, — прошептал Скотт, — что вне зависимости от того, что бы я ни причинил тебе, я всегда буду любить тебя.

При этих словах в ее миндалевидных глазах мелькнул страх.

— Что Скотт причинить Чинлинг?

Он поднял голову и заставил себя улыбнуться.

— Об этом поговорим позже. А теперь будем же счастливы!

Подняв ее на руки, Скотт перенес девушку на латунную кровать, находящуюся возле пианино, вспоминая при этом, что менее часа тому назад вот так же держал на руках и нес в дом свою жену Эмму. «Боже мой! — подумал он, — нужно все ей рассказать! Я обязан сделать это! Но она сейчас так хороша, так прекрасна. Только еще один разок… совсем один разок».

Он бережно опустил девушку на постель и принялся снимать с себя одежду. Чинлинг внимательно следила за всеми его действиями. Скотт собрался было уже снять брюки, как неожиданно из-за голубой занавески появилась Ах Той.

— Черт бы тебя побрал, женщина! — взревел Скотт. — Разве ты не видишь…

Он не договорил, увидев, что лицо китаянки искажено холодным гневом. Она от двери прошипела что-то по-китайски своей дочери.

Чинлинг стремительно соскочила с постели и прижала к себе брошенное платье.

— Что такое?! — воскликнул Скотт.

Ни та, ни другая не произнесли ни слова, а дочь стремительно скрылась за голубой занавеской.

— Итак, — сказала Ах Той, — все-таки это произошло.

— Что произошло? И почему, черт побери, ты помешала нам?

— Я только что узнала. Об это весь город говорит. Ты привез с собой новобрачную.

Скотт уселся на деревянную скамью.

— Да, это правда, — спокойным голосом сказал он. — И что же здесь такого?

Ах Той скрестила на груди руки — длинные ее ногти напоминали экзотические шипы.

— И что теперь будет с моей дочерью?

Скотт усмехнулся.

— Мне кажется, до сих пор я обращался с вами хорошо. Вы проживали здесь совершенно бесплатно, и, кроме того, я оплачивал все ваши счета. А теперь я намерен предоставить тебе и Чинлинг приличную сумму с тем, чтобы вам не пришлось думать о том, где раздобыть средства на жизнь.

— Боюсь, не так все это есть просто, капитан, — сказала Ах Той.

Из комнаты, в которую вела дверь, скрытая за голубой занавеской, послышался детский крик. Чуть улыбнувшись одними губами, Ах Той повернулась в тот самый момент, когда, откинув занавеску, в комнате появилась Чинлинг, державшая на руках младенца.

— Мы назвали ее Стар [11], — сказала Ах Той, — потому что звезды — они такой красивый, в них истина. Стар — прекрасный имя, вы не согласен, капитан? Ну же, Чинлинг, принеси ребенок отцу.

У Скотта было такое чувство, будто его ноги приросли к полу. Чинлинг несла ребенка, а сам Скотт и шагу не мог сделать навстречу.

— Разве она не восхитительный, Скотт? — с затаенной гордостью прошептала Чинлинг. — Ты держать твоего ребенка на руках? Ты целовать его? Ну, давай же, она не укусит тебя.

Словно во сне, Скотт медленно протянул руки. Чинлинг передала ему ребенка, завернутого в белое одеяльце. Скотт взял у нее ребенка и посмотрел на девочку, как если бы она была созданием с другой планеты. Девочка открыла глазки, посмотрела на отца и издала негромкий булькающий звук. Затем, выпростав руку, ухватилась за волосы на груди у Скотта.

— Тебе не нравиться ребенок, Скотт? — с волнением в голосе спросила Чинлинг. — Ты не гордиться, что сделался ее отец?

— Я… — Скотт набрал в грудь воздуха, со стыдом глядя в глаза своей любовницы, затем вновь перевел взгляд на девочку. — Все так неожиданно, — упавшим голосом сказал он. — Стар… Да, это

великолепное имя.

— Это ее христианское имя, — сказала Ах Той. — Мы воспитаем ее как христианку. Вопрос в том, какой будет ее фамилия.

Скотт не сводил взгляда с очаровательного личика девочки, однако не пропустил ни единого слова из того, что сказала Ах Той.

— Ведь ты же христианин, капитан, — продолжала та. — Что бы ты посоветовал?

— Да уж какой там я христианин… — пробормотал Скотт.

— Это не есть ответ.

Ребенок вдруг заплакал.

— У нее сильные легкие, — сказал Скотт, отчаянно пытаясь сообразить, что бы такое беспечное сейчас сказать, но у него было чувство, что голова его наполнена свинцом.

Ах Той сказала что-то дочери по-китайски.

— Я унесу ребенок, — сказала Чинлинг, протягивая руки, — но сначала ты должен поцеловать ее.

Девочка зашлась криком, когда отец наклонился и поцеловал ребенка в лоб. Затем Скотт передал ребенка Чинлинг, которая умоляюще смотрела на него.

— Ты ведь, правда, будешь любить ее, Скотт?

— Да.

Улыбнувшись, Чинлинг вышла из комнаты, унося с собой дочь. Скотт начал надевать рубашку, когда к нему подошла Ах Той.

— Итак, капитан, — сказала она. — Я пока ничего не сообщила Чинлинг про твой жена, но когда я скажу, это разбить ей сердце. Она такая глупенькая, что любить тебя. Когда тебя не было здесь, мы часто разговаривать, и она не один раз говорить, что ты сделать правильный вещь, поступить по-христиански. Когда воротиться домой. Я пыталась открыть ей глаза. Я говорила, что вы все, круглоглазые, ненавидеть и презирать нас, хотя в наших жилах течет кровь самого Чингисхана. В Китае я была принцессой, однако по приезде сюда я никто. А что касается мой дочери, то ты, когда хотеть, делать с ней любовь, укладывался на нее свой волосатый тело, но ты никогда не жениться на ней, потому что у нее не такие круглые глаза, как у тебя. Теперь появилась Стар, невинный дитя, и у этой девочки не будет настоящий отец. Моя внучка даже не будет иметь надлежащий имя. Это совсем не есть хорошо, капитан. Но она и твоя дочь. Что ты предлагать?

Скотт справился с последней пуговицей.

— Я вовсе не хочу обидеть Чинлинг, — сказал он, — хотя, наверняка,

уже обидел ее. Но я хочу, чтобы все было по справедливости. Я признаю ребенка своим, и мой казначей, мистер Фонтен, определит тебе и твоей дочери необходимую сумму. Вам будет дано столько денег, чтобы всю свою жизнь вы ни в чем не нуждались.

— Деньги… — презрительно повторила Ах Той. — Думаешь, что деньги можно загладить то унижение, который нанес моей дочери?! — Она подняла правую руку и изо всей силы вонзила длинные ногти в левую щеку Скотта. Брызнула кровь, при виде которой Ах Той сказала: — Всякий раз, когда твой круглоглазый жена будет смотреть на эти следы, пускай она думать о Чинлинг.

Кровь капала на белую рубашку Скотта. Ах Той подошла к голубой занавеске и скрылась в соседней комнате.

Глава вторая

— Боюсь, у моего мужа, судя по всему, ужасный вкус во всем, что касается обстановки, — сказала Эмма, прогуливаясь с Зитой по гостиной. Она указала на столы и стулья в китайском стиле, на китайские вазы и бело-розовые стулья для пикников.

— Не могу согласиться, — ответила Зита. — Я нахожу все эти китайские вещи очаровательными.

— Правда? Наверное, нужно просто понимать прелести китайского стиля. Я же пока не понимаю, может, в этом как раз все и дело. Но дело еще и в том, что особняк обставлен едва ли на одну треть. Вы наверняка были наверху и знаете, что иные комнаты совершенно пустые, вообще без мебели — китайской или какой бы то ни было другой. А Кан До говорит, что здесь никаких мебельных магазинов нет. Они привозят все из Китая или из Нью-Йорка, даже одежду.

— При таком положении дел успех задуманного Торгового центра можно считать гарантированным, разве не так? — сказала Зита, усаживаясь на легкий бамбуковый стул. — А что касается ваших нарядов, то я сошью их вам или переделаю старые, как вот, например, я переделала то платье, в котором вы сейчас.

— Весьма мило с вашей стороны, Зита, и, вне всякого сомнения, вы превосходно управляетесь с иглой…

— Ну, так ведь мне сам Бог, что называется, велел, — перебила ее Зита. — Я ведь была лучшей портнихой Санкт-Петербурга, пока не… скажем, пока не «узаконила» свои отношения с графом Давыдовым.

Эмма была весьма удивлена.

— Так вы были… Потрясающе! Почему вы ничего мне не

рассказывали?

Зита улыбнулась.

— Когда я жила в России, у меня годы ушли на то, чтобы отрешиться от прежней жизни, потому я и считала, что, оказавшись в Америке, вовсе незачем выставлять напоказ свое более чем скромное происхождение. До тех пор пока я называю себя «графиней», люди полагают, что таковой я и родилась на свет Божий. Хотя в действительности я родилась и выросла в семье портного.

— Портного?! — Эмма не могла в такое поверить.

— Правда, он был не совсем обычным, а придворным портным, но как бы там ни было, а портняжное искусство у меня в крови. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я начала работать у мадам Розы, которая тогда делала шляпки для придворных дам. Ну и вскоре выяснилось, что у меня есть определенный талант. Я смогла открыть собственную швейную мастерскую, и дела у меня пошли очень даже успешно. Честно говоря, после того как я вышла за графа, мне пришлось закрыть мастерскую, которую я очень любила, и ее мне страшно недоставало. А теперь, после этой ужасной трагедии… — она сделала паузу, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами. — Теперь, когда у меня нет больше ни дома, ни семьи… В общем, так уж получилось, что вы и ваш отец за эти месяцы стали как бы новой моей семьей, если мне будет позволено так сказать.

— Разумеется! — воскликнула Эмма, сжав Зиту в объятиях. — Вы член нашей семьи!

— Полагаю, для вас не является секретом тот факт, что мы с вашим отцом стали близки…

— Не секрет вовсе, и я в восторге от этого.

— Да, Америка — совершенно особенная страна, в которой не считается постыдным быть дочерью портного, пусть даже и придворного. Почему бы мне не обосноваться здесь и не сделаться лучшей портнихой Сан-Франциско?

— Превосходная мысль!

— Ваш отец пообещал выделить мне в будущем Торговом центре, который он и капитан намерены здесь выстроить, место для мастерской. А богатая и прекрасная миссис Скотт Кинсолвинг — которая, я уверена, станет самой выдающейся дамой Сан-Франциско — могла бы стать моей первой клиенткой.

— О, Зита! — воскликнула Эмма и снова обняла ее. — Думаю, что это было бы просто великолепно!

— Но, прошу заметить, что и цены у меня будут выдающиеся!

— Ох, Зита, я благодарю Небеса за то, что вы приняли именно такое решение. Без вас мне было бы здесь так одиноко.

— Но ведь у вас, моя дорогая, есть такой красивый муж!

Улыбка на лице Эммы потухла.

— О да, есть. — Она подошла к угловому, обращенному в сторону залива окну и посмотрела на Тихий океан. — А вы знаете, где находится Скотт в эту самую минуту? — ровным голосом поинтересовалась она.

— Нет.

— Ставлю тысячу долларов, что он сейчас у этой своей китаянки, представляете?! Сегодня у меня первый день в новом для меня городе, а он через каких-нибудь десять минут, словно мартовский кот, исчезает из дома, чтобы увидеть свою чертову сожительницу! Убить его готова!

Зита подошла и обняла Эмму.

— Возможно, дорогая, вам придется привыкнуть к этому.

Эмма повернула голову, и Зита увидела в ее прекрасных глазах такую печаль, которой не видела никогда раньше.

Час спустя Эмма вылезла из ванны. С некоторой даже гордостью Кан До называл ванную комнату особняка первым в Калифорнии «теплым туалетом». Присев к туалетному столику, Эмма принялась расчесывать волосы. Впервые более чем за год ей удалось вымыться по-настоящему: на кораблях Эмма могла позволить себе разве что обтирания влажной губкой. Но даже то удовольствие, которое доставила ей ванна, не могло развеять охватившее Эмму уныние. Какой бы там ни был прекрасный вид за окном, все же особняк более всего напоминал собой полупустую огромную могилу.

Когда-то будет у Зиты швейная мастерская, но пока что в распоряжении Эммы были всего только два платья, которые налезали на ее сильно раздавшуюся фигуру. Может, и вправду у Калифорнии золотое будущее, однако грубая реальность сегодняшнего дня заключалась в том, что волею судьбы Эмма оказалась в захолустном городе, где не было ни приличного общества, ни культуры. А хуже всего — тут не было любви. Тот факт, что Скотт сразу же отправился к своей Чинлинг, несомненно доказывал, что ее замужество было сплошным фарсом. В недели, последовавшие за их свадьбой, состоявшейся в Буэнос-Айресе, она пыталась убедить себя, что Скотт действительно любит ее и что образ Чинлинг постепенно тает в его сознании, как привидение. Теперь настало время признать горькую истину, что Эмма была наивной дурочкой. Сначала Антон Швабе, теперь вот Скотт — два пустых, лишенных любви

замужества.

Она опустила гребень и через всю спальню подошла к окну, поплотнее запахнувшись в домашний халат, который теперь сходился на ней с большим трудом. Спальня представляла собой просторную, но практически пустую комнату, в которой были только большая постель, странная фарфоровая китайская собака, которая служила прикроватным столиком, туалетный столик, большое зеркало — вот и вся обстановка. Нет даже коврика или штор на окне. Взглянув на океан, Эмма заметила, что небо затягивают мрачные тучи. Закрыв глаза, она подумала об Арчере и ощутила острую тоску. Как жестока была судьба, разлучив Эмму с единственным человеком, который был ей нужен больше всего на свете!

Эмма открыла глаза и сжала кулаки. Ну и черт с ней, с этой судьбой! Она станет хозяйкой своей судьбы! Наверняка должен быть какой-нибудь способ вернуть Арчера. И уж тогда Эмма смогла бы сказать своему рыжему, ни во что не верящему супругу все, что она в действительности о нем думает! А что в *действительности*она о нем думает?..

— Эмма!

Обернувшись, она увидела в дверях Скотта. Он снял капитанскую форму, и Эмма впервые увидела его в так называемой цивильной одежде. К своему удивлению, она вынуждена была признать, что он, оказывается, обладает неплохим вкусом и одет даже с некоторым изыском. Она также была удивлена, увидев на его щеке повязку.

— У меня есть для тебя кое-какие подарки.

Он вошел в комнату, за ним — Кан До и два других облаченных в ливреи «поднебесника» с большими коробками, которые они положили на постель.

— Что с твоей щекой? — спросила Эмма, когда Скотт подошел к ней.

— Был в доках, и на меня прыгнула кошка. — Ложь была столь очевидной и безыскусной, что Эмма едва не рассмеялась ему в лицо. Скотт тотчас же сменил тему: — Когда месяц назад мы были в Сантьяго, я попросил твоего отца купить вот это для меня. Но сразу я тебе не показал, а решил оставить до первой ночи, которую мы проведем в нашем новом доме.

С этими словами Скотт протянул Эмме черную коробочку. Открыв ее, она увидела внутри кольцо с большим изумрудом, окруженным бриллиантами.

— Позволь, я сам тебе его надену, — сказал Скотт. — Это твое обручальное кольцо. Несколько, признаюсь, поздновато, ну да ничего. Я дарю его тебе вместе со всей моей любовью.

Эмма молча наблюдала за тем, как он надевал ей кольцо на палец. Скотт попытался поцеловать жену в губы, но она чуть отвернулась, подставляя щеку. Скотт отступил на полшага, нехорошо взглянув на нее.

— Вижу, что благодарность прямо-таки переполняет тебя!

— Кольцо замечательное.

— Твой отец объяснил мне, что изумруды — это самые мягкие из драгоценных камней… Их можно даже поцарапать. Он советовал мне купить кольцо с бриллиантом, потому что бриллианты очень крепкие, но я подумал, что ты предпочитаешь изумруд. Возможно, я был неправ…

— О нет! А что в этих коробках?

Эмма подошла к постели. Кан До открыл крышку одной из коробок, вытащил оттуда рулон превосходного зеленого шелка и, отмотав немного, продемонстрировал Эмме переливчатую материю.

— Вам нравится, Кинсолвинг тайтай? — с улыбкой спросил китаец.

— «Тайтай» по-китайски «миссис», — объяснил жене Скотт. — Этот шелк с моего склада. У меня его столько, что можно сшить тебе десятки новых платьев. Зита сказала, что в три дня сошьет тебе несколько новых нарядов.

Эмма погладила пальцами шелк.

— Он восхитительный, — ровным голосом сказала она. — Спасибо.

Она вернулась к «туалетному столику, уселась перед зеркалом и вновь принялась расчесывать волосы. Скотт сделал знак Кан До, чтобы тот удалился; покинули комнату также и другие два китайца, тихо притворив за собой дверь. Скотт привалился к стенке, скрестив руки на груди.

— Ну, что случилось?

— Ничего.

— Язык кошка откусила, что ли?

— И, несомненно, это та самая кошка, которая исцарапала тебе лицо.

Подойдя к жене, Скотт склонился и взглянул на свое отражение в зеркале.

— Хочешь знать, где я был? — спросил он. — Я был у Чинлинг, чтобы рассказать ей о тебе.

— Ну? Всего лишь маленький tête-à-tête [12]? И, разумеется, даже пальцем к ней не прикоснулся? Нет, какая же я все-таки дура! Теперь-то понимаю, что ваши отношения с ней сугубо платонические, и ты, наверное, обсуждал с ней метафизические проблемы.

— Мы говорили с ней о нашем ребенке.

Эмма была поражена.

— Твоем ребенке?

— Да. — Выпрямившись, Скотт подошел к окну, засунул руки в карманы. — Я ведь даже не подозревал, что она была беременна, не знал решительно ничего вплоть до сегодняшнего дня. Родилась девочка, ее назвали Стар. Но клянусь тебе, Эмма, что отныне у тебя не будет оснований ревновать меня к Чинлинг. Я даю ей и ее матери значительную сумму денег, с тем, чтобы у Стар было обеспеченное будущее. Но я никогда больше не прикоснусь к Чинлинг.

— Так я и поверила!

Он резко обернулся.

— И все же это правда.

— Как будто ты знаешь, что такое *«правда»*.Разве ты можешь мне честно сказать, что не любишь эту Чинлинг?

— Могу или не могу, разве это имеет какое-нибудь значение?

— Очень даже большое. Разве ты сам не понимаешь, что я должна чувствовать, когда ты вот так бросаешь меня, словно тюк грязного белья, и летишь на Дюпон-стрит? Я меньше дня провела в Сан-Франциско, а наверняка уже сделалась посмешищем всего города! А если ты думаешь, что шелком и украшениями меня можно купить, то ты совершенно меня не знаешь! Но что меня *больше всего*разозлило, так это мысль о том, что ты, возможно, любишь ее, а вовсе не меня!

— Любишь, любишь, любишь, любишь! — заорал Скотт, подходя к Эмме. — Ты болтаешь о любви, как помешанная монашенка. А дело-то в том, что мы заключили сделку. Я откажусь от Чинлинг, хотя, Боже праведный, это обойдется мне в сотню тысяч долларов…

— Сотню тысяч?!

— Именно так, мадам. А ты стенаешь тут о том, что я тебя не люблю! Так вот, если тебе нужна сумма, которая выражает мои чувства, то сейчас ты эту сумму услышала. И теперь я жду от тебя, что и ты до конца будешь соблюдать наше соглашение и станешь любящей женой, настоящей леди. Никто не требует от тебя, чтобы ты перебарщивала, достаточно, если ты будешь вести себя, как подобает настоящей леди. В этом городе ты могла бы сойти даже за великую герцогиню! Так что я ожидаю, что ты будешь достойным образом вести этот дом и будешь достойной матерью моего ребенка…

— Твоего ребенка? — изумилась она. — Кажется, ты позабыл тот немаловажный факт, что отцом ребенка является Арчер Коллингвуд!

Скотт склонился над ней, и в зеркале Эмма увидела его глаза, наполненные ненавистью.

— Запомни, что Арчер Коллингвуд больше не существует, ты поняла?!

А ребенок у тебя в животе — мой ребенок! И никто не должен знать, что это не так!

— Но мы ведь так не договаривались!

— Это и так понятно! Бог ты мой, женщина, не думаешь ли ты, что я буду звонить по всему городу, что, прежде чем выйти за меня замуж, ты спала с каким-то фермерским пацаном, ограбившим вдобавок банк?! Или ты и вправду желаешь сделать нас обоих посмешищем всего Сан-Франциско?

Она хотела было поспорить с мужем, но в эту самую минуту ребенок повернулся и толкнул ее ножкой. Эмма не верила в чудеса, но, как бы то ни было, а этот легкий удар в живот был почти что чудом. Неужели ребенок слышал их разговор?!

— Ты прав, — вздохнула Эмма. — Нам незачем выставлять себя на посмешище. Хорошо, Скотт, считай, что мы договорились: ты оставляешь Чинлинг, а ребенок считается твоим. Я готова принять такие условия, только вот…

— Что «только вот»?

Эмма резко отвернулась, закусив губу и борясь с подступившими к глазам слезами. «Черт бы его побрал, я не намерена умолять его о любви, — подумала она. — Но ведь так хочется, чтобы он любил меня! Меня, а не ее… Я даже не знаю, почему это так важно для меня, однако это, оказывается, очень важно…»

Ребенок в животе толкнул ее еще раз.

— Впрочем, ладно, — Эмма поднялась. — Спасибо тебе за подарки. Я немного устала. Пожалуй, мне нужно вздремнуть перед обедом. — И она направилась к постели. — Между прочим, твой ребенок толкается, и я эти его сигналы восприняла как послание: «Найди мне папочку!»

Скотт бросился к жене, отшвырнув мешавшие коробки.

— А когда толкается, это больно?

— Немножко, но это неважно. Это значит, что он или она развивается нормально. Не знаешь, есть тут хороший врач? — спросила она, тяжело садясь на край постели.

— Есть старый док Грей. Правда, говорят, что он получил медицинское образование заочно, однако он принимал роды у многих здешних женщин.

— Ну тогда, я надеюсь, он справится. У меня к нашему с тобой соглашению есть одно условие. Одно всего-навсего, но я собираюсь настаивать на нем.

— Какое?

Эмма взглянула ему в глаза, и в этом взгляде читался вызов.

— Если будет мальчик, назовем его Арчером.

Скотт открыл было рот, но тут как раз в дверь спальни постучали.

— Капитан босс, — позвал его Кан До. — Мистер Один Глаз, он сейчас есть внизу, он хотеть вас видеть.

— Сейчас иду, Кан До, — отозвался Скотт и, понизив голос, сказал Эмме: — Ладно, назовем Арчером, назовем Эндрю Джексоном, мне, черт возьми, плевать! Но это будет мой сын. — И Скотт стремительно направился к двери.

— Скотт! — крикнула Эмма, понимая, что своей просьбой причинила ему боль.

— Что еще?

— Спасибо за кольцо. Оно и вправду очень красивое.

— Может, мне все-таки нужно было купить тебе бриллиант: он больше подходит к твоему характеру.

— Как ужасно, что…

Но Скотт уже вышел из комнаты. Пройдя по галерее, он спустился по лестнице. Внизу, в холле, его поджидал Андре Фонтен, казначей Судоходной компании Кинсолвинга.

Прежде Фонтен работал клерком в одном из парижских банков; во время революции 1848 года он попал на улице под перекрестный огонь, и шрапнелью ему выбило левый глаз. Отчасти из-за этого увечья он покинул Францию и отправился попытать счастья в Новый Свет. Из-за черной повязки на глазу его прозвали Одноглазым.

— Добро пожаловать домой, капитан, — сказал Фонтен, пожимая руку Скотту. — Я только что с корабля. Мистер Эпплтон уверяет, что разгрузка трюмов и доставка товаров на склад происходит без каких бы то ни было осложнений. Он также рассказал мне, что вы намерены построить на Портсмут-сквер новый магазин.

— Совершенно верно, Одноглазый. И хочу, чтобы ты подыскал мне архитектора, если таковые вообще имеются в Калифорнии, потому что мы должны претворять наши планы очень быстро. Я хочу приступить к строительству уже на следующей неделе, если ничто не помешает. Кроме того, я намерен утрясти финансовые отношения с Ах Той и поручаю тебе обсудить с ней все подробности. Сколько сейчас у нас наличных?

— Чуть больше 780 тысяч долларов. На счетах имеется еще четыре миллиона, их тоже можно получить.

Скотт ухмыльнулся.

— По моим расчетам, живых денег должно быть не менее двух

миллионов.

— Вы говорите так потому, что не в курсе. На склад номер два был совершен налет. На той неделе банда «сиднейских уток» — во всяком случае, мы полагаем, что это были именно они, — вломилась туда и растащила все, что было привезено на «Южном Кресте» из Гонконга.

— Какого же черта делали сторожа?!

— Их застрелили. Обоих. Я нанял других, вдвое больше, но все равно… — он покачал головой. — Сан-Франциско — это джунгли.

— Бог ты мой! Все привезенное на «Южном Кресте»?!

— Вымели подчистую весь склад.

— Как ты думаешь, кто может стоять за всем этим?

— Доказательств у меня, разумеется, нет, но, думаю, это Слейд Доусон. Он пытается подмять под себя весь город, капитан, а вас здесь подолгу не бывает.

— Ну ничего, с сегодняшнего дня многое изменится. Кан До! — крикнул Скотт и направился к входной двери.

— Слушаю, капитан босс?

— Передай Кинсолвинг тайтай, чтобы не ожидала меня к ужину.

— Она разочароваться, босс. Это есть ее первая ночь в новом доме.

— Ничего, переживет. Скажешь ей, что я начал предвыборную кампанию за право быть избранным первым губернатором Калифорнии. Ч-черт побери, целый склад! — Открыв дверь, он повернулся к казначею: — Это война, Одноглазый.

В предоставленной ей спальне, отделенной коридором и холлом от спальни Скотта и Эммы, на большой, под балдахином, постели лежала Зита, прижимая к глазам кружевной платочек. В комнату вошел Феликс. Мягко прикрыв за собой дверь, он подошел к ней.

— Ты плакала…

Зита кивнула.

— Извини… Я думала о своей дочери. Теперь никогда уже не увижу ни ее, ни внучек…

— Да, дорогая, я так тебя понимаю… Мою жену ведь тоже убили, так что нечего извиняться. Скажи мне лучше, какое у тебя впечатление от Сан-Франциско.

— Да я, собственно, толком еще и не знаю. Но этот дом, конечно, очень приятный. Очень любезно со стороны Скотта предоставить нам крышу над головой. Он и вправду милый человек, но мне кажется, что Эмма никак не может забыть Арчера.

Феликс нахмурился и взял Зиту за руку.

— Тогда, возможно, этот брак обречен на неудачу.

— Ох, Феликс, ты говоришь ужасные вещи…

— Скотт не еврей. Конечно, выбора у нас не было, и жить со Скоттом лучше, чем жить без мужа вообще, но… — Феликс тяжело вздохнул и закончил: — Но я предпочел бы, чтобы она вышла за Дэвида Левина.

— Пока мы были на корабле, ты как будто не имел никаких возражений?

— Тогда у меня просто не было выбора. Я хотел сделать так, чтобы ребенок Эммы был законнорожденным. А теперь меня неотступно преследует мысль, что сказала бы Эммочкина мама. Может быть, я поступил грешно — по отношению к своей дочери и к своему народу, — согласившись на этот брак…

Секунду Зита вглядывалась в его лицо.

— Похоже, затеяв весь этот разговор, ты пытаешься сказать мне, что именно по этой самой причине — что я не еврейка — ты и не хочешь жениться на мне.

Слезы навернулись на глаза Феликса, и он прижал руку Зиты к губам.

— Ты уже столько выстрадала, — прошептал он. — Я содрогаюсь от одной мысли о том, что могу причинить тебе боль. Но я не могу идти наперекор своей религии. Как бы я ни любил тебя, все равно не могу! Сначала Эмма, а потом я сам… Этим я оскорблю память моей бедной покойной жены, особенно если принять в расчет обстоятельства ее гибели во Франкфурте.

Зита вымученно улыбнулась.

— Я понимаю, дорогой. Ты только не переживай. Мы станем парой, о которой будут больше всего сплетничать в Сан-Франциско. И это будет куда более волнующе, чем просто жениться…

— Я всегда буду заботиться о тебе, Зита, тебе ни о чем не придется беспокоиться. И если затея с Торговым центром увенчается успехом, мы построим себе отличный дом. Поверь, любовь моя, все именно так и будет!

— Я верю тебе, Феликс. Ты очень дорог мне, и ты это знаешь. В моих мыслях ты — мой муж, а это все, что имеет для меня значение.

Феликс наклонился и поцеловал Зиту.

— Жена моя, — прошептал он. — Ты моя драгоценная супруга. Только смерть сможет разлучить нас с тобой.

Глава третья

Официантки в кафе «Бонанза» были обнажены до пояса. Завсегдатаи

заведения — а приходили сюда исключительно одни только мужчины — не отличались скромностью или повышенным интересом к женским одеждам, и потому униформа официанток была им очень по вкусу.

— Эй, Бесси! — гаркнул порядком набравшийся золотоискатель. Он четыре месяца провел в Плейсервилле и только что возвратился в Сан-Франциско с намерением за один вечер просадить все накопленные средства. — А ну-ка притащи мне еще их величество ««Королеву Шарлотту»! Четыре раза! Гулять, так гулять, черт побери!

Публика в большом помещении салуна, которое освещалось специально привезенными из Богемии хрустальными светильниками, разразилась в ответ на это криками и радостными восклицаниями. «Королевой Шарлоттой» назывался один из самых популярных в Сан-Франциско напитков — крепчайшее пойло, смесь кларета с малиновым сиропом. Выкрикнувший заказ золотоискатель, а им был не кто иной, как Барни Тейлор, уже принял добрую кварту этой адской смеси. Бородатый, с огромным животом, Барни восседал за отдельным столиком, который был сплошь заставлен тарелками с устрицами, створки которых Барни раскрывал прямо руками. Компанию ему на сей раз составляла мексиканская потаскушка по имени Гваделупа. Она сидела напротив золотоискателя и потягивала шампанское, время от времени поигрывая обнаженными грудями. За то, что она согласилась составить ему компанию, Гваделупа должна была получить от Барни унцию золота, однако, если он захочет позднее подняться с мексиканкой в одну из «комнат любви», которые специально устроила в этом заведении Чикаго, здешняя мадам, придется бедолаге за это удовольствие раскошелиться еще на пятьсот долларов. Порок в Сан-Франциско был не дешев.

Бесси, официантка, ловко протиснулась сквозь толпу к замысловато украшенному деревянной резьбой бару, возле стойки которого толпилось немало клиентов.

— Еще четыре «Королевы Шарлотты», — крикнула она, стараясь перекрыть гул голосов. В «Бонанзе» был жаркий вечерок. Воздух был насыщен дымом сигар и сигарет и имел отвратительный запах, впрочем, язык завсегдатаев и прочих посетителей был и того отвратительнее. Эмма была права, когда сочла этот город весьма некультурным: искусство в «Бонанзе» было представлено тремя обрамленными в золото рам огромными картинами, на которых были изображены развалившиеся в шезлонгах развратные голые бабы; картины эти представляли собой плоды работы мюнхенского художника-порнографа по имени Фридрих Эрнст Шултов. Что же касается развлечений, то помимо секса, выпивки и игры в

карты они ничем не отличались от того ассортимента, который предлагал «Грязный» Том Макалир в салуне «Козел и компас», что на Барбери-коуст (этому Макалиру дать десять центов — он на глазах у публики будет жрать дерьмо).

— Ну, как делишки? — поинтересовалась Чикаго, подойдя к одному из столиков. Во рту у нее была вонючая сигара — «стогу», названная в честь возниц фургонов из Конестоги, которые предпочитали курить эту дрянь. — Как идет игра?

— Какая игра? — спросил Мак, крупье, который только что завершил свою вахту за игральным столом в казино, которое помещалось за баром.

— Я спрашиваю тебя, задница, про игру Слейда, — фыркнула мадам весом не меньше четырехсот фунтов, на голове которой красовался светлый в кудряшках парик. Она, как обычно, уселась на специально сооруженный для нее стул восьми футов высотой: это сиденье, похожее одновременно и на трон, и на насест, позволяло мадам обозревать с высоты все, что происходило в заведении.

— Капитан Кинсолвинг огреб что-то около двух тыщ, — ответил Мак, поднимая голову и глядя на огромную бабищу в красном сатиновом платье, вырез которого был украшен страусовыми перьями, слегка прикрывавшими голые плечи дамы и невообразимых размеров грудь. Сколько бы раз ни доводилось Маку разглядывать Чикаго вблизи, он всегда испытывал благоговейный страх перед ее исполинскими габаритами. Миниатюрные ножки мадам, обутые в черные кожаные ботинки с застежками, покоились на подножке; торчавшие из ботинок носки были серебристо-зелеными в горизонтальную полоску.

Она с высоты трона оглядела Мака и выдавила кривую усмешку.

— А кто ведет игру?

— Слейд, кто же еще!

— Кинсолвинг трезвый или пьяный?

— Пьет много, но выглядит как огурчик.

— Дерьмо! Ну-ка, подойди сюда на минутку…

Мак покорно встал со своего места, подошел и взобрался на некое подобие лестничной ступени, устроенной для большего удобства мадам. Когда он оказался вровень с Чикаго, она прошептала ему на ухо:

— А кто из официанток подает на стол Слейда?

— Большие Титьки.

— Скажи, чтобы вдвое больше обычного подливала в те порции, что приносит Кинсолвингу.

— Так она и сама давно уже догадалась, Чикаго.

— Хм… А Слейд надел «держатель»?

— Ага, но пока еще не использовал его. Думаю, он ждет, когда игра пойдет по-крупному.

— Хм… Ну ладно, свободен. Ступай домой, проспись.

— Доброй ночи, Чикаго.

Мадам одним махом опрокинула в себя стакан, тогда как Мак послушно принялся слезать на пол. Проглотив спиртное, мадам гаркнула, обращаясь к проходившей мимо официантке, розовые груди которой увесисто шлепали по подносу.

— Тина, шлюха, еще джину!

— Сию минуточку, Чикаго.

В каких-нибудь десяти футах от того места, где сейчас восседала мадам, за двойными дверями в большой комнате шла крупная игра. Тут помещались шесть столов для игры в «монте» — быстротекущую мексиканскую карточную игру, которая пользовалась большой популярностью в салуне мадам, как и вообще в Калифорнии. «Колесо фортуны», два стола для игры в «фараон», стол для «vingt-et-un» [13], стол для «ландскнехта», два покерных стола также помещались в казино. Сейчас самая большая толпа зевак собралась возле стола, за которым играл Слейд Доусон. Сорокалетний профессиональный игрок, который лет десять проплавал на пароходах, ходивших по Миссисипи, прежде чем двинуться на Запад, предпочитал крутую игру. Был Слейд чернявым симпатичным мужчиной с черными усами, концы которых опускались по краям жесткого рта. Полиция сразу трех восточных штатов разыскивала Слейда по обвинению в мошенничестве; но тогда едва ли не каждого десятого жителя Калифорнии разыскивала полиция какого-нибудь восточного штата. Именно потому все эти люди и находились в Калифорнии.

Скотт, сидевший напротив Слейда за круглым столом, взял свои карты. У него на руках оказались две пары: два валета и две восьмерки.

— Пас, — сказал сидевший рядом со Слейдом француз.

— Мне одну, — сказал Гас Пауэлл, приятель Слейда, мечтавший стать губернатором.

— Увеличиваю до пяти сотен, — заявил Скотт, придвигая на середину зеленого сукна столбик фишек достоинством в сто долларов каждая.

— Для меня дороговато, — заявил мужчина, говоривший с сильным австралийским акцентом. Это был Сидни Дак, один из осужденных, которым посчастливилось убежать из Ботани Бэй, и который проживал у подножья Телеграфного холма в Сидни-таун — самой опасной трущобе Сан-Франциско.

Слейд веером раскрыл карты: две пятерки, два туза и четверка.

— Еще три тысячи сверху, — сказал Слейд и пододвинул три столбика фишек.

Зрители восхищенно присвистнули. Двое других игроков бросили карты на стол, оставляя сражаться Скотта и Слейда. Эти двое с неприязнью смотрели друг на друга.

— Круто поднимаешь! — сказал Скотт.

— Да ну? — криво усмехнулся Слейд.

— Блефуешь, я думаю.

— Все может быть. Играй — узнаешь.

Скотт выдвинул все фишки, какие у него были, на середину стола. И вновь раздались восхищенные возгласы и свист зевак. Теперь банк составлял шесть с половиной «штук».

— Сколько? — спросил Слейд.

— Одну.

Скотт сбросил карту, оставшись с двумя валетами и двумя восьмерками. Протягивая ему карту, Слейд слегка раздвинул колени, и третий туз незаметно перекочевал из его правого рукава в ладонь.

— Тебе не нужно? — спросил Скотт.

— Не-а. Я играю еще на три «штуки». Поддерживаешь?

Слейд добавил в банк еще изрядное количество фишек. Скотт почтительно оглядел кучу, громоздившуюся сейчас на зеленом сукне. Открыл карту — шестерка.

— Поддерживаю.

— Сколько у тебя? — спросил Слейд.

— Две пары: валеты и восьмерки.

Слейд рассмеялся.

— А я-то думал, что ты и вправду умеешь играть в покер! — сказал он. — Решил с такими картами тягаться со мной, тогда как у меня ни единой замены не было. Гляди, какая масть: тузы и пятерки! Смотри и рыдай.

Размашисто швырнув карты на стол, Слейд потянулся к фишкам. Скотт вытащил револьвер.

— Не торопись, Слейд.

Слейд замер, уставившись на револьвер.

— Я не вполне уверен, что ты играл честно, Слейд. Более того, я уверен, что ты жульничал, сукин сын! Поднимайся-ка и снимай с себя все.

— А?

— Делай, что говорю. Раздевайся!

В комнате, где еще совсем недавно было очень шумно, воцарилась абсолютная тишина. Слейд медленно поднялся, затем с быстротой молнии выхватил свой револьвер. Скотт выстрелил, и пуля выбила револьвер из рук Слейда.

— Я сказал, раздевайся, — повторил Скотт.

Слейд мгновение колебался, затем сбросил на пол свой черный сюртук.

— Теперь жилет.

— Какого черта…

— Рубашку!

Слейд расстегнул украшенную кружевами рубашку и стянул ее с себя. Под рубашкой, закрывая изрядную часть торса, была необычная конструкция, состоявшая из плоских стальных блоков, проволоки и телескопических трубок, идущих от пояса вплоть до плеч. Концы этих трубок загибались с таким расчетом, чтобы их можно было спрятать в рукавах. Заканчивались трубчатые конструкции «змейками», иначе говоря — специальными зажимчиками, с помощью которых можно было фиксировать под рубашкой несколько карт.

— Прошу обратить внимание, джентльмены, — сказал Скотт, поднимаясь из-за карточного стола. — Вы имеете возможность лицезреть новейшее изобретение этих паразитов. Еще в Нью-Йорке мне доводилось читать про такого рода штучки. Вот это изобретение называется «держатель Кепплинджера». Ну-ка, Слейд, продемонстрируй всем, как эта штука работает. Ну, спускай штаны!

— Пошел к черту!

— Не груби. Веди себя как хороший мальчик и делай, что говорю.

— Пошел ты на…!

Покраснев как свекла, Слейд расстегнул и спустил брюки. Трубки «держателя Кепплинджера» тянулись и ниже пояса: уходили под исподнее до самых колен.

— Видите, как все просто! — сказал Скотт. — Слейд при помощи захвата взял туза из резерва, а затем этого туза получил прямехонько в свой рукав. Он преспокойно сидит и ждет, когда ему придет пара, как это в последнем кону и произошло. Затем он слегка разводит колени и этим самым приводит в действие свою дьявольскую машину, которая и проталкивает ему туза прямиком в ладонь. Ловко, не правда ли?

Скотт снял с головы шляпу, ссыпал в нее со стола все фишки и затем встал на стул, чтобы обратиться к посетителям казино.

Друзья мои! — воскликнул он. — Сегодня я узнал, что со дня на день

ожидается прибытие судна с Востока, на котором будут доставлены подписанные президентом Филлмором документы, согласно которым Калифорнии предоставляется статус штата. Мы все отлично знаем, что представляет собой Сан-Франциско, где насчитывается какой-нибудь десяток полицейских на тридцать пять тысяч жителей. Мне приходилось слышать, что в некоторых городах, вроде Лос-Анджелеса, положение и того хуже. Настало время стать полноправным штатом, и я уверен, что именно так думают все добропорядочные люди, живущие в Калифорнии. Дело в том, что только став полноправным штатом, мы получим надлежащую полицию, закон и порядок. А закон и порядок означают, что грязные жулики вроде Слейда, который в своих идиотских кальсонах не столько опасен, сколько смешон, что такие жулики будут отправляться прямиком в тюрьму. Сограждане! Сегодня я хочу объявить, что я совершил последний рейс в качестве капитана. Отныне я все время буду проводить в Калифорнии, чтобы содействовать строительству нашего города и штата, превращению их в такое место на земле, которым мы могли бы гордиться. — Скотт улыбнулся. — Не скрою, что хотелось бы сделать город таким, чтобы моя молодая жена не жаловалась мне на здешние условия жизни. Друзья мои, на ваше рассмотрение я предлагаю свою кандидатуру на пост первого губернатора гордого штата Калифорния. Платформа моя чрезвычайно проста и понятна: закон и порядок, справедливость для всех… избавление от такого дерьма, как Слейд Доусон!

Тишина. Было очевидно, что посетители казино при кафе «Бонанза», не слишком-то приветствуют идею установления законности и порядка.

— Эй! — выкрикнул кто-то из толпы слушателей. — Если этот Слейд паршивый жулик, то ведь он надувал нас всех, и потому предлагаю вздернуть эту тварь — сейчас же, не откладывая!

В ответ раздался взрыв аплодисментов.

— Вызвать сюда «Комиссию бдительности»! — крикнул еще кто-то. — У нас уже имеются и закон, и порядок, которые срабатывают без осечки.

— То-очно! Мы сами будем судьей и присяжными, так что через какой-нибудь час Слейд будет уже болтаться на веревке!

Во взгляде Слейда отразилась паника, и он ринулся к двери, но движения его в значительной мере сковывались «держателем Кепплинджера». Толпа без труда схватила Слейда и начала избивать его; неслись крики:

— Линчевать его! Вздернуть скотину! Позвать «Комиссию бдительности»!

Шум стоял оглушительный.

Подняв револьвер, Скотт выстрелил в потолок. Гомон быстро затих.

— Отпустите Слейда! — крикнул Скотт гневным голосом. — И никто не смеет вызывать сюда эту проклятую «Комиссию бдительности»! Именно в этом и заключается беда города: слишком много тут развелось бдительных, и слишком много совершается судов Линча. Ты! — Он указал на разошедшегося пьяного золотоискателя. — Эд Бейтс, а что если я сейчас заявлю, что ты тоже шулер, и смогу убедить присутствующих, что и тебя тоже необходимо вздернуть? К тому времени, когда выяснится, что это ошибка, ты уже будешь паршивым трупом. Отпусти, сказал, Слейда! Если я захочу обвинить его в шулерстве, я обращусь в суд. А ты, Слейд, имей в виду, что мне хорошо известно, что ты надул меня не только в карты. Так что, возможно, увидимся в суде и довольно скоро. Но я еще раз повторяю, — прокричал на все казино Скотт, — что «комиссиям бдительности» и линчеваниям должен быть положен конец! Иначе Сан-Франциско так и останется дикими джунглями.

На этот раз его слова были встречены аплодисментами, сначала весьма жидкими, но вскоре набравшими силу.

— И он выставил тебя в таком дурацком виде? — поинтересовалась Чикаго час спустя в своих апартаментах на третьем этаже над кафе «Бонанза», которые представляли собой яркий образец полного отсутствия какого-нибудь вкуса.

— Он заставил меня раздеться до исподнего перед всеми, кто был тогда в казино. Я убью его! Убью суку!

— Заткнись, Слейд! Орешь тут, как мошенник в плохом театре. Кроме того, Скотт спас твою шею от петли, разве не так? Если бы не он, ты бы сейчас запросто мог болтаться напротив этого самого окна.

При этих словах Слейд шумно проглотил слюну и провел ладонью по горлу. Для шулера это оказалось слишком сильным испытанием — оказаться на волосок от линчевания.

— Значит, говоришь, он хочет стать губернатором? — продолжала Чикаго. — Интересно…

Пышнотелая мадам, которая сейчас сидела с огромной, размером со скатерть, салфеткой, засунутой в вырез платья, взяла пальцами шестую отбивную и начала уплетать ее. По многочисленным подбородкам мадам потек жир, стекавший с котлеты.

Чикаго владела кафе «Бонанза» вместе со Слейдом. Они также делили пятикомнатные апартаменты на верхнем этаже здания. Но вот постель они

не делили. Слейд предпочитал спать с девочками, работавшими внизу. Ну а Чикаго? У Чикаго были свиные котлеты и джин. Отношение Чикаго к сексу было как у мясника, который снабжал других мясом, однако же сам при этом оставался вегетарианцем.

— Наверное, он знает, что именно мы совершили налет на его склад, — сказал Слейд. — Обмолвился, что намерен вскоре увидеть меня в суде. — Слейд посмотрел в окно, за которым тянулись ряды недавно установленных на Портсмут-сквер газовых фонарей.

— Наверняка знает. Скотт отнюдь не дурак, — заметила Чикаго, облизывая пальцы. — Если Калифорния и вправду будет объявлена штатом, а он станет его губернатором, тогда у нас с тобой, сердце мое, будет очень много проблем. И потому нам необходимо сделать так, чтобы не Скотт Кинсолвинг, а Гас Пауэлл стал губернатором.

— У него есть эта подружка-китаянка…

— Да, но о ней, черт возьми, все знают! Кроме того, теперь Скотт обзавелся молодой женой, хочет казаться респектабельным. Но вся штука в том, что и нам нужно становиться респектабельными, Слейд. И тут, мне кажется, я вытащила счастливый билетик…

— Ну? И что же это?

— Не «что», а «кто». Это тот самый паренек-еврей, Дэвид Левин, который десять дней назад прибыл сюда на «Летящем облаке». С тех самых пор болтается возле стойки бара и пьет гораздо больше, чем следовало бы. Я разговаривала с ним. Он превосходно знает Эмму Кинсолвинг: два года жил с ее семейством во Франкфурте, преподавал всему семейству английский язык. Он кто угодно, но только не их ярый приверженец. Он прямо-таки ненавидит Скотта Кинсолвинга, который выбросил его с корабля на Ямайке. Левин намеревается основать газету, и, я думаю, нам следует профинансировать его.

Слейд мрачно посмотрел на Чикаго.

— Кому здесь, на хрен, нужна газета?

— Нам. Нужно идти в ногу со временем, Слейд. Власть печатного слова! Представь, что только Дэвид сможет написать в редакционных статьях, посвященных Скотту!

— Это все слова… — саркастически протянул Слейд. — Слова суть дерьмо. Пистолет всегда будет весомее любых слов.

Чикаго откусила от седьмой свиной отбивной.

— Нужно уметь использовать и то, и другое. Сейчас ступай вниз и найди Гаса. Думаю, пришло время, когда нам следует всерьез заняться его избирательной кампанией. Мы должны будем найти нечто такое, что

возмутит всех избирателей. А если не найдем, то придумаем и сделаем.

— Когда человека в первый же день его пребывания в городе оставляют один раз — это одно, — говорила Эмма, когда вечером того же дня Скотт добрался до супружеской спальни. Эмма сидела на постели, одетая в розовую пижаму. — Но когда его покидают в тот же день дважды — это, пожалуй, мировой рекорд. Не будет ли наглостью с моей стороны поинтересоваться, где же ты был во второй раз?

Подойдя вплотную к постели, Скотт уселся возле жены.

— Разве Кан До не сказал тебе?

— Он сказал какую-то глупость: что ты, дескать, начинаешь кампанию по выборам в губернаторы…

— Не уверен, что начинать свою кампанию — это так уж глупо, ну да ладно. Слейд Доусон — человек, который был в одной из тех лодок, что встречали нас — осуществил налет на один из моих складов, в результате чего было похищено товаров на сумму более двух миллионов. Если в этом штате у нас не будет какой-нибудь полицейской защиты, то нас всех сотрут в порошок такие вот люди, как он. А почему ты плачешь?

Она отвернулась.

— Вовсе нет.

— Да? А слезы текут. Или же это чертовски хорошая имитация.

— Ты ничего не понимаешь в женщинах, — всхлипнула Эмма и вытерла глаза рукавом пижамы.

— Вот в этом ты, пожалуй, совершенно права. Женщины всегда ставили меня в тупик. Но все же мне сдается, будто сердишься ты потому, что я не ужинал с тобой.

— Ничуть не бывало. Мне, напротив, было очень приятно сидеть и пялить глаза на твой пустой стул. Правда, ты, помнится, что-то говорил про то, что сегодня вечером мы устроим праздник, но кто сейчас интересуется какими-то праздниками?! Да и какой от них прок? С моей стороны было бы пустой тратой времени злиться на тебя, потому что, полагаю, я не могу винить тебя за этот фарс с женитьбой. Никого не должна винить, кроме самой себя. Как это ты однажды меня назвал? Помешанной монашкой?

— Ну, извини…

— Да нет, что ж тут извиняться, ведь так оно, судя по всему, и есть. Ты говорил также — в своей обычной галантной манере — что я твердая, как бриллиант. Думаю, что и в том, и в другом случае есть своя правда, Скотт. Безнадежный романтик, который вместе с тем тверд, как алмаз, и непробиваем. — Эмма вздохнула. — Наверное, мне далеко до образцовой

жены, но ведь мы вместе с тобой заключили сделку, и потому нам нужно держаться друг за друга. Так что я была бы весьма признательна, если бы ты проявил ко мне немного больше внимания и элементарной вежливости. Я все-таки твоя жена, нравится это тебе или нет.

Он секунду смотрел на нее, потом кивнул.

— Ты права. Я вел себя как самый последний дикарь. Что я могу сделать, чтобы хоть как-то загладить свою вину?

Эмма пожала плечами.

— Мы вполне можем сделать наш брак настоящим союзом, — сказал Скотт, беря Эмму за руку. — Скажи, чего ты хочешь. Я дам тебе все.

Она посмотрела на него, и глаза ее на этот раз были сухи.

— То, чего я хочу, — тихо сказала Эмма, — ты не должен мне давать.

Глаза его холодно блеснули.

— О да, этот лихой мистер Коллингвуд! — Скотт выпустил ее руку и выпрямился. Пройдя к изножью постели, он обернулся к ней. — На Маркет-стрит есть один первоклассный сыщик по имени Горацио Доббс. Я предлагаю тебе нанять его, чтобы он выяснил, что случилось с мистером Коллингвудом. Правда, сыщик возьмет немало, да и времени ему потребуется не меньше месяца, однако к тому времени, когда ты родишь ребенка, у тебя уже будут какие-нибудь новости о его фактическом отце. По крайней мере, это даст тебе некоторое успокоение. Я ведь понимаю, как дороги для тебя воспоминания о мистере Коллингвуде.

Эмма улыбнулась одной из самых своих очаровательных улыбок.

— О, Скотт, большое спасибо. Ужасно мило с твоей стороны!

Он мрачно кивнул.

— Будучи твоим мужем, я не могу выразить, как я рад, что смог вызвать на твоем лице столь сладкую улыбку. Ну а теперь, поскольку ты на такой стадии беременности, когда становится несколько, так сказать, неловко заниматься любовью, я отправлюсь на диван в библиотеку. Доброй ночи, Эмма.

Тотчас с ее лица исчезла улыбка.

— Ты ожидаешь от меня, чтобы я была леди, а сам не можешь хотя бы постараться быть джентльменом.

— О, я стараюсь, Эмма. Ведь если бы я не прилагал адских усилий к тому, чтобы быть джентльменом, то я вогнал бы твои прекрасные зубки в твое прекрасное горлышко.

Глава четвертая

— Ну и как же мы назовем газету? — спросила Чикаго, запихнув в рот

несколько шоколадных конфет. Она развалилась в шезлонге в своих апартаментах, глядя на Дэвида Левина, который стоял у изножья и мял в руке грязную шляпу.

— А что, если «Бюллетень Сан-Франциско»? — спросил Дэвид, темно-рыжая запущенная борода которого доставала сейчас почти до второй пуговицы на рубашке, скрывая галстук. Для Дэвида это было немаловажным преимуществом, поскольку у него был всего лишь один галстук, да и тот выглядел не лучшим образом.

— Звучит, по-моему, неплохо. Соседний дом принадлежит мне, так что на первом этаже ты мог бы устроить офис. Для тебя это будет бесплатно. Спать можешь в задней комнате, можешь также пользоваться нашими уборными. Таким образом, тебе не придется беспокоиться о выплате за аренду помещения. Я говорила уже, что нашла один подержанный пресс, который можно будет купить за восемь сотен золотом. Что еще тебе понадобится для работы?

— Чернила, разумеется, и бумага. Наборная машина будет нужна, не знаю вот только, сможем ли мы ее раздобыть. Ну и несколько мальчишек, чтобы разносили газету.

— Для этого мы используем «поднебесников». Они дешевы, как грязь на дороге. А какое бы ты хотел жалование? Только не пытайся меня ограбить, потому что, мол, все равно она богатая.

— Ну… скажем, сотню в неделю?

— Восемьдесят. Бери или проваливай.

Дэвид пожал плечами.

— Беру.

Он бы обрадовался и пятидесяти. Дэвид находился сейчас в отчаянном положении. Добравшись наконец-то до Сан-Франциско, он, как и Эмма, был потрясен тем, какие тут примитивные условия жизни. Однако в то же самое время он сразу понял, какие горизонты открываются для писателя в городе, где нет ни одной газеты. С романом может ничего не получиться, но если за ним будет стоять газета, он, возможно, будет иметь деньги, чтобы заниматься любимым делом.

— Наша редакционная политика тебе известна, — продолжала между тем Чикаго. — Главное — это дискредитировать Скотта Кинсолвинга и сделать так, чтобы наш парень прошел в губернаторы.

— Поверьте, дискредитация Кинсолвинга доставит мне большое удовольствие.

— Ага, я знаю, ты ненавидишь его, потому что он увел у тебя девчонку. А мне нравятся ненавистники. Потому, думаю, тебе это местечко

очень даже подойдет. Только вот как быть с миссис Кинсолвинг? Ты же мне говорил, когда недавно напился, будто все еще любишь ее. Это так?

В глубине души Дэвид корчился, как червяк.

— Нет, — выдавил он наконец. — Когда «Императрица Китая» причалила в здешнем порту и матросы начали трепать языками про то, что происходило, пока огибали Южную Америку… о том, что Эмма спала с Кинсолвингом задолго до того, как они поженились… — Тут Дэвид закусил губу. Известие об этом тогда прямо-таки потрясло его. — Словом, когда я узнал, всякая любовь к Эмме, какой бы сильной она ни была, тотчас же умерла. Эмма де Мейер — это просто оппортунистка и сука, так что не думаю, чтобы даже спьяну я мог говорить о любви к ней.

Чикаго отправила в рот очередную конфету. «Ну и занюханный же он, — подумала мадам, глядя на Дэвида. — Тощий и грязный. Но в нем горит огонь. Именно такой нам и нужен…»

— Мм… Вот такой линии и держитесь в своих редакционных статьях, Дэви. Таким образом мы дискредитируем всю их чертову компанию с Ринкон-Хилл.

«Неужели я и вправду смогу сделать такое по отношению к Эмме?» — ужаснувшись, подумал он и вспомнил, какую боль причинило ему известие, что она выходит замуж за Скотта. Не без помощи огромного количества спиртного заглушал Дэвид в себе эту боль. Сначала Эмма втоптала его чувства в грязь, связавшись с тем мужланом Арчером, а теперь вот Скотт. «Да, я на самом деле ненавижу ее», — подумал Дэвид.

— Теперь вот еще что, — облизывая липкие пальцы, сказала Чикаго. — Я заметила, что ты все время пялишься на моих девочек. Хочешь получить одну из них даром? Это — одна из конфеток, которую получают те, кто работает на меня и Слейда. Ты ведь не можешь на свою зарплату позволить себе моих девочек. Хотя ты и не заслужил пока что этой милости.

— Ну, это было бы… было бы неплохо.

— Кандидатура есть на примете?

— Красотка, которую зовут Летти.

Чикаго прищелкнула языком.

— А у тебя неплохой вкус, детка, но это — высший сорт. Летти — женщина Слейда. Никто больше не смеет прикасаться к ней. Выбирай другую.

— Тогда эту, рыженькую, Бетти, кажется?

— Эта девочка приехала из Сент-Луиса. Славная. Правда, она очень занята, так что тебе придется как-то приноровиться к ее расписанию. Она в

ночь зашибает до двух «штук». А один извращенец из Плейсервилля заплатил ей три сотни баксов только за то, чтобы дотронуться до ее трусиков, черт побери! Представляешь?

Дэвид очень даже хорошо мог себе это представить. После того как в Буэнос-Айресе он впервые познал радости секса, Дэвид испытывал неутолимый зуд. Ну а поскольку так называемых «порядочных женщин» было совсем мало, его вполне устраивали и шлюхи.

О, что подумали бы его респектабельные папа и мама, узнай они у себя в Лондоне про похождения своего сына! Дэвид на секунду представил себе это и содрогнулся. Он заставлял себя напрочь забыть о своей жизни под родительской крышей. От викторианского Лондона этот Сан-Франциско был отделен половиной мира. А секс как раз способен подавить страсть Дэвида к Эмме.

— Пришла вас порадовать, — с порога заявила Зита, входя в спальню Эммы.

— Не томите, — попросила Эмма, усаживаясь в постели.

Стоял холодный декабрьский день. В окно хорошо был виден туман, колыхавшийся, словно саван, над городом. Эмма повесила на окна спальни красивые шелковые голубые шторы и поставила несколько цветов, но все равно комната по-прежнему выглядела пустой. Правда, остальные помещения особняка были еще более пустыми, особенно после того, как месяц назад Феликс приобрел небольшой дом у подножия Ринкон-Хилл и вместе с Зитой перебрался в свое новое жилье. Но тем не менее Зита не реже одного раза в день навещала Эмму.

— Во-первых, — сказала Зита, усаживаясь на краешке постели, — когда восемнадцатого октября в залив Сан-Франциско вошел парусник, который привез отличнейшую новость о том, что Калифорния стала теперь штатом, ваш муж тут же устроил в своем доме большое празднество. Но где была его очаровательная жена? А прекраснейшая миссис Кинсолвинг, оказывается, была наверху, в своей спальне.

— Зита, я такая огромная, как слон, и вы, как никто другой, отлично знаете, что в таком положении не принято показываться гостям.

— Дорогая вы моя Эмма, тут Сан-Франциско, а не Лондон и не Париж. Внешние правила приличия здесь вовсе не столь уж строгие — и слава Богу! Теперь — второе: три недели тому назад, точнее, четырнадцатого ноября, ваш отец вместе с вашим мужем под громкий звук фанфар открыли Торговый центр «Де Мейер и Кинсолвинг», а вы даже не были на открытии!

— Я ведь объясняю вам, что не намерена выходить из дома, пока в таком виде!

— Вы слишком жалеете себя.

— Вы обвиняете меня? Оказаться в этом жутком городе с жутким мужем, который тебя ненавидит…

— Не верю, что он ненавидит вас. По-моему, это именно вы причинили ему боль, а это — совсем другое дело! Он на самом деле добрый и великодушный. Он был чрезвычайно добр ко мне.

— Ох, Зита, я не желаю больше слышать о нем! Если он такой замечательный, то почему тогда не уделяет мне больше внимания, а вместо этого носится по всему штату?

— Понимаете ли, дорогая, ведь он раскручивает избирательную кампанию, чтобы стать губернатором.

— Не представляю, кто в здравом уме проголосует за Скотта.

— Вы очень жестоки по отношению к капитану Кинсолвингу, чего я решительно не понимаю! Вашего Арчера мне довелось видеть лишь однажды, и хотя я признаю, что он весьма симпатичен, однако ни одним из положительных качеств вашего мужа он не обладает.

Эмма грустно посмотрела на Зиту.

— Если бы я только могла объяснить, почему так люблю Арчера! Каждую минуту я думаю о нем, особенно теперь, когда собираюсь родить его ребенка. То короткое время, что мы провели с ним на борту корабля… Арчер был так нежен со мной, нам было так прекрасно вдвоем… — Из глаз Эммы брызнули слезы. — Он был первым мужчиной, который сделал меня счастливой.

Зита вздохнула.

— Что ж, мне очень жаль вас. Вы — жертва любви. — Она поднялась с постели. — И все-таки я намерена порадовать вас. Раз уж вы никак не смогли выбраться и посмотреть мою лавку, расположенную под крышей Торгового центра — а дела в лавке идут, между прочим, очень даже неплохо, — я решила сделать так, чтобы Торговый центр прибыл к вам на дом.

С этими словами Зита несколько раз хлопнула в ладоши. Дверь спальни отворилась, и вошла симпатичная молодая блондинка. На ней было персикового цвета шелковое платье с такой огромной юбкой, какой Эмме еще не доводилось видеть. Слезы мгновенно высохли, и Эмма уселась в постели.

— Это Элен, одна из моих моделей, — сказала Зита. — Ну, как вам нравится это платье?

— Ох, Зита, оно просто великолепно! Но не слишком ли большая юбка?

— По самой последней парижской моде. Внизу там установлен специальный обруч из конского волоса, который называется кринолином. Продемонстрируй, Элен.

Модель, у которой прическа представляла собой массу завитых в мелкие кудряшки волос, подошла к кровати и приподняла юбку. Эмма вдруг судорожно схватила ртом воздух и прижала руку к животу.

— Что с вами, дорогая? — воскликнула Зита.

— Позовите доктора, — прошептала Эмма. — Думаю, что мой ребеночек собирается… — Она вскрикнула, не докончив фразы.

— Скорее! — крикнула Зита, обращаясь к своей модели. — Пусть кто-нибудь из слуг приведет сюда доктора Грея!

Как только Элен выскочила из комнаты, Зита подбежала и взяла Эмму за руку.

— Держитесь за мою руку.

— Больно…

— Да, это ужасно, я знаю. Но скоро это закончится, и появится ваш долгожданный ребенок…

— Я… о-ой… о Боже! — Эмма снова вскрикнула. — Кажется… уже начинается…

— Спокойно. Доктор скоро будет.

— Где Скотт? Почему он не здесь? Черт бы его побрал… о-ох! Боже…

— Ничего, ничего, крепитесь.

— Мне никогда не было так плохо.

Эмму трясло, она покрылась потом. С ванночкой и чистыми полотенцами в руках в дверях появился Кан До.

— Халосы миссис иметь лебенок. — Китаец осклабился и проворно подошел к постели. — Доктор Грей приходить совсем скора-скора. Ребенок пора! Кан До любит ребенок. У меня их три, и сделать еще многа-многа… Пока весь не выйду…

— Кажется… — Эмма хватала ртом воздух, — сперва выйдет вся твоя тайтай, а, Кан До?

Три часа спустя Зита взяла из рук доктора кричавшего новорожденного мальчишку и поднесла к матери, чтобы та могла взглянуть на ребенка.

— Посмотрите, правда, хорошенький? — улыбнулась она. — Восемь фунтов три унции. И совершенно здоровенький! Как же все замечательно!

Изможденная, Эмма взглянула на краснолицего ребенка и выдавила из себя едва заметную улыбку.

— Арчер, — прошептала она, — наконец-то у меня есть твой сын.

Последнее, о чем подумала Эмма перед тем, как забыться сном, была мысль о том, что детектив, которого она наняла, чтобы найти Арчера, может быть, сообщит ей новости еще до Рождества.

— Он сейчас в каторжной тюрьме штата Огайо в городе Коламбус, — сказал Горацио Доббс, лысый детектив, одетый в мешковатый костюм. — Отбывает пятилетний срок за вооруженное ограбление.

— Понимаю, — сказал Скотт.

Они сидели в офисе Скотта, который размещался в здании Первого склада Кинсолвинга, неподалеку от Эмбаркадеро. Скотт откинулся на спинку кресла и, поигрывая карандашом, размышлял.

— Это строгая тюрьма? — наконец спросил он.

— Одна из самых строгих. С тех пор как ее построили лет десять назад, ни одному заключенному еще не удалось убежать.

— Кто начальник тюрьмы?

— Его фамилия Ридли. Был членом городской управы в Кливленде. Тамошний губернатор назначил его начальником тюрьмы в благодарность за политические услуги.

— Взятки берет?

Горацио Доббс ухмыльнулся и пожал плечами.

— Кто из политиков их не берет? Поговаривают, что в бытность свою членом городской управы он благоволил к подносившим ему.

— Гм… — Скотт подался чуть вперед. — А теперь вот что я хочу, чтобы вы передали моей супруге. Скажите ей, что Арчер Коллингвуд пытался бежать из тюрьмы и был застрелен охраной. Понимаете? Пытался убежать и получил от охранника пулю.

— Понимаю.

— Но скажите это ей не раньше первого января. Она только что родила, и потому я не хотел бы портить ей праздники.

— Этот Коллингвуд, он ее родственник?

— А вот это, друг мой, не ваше дело!

С этими словами Скотт выдвинул ящик письменного стола и вытащил желтый замшевый портфель, который и протянул сыщику.

— Здесь дополнительно еще тысяча долларов за ваши услуги, Доббс. Это поможет вам забыть, что я нанял вас прежде, чем это сделала моя жена.

Горацио Доббс поднялся со стула и улыбнулся.

— Капитан, я уже едва могу припомнить ваше имя.

На первый праздник Торговый центр «Мейер и Кинсолвинг» устроил рождественскую елку. Это была первая рождественская елка, когда-нибудь виденная в Сан-Франциско. Феликс, ставший генеральным директором этого универсального магазина, был хорошо знаком со старинным обычаем, который немецкий супруг королевы Виктории популяризировал в Англии. Не обращая внимания на некоторую комичность ситуации: мол, еврей привносит подобного рода обычай на калифорнийскую почву, Феликс распорядился — и весь гигантский четырехэтажный Торговый центр был богато разукрашен свежесрубленными сосновыми ветками, которые, в свою очередь, были украшены красными бантами. А кроме того, над входной лоджией со стороны Портсмут-сквер была поставлена двадцатифутовая белая сосна. Памятуя о гибельном Рождестве пятилетней давности, Скотт настоял на том, чтобы Торговый центр был выстроен из кирпича. Молодой архитектор-чилиец, которого сумел отыскать Одноглазый, спроектировал весьма красивое здание с тщательно продуманными карнизами из белой жести, которые вместе с мансардной крышей придавали ему своеобразный вид.

Магазин вскоре сделался известным под укороченным названием «Де Мейерс». Успех его деятельности был очевидным и скорым. Феликс привез с собой из Старого Света хорошо отработанные, веками проверенные торговые навыки, которые более чем кстати пришлись в городе, населенном мужчинами, не знающими, куда девать накопленные деньги. Симпатичные витрины из дерева и стекла, которые Феликс разместил в окнах нижнего этажа, были заполнены часами, серебром, одеждой, безделушками, тематическим подбором товаров и даже образцами продуктов питания, что по тому времени было совершенной новинкой. Все это позволяло легко выуживать золото из карманов золотоискателей. В одном из концов Торгового центра разместился магазин Зиты «Женская лавка», дела которого поначалу шли не совсем удачно, и не столько потому, что в Сан-Франциско было сравнительно мало женщин, но отчасти потому, что сперва Зита установила на свои наряды поистине астрономические цены. Однако ее одежда была настолько элегантной — особенно это бросалось в глаза в городе, где вообще было не много красивого, — что покупатели все-таки пошли в «Женскую лавку», особенно после того, как несколько полуголых официанток из заведения напротив совершили там свои первые покупки. Зарабатывая тем, что в течение всего рабочего дня ходили практически без ничего, эти официантки тратили деньги на

великолепные наряды Зиты — платья, шляпы, меха. Зита очень даже хорошо представляла себе, каким образом эти женщины зарабатывают деньги, однако же была вовсе не заинтересована в том, чтобы отваживать от своего магазина лучших покупательниц.

— Позднее, — говорила она Феликсу, — когда здесь появятся настоящие леди, тогда и посмотрим. А пока… — Она многозначительно пожимала плечами.

Феликс был с этим согласен.

— Действительно, все наши покупатели сейчас грубые и грязные. Но мы зададим тон, и настанет день, когда наш покупатель подтянется к нашим стандартам.

— У них есть золото, — сказала Зита, — мы же в обмен продаем им блеск.

Хотя Феликс был генеральным директором магазина, присматривающим за работой пятидесяти двух нанятых на службу работников, сердцем он всегда пребывал в уголке второго этажа, где по соседству с отделом мебели располагался его крошечный магазинчик «Ювелирные изделия». Феликс, страстью которого были драгоценные камни, выставлял напоказ свои броши, кольца, даже одно бриллиантовое колье. Узор всех этих украшений был его собственный, тогда как выполняли работу двое китайских мастеров, которых Феликс лично отыскал и выпестовал. Именно здесь, в этом магазине через десять дней после рождения маленького Арчера Эмма впервые показалась на публике.

До Рождества оставалась еще неделя, и покупателей в Торговом центре было полным-полно. Скотт помог Эмме выйти из ландо, которое остановилось как раз возле главного входа. Прохожие остановились, желая поглазеть на экипаж и его пассажиров. Перламутровое платье, сработанное Зитой, с гигантским кринолином, великолепно смотрелось в сочетании с темным мехом пальто из выдры и чудесной, украшенной перьями шляпкой. Хотя Эмма еще не вполне оправилась после родов и выглядела бледной, она являла собой редкостную красавицу. Скотт, казавшийся еще более крупным в высокой шляпе и пальто с бобровым воротником, повел жену в магазин. Зеваки сопроводили вход четы в Торговый центр аплодисментами. Внутри Эмму встретил и расцеловал отец. Затем Феликс и Скотт провели Эмму по всем этажам, закончив эту ознакомительную экскурсию на втором этаже, в ювелирном магазинчике.

— Папочка, да здесь восхитительно! — воскликнула Эмма. — Интерьер так элегантен! Такое чувство, будто перенеслась назад в Европу. Я потрясена!

— Но Эмма, дорогая моя, ты должна также поздравить и Скотта, — сказал Феликс. — Он так же упорно трудился, как и я. Не забудь, Торговый центр назван «Де Мейер и Кинсолвинг».

Эмма повернулась к мужу и постаралась улыбнуться.

— Ну разумеется. Я совсем не хотела обидеть тебя, Скотт. Прими мои самые искренние поздравления.

— Сердечные, как всегда, — сказал он. — Между прочим, Эмма, у меня есть для тебя подарок. Автор — твой отец.

Феликс протянул Скотту черную фетровую коробочку. На верхней стороне крышки золотыми буквами было написано: «Ф. де Мейер. Ювелирные изделия. «Сан-Франциско». Передавая жене эту коробочку, Скотт тихо сказал:

— Это за то, что подарила мне прекрасного сына.

Эмма открыла коробочку. Внутри, сверкая в свете газовых фонарей, находилась великолепная брошь в виде цветка.

— Изумруды и алмазы! — воскликнула она. — О, это восхитительно! Спасибо тебе, дорогой.

— Изумруды и алмазы, — сказал он, не в силах скрыть некоторую мрачность своего тона. — Совсем как ты.

На самое Рождество Скотт подарил Эмме еще одну драгоценность: на сей раз потрясающей красоты колье из изумрудов и алмазов. Колье также было работы Феликса.

— Скотт, — сказала Эмма, — это действительно чересчур. Ты уверен, что мы можем позволить себе такие расходы?

Скотт взял черную, обтянутую шелком коробочку, вытащил переливающееся украшение и надел на шею жены.

— Поверь мне, мы можем это себе позволить, — сказал он.

— Скотт был прав, — сказал Феликс, стоявший вместе с Зитой перед рождественской елкой, установленной в главном зале Торгового центра. — Главной золотой жилой этого штата сделался Торговый центр «Де Мейер и Кинсолвинг».

— И ведь нам не пришлось даже копать землю, — сказал Скотт. — Кан До, принеси зеркало для тайтай.

Через считанные секунды он притащил из гостиной огромное зеркало, вставленное в раму из позолоченного дерева, так называемую «псише». Эмма, будучи одета в очередное платье, сшитое Зитой — на этот раз из дымчато-голубой тафты, — поспешила к зеркалу и принялась

рассматривать свое отражение.

— Спасибо тебе, — повернувшись к мужу сказала она и увидела, что взгляд Скотта устремлен на лестницу, по которой мадам Чой, круглолицая китайская *ама,*которую недавно нанял Скотт, спускалась с Арчером на руках из детской, расположенной на третьем этаже.

— А вот и Арчер спускается к нам, чтобы увидеть первую в своей жизни рождественскую елку! — воскликнул Скотт.

Мадам Чой принесла ребенка отцу; Скотт пощекотал подбородочек Арчера и, подделываясь под детскую речь, обратился к нему:

— Алчел хочет увидеть, что ему подалили на Лождество, а?

Эмма терпеть не могла, когда взрослые сюсюкают с детьми, но сдержалась и ничего не сказала.

— Мадам Чой, он ел в шесть часов? — спросила она.

— Да, тайтай, — ответила ама, которая была также и кормилицей.

— Вот и лоздественский подалоцек для насего ребеноцка, — сказал Скотт и вложил в крошечную ручку Арчера серебряную погремушку. Ребенок взмахнул ею и засмеялся.

— Бог ты мой, какой находчивый! — улыбнулся Скотт. — Вырастет — станет грозой всех женщин.

«Как его отец», — подумала Эмма, однако и на сей раз ничего не сказала.

Какие бы чувства она ни испытывала к мужу, Эмма должна была признать, что он оказался любящим отцом, за что она могла быть ему только благодарна. С рождения Арчера в отношениях с ней Скотт был сама забота, и хотя Эмма гнала прочь всякую мысль о том, что ее чувства могли быть куплены, она не могла плохо относиться к человеку, который делает ей такие роскошные подарки. Более того, после рождения ребенка Скотт возвратился к ней в постель, и после многих недель вынужденного воздержания секс смягчил их отношения, которые в недавнем прошлом были весьма прохладными. Эмма должна была признать, что Скотт стал страстным и нежным любовником. Она понемногу даже начала задаваться вопросом, а уж не влюбился ли Скотт в нее по-настоящему, пусть хоть немножко. Но так ли это, нет ли, главное заключалось в том, что у ребенка был теперь любящий отец. И до тех пор, пока Скотт выполняет взятые на себя обязательства, Эмма будет выполнять свои, оставаясь пусть не любящей, но хорошей женой.

Она намеревалась предложить всем поужинать, но в это время наверху раздался крик, эхом отдавшийся даже в холле. Почти сразу же на галерее появилась одна из работавших в доме китаянок, которая принялась быстро

лопотать что-то Кан До по-китайски.

— Наверху злой дух! — сказал Кан До Скотту. — Женщина сказала, что поправляла вашу постель и увидела злой дух.

— Она, наверное, пьяна.

— Нет, босс, она хорошая.

Скотт пошел вверх по лестнице, за ним начала подниматься и Эмма, которой хотелось узнать, что же такое увидела их служанка. Стоявшая у дверей китаянка громко всхлипывала и лишь указывала пальцем в сторону постели. Скотт в сопровождении Эммы и Кан До поспешно вошел в спальню.

— Чи линг! — воскликнул Кан До, указывая на прикроватный ночной столик, сделанный в виде фарфоровой собаки, который развалился на множество кусков. — Злой дух пришел, чтобы разрушить чи линг. Это есть очень плохо!

— Скотт, что случилось? — спросила Эмма.

— Китайцы верят, что эти собачки, собачки Фу, как их еще называют, охраняют дом от злых духов, — объяснил он.

— Оченна сильный злой дух, — пробормотал Кан До. — Очинна плохо, босс. Злой дух улегся на ваш постель.

— Заткнись, Кан До! Кто-то, должно быть, пробрался в дом. Или это сделал кто-то из слуг, но я, черт побери, уверен, что это был отнюдь не злой дух.

— Но, босс, еще год назад моя говорить вам, что вы перед тем, как закладывать этот дом, не проверили фенг шуи. Это оченна плохо, оченна… Теперь вот злые духи пробраться внутрь…

— Что еще за фенг шуи? — перебила китайца Эмма.

— Это дух ветра и воды. Все китайцы проверяют фенг шуи, прежде чем начать строительство дома. Конечно же, все это предрассудки, однако же они этому верят. Кан До, своими разговорами ты напугал тайтай, и потому я хочу, чтобы ты прекратил, понимаешь? И хочу, чтобы ты выяснил, чьих рук это дело. Я лично накажу виновного.

Кан До грустно покачал головой.

— Как же это вы наказывать злой дух, босс? Но я попытаюсь…

Когда китаец ушел, Эмма спросила:

— Что бы это могло, по-твоему, значить?

Скотт нахмурился.

— Не знаю, но только я не позволю, чтобы этот случай испортил рождественский праздник. Давай пойдем к столу.

Эмма вслед за мужем вышла из комнаты. Но прежде чем закрыть за

собой дверь, она взглянула на разбитую собаку Фу и слегка вздрогнула, как от дуновения холодного ветра.

Но никакого ветра не было.

Глава пятая

3 января 1851 года ужасный тихоокеанский шторм обрушился на Сан-Франциско. Стоя у окна спальни, Эмма смотрела на проливной дождь. Услышав за спиной звук открываемой двери, она обернулась и увидела Скотта.

— Там внизу детектив Доббс, — сказал он. — У него есть известия об Арчере Коллингвуде.

Эмма поспешила к дверям, но Скотт поймал ее за руку.

— Ты, конечно, понимаешь, что Коллингвуд — не самая симпатичная для меня личность в мире, — сказал он. — Но ради тебя, ради твоего спокойствия, надеюсь, что новости — хорошие.

Эмма была тронута.

— Спасибо, Скотт. В сложившихся обстоятельствах это очень любезно с твоей стороны. — И она почти вылетела из комнаты.

Оставшись один, Скотт устремил взгляд на то самое место, где еще десять дней назад сидела собачка Фу. Теперь тут стоял ночной столик европейского образца. Кан До так и не сумел разрешить загадку, кто же именно уничтожил чи линг. Если бы в городе была Ах Той, то Скотт подумал бы на нее. Несмотря на то, что Одноглазый установил для китаянок ежегодные выплаты наличными, что сделало манчжурских принцесс богатейшими из «поднебесников» города, Ах Той даже не пыталась скрывать свою ненависть к отцу внучки: эта ненависть заявляла о себе все еще видимыми шрамами на щеке Скотта, по которой прошлись ногти Ах Той. Однако же Ах Той вернулась в Китай, чтобы навестить расположенную на Западных Холмах неподалеку от Пекина могилу мужа. Скотт иногда задавался вопросом, насколько может чувствовать себя в безопасности в Поднебесной Империи вдова бравшего взятки принца Кунга, но, по мысли Скотта, у Ах Той было теперь достаточно много средств, чтобы, не рискуя головой, приезжать в Китай и выезжать оттуда. И поскольку иных подозрений не было, Скотт решительно не представлял, кто бы мог разбить собачку Фу у них в спальне. Он, пожалуй, уже и думать бы забыл о случившемся, если бы не знал, насколько серьезно китайцы относятся к своим верованиям и суевериям. Для «поднебесников» злые духи были не менее реальными, чем, например, туман для представителей западной культуры. Кто-то, вероятно, желал навести порчу на их семейные

отношения. А единственным человеком, за исключением Ах Той, у которого была причина совершить такой странный, но символический поступок, была Чинлинг. Но Скотт отметал эту мысль, поскольку она никак не сочеталась с мягким и добрым характером Чинлинг.

Услышав тихое всхлипывание, Скотт обернулся и увидел Эмму, входящую в комнату.

— Он мертв, — сказала она, прижав к глазам платок. — Пытался бежать из тюрьмы, и его застрелили. О, Скотт…

— Мне жаль.

Она подошла к мужу, он обнял ее и сжал в объятиях, как сжимают ребенка.

— У нас есть Арчер, — желая успокоить ее, сказал он, отметив про себя, что детектив в точности выполнил его поручение.

— Я знаю, что ты ненавидел его, — всхлипывая, проговорила Эмма, — но он никак не заслужил такого конца! Он и банк-то ограбил потому, что у него отобрали ферму.

— Я знаю.

Она представила себе молодого человека с ангельским лицом, который так страстно любил ее на борту речного парохода, и снова разрыдалась. И пока Эмма плакала у мужа на плече, Скотт думал: «Теперь она только моя…»

Неделю спустя Эмма получила следующее письмо, написанное крупными, едва ли не детскими прописными буквами:

«10 января 1851 г.

Дарагая миссис Кинсолвинг. Теперь вы иметь малютку мальчика и, может, вы хотеть бы встретиться с его сестричка по отцу, который звать Стар.

Если да, пожалуста, приходите в дом 2 на Дюпон-гэ завтра в четыре на чай. Пожалуста, не говорить кап. Кинсолвинг, если захотите приходить.

В надежде стать ваш друг Чинлинг».

Чинлинг… Эмма подняла голову. Чинлинг, женщина, про которую она всегда думала, что ненавидит ее, приглашает на чай и хочет показать своего ребенка. Надеется стать ее другом? Все это так странно! Да и о чем они будут разговаривать? О пеленках, что ли? О женской гигиене? О том, как делить мужа?

Но тем не менее Эмма, в определенном смысле, была рада этому письму. И не только потому, что в ней были сильны любопытство и желание увидеть прежнюю сожительницу мужа. Эмма была уверена, что эта женщина не пригласила бы ее в гости, если бы Скотт тайком встречался с ней. Эмма будет всегда с благоговением чтить память об Арчере. Однако сейчас, когда он погиб, а у нее на руках был маленький Арчер, начала происходить любопытная вещь.

Эмма понемногу стала влюбляться в собственного мужа.

С начала года Скотт по-настоящему развернул свою предвыборную кампанию. Он ездил по всему огромному штату, и вот теперь оказался в небольшом южном городке под названием Лос-Анджелес, который в Калифорнии отличался наивысшими показателями уровня преступности, за исключением самого Сан-Франциско.

Скотт знал, что большинство *калифорниос,*как называли себя мексиканские фермеры, были категорически против предоставления Калифорнии статуса штата. Три года назад по договору Гваделупы Идальго, который положил конец Мексиканской войне, Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас — то есть, по существу, территория всей древней испанской империи севернее Рио-Гранде — передавались победившим Соединенным Штатам. Случайная находка золота на Шаттерз-Милл вскоре после того, как эти земли отошли американцам, привела к тому, что толпы «гринго» — американцев, проживавших восточнее Калифорнии, — повалили сюда в поисках счастья. Неожиданно для себя калифорниос обнаружили, что ушлые иностранцы перевернули вверх дном тихую, неспешную жизнь края.

Понимая, что ему наверняка потребуется помощь владельцев ранчо из Южной Калифорнии, Скотт устроил обед с одним из наиболее влиятельных людей, доном Висенте Лопес-и-Гусманом, владельцем огромного ранчо «Калафия», расположенного к югу от Лос-Анджелеса. Когда Скотт и его помощник скакали к дому владельца ранчо, выстроенному в стиле христианских миссий, Скотт наслаждался красотой изрезанной береговой линии.

— Я не раз видел эти скалы со стороны океана, — сказал он Уолтеру Хазарду, который совмещал обязанности секретаря и руководителя его предвыборной кампанией, — но только сейчас мне довелось увидеть их со стороны континента. Если не это Богом благословенный край, тогда уж я и не знаю… Впрочем, не знает, наверное, и сам Господь Бог.

— Да, здесь очень красиво, — ответил Уолтер.

Он вместе с родителями проделал в фургоне огромный путь через Великие Равнины от штата Теннесси до Калифорнии. Это было в 1849 году. Будучи чрезвычайно одаренным молодым человеком, он уже более года работал на Скотта и сам вызвался руководить предвыборной кампанией. И поскольку о профессиональных менеджерах в Калифорнии никто слыхом не слыхал, Скотт с удовольствием принял его предложение.

Уолтер заранее изучил положение дел в Южной Калифорнии и лишь после этого устроил обед с доном Висенте. И вот сейчас, когда они приближались к двухэтажному оштукатуренному дому под оранжевой черепичной крышей, то издали увидели троих людей, вышедших на веранду.

— Тот, толстый, и есть дон Висенте, — сказал Уолтер. — Женщина в черном — его жена, донья Фелисидад. Она из рода Сепульведа, аристократической семьи из Мехико.

— Сколько у них земли?

— Около сотни квадратных миль.

— Бог ты мой!

— Эту землю дед дона Висенте получил в качестве дара от испанского короля Карла Третьего. У дона Висенте также около пяти тысяч голов скота; на него работают полсотни «вакерос». Но, как я уже вам говорил, у него трудности с наличными. Как, впрочем, и у других владельцев ранчо.

— И они нервничают?

— Чрезвычайно. Боятся, что если вопрос о пожалованных королем землях будет рассмотрен в американских судах, то судьи могут признать владение недействительным. Так что лучший способ заручиться их голосами — это с самого начала внятно заявить, что вы поддержите испанские земельные пожалования.

— Надеваю на лицо свою самую очаровательную улыбку, — сказал Скотт, когда они подъезжали к дому. Спрыгнув с коня, Скотт подумал: «Сотня квадратных миль! Вот это дар! Поистине королевский!»

— Сеньор Кинсолвинг… — сказал дон Висенте, сняв белую шляпу и отвесив галантный поклон. — Biervenidos. Mi casa es su casa.

«Мой дом — это ваш дом, — мысленно перевел Скотт, пожимая пухлую ладонь владельца ранчо. — Да, хотел бы я, чтобы твое ранчо было моим…»

— А это моя супруга, донья Фелисидад, — продолжал дон Висенте, говоривший с приятным испанским акцентом. Скотт поцеловал руку смуглой чувственной красавицы, которая казалась чуть ли не вдвое моложе мужа. — Моя жена недавно сделала мне восхитительный подарок —

дочку. — Владелец ранчо так и сиял. — Это мой первый ребенок, хотя мне уже пятьдесят три. Неплохо, правда?

Он прищелкнул языком от удовольствия, затем представил управляющего ранчо, стоявшего тут же, и пригласил всех к столу. Внутри дома сохранялась прохлада, комнаты были красиво обставлены. Дом располагался рядом со скалой, фасадом в сторону океана, и из его окон открывался замечательный вид. Когда Скотта усадили в гостиной рядом с хозяином дома, он время от времени посматривал в окно на Тихий океан — ослепительно лазурный в обрамлении безоблачного неба.

— У меня дом в Сан-Франциско, — сказал Скотт, обращаясь к хозяину, — там тоже хороший вид на залив, однако вид из вашего дома, должен признать, значительно красивее.

«Какое великолепное ранчо! — думал он между тем. — Черт побери, хочу, чтобы оно было моим…»

— Да, здесь красиво, я каждый день по многу часов совершаю прогулки по окрестностям, — сказал дон Висенте, в то время как слуги наполнили зелено-голубые бокалы белым вином. Мне тоже очень нравится здешний вид. Один из моих предков, живший в XVI веке, его звали дон Луис Лопес, упал с манильского галеона во время шторма — это произошло неподалеку отсюда, в какой-нибудь миле от берега. — Он указал за окно. — И вот буквально в этом самом месте океан выбросил его на берег. Индейцы сделали его своим рабом, однако он сумел убежать из плена с помощью прекрасной индеанки по имени Нан-Да, которая влюбилась в него. Очень романтичная история. Дон Луис и Нан-Да пешком одолели расстояние до Калифорнийского залива, там их и подобрал корабль, направлявшийся в Акапулько. Когда они добрались до Мехико, дон Луис сделался героем, поскольку знал про Калифорнию больше, нежели любой другой испанец. Когда король Карлос даровал моему деду это ранчо в 1776 году — том самом, которым вы датируете вашу независимость, — то отчасти это было сделано в знак признательности за ту информацию о Калифорнии, которую он предоставил испанской короне.

— Вы сказали «вашу» независимость, дон Висенте, — заметил Скотт, в то время как слуги-мексиканцы раскладывали puchero— тушеные говяжьи ножки. — Разве это не «наша» независимость? Как бы там ни было, сейчас вы американец, сэр.

Дон Висенте скептически приподнял мохнатую черную бровь.

— Да, конечно же, так мне сказали. Вы мой гость, капитан Кинсолвинг, поэтому я никоим образом не желаю оскорбить вас. Но мы, калифорниос, вовсе не считаем себя американцами. Вам удалось выиграть

несколько сражений в Мексике три года тому назад, и в результате вы забрали себе как награду половину всего североамериканского континента. Но это вовсе не военная добыча, сэр! Это грабеж!

— Вашингтон предпочитает именовать это «Манифестом Судьбы».

— Вашингтон весьма легко играет словами. Вы, гринго, заполонили всю Калифорнию и теперь полностью там распоряжаетесь. И теперь получается, что все мы, кто раньше говорил по-испански, должны теперь говорить по-английски. По мановению чьей-то руки должны исчезнуть два столетия испанского господства и все испанское наследство, накопленное за эти годы. Может, и мне выкрасить волосы и стать блондином, чтобы походить на гринго? Но я этого не сделаю, сэр. Если вы станете губернатором, каким образом вы намерены финансировать свое правление. Почему я должен верить, будто бы вы, гринго, дадите штату в качестве налогов необходимую ему сумму целиком? Вряд ли такое произойдет, и, значит, вся тяжесть налогового бремени ляжет на плечи нас, ранчеро, поскольку именно нам принадлежит большая часть земель.

Он говорил с чувством и плохо скрываемой горечью.

— Вы правы, дон Висенте, — сказал Скотт. — В Сан-Франциско много говорят о налогах на земельную собственность. И как раз поэтому вам и прочим калифорниос нужен такой человек, который мог бы, находясь на самой вершине власти штата, защищать ваши интересы. Я полагаю, что именно таким человеком могу оказаться я.

— Буду с вами откровенен, синьор. Вы — гринго, так же как и ваш соперник, мистер Пауэлл. Как я вообще могу верить гринго?

— В отношении Гаса Пауэлла вы абсолютно правы, поскольку это такой конокрад, какого прежде никогда не бывало. — Скотт сказал это наполовину в шутку, но только наполовину. — Думаю, мне удастся убедить вас в том, что мне можно верить. Я уже разговаривал со многими владельцами ранчо, и они говорили мне, что сейчас скотоводство переживает очень трудные времена.

— Именно так. Цены на кожу значительно снизились.

— Как вам известно, мои суда перевозят калифорнийские кожи в Бостон, где мы продаем их обувным компаниям. И вот я предлагаю вам лично и всем ранчеро, которые поддержат меня на губернаторских выборах, снизить перевозочные тарифы на одну треть.

Дон Висенте с удивлением посмотрел на Скотта.

— Это было бы замечательно, сэр.

— Мне также говорили, что некоторые ранчеро на Юге хотели бы заняться чем-нибудь иным, например выращиванием салата или

апельсинов.

— Да, но здесь недостаточно дождей.

— Вырыть каналы и колодцы — и тем самым можно будет значительно улучшить водоснабжение.

— Это дорого стоит.

— Я могу дать вам ссуду, дон Висенте, чтобы создать на этом ранчо ирригационную систему. Если мы докажем, что фермерство на калифорнийском юге может оказаться прибыльным, это будет благом для всего штата — и благом для его губернатора.

— Может потребоваться тысяч пятьдесят долларов, если не больше.

— Я готов дать взаймы сколько понадобится. Под три процента. Ваше ранчо заложено, дон Висенте?

— Нет, сэр! — с негодованием воскликнул калифорниос. — Я целиком владею ранчо «Калафия» и никогда его не закладывал.

— Первая закладная на ранчо и явится в таком случае моим обеспечением кредита.

Дон Висенте нахмурился.

— Можете считать, сэр, что никакой сделки у нас с вами не состоялось.

Его жена, следившая за ходом разговора, казалась разочарованной. Она сказала что-то мужу вполголоса по-испански, однако дон Висенте отрицательно покачал головой.

— Нет. Моя жена говорит, чтобы я принял ваше предложение. Она уже не единожды говорила о том, чтобы я превратил ранчо в сады, но я совершенно не хочу закладывать землю.

Скотт подался вперед.

— Ходят разговоры о том, что какие-то гринго требуют, чтобы были признаны их права на огромные испанские ранчо, чтобы американские суды рассмотрели законность и обоснованность прав владельцев, таких, например, как вы. Лично я против подобного пересмотра, потому что он сразу же приоткроет двери разного рода юридических зацепок и крючкотворства. Судьи могут быть подкуплены, а если хотите знать мое мнение — они неизбежно будут подкуплены. Для слишком большого числа людей возможность приобрести землю почти даром явится непреодолимым искушением. Но, дон Висенте, если вы возьмете у меня, гринго, и, возможно, губернатора, в долг и в качестве обеспечения заложите землю, ваши права на это ранчо будут гарантированы. Подумайте об этом.

Когда слуги подали еще графин с изысканным белым мексиканским вином, дон Висенте Лопес-и-Гусман размышлял о только что услышанном.

Затем тихо сказал:

— Может быть, сеньор, я и не прав. Возможно, в конце концов мы заключим сделку. Я готов поддержать вашу кандидатуру на выборах губернатора, а кроме того, я посоветую поступить так же и другим ранчеро, которые в лице Скотта Кинсолвинга получат себе друга и защитника.

Скотт был удовлетворен. «Если заложит землю, то у меня появится шанс, — подумал он. — И в один прекрасный день ранчо станет моим».

Он исходил из фундаментального американского постулата о том, что политика и бизнес способны создавать империи.

Глава шестая

Дом номер 2 по Дюпон-гэ проступил из густого тумана, и Эмма поднялась по деревянным ступеням. Расположенный в самом центре Маленького Китая, этот дом был совершенно новый, возведенный менее чем за месяц в стиле тех домов, которые появлялись тут и там в Сан-Франциско, знаменуя собой бум городского строительства. По местным городским стандартам узкий трехэтажный дом считался элегантным: один из немногих в Сан-Франциско, он был выкрашен в белый цвет с голубой окантовкой. Эмма позвонила и на мгновение задумалась, что это такое — китайское чаепитие.

Почти тотчас же дверь открыл юноша-китаец, одетый в черный шелковый костюмчик, черные мягкие туфли; волосы у него были заплетены в косичку, которую венчала традиционная шапочка из черного шелка. Хотя у него было симпатичное лицо, у Эммы создалось впечатление что, несмотря на молодость, этот юноша уже начисто лишен невинности.

Он отвесил резкий поклон.

— Кинсолвинг-тайтай, добро пожаловать, — сказал он напыщенно на ломаном английском. — Входить, пожаласта.

Одетая в пальто из меха выдры и красивую голубую шляпку, Эмма вошла в дом. Юноша закрыл дверь и тотчас же запер ее на замок, после чего проводил Эмму через холл к зашторенной двери. Подняв штору, он открыл находившуюся за ней дверь, за которой оказалась гостиная, как определила Эмма. Выходившая окнами на маленький задний дворик с садом комната была обставлена мебелью в китайском стиле. Мало-помалу Эмма притерпелась к этому стилю и в последнее время находила его даже симпатичным. Эмма также обратила внимание на жирного каменного Будду возле камина; на коленях Будды стояла емкость, в которой дымились благовония. Струйки пряного дыма медленно поднимались к потолку. Несмотря на китайскую мебель, камин был выдержан в европейском стиле.

Над ним висела явно не китайская картина: изображение несколько феминизированного Христа с огромными мечтательными глазами.

— Вы удивлены, что китайский девушка быть христианкой? — раздался мягкий высокий голос. Эмма обернулась и увидела Чинлинг — та стояла возле жардиньерки, в руках у нее был папоротник гигантских размеров.

На Чинлинг было плотно облегающее зеленое шелковое платье, украшенное серебряным драконом. Лицо было густо напудрено, губы ярко накрашены, волосы собраны в одну из сложных китайских причесок. Эмма почувствовала укол ревности: Чинлинг была восхитительна. Теперь Эмме стала понятна тяга Скотта к этой китаянке.

— Да, в некотором роде я удивлена, — ответила Эмма.

Чинлинг, улыбнувшись, пошла навстречу, протягивая руку для пожатия.

— Я хочу сделаться настоящий американка, а все американки есть христианки. Это очень приятная религия. Иисус так приятный мужчина, простивший все свои враги, хоть я не совсем понимать непорочное зачатие. А вы понимать?

— Нет, для меня это слишком сложный вопрос. Но ведь я вовсе не христианка, я — еврейка.

— Ах вот как, — сказала Чинлинг, хотя лицо ее выразило при этом некоторое смущение. — Это тоже есть хорошая религия. Благодарю вас, что пришли сюда. Я раньше думать, что вы есть мой враг, но я разговаривать с Иисусом, и он говорить мне: «Будь благорасположена к Кинсолвинг-тайтай». Я надеюсь, мы будем дружить?

Эмма улыбнулась.

— Конечно, почему бы нет?

— Крейн, возьми у тайтай пальто. Очень хороший пальто, и мне также нравится ваш платье. Это есть из магазин «Де Мейер»?

— Да, это платье сшито графиней Давыдовой.

— Я любить ее платья. Я иногда носить европейский стиль, иногда китайский. Хотите сейчас взглянуть мой ребенок?

— Пожалуйста.

Хозяйка сказала юноше несколько слов по-китайски. Крейн поклонился и торопливо вышел. Чинлинг приглашающим жестом указала Эмме на плетеное кресло.

— Крейн [14]— мой слуга. Его так называть в честь птицы, потому что журавль в Китае считаться символ долголетия. Крейн есть очень талантливый мальчик. Он прошел курс военный искусство, у него

прекрасный тело. Он сирота, сын девушка Синсонг…

— *Чей*сын?

— Той девушка, что продает радость мужчинам. Она умирать, когда Крейну было девять лет. Перед тем как отправиться в Китай, моя мать нанять его, чтобы защитить меня. Он есть очень преданный мальчик, очень преданный.

Тут Эмма услышала плач ребенка. Возвратился Крейн, держа на руках Стар, и показала ее Эмме.

— О, она изумительна! — воскликнула Эмма.

— Красивый папочка, красивый мамочка — ребенок должен быть красивый тоже, разве нет?

— Да, она просто восхитительна.

— Вам нравится ребенок?

— Очень.

Вновь Чинлинг сказала что-то Крейну по-китайски, и тот стремительно, как и принес, унес ребенка. Чинлинг уселась рядом с Эммой.

— Мы будем пить чай со специальный пирожные, которые я сама делать. Не желать ли трубочка ah pin yin?

— Что?

— Опиум. У меня есть самый лучший — «патна», из самой Индия. После «патна» не будет никакой головная боль, одни только сладкий сны.

Эмма была несколько шокирована. Хотя ей и было известно о широко распространенной среди «поднебесников» привычке курить опиум, но ей как-то и в голову не приходило, что Чинлинг тоже употребляет это зелье.

— Я… гм… думаю, нет, спасибо.

— А Скотт, он все еще курить?

На этот раз Эмма была не просто «несколько шокирована».

— Мой муж? Он курил опиум?

— Ну конечно! Не всегда, однако достаточно часто.

— Нет, теперь он больше не курит.

Чинлинг улыбнулась.

— Вы так удивлены? Я могу рассказать про Скотт немало такого, что вас шокировать. Но, может быть, вы не хотеть слушать про это?

У Эммы внутри все напряглось: так ей хотелось узнать.

— И что, например? — спросила она после некоторой заминки.

Но как раз в эту минуту вновь вошел Крейн, держа в руках серебряный поднос, на котором стояли серебряный чайник и серебряные чайные принадлежности. Поставив поднос на восьмиугольный столик напротив

Чинлинг, он бросил быстрый взгляд на китаянку.

— Я пью чай на английский манер, — сказала Чинлинг, наливая в изящную чашку сначала из одного чайника, на носике которого было укреплено ситечко, потом из другого.

— Молоко или лимон?

— С молоком, пожалуйста.

Чинлинг со знанием дела добавила молока, после чего Крейн подал Эмме чашку. Чинлинг передала слуге также блюдо, на котором были разложены маленькие пирожные белого цвета.

— Попробуйте мой рисовый пирожные. Они очень вкусный.

Эмма откусила от одного пирожного. У него был какой-то странный, но сладкий привкус.

— Очень необычный вкус.

— Нравится?

— Да.

— Тогда возьмите еще, пожаласта.

Эмма взяла с блюда еще пирожное.

— Спасибо.

— Мне рассказывали, будто у вас в спальня рассыпался на кусочки чи линг, что это делать злой дух, — доверительно сказала Чинлинг и поинтересовалась: — Это оказать влияние на то, как Скотт заниматься любовью?

И опять Эмма была шокирована.

— Простите?

Чинлинг засмеялась.

— О, я забыть, что круглоглазые люди не любят разговаривать о счастливом времени в постели.

— А как вы узнали о собачке Фу?

— О, это есть очень просто. Я послала злой дух, чтобы он разбить ее. Злой дух в обличье Крейн, который принял обличье трубочист.

Эмма взглянула на юношу, который едва заметно улыбался. Только теперь она припомнила молоденького трубочиста, который приходил перед самым Рождеством прочищать в доме трубы. И сразу же лицо Крейна стало более знакомым.

— Стало быть, у вас крепкие нервы! — воскликнула она, обратившись к Чинлинг.

— О, совсем нет! Я хотеть навести порча на ваш со Скотт счастливое время в постели, потому что вы отняли Скотт у меня. Конечно, теперь-то я понимать, насколько это было неправедно с моя сторона так поступить.

Иисус сказал мне, что я плохо поступить. Чинлинг хотеть извиниться. Я надеяться, мы друзья?

Эмма недоумевающе уставилась на хозяйку.

— Ну… Я, собственно, даже не знаю…

Чинлинг подалась чуть вперед и, понизив голос, сказала:

— Чтобы загладить нанесенный зло, Чинлинг рассказать все любовные секреты, все особенный штучки, которые Скотт любит делать в постели. Вы знать о секретах и особенных штучках при занятии любовь?

— Я понятия не имею, о чем вы сейчас говорите.

— Разве Скотт никогда не пытался любить вас по-другому? Он ведь так быстро делаться усталый от однообразия. Мне приходилось много работать, много выдумывать, книги очень помогать.

— Какие еще книги?

— Книги, которые моя мать мне давать. Их написать очень умные люди две тысячи лет назад. Они называются «Учебник женских таинств», «Секретные законы Нефритовой комнаты», «Искусство в спальне». В них рассказано про самый разный позиции, чтобы мужчина был счастлив в постель. Например, есть позиция «Белый Тигр Прыгает» — это когда мужчина брать женщина сзади.

Эмма едва не поперхнулась чаем.

— Сзади?!

— О да! Скотт не раз проделывать это со мной. Есть еще позиция «Поворот Дракона» — это когда женщина поднимать зад и так вот держит. Еще бывает «Приближение к Зарослям Благоухающего Бамбука» — когда мужчина и женщина любят друг друга стоя. А вот что и на самом деле очень прекрасно, так это «Нефритовая Девушка Играет на Флейте» — это когда женщина берет в свой рот большой мужской игрушка…

— Довольно! — крикнула, вскакивая, Эмма. — Я никогда в жизни не слышала о таких отвратительных… Вы… вы порочная женщина! Я ни за что не поверю, будто мой муж проделывал все эти возмутительные вещи!

Чинлинг улыбнулась.

— О, вы есть очень неправы, тайтай! Но я прошу прощений за то, что так расстроить вас свои слова. Пожалуста, не уходить! Мы ведь с вами остаться друзьями, разве нет? Иисус желать, чтобы мы дружить. Он так мне и говорить.

Эмма уставилась на китаянку: не сошла ли она с ума? Внезапно Эмма скользнула взглядом направо. Странный слуга, стоявший возле камина, смотрел на нее так пристально, что Эмма, непонятно почему, вдруг ощутила страх. Этот страх и вовсе перерос в настоящую панику, когда

благовонный дым, поднимавшийся с колен Будды, проник ей в ноздри.

— Не знаю уж, что говорил вам Иисус, — сказала она. — Я, например, никогда не имела случая поговорить с ним лично… Правда, в конце концов это понятно, ведь я не христианка. Пожалуй, сейчас я пойду домой.

— Тайтай сердитая есть, — сказала Чинлинг, поднимаясь со своего места. — Чинлинг очень жаль, очень жаль…

— Что-то говорит мне, что Чинлинг вовсе не жаль — ответила Эмма. — Было очень интересно познакомиться с вами. До свидания. — Она повернулась к Крейну. — Пальто, пожалуйста.

Юноша поклонился и поспешил через комнату, двигаясь с подлинно кошачьей грацией. Он открыл дверь, приподнял штору и вновь поклонился, когда Эмма проходила в узкий холл. Проскользнув рядом, он опередил Эмму, первым добежав до вешалки. Помог Эмме надеть пальто, открыл ей входную дверь и снова поклонился.

Когда она ушла, Крейн бегом отправился обратно в гостиную.

— Ушла? — спросила его Чинлинг.

— Да.

— Через день будет мертва.

На лице Крейна выразилось явное удивление.

— То есть как?

Чинлинг подошла к изображению Иисуса, висевшему над камином. Глядя на полотно, она мягким голосом пропела:

— «Иисус любит меня, и я знаю это. Библейской любовью душа согрета…» — Чинлинг сняла картину с крючка, повернулась и ударила ее о голову каменного Будды.

— Ненавижу Иисуса! — крикнула она. — И ненавижу эту женщину, которая украла моего Скотта!

Сорвав обезображенное полотно с головы Будды, китаянка швырнула его в угол комнаты, затем закрыла лицо руками и разрыдалась. С выражением грусти и смущения наблюдал Крейн эту сцену.

— Что вы наделали? — спросил он наконец.

— Я положила отраву в ее рисовые пирожные, — спокойным голосом сказала она. — Я знаю, что за это я должна умереть. И ты, Крейн, поможешь мне приготовиться.

— Зачем вы так поступили? — спросил Крейн, сдерживаясь, чтобы самому не расплакаться, потому что он любил хозяйку, как свою старшую сестру.

— Как только Скотт бросил меня, я почувствовала, что устала от жизни. Ты наверняка можешь меня понять.

— Я ненавижу капитана Кинсолвинга, — прошептал юноша, и темные глаза его недобро сверкнули. — Круглоглазый подонок!

Чинлинг сокрушенно покачала головой.

— Поздно теперь ненавидеть. Скотт поступил так, как и должен был поступить, наверное. Я же лишь отплатила ему, убив его тайтай, поэтому ты не должен его ненавидеть. Кроме того, деньги, которые Скотт дал мне, теперь твои. Я полюбила тебя, как своего собственного сына, Крейн. Я вписала тебя в свое завещание. Ты получишь все, что сейчас принадлежит мне.

И вновь на лице юноши появилось смущение.

— А как же малютка Стар? — спросил он.

— Она будет жить со своим отцом. Я все хорошо обдумала: для Стар будет лучше, если она вырастет в мире круглоглазых. Но за ее безопасность ответственность несешь ты, Крейн. Ты всегда будешь присматривать за ней, как брат. И если она когда-нибудь окажется в опасности, ты должен будешь защитить ее также, как защищал меня. Ты клянешься выполнить мою просьбу?

Чувствуя, что происходит нечто ужасное, Крейн со слезами на глазах прошептал:

— Клянусь.

— Я написала матери письмо. Когда она вернется сюда, передашь ей. Ну а теперь помоги мне. И не оплакивай Чинлинг. Она вовсе не страшится смерти. Если нет любви, то смерть оказывается предпочтительнее жизни.

При виде Чинлинг сердце Крейна разрывалось, однако ее мужество вдохновляло и окрыляло его: для юноши главным принципом жизни было презрение к смерти.

Когда Эмма в наемном экипаже отправилась домой (чтобы Кан До или кто-нибудь еще из слуг не узнал, куда она ездила, Эмма наняла экипаж), она задумалась о странном чаепитии в странном доме. Неужели все то, что говорила Чинлинг о Скотте — правда? Неужели и вправду Скотт курил опиум и получал удовольствие от эксцентричной сексуальной практики? Вспоминая свои сексуальные отношения с мужем, Эмма вынуждена была признать, что отношения эти были самые что ни на есть обычные, хотя, если судить по его пылу, Скотту они очень нравились. Но что Эмма знала о том, каковы эти самые обычные отношения? Допустим, она сумела зачать ребенка вне брачных уз, однако в целом ее изыскания в области любви оставались весьма убогими по стандартам, скажем, Лолы Монтес, зажигательной танцовщицы, чья любовная связь с королем Баварии

шокировала всю Европу. В мире, к которому принадлежала Эмма, практически ничего не знали о других странах, а то немногое, что было известно, оказывалось густо замешанным на чудовищных преувеличениях. Так, например, китайцы считались экзотическими варварами; судя по тому, что она слышала о них, они, возможно, даже любить друг друга могли вниз головой на деревьях. В Эмме вновь проснулась заглохшая было ревность к Чинлинг при одной только мысли, что китаянка знала, как «сделать приятное» Скотту способами, о которых Эмма даже понятия не имела. И тут новый страх опалил душу: может быть, явное удовлетворение Скотта их физической близостью было напускным? Может быть, на самом деле ему было просто скучно? От этой мысли Эмма почувствовала сильнейшее замешательство, ее начала точить мысль о том, что она наивная и глупая женщина. Ведь сама она начинала испытывать все более нежные чувства к мужу и потому меньше всего желала, чтобы Скотт считал ее недотепой, которая ничего не умеет в постели и потому заставляет своего мужа страстно желать редкостных удовольствий, которые описаны в китайской сексуальной инструкции двухтысячелетней давности.

Экипаж как раз свернул на Ринкон-Хилл, как вдруг первый приступ резкой боли словно ножом полоснул по животу. К тому времени, как экипаж остановился напротив особняка, у Эммы едва хватило сил, чтобы выбраться наружу. Кан До поспешил помочь хозяйке, которая согнулась пополам, обхватив руками живот и тяжело дыша от боли.

— Тайтай болеть? — спросил встревоженный слуга.

— Кажется… — новый приступ боли обжег внутренности. — Кажется, меня отравили.

— А где тайтай была?!

Эмма не знала, что ответить. Плача от боли, она упала, и Кан До не сумел удержать ее. Слуга громко позвал других «поднебесников», которые, не заставив себя ждать, стремительно сбежали вниз по ступенькам веранды.

— Я отвозил ее в дом номер 2 по Дюпон-гэ, — сообщил возница.

— А-ай-яй! Это Чинлинг! Она дать «клык дракона». Скорее! Мы должны успеть… Скорее! — Четверо молодых китайцев подняли стонущую Эмму на руки и понесли в дом, а потрясенный возница взмахнул кнутом, и лошади понеслись по Рикон-Хилл. Возница нахлестывал, торопясь разнести новость по всему Сан-Франциско.

Глава седьмая

— И ты еще называешь себя репортером?! — завопила Чикаго,

врываясь в тесный офис «Бюллетеня Сан-Франциско». — Эмма Кинсолвинг умирает, а ты рассиживаешься здесь и строчишь редакционные статейки о необходимости этих чертовых тротуаров! Оторви свою задницу от стула и немедленно лети на Рикон-Хилл! Нужен материал!

Дэвид Левин уставился из-за стола на белое боа Чикаго, которое трепетало, словно под напором урагана.

— Эмма умирает?!

— Да! Говорят, будто бы Чинлинг подсыпала ей в пирожное какую-то китайскую отраву. Эмму сейчас выворачивает наизнанку. Ну, лети! Чего ты ждешь?!

Образ Эммы, на которую Дэвид некогда молился, промелькнул в его сознании, он рванулся мимо Чикаго к дверям, вскочил на лошадь. Поскакав в сторону Ринкон-Хилл, Дэвид вдруг осознал, что от ненависти и гнева не осталось и следа при одной только мысли о том, что Эмма умирает. Перед ним всплыл образ прекрасной девушки в белом платье, которая играет на рояле в бело-золотистой зале.

«Эмма умирает?! Нет же, Господи, она слишком прекрасна, чтобы умереть!»

— Скотт, — прошептала Эмма. — Где Скотт?

Она лежала на постели, мокрая от пота. Перепуганная Зита отирала Эмме лицо. Доктор Грей уже, наверное, в десятый раз считал пульс. Феликс, посеревший от горя, стоял в ногах кровати.

— Скотт скоро приедет, — сказала Зита, хотя не имела понятия, где Скотт мог быть сейчас. Она знала лишь, что всю последнюю неделю Скотт был в Лос-Анджелесе. — Он скоро будет.

— Скотт…

Глаза Эммы были закрыты, и потому находящиеся в комнате не могли понять, в сознании она или же бормочет в бреду.

— Я не хочу умирать без Скотта…

Феликс подошел ближе и взял из рук доктора ее ладонь.

— Ты и не умрешь, дорогая, — сказал он, моля Бога, чтобы оказаться правым.

Кан До дал Эмме лекарство, которое вызвало у нее рвоту. Это было два часа тому назад, и хотя приступы боли явно ослабли, Эмма, казалось, угасала на глазах. Доктор Грей, как обычно, ничего не мог поделать.

— Ты поправишься, — продолжал меж тем Феликс и, перейдя на немецкий, добавил: — Es werd' alles gut gehen. Du hast nicht zu fürchten, schätzchen [15].

— Скотт… — снова прошептала Эмма и заметалась по постели. — Где ты? Я люблю тебя, Скотт… Пожалуйста, приди, пока я не умерла…

Феликс прикоснулся губами к руке дочери затем поспешил из комнаты, чувствуя себя совершенно беспомощным. Он никак не мог поверить, что его дочь умирает. Не его ли в том вина? Ведь именно он привез ее через полмира сюда, на эту Богом забытую землю, где китаянки-сожительницы могут позвать на чашку чая и отравить, где единственный доктор оказывается абсолютно некомпетентным. На галерее второго этажа Феликс разрыдался, закрыв лицо руками. Неужели его жизнь рушится на глазах? Сначала Матильда, теперь Эмма…

— Герр де Мейер!

При звуках знакомого голоса он вздрогнул и обернулся. Вытирая глаза, поспешил вниз по ступеням. Внизу в большом холле стоял и смотрел на Феликса какой-то плохо одетый молодой человек. Из-за бороды Феликс поначалу не узнал его, затем воскликнул:

— Дэвид!

— Как Эмма?

Феликс покачал головой. Дэвид быстро взбежал по главной лестнице, держа запачканную грязью шляпу в руке. Оказавшись возле Феликса, тяжело дыша, он проговорил:

— Умерла?!

— Нет еще.

— Чем я могу помочь?

— Попытайся отыскать капитана Кинсолвинга. — Услышав эту просьбу, Дэвид напрягся. — Она хочет видеть его. Может, это ей поможет, как знать…

— А где он?

— На той неделе он уехал в Лос-Анджелес… Боже, не дай ей умереть!.. — Ухватившись обеими руками за балюстраду, Феликс вновь разрыдался.

Дэвид секунду смотрел на него, затем бросился вниз по лестнице и выбежал из дома. Вскочив на лошадь, он поскакал по старой Королевской дороге, сделанной еще испанскими миссионерами: дорога эта представляла собой становой хребет Калифорнии, поскольку соединяла Север и Юг. Тот факт, что Дэвид ненавидел Скотта Кинсолвинга, не играл сейчас никакой роли. Эмма умирала, и потому все ужасные слова, какие Дэвид произносил в ее адрес, все инсинуации, каковыми он уснащал свои газетные материалы — все это сейчас вернулось к Дэвиду подобно бумерангу. Как же Эмма должна ненавидеть его! И какую он сам допустил ошибку, не дав ей

возможности хотя бы объясниться! Ведь вполне может быть, что именно беременность и ребенок вынудили Эмму выйти замуж за Кинсолвинга. Ну конечно же, так оно и было! Разве не назвала Эмма своего ребенка Арчером?! «Ох, и дурак же я! — говорил себе Дэвид. — Как же я мог возненавидеть ту самую женщину, которую так сильно любил?!»

— В итоге этот дон Висенте мне даже понравился, — сказал Скотт Уолтеру Хазарду, когда они тряслись в экипаже в нескольких милях к югу от Сан-Франциско. Он понравился бы мне даже в том случае, если бы не пообещал получить для нас голоса калифорниос. Но уж коли он пообещал, я могу сказать, что он мне нравится еще больше. Я вовсе не страдаю от избытка альтруизма, но если в конечном итоге из Калифорнии и получится нечто стоящее, то между нами, гринго, и калифорниос должно быть достигнуто какое-то согласие.

— К нам приближается всадник! — крикнул им сверху кучер.

Скотт высунулся из окошечка экипажа и увидел, что к ним, размахивая рыжевато-коричневой шляпой, галопом мчится какой-то молодой человек.

— Капитан Кинсолвинг!

Скотт сразу узнал во всаднике Дэвида Левина, которого нередко видел входившим или выходившим из офиса «Бюллетеня», расположенного на Портсмут-сквер. Сколько же раз, покуривая, читал Скотт злобные редакционные статьи, написанные Левином!

Подскакав и резко развернув лошадь, Дэвид закричал:

— Ваша жена, сэр! Эмма умирает! Вам нужно торопиться!

Скотт был весьма удивлен.

— Это что же, черт возьми, какая-нибудь злобная шутка?

— Нет же! Ее отравила женщина по имени Чинлинг!

— Боже! Кучер, пришпорь лошадей! Ну же, шевелись!!!

Экипаж затрясся еще сильнее, когда четверка лошадей галопом устремилась к северу, в Сан-Франциско.

Когда экипаж резко затормозил перед особняком на Рикон-Хилл, было уже девять часов вечера. Возле дома собралась изрядная толпа, поскольку Эмму в городе хорошо знали, а история об отравлении, подобно лесному пожару, пролетела по всем прилегающим кварталам. Когда Скотт выскочил из экипажа кто-то из толпы крикнул:

— Мы молимся за вас, капитан! А если уж она умрет, то проклятые «поднебесники» поплатятся за это!

— Именно! Еретики и язычники поплатятся! — крикнул еще кто-то, и

этот призыв был поддержан множеством других голосов.

Выпрыгнув из экипажа, Скотт вопросительно взглянул на Дэвида и бросился на веранду. За ним бежали Дэвид и Уолтер. Стремительно одолев главную лестницу, Скотт поднялся на галерею второго этажа, где его встретил заплаканный Кан До.

— Как она? — спросил Скотт.

Кан До в отчаянии покачал головой.

— Не хорошо, капитан босс. Может, вы суметь ей помочь.

— Скажи, это правда? Это сделала Чинлинг?

— Да, она давать тайтай «клык дракона» в пирожных…

— Ч-черт!.. — Скотт бросился в спальню.

Увидев его, Зита резко встала с колен и, сделав навстречу несколько шагов, взяла Скотта за руку.

— Ну наконец-то, слава Богу! — прошептала она. — Эмма звала вас.

— Кан До дал ей рвотное, — подойдя к ним, сказал Феликс. — Если Эмма выживет, то лишь благодаря вашему слуге.

— Да, а пока там снаружи собралась разъяренная толпа, готовая линчевать всех китайцев в Сан-Франциско, — негромко сказал Скотт, подходя к постели.

Увидев Эмму, он невольно содрогнулся. Она была так бледна и неподвижна, что на мгновение Скотту показалось, будто в те несколько секунд, когда он разговаривал, Эмма, возможно, умерла. Затем он увидел, как губы жены едва заметно шевельнулись. Упав на колени у изголовья, Скотт сделал знак остальным покинуть комнату. Он знал, как действует «клык дракона» — один из великого множества ядов в китайской фармакопее, в основе которого особый наркотик, издавна использовавшийся при императорском дворе для того, чтобы избавляться от надоевших или старых наложниц в императорском гареме. С помощью этого яда, случалось, избавлялись и от неугодных министров.

В голове Скотта не укладывалась мысль, что Чинлинг могла прибегнуть к этому чрезвычайно болезненному яду для того, чтобы убить Эмму. «Как же я ошибался в отношении Чинлинг! — подумал сейчас Скотт, склоняясь над Эммой. — Я чувствовал свою вину перед ней и потому вознес ее на пьедестал. Но если она убила Эмму, клянусь Господом, она за это заплатит!»

Он поцеловал жену в лоб.

— Эмма… — прошептал Скотт.

Она открыла глаза, выплывая из океана забытья.

— Скотт… — прошептала Эмма чуть слышно. — Ты приехал…

— Да, и ты поправишься, дорогая…

Он взял ее руку, и в ответ Эмма чуть улыбнулась.

— Скажи, вот было бы забавно, если бы я и вправду была твоей дорогой!

— Это вовсе не забавно, это — правда.

На глазах у нее выступили слезы.

— Ох, Скотт, ты все играешь со мной. Но все равно хорошо, что ты приехал. Я хотела видеть тебя рядом.

— Я вовсе не играю с тобой, Эмма…

— Ты никогда меня не любил, — прошептала она, вновь закрывая глаза. — Весь наш брак был сплошным фарсом.

— Вначале я не любил тебя, признаю. Я всего лишь считал тебя красавицей, но тогда я любил Чинлинг.

Эмма вновь открыла глаза.

— Теперь я знаю, почему: она проделывала с тобой все эти отвратительные вещи… «Нефритовая девушка играет на флейте»…

Глаза у Скотта округлились.

— Она рассказала тебе об этом? — шепотом спросил он.

— Да. И что же, тебе действительно нравилось? И ты на самом деле курил опиум?

Скотт покраснел, но не от гнева.

— Да, выкурил несколько трубок. И кроме того, Чинлинг действительно показывала мне все эти позиции. Признаюсь, мне они нравились. Но как только я встретил тебя…

— Ох, Скотт, — вздохнула Эмма. — Однажды ты как-то сказал, что я не очень-то похожа на девственницу. В данном случае ты не слишком-то похож на Ромео. Не нужно притворяться.

— Но я вовсе не притворяюсь! Я… — он поцеловал ее руку. — Я такой идиот, Эмма! У меня нет таланта говорить красивые слова, но я клянусь перед Господом Богом, что ты — единственная женщина в моей жизни. Я так заблуждался насчет Чинлинг. Я чертовски ревновал тебя к Арчеру.

— Арчер… — Эмма отвернулась, и по щекам ее потекли слезы. — Бедный Арчер. — Она посмотрела на Скотта. — Пообещай мне, что после того, как меня не станет, ты будешь хорошо относиться к маленькому Арчеру. Пообещай мне.

— Конечно же, обещаю. Но ведь ты не…

— И ты *действительно* будешь его любить?

— Я уже люблю его.

— Скотт…

— Да?

— Знаешь, мне очень понравились те драгоценности, которые ты подарил — они такие замечательные. Но как только меня не станет, попроси папочку, чтобы он продал их и на вырученные деньги построил здесь, в Сан-Франциско, больницу. Городу очень нужна больница. И кроме того, мне хочется именно таким образом оставить о себе память. Ты сделаешь это для меня?

— Да, я сделаю все, что угодно, но ведь ты не умрешь!

Эмма закрыла глаза.

— Вот и хорошо. Кажется, что, помимо всего прочего, ты действительно добрый человек.

— Не такой уж добрый, и вообще, все эти разговоры кажутся мне сродни рытью собственной могилы. Ты должна бороться за жизнь!

— Я не против того, чтобы умереть. И ты не должен злиться на Чинлинг. Она сделала так, потому что все еще любит тебя. Любовь… Всю жизнь я жаждала любви, а вот теперь… теперь, судя по всему, любовь меня и погубила.

— У тебя сейчас слишком плаксивое настроение, — сказал Скотт, чувствуя нарастающее раздражение. — Если ты и умрешь, то разве что утонув в собственных слезах. А теперь прекрати эту сцену прощания у смертного одра и начинай бороться за жизнь.

Эмма открыла глаза, и он увидел, как в них полыхнул огонь.

— Какой же ты все-таки ужасный человек! — набросилась она на мужа. — Мучаешь, ругаешь меня, когда я умираю…

— Ничего ты не умираешь! — вскричал он.

— Да откуда ты знаешь?! — собрав силы, крикнула Эмма в ответ, хотя крик ее получился не очень громким.

Скотт выпрямился, улыбнувшись: теперь-то он знал, как можно спасти Эмму.

— И еще вот что. Раз ты отказываешься поверить в то, что я тебя люблю, я сделаю сейчас так, что ты настолько разозлишься на меня, что тебе будет уже не до смерти. Слушай. Твой разлюбезный Арчер вовсе не мертв, это я заплатил детективу за то, чтобы он сказал тебе о его смерти.

— Что?! — Эмма резко отняла голову от подушки. — Почему?!

— Потому что я знал: это единственный способ убрать его из твоей жизни. Потому что я люблю тебя и не желаю ни с кем делить. Я послал Одноглазого в Огайо, и он подкупил начальника тюрьмы, чтобы Арчера, часом, не выпустили оттуда.

— Не верю! — воскликнула она.

— Но это именно так. Я рассудил, что если они продержат Арчера за решеткой еще лет пять, ты позабудешь его.

— Ты ужасный человек! О, мой дорогой Арчер… Он жив? — Эмма попыталась встать с постели, но Скотт не позволил.

— До чего же я рад видеть, как ты понемногу отодвигаешься от могилы, любовь моя! Однако сейчас еще рановато подниматься с постели.

— Оставь меня! — сказала она, вырывая у мужа руку. — О, как я ненавижу тебя! Ты животное, ты лжец, притом отвратительный, мерзкий эгоист… Ох! — Схватив одну из подушек, Эмма швырнула ее в Скотта. Он схватил подушку, засмеялся и пошел к двери. Открыв ее, он увидел мрачные лица Феликса, Зиты, Дэвида и Кан До.

— Похороны отменяются, — ухмыляясь, объявил Скотт. — Моя любимая жена только что пережила новое рождение.

Тут что-то ударило его по затылку. Скотт нагнулся и поднял с пола предмет, каковым оказалась серебряная щетка для волос. Щетка Эммы.

Тут они услышали крик в спальне. Оттолкнув Скотта, Зита ворвалась туда и увидела, что Эмма стоит на коленях рядом с постелью.

— С вами все в порядке? — спросила Зита, склоняясь над ней.

— Кажется, я… — Эмма задыхалась, — кажется, я переоценила свои силы… несколько…

— Вам нужно лечь в постель и оставаться там, — твердым голосом сказала Зита, помогая Эмме подняться. — Вы очень больны.

— Он солгал мне, Зита, — прошептала Эмма, забираясь на постель. — Арчер жив. Скотт солгал! Я никогда не прощу ему этого! Я вышла замуж за самого отвратительного в мире человека!

— Может быть, — согласилась Зита, натягивая на нее одеяло. — Хотя, с другой стороны, еще каких-нибудь четверть часа назад вы умирали, а теперь… — Она поправила подушку. — Теперь мне кажется, что еще некоторое время вы еще побудете среди нас. Так что, даже если капитан Кинсолвинг и ужасный человек, может быть, он не такой уж плохой врач, а?

Глава восьмая

Когда Скотт мчался верхом в направлении Дюпон-гэ, он пытался как-то оправдать Чинлинг, пытавшуюся убить Эмму, пытался совместить образ убийцы с образом той милой девочки, какой он ее знал. Если Чинлинг и не была кроткой в европейском смысле этого слова, Скотт тем не менее никогда не замечал в ней тяги к насилию. Если кто и отличался этим

качеством, то это Ах Той. Манчжурская принцесса могла совершить любую жестокость. Но ее дочь?.. Скотту не очень-то верилось…

Когда он достиг наконец дома номер 2, было уже поздно, хотя главная улица Маленького Китая еще изобиловала людьми, которые делали покупки в магазинчиках или же просто прогуливались перед сном. Скотт привязал лошадь и взбежал по ступеням дома Чинлинг, того самого, куда несколько раз наведывался, желая взглянуть на Стар. В доме было темно. Скотт позвонил.

Тишина.

Он снова позвонил. Затем попробовал, закрыта ли дверь на замок. Дверь медленно подалась.

Скотт вошел в темный холл. Припомнив, что где-то здесь на столе обычно стояла керосиновая лампа, он осторожно нащупал ее в темноте, зажег фитиль. Закрыв входную дверь, Скотт пошел в задние комнаты, пытаясь понять, почему дом выглядит таким безмолвным. В этой тишине было что-то призрачное и даже жутковатое.

У дальней от двери стены холла Скотт поднял занавеску и открыл дверь. Гостиная была освещена двумя свечами, которые дружно затрепетали, едва только из холла через дверь потянуло сквозняком. Подсвечники со свечами стояли на полу, по бокам статуи каменного Будды.

Стоя на коленях перед статуэткой, спиной к Скотту, молилась Чинлинг.

— Чинлинг? — мягко сказал Скотт. Никакого ответа. Он поставил лампу на стол. И еще до того, как он прикоснулся к плечу Чинлинг, Скотт уже знал, что она мертва. От его прикосновения она упала на бок, и Скотт разглядел торчавший в животе нож и лужу крови.

— Она убила себя, — раздался голос. Скотт резко обернулся и увидел Крейна, вышедшего из темноты. — Она знала, что, после того как отравить ваша жена, все круглоглазые будут поднимать шум против нас, «поднебесников», и что ее обязательно убивать, может быть, даже «Комиссия бдительности». Другие «поднебесники» тоже могут убивать. И чтобы предотвратить все это, она взяла у себя свой жизнь. Она сказать мне, что больше ей незачем жить.

— Но почему?! И зачем она отравила Эмму? Я знаю Чинлинг. Она была очень доброй, в ней не было зла.

Крейн подошел ближе, и свет керосиновой лампы озарил его лицо.

— И насколько хорошо вы знать Чинлинг? — тихо спросил он. — Она так вас любить. Она давать вам такой огромный наслаждение. Она дочь вам родить. И после всего этого вы бросать ее ради другой женщина, круглоглазый. Чинлинг плакать много дней. «Мой Скотт меня бросил», —

вновь и вновь повторять она. И постепенно любовь ее обратился в ненависть. Вы счастливый, что она не попыталась убить вас. Вы ведь отвергать ее любовь из-за разреза ее глаз и цвета кожи. Вы есть круглоглазый сукин сын. Ее смерть по причине из-за вас.

Скотта передернуло от этих слов, хотя в глубине души он понимал: все так и есть. Юноша стоял сейчас менее чем в двух футах, как раз против Скотта. Глаза его пылали ненавистью, словно бы он хотел взглядом испепелить Скотта.

— А как же Стар? — прошептал Скотт. — Что будет с ней?

— Стар — ваша дочь. Вы брать ее, если хотите. Все остальное принадлежать мне, я наследник.

— Ты?!

— Да. Чинлинг сказать мне, что она указать это в свой завещание. Если вы не верить мне, тогда идите в офис адвоката, который заниматься делами Чинлинг. Завещание у него. Все законно.

— А как же Ах Той?

— Она в Китае. Может быть, она сумеет приехать сюда живая, а может и не сумеет. Теперь я самый богатый китаец в Сан-Франциско. Я становиться Кай Йи Маленького Китая.

— Кай Йи?

— Это значит Большой Босс. «Поднебесник» номер один.

Скотт презрительно усмехнулся.

— Для мальчика ты очень даже смышлен.

Лицо Крейна застыло. Он оглянулся по сторонам, поднял сжатые кулаки и развернулся боком к Скотту. Со стремительностью молнии нанес он удар правой ногой в грудь противнику, отчего массивный морской капитан пролетел по воздуху и рухнул всей своей тяжестью на плетеную софу. Приземлившись, Скотт схватился за желудок и застонал, вызвав на лице Крейна легкую усмешку.

— А вы говорить, «мальчик»…

— Я чувствую себя побежденной, — говорила на следующее утро Эмма, лежа в постели. — Скотт сумел-таки победить меня.

— Звучит так, словно речь идет о войне, — сказала Зита, которая сидела возле постели больной и вязала одеяльце для маленького Арчера.

— Вполне может быть. Наверное, брак и есть в некотором роде война. Как бы то ни было, а Скотт победил.

— Дорогая Эмма, вы слишком мелодраматичны и слишком несправедливы к нему.

— Да нет же, Зита! Я пыталась полюбить его. Было даже такое время, когда я убедила себя, что люблю его. Но всякий раз он умудрялся сделать какую-нибудь мерзость, как, например, то, что он сделал с Арчером. Скотт порочен по самой своей сути. Не представляю, как я смогу и дальше жить с таким человеком. Я не знаю, что делать.

— А не думаете ли вы, что вчера он, возможно, просто пытался спасти вашу жизнь?

— Даже если и так, это не извиняет его за все то, что он сделал с Арчером. Он разбил всю его жизнь…

Раздался стук в дверь. Зита отложила вязанье и поднялась.

— Если это Скотт, скажите, чтобы уходил. Я не желаю с ним разговаривать.

Зита подошла к двери и открыла ее.

— Доброе утро, капитан.

— Как Эмма? — спросил он.

— Убирайся! — крикнула она с постели.

Зита приподняла бровь, как бы говоря, что сейчас не лучшее время для свидания.

— Я на одну минутку, — прошептал Скотт. — Если вас не затруднит, оставьте нас вдвоем.

— У нее сейчас подавленное состояние.

— Могу себе представить.

Зита посторонилась, пропуская Скотта. Затем тактично вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Скотт стоял возле самой двери, глядя оттуда, как Эмма буравит его взглядом.

— Мне и в самом деле нечего тебе сказать, — заявила она.

— Значит, буду говорить я. Понимаю, ты сердишься. Да я, впрочем, и не виню тебя. Я сделал ошибку, о которой весьма сожалею.

— Ты — сожалеешь?! Это насчет Арчера?

— И я пытаюсь исправить то, что сам же и сделал. Мистер Эпплтон час тому назад отправился в Нью-Йорк. Он пересечет Панаму по новой железной дороге, которую только что ввели в действие, так что через шесть недель он уже может быть в Нью-Йорке. В таком случае, через восемь недель он будет в Огайо. Одноглазый уже побывал в тюрьме штата Огайо, и с этим ничего не поделаешь. Но Эпплтон встретится с начальником, тюрьмы, переговорит с ним, даст ему много больше того, что уже было дано, если это понадобится для того, чтобы исправить то, что сделал Одноглазый. И, коме того, я положу на счет Арчера в Коламбус-банке десять тысяч долларов с тем, чтобы он мог по выходе из тюрьмы

воспользоваться этими деньгами. Он еще достаточно молод, а с такими деньгами он вполне сможет начать новую жизнь. Это самое лучшее, что я смог придумать.

Скотт не мог бы в большей мере удивить — или осчастливить — Эмму.

— Что ж, — сказала она наконец, — готова признать, что все это звучит просто-таки прекрасно.

— А сейчас я покажу подарок и для тебя.

— О, Скотт, я не хочу больше никаких драгоценностей.

— Да, но это — драгоценность особого рода.

Подойдя к двери, он открыл ее и сделал знак рукой. Мадам Чой вошла в спальню держа на руках ребенка, которого она поднесла к Эмме.

— Чинлинг покончила жизнь самоубийством, — сказал Скотт.

— Боже милостивый, когда же?

— Прошлой ночью. Я буду воспитывать Стар и в конечном итоге сделаю ее своей законной дочерью. Если, конечно, ты не против.

Несколько волнуясь, мадам Чой передала ребенка Эмме.

— Надеюсь, — сказал Скотт, — что ты сможешь полюбить мою дочь точно так же, как я смог полюбить твоего сына.

Девочка спала. Однако, когда Эмма взяла ее на руки, проснулась и взглянула на нее.

— Я подержу ее немного, — сказала Эмма, обращаясь к *ама*.

Взяв девочку поудобнее, она начала раскачиваться, тихонько напевая колыбельную.

— Все будет в порядке? — поинтересовался Скотт, пытаясь не выказать своих чувств.

— Ну разумеется. Она восхитительна!

Скотт выглядел так, как будто у него гора с плеч свалилась.

— Мне очень жаль Чинлинг, — продолжала между тем Эмма, — несмотря на то, что она мне сделала. А ты уверен, что это самоубийство?

— Уверен.

В дверь постучали, и заглянула Зита.

— Капитан, тут мистер Левин. Он говорит, что ему крайне важно видеть вас.

— Сейчас выйду.

Когда Скотт направился к двери, Эмма сказала:

— Подожди! Пригласи Дэвида сюда, я хочу посмотреть на него.

— Зачем? Ведь ты же сама не раз читала то дерьмо, которое он пишет про нас в газете!

— Да, но он пишет все это только потому, что я оскорбила его. Как, впрочем, и ты.

— Он пишет эту гадость потому, что Слейд и Чикаго ему за это платят.

— Но, может, нам удастся перетащить его на нашу сторону? В любом случае, я считаю, что пришло время мне извиниться перед ним и попробовать восстановить с ним добрые отношения. Скотт, пойди и пригласи его сюда. И пусть Зита поможет мне хоть немного привести себя в более презентабельный вид, если, конечно, такое возможно.

Скотт немного поколебался.

— Что ж, может, ты и права.

Он вышел из спальни. Эмма передала девочку мадам Чой, тогда как Зита принесла щетку для волос и зеркало.

— Я такая бледная, — сказала Эмма, глядя на себя в зеркало. — А мне так нужно сейчас хорошо выглядеть ради Скотта. Дэвид был в меня влюблен, поэтому из врага его можно сделать другом. Как вы думаете, может, мне наложить капельку ваших румян?

Зита улыбнулась и пошла за сумочкой.

— Вы вовремя сказали об этом, — заметила она. — Природе всегда можно немного помочь. Кстати, мне кажется, вы смирились со своим мужем…

Эмма провела щеткой по волосам.

— Знаете, наверное, я и впрямь была несправедлива к нему, — только и сказала она.

Когда пять мнут спустя Дэвид вошел в спальню, то одного взгляда на Эмму оказалось вполне достаточно, чтобы любовь вспыхнула в нем с новой силой.

Эмма выглядела настолько свежей и красивой, что подобная перемена весьма удивила Скотта. Лишь несколько присмотревшись, он догадался, что румянец на лице искусственного происхождения.

— Дорогой мой Дэвид, — сказала Эмма, улыбаясь ему, — ты бороду отрастил… Она делает тебя неотразимым.

— Я… — начал было он и запнулся, во все глаза глядя на Эмму. — Поскольку теперь я литератор, то, полагаю, мне следует немного походить на него хотя бы внешне.

— Ты ни разу не пришел навестить меня, Дэвид…

Он нервно сжимал и разжимал руки.

— Собственно… Словом, черт побери, мне казалось, что ты не захочешь меня видеть, Эмма. Я хочу сказать, не захочешь видеть после всего того, что я написал в газете, в «Бюллетене».

— Я всегда надеялась, что мы сможем вновь стать друзьями. Сможешь ты простить меня и Скотта?

Дэвид сам готов был пасть перед ней на колени и просить прощения. Ему хотелось сейчас проделать массу глупостей, но вместо этого, чувствуя слабость в коленках, он подошел к постели и поцеловал протянутую Эммой руку.

— Ты же знаешь, что я никогда не смог бы стать твоим настоящим врагом, — сказал Дэвид. — Забудем случившееся. Вопрос в другом: сможете ли вы с капитаном Кинсолвингом простить меня?

— Конечно! В своей газетке ты волен говорить про нас все, что угодно, и мы поймем. До тех пор будем понимать, пока чувствуем, что мы остаемся друзьями.

— Вот именно поэтому я и пришел сюда, — сказал Дэвид, выпуская ее руку и поворачиваясь к Скотту. — Я порвал с «Бюллетенем».

— Почему?

— Ни для кого не секрет, какие подонки эти Слейд Доусон и Гас Пауэлл. Да и Чикаго, видит Бог, тоже отнюдь не святая. Мне все это было давно известно. Поначалу я хотел сделать так, чтобы новоявленная газета встала на ноги, и потому сознательно закрывал глаза на многое. Но сегодня я выяснил, что они намерены устроить на похоронах Чинлинг. И вот в этом я не намерен принимать участия.

— В чем именно?

— Они наняли банду «сиднейских уток», чтобы те напали на похоронную процессию, а вам известно, как серьезно относятся «поднебесники» к церемонии похорон.

— Но зачем им это? — спросила Эмма.

— Весь город знает, что вас отравила Чинлинг и что ни вы, ни капитан Кинсолвинг не намерены ничего предпринимать в связи с этим. А Слейд и Чикаго заинтересованы в том, чтобы Гас показал этим «поднебесникам» почем фунт лиха. Это нужно для того, чтобы в преддверии выборов посеять вражду к китайцам и тем самым завоевать голоса белых. Для Гаса нет лучшего способа продемонстрировать свою силу и показать, насколько вы, капитан, слабы. Вот он и собирается организовать нападение на похоронную процессию якобы в защиту вашей чести. «Поднебесники» не получат права голоса, а, по подсчетам Слейда и Чикаго, на каждого здравомыслящего белого в городе приходится трое других белых, которые ненавидят китайцев. Придумано совсем неплохо, особенно если учитывать, что завтра вечером на Портсмут-сквер состоится первое публичное выступление Гаса Пауэлла. Однако, по-моему, — это грязные методы.

Именно потому я порвал с «Бюллетенем» и пришел предупредить вас.

— Я вам очень за это признателен, Дэвид, — сказал Скотт, направляясь к двери. — Слейд Доусон желает войны? Превосходно! У меня тоже имеются собственные войска.

Он вышел из комнаты. Дэвид обернулся к Эмме.

— Что он имел в виду?

— Не знаю. Однако я тоже хочу отблагодарить тебя, Дэвид. А коль уж ты остался без газеты, может быть, мы со Скоттом найдем тебе новую.

Неотразимая улыбка Эммы произвела на Дэвида обычное свое действие. Но кроме того, он почувствовал себя порядком заинтригованным. До сих пор он был неудачником. Неужели фортуна готова сменить гнев на милость?

Глава девятая

На похороны Чинлинг собралась едва ли не половина «поднебесников» Сан-Франциско. Церемонией погребения руководил Крейн, и хотя кое у кого возникло недоумение по поводу того, что какой-то молокосос, не имевший даже родственных связей с покойной, может столь нахально вести себя, никто не мешал Крейну. Посоветовавшись с астрологами насчет подходящего времени для погребения, Крейн выяснил, что таковое наступит лишь через четыре месяца, и потому решил похоронить Чинлинг на следующий же после самоубийства день. Он понимал, что следует поторопиться, пока имя Чинлинг было еще у всех на устах. Это помогло бы Крейну сделаться известным всему городу.

Его очень потрясла смерть хозяйки, и он намеревался, кроме того, сделать все возможное, чтобы защитить Стар. Но слова Крейна о том, что он намерен сделаться Кай Йи Маленького Китая, были не пустой похвальбой: он решил использовать похороны Чинлинг, чтобы оказаться в центре внимания.

Многолюдная процессия двинулась вниз по Дюпон-гэ ровно в полдень. Был ветреный ясный день. Одетый в белые одежды скорби, Крейн возглавлял группы носильщиков траурного ритуального покрывала от самого дома Чинлинг. Тело ее было положено в простой сосновый гроб, который поставили на высокие носилки. В свою очередь носилки стояли на плоском прямоугольном возвышении, украшенном белыми погребальными полотнищами. Сам гроб находился под белым балдахином, укрепленным на завершавшихся перьями столбах.

Красочное и величественное сооружение несли двенадцать носильщиков, по шесть человек с каждой стороны. Крейн же, равно как и

остальные носильщики траурного покрывала, шли перед гробом. Перед ними двигалась шестерка музыкантов, исполнявших ритуальную восточную мелодию. Возглавляла процессию дюжина профессиональных плакальщиц, в руках которых были те вещи, что непременно понадобятся Чинлинг в другом мире: деньги, пища, одежда, слуги (китайцы отличались большей, по сравнению с древними египтянами, практичностью, и потому вместо настоящих денег и настоящей еды, вместо живых слуг — каковых укладывали египтяне в гробницу умершего фараона — в могилу клали бумажные символы земных даров).

Вся процессия медленно двигалась по Дюпон-гэ в сопровождении жуткой, воющей музыки, звона и грохота цимбал и барабанов. Для встречных процессия являла собой красивое, но мрачное действо. Общее мнение сводилось к тому, что Крейн сумел воздать Чинлинг подобающие почести.

Кортеж прошел менее двух кварталов, как вдруг из-за угла появилась группа мужчин. Они выкрикивали: «Смерть свинячьим хвостам!», у многих в руках были грубо намалеванные плакаты: «Китайские язычники — вон отсюда!», «Вышвырнуть «поднебесников» в Поднебесную Империю!», «Все косоглазые — воры и шлюхи!».

Едва только Крейн увидел эту разношерстную банду, как сразу же узнал «сиднейских уток», но более всего его потрясло их намерение напасть именно на похоронную процессию. Бандиты принялись швырять в траурный кортеж камнями и грязью, намеренно пачкая белые траурные одежды. Китайцы начали разбегаться, бросая свои бумажные похоронные дары усопшей. В руках у некоторых бандитов были палки, которыми они наносили удары по головам и плечам участников траурной процессии.

Несмотря на то что был незаконнорожденным, Крейн относился к церемониям и ритуалам с огромным благоговением, поэтому подобное святотатство привело его в ярость. Он не знал, то ли покинуть ряды носильщиков и дать бандитам надлежащий отпор, то ли со всей возможной невозмутимостью продолжать идти во главе шествия, сохраняя торжественность старинного скорбного ритуала. Но вся его сдержанность улетучилась в одно мгновение, когда комок грязи угодил ему прямо в лицо. Он попытался протереть глаза и в это время услышал яростные крики, с которыми «сиднейские утки» вломились в середину процессии. Чья-то дубинка ударила Крейну в лицо, повергнув в уличную грязь. Как только он упал, несколько палок принялись молотить его по спине и голове. Когда Крейну все-таки удалось кое-как разлепить глаза, он обнаружил, что возле него сгрудились четверо здоровых жлобов, которые и обрабатывали его

сейчас дубинками, перемежая удары с бранью.

— Вот он, главный свинячий хвост! — вопил один из бандитов, косоглазый увалень с, должно быть, четырехдневной щетиной.

— Он был ее дружком! — выкрикнул другой, опуская дубинку на руки Крейна, которыми он защищал голову.

И тут раздалось несколько выстрелов. Нападающие враз застыли. Воспользовавшись этим, Крейн сумел протиснуться между ног «сиднейских уток» и подняться на ноги. Только тут он заметил, что с дальнего конца Дюпон-гэ идут приблизительно три дюжины мужчин, одетых в униформу «Кинсолвинг Лайн» и стреляют из ружей над головами «сиднейских уток». Но более всего удивило Крейна то, что во главе моряков шел не кто иной, как самый ненавистный ему круглоглазый — сам Скотт Кинсолвинг.

Против оружия «сиднейские утки» оказались слабоваты. Они ударились в бега, оставив после себя грязь и опустошение. Из-за прикрытых ставней ближайших домов «поднебесники» наблюдали, как моряки с клиперов Скотта, находившихся сейчас в заливе, полностью овладели ситуацией и восстановили порядок на улице.

— Ты в порядке? — спросил Скотт, подходя к Крейну, у которого из раны на голове сочилась кровь. Молодой китаец, несмотря на то что получил ранение и был изрядно выпачкан в грязи, не потерял присутствия духа. Он с достоинством посмотрел на Скотта.

— Конечно, — не задумываясь, солгал Крейн. — Только не ожидайте, что я начать вас благодарить, капитан Кинсолвинг. Я ведь хорошо известно знать, почему вы тут. Это решительно не иметь ничего общего с память Чинлинг или с желание защитить нас, «поднебесники». Все это есть одна политика. Грязный политика круглоглазых.

Отряхнув грязь с рукава, он полуобернулся и увидел ужасную картину у себя за спиной.

— А-ай… — прошептал он.

— Чинлинг! — выдохнул Скотт.

Как только «сиднейские утки» вломились в процессию, все двенадцать траурных носильщиков бросили гроб, который упал на землю. От удара крышка открылась, и теперь, наполовину выброшенная из соснового гроба, завернутая в ритуальные одежды, Чинлинг лежала на спине и безжизненными глазами смотрела на солнце.

— Что же за человек этот капитан Кинсолвинг? — кричал Гас Пауэлл с крыльца кафе «Бонанза» собравшимся на Портсмут-сквер людям. — Каким

нужно быть человеком, чтобы напасть на тех самых парней, которые пытались отомстить за честь его же собственной жены?! Чинлинг отравила Эмму Кинсолвинг, а что же предпринимает ее супруг? А супруг берется защищать похоронную процессию этой самой Чинлинг, вот что он делает! И потому я говорю, что Скотт Кинсолвинг — предатель своей расы!

Толпа, в которой было немало людей с горящими факелами, пламя которых металось на сильном ветру, одобрительно зашумела. Правда, стоявшая рядом со Слейдом на ступенях «Бонанзы» Чикаго обратила внимание, что энтузиазм был не слишком-то велик и согласие с оратором выразили далеко не все слушатели. Потому-то она и решила несколько оживить собравшихся, чтобы эта политическая акция не кончилась крахом.

— Черт побери, Гас! — крикнула она. — Этот Скотт Кинсолвинг не только подмазывается к «поднебесникам», он еще и евреев любит! Вы только взгляните на этот магазин, расположенный на той стороне площади. Ну-ка, что там за вывеска? «Де Мейер и Кинсолвинг». А жена его кто? Эмма де Мейер Кинсолвинг! Разве не из Мейеров, не из жидов? Даю голову на отсечение — из жидов!

Однако эта антиеврейская выходка была воспринята слушателями еще более сдержано, чем предыдущая, антикитайская.

— Может, ты и права, Чикаго, — крикнул какой-то мужчина из толпы, — но только что бы у нас было без де Мейера и его магазина, а?!

— Кроме того, — крикнул другой, — благодаря Эмме Кинсолвинг в этом городе появился хоть какой-то лоск. И она чертовски красива, гораздо более красива, нежели те телки, которых ты подкладываешь нам, безбожно обдирая за их услуги!

Последнее замечание вызвало раскаты дружного гогота, а на жирном лоснящемся лице Чикаго появилась сердитая гримаса.

— А как все-таки насчет нападения на похоронную процессию? — гаркнул третий человек. — Пусть даже это были китайские похороны. Кем, черт побери, нужно быть, чтобы наброситься на людей, идущих в похоронном шествии?!

— А я тебе скажу, кем именно! — крикнул первый мужчина, начавший этот разговор. — «Сиднейскими утками» из Австралии, черт бы их побрал! Тогда как Скотт Кинсолвинг стоит на страже закона и порядка и, если нужно, поддерживает их с помощью своих парней. Я даже больше скажу: пусть у Кинсолвинга будет еще больше власти, только бы остановить преступность в городе и окоротить этих «уток»!

Ответом на эти слова явился мощный рев одобрения — первое сильное чувство, которое продемонстрировала собравшаяся сейчас на

площади толпа.

— Вот дерьмо! — прошипела Чикаго, обратившись в сторону Слейда. — Из Гаса, конечно, хреновый говорун. Выходит так, что мы поддерживаем неудачника.

Слейд взглянул на Гаса, который беспомощно размахивал руками, пытаясь утихомирить разбушевавшуюся толпу. Это было первым из серии мероприятий под девизом «Пауэлла в губернаторы!». Об этом мероприятии извещали многочисленные листовки, его активно рекламировали в «Бюллетене». И день-то наметили вовсе не случайно, желая воспользоваться всеми преимуществами ситуации, возникшей после того, как на похоронную процессию было совершено нападение. Теперь же стало совершенно ясно, что весь план пошел коту под хвост.

Гас — сухощавый, лысоватый и совсем не представительный — был одним из немногих горожан, имевших диплом юриста, пусть даже этот диплом ему выдали в весьма подозрительной «Школе Права» в Миссури. Именно наличие у него диплома и явилось решающим доводом для того, чтобы Слейд и Чикаго решились выдвинуть его кандидатом в губернаторы. Кроме того, за Гасом числились кое-какие сомнительные делишки, а раз уж у него рыльце было в пушку и Слейд знал об этом, то Гаса, в случае его избрания, было бы легко приструнить.

Однако в один момент все переменилось. Слейд вдруг увидел, что Гас решительно никому не импонирует, что как политик он — нуль. Слейду также стало ясно, что популярность Скотта, равно как и популярность его требований обеспечить в городе закон и порядок, оказались много больше, чем они с Чикаго предполагали. Откуда у всех этих людей — выпивающих, сквернословящих, азартных и драчливых калифорнийцев — появилась политическая зрелость?

— Я ведь говорил тебе, что цена слов — цена дерьма, — сказал Слейд. — Есть и более верные пути к победе на выборах, нежели заигрывать, словно шлюха, с избирателями.

С этими словами он повернулся и ушел в «Бонанзу», в то время как собравшаяся на площади толпа принялась скандировать:

— Кин-сол-винг! Кин-сол-винг! Кин-сол-винг!

— Я так горжусь тобой, — прошептала Эмма, лежа в объятиях мужа. — И я так виновата перед тобой, что должна извиниться…

Скотт медленно провел рукой по ее груди.

— Ничего ты не должна мне, — сказал он, целуя ее.

— Начнем с того, что я обязана тебе жизнью. Ты ведь и вправду так

разозлил меня, что мне захотелось бороться за жизнь. И кроме того, я обязана тебе Арчером одним и Арчером другим. А теперь вот еще обязана появлением в моей жизни Стар. Какую же необычную семью мы с тобой создаем!

— Более чем необычную. У нас будет огромная семья. Это будет королевская семья Калифорнии.

Повернув голову, она поцеловала его в плечо.

— Дэвид тут говорил, будто Гас Пауэлл устроил сегодня вечером встречу с избирателями, и она с треском провалилась. Так что, может, мы и впрямь будем королевской семьей. Губернатор Скотт Кинсолвинг… Звучит очень неплохо.

— А известно ли тебе, что твои глаза — самые прекрасные, какие только существуют на планете Земля?

В ответ Эмма улыбнулась и поцеловала его.

— А ты будешь самым красивым губернатором в истории Калифорнии.

— Ну, если принять во внимание, что тут не было еще вообще никаких губернаторов, то я принимаю твой комплимент, сколь бы ехидным он ни казался.

— Скотт, знаешь, я должна сделать ужасное признание.

— А именно?

— Думаю, что все это время, уже давным-давно я была в тебя влюблена и сама не сознавала этого.

— Хочешь сказать, что все наши с тобой неприятные стычки были из числа «милые бранятся…»?

Она вновь поцеловала его.

— Да. Разве это не замечательно? И я теперь верю, что и ты тоже любишь меня. Правда, верю. Просто мне понадобилось очень много времени, чтобы… чтобы понять тебя. Ведь ты вовсе не эталон идеального мужа, если на то пошло.

— И что же во мне не так?

— Ну, ты немного неискренний. Мне бы очень не хотелось оказаться в числе твоих врагов, потому что у тебя длинная память и ты любишь давать сдачи.

— Мм… Что ж, похоже на правду.

— Кроме того, ты амбициозен и немного свихнулся на власти.

— Ужасно хочу иметь власть. Помнишь, я говорил о королевской семье?

— Но я могу гарантировать лишь одно.

— Что же?

— Ты прекратишь употреблять свои мерзкие словечки.

— По крайней мере, в твоем присутствии.

— Но знаешь, если быть откровенной, ты все-таки замечательный.

— Вот это мне и вправду приятно слышать.

Он нагнулся и жадно поцеловал Эмму. Когда она почувствовала, что его сильное горячее тело накрыло ее, словно некое волшебное одеяло, то застонала от удовольствия.

— О, как я люблю тебя, — прошептала она. — Ты сделал меня самой счастливой женщиной в мире.

И когда они начали заниматься любовью, Эмма поразилась тому, что влюбилась в собственного мужа. В отличие от краткой, восторженной любви с Арчером, это была более глубокая и богатая любовь, основанная на характере, дружбе и восхищении, а вовсе не на коротких и ярких вспышках физического наслаждения.

«Неисповедимы пути человеческого сердца, — подумала Эмма, — Особенно моего сердца…»

Холодные ветры, дующие с Аляски, сжали своими ледяными пальцами примостившийся возле самого залива город; они просачивались в щели неплотно пригнанных окон, охлаждая жилища и заставляя жителей Сан-Франциско дрожать под одеялами. Двое мужчин, поднимавшихся по Ринкон-Хилл в три часа утра, не дрожали от холода, потому что давно уже привыкли к нему. Звали их Баркер и Фарнсворт, семнадцать лет назад в Англии их признали виновными в поджогах и убийствах всего по двадцати трем пунктам обвинения. Они были тогда перевезены в Австралию и десять лет провели на крошечном островке Норфолк, расположенном в Тихом океане в шестистах милях к востоку от побережья Австралии. Существование на острове было настолько невыносимым, что некоторые заключенные умоляли о смерти, лишь бы не попасть на Норфолк. Как Баркер, так и Фарнсворт неоднократно подвергались порке кнутом; Баркер как-то заработал в один день две сотни ударов. Однако порка была всего лишь одним из многих ужасов острова Норфолк. Баркер подвергся как-то даже так называемой «порке в трубе» — это когда деревянную затычку с крохотным отверстием, просверленным насквозь, вставляют в рот заключенному, чтобы ему почти невозможно было дышать. Еще ему делали «орлиную растяжку» — нечто вроде распятия, после чего Баркер несколько дней оставался парализованным. Фарнсворту доводилось провести несколько дней в «мокрой камере»: в специальную камеру наливали воды и

запирали там заключенного, который, находясь по пояс в воде, неминуемо тонул, если только засыпал и падал на пол. Гнусная, садистская сторона британской пенитенциарной системы достигла своего дьявольского расцвета именно на Норфолке, откуда ни одному заключенному не удавалось убежать.

Отбыв в конце концов положенный срок, эти двое были отправлены на Ван-Дименову Землю (в Тасмании), где они находились на положении условно освобожденных. Но как только Баркер и Фарнсворт оказались за тюремными стенами, они быстренько устроили побег и, подобно многим другим парням из Австралии, двинулись на золотые земли Калифорнии. Превращенные с помощью британской исправительной системы в жестоких скотов, они по прибытии в Сан-Франциско примкнули к одиннадцати тысячам таких же крутых парней из Австралии. Их тут прозвали «сиднейскими утками», а эти два слова вселяли ужас в сердца даже самых храбрых из калифорнийцев.

Когда Баркер и Фарнсворт достигли холма, они увидели на вершине дом Скотта Кинсолвинга. В окнах света не было, хотя сам особняк был хорошо виден, возвышаясь над склоном.

Фарнсворт тащил с собой галлоновую емкость лампового масла.

— Думаю, приятель, что эта работенка не окажется для нас очень уж пыльной.

— Ага, только вот этот проклятый ветер, — как бы нам заодно и весь город не спалить.

— Не впервой ему гореть. Слейд говорит, что пожар только повышает цену на землю.

Баркер прищелкнул языком, и под ревом северного ветра они начали подниматься на холм.

* * *

Кан До вместе с женой и детьми проживал в четырехкомнатном коттедже, который Скотт построил рядом со своим особняком. В тот момент, когда Кан До встал, чтобы помочиться в ночную посудину, через окно спальни он вдруг заметил какое-то мерцание.

— Пожар… — прошептал он, а затем, отпрыгнув от горшка, что было силы закричал: — Пожар!!!

Выбежав из дома в чем был, Кан До кинулся к пожарному колоколу, который предусмотрительно был повешен Скоттом. В практически деревянном городе пожар представлял собой настоящее бедствие. Одной из главных причин того, почему великий пожар на Рождество 1849 года

принес такой огромный ущерб, было почти полное отсутствие помп: только две помпы с ручным приводом, годные для тушения, имелись тогда в наличии. Чтобы исправить положение дел, после того пожара были сформированы пожарные команды добровольцев, причем у каждой такой команды был в пользовании колесно-приводной мотор для подачи воды. Пожарные волонтеры исповедовали корпоративный дух, не чужды они были и дружеского соперничества, и потому прилагали немало усилий, чтобы первыми добраться до места пожара, первыми его затушить. Где бы ни начался пожар, всех волонтеров сзывали удары Большого городского колокола, причем, особым образом ударяя в колокол, давали знать о местонахождении огня.

Штормовой ветер раздул пламя, но Кан До уже подобрался к колоколу, намереваясь привести в действие всю противопожарную систему города. Огонь уже охватил почти всю веранду и подбирался теперь к итальянской башенке. Кан До сильно дернул за веревку колокола, но к ужасу китайца, веревка лопнула и легко упала на землю. Кто-то позаботился перерезать ее, оставив всего лишь несколько нитей, с тем, чтобы при первом прикосновении веревка оборвалась. Сам колокол был укреплен на высоте приблизительно десяти футов — слишком высоко, чтобы можно было до него добраться без лестницы.

— Поджог! — закричал Кан До и побежал вверх по склону к особняку. На пределе голосовых связок он позвал: — Капитан босс! Кинсолвинг-тайтай! Горим! Спасайтесь! Пожар!!!

Поначалу Эмма решила, что все это ей снится: будто она находится в кухне, и из плиты идет дым. Затем она окончательно проснулась и поняла, что запах дыма ей вовсе не померещился. Она села на постели, протирая глаза. Взглянув в окно, Эмма увидела языки пламени.

— Скотт! — она потрясла мужа за плечо. — Скотт, проснись же!

— А?

— Здесь почему-то огонь!

Она выпрыгнула из постели, подбежала к окну и открыла его. В комнату с ревом ворвался ветер, растрепал ее волосы, задрал ночную рубашку. Эмма попыталась высунуться наружу, однако идущий от горящей веранды жар опалял лицо.

— Закрой окно! — крикнул ей Скотт. Он подбежал к двери спальни и распахнул ее. Огромные клубы дыма ввалились в комнату из нижнего холла. Эмма сильно хлопнула рамой, закрыв окно. «Не паниковать, — говорила она себе, — не паниковать!» Пронеслись мысли об Арчере, о

Стар…

Скотт набросил на плечи халат.

— Беги скорей из дома! — крикнул он Эмме, — Я возьму детей!

— Нет, нет, я с тобой!

— Беги же, я сказал! — взревел он. — И скорее, пока лестницы не обрушились!

Скотт выпихнул Эмму из спальни, затем сам последовал за ней. Нижний холл, имевший футов пятьдесят в высоту, был сейчас наполнен густым дымом. Эмма, оглядываясь, побежала по галерее в сторону лестницы, а Скотт орал что было мочи:

— Мадам Чой! Мы горим! Вытаскивайте детей! Пожар!!!

Скотт помчался по лестнице, ведущей на третий этаж, и как раз в это самое время распахнулась дверь детской, и полумрак дома прорезал луч света. Мадам Чой, в ночной рубашке с оборочками и в таком же ночном чепчике, выбежала с двумя детьми на руках.

— Мадам Чой, слава Богу! — воскликнул Скотт, одолевая последние ступени. — Давайте мне одного!

Ама начала тяжело спускаться по лестнице, кашляя от дыма. Один из детей заплакал. Когда Эмма оказалась на верхней площадке главной лестницы, она услышала, как во входную дверь позвонили. Она увидела также, что из-за двустворчатой двери, ведущей в столовую, валит дым и видны отблески огня. С упавшим сердцем она догадалась, что та часть дома тоже объята пламенем. Спускаясь по главной лестнице, Эмма увидела, как Кан До разбил стекло в одной из створок двери, просунул руку и изнутри открыл замок. Едва только он распахнул входную дверь, как в дом с ревом ворвался ветер.

— Тайтай! — крикнул Кан До, увидев на лестнице Эмму. — Благодарит Бога, вы о'кей…

— Закрой двери, Кан До! — крикнул Скотт, одолевший сейчас вместе с мадам Чой последние метры галереи второго этажа. Дети были у них на руках. — От ветра пламя разгорается еще больше!

И действительно, ворвавшийся ветер обратил столовую в пылающий ад. Огонь ворвался в главный холл, языки пламени, подобно оранжевым крысам, стремительно взобрались по деревянным стенам и через крышу выскочили наружу.

Натужно кашляя из-за густого удушливого дыма, мадам Чой вскрикнула и споткнулась. Упав на колени, она едва не выронила из рук Арчера.

— Господи!

Крепко держа Стар, Скотт начал было спускаться по лестнице, и только сейчас увидел, что произошло.

— Эмма! — крикнул он. — Возьми Стар!

Находившаяся на середине главной лестницы, Эмма стремительно взлетела по ступеням назад и взяла из рук мужа девочку. Скотт, не мешкая, ринулся на галерею, подбежал к мадам Чой, которая пыталась подняться на ноги.

Прижимая к себе Стар, Эмма поспешила вниз. Дым сейчас был столь густым, а пламя таким сильным, что Эмма непрерывно кашляла, а из-за рези в глазах почти ничего не видела.

— Кан До, помоги капитану боссу! — крикнула она.

Зажав нос платком, Кан До взбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. С галереи навстречу китайцу бежал Скотт с Арчером на руках. Увидев Кан До, он крикнул:

— Возьми ребенка! А я — за мадам Чой!

— Can do!

Кан До осторожно взял Арчера, а Скотт поспешил вернуться за ама, которая громко кричала от страха, не имея сил шевельнуться. Скотт увидел, как Эмма подбежала к входной двери и вышла на крыльцо. Жар сделался нестерпимым, поскольку стены пылали уже вовсю и пламя поднималось до самого потолка. Стеклянный потолок внезапно взорвался. Острые как бритва осколки посыпались градом. Эмма закричала, потому что крупный осколок едва не угодил в Кан До, когда тот почти уже ступил на последнюю ступеньку лестницы. Крушение стеклянного потолка было финальным аккордом: в образовавшуюся наверху дыру ворвался ветер и превратил дом в пылающий факел.

— Уходи, тайтай! — крикнул Кан До, устремляясь к двери.

— Скотт! — закричала Эмма. — Где ты?!

— Уходи!

Кан До потащил Эмму сквозь передние двери и пылающий ад веранды. Они выскочили на дорожку, когда за их спиной раздался ужасающий грохот. Эмма резко обернулась и увидела, как изо всех окон особняка вырывалось пламя.

— Скотт! — вновь крикнула она, пятясь от неимоверного жара. — Скотт!!!

Вдали раздались удары Большого городского колокола: жители города увидели наконец-то разверзшуюся на вершине холма преисподнюю. Ветер обрушил искры и горящие головешки на крыши домов, которые находились ниже по склону. Несколько домов загорелось. Все городские

пожарные команды начали действовать. Мальчики с факелами бежали впереди повозок с насосами, освещая путь, тогда как самим пожарным пришлось, как обычно, тащить насосные установки на Ринкон-Хилл с помощью канатов.

— Как бы опять не получился большой пожар, — сказал один из пожарных, стараясь перекричать ветер.

— Скотт!..

Эмма была близка к истерике. Дом представлял собой сплошной костер, нигде никаких признаков ни мадам Чой, ни Скотта. Кан До взял обоих детей и отнес их к дальнему краю бассейна, в котором отражался огонь.

— Тайтай! — крикнул он. — Идите сюда!

Очередной сильный порыв ветра сорвал часть крыши итальянской башенки, уже и так покоробившуюся от сильного жара. Огненный полог полетел в ту сторону, где находилась Эмма, но, пролетев у нее над головой, упал в бассейн.

Эмма не могла поверить в случившееся. Глядя на этот пылающий ад, она вдруг начала постигать ужасную истину: тот самый мужчина, которого она наконец полюбила, сгинул навсегда в печи, которая образовалась на месте их дома.

Эмма слышала отдаленный звук пожарных колоколов, слышала грохот отцовской коляски, подъехавшей к месту пожара. Эмма чувствовала, как отец обнимает ее, пытаясь привести в чувство, как Зита набросила ей на плечи свое пальто, чтобы защитить от ветра. Наконец пожарные команды подоспели на взмыленных лошадях. Крики пожарных, шипение водяных струй, похожих на гейзеры, фонтаны воды из шлангов обрушились на горящий дом… Эмма слышала, как возле нее чей-то голос произнес:

— Весь город бежит сюда…

Все это Эмма слышала, замечала, но все это проходило мимо нее.

— Я потеряла *его,* — прошептала она Зите, с трудом выговаривая слова. — Я потеряла Скотта. Как раз тогда, когда по-настоящему полюбила…

Уткнувшись в плечо Зиты, Эмма разрыдалась. Зита обняла ее и вспомнила тот день на борту речного парохода, когда Арчера Коллингвуда вырвали из жизни Эммы и сердце ее оказалось разбито. Теперь Зита чувствовала, как вновь разрывается от невыносимой боли сердце Эммы.

— Бедная вы моя, бедная… — сказала Зита. — Пойдемте к нам, вам нужно лечь в постель, пока вы не простудились.

— Какое это имеет теперь значение? — сказала сквозь слезы Эмма. —

Что вообще теперь имеет значение?!

Скотт, дорогой мой Скотт…

Словно во сне Эмма повернулась и пошла к экипажу; Зита и Феликс с двух сторон поддерживали ее. К Эмме подошел Кан До с детьми на руках; оба они, несмотря на шум и крики, каким-то непостижимым образом сумели уснуть. Эмма, нагнувшись, посмотрела на личики спящих, на которых отражалось затихавшее пламя пожара.

— Я была неправа, — понемногу выбираясь из похожего на транс состояния, сказала Эмма и протянула руки к детишкам. — Они имеют значение. И будущее имеет. Пожалуйста, Кан До, дай мне детей.

В воцарившемся молчании оба ребенка перешли к ней на руки. Эмма стиснула их в объятиях и поцеловала. Затем обернулась и посмотрела на пепелище.

— Скотт… — прошептала Эмма, и в глазах у нее появилось выражение твердой решимости. — Ты останешься жить в этих детях и в моем сердце. Дорогой, ты будешь гордиться своей семьей. Я все сделаю для этого. Будет, как ты хотел, королевская семья Калифорнии.

И Эмма снова поцеловала детей, а внизу под ней пылала едва ли не половина Сан-Франциско. М искры в ночном небе были похожи на брызги крови.

— Огонь расползается! Проклятье! — сказал Рик Бэрдуэлл, один из четырех ночных сторожей Торгового центра «Де Мейер и Кинсолвинг». Все четверо стояли на улице перед громадным зданием магазина и смотрели, как горит город.

— Ну и черт с ним! Отстроим Сан-Франциско еще раз, — сказал Стю Амори, другой сторож. — У нас это чертовски неплохо получается — города строить.

— Да, большая практика делает нас большими мастерами.

Ветер не позволял огню добраться до Портсмут-сквер; площадь была сейчас пустая и темная, если не считать нескольких огоньков в кафе «Бонанза». Большинство горожан сбежались на пожар и глазели на происходящее, так что Сан-Франциско оказался в этот час практически безлюдным.

Вдруг раздался выстрел, и пуля угодила в спину Рику Бэрдуэллу. Затем послышались еще выстрелы, и трое остальных сторожей оказались убиты прежде, чем успели сообразить, что происходит. Иные замертво, иные в предсмертной агонии, они упали перед магазином. Двенадцать «сиднейских уток» подскакали галопом и торопливо спешились. Один из

них сказал:

— У нас есть час, чтобы очистить магазин. Проверь, как там эти засранцы, не дышат? Ну, парни, пошевеливайтесь. У нас много работы.

Все бандиты, кроме одного, вошли в тихий и мрачный магазин, оставшийся снаружи, для верности выпустил в головы четырех сторожей еще по пуле. Лишь после этого он вбежал туда, где остальные уже разбили половину витрин и разнесли в пух и прах магазинчик Зиты.

— Погибло… — сказал Феликс. — Все погибло!

Стояло утро следующего дня. Повсюду были видны дымящиеся пепелища, и вонь от паленой шерсти висела над городом. Феликс стоял в середине главного зала первого этажа разграбленного Торгового центра. Слезы застилали ему глаза, когда он оглядывал магазин, полки которого еще совсем недавно ломились от множества чудесных товаров. Теперь же на месте былой красоты лежали груды разбитого стекла, повсюду — изуродованные витрины, разорванная одежда и кучи мусора.

— Все, чего нам удалось достичь с таким трудом, — сказал он, — все уничтожено.

— И сторожа, — сказала Зита, которая зарыдала при одном взгляде на свою модную лавку. — Все они мертвы. Не могу поверить, что такое бессмысленное насилие…

— Я — могу, — прервала Эмма, держа за руку отца; глаза ее покраснели от слез. — Это очень жестокий мир. Прежде я верила в романтику и шопеновские вальсы, но получилось так, что сначала этот мир убил мою мать, затем ваших детей, Зита. Пропал Арчер, меня пыталась отправить на тот свет Чинлинг, теперь вот погиб Скотт… Это очень жестокий мир, в котором выживают только сильные. Но, клянусь Богом, я буду сильной! Папочка, у нас есть страховка?

Феликс сжал дочь в объятиях.

— Дорогая моя Эмма, — сказал он, — тебе нужно нести свой собственный крест. Не беспокойся о делах, не волнуйся из-за бизнеса.

— А я беспокоюсь! Половина этого магазина теперь — моя. Так есть страховка?

Когда Феликс посмотрел на дочь, в глазах ее он не увидел слез, а увидел жесткость и проницательность, которые живо напомнили ему его покойную жену Матильду.

— Нет, — сказал наконец Феликс. — В Калифорнии не существует никаких страховых компаний, а с Восточным побережьем, где они имеются, мы еще не установили соответствующих связей.

— Страховки нет, — тихим голосом сказала Эмма. — Стало быть, все, что у меня осталось, это корабли и содержимое складов. Что ж, этого должно хватить…

— Хватить для чего?

— Чтобы восстановить все это, — Эмма обвела рукой разрушенный магазин. — Восстановить «Де Мейер и Кинсолвинг». И еще, может быть, основать страховую компанию. Беда постигла не только нас одних. Прошлой ночью выгорела половина Сан-Франциско. Такое здесь нередко случается. Люди захотят иметь страховку, а мы ее им как раз и предоставим.

Феликс взглянул на дочь.

— Что ты имеешь в виду, говоря «мы»?

— Вот что. Мой муж хотел создать в Калифорнии свою империю. И хотя его отняли у меня, я сильно подозреваю, что виновный в его смерти человек стоит и за ограблением магазина. — Эмма пристально посмотрела через распахнутую дверь Торгового центра в сторону кафе «Бонанза», которое располагалось как раз напротив через площадь. — Некий джентльмен заплатит за все, что он сделал.

— Эмма, если ты и вправду хочешь принять непосредственное участие в делах Скотта…

— Это решено! — отрезала она и повернулась к отцу. — Знаешь, лапочка, Кан До разыскал драгоценности, подаренные мне Скоттом. Они хранились в сейфе и потому совершенно не пострадали. Не мог бы ты продать их? Нам потребуется весь капитал, который мы только сможем наскрести.

— Но, полагаю…

— Зита, а вы подумайте, пожалуйста, сколько вам потребуется средств для того, чтобы открыть ваш магазин. Нам нужно открыть его через месяц, нет, через две недели.

— Но, Эмма, ты же леди! — воскликнул отец.

— Скотт никогда не был уверен на сей счет. А кроме того, я могу быть леди — что бы это ни означало — по вечерам и ночам. Скотт хотел империю, и он ее получит: я построю для него империю.

Тут она замолчала, подумав: «Да *Эмма*ли это говорит сейчас? Я ведь всегда жила только ради красивых мужчин, любви и модных нарядов…» В этот момент она вдруг поняла, что именно сейчас появляется на свет Божий настоящая Эмма, которую она всегда боялась. «Но чего бояться? — подумала она, чувствуя, как в душе крепнет уверенность. — Что плохого в том, чтобы быть сильной? И что страшного в том, что я собираюсь заняться

практическими делами? Ведь из того, что я родилась женщиной, вовсе не следует, что всю оставшуюся жизнь мне только и следует, что заниматься детьми да бытовыми мелочами».

— Да, и чем больше я размышляю по поводу страховой компании, — продолжила Эмма вслух, — тем больше мне нравится эта идея. Страхование против… этого… — Она заставила себя улыбнуться и тихо добавила: — Скотт, я сделаю так, что ты будешь гордиться.

Зита обняла ее.

— Мы сообща сделаем так, чтобы Скотт гордился.

Эмма сжала руку Зиты, потом руку отца.

— Да, мы сообща сделаем так, чтобы Скотт гордился.

Сидя в своем кресле, вознесенном на изрядную высоту, Чикаго обозревала происходящее в кафе «Бонанза». После пожара прошло два дня, и ее бизнес уже вернулся в обычное русло. Отхлебнув джина, Чикаго задумалась над способностью жителей Сан-Франциско восстанавливать душевное спокойствие. «Интересно, черт побери, сколько сил нужно приложить, чтоб вывести этот город из равновесия?» — спросила она себя, поглаживая перья на темно-зеленом сатиновом платье.

Она видела все вокруг: как раздетые до пояса официантки скользят по залу, как золотоискатели разрушают печень с помощью отвратительного пойла, а легкие — с помощью сигар и сигарет. «Хороший у меня бизнес, — подумала она, — но будь тут какое-нибудь профессиональное увеселение, дело бы только выиграло. Может, устроить сценическое шоу?..»

Внезапно шум в кафе стих. Все взгляды обратились к входной двери. Туда же посмотрела и Чикаго. То, что она увидела, как громом поразило ее.

В дверях одетая в потрясающее черное платье стояла Эмма Кинсолвинг. Откинутая на черную шляпу вуаль открывала белое как мел лицо. В обтянутых черными перчатками руках Эмма сжимала вышитую черным бисером сумочку.

В абсолютной тишине она вошла в зал и подошла к одной из полураздетых официанток.

— Слейд Доусон здесь? — спокойным голосом поинтересовалась Эмма.

Официантка нервно сглотнула; у нее было такое чувство, будто она совершенно голая стоит перед британской королевой.

— Да, мэм, он наверху с Летти.

— Летти — это кто?

— Его подружка, мэм. Одна из шлюх, работающих на Чикаго.

Несколько человек, стоявших возле стойки бара, при этих словах захихикали. Но стоило Эмме царственно повернуться к ним, как смех тут же умолк.

— Понятно, — сказала она. — Не будете ли вы столь любезны объяснить мне, как пройти в комнату Летти?

Официантка указала на лестницу.

— Вот туда, наверх, мадам. Кабинет «А». Оттуда прекрасный вид на площадь.

— Благодарю вас.

Грязные, пропахшие потом золотоискатели с замиранием сердца следили за тем, как элегантная вдова поднималась по лестнице на второй этаж. Перед ними предстал новый вид развлечения — демонстрация мод и того, что называется стилем.

«Кой черт, что у нее на уме?» — забеспокоилась Чикаго.

Занимаясь любовью с Летти Браун, хорошенькой пухлой шлюшкой из Небраски, Слейд все стремительнее, все быстрее двигал голыми ляжками, так, что в самой резкости его движений чувствовалось женоненавистничество. Собственно, Слейд не занимался любовью, а именно трахал. Он гордился своими взглядами на женщин и тем, как он держит себя с ними, хотя в глубине души ничего, кроме неприязни, к слабому полу не испытывал. По его мнению, женщины ни на что больше не годились, кроме постели и воспитания детей. Короче говоря, Слейд исповедовал утилитарное отношение к противоположному полу.

Они достигли оргазма одновременно, и Летти застонала. Слейд вышел из нее и закурил папиросу.

— Что ж, детка, сегодня ты была неплоха, — сказал он, выдыхая слова вместе с дымом.

— Премного благодарна, — усаживаясь на постели, ответила она. — Ты прямо-таки принц из сказки, от твоей лести любая девушка потеряет голову.

— А чего же ты хочешь, медаль?

— Может быть, — Летти спрыгнула с «ложа любви» и взяла со стула свое белье, тонкое, словно паутина. Она была блондинкой и обладала пышными формами. Слейд почесал волосатую грудь, глядя на нее с постели.

— Знаешь, а у тебя отменные титьки, — сказал он после некоторого раздумья. — Да и задница ничего. От нее сам Джордж Вашингтон загорелся бы.

— Ха, только Марте об этом не рассказывай.

Собрав волосы на макушке, Летти завязала их розовой ленточкой. Кабинет «А» был лучшей из всех «комнат любви»: тут имелись три окна, выходящие на площадь. Но обставлена она была дешевой, обитой ситцем мебелью, а хилые розочки усеивали обои, словно тараканы.

Летти повернулась к аферисту.

— Слейд, я думаю, что ты меня вовсе не любишь. В конце концов, я же не дура. Больше того, я вообще не уверена, что ты полюбишь когда-либо женщину, потому что ты, насколько я могу судить, вообще не способен любить. Но как бы то ни было, тебе следует серьезно задуматься о будущем, поскольку я ношу в животе твоего ребенка.

Густые черные брови Слейда сошлись на переносице.

— На понт берешь?

— Ничего подобного. И ты отлично знаешь, что ребенок твой.

Слейд знал, что она говорит правду. Как совладелец «Бонанзы», он всегда пользовался лучшим кабинетом, а именно в эту комнату поселил полтора месяца назад Летти как свою личную «гостью», сразу же условившись с Чикаго, чтобы никого из клиентов к Летти не посылали.

Затянувшись папиросой, След ухмыльнулся.

— Что ж, а это, должно быть, забавно — обзавестись ребенком! — сказал он.

— Ничего забавного нет, пока у ребенка не будет настоящего отца.

— Если ты закидываешь удочку на предмет того, чтобы я сделал тебе предложение, забудь об этом. Я не женюсь на шлюхе.

Она пожала плечами.

— Стало быть, он родится внебрачным ублюдком, потому что мне вовсе не светит делать аборт… — Летти оборвала себя, так как дверь комнаты распахнулась. — Эй, в чем дело, я извиняюсь?! — воскликнула она.

Эмма вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Слейд торопливо натянул простыню и уставился в ее аметистовые глаза. Когда Эмма подошла к постели, он загасил окурок.

— Извините, миссис Кинсолвинг, если бы вы постучали, я надел бы, по крайней мере, кальсоны.

Эмма вытащила из своей сумочки небольшой крупнокалиберный «дерринджер» и нацелила его в лицо Слейду.

— Если бы сейчас был жив мой муж, — сказала она, — и если бы он стал губернатором, то он учредил бы здесь надлежащую полицию, которая быстро бы управилась с таким подонком, как ты. Но поскольку ты убил

моего мужа, приходится мне быть орудием закона.

— Вон отсюда к чертовой матери!

Эмма приставила дуло ко лбу Слейда.

— Только не думай, будто он не заряжен.

Слейд застыл на месте: впервые в жизни он почувствовал ужас.

— Одну минутку! — торопливо прошептал он.

— Зачем? Разве две ночи назад ты дал нам эту «минутку»? И разве дал «минутку» сторожам, прежде чем убить их?

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Знаешь, очень даже знаешь! Я нажимаю на курок, Слейд Доусон. Я — твой палач.

— Господи! — Следа била крупная дрожь. — Летти, зови же на помощь!

— Поздно! Прощай же, ублюдок!

С этими словами Эмма нажала курок. Щелк! Летти вскрикнула.

Ничего не произошло.

Эмма убрала пистолет и отступила на шаг. Слейд Доусон покрылся холодным потом.

— Сука рваная! — взревел он. — Вонючая сука! До смерти перепугала!

— Что, собственно, и требовалось. Я бы не убила тебя. Но мне известно, что ты сделал, и так просто ты не отделаешься. Я сильнее тебя, Слейд Доусон! И всегда, покуда ты живешь в этом городе, ты останешься тем, что ты есть: дешевым, грязным, паршивым жуликом! Мразь! Одно из двух: либо Сан-Франциско будет городом для таких, как ты, либо он сделается городом для таких, как я. Сама же я ничуть не сомневаюсь, что в один прекрасный день именно ты уберешься из этого города.

Положив пистолет в сумочку, Эмма открыла дверь. Презрительно взглянув на Летти, одарила напоследок Слейда Доусона поистине убийственным взглядом и вышла, хлопнув дверью.

— Ничего не понимаю, что здесь произошло? — спросила Летти.

— Мразь… — прошептал Слейд, переводя взгляд с закрытой двери на Летти. — Она обозвала меня мразью!

— Что ж, давай будем откровенны, миленький. Ты ведь и вправду не из тех, кого Папа Римский когда-нибудь пригласит в коллегию кардиналов.

С воплем раненого зверя Слейд соскочил с кровати, сграбастал Летти и уже занес кулак, чтобы ударить.

— Ребенок! — взвизгнула она.

При этом слове Слейд замешкался, потом медленно опустил руку.

Ребенок. Его ребенок.

Мразь…

Чикаго не раз повторяла, что нужно становиться респектабельнее.

— Извини, — сказал он и погладил ее плечо.

Респектабельнее… Сын…

Он взглянул на дверь, думая об Эмме. Вот она-то была респектабельной, черт бы ее побрал! Может быть, таким и окажется будущее Калифорнии…

— О чем задумался, миленький? — спросила Летти, положив ладонь ему на грудь.

Он вновь посмотрел на нее. «Черт побери, ведь у меня же есть деньги, — подумал он. — Но вот вопрос: женившись на этой шлюхе, смог бы я выдавать ее за леди? Бог знает. В Сан-Франциско все возможно…»

Глава десятая

— Насколько мне известно, у вас здесь находится заключенный по имени Арчер Коллингвуд? — спросил одноглазый мужчина.

Начальник тюрьмы штата Огайо Эдвард Ридли подался чуть вперед и водрузил на нос пенсне.

— Да. Номер 4162. Рад сообщить вам, что после весьма неудачного начала, когда пришлось его даже в одиночке подержать немного, он стал образцовым заключенным. Он уже заработал себе месяц, который будет вычтен из срока его заключения. Более того, я бы с удовольствием представил его на условное освобождение. Его влияние на других заключенных тоже образцовое. У него был очень тяжелый сокамерник — индеец по имени Джо Тандер, но, как мне доложили надзиратели, Коллингвуд сумел так повлиять на индейца, что тот начал подчиняться всем требованиям системы. Так что я рад сообщить, что две недели назад Джо Тандер был условно освобожден. — Начальник тюрьмы прочистил горло. — Как начальнику здешней тюрьмы, мне особенно приятно видеть, что наша исправительная система действует.

Единственный глаз Одноглазого был полон смертельной тоски.

— Да, вы правы. Однако этот Коллингвуд известен некоторым весьма влиятельным людям в Калифорнии. Известно, что его моральные качества оставляют желать много лучшего. Кроме того, этого Коллингвуда подозревают также в совершении ряда тяжких преступлений, за которые он не понес решительно никакого наказания. К сожалению, характер совершенных им преступлений таков, что доказать что-либо определенное в суде практически невозможно. Следовательно, в интересах некоторых

влиятельных людей в Калифорнии — равно как и в интересах правосудия — было бы увеличить срок нахождения Коллингвуда за решеткой по крайней, мере еще на пять лет.

Начальник тюрьмы явно выглядел изумленным.

— Мой дорогой мистер Фонтен, но это невозможно!

Одноглазый вынул из кармана пиджака мешочек с золотом, которое он вез в Огайо из самой Калифорнии, и, ни слова не говоря, положил на стол. Начальник тюрьмы взял мешочек, заглянул внутрь, затем перевел взгляд на одноглазого посетителя, сидевшего по другую сторону стола, и глубоко вздохнул.

— Разумеется, — сказал он, — иногда бывают экстраординарные обстоятельства, которые блокируют обычные каналы отправления правосудия… — Он положил мешочек с золотом в один из выдвижных ящиков стола. — Передайте вашим друзьям в Калифорнии, мистер Фонтен, что этот Арчер Коллингвуд будет наказан за… — он снова прочистил горло, — за свои… кгм… преступления.

У Одноглазого хватило такта воздержаться от комментариев, а бывший член городской управы города Кливленда даже глазом не моргнул.

Чтобы противостоять ужасу тюремной жизни, Арчер должен был использовать все возможности своего богатого воображения. Он создал в мыслях свой романтический мир, в котором главным действующим лицом была прекрасная Эмма. Реальность же так называемой «образцовой тюрьмы» была невероятно грязной, пронизанной коррупцией и содомией. В обстановке насильственного молчания накапливалась и требовала выхода мрачная жестокость, которая еще более усиливалась от скованных кандалами маршировок по гнетущим коридорам тюрьмы. Надзиратели, большинство из которых прямо-таки упивались своей властью, делали и без того ужасную жизнь заключенных еще более невыносимой, причем особенно это касалось тех, кто не был в состоянии им платить. Среди заключенных было хорошо известно, что всех без исключения тюремщиков — от нижних чинов до святоши-начальника — можно подкупить.

У Арчера не было денег, чтобы откупиться от надзирателей, и потому первые после освобождения из одиночки месяцы они беспрерывно издевались над ним и пытались запугать. Особенно усердствовал рябой сержант Вулридж, у которого красивый парень-фермер вызывал какую-то особую садистскую ненависть. Однако Арчер не поддавался на провокации и не шел на какое-либо нарушение тюремного распорядка. Он зарабатывал себе дни, которые впоследствии будут вычтены из его срока. Каждый такой

день оказывался еще одним шагом к свободе и к Эмме. По мере того как медленно, с их отвратительной кормежкой и отупляющим однообразием протекали день за днем, мысли об Эмме удерживали Арчера в здравом уме.

Из-за необходимости постоянно молчать трудно было познакомиться с другими заключенными, кроме сокамерника, а именно это было и одним из правил внутреннего распорядка. И хотя пытка молчанием была одной из самых угнетающих, многие заключенные предпочитали ее другой системе, которая практиковалась тогда в пенитенциарных заведениях Америки, — так называемой «филадельфийской системе», по которой заключенные содержались в отдельных камерах, причем тюремной охране не сообщались ни их имена, ни даже их преступления. Иные уверяли, что самое ужасное было в том, что всякий раз, когда заключенного выводили поразмять ноги, ему на голову в обязательном порядке надевали светонепроницаемый мешок. Но если «обернская» система, практикуемая в тюрьме штата Огайо, и была лучше, то разве только самую малость. Заключенные чувствовали себя совершенно изолированно от внешнего мира и из-за вынужденного молчания всегда находились в подавленном настроении.

Если что и было в такой системе хорошего, так разве только то, что Арчер и Джо Тандер, находясь в одной камере, стали душевно близкими людьми. По мере того как один месяц заключения сменялся другим, они шептались друг с Другом о прошлой жизни, делились надеждами и планами на будущее. Это была странная дружба, однако условность прежней жизни и беспросветность существования в тюрьме делали ее чувством сильным и глубоким. Арчер поверял Джо свои сны, в которых видел Эмму, а Джо рассказывал Арчеру о тех снах, в которых ему являлась индеанка по имени Розовый Восход. Они вместе отмечали в самодельных календарях всякий прожитый день и жаловались друг другу на ужасную кормежку. Поскольку на воле Джо работал мойщиком посуды и отчасти был знаком с некоторыми подробностями процесса приготовления пищи, он поведал Арчеру отвратительные подробности работы тюремных поваров.

В общем, когда Джо был условно освобожден, Арчер испытал смешанные чувства. С одной стороны, он был рад тому, что друг получил наконец свободу, пусть и условно, с другой стороны, утрата Джо повергла Арчера в отчаяние.

— Ничего, все будет о'кей, ведь скоро и тебя выпустят, — сказал Джо в ночь перед выходом на свободу. — И тогда-то мы с тобой и двинем в Калифорнию, где устроим двойную свадьбу: я женюсь на Розовом Восходе,

а ты на Эмме.

— Конечно! — ответил Арчер и выдавил из себя улыбку.

— На сколько тебе должны скостить срок?

— Восемнадцать дней.

— Черт, Арчер, через пятнадцать месяцев тебя вполне могут освободить условно. А что такое, в конце концов, каких-то жалких пятнадцать месяцев?

— Да, конечно…

— Знаешь, старик, я стольким обязан тебе. Ведь пока ты не надоумил меня вести себя здесь так, чтобы скостили срок, я был всего-навсего психованным индейцем. И я очень тебе благодарен. Запомни, Джо Тандер не забудет сделанного ему добра. Буду навещать тебя каждый месяц.

Когда Джо был выпущен, Арчер улегся на верхнюю койку и невидящим взглядом уставился на потолок. «Пятнадцать месяцев… — говорил он себе. — Но я выдержу, они не сумеют сломать меня! Однако без Джо будет весьма непросто…»

Через три дня после того, как Джо освободился, Арчеру дали нового, смирного на вид сокамерника, в прошлом бухгалтера, который присвоил пятнадцать тысяч долларов из денег одного клиента. Этот низкорослый, с печальными глазами человек по имени Симмонс имел обыкновение перед сном плакать и молиться за здравие супруги и троих дочерей; ни его слезы, ни его молитвы, понятное дело, не могли поднять Арчеру настроение.

Угнетающая рутина тюремного распорядка нарушалась только по воскресеньям, когда часовая церковная служба в тюремной церкви нарушала монотонность существования заключенных. Сержант Вулридж, который был известен всей тюрьме как отъявленный взяточник, напускал на себя смирение, бубнил что-нибудь из Библии и исполнял на органе псалмы, что выглядело весьма своеобразно, потому как пункт тюремных правил об обязательном молчании не позволял заключенным даже подпевать. Остальные же дни тюремной жизни были бесконечными, как звездное пространство над головой.

Подъем в шесть, завтрак в шесть тридцать. Затем, с закованными в кандалы ногами, — развод по различным мастерским, в одной из которых с семи до полудня Арчеру приходилось стирать одежду заключенных. С полудня до часу дня — безмолвный обед. С часу до двух — безмолвная прогулка в тюремном дворике. С двух до шести вечера опять нужно было работать. В семь — безмолвный ужин. В восемь выключали свет. Бриться и мыться заключенным полагалось трижды в неделю, причем никаких

личных бритв иметь не разрешалось. Льняное исподнее и чистые униформы полагались каждому дважды в месяц.

К смене белья и имел самое непосредственное отношение Арчер. Однажды, укладывая очередную груду грязного белья в бак со щелоком, Арчер увидел, что в прачечную вошли сержант Вулридж и еще двое надзирателей. Все трое направились к нему.

— 4162, — гаркнул Вулридж, — тебя требует начальник тюрьмы. Надеть ему наручники!

К удивлению Арчера, один из надзирателей схватил его за руки и обхватил запястья стальными браслетами. Арчер хотел воскликнуть: «Что случилось?» — однако же, наученный за полтора года молчать, вовремя прикусил язык. Его вывели из прачечной и по бесконечным коридорам повели в офис начальника тюрьмы. Перед столом начальника ему было приказано остановиться. Симмонс стоял в углу кабинета, его заметно трясло, а правая рука была перевязана.

— Коллингвуд, — сказал Ридли, снимая пенсне. — Симмонс заявляет, что ты напал на него с ножом.

От крайнего изумления глаза Арчера расширились. Начальник тюрьмы показал ему грубо сработанный нож.

— Сержант Вулридж обнаружил это у тебя под матрасом. Ты сделал нож в прачечной? Можешь говорить.

— Нет, сэр. Все это чудовищная ложь.

— Значит, ты обвиняешь сержанта Вулриджа во лжи?

— Да, сэр.

— Скажи, Симмонс, правда ли, что Коллингвуд напал на тебя в камере с ножом?

— Да, сэр, — сказал из угла кабинета Симмонс.

— Врешь! — крикнул Арчер. — Я ничего подобного не делал!

— Молчать! Я не давал тебе разрешения говорить! В общем, я вижу, Коллингвуд, что ты — опасный бунтовщик, и, следовательно, я аннулирую все время, заработанное тобой ранее. Можешь также распрощаться с мыслью об условном освобождении. Кроме того, я обсуждал твой случай с отделом наказаний, и они согласились с моим предложением добавить к твоему сроку еще пять лет.

— Нет!!!

— Молча-ать! Будешь отбывать здесь полных десять лет, при этом даже и мечтать не смей о досрочном освобождении. А за нарушение тишины начать свой срок тебе придется с месяца одиночного заключения. Увести его!

Когда двое надзирателей схватили Арчера за руки, его едва не вывернуло наизнанку. И только сейчас он начал осознавать грубую реальность происшедшего: напрасны мечты о досрочном освобождении, зря он ишачил, получается. То единственное, ради чего он пытался здесь выжить, у него вдруг грубо и немилосердно отняли.

— Но все это сплошная ложь! — закричал он. — Вы подстроили все это! Вы и Вулридж! Вы сговорились с Симмонсом…

— Два месяца одиночки! — рявкнул Ридли, поднимаясь. — Вывести его из кабинета!

— Все это ложь! — кричал Арчер, пытаясь вырваться из рук надзирателей.

— Три месяца!

— Я невиновен!

— *Четыре месяца!!!*Четыре месяца одиночного заключения, а если ты посмеешь произнести еще хоть слово, я упрячу тебя туда на год.

Арчер уставился на Ридли, тогда как сержант Вулридж с гадостной ухмылкой сжал кулак и изо всей силы ударил Арчера в солнечное сплетение, после чего добавил дубинкой по голове.

Он был в прекрасном бело-золотистом коридоре. Из-за невидимой двери струился туман, сквозь распахнутые окна, играя белыми газовыми занавесками, внутрь проникал приятный теплый ветерок. Было такое ощущение, словно он плывет по комнате по направлению к далекой двери. Откуда-то доносились звуки оркестра, исполнявшего медленный нежный вальс.

Когда расстояние до двери сократилось, музыка стала громче. Сами собой обернулись вокруг тела занавески, легкие и полупрозрачные, приятно ласкающие кожу. Дверь медленно раскрылась — и он увидел Эмму, прекрасную, как мечта.

Эмма была в красивом серебристом платье. Он протянул к ней руки, и она раскрыла свои объятия навстречу ему. Но в тот самый миг, когда он хотел прижать ее к себе, что-то случилось, и он вдруг оказался в водовороте тяжелой черной воды. Поток завладел и понес, совершая большие круги — один, еще один… Вода затягивала его все глубже, он пытался хоть за что-нибудь ухватиться, чтобы не утонуть. И тут раздался смех — смех сержанта Вулриджа. Из воды проступило лицо начальника тюрьмы Ридли, затем из этого же черного водоворота выглянуло понуро-смиренное лицо низенького Симмонса. Они оба хохотали, а его все глубже затягивало в водоворот, где было холодно и сыро.

Он пробудился в одиночной камере. Темнота. Совершенно голый, свернувшись калачиком, лежал он на каменном полу. Сыростью оказался обильный пот, выступивший на теле, поскольку в одиночке было ужасно жарко. От удара дубинкой голова прямо-таки раскалывалась. Когда Арчер попытался сесть, сильная боль молнией пронзила мозг. Воспоминание о месяце, однажды уже проведенном в такой же камере, нахлынуло на Арчера: ужас одиночества, клаустрофобия, тишина, невозможность отличить день от ночи…

Четыре месяца…Воспоминание об этом ударило посильнее, нежели дубинка Вулриджа.

— Я не выдержу, — прошептал он.

Десять лет. И ни малейшего шанса на досрочное освобождение.

— Я не смогу… Не вынесу!

Арчер на четвереньках стал ползать по камере, поскольку потолок не позволял ему распрямиться в полный рост. Только и оставалось, что метаться, словно зверь в клетке.

Привыкнув к темноте, глаза начали различать в металлической двери камеры крошечные дырочки, через которые проникали лучи света. Протянув правую руку, Арчер ладонью провел по металлической поверхности: сталь была горячей.

Четыре месяца… Десять лет… без шанса на условное освобождение. Без какого бы то ни было уменьшения срока.

— Я не вы-дер-жу! — крикнул Арчер и принялся колотить в дверь кулаками. — Идите все к черту! Я не буду принимать пищу! Я подохну! Мне теперь уже решительно наплевать! Такая жизнь не стоит того, чтобы жить!

Бессильно опустившись на пол, Арчер уткнулся лицом в ладони и зарыдал.

Эмма…

И опять до него донеслась мелодия вальса, звучавшего где-то далеко. Сейчас Арчер танцевал с Эммой, они вместе скользили в тумане. Эмма была такой прекрасной, а ее аметистовые глаза лучились любовью и теплотой. Эмма…

Темнота и духота одиночной камеры.

Вальс под легкую приятную музыку.

Арчер более не отдавал себе отчета в том, где он сейчас находится. Его это не волновало. Он хотел умереть, отправиться в рай и в том раю воссоединиться с Эммой.

Эмма и была его раем.

Глава одиннадцатая

Джо Тандер думал о себе как об индейце только в том смысле, в каком швед или итальянец думают о себе как об европейцах. Джо был из племени шоуни или, как его еще иногда называли, из племени шауа-но. Это было одно из племен алгонкинской народности, куда входили также племена кикапу, потауатоми и могущественное племя чиппеуа. Родным его языком был один из алгонкинских диалектов, хотя сам Джо думал о себе как о шоуни. Полвека назад его дед воевал бок о бок с легендарным вождем племени шоуни Текумсе, тем самым, которому принадлежала заслуга объединения среднезападных и южных племен в единую конфедерацию с целью защиты своих земель от вторжения бледнолицых. Речь шла о тех самых землях, которым впоследствии суждено было стать штатами Огайо, Индиана и Кентукки. Текумсе был таким же великим воином, как его брат тен-скатавэй — великим врачевателем. Однако же Текумсе был обречен точно так же, как были обречены двести пятьдесят племен, населявших Северную Америку. В войне 1812 года он поддержал англичан, думая, что они являются естественными союзниками в борьбе индейцев против бледнолицых американцев. Поддержал — и был убит в одном из сражений.

Текумсе не суждено было знать, но дело его уже тогда было проиграно. В год его смерти Саук и Фокс подались на Запад через «Великую Воду», как индейцы называют Миссисипи, и вслед за ними белые люди валом повалили на Средний Запад. Во время своей военной карьеры Эндрю Джексон, известный среди индейцев под именем Острый Нож, убил множество чероки, чоктау, криков и семинолов. Однако, став президентом, Острый Нож способствовал принятию закона, согласно которому все земли к западу от Миссисипи становились индейской территорией. Большинство северных племен, таких, как шоуни, майами, оттава, гуроны и дэлаверы, были оттеснены на запад. Но белые уже пересекали Миссисипи, а обнаружение золота в Калифорнии вообще превратило принятый закон в фарс. Тысячи и тысячи белых вторглись на земли индейцев, не заботясь о том, какая судьба ожидает краснокожих. Некогда чрезвычайно гордое племя шоуни существенно сократилось: умерли от болезней, от тяжелых условий на новом месте, от пьянства, или же были убиты в драке, так что скоро от всего племени осталось разве что тысяча двести человек. Там, где некогда индейцы во множестве населяли плодородные равнины в Огайо, где они гармонично уживались с природой, теперь даже могильных холмов было не сыскать.

Джо Тандер оставался одним из очень немногих шоуни в Огайо.

Вместе с несколькими соплеменниками — или «приятелями», появилось такое новое слово — он медленно, но верно спивался: алкоголизм стал подлинным проклятием краснокожих. Перед тем как угодить в тюрьму, Джо некоторое время работал мойщиком посуды в занюханном отеле в Коламбусе — днем работал, а вечером торчал в отвратительном баре под названием «Железнодорожный салун».

После освобождения из тюрьмы он выяснил, что Розовый Восход умерла от чахотки, а он, будучи индейцем, да вдобавок индейцем с тюремным прошлым, не может получить никакой работы. Оказалось также, что единственный оставшийся в живых родственник Джо, его родной дядя, куда-то бесследно исчез, вероятно подался на Запад.

Прошло совсем немного времени, и Джо вернулся в «Железнодорожный салун». Ему нравился этот бар не только потому, что владельцем его был добродушный человек, в прошлом — раб, отпущенный хозяином на волю, по имени Такер; не только потому, что Такер позволял Джо пить в долг, но еще и по той причине, что индейцам, как и американским чернокожим, просто некуда было больше податься. Бары, рестораны, библиотеки, отели и театры были исключительно для белых американцев.

— Новость об Арчере, — сказал однажды утром Такер, наполняя Джо первый за этот вечер стакан. — И новость вовсе не добрая.

— Да? А что такое?

— Его бросили в одиночку на четыре месяца и прибавили еще пять лет отсидки. Говорят, он кинулся с ножом на сокамерника.

Глаза Джо наполнились ненавистью.

— Это гнусная ложь! Арчер отличный парень! Он не нападет ни на кого!

— Поговаривают, будто какой-то Одноглазый из Калифорнии хорошенько заплатил начальнику тюрьмы.

Джо взял стакан пойла, затем с грохотом поставил его на стойку: сегодня он не будет пить.

— Я должен спасти Арчера, — пробормотал он сквозь зубы.

— Братья, белый человек обмазал наш народ дерьмом с ног до головы, — говорил он вечером того же дня на своем алгонкинском наречии. — Однако отсюда вовсе не следует, что будто все белые одинаково плохи. У меня был в тюрьме сокамерник, Арчер, и за время, что я провел с ним, я узнал и полюбил его. И я готов отдать за него жизнь.

— Почему? — спросил Чарли Красное Облако, наливая себе чашку

кофейной гущи из помятого оловянного чайника. Он и еще трое индейцев-шоуни сидели за деревянным столиком в однокомнатной лачуге Чарли на окраине городка Коламбус. Чарли, лучший друг Джо из числа индейцев-шоуни, дал ему взаймы полсотни долларов, на которые Джо теперь и существовал. Чарли и Том Одинокий Волк, каждому из которых было по двадцать лет, были единственными из присутствующих, которым удалось найти работу.

— Потому что Арчер научил меня играть по тюремным правилам, — ответил Джо Тандер, — и, только научившись этому, я смог раньше времени выйти на волю. Наверняка против Арчера имел зуб начальник тюрьмы. Мой приятель молод и крепок, однако же никто не сможет выдержать четыре месяца в тюремной одиночке. Я говорю так потому, что сам провел там целый месяц и чуть не свихнулся. Потому-то я и собираюсь вытащить Арчера, но мне нужна ваша помощь. Согласны ли вы помочь мне?

Чарли Красное Облако, поставив чайник на плиту, спросил:

— Как же мы сможем вытащить человека из тюряги? Ведь никому еще не удавалось оттуда сбежать, там семьдесят охранников, и все они вооружены.

— Я знаю эту проклятую тюрьму как свои пять пальцев. Есть способ вытащить его оттуда. Поверьте, я все уже отлично рассчитал, но мне нужна ваша помощь.

Четверо шоуни переглянулись. В обычный день к этому времени все они давно были бы уже в стельку пьяны. Однако Джо настоял на том, чтобы пили только кофе, пока не выслушают его.

— Не знаю, — сказал Том Одинокий Волк, индейское имя которого было Гуипаго. — Может, ты и придумал самый лучший в мире план, но вся эта твоя затея кажется мне опасной.

— Конечно, она опасная. Вспомните, как наши деды воевали под предводительством Текумсе — это тоже было опасно.

— Да, и они потерпели поражение, — заметил Белый Конь.

— Почему я обязан рисковать ради него головой? — спросил Бьющаяся Птица, четвертый из тех, кто принимал участие в разговоре.

— Потому, — ответил Джо, — что белый человек больше не боится нас. Он думает, что разделался с нами.

— Может, так и есть… — заметил Белый Конь.

— Да, так и есть! — крикнул Джо Тандер. — Он и так уже все отобрал у нас! Конечно, в тюрьме я играл по правилам, придуманным белым человеком. Но это лишь для того, чтобы выжить. А если мы и за пределами

тюрьмы будем играть по его правилам, то непременно потерпим поражение. Посмотрите, сколько племен уже исчезли с лица земли: пекоты, неррагансетты, могикане. Больше скажу, теперь уже и мы исчезаем! Белый человек ненавидит природу. Посмотрите, как он превращает нашу прекрасную землю в фабрики и грязные свалки! Мы тут прожили тысячелетия — и никогда не причиняли зла природе. Белый человек живет здесь всего сотню лет — и черт знает во что превратил этот край! Он говорит, чтобы мы отправлялись на Запад, мол, Запад отдается нам. Мы идем на Запад, и что же дальше? Приходит белый человек и говорит, чтобы мы убирались еще западнее. Что будет, когда мы доберемся наконец до Великого Западного моря? Нам что же, останется тогда прыгнуть в воду и утонуть — так, что ли?! Говорю вам, единственная надежда — сделать так, чтобы белый человек опять начал нас бояться. И первый шаг к этому — напасть на эту их огромную омерзительную тюрьму и освободить одного белого у них из-под носа, черт бы их всех побрал! Мы сделаем из них дураков! И может случиться так, что наши братья-индейцы по всей стране узнают о том, как пятеро отважных шоуни забрались в каторжную тюрьму Огайо. И, может быть, эта новость заставит наших братьев вновь почувствовать гордость. Может статься даже, что наши братья начнут борьбу!

Слова Джо имели электризующий эффект.

— Возможно, ты прав, Джо, — сказал Белый Конь. — Настало время ударить по ним как следует. Выйти снова на тропу войны и вмазать белому человеку!

— Ага, мне эта идея нравится, — сказал Том Одинокий Волк. — И какой же у тебя план?

— Прежде всего, нам необходимо оружие…

Глава двенадцатая

В четыре часа утра пятеро индейцев шоуни галопом мчались по залитой лунным светом дороге — мимо леса, мимо наскоро сколоченных фермерских лачуг, — мчались в сторону сонной деревушки под названием Бексли. Вся она состояла из одной грязной улицы в два квартала длиной, вдоль которой располагались невзрачные деревянные халупы. Одетые в национальные одежды из оленьей кожи, индейцы были разукрашены традиционной военной росписью.

Осадив лошадей и спешившись, они направились к магазину под вывеской «Охотничий магазин Макгарди». Джо Тандер камнем выбил окно, шоуни забрались внутрь и захватили выставленные для покупателей

охотничьи ружья и четыре коробки с патронами. Погрузив все это на лошадей, всадники умчались в ночь.

Огромные стальные ворота тюрьмы медленно открылись створками внутрь, и белый фургон, на боку которого было написано «Х. Нормамби и сыновья. Поставка отличного мяса», вкатился в тюремный дворик. Двое охранников обменялись приветствиями с возницей Лек-сом Тернером, затем подошли к задней части фургона и открыли дверцы. Было жаркое утро, и потому особенно приятной была прохлада, которая исходила от большого количества колотого льда. Надо льдом на специальных крюках висели мясные туши, которые и были наскоро осмотрены охранниками. После этого дверцы фургона были вновь закрыты.

— Все в порядке, Лекс, — сказал один из охранников.

И влекомый четверкой лошадей фургон двинулся к тому крылу здания, где размещалась кухня. Охранники закрыли тюремные ворота, тотчас же позабыв о фургоне. Да и что о нем думать? Фургон с мясом приезжал дважды в неделю, и это повторялось уже давно.

В жарком синем небе медленно кружили два ястреба, разглядывая с высоты зубчатые тюремные стены. На восьми дозорных вышках несли дежурство шестнадцать охранников, вооруженных ружьями «Миссисипи» пятьдесят четвертого калибра. Известные еще с 1841 года, эти ружья, нашедшие широкое применение во время Мексиканской войны, уже устарели. А карабины «Шарп» пятьдесят второго калибра, украденные шоуни четыре часа назад, по иронии судьбы были едва ли не самым последним словом ружейного искусства.

Мясной фургон подкатил к двери, расположенной рядом с кухней и используемой специально для разгрузки провизии. Эту дверь открыли двое заключенных и замерли, увидев невероятную картину: четверо индейцев-шоуни в военной раскраске нацелили им в головы четыре карабина. Заключенные, пятясь, отступили в кухню, и в это же самое время индейцы бесшумно вылезли из фургона. Бьющаяся Птица остался на страже внутри. Просунув ствол карабина в специальное маленькое оконце, он держал под прицелом затылок Лекса Тернера. После того как пришлось прятаться за колотым льдом, шоуни изрядно продрогли и все еще не могли согреться, но кухонный жар очень быстро помог им.

Джо Тандер, который в этом самом помещении три года мыл грязные тарелки, знал, что требование к заключенным хранить молчание сыграет им на руку. Двигаясь со слаженностью часового механизма, Белый Конь и Одинокий Волк обошли кухню и обнаружили единственного надзирателя и

донельзя перепуганного тюремного ревизора, в то время как Чарли Красное Облако и Джо Тандер спустились в подвал.

Джо рассчитывался на элемент внезапности. Ему было хорошо известно, что тюрьма строилась так, чтобы исключить любую возможность побега, и отчасти поэтому тюремное начальство не предполагало, что сюда может войти кто-то посторонний.

Двое шоуни беззвучно двигались по коридору подвала. Они направлялись сейчас в помещение для надзирателей, поскольку ключи от камер находились у надзирателей на поясе. Джо Тандеру было хорошо известно, что сержант Вулридж будет в караулке один, так как издавна было заведено, что всякий раз, когда в тюрьму доставлялась очередная партия свежего мяса, пять процентов его — причем отменного качества — ревизор приносил Вулриджу, который должен был распределять мясо между надзирателями. Это была одна из форм незаконного приработка, и за многие годы она получила как бы статус традиции. Джо Тандеру было также известно, что именно у Вулриджа находятся ключи от одиночных камер.

Вулридж, китель которого был сейчас расстегнут у шеи, сидел на диване и читал газету, попивая кофе. Когда он оторвал от газетной страницы глаза и поднял голову, то увидел, что прямо ему в лицо направлены ружья двух индейцев-шоуни.

— Только пикнешь, — прошептал Джо Тандер, — и твой череп окажется на другой стороне луны. Если понял, кивни.

Вулридж утвердительно кивнул. В караулке никого сейчас не было, потому что происходившие дважды в неделю встречи с ревизором старались держать в тайне.

— Давай ключ от камеры Арчера, — сказал Джон.

Трясущимися руками Вулридж отстегнул от пояса всю связку ключей, причем руки его так тряслись от страха, что было очень непросто отделить требуемый ключ. Наконец это удалось, и Вулридж протянул ключ Джо.

— Каким ключом открывается коридор, где одиночки?

Вулридж протянул Джо еще один ключ.

— Пойдешь с нами, рябой ублюдок! — прошипел Джо и рывком поставил Вулриджа на ноги. — И помни: теперь правило молчания распространяется на тебя.

Вместе с Чарли Красным Облаком они повели Вулриджа к двери. Пока что все шло вполне гладко, но теперь — и Джо понимал это — многое будет зависеть от удачи. Из подвала, находящегося под кухнями, теперь следовало перейти в подвал под тем крылом здания, где находились

камеры. Именно там, под крылом «А», как раз и находились одиночки, спрятанные с глаз подальше. Обычно в подвалах никого не было, однако же с уверенностью сказать это было нельзя. Когда трое мужчин быстрым шагом шли по длинному каменному коридору, сердце Джо от волнения и страха готово было выпрыгнуть из груди. Но примешивалось сюда и чувство неуемной радости: ведь они сейчас делали из белых форменных идиотов.

Удача сопутствовала им. Они сумели добраться до решетки, отделявшей одиночные камеры, и при этом никого из охраны не встретили. Джо проворно открыл замок и втолкнул Вулриджа в мрачный, с застоявшимся тяжелым запахом коридор, по одной стороне которого размещались низкие стальные двери, ведущие в одиночные камеры.

— В которой тут Арчер? — прошептал Джо.

Вулридж указал на одну из дверей. Джо подбежал, открыл замок и распахнул дверь.

— Арчер, это я, Джо. Выходи скорее! — Повернувшись к Вулриджу, Джо приказал: — Снимай свою форму, быстро!

Надзиратель начал было что-то говорить, но Чарли Красное Облако ударом приклада по шее заставил его заткнуться.

— Делай, как сказано, белый!

Дрожащими пальцами Вулридж стал расстегивать китель.

— Арчер, ну где ты там?! Мы пришли, чтобы вытащить тебя из этой дыры.

Плотно зажмурив от внезапного света глаза, Арчер на карачках выбрался из камеры.

— Отдашь ему свою одежду, — приказал Джо Вулриджу, — потом сам отправишься в эту гребаную одиночку!

Вулридж, оставшийся в одном исподнем, раскрыл рот. Джо помог Арчеру подняться, а когда тот наконец-то встал, сунул ему в руки униформу Вулриджа.

— Надевай это на себя, да побыстрее!

Чарли Красное Облако подтолкнул Вулриджа к распахнутой двери камеры и пнул ногой в зад.

— Залезай туда, белый! Считаю до трех, или худо будет!

Вулридж проворно нырнул в одиночку. Чарли Красное Облако захлопнул за охранником дверь и запер на замок. Арчер, щурясь от яркого света, натягивал брюки Вулриджа.

— Здесь еще двое, — прошептал — он. — В третьей и в пятой.

— Черт возьми, Арчер, не можем же мы освободить всю эту

проклятую тюрьму! — сказал Джо, подбегая к пятой камере и открывая ее. Швырнув внутрь связку ключей, Джо прошептал:

— Освобождайтесь сами!

Из открытой двери шел ужасный запах. Джо сделал знак Арчеру и Чарли Красному Облаку, а затем побежал к решетчатой перегородке. В напяленной униформе Вулриджа, не смея поверить в такую удачу, Арчер поплелся вслед за Джо. Свобода!

— Да благословит тебя Господь, Джо Тандер! — прошептал он.

— Ладно, о благословении будешь говорить позже. Мы еще не выбрались отсюда. Поторопись!

— Странно, почему мясной фургон сегодня так задержался? — спросил охранник Пит Уэйнрайт, удобно облокотившись на парапет восточной башни «А», с которой хорошо был виден тюремный двор. В двадцати пяти футах под ним стояла белая повозка «Х. Нормамби и сыновья» — по-прежнему вплотную к двери, через которую обычно разгружали доставляемую провизию. Одна из лошадей всхрапнула, мучаясь от жары.

— Может, ревизор обнаружил, что в мясе недостает личинок мясных мух? — отгоняя овода, предположил второй охранник.

— Брось, мясо совсем неплохое. Жена сколько раз готовила и говорит, что здешнее мясо ничуть не уступает тому, что она покупает в городе. А кроме того, еще и дармовое.

— Да, конечно, нам отрезают куски сравнительно неплохие. Но вот то, что достается арестантам, я не осмелился бы предложить даже собаке. А, вот, наконец…

Двое охранников взглядом проследили за повозкой, которая через внутренний тюремный двор подъезжала к воротам. Охранявшие ворота парни вышли из караульного помещения и начали открывать их.

Ястребы все так же продолжали кружить в безоблачном небе.

Надзиратель Арманд Уитни, заглянувший на кухню в надежде чего-нибудь перехватить, нашел ее совершенно пустой.

— Э-эй! — крикнул он и огляделся. За те три года, что он проработал в тюрьме, никогда еще не доводилось ему видеть кухню безлюдной. Тут до его слуха донеслись глухие удары в большую деревянную дверь, за которой находилась холодильная камера. Торопливо обогнув топившиеся углем плиты, он открыл дверь. Оттуда выскочил мистер Леверетт, ревизор.

— Бей тревогу! Остановите мясной фургон! Это индейцы!

— Индейцы?!

Надзиратель в несколько прыжков пересек кухню и подбежал к колоколу.

— Индейцы!!! — кричал Леверетт. — Они захватили с собой всю эту чертову кухонную бригаду!

Схватив цепь, надзиратель принялся звонить в колокол.

— Бог ты мой, индейцы?!

Тем временем в мясном фургоне находилось семеро заключенных, работавших на кухне, Арчер и индейцы; все они услышали тревожные удары колокола. Бьющаяся Птица, сидевший возле передка фургона, высунулся в маленькое окошко и крикнул вознице:

— Прорывайся через ворота, или я убью тебя! Понял меня, белый?!

Лекс Тернер, которого трясло мелкой дрожью, начиная с семи часов утра, когда шоуни навели на него дула своих ружей и конфисковали повозку, ударил плетью лошадей. Лошади галопом помчали к воротам. Возвещая всю округу о побеге, громко выла паровая сирена.

На восточной башне «А» Пит Уэйнрайт направил свое ружье «Миссисипи» на удаляющуюся повозку и, прицелившись, выстрелил; другой охранник тоже открыл огонь.

— По лошадям, по лошадям стреляй! — крикнул Уэйнрайт.

Двое охранников пытались закрыть гигантские створки тяжелых ворот, стараясь упредить мясной фургон. Это была первая за всю историю тюрьмы попытка массового побега; выведенные из своего обычного дремотного состояния, надзиратели и охранники выбежали во двор и принялись палить по фургону.

У Лекса Тернера по лицу градом катился пот. Он нахлестывал лошадей, молясь Богу и с минуты на минуту ожидая, что очередная пуля убьет его. Огромные ворота были уже наполовину закрыты. Лекс Тернер услышал, что сидевшие в фургоне индейцы тоже открыли огонь по охранникам на башнях.

Фургон прогромыхал сквозь ворота.

— Получилось!!! — заорал во всю мощь своих легких Джо Тандер. — Черт побери, по-лу-чи-лось!

Шоуни, Арчер и другие зеки принялись обнимать друг друга, в то время как фургон продолжал стремительно мчаться по дороге.

— Калифорния! — крикнул Джо Тандер, видя, как вдали исчезают высокие тюремные стены. — Арчер, мы едем в Калифорнию! Можешь позабыть все это дерьмо!

— В Калифорнию… — выдохнул Арчер. — Конечно же, мы едем в Калифорнию!

«Эмма!» — подумал он.

Еще совсем недавно Арчер был так близок к смерти, а теперь в одно мгновение, как в сказке, осуществились его самые заветные мечты. Он был свободен. Свободен!!! Обнимая Джо Тандера, он смеялся и рыдал в одно и то же время.

— Знаешь, когда я впервые увидел тебя, то чуть не обделался со страху, — признался Арчер. — А теперь вот смотрю на тебя и думаю: ангел, ну прямо-таки ангел!

Джо Тандер рассмеялся.

— Ангел на тропе войны!

Лекс Тернер подхлестнул лошадей, и фургон, набитый зеками и индейцами, помчался еще быстрее. Как и было приказано, Тернер направил его прочь от города. Направление — на Запад!

Глава тринадцатая

Чиркнув лезвием ножа по запястью, Джо Тандер лишь слегка разрезал кожу, так, что выступило совсем немного крови.

— Теперь мы с тобой будем кровными братьями, — сказал Джо, прижимая свое запястье к запястью Арчера. — Твоя кровь смешалась с моей кровью. Мы теперь будем всегда стоять друг за друга. Ты как бы сделался отчасти индейцем-шоуни, а я отчасти белым… Правда, совсем чуть-чуть.

Они сидели сейчас на корточках возле догорающего костра в сосновом лесу на западе Огайо. Едва только удалось отъехать от Коламбуса, они остановили фургон и пересели на припрятанных лошадей: всем прочим убежавшим зекам они дали возможность позаботиться о себе самим. Четверо шоуни решили направиться вместе с Арчером и Джо Тандером. Не зная, поедут ли они в Калифорнию, индейцы, по крайней мере, рассчитывали переправиться через Миссисипи. Выразив общее настроение, Чарли Красное Облако сказал тогда: «Уж в Коламбусе, штат Огайо, нам и вовсе оставаться ни к чему!»

Чарли затушил костер.

— Сейчас надо поспать, — сказал он. У нас есть всего несколько часов, затем нужно двигаться дальше. Теперь каждая свинья в Америке погонится за нами.

В последнее десятилетие это образное выражение, в котором речь шла о полицейских, получило широкое распространение.

— Ну и пусть, — ответил Джо Тандер, укладываясь на расстеленные под сосной ветки и глядя на звезды сквозь сосновую крону. — Теперь-то уж они нас не схватят. Мы свободны! — Он показал на Арчера. — Маленький Брат, отчасти и ты теперь шоуни. Завтра мы убьем оленя и из его шкуры соорудим тебе настоящий индейский костюм. Мы сделаем из тебя настоящего воина.

Бьющаяся Птица засмеялся.

— Настоящий воин — с белыми волосами.

— Затем мы научим тебя тому, что должен знать в лесу всякий: научим изготавливать каноэ не хуже индейцев-чиппеуа, научим жить на деревьях и бегать быстрее зайца. Научим мудрости и хитрости Глускапа.

— Кого?! — Арчер присел, откинувшись на ствол дерева и прижимая тряпицу к кровоточащему запястью.

— Глускап — первый на земле человек, — объяснил Джо Тандер. — Великий Дух даровал Глускапу весь мир, потому что он покорил кевауков, народ гигантов и волшебников, а также медеколинов, которые считались источником всех зол.

— Не забудь еще Памолу, — напомнил Белый Конь и зевнул.

— Ну конечно же. Памола — злой дух ночи. Глускап убил ее, равно как убил он и множество других злых духов и демонов. Так что Глускап — первый человек и великий герой. Но Великий Дух ему сказал, что есть еще одно существо, непокоренное. И зовут его Вазис.

— Вазис тоже злой? — спросил Арчер.

Индейцы рассмеялись.

— Вазис был маленьким ребенком, — сказал Джо Тандер. — Но Глускап никогда не видел ребенка. Поэтому Глускап пошел в вигвам, а там был Вазис. И Глускап сказал, чтобы Вазис уходил. А Вазис в ответ лишь улыбается и только делает, что посасывает каленый сахар. Глускап прямо взбесился: еще бы, ведь он первый человек и великий герой, он привык к тому, что все вокруг подчиняются его приказаниям. Глускап так раскричался, что бедный Вазис заплакал, и Глускапу пришлось выйти из вигвама. Но теперь и Глускап начал плакать: ведь получилось, что маленький ребенок Вазис покорил его. Ну, вот так началась история этого мира. И всякий раз, когда малые дети произносят свое непонятное «гу-гу», они как бы напоминают миру о том, как первый младенец одолел могучего героя Глускапа.

— Что ж, хорошая история, мне она понравилась, — с улыбкой сказал Арчер. — Она куда лучше, чем про Адама и Еву.

— У индейцев очень много всяких историй, — Джо Тандер зевнул. —

Мы живем на земле много тысяч лет, и Великий Дух рассказал нам все секреты природы. Вот посмотришь, тебе непременно понравится быть индейцем. Это куда лучше, чем быть белым.

Через минуту Джо уже похрапывал. Арчер поднял голову, посмотрел на звезды и подумал, что, может быть, Джо Тандер и в самом деле прав. Во всяком случае, Арчеру понравилось быть индейцем.

Было такое чувство, будто он заново родился.

— Сержант Вулридж, — сказал начальник тюрьмы Ридли, — я переговорил с губернатором, и он согласился пойти навстречу вашей просьбе. Вас назначают командиром отряда добровольцев, с тем чтобы вы схватили убежавшего заключенного Коллингвуда, индейца Джо Тандера и остальных, пока нам не известных индейцев.

Вулридж стоял по стойке «смирно» перед столом начальника тюрьмы. Его изуродованное оспой, похожее на лунную поверхность лицо было мрачным.

— Мои осведомители сказали, что одного из индейцев зовут Чарли Красное Облако, сэр, — сказал он. — Он работал уборщиком в средней школе.

— Все они дикари, даже имен христианских ни у кого нет. Мне поручено передать вам на расходы три тысячи долларов и еще вексель на десять тысяч. Губернатор так же, как и я, самым решительным образом настроен схватить этих людей и передать в руки закона. Если краснокожие решили, что могут глумиться над нашей системой правосудия, они за это горько поплатятся.

— Если позволите, сэр, когда мы их схватим, их нужно наказать так, чтобы никому из заключенных впредь неповадно было пускаться в бега.

— Губернатор уже заранее дал согласие на их пожизненное заключение.

— По моему мнению, сэр, этого недостаточно. Коллингвуда и того индейца следует повесить.

— Ну, может вы и правы. Но первым делом их нужно поймать. В добрый путь, Вулридж. Я могу лишь добавить, что в случае успеха вас ожидает хорошее продвижение по службе.

— Благодарю вас, сэр. Но только я вовсе не из-за награды отправляюсь за ними. Я был и остаюсь богобоязненным, читающим Библию христианином, и потому для меня лучшей наградой окажется возможность увидеть, как Коллингвуд и тот язычник-индеец, лишившись опоры под ногами, станут корчиться в петле.

— Могу лишь сказать, что ваши христианские чувства я разделяю на все сто процентов.

— Бред какой! — сказал Джо Тандер. Он, Арчер и Чарли Красное Облако сидели на лошадях и обозревали луг, на котором выстроился небольшой, составленный из фургонов поезд, готовый отправиться на Запад. Сейчас они находились на окраине Индепенденса, штат Миссури. Именно отсюда большинство поездов начинало свой путь по Великим Равнинам. — Все это должно было быть индейской землей, но получается так, что единственными индейцами здесь оказались я и Чарли.

— И я, — сказал Арчер, одетый в костюм из оленьей кожи. Этот костюм десять дней назад, когда они еще были в Огайо, сшили для него Чарли и Бьющаяся Птица.

— Ты прав, Маленький Брат, — улыбаясь, сказал Джо. — Про тебя-то я совершенно забыл. Не то чтобы ты индеец, но в тебе есть кое-что от индейца. — Джо обернулся в сторону Чарли. — Ну так как, не передумал?

— Нет. На Равнинах свирепствует холера. Почему я должен умирать от болезни белого человека? Кроме того, слишком уж поздно для меня начинать новый путь. Большинство фургонов отправились еще пять недель назад, первого мая. Вам не удастся перебраться через Белые горы на Западе.

— Еще как удастся, — сказал Джо. — Семьи белых людей поехали, увозя с собой весь домашний скарб, и потому они будут ехать медленно. А мы с Маленьким Братом полетим в Калифорнию подобно орлам, потому что у нас с собой из груза одни только мечты.

— Что ж, да поможет вам Великий Дух, Джо!

Они по индейскому обычаю пожали друг другу предплечье.

— До свидания, брат. Когда я скоплю немного денег, то непременно верну тебе долг.

— До свидания, Чарли, — сказал Арчер, обмениваясь с ним рукопожатием. — Я обязан тебе жизнью и никогда этого не забуду.

Чарли улыбнулся в ответ.

— Да, получилось забавно. Сумели-таки мы хорошенько обгадить белых свиней. Надеюсь, что Великий Отец белых у себя в Вашингтоне узнает про этот побег. Может, он даже перепугается до смерти и скажет всем белым: «Давайте вернемся в Европу и отдадим эту жуткую страну обратно индейцам».

Все рассмеялись, затем Чарли развернул коня и поскакал в сторону Индепенденса.

— Поехали, Маленький Брат! — крикнул Джо, ударив пятками в бока своей лошади.

Двое всадников поскакали по лугу, который был завален всевозможным мусором, оставленным тысячами и тысячами золотоискателей, прошедшими тут за последние три года. А прошло тут огромное количество людей, причем кого здесь только не было: воры и вполне пристойные люди; переселенцы из Англии, которые на родине принадлежали к лучшим британским семьям, а здесь, в Америке, жили исключительно за счет присылаемых родителями денег. Были тут также врачи, юристы, торговцы, рабочие, фермеры; были виги, демократы, аболиционисты, баптисты, трансценденталисты, мормоны; были белые и черные, немцы, русские, поляки и французы — самые различные люди, которые, подобно де Мейерам, убежали от революций в Европе. Были тут хромые и косоглазые, со следами оспы на лице, бородатые и безбородые, остроумные и тупоголовые — вместе с любимыми кошечками и собачками, вместе с канарейками, банджо, скрипками, аккордеонами, с кастрюлями и горшками, с тарелками, фамильным серебром, семейными Библиями, с тем немногим из мебели, что удалось захватить с собой в дорогу, с книгами, котлами, безделушками, со всевозможной одеждой, шляпами и шляпками, ботинками и рубашками. И все они спали и видели калифорнийское золото: если не всегда в буквальном смысле драгоценный металл, то, по крайней мере, золото прекрасного климата и богатой плодородной земли, рассказы о которых дошли до самой Европы и превратились в настоящие легенды.

Мальчик по имени Марк Кроуфорд был одним из «отряда Уилера» — так назывался поезд из восьми фургонов, который в тот жаркий июньский день начал свой путь на Запад. Когда Марк обратил внимание на то, что позади его фургона скачут двое мужчин, он указал на одного из них и сказал матери:

— Смотри, мама, у индейца светлые волосы!

Мать взглянула на Арчера, затем повернулась ко всем, кто находился в фургоне.

— Боже праведный, — сказала она изумленно, — белокурый индеец! Что же будет дальше?..

— Белокурый индеец? — спрашивал на следующий день сержант Вулридж. — Наверняка это Коллингвуд!

Вместе с отрядом добровольцев из десяти человек Вулридж добрался до Индепенденса, логично предположив, что Арчер и индейцы-шоуни скорее всего будут держать путь на Запад. Симмонс, сокамерник Арчера,

рассказал Вулриджу, что Арчер частенько говорил о своей мечте — поехать в Калифорнию. И вот, не успели Вулридж и его парни и получаса пробыть в Индепенденсе, как им довелось услышать рассказы про белокурого индейца.

— А что, они тоже направляются в Калифорнию? — спросил он у бармена в салуне «Золотая лихорадка».

— По крайней мере, двое из них. Я слышал, будто бы остальные получили работу в городе. Один сейчас работает на лесопилке Брэди, это там, дальше по улице.

Вулридж дал ему доллар.

— Спасибо за помощь. — И направился из салуна, сказав своим парням: — Поднимайтесь-ка! Прежде чем зайдет солнце, эти индейцы будут больше всего сожалеть о том, что появились на свет.

В пять часов вечера того же дня Вулридж протянул Чарли Красному Облаку раскрытую на псалмах Библию. Чарли Красное Облако плюнул на нее.

— Пошел к черту со своим белым богом! — сказал он Вулриджу. — И пошла к чертям твоя белая справедливость! Где наш суд?

Вулридж достал из кармана платок и вытер плевок со страницы своей небольшой, обтянутой черным материалом Библии, подаренной Вулриджу матерью на его шестой день рождения.

— Я устроил тебе суд в моей голове, — сказал он, и его злобные глаза загорелись ненавистью. Затем Вулридж поднял платок и махнул им.

Чарли Красное Облако, Том Одинокий Волк, Бьющаяся Птица и Белый Конь были сразу же окружены и приведены на крутой берег реки Миссури. Всем четвертым связали руки за спиной и накинули на шеи петли. Свободные концы четырех веревок были переброшены через толстую ветку мощного дуба и затем привязаны к седлам четырех лошадей. После этих приготовлений добровольцы из отряда Вулриджа взяли лошадей под уздцы и повели их от дуба.

Медленно повели.

И четверо шоуни так же медленно были подняты за шею в воздух. Пока они дергались и сопротивлялись натяжению веревки, петли все туже стягивали им шеи. Только Бьющейся Птице повезло больше остальных: поскольку он был тяжелее прочих, веревка сломала ему шею, и он тотчас же умер.

Самому физически сильному из четырех, Чарли Красному Облаку, пришлось мучиться семь минут, прежде чем наступила смерть.

Сержант Вулридж, следивший по золотым часам за предсмертной

агонией истязаемых, сказал:

— Когда он попадет в ад, то долго еще будет там рассказывать об этих семи минутах. Если, конечно, у индейцев вообще есть ад. Обрежьте веревки.

Парни из его отряда, а парней этих Вулридж без всякого труда рекрутировал, предложив им по сотне долларов в неделю, исполнили страшное Задание — перерезали веревки, и четверо мертвых индейцев упали на землю. Вулридж тогда уселся поудобнее под дубом и принялся читать Библию.

— Прошу прощения, сэр, — сказал один из добровольцев, крепкий бородатый мужчина по имени Эзра Суртис, садясь рядом с Вулриджем. — Извините, но я лишь хотел сказать, что я восхищен тем, что в подобную минуту вы обратились к Библии: эта книга особенно уместна в минуты душевных испытаний. — Он указал на трупы индейцев, которые грузили на повозку. — Как-то я уже говорил вам, что принадлежу к мормонам.

— Да, помню, — сказал Вулридж, поднимая глаза от страниц Библии.

— И поскольку вы и вправду богобоязненный человек, сэр, думаю, вас может заинтересовать информация о Великой Мормонской Церкви. Поскольку мы преследуем тех двоих нечестивцев, то не исключено, что нам придется оказаться в Юте, в Империи мормонов. Помощь, которую мормоны могли бы нам оказать, не будет лишней, даже напротив. И потому мне особенно хотелось бы рассказать вам о мормонах, сэр.

— Я с удовольствием послушаю, Суртис.

Глава четырнадцатая

Все лето Вулридж во главе своего отряда добровольцев преследовал Арчера и Джо Тандера. Беглецы следовали традиционным маршрутом, по которому обычно двигались поезда из фургонов: от реки Миссури они направились в Небраску, следуя изгибам южного берега реки Платт; двигаясь далее на запад, достигли реки Свитуотер, что в Вайоминге, оттуда последовали Южным Путем.

За ними следом двигался и Вулридж. Ориентирами ему служили не только мусор, отбросы и могильные холмики, оставленные золотоискателями за три года золотой лихорадки, но помогали преследователям также и рассказы о белокуром индейце, а таковыми рассказами Вулриджа в изобилии снабжали встречавшиеся ему по пути переселенцы. Арчера и Джо видели самые разные люди в самых разных местах. Истории об этой парочке постепенно превращались в легенды. Кто-то рассказывал, будто бы видел, как белокурый индеец с сотни ярдов

уложил бизона стрелой, выпущенной из лука. Говорили, что этот индеец стал великим охотником и может обогнать ветер. Поговаривали и о том, будто шоуни научили белокурого индейца жить на деревьях и общаться с Великим Духом.

Вулридж склонен был принимать такую информацию с изрядной долей скепсиса, поскольку понимал, переселенцы, утомленные однообразием путешествия в фургонах, медленно кативших в сторону Калифорнии, не без помощи воображения сделали белокурого индейца этаким сверхгероем, использовав при этом типичную американскую черту — склонность преувеличивать. Таким же способом несносные комары Великих Равнин превращаются в фазанов, а мухи — в слонов. Но какая бы ни скрывалась за этими преувеличениями реальность, Вулридж вынужден был признать, что Арчер Коллингвуд захватил воображение пионеров.

Но, если отношение Вулриджа к белокурому индейцу и связанным с его похождениями легендам было скептическим, то рассказам о Мормонской Церкви он верил абсолютно, хотя рассказы эти сопровождались таким полетом фантазии, по сравнению с которыми убийство американского бизона стрелой из лука с расстояния в сотню ярдов казалось прямо-таки детской забавой. Волнуясь и потому говоря с придыханием, Эзра Суртис рассказал о том, что религия мормонов появилась лет двадцать назад. Основателем ее был молодой человек из Вермонта по имени Джозеф Смит-младший. Судя по рассказам Суртиса, Джо был сыном фермера, ставшего позднее мошенником, специализировавшимся на поисках кладов, в том числе несметных богатств известного пирата капитана Кидда. Конечно же, ничего он так и не сумел отыскать, однако же продемонстрировал сыну, какая большая притягательная для дураков сила кроется в поисках кладов. Джо купил себе «камешек», хрустальный шар, и с его помощью сумел убедить одного фермера из штата Нью-Йорк в том, что может обнаружить затерянную на территории его фермы испанскую серебряную шахту. К сожалению, вскоре Джо был арестован по обвинению в мошенничестве.

Америка тогда переживала эпидемию религиозной лихорадки, потому Джо решил обратить свои таланты в сторону потенциально куда более прибыльного дела — религии. Он объявил, что у него было видение, и явившийся ему ангел по имени Морони сказал, что укажет ему, Джо, путь к никому не известной Библии, написанной на золотых пластинах двенадцать веков назад. Ангел также объяснил, что сама эта Библия, сокрытая пока от глаз людских, помещена между двух камней, или «ключей», один из коих называется «Урим», а другой «Тиммин»; эти два ключа помогут Джо

перевести бессмертное Евангелие, оставленное Спасителем, когда тот в седьмом веке посетил однажды северные области штата Нью-Йорк.

Джо уверял всех, будто бы сумел обнаружить и выкопать эту Библию, которую впоследствии перевел с помощью Урима и Тиммина. Конечный текст он затем опубликовал под названием «Книга Мормона». Было это в 1830 году. И несмотря на то, что никому, за исключением самого Джо Смита-младшего, не довелось лицезреть золотые евангельские пластины или же камни Урим и Тиммин, «Книга Мормона» стала исключительно популярным изданием, самым настоящим бестселлером.

— Я могу дать вам свой экземпляр, — сказал Эзра смотрящему на него круглыми глазами Вулриджу. — Вы прочитаете и почувствуете небывалое вдохновение. Эта книга изменит всю вашу жизнь.

— Мне не терпится ее прочитать, — искренне сказал Вулридж. Играющий на органе, читающий Библию тюремный страж испытывал подлинную страсть к религии. Едва он прочитал «Книгу Мормона», как немедленно стал новообращенцем.

И начал мечтать о встрече с ангелом Морони.

— Слышишь? — прошептал Джо Тандер, лежа рядом с Арчером в высокой густой траве штата Небраска. Футах в десяти перед ними паслось стадо американских бизонов. Арчер прислушался.

— Ничего не слышу, Джо.

На лице индейца появилось отвращение.

— В тебе пока что слишком много от белого человека. Животные разговаривают друг с другом. Слышишь легкое пощелкивание?

Арчер вновь напряг слух, сосредоточился.

— Нет.

— Ты безнадежен.

— Но ведь я пытаюсь…

Джо и Арчер скакали по прерии. Лошадь Джо, которую он звал Текумсе, была поистине великолепна, да и Джо был превосходным наездником. Арчеру прежде никогда не доводилось ездить верхом, однако он с большим энтузиазмом начал учиться этому искусству. Сейчас они оба, Арчер и Джо, бешеным галопом неслись к дереву, служившему отметкой. Первым доскакал Джо, хотя на сей раз Арчеру удалось отстать ненамного.

Спешившись, они привязали лошадей. Джо улыбнулся своему другу — белокурому индейцу.

— Ты делаешь успехи, Маленький Брат, — сказал он. — Чуть не

обогнал меня. Может быть, не все надежды потеряны и, возможно, в один прекрасный день ты станешь настоящим индейцем.

Арчер тяжело дышал, он едва не падал, но похвала друга пришлась ему очень даже по душе. Наконец-то он прекратил существовать и вновь начал жить. После ужасов тюрьмы свобода Великих Равнин с огромными горами, упиравшимися на горизонте в голубой небосвод, пьянила, как хмельное вино.

* * *

Арчер брел по колено в воде вдоль берега грязноватой реки Платт, держа наперевес остро отточенную палку. Он замер и дождался, пока огромная рыба, лениво извиваясь, подплыла к нему почти вплотную. Когда рыбина проплыла у него между ног, он нанес удар, угодив острым концом в цель.

— Эй, Джо! — позвал Арчер, подняв извивающуюся рыбу над головой. — Смотри-ка, вот и наш ужин!

Стоявший на берегу Джо кивнул головой.

— Очень хорошо, Маленький Брат. Я доволен. Думаю, пришло время дать тебе индейское имя. Я назову тебя Ан-но-ей-най.

— И что это значит?

— «Тот, кто стоит на обеих сторонах». Это как раз ты, потому как ты отчасти шоуни, отчасти — белый.

— Что ж, мне это имя нравится.

Выбравшись на берег, Арчер принялся чистить рыбу. Джо некоторое время наблюдал за его работой, наконец сказал:

— Послушай, Ан-но-ей-най, ты говорил, будто оказался в тюрьме, потому что ограбил банк. А причина для ограбления была та, что банк отобрал у тебя землю, так ведь?

— Так.

— И при этом ты был уверен, что поступаешь совершенно правильно?

— Абсолютно. Хотя закон не посмотрел на это моими глазами. — Арчер пожал плечами.

— Да, ты из тех, кого называют идеалистами, так я думаю, — продолжал Джо. — Тебе бы хотелось сделать добро для всех людей на земле. И вот как раз поэтому я и не могу понять, почему же ты так неправ.

Арчер оторвался от рыбы и взглянул на Джо.

— То есть?

— Ты не владеешь собственной фермой, но и банк владеет сейчас твоей землей не в большей степени, чем ты. Ведь разве может кто-нибудь

владеть землей? Она ведь принадлежит всем, подобно небу, солнцу или звездам. Мы, индейцы, жили на этих землях многие тысячи лет, и мы ничем не владеем и никогда не владели. Мы всего лишь пользуемся землей. И вот если что я не могу понять из того, что связано с тобой, Маленький Брат, так это — как ты мог думать, будто владеешь сорока акрами земли, тогда как вся земля создана Великим Духом для всех людей?

Идея показалась Арчеру настолько необычной, что он лишь молча уставился на друга, не зная, что сказать.

Два дня спустя они сидели на лошадях и с отвесной скалы наблюдали за фургонным поездом. Дозорные внизу засекли их и открыли стрельбу.

— Давай-ка уедем отсюда, — сказал Джо, резко развернул лошадь и пришпорил ее, пустив в галоп.

Арчер поскакал следом, сгорая от стыда за белых людей, продемонстрировавших свою враждебность. Может, он и в самом деле «Тот, кто стоит на обеих сторонах», да еще вдобавок слишком симпатизирует индейцам? Однако сам Арчер понимал, что ему никогда не стать индейцем. Сейчас же он являлся свидетелем великой драмы покорения Запада, причем видел ее с точки зрения индейца.

Когда Арчер жил на ферме в Огайо, он всегда считал индейцев врагами и смотрел на них как на низших существ, опасных язычников. И только теперь начал задумываться над тем, не является ли образ жизни индейцев лучше и совершеннее, нежели образ жизни белых. Его ошеломила идея кочевников о том, что никто не может владеть землей. Она была абсолютно чужда образу мыслей белого человека, и все же в этой идее имелась определенная прелесть, аналога которой Арчер не встречал в мире белых людей. Он вовсе не был до такой степени идеалистом, чтобы верить, будто белого человека можно сделать похожим на индейца. Он видел собственными глазами несправедливость, которую допускали в отношении индейцев, и хотел что-то предпринять для устранения этой несправедливости. Однако что именно можно тут предпринять, Арчер не имел ни малейшего понятия.

В глазах у него стояли сейчас слезы гнева, он пришпоривал лошадь, удаляясь от фургонов. Выстрелы стали более глухими, однако они по-прежнему свидетельствовали о ненависти людей в фургонах.

— Вулридж повесил четырех шоуни в Индепенденсе, — сообщил Джо Тандеру Полумесяц, воин племени пайут. — Их звали Чарли Красное Облако, Белый Конь, Том Одинокий Волк и Бьющаяся Птица. Не было

никакого судебного разбирательства, ничего. Ты знал этих людей?

Джо на мгновение закрыл глаза.

— Да, — вымолвил он наконец, поворачиваясь к Арчеру. Трое всадников остановились на берегу реки Свитуотер, что в южном Вайоминге. — Повешены без суда и следствия… Таково правосудие белых. Ничего, Вулридж поплатится за это.

— Он просто палач и убийца, — сказал Арчер, припомнив сейчас, как сверкнули глаза надзирателя в тот момент, когда начальник тюрьмы Ридли приговорил его, Арчера, к четырехмесячному заключению в одиночке.

— Вулридж охотится за вами двумя, — продолжал Полумесяц, — он и его люди не более чем в пяти милях отсюда. Прошлую ночь они провели в пембертонском фургонном поезде. Вот почему я и искал встречи с тобою, брат. Проводник у Пембертона — мой старинный друг, мы с ним вместе охотились. Это француз-траппер по имени Жерар. Он спросил, знаю ли я что-нибудь о белокуром индейце и его друге, затем рассказал, что произошло с четырьмя шоуни. Также он сказал, что вам угрожает опасность. Этот Вулридж на самом деле сумасшедший. Он нанял Жерара, чтобы тот провел отряд добровольцев через горы. Жерар сказал мне также, что этот Вулридж стал мормоном, а это очень плохо для вас, поскольку скоро вы вступите в пределы Империи мормонов, — индеец указал рукой на юго-запад.

— Что значит «мормоны»? — спросил Джо.

— Новая религия, — ответил Арчер. — Я все знаю о них, потому что один из моих кузенов, живущий в Огайо, отдал все свои деньги мормонскому банку, а этот банк взял да и лопнул. Пророк, некий Джозеф Смит-младший, был убит в тюрьме штата Иллинойс лет восемь назад. У них там сейчас новый пророк, зовут его Брайам Янг.

— Даже для белого он очень плохой человек, — сказал Полумесяц. — Хочет создать свою мормонскую страну, заявляя, что сам Господь отдал ему для этого территорию нынешней Юты. Великий Белый Отец в Вашингтоне сказал, что ну и черт с ней, с Ютой, пусть принадлежит ему. Но, конечно, Юта — наша земля, но кого, черт побери, это сейчас интересует?

— Говорят, будто у Брайама Янга семнадцать жен, — сказал Арчер. — Они там считают, что можно иметь столько жен, сколько душа пожелает, и, наверное, поэтому религия мормонов так популярна.

— Может быть, именно это Вулриджу и нужно? Поэтому он и стал мормоном? — заметил Полумесяц. — Он всем рассказывает о том, что более всего желает увидеть ангела Морони. Для меня все это звучит как

сущий идиотизм. Но Жерар говорит: «Скажи своим друзьям, чтобы уходили отсюда, потому что Вулридж намерен убить их точно так же, как он убил четверых шоуни».

— Мы убьем его, а не он нас, — тихо сказал Джо Тандер. — Мы расплатимся с ним за гибель Чарли Красного Облака и моих братьев.

— Их десятеро, и справиться с ними будет нелегко.

— Сколько еще идти до гор Сьерра-Невады? — спросил Арчер.

— Около месяца, — ответил Полумесяц. — Вам придется пересечь Великую соленую пустыню и еще ранее — Великое соленое море. Именно в тех краях живет пророк со своими многочисленными скво.

Арчер посмотрел на запад, на горную гряду территории Юта. Стояла середина сентября.

— Знаете, а мне пришла идея, — спокойно сказал он. — Мы поступим так же хитро, как поступил бы Глускап. Вот только поможет ли нам этот самый Жерар?

— Он мой старый друг, — сказал Полумесяц. — Конечно поможет.

— Нам нужно будет отыскать церковь.

— Здесь? — поразился Джо.

Арчер показал рукой в направлении Юты.

— У мормонов, — сказал он.

— Эй, qu'est-ce que c'est [16]? — спросил Жерар Петижан, глядя в бинокль.

Вот уже целый месяц он вел Вулриджа и его добровольческий отряд через Великую соленую пустыню Юты, и сейчас они были уже на полпути к горам Сьерра-Невады.

— Это выглядеть прямо как ангел, тшорт восьми, если я хоть маленько понимай!

Возле бородатого траппера-проводника ехал сейчас Вулридж.

— Ангел? Что-то я тебя не вполне понимаю.

— А вы сам посмотрел. Тшорт восьми!

Жерар протянул Вулриджу бинокль. Они только что въехали в узкое и глубокое ущелье между покрытыми снегом горами. Высоко в горах недавно бушевала снежная буря, и снега прибавилось более чем на два фута. В этот холодный ветренный день взорам путников предстала захватывающая дух картина. Вулриджу никогда прежде не доводилось видеть ничего более прекрасного, чем эти вздымающиеся к небу белоснежные вершины, которыми славилась восточная часть Калифорнии.

Но сейчас, посмотрев в бинокль, Вулридж увидел нечто еще более

потрясающее. В противоположном конце ущелья на высокой скале стоял человек в длинном белом одеянии. У него были золотистые волосы и большие золотистые крылья.

— Да это же ангел! — прошептал Вулридж, наводя бинокль на резкость. — Должно быть, это ангел Морони!

Добровольцы посмотрели на своего предводителя, чье поведение становилось все более странным по мере того, как они преодолевали тяготы длинного пути.

— Посмотри, Эзра! — сказал Вулридж, поворачиваясь к Суртису и протягивая ему бинокль.

Мормон с готовностью взял бинокль и приложил его к глазам.

— Невероятно! — потрясенно сказал он. — Это ангел Морони! И он кивает нам. Он хочет поговорить с нами, точно так же как он разговаривал с пророком!

Жерар закурил сигару, выдохнул табачный дым, подхваченный порывом ветра.

— Ле мормоны говорьеть они змотреть множество ангел в это время года, — заметил он невозмутимым тоном, как если бы речь шла о самых что ни на есть обыкновенных вещах. C'est le pays des miracles, это есть зтрана чудес. Bizarre, n'est-ce pas [17]? Но никогда нельзя знавать наверньяка.

Вулридж взял бинокль и вновь навел его на далекую фигурку ангела. Морони — если, конечно, это был Морони — делал ему приглашающие знаки, а ветер трепал длинные белые одежды ангела.

— Он хочет нам показать что-то, — сказал Вулридж.

— Может быть, там и есть пока что не обнаруженные золотые пластины с текстами, — воскликнул Суртис, явно волнуясь. — Может, Спаситель спрятал Евангелие именно здесь, на земле Юты, точно так же он спрятал Евангелие в штате Нью-Йорк.

— Полагаешь, это возможно?

— А почему нет? Брайам Янг говорит, что Господь дал нам, мормонам, эту землю для того, чтобы мы поселились здесь. Так почему бы, спрашивается, ему не спрятать где-нибудь здесь и Евангелие?

— Пошли!

Вулридж протянул бинокль Жерару.

— Извинить меня, мсье, — сказал проводник, — но я не желать ходить в этот ущелье. Мы туда не собьираться, и вы знать это.

— Знаю, знаю, только мы совсем ненадолго. Ты, если хочешь, подожди нас тут, мы скоро придем. Эй, парни, поехали же, ну! — крикнул Вулридж,

обращаясь к остальным. — Мы, наверное, сейчас свидетели самого что ни на есть чуда. Да возблагодарим же Господа!

Пришпорив коня, Вулридж поскакал в заснеженное ущелье. За ним последовал и Суртис.

— Этот полоумный кретин явно сошел с ума! — сказал один из добровольцев. — Но, в конце концов, нам-то что за дело? Он платит хорошие денежки, а это самое главное! Поехали!

Добровольцы пришпорили лошадей и устремились в ущелье. Позади, верхом на коне, остался лишь один Жерар.

Проводник пыхнул сигарой, и на лице его появилась легкая усмешка.

Когда отряд добровольцев наполовину одолел расстояние до скалы, Джо Тандер, прятавшийся за стволом толстенной сосны, росшей на вершине скалы, выстрелил из ружья. Затем произвел еще два выстрела. Отряд остановился, всадники подняли головы и принялись оглядываться по сторонам. Жерар, как только услышал первый выстрел, поднял ружье и тоже выстрелил. Добровольцы обнаружили высоко у себя над головой Джо и тут же открыли по нему огонь все сразу. Горное ущелье наполнилось громом выстрелов.

Неожиданно с левого склона ущелья сорвалась большая снежная глыба и начала скользить по крутому горному склону, увлекая за собой все больше и больше снега. Огромная белая масса смертоносного снежного покрывала устремилась вниз, поднимая над собой тучу снежной пыли.

— Западня! — крикнул сержант Вулридж, на несколько секунд опередив тот момент, когда тонны снега похоронили его. И еще почти минуту отголоски снежной лавины раздавались в ущелье, потом все стихло.

Жерар отбросил окурок сигары.

— Говориль же им не ходьить туда, — сказал он и пожал плечами.

Приблизительно в полумиле от места, где стоял Жерар, на скале, возвывавшейся над ущельем, Арчер отцепил ангельские — из папье-маше — крылья, украденные в подвальчике церкви мормонов в Солт-Лейк-сити, и бросил их в снег. Потом снял белую робу, надетую поверх кожаного костюма. Ветер вырвал белую ткань из рук Арчера и подбросил ее вверх, отчего казалось, будто белое привидение устремилось в небо, чистое и иссяня-голубое в этот час.

Минут через двадцать к Арчеру присоединился Джо Тандер. Они вместе взглянули вниз, на укрытое новым снегом белое ущелье.

— Отлично! — сказал Арчер.

— Да, одно только было плохо в твоем замысле, Маленький Брат, —

сказал Джо Тандер. — Слишком уж красивая получилась могила для этого сукиного сына. Следовало бы этому ублюдку устроить менее живописную смерть.

— Он подох — и это главное. Наши братья теперь отомщены. Глускап, подобно Господу нашему, подчас вершит дела людские весьма своеобразным способом.

— Да, ты прав, Маленький Брат. Ну что, поедем в Калифорнию?

Джо Тандер поднял ружье и дважды выстрелил в воздух: этот заранее обусловленный сигнал относился к Жерару и означал: «Большое спасибо за помощь!»

После этого они сели на лошадей и направились в сторону перевала Доннера. Жерар уверил их, что гигантская расщелина, проходящая над озером Тахо, представляет собой лучший путь в Калифорнию — и это несмотря на ужасную трагедию, которая произошла здесь шесть лет назад.

Держа лук и стрелу, Арчер сидел на суку дерева и вслушивался в раздававшийся снизу олений говор. Только теперь он наконец начал понемногу понимать то, чему его учил Джо Тандер, — язык животных. Они и вправду разговаривали друг с другом, издавая негромкие щелкающие звуки и мягкие пофыркивания, особенно олени. Требовалось время, чтобы научиться понимать язык зверей, и научиться этому было совсем не легко, но в конце концов Арчер начал понимать его.

Для него, белого человека, распахнулась дверь в абсолютно новый, полный волшебства мир. Несмотря на то что детство Арчера прошло на ферме, он никогда не испытывал чувства полного слияния с природой — того самого чувства, с которым его познакомил Джо Тандер. Теперь будто пелена спала с глаз и ушей Арчера. Сейчас, глядя на птиц и деревья, он воспринимал их совершенно иначе — как существа, в каждом из которых, выражаясь словами Джо Тандера, была «крупица Великого Духа».

Натянув тетиву лука, Арчер выпустил стрелу, которая угодила точнехонько в сердце оленихи, проходившей под деревом. Как только остальные олени бросились в лесную светотень, Арчер спрыгнул на землю. Орудуя ножом, отделил заднюю ногу, оставив тушу на съедение другим животным, зная, что после этого лес останется чистым.

Они с Джо миновали перевал Доннера без приключений и теперь наконец пришли в Калифорнию. Двигаясь все время на заход солнца, они встретили несколько фермеров и золотоискателей, которые поначалу проявляли некоторую враждебность, пока не понимали, что Арчер — белый, а как только понимали это, то принимались, хотя и без особого

воодушевления, объяснять дорогу на Сан-Франциско.

В ту ночь Арчер и Джо оказались на расстоянии нескольких миль к северу от городка Сонома. По их предположениям, примерно через пару дней они могли бы добраться до города у залива. Волнение Арчера еще более увеличилось при одной мысли, что теперь он почти вплотную подошел к своей давнишней мечте — вновь увидеть прекрасную Эмму. Однако настроение Джо, казалось, было диаметрально противоположным. Чем выше в своих мечтах устремлялся Арчер, тем более замкнутым и молчаливым становился Джо. Смущенный и сбитый с толку, Арчер не раз спрашивал Джо, в чем дело, но индеец не проронил на сей счет ни слова.

Арчер нашел Джо сидящим, скрестив ноги, перед горящим костром. На двух небольших шампурах были нанизаны куски свежего мяса, и индеец медленно поворачивал импровизированные вертела, чтобы мясо равномерно поджаривалось со всех сторон. Было начало ноября, стояла прохладная погода, однако костюмы из оленьей шкуры не пропускали холод. Минут через сорок после того, как они начали готовить себе обед, Арчер и Джо вдруг услышали хруст веток. Обернувшись, друзья увидели высокого фермера, который целился в них из ружья.

— Эй, что эти чертовы индейцы делают на моей земле, а? — требовательно спросил он.

Арчер поднялся, но Джо даже не пошевелился.

— Мы и не знали, что это чья-то земля, — сказал Арчер.

— Это моя земля. Я увидел ваш огонь и… — Только тут он скосил глаза на светлую бороду Арчера. — Слушай-ка, а ведь ты вовсе не индеец, — сказал фермер. — Ты белый. Чего же ты тогда делаешь с этим язычником?

— Он, между прочим, мой друг, — сдерживаясь, чтобы не ударить фермера, ответил Арчер.

Губы фермера искривились в презрительной усмешке.

— Не понимаю, как это белый человек может дружить с индейцем. Правда, мне говорили, что на Восточном побережье некоторые белые даже с ниггерами дружбу водят, так что, наверное, все возможно.

— Мы утром уйдем отсюда, — сказал Арчер, — и не причиним вам никаких хлопот. Мы направляемся в Сан-Франциско.

Фермер опустил наконец свое ружье.

— Ну так и быть, ладно. Одну ночь можете провести тут, тем более, что ты белый. Только ответь, сынок, а для чего ты вырядился под индейца?

Арчер пожал плечами.

— Не по карману оказалась обычная одежда.

Джо Тандер с горящими глазами наблюдал за этой сценой, продолжая сидеть, скрестив ноги.

— Знаешь, я не советовал бы тебе являться в такой одежде в Сан-Франциско. Тамошние жители не очень-то жалуют краснокожих. У них и без того полно проблем с китайцами, черт бы их побрал! Так что если ты не совсем уж идиот, заработай немного денег, отправляйся в магазин «Де Мейерс» и купи себе одежду, в какой положено ходить белому человеку…

— «Де Мейерс»? — прервал его Арчер. — Вы сказали — «Де Мейерс»?

— Именно. Самый большой магазин в Калифорнии. Торговый центр «Де Мейер и Кинсолвинг» на Портсмут-сквер.

— А имеет к нему какое-нибудь отношение… Эмма де Мейер?

Фермер нахмурился.

— Конечно, имеет. Она как раз и владеет магазином, она и ее отец. Думаю, в Сан-Франциско нет никого богаче ее. А скажи, сынок, почему ты спрашиваешь?

— Она моя возлюбленная.

Тут фермер даже рот раскрыл от изумления. Затем вдруг начал хохотать, от избытка чувств хлопая себе по коленкам. Арчер посмотрел на Джо, потом снова на хохочущего фермера.

— Что тут смешного? — спросил он наконец.

— Т-ты… — смог лишь выдавить из себя фермер. — Надо же! Оборванец в индейском костюме уверяет, что его возлюбленная — Эмма де Мейер Кинсолвинг, самая элегантная леди на Западном побережье!

— Кинсолвинг? Это кто еще?

— Ее муж, — сказал фермер, вытирая выступившие на глазах слезы. — Правда, он умер. Заживо сгорел вместе со своим домом. О Господи, бледнолицый индеец — и Эмма Кинсолвинг! Такое специально нужно выдумать, чтобы книжки писать! Ну ладно, пока, сынок, удачи тебе с твоей возлюбленной! Удача очень тебе пригодится!

Все еще хихикая и качая головой, фермер растворился в ночи. Стоявший возле костра Арчер посмотрел ему вслед, и на лице его отразилось страдание. Повернувшись к Джо, по-прежнему восседавшему, скрестив ноги, у огня, Арчер сказал:

— Эмма замужем… — и медленно сел, где стоял. — Конечно, мне вовсе не следовало бы удивляться, но… замужем…

— Ее муж умер, — вяло сказал Джо. — Так что у тебя все еще есть шанс. А вообще-то этот мужик был прав. Тебе, разумеется, нужно приобрести «нормальную», как вы это называете, одежду. Все эти месяцы

мне даже в голову не приходило, что, будучи одетым в костюм шоуни, ты не чувствуешь себя «нормально» одетым.

Только тут Арчера осенило, что, сам того не желая, он обидел друга.

— Джо, я не имел в виду…

— А что же, в таком случае, ты имел в виду?

— Я… ну, это… Я не имел это в виду, честно! Мне очень нравится этот костюм. Я очень горжусь тем, что являюсь отчасти индейцем-шоуни, и ты знаешь это. Господи, ведь ты же мой кровный брат, мой лучший друг, а последние пять месяцев были самыми счастливыми в моей жизни!

Посмотрев на него, Джо грустно улыбнулся.

— Знаю, — сказал он. — Ты не хотел меня обидеть. Но ведь у тебя нет никаких шансов понравиться элегантной миссис Кинсолвинг, если ты вдруг заявишься к ней в индейской одежде, разве не так?

— Кажется, у меня вообще не слишком-то много шансов понравиться ей, во что бы я ни был одет. А коль уж она и вправду стала здесь такой знаменитой, может, я и сам не захочу…

— Ты не ответил на мой вопрос. Ведь если она увидит тебя вместе со мной, то кинется прочь, словно испуганная олениха.

— Ну что ты…

— Да брось, Маленький Брат, давай уж не будем дурачить друг друга. Знаешь, я назвал тебя Маленьким Братом, потому что именно так я думал о тебе, когда мы были в лесу. Я знал про лес все, ты же не знал ничего. И тогда я начал учить тебя премудростям шоуни, смотреть на тебя как на младшего брата. Но теперь мы покидаем лес и отправляемся в город, где жизнь устраивают белые люди на свой манер. Так что, может быть, настало время мне стать твоим младшим братом.

— Глупости, Джо! Неужели же ты думаешь, будто я хоть что-нибудь знаю про город? Я ведь всего навсего фермерский паренек, деревенщина.

— Да, но ты, по крайней мере, белый деревенщина.

С минуту они сидели молча, а тем временем с кусков оленины в костер начал капать жир, отчего угли зашипели. Арчер чувствовал себя в высшей степени неловко, однако теперь он хотя бы начал понимать причину мрачного настроения Джо.

— Забавно, — сказал наконец Джо, протягивая руку за мясом. — Когда были в тюряге, сколько раз мы говорили о том, как выйдем на волю, как приедем в Калифорнию, как начнем здесь все с начала, даже устроим, может быть, двойную свадьбу… Помнишь?

— Конечно!

— Я и сам принялся с некоторых пор мечтать о Калифорнии. Думал,

может, там я обрету свой дом. Думал, что если и правда там столько места и земли, то, может быть, индейцу будет позволено жить, как он хочет, без того, чтобы непременно идти в посудомойки или уборщики. Но, думаю, я ошибся. Или, может быть, пришел сюда слишком поздно…

— Слишком поздно для чего, Джо?

— Ты слышал, что сказал тот фермер. Мы на его земле. Он владеет этой землей. Я ведь уже говорил тебе, что индейцы никогда не владели землей, они никогда не владели Америкой. Так что, наверное, не следует мне жаловаться на та, что белый человек отнял у нас землю, на которой мы прежде жили. Именно это я имел в виду, говоря «слишком поздно», Маленький Брат. Для меня в Америке не осталось больше места, даже здесь, в Калифорнии.

— Черт возьми, Джо, ты ошибаешься! Тут полно земли, — и Арчер жестом щедрого хозяина показал вокруг. — Я понимаю, когда ты говоришь, что неправильно, если человек владеет землей. Но почему бы нам с тобой не играть по правилам белого человека? Мы смогли бы заработать денег и купить землю. Мы могли бы начать возделывать…

— Я вовсе не желаю быть фермером, — сердито прервал его Джо. — Я хочу оставаться тем, кто я есть — шоуни.

Он повернул к Арчеру свое выразительное ястребиное лицо, и в этот самый момент фермерский паренек из Огайо впервые постиг вдруг всю гнусность чудовищного преступления, содеянного белыми против краснокожих американцев.

Но он не знал, что сказать.

Вдали прокричала сова. При этих звуках жесткое выражение на лице Джо немного смягчилось.

— Помнишь, как я учил тебя разговаривать на языке зверей и птиц? — спросил он.

— Спрашиваешь!

— Эта сова, она ведь тоже частица Великого Духа! Она сказала сейчас: «Джо Тандер, продолжай путь на Запад. Ты еще не нашел свой дом».

— Но куда же еще западнее, Джо? Мы ведь и так уже пришли почти к самому Тихому океану.

— Да, знаю, — Джо рассеянно взглянул на оленину. — Думаю, мы можем уже и перекусить, Маленький Брат. А затем Джо Тандер будет спать. Путешествие было длинное, и Джо немножко устал.

Арчер плохо спал в ту ночь, все время просыпался, его преследовали кошмары. Во сне он видел, как Джо Тандер на своем Текумсе скачет по Великим Равнинам; Арчеру уже столько раз приходилось наяву видеть

скачущего друга — лошадь и человек сливались в единое целое, гордое и потрясающе прекрасное. Арчер и сам скакал рядом с другом. Но вот Джо Тандер вдруг повернулся и помахал рукой. Лошадь Джо взвилась в воздух, и Джо на своем Текумсе полетел над кроваво-красными небесами, устремляясь к заходившему солнцу, а Арчер в недоумении глядел на него. В небе неожиданно появилась большая стая птиц, которые тоже летели на запад: орлы, гуси, ястребы, утки, даже несколько сов. И когда все эти птицы затмили небо, над головой Арчера пролетела отвратительная колдунья. Арчер понял, что это и есть Памола, злой дух ночи, та самая чародейка, которую в начале Времени покорил могучий охотник Глускап.

Памола была белой.

— Джо?

Арчер сел, протирая глаза. Несмотря на прохладу, сопровождающую восход солнца, он был весь в поту от приснившегося. Арчер огляделся. Сосновый лес был исполнен тишины, костер потух.

Джо рядом не было. Не было и Текумсе.

— Джо!

Арчер вскочил и устремился вниз по склону, в направлении того самого ручья, который они вчера обнаружили. Но и там не было Джо.

Восход солнца был великолепен. Небо казалось розовым и необыкновенно чистым. Вновь взобравшись по склону, Арчер оседлал свою лошадь и поскакал на запад.

Сорок минут потребовалось для того, чтобы достичь берега океана. Еще минут десять Арчер метался по пляжу, пока не обнаружил Текумсе.

— О Господи…

Он натянул поводья. Неподалеку от места, где стоял Текумсе, в волнах что-то виднелось. Подскакав туда, Арчер спрыгнул на песок. Пробежав несколько шагов и зайдя в воду, нагнулся.

— Джо… — прошептал он.

На воде лицом вверх покачивалось тело Джо. Лицо его было спокойным, умиротворенным: наконец-то он сумел обрести свой дом в Калифорнии.

Арчер осторожно поднял намокший труп и, прижав к себе, отнес тело на песок. Когда Арчер прижался губами ко лбу Джо, слезы потекли сами собой. Арчер поднял голову и взглянул на чистое небо Калифорнии.

— Великий Дух, — негромко воззвал он, — или Господь, или как ты там себя называешь, помоги мне отомстить за смерть Джо Тандера. Ведь наверняка я могу что-то сделать, чтобы прекратить всю эту

несправедливость. Помоги мне, Боже, потому что я так любил Джо, он освободил меня из тюрьмы и научил, как жить в согласии и единении с природой. Не допусти, чтобы Джо умер напрасно!

Слезы текли у Арчера по щекам, в то время как легкий океанский бриз овевал его мокрое лицо и поигрывал одеждой мертвого индейца-шоуни.

Глава пятнадцатая

Мелодия, доносившаяся из салуна «Белла Юнион» на Портсмут-сквер, исполнялась на дребезжащем фортепиано; внезапно к фортепиано подключились скрипка, аккордеон и труба — тот самый квартет, который когда-то нанимала Чикаго для развлечения посетителей кафе «Бонанза». Заведение Чикаго располагалось как раз за углом от салуна «Белла Юнион».

Был ранний вечер, и площадь прямо-таки кишела жителями Сан-Франциско. Город быстро разрастался за счет представителей самых разных народов, и потому сейчас можно было слышать не менее дюжины различных наречий. Люди были так разнообразно и ярко одеты, что даже Арчер в своем костюме шоуни не слишком-то привлекал взгляды зевак, хотя многие обращали внимание на его светлые волосы, светлую бороду и давно не мытую белую кожу. Хотя Портсмут-сквер все еще считалась центром города, однако эту площадь медленно, но верно относило на периферию городской жизни, делая весьма второразрядной, а по мнению иных, так и вовсе захолустной. Но все-таки газовые фонари горели, заведения работали, публика собиралась, и при обычных обстоятельствах прохожие непременно пялились бы на Арчера. Накрашенные шлюхи и обнаженные до пояса официантки, которых он смог сейчас рассмотреть через стекла кафе «Бонанза», возбуждали его молодую плоть. Однако, за исключением женщин, все остальное не произвело на Арчера решительно никакого впечатления.

Самоубийство Джо Тандера опустошило его. Только теперь, по прошествии некоторого времени, задним умом Арчер смог разглядеть признаки надвигавшейся трагедии: Джо все более и более замыкался в себе, все более мрачнел, все чаще разражался презрительными замечаниями в адрес белых, которых они встречали на своем пути. И все-таки сама трагедия явилась для Арчера полнейшей неожиданностью, и он не переставал себя укорять: во-первых, он чувствовал себя виноватым, будучи белым, а во-вторых, как друг Джо, испытывал также и личную вину за то, что не сумел предвидеть и, стало быть, ничего не сделал для предотвращения трагедии. Потерять единственного друга, того самого,

который спас его рассудок и, вероятно, саму жизнь, вызволив из тюрьмы! Арчер был в отчаянии.

Тут он внезапно заметил вывеску:

«ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР «ДЕ МЕЙЕР И КИНСОЛВИНГ».

Эмма… Как-то она его встретит, что подумает о нем? Фермер в Сономе покатывался со смеху при одной только мысли о том, что Арчер может быть любовником элегантной миссис Кинсолвинг. «Действительно, смешно», — подумал Арчер. Он грязен, у него нет денег. Да и кто он? Осужденный преступник, сбежавший из тюряги уголовник!

Обойдя площадь, Арчер уставился на освещенные витрины магазина: меховые шубы, красивые платья, великолепная мебель, элегантные ювелирные украшения, товары для дома. Все это было так непохоже на предметы, окружавшие их с Джо Тандером. Арчер столько уже времени обходился без денег, что мир материальных благ как бы вовсе перестал существовать для него. Но хотел ли он жить в этом мире? А если Эмма стала неотъемлемой частью этого самого материального мира, хотел ли он тогда возвращения Эммы? Они были в разлуке практически два года. И все эти годы Арчер мечтал о той самой Эмме, которую знал во время поездки на речном пароходе. Вопрос в том, осталась ли Эмма прежней?

Арчер подошел к витрине рядом с главным входом в Торговый центр. В витрине на специальном обтянутом черным бархатом возвышении покоился крупный золотой самородок. Витиеватыми буквами шла надпись: «Желаем вам золотого Рождества!» Маленькие газовые светильники, установленные за внешним стеклом витрины, подсвечивали самородок, и золото похотливо блестело, притягивая взгляды.

Чем больше Арчер смотрел на золотой самородок, тем сильнее вскипала в его душе злость. Золото, красивые вещицы, выставленные в витринах, Торговый центр — Арчер вдруг подумал, что это и есть те ловушки, которые разбрасывает повсюду цивилизация, та самая цивилизация, которая лишила человеческих прав самого Арчера и которая украла то, что по праву принадлежало Джо Тандеру. Внезапно Арчер возненавидел золото.

Перебежав улицу, он поднял с земли увесистый камень.

— Эй ты! Какого дьявола?!

Один из охранников, стоявший перед главным входом в Торговый центр, увидел, как молодой человек в индейской одежде намеревается швырнуть булыжник. Вот он размахнулся, бросил… Камень разбил стекло витрины, осколки погребли под собой золотой самородок.

Со смертью Скотта Кинсолвинга Эмма вынуждена была работать не покладая рук, чтобы создать империю для Арчера-младшего и для Стар. Хотя пока еще ни о какой «империи» говорить, собственно, не приходилось, однако деятельность Эммы была такой разносторонней и привела к появлению такого количества различных предприятий и заведений, что жители Сан-Франциско сравнивали деятельность Эммы с делами крупнейших магнатов Восточного побережья. Страховая компания «Золотой штат», которая недавно начала функционировать, имея в своем штате лишь двух клерков и секретаря, выросла с момента появления в пять раз. Ежедневно выходящая в Сан-Франциско газета «Таймс-Диспетч», которую Эмма основала специально для Дэвида Левина и полностью финансировала из собственного кармана, начинала уже приобретать влияние и делалась достойной соперницей «Бюллетеня». Ну и кроме всего прочего был, конечно, сам Торговый центр.

После того как в день пожара в нем похозяйничали «сиднейские утки», Эмма с такой дьявольской энергией принялась за восстановительные работы, что немногочисленные городские леди начали без остановки щебетать о том, до чего же не подобает женщине — представьте, только-только ставшей вдовой! — заниматься сугубо мужской работой. Эмме было абсолютно наплевать, что эти сан-францисские наседки кудахтали на ее счет, она просто в невиданно короткие сроки, в какие-нибудь три недели, сумела восстановить и открыть для посетителей свой универсальный магазин.

На втором этаже магазина, в кабинете отца, появился второй рабочий стол: именно тут Феликс с Эммой, сидя друг против друга, обсуждали дела, образовав впервые на Западе подлинно деловое содружество «отец — дочь». Феликс занимался управлением Торговым центром, в его обязанности входила масса вещей, в том числе разработка тематического оформления магазинных витрин. Именно ему принадлежала идея поместить в одну из витрин золотой самородок. Эмма же вела бухгалтерский учет, потому что Феликс был абсолютно не способен заниматься цифирью, которая вгоняла его в тоску практически моментально.

В тот вечер Эмма занималась изучением полученных счетов. Прошло больше часа после закрытия магазина, когда раздался стук в дверь ее кабинета.

— Войдите.

Пол Кларк, неуклюжий чернобородый начальник ночной охраны, вошел в кабинет.

— Извините, миссис Кинсолвинг, но у нас там внизу небольшое недоразумение. Мужчина швырнул камень в витрину с золотым самородком.

— И украл его? — спросила Эмма обеспокоенно, потому что этот самородок был застрахован на пять тысяч долларов.

— Нет, мэм. Он просто разбил витрину.

— Почему? Он пьян?

— Нет, мэм. По крайней мере, мне он пьяным не показался, хотя ведет себя некоторым образом не вполне нормально. Сам белый, а одет так, как одеваются индейцы. Говорит, что знает вас, в чем я сомневаюсь. Его зовут Коллингвуд. Арчер Коллингвуд.

Эмма отложила ручку.

— Арчер… — прошептала она.

Пол Кларк уставился на свою хозяйку с некоторым опасением: ему показалось, что Эмму хватил удар.

— С вами все в порядке, мэм?

— Да, просто я… Скажите, у него волосы светлые?

— Да, мэм.

Она поднялась из-за стола.

— Он красив?

— Видите ли, мэм, на этот вопрос сложновато ответить…

— Где он?

— Внизу. Мы задержали его, пока…

Эмма ринулась мимо охранника, и он с изумлением увидел, что она плачет. Подумать только, Эмма де Мейер Кинсолвинг, самая умная, самая богатая и самая крутая женщина в Сан-Франциско, и вдруг — на тебе! — плачет! Он не мог поверить собственным глазам.

Эмма выбежала из офиса, оставив двери распахнутыми, промчалась через приемную, где в этот момент уже не было ни души, миновала расположенную на втором этаже мебельную секцию. Когда она бежала по лестнице, ей вдруг припомнилось, как в последний раз они с Арчером занималась любовью на борту речного парохода. Сколько же он перенес с тех пор!

Не так давно мистер Эпплтон возвратился из Огайо с сообщением, что группа индейцев освободила Арчера из тюрьмы. Эта новость обрадовала и взволновала Эмму которая от Эпплтона впервые узнала об ужасах одиночного заключения. «Но теперь ведь все позади, дорогой мой, — думала она, спускаясь по центральному пролету главной лестницы. — Теперь ты на свободе, и ты — мой! Не когда-нибудь, не завтра, сейчас…

Сегодня ночью!»

Эмма спустилась на нижний этаж и увидела Арчера, который стоял, прислонившись к витрине с часами. По обе стороны от него возвышались охранники.

— Арчер…

Он повернулся. Лицо — грязное, борода — по грудь.

— Эмма…

Пробежав мимо множества витрин, Эмма упала к нему в объятия и принялась целовать. Охрана обменялась недоумевающими взглядами.

— Почему… — она хотела задать Арчеру столько вопросов, но не смогла: такая неуемная радость захлестнула ее, Эмма смеялась и плакала одновременно. Сейчас на ум ей приходили самые что ни на есть примитивные вопросы: — Почему ты разбил нашу витрину?

Оглушенный ее красотой, Арчер непонимающе уставился на Эмму, больше всего боясь поверить, что они и вправду наконец-то опять вместе. Он не спешил с ответом на ее вопрос, поскольку сознавал, что, бросив камень в витрину магазина «Де Мейер и Кинсолвинг», он бросил камень и в Эмму.

— Потому, — сказал он наконец, — что я был взбешен.

Эмма вынуждена была заключить, что непорочный фермерский паренек, каковым Арчер был в пору их взаимной влюбленности, потерял свою непорочность в очень трудных жизненных обстоятельствах.

— Так это и есть мой сын? — склонившись над кроваткой, недоуменно спросил Арчер.

— Это Арчер-младший, — ответила Эмма, держа масляную лампу, чтобы ему было лучше видно. Они сейчас были в детской, на втором этаже нового, только что отстроенного кирпичного дома, который Эмма соорудила на Рашн-Хилл. Старую свою недвижимость на Ринкон-Хилл, которая уцелела после пожара, она передала для сооружения нового Дома моряка. — В следующем месяце, седьмого декабря, ему исполнится год. Ну ведь правда же, он очарователен? Смотри, у него светлые волосики, совсем такие, как у тебя.

— Я даже и не подозревал о том, что я — отец. Какая у него фамилия?

— Кинсолвинг. Скотт усыновил его. Я заключила с ним в некотором роде сделку.

— Сделка? Насчет ребенка?!

— Ну, видишь ли, все это так сложно, я потом объясню. А вот это — Стар, сводная сестра Арчера. — С этими словами Эмма подвела его к еще

одной кроватке, в которой, лежа на спинке, спала маленькая Стар.

— Она тоже твоя дочь? — спросил Арчер.

— Я удочерила ее, и это тоже часть нашей сделки. Ее отцом был Скотт. А матерью — китаянка, любовница Скотта.

— Любовница-китаянка?! — повторил он, как громом пораженный.

— Видишь ли, жизнь в Сан-Франциско несколько более экзотична, чем в Огайо.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду…

Эмма выключила лампу и повела Арчера из комнаты. В верхнем холле она показала ему картины в дорогих золоченых рамах, которые начала собирать. Подойдя к одной из дверей, Эмма остановилась.

— А это твоя комната, дорогой, — улыбаясь сказала она.

— Моя комната?

— Да. Кан До, мой дворецкий, специально приготовил ее для тебя.

Арчер вошел в просторную спальню, подивившись ее немалым размерам. Роскошь состоявшего из двух десятков комнат, обставленного мебелью в стиле Тюдоров дома поразила Арчера почти так же, как и новость, что у него есть сын.

— А вот здесь твоя одежда, — Эмма показала на богато изукрашенную резьбой кровать орехового дерева. На покрывале Кан До аккуратно разложил желтовато-коричневые брюки, элегантную рубашку, к ней красный галстук, а также приталенный сюртук, черные шелковые носки с золотыми стрелками и новое белье. На полу возле постели стояли кожаные ботинки.

— Надеюсь, они подойдут тебе по размеру. Одежда доставлена из магазина. А вот здесь — твоя ванная. Кан До положил там все необходимое для бритья, так что ты сможешь распрощаться со своей жуткой бородой. Прими ванну, переоденься, и мы устроим обед. Нам нужно с тобой столько всего обсудить!

— Мне кажется, ты слишком многое считаешь решенным, — прервал он Эмму. — Во-первых, я не могу заплатить ни за одну из этих дорогих вещей. У меня совершенно нет денег.

— Это все подарки, дорогой, так что тебе не нужно ни за что платить!

— Во-вторых, почему это ты вдруг решила, что я захочу остаться в этом доме?

Она чуть поджала губы.

— Ну, я полагала…

— Вот именно, ты полагала. Точно так же твой покойный муж полагал, что я совсем не буду против того, чтобы провести еще пяток лет в

вонючей тюряге, пока он тут спит с тобой. Но дело в том, что я-то как раз против. Знаешь, Эмма, мне пришлось пройти через огонь, воду и медные трубы. Возможно, твой муж действительно передумал и послал в тюрягу кого-то из своих людей, чтобы они вытащили меня. Но, находясь там, я на всю жизнь запомнил, какое это удовольствие — лежать голым на полу камеры, которая настолько низкая, что невозможно даже распрямиться в полный рост. А я лежал не одну неделю подобным вот образом.

— Но ты понимаешь, что я ничего, решительно ничего обо всем этом не знала. Почему ты думаешь, будто я пытаюсь сейчас загладить то, что сделал мой муж?

— Что ж, раз уж мы заговорили об этом… Ты вот спросила меня, почему это я швырнул камень в витрину. Я сказал, потому, мол, что был очень взбешен. А знаешь, Эмма, почему я был так взбешен? Потому, что эта страна ведет со мной грязную игру с того самого мгновения, как я только появился на свет. И точно так же страна относилась к Джо Тандеру, моему другу. Ему все это осточертело до такой степени, что он пошел и утопился в Тихом океане. Однако эта же самая страна с тобой обращается совсем по-другому, так ведь? Господи, ну конечно же, именно так оно и есть! Только посмотри на этот домище! Посмотри на вещи, которые ты носишь, на свои драгоценности! Ты ведь устроилась очень недурно, разве нет? Я любил ту прекрасную девушку, которую однажды встретил на речном пароходе, однако я вовсе не уверен, что смогу полюбить ту женщину, в которую она превратилась. Джо Тандер научил меня индейскому образу жизни — естественному и по-своему прекрасному. И вот, если ты не будешь против, я останусь в своей индейской одежде, по крайней мере до тех пор, пока не решу, намерен ли я вновь стать белым человеком или нет. Сейчас я могу лишь сказать, что быть краснокожим — это тоже кое-чего стоит.

Эта вспышка разозлила Эмму, но она приказала себе попридержать язык, по крайней мере сейчас.

— Что ж, тебе решать, — сказала она, направляясь к двери. — Но позволю себе заметить, что твой любимый индейский костюм, или как ты его там называешь, жутко воняет, а борода твоя выглядит так, словно в ней завелись блохи. Как бы там ни было, а лично я намерена переодеться, чтобы выглядеть нарядной во время воссоединения двух некогда влюбленных друг в друга людей. Я ведь так надеялась, что у нас будет романтическое воссоединение. Однако если ты и в самом деле желаешь выглядеть как последний из могикан, что ж, твое дело. Через час жду тебя в столовой.

Когда она вышла, Арчер посмотрел еще раз на одежду, разложенную на постели, затем обнюхал свой костюм. Что ж, может, для Эммы этот запах и является вонью. Сам же Арчер привык к запаху настолько, что вовсе его не ощущал.

— Черт побери! — пробормотал он. Все получилось совсем не так, как он мечтал.

Эмма была взбешена поведением Арчера, но тем больше укрепилась ее решимость сделать так, чтобы он принадлежал ей. Она полагала, что он ведет себя нелогично. Но уже одно его физическое присутствие пробудило всю ее былую страсть к нему. Даже его вспышка заставила ее трепетать. С момента, когда не стало Скотта, Эмма ни с одним мужчиной не занималась любовью — она до такой степени погрузилась в дела, что забыла даже о вечеринках. Но сейчас у нее было такое чувство, будто ее поджаривают на медленном огне. Она так сильно хотела Арчера, что ей было абсолютно наплевать, что он там говорит об индейском образе жизни и тому подобной ерунде.

И потому Эмма решила, что соблазнит его, причем соблазнит вовсе не на индейский манер, а так, как это делают белые женщины.

В Сан-Франциско за последнее время приехало немало французов, в городе открылось несколько французских ресторанчиков, а у Эммы появилась симпатичная французская горничная по имени Адель. Войдя в спальню, Эмма увидела через дверь, как Адель наполняет ванну. Войдя в отделанную мрамором ванную комнату, которая считалась достопримечательностью Сан-Франциско, Эмма сказала:

— Адель, даю тебе один час, чтобы сделать меня неотразимой.

Адель выпрямилась и внимательно посмотрела на хозяйку.

— Я видела вашего мсье Коллингвуда, — сказала она. — Он очень красив, только выглядит как траппер или что-то в этом роде.

— Он думает, будто он индеец, — сказала Эмма, тогда как Адель принялась расстегивать ей платье. — Что ж, в таком случае сегодня вечером возобновится франко-индейская война, раз уж на то пошло. Ты обязана сделать с моими волосами что-нибудь необыкновенное, чтобы я могла полностью погрузиться в Nuit d'Amour [18]. Я надену красное бархатное платье и к нему бриллианты. Нет такого мужчины, который мог бы устоять против красного.

— Вы позволите дать мне совет, мадам? Красный — это очень броский цвет, а вот нежно-зеленый сделает мадам куда более ravissante [19].

Эмма с удовольствием погрузилась в ванну.

— Ты права, — вздохнула она. — Ох, Адель, он так ужасно, совершенно ужасно обращался со мной! После всего, что было, он вдруг начал читать мне нотации. Я так хотела, чтобы он поднял меня на руки и отнес в постель. А он что сделал вместо этого? Принялся болтать о своих проклятых индейцах.

Большой губкой Адель принялась намыливать плечи Эммы.

— Мужчины, они ведь все чокнутые, — сказала она. — Но ничего, мы укротим голубчика. Стоит ему только один-единственный раз как следует посмотреть на мадам, как он мигом позабудет обо всех на свете индейцах и будет желать лишь одного — заняться с мадам любовью.

— Дай-то Бог, чтобы ты оказалась права. О Господи, я так сейчас волнуюсь! Индейцы какие-то… Но послушай, Адель…

— Да, мадам?

— Я все еще с ума схожу по нему.

— Значит, мадам заполучит его в лучшем виде. Ни один мужчина не сможет устоять перед прекрасной женщиной, которая к тому же влюблена.

Стены столовой были обтянуты собранной в складки льняной материей, которую Эмма выписала из Англии. Потолок же комнаты представлял собой копию потолочной росписи в Хемптон-Корте. Но фантазия возобладала. Эмма повесила хрустальную люстру XVIII века над обеденным столом XIX века, за которым могли уместиться два десятка гостей. Кан До позаботился о том, чтобы свечи были зажжены не только в люстре, но и в двух серебряных канделябрах на восемь свечей каждый. В комнате царил приятный мягкий свет.

Открылась дверь, и явилась Эмма.

— Тайтай замечательно выглядеть сегодня, — искренне сказал Кан До. Адель завила ее волосы в тугие локоны, наподобие колбасок, что считалось весьма модным; светло-зеленое, из тонкой переливчатой материи платье обнажало прекрасные плечи Эммы и самую малость приоткрывало соблазнительную округлость груди. Эмме не пришлось продавать драгоценности, которые Скотт подарил ей в разное время; бриллианты и изумруды сейчас переливались, сверкая.

— Спасибо, Кан До, — сказала Эмма и, подойдя к буфету в стиле «жакоб», посмотрелась во встроенное зеркальце. Внезапно она поняла, что допустила ошибку.

— Драгоценности! — нервно прошептала она и принялась разъединять застежку бриллиантового колье. — Они сейчас ни к чему,

иначе он снова примется отчитывать меня. — Торопясь, Эмма спрятала колье и брошь в один из выдвижных ящичков буфета и с грохотом задвинула ящичек как раз в тот момент, когда в зеркале увидела отражение входящего в столовую Арчера.

Он принял ванну, побрился и оделся в приготовленную Эммой одежду.

Повернувшись и одарив его улыбкой, Эмма уже знала, что первый раунд она выиграла.

— Я пьян, — сказал Арчер два часа спустя, неуверенными движениями снимая с Эммы одежду, с помощью которой она вновь обольстила его. — Я никогда прежде не пил шампанского. Вот теперь ты начала двоиться, впрочем, это вдвое лучше. Ох, Эмма, Эмма, я мечтал о тебе столько ночей!

Она лежала на постели, ее прекрасная нагота освещалась мягким розовым светом ночника. Эмма раскрыла объятия.

— Иди ко мне, любовь моя, — прошептала она.

Он встал на колени рядом с Эммой, нагнулся и поцеловал ее. Затем медленно лег поверх нее, и их тела слились воедино. Язык Арчера устремился за языком Эммы, а руки его ласкали ее грудь, тогда как Эмма поглаживала его спину, чувствуя, как его живот все сильнее прижимается к ее телу.

— Я люблю тебя, — прошептала она. Едва только Арчер вошел в нее и сделал несколько движений, как долго сдерживаемые капли любви вырвались на свободу и оросили ее лоно. — Я так люблю тебя! Слава Богу, что ты наконец-то вернулся ко мне, дорогой мой, мой милый, любимый…

Арчер забыл все слова: его обуяла первозданная животная страсть. Он вновь возобновил свои движения, чувствуя, что все приближается и приближается невыразимое наслаждение.

— О… Боже… Боже мой!..

Последнее движение Арчер сделал с такой силой, что они вместе, единым голосом застонали, тела покрылись потом, сотрясаясь в пароксизме страсти. Эмма боялась, что сердце ее выскочит из груди.

После того как они немного передохнули в объятиях друг друга, Арчер поднялся с постели и подошел к окну, глядя на залив, в котором отражалось усеянное звездами небо. Эмма жадно наблюдала за ним.

— Ты счастлив?

Какое-то время он не отвечал ей; когда же наконец обернулся, Эмма, к своему удивлению, увидела, что по щеке его катится слеза.

— Да, я счастлив, — сказал он. — Но мне так недостает Джо Тандера.

И самое паршивое, что… — он поколебался немного и выражение гадливости появилось у него на лице. — Я предал его. Мне стало стыдно за мой костюм шоуни, мне, видите ли, захотелось быть белым человеком. — Арчер вновь посмотрел на воды Тихого океана. — Я думаю, тебе может это все показаться забавным, но для меня это очень важно. Не знаю, смогу ли когда-нибудь простить себя.

— Арчер, это ведь так трогательно, что ты жалеешь индейцев…

— Ты не понимаешь! Я восхищаюсь ими!

— Но как ты можешь восхищаться дикарями? Индейцы — это живые реликты ушедших времен. Америка становится страной белых людей, и это идет ей только на пользу. Мы построим здесь очень мощное и богатое общество.

— Но будет ли от этого лучше?

— Разумеется, будет. Когда-нибудь придет время и в этом городе появится опера и, кроме того, еще музеи, театры, школы…

— И все же я повторю: а будет ли от этого лучше? Разве искусство лучше, чем жизнь в согласии и единении с природой?

— Ну, если в это не верить, то какой тогда прок от пятитысячелетней цивилизации? Разве Бетховен не лучше, чем там-там?! Впрочем, хватит об этом. Мы столько времени были разлучены, что просто глупо тратить сейчас время на споры. Нам нужно обсудить твое будущее.

— Да какое уж там у меня будущее! — с горечью произнес он. — Заключенный, сбежавший из тюрьмы, фермер без земли, индеец без племени, белый без гроша в кармане. Я ни на что не годен, разве что только в политики.

При этих словах лицо Эммы просияло.

— Не иронизируй. Скотт, наверное, был бы сейчас губернатором, если бы не погиб. Может, тебе и вправду заняться политикой? В здешней политике правит бал Слейд Доусон, поскольку после смерти Скотта у него не осталось противников… Знаешь, это прекрасная идея!

— Ты, кажется, забыла, что я беглый арестант?

— Мы купим тебе помилование. Купить можно все, что угодно!

— Но, послушай, я не желаю принимать участие в таком циничном деле! Черт возьми, я, по-моему, стал еще и капризным! Там, на Равнинах, меня прозвали «белокурым индейцем». Так, может, мне уж лучше пойти в цирк, устроиться там шутом: «Арчер Коллингвуд, белокурый индеец, умеющий разговаривать с животными».

— Я вполне понимаю твою горечь, дорогой, но, думаю, тебе следует пересмотреть свое отношение к политике. А кроме того, ты неправ: у тебя

есть кое-какие деньги. Скотт распорядился, чтобы на твой счет в банке были положены десять тысяч долларов. Разумеется, деньги так и остались на твоем счету, когда мы узнали, что тебе удалось выбраться из тюрьмы. Так что теперь они по праву твои. И у меня очень много денег: дела нынче идут ужасно хорошо. Мне бы хотелось разделить с тобой то, что я имею.

— А как же основополагающая идея о том, что мужчина должен быть кормильцем?

— Кто говорит, что ты не в состоянии зарабатывать деньги? Если не желаешь попробовать себя в политике, тогда подключайся к какому-нибудь из моих начинаний: видит Бог, мне нужна помощь! Вот, например, страховая компания, она разрастается не по дням, а по часам. Ты мог бы пойти туда работать, а в один прекрасный день возглавить ее.

Арчер закатил глаза.

— Страховая компания… Уж лучше я пойду работать в цирк!

— У тебя не то положение, чтобы быть слишком уж привередливым, — вырвалось у Эммы, хотя в ту же самую секунду она пожалела о сказанном.

Арчер резко повернулся к ней.

— Ты совершенно права. Я никто, я — бродяга. Тогда как ты — великая миссис Кинсолвинг, самая необыкновенная леди на Западном побережье. Так какого же черта ты связалась с неудачником?! У тебя должен был бы быть более тонкий вкус!

— Арчер, я прошу…

Подняв с пола брюки, он швырнул их на стул.

— Вот твои модные подарки! И спасибо тебе за ужин, Эмма. Я забираю свои вонючие индейские одежды и больше не смею тебя беспокоить. Хотя десять тысяч заберу, потому что считаю, что этот подонок, который женился на тебе, был мне должен кое-что.

— Замолчи! — крикнула она, выскочив из постели. — Во-первых, он вовсе не подонок! Он был отличным человеком, усыновившим твоего сына и намеревавшимся дать ребенку все…

— Кроме моего имени!

— Да, кроме твоего имени! И если у тебя есть хоть капля ума, ты должен понять, что пора прекратить стенания насчет твоих индейцев и дать сыну его подлинное имя!

Арчер был несколько обескуражен.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне что же, по слогам нужно произносить? Или я должна встать на колени и умолять тебя? Женись, мол, на мне!

— Но…

Подбежав к Арчеру, Эмма обняла его.

— Я так сильно люблю тебя, и без тебя мне было так одиноко… На мне лежит такая огромная ответственность, а кроме того, я хочу, чтобы у детей был отец. Так что прекратим говорить о деньгах или работе. Потом подумаем о твоем будущем. Пожалуйста, Арчер, останься со мной… Будь моим мужем и моим любимым. Ты однажды уже разбил мое сердце — я не вынесу, если потеряю тебя во второй раз!

Взглянув в ее аметистовые глаза, Арчер почувствовал тепло ее тела, и вскипевшая в душе его горечь начала испаряться.

— Мне это тоже разбило бы сердце, — прошептал он.

— Значит ли это, что ты женишься на мне? Значит ли это, что ты станешь отцом для детей, которым отец так нужен?

— Да, — кивнул Арчер.

Эмма сжала его в объятиях. И через мгновение он ответил на них.

— Вся Калифорния будет говорить, что я женился на тебе из-за денег, — вздохнул он.

— Мне плевать, о чем будет говорить Калифорния. В конце концов, если бы ты не спас отцовские бриллианты, когда мы плыли по реке, неизвестно еще, где бы все мы были сегодня. Так что если кто-нибудь и откроет рот, чтобы сказать, будто ты женился на деньгах, я расскажу о том случае. А кроме того, теперь это будут *наши* деньги! Тебе пришлось испытать столько горя, но теперь все это позади. Остаток своей жизни я посвящу тому, чтобы сделать тебя счастливым.

Арчер посмотрел на нее и подумал, что, как бы там ни было, а в конечном итоге политика — это вовсе не такое уж и плохое занятие. Как Маленький Брат, он был бессилен. Но как сенатор Коллингвуд, он сможет что-либо сделать для индейцев. Ну разумеется! Арчера словно молнией пронзило: он ведь просил Господа ниспослать кого-нибудь, кто помог бы ему отомстить за смерть Джо Тандера! И вот Господь послал ему Эмму!

— Ты действительно думаешь, что я смогу стать сенатором? — спросил он, пристально глядя ей в глаза.

— Это потребует многие годы, отнимет массу времени и денег, но если ты хочешь, чтобы я ответила, я отвечу: да, ничего невозможного нет.

— Может быть, именно таким образом я и смогу помочь Джо Тандеру, — тихо сказал он. — Я не раз думал о том, что должен же существовать какой-нибудь способ помочь индейцам, исправить то, что с ними сотворили. Но я никогда не думал, что именно я могу это сделать. Ведь, в сущности, кто я? Никто. Но если бы мне удалось стать сенатором,

то тогда я сумел бы, наверное, что-нибудь сделать.

— Арчер, я клянусь, что сделаю все, что в моих силах, чтобы сделать тебя сенатором. Понимаю, это звучит цинично, но с помощью денег и вправду можно получить практически все, остальное же сделает время. Так что давай используем наши деньги на доброе дело.

Улыбка появилась на лице Арчера: с плеч свалилась огромная тяжесть — вины, смущения, разочарования. Арчер вновь заключил Эмму в объятия.

— Может быть, нам с тобой что-нибудь и удастся, — прошептал он. — Я думаю, это будет очень замечательно — ты и я…

— О, дорогой… Но ты забыл кое-что.

— Что?

— Ты не сказал, что любишь меня.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя. Как только увидел на палубе парохода, так сразу же и влюбился. Нет, не так. Я не столько любил, сколько желал тебя. Я и сейчас хочу тебя, но теперь… Эмма, впервые в жизни будущее и впрямь кажется мне замечательным.

Часть III

Ноб-Хилл и Тонговые войны

Глава первая

Молодой человек в белом галстуке и фраке нахлестывал двух лошадей, впряженных в «викторию» — легкий двухместный экипаж. Лошади с натугой взбирались вверх по крутой Калифорния-стрит на вершину холма Ноб-Хилл.

— Ну же, давайте, сволочи, пошевеливайтесь! — кричал во всю глотку Арчер Коллингвуд-младший. — Живее!

Был вечер, апрель, 1877 год. Арчер был сейчас в стельку пьян, пьян до изумления. В свои двадцать шесть лет он был самым богатым и самым красивым молодым человеком в Сан-Франциско. «Кронпринц города», — назвал его Сидни Толливер, хроникер светских новостей из «Таймс-Диспетч». «Общественное недоразумение номер I» — так говорили о нем конкурирующие газеты, обзывая подчас даже «неугомонным отродьем Запада».

«Виктория» наконец остановилась на вершине холма возле парадного подъезда огромного особняка, построенного из известняка. Наискосок от него — на углу Калифорния-стрит и Мэзон-стрит — располагался особняк Джеймса Флуда. Кубарем скатившись с сиденья возницы, Арчер оказался

на булыжной мостовой, чуть не уткнувшись в нее носом. Как только грум-«поднебесник» взял лошадей под уздцы, Арчер, качаясь из стороны в сторону, с трудом заковылял к главному входу во дворец, построенный его родителями четыре года назад.

Сенатор и миссис Арчер Коллингвуд откупили почти половину квартала на вершине 338-футового холма, который представлял собой Пятую авеню Сан-Франциско; там они выстроили замок в стиле, который при желании можно было определить как «французский ренессанс». Нажимая на звонок рядом с искусно сделанной из стали и стекла дверью, Арчер-младший тихонько посмеивался, припоминая те захватывающие дух описания дома, которые появлялись в местных газетах. Даже «Бюллетень», которым владел враждебный клан Доусона, не удержался от того, чтобы не поделиться с читателями своим восторгом — и это при том, что Слейд Доусон никогда не упускал случая лягнуть в своей газете Коллингвудов. «Этот дом, — с пеной у рта сообщал «Бюллетень», явно загипнотизированный цифрами, — имеет едва ли не столько же башен, сколько знаменитый Château de Chambord [20]во Франции — тот самый замок, который вдохновил архитектора, работавшего по заказу миссис Коллингвуд. Всего в особняке семьдесят две комнаты, а ванных комнат больше, чем в Белом доме. Бальный зал по своим размерам сопоставим лишь с Тронным залом Букингемского дворца».

— Мистер Младший, вы опять напились! — с горечью воскликнул седой Кан До, открывая дверь. — Вы есть несносный мальчик!

— Тсс! — зашикал на него Арчер, приложив к губам палец правой, затянутой в белую перчатку руки и грузно вваливаясь внутрь. — Нельзя, чтобы герцогиня узнала. Где, кстати, она?

— Тайтай в кабинете…

— А, подсчитывает свои миллионы. Хотя, впрочем, почему бы и нет? У нее их столько, что нелишне и пересчитать… Впрочем, я хочу видеть отца. Как он?

— Доктор говорит, что лихорадка уменьшилась. Он думал, что ваш отец скоро совсем будет поправляться. Но только вам лучше пойти и протрезвиться немного, иначе тайтай опять будет сердиться.

— Ничего, как-нибудь переживет. Знаешь, Кан До, моя мамаша переживет все что угодно. Пожары, спады, депрессии… Не представляю, есть ли на свете что-нибудь такое, что способно убить ее. Не в том, конечно, дело, что я желаю ей смерти, о нет! Помнишь, Кан До, какой она была раньше? Какой прекрасной — когда играла те шопеновские вальсы? — И Арчер попытался проделать что-то вроде танцевального па.

— Тайтай и сейчас очень красивая и привлекательная. А вам хорошо бы пойти на кухню и протрезветь немного. Стыдно! Ведь до обеда еще далеко!

Арчер пьяно осклабился и сгреб в охапку китайца, который весил чуть ли не вдвое меньше его.

— Ты что же, Кан До, собираешься меня отшлепать, как бывало в детстве?

— Следовало бы, хотя вы теперь и взрослый.

Арчер, шатаясь, выпрямился.

— А что ты думаешь об этой семейке, а? Разве она не сумасшедшая? Мой папаша — сенатор. За одно это мамашу следовало бы хорошенько отшлепать. Купила ему помилование так, как если бы покупала очередную чертову французскую софу. Хотя, о чем я, черт побери, ведь она все себе в жизни купила. Почему бы не купить и Сенат?! — Арчер икнул и направился в главный холл высотой в три этажа. Красивая двойная лестница вела из холла наверх; по внешней стороне лестницы тянулась изящная балюстрада из кованого железа. Между двумя пролетами лестницы, которые сходились в одной точке, образуя огромную букву «V», висел портрет Эммы в натуральную величину. Портрет был выполнен в броском и эффектном стиле королевских портретов работы Винтерхальтера. Эмма в самом расцвете своей ослепительной красоты стояла на условной террасе, глядя на Сан-Францисский залив, служивший фоном картины. Эмма была изображена художником в бархатном платье цвета берлинской лазури, пышная юбка величественными складками ниспадала до самого пола. Волосы Эммы были уложены в высокую, сплошь из сложных завитков прическу, увенчанную бриллиантовой звездой, длинная шея украшена жемчугом, а открытые плечи, благодаря мастерству художника, выглядели на полотне потрясающе чувственными.

— Мама! — воскликнул Арчер и, сняв с головы шляпу, торжественно раскланялся перед портретом, обрамленным в золоченую раму. — Великая Герцогиня Сан-Францисская! — Он прочистил горло и, подражая детской манере говорить, прошепелявил: — Мамоцка постлоила больсой такой, больсой домик, стобы показать всем соседям, какая она у нас тепель богатая. У мамоцки много длагоценностей, денюжек, всего-всего у нее много. Мамоцка — настоящий монетный двор этого проклятого Сан-Франциско…

— Мистер Младший, я не хотел бы, чтобы вы продолжали разговаривать в подобном тоне, — сказал Кан До, торопливо беря Арчера под руку. — Сейчас мы с вами пойдем на кухню…

— Оставь меня, Кан До! Я хочу видеть своего отца!

Арчер сердито выдернул руку, шатаясь, направился по мраморному, в черно-белую клетку, полу к правой лестнице и стал карабкаться по ступеням, при каждом шаге хватаясь за балюстраду.

— Арчер!

Он поднял голову. Как только муть рассеялась и он начал видеть окружающее более-менее отчетливо, его взору предстала стоявшая на верхней площадке женщина — по его мнению, самая красивая женщина если не в целом свете, то уж наверняка на Западном побережье. Это была его сводная сестра.

— Стар, — прошептал он и, споткнувшись, едва не упал перед ней на колени.

Стар стремительно сбежала по ступеням вниз.

— Ох, Кан До, опять он напился! Маму когда-нибудь удар хватит.

— Вот я, мисс Стар, и пытаюсь затащить его на кухню, от греха подальше.

— Ему нужно выпить кофе. Может, нам удастся как-нибудь протрезвить его до возвращения мамы? Арчер, ответь, где ты был? Опять в клубе, да?

Она имела в виду клуб «Олимпик» на Пост-стрит. Это был один из старейших в мире клубов любителей атлетики, основанный семнадцать лет назад. Стар знала, что почти все время брат проводит именно там: купается, занимается фехтованием, штангой, ну и, конечно, пьет.

Арчер перегнулся через балюстраду, с пьяным обожанием улыбаясь сестре.

— А знаешь, — сказал он ей, — ты такая красивая!

Стар взяла его под руку.

— А ты такой пьяный! Честно, Арчер, ты что, пытаешься убить себя? Пойдем-ка наверх, я посажу тебя в горячую ванну.

— Ты что же, разденешь меня?

— Ну, помогу…

— Точнее сказать, ты сама разденешься?

— Арчер, перестань!

— А что такого? — с трудом выговорил он, поднимаясь по ступенькам. — Мы ведь с тобой не настоящие брат и сестра. У нас нет общей крови, поэтому не вижу ничего плохого в том, что мне хочется поцеловать тебя. Черт возьми, да и что дурного в том, если бы я даже хотел заняться с тобой любовью? Странно было бы, если бы подобных желаний у меня не возникало.

— Нет, это нехорошо, потому что мы с тобой на самом деле брат и сестра, пусть даже в наших жилах течет разная кровь. Если бы Клейтон услышал твои слова, через десять минут об этом бы знал весь Сан-Франциско.

— Клейтон Деламер, этот болтливый идиот. Тебе нельзя выходить за него, Стар, он не стоит тебя. Тебе нужно выйти замуж за меня.

Стар вздрогнула.

— Не говори так, — прошептала она.

Арчер усмехнулся и склонился над ней. Понизив голос, он сказал, дыша на нее перегаром виски:

— Знаешь, а ведь я мог бы шантажировать тебя. Я ведь знаю твой секрет.

Она напряглась.

— Нет у меня никаких секретов!

— Нет, есть! Но если ты меня поцелуешь, обещаю, что никому не скажу, даже Герцогине.

В янтарных глазах Стар с чуточку манчжурским разрезом мелькнул страх.

— Ты этого не сделаешь, — прошептала она.

— Поцелуй меня, и тогда действительно не сделаю.

Стар посмотрела за балюстраду. Огромный холл с его гобеленами и развешанным по стенам оружием был в эту минуту совершенно пуст. Затем Стар перевела глаза на сводного брата, которого обожала и которого боялась.

— Ладно, только побыстрей.

Арчер крепко сжал Стар в объятиях и поцеловал ее со страстью, которая решительно не имела ничего общего с братскими чувствами. Через секунду Стар оттолкнула его и ударила по щеке.

— Дьявол, — прошипела она.

Стар устремилась вверх по лестнице, а пьяный хохот Арчера наполнил собой холл, многократно отразившись от известняковых стен. Продолжая карабкаться по лестнице, Арчер принялся петь:

Вот золотоискатели на Запад все продвинулись,

Где их уж ждали шлюхи, чьи ляжки враз раздвинулись.

Они совокупились, и брызнул в вульвы ток —

Родился сын Америки, прекрасный, как цветок.

Взобравшись наконец наверх, он несколько помедлил, дожидаясь, когда же две огромные хрустальные люстры, свисавшие с обитого металлическими листами потолка, прекратят свою пляску.

— Мистер Младший, — позвал снизу Кан До. — Я приготовил для вас кофе.

— Потом, Кан До. Я хочу увидеть своего отца. Мой папуля — сенатор. Бедняга!.. Он как-то говорил мне, что его единственной мечтой было стать индейцем-шоуни. Представляешь? Сенатор Арчер Коллингвуд, богатейший человек в Калифорнии, единственный из всех, кто приперся сюда не в поисках золота — и такие вот мечты! Разве он не псих?

Кан До уже начал подниматься по лестнице, держа в руках поднос с кофейником и чашкой. Но Арчер, отпустив перила, нетвердой походкой двинулся по коридору верхнего этажа в спальню отца. По стенам широкого коридора висело множество картин, среди которых были и хорошие, и совсем плохие. Тут были шедевры Тициана, Ватто, де Латур, меж которыми располагалась дешевая сентиментальная мазня современных художников. Собиравшая эти полотна Эмма обладала зорким взглядом, но не безупречным вкусом.

Арчер медленно покачивался перед массивной дверью орехового дерева, расположенной в самом конце этой галереи, и наконец постучал. Шесть недель назад отец серьезно заболел брюшным тифом. Целую неделю он бредил, причем это состояние еще более усугублялось острыми кишечными кровоизлияниями. Тогда вся семья серьезно опасалась за его жизнь, однако теперь доктор полагал, что кризис миновал и жизнь мистера Коллингвуда вне опасности. Все облегченно вздохнули, поскольку сенатор пользовался большой любовью калифорнийцев.

Ни для кого не было секретом, что истинным лидером в семье была Эмма Коллингвуд — финансовый гений, сколотивший состояние, которое можно было сопоставить с богатством семейства Вандербильтов. Но если кого и обожал Арчер-младший, так это доброго, мечтательного Арчера-старшего.

Кан До был тут как тут.

— Мистер Младший, глотните кофейку, пожалуйста…

— Тсс… Кажется, отец спит, — сказал Арчер и осторожно повернул золоченую дверную ручку.

Открыв дверь, он вошел в огромную спальню, потолок которой уходил вверх футов на двадцать. Но даже несмотря на это, в спальне было душно,

и первым побуждением Арчера было открыть одно из окон. Он пошел по дорогому, расшитому цветами аксминстерскому ковру и только тут заметил сиделку, дремавшую рядом с большой орехового дерева кроватью отца. В тот же самый момент сиделка проснулась, и Арчер, приложив к губам палец, на цыпочках бесшумно направился к ней. Кан До так же бесшумно следовал за ним.

В голове Арчера промелькнул целый калейдоскоп воспоминаний: как он, бывало, в детстве охотился вместе с отцом и ловил рыбу, используя приемы индейцев, как отец пытался научить его понимать язык лесных оленей.

Однако же мистеру Арчеру-младшему никогда не был близок индейский образ жизни. В 1863 году, когда мистеру Арчеру-старшему выпало заменить в Сенате серьезно заболевшего сенатора Брукинга, его сыну было всего тринадцать лет. Повзрослев, Арчер-младший стал чрезвычайно гордиться отцом, и не только потому, что это был его отец, но и потому, что тот был одним из немногих людей в Америке, знавших и понимавших индейцев; более того, Арчер-старший чуть ли не в одиночку сражался в Вашингтоне за права индейцев.

Однокашники Арчера-младшего по Принстонскому университету не упускали случая безжалостно припомнить ему «грабителя банков», «индейского любимчика сенатора Коллингвуда». Для них, как и для многих людей в Америке, не было секретом, что жене Арчера-старшего пришлось выложить двадцать тысяч долларов, чтобы купить ему помилование, с тем чтобы он смог просто голосовать, не говоря уж об избрании его в государственное учреждение. Многим было известно также, что Эмма потратила немало средств на избирательную кампанию губернатора Стэнфорда с таким расчетом, чтобы можно было проторить для Арчера-старшего дорожку в Сенат. Благодаря отцу Арчер-младший с симпатией относился к индейцам, несмотря на то, что сам так никогда и не научился разговаривать с животными.

Два года назад, в 1875 году, в битве при Литтл-Бигхорне от руки индейцев пал генерал Джордж Армстронг Кастер, и всю нацию охватила бешеная ненависть к краснокожим, тем самым, у которых белые отняли Америку. Для симпатизирующего индейцам сенатора Коллингвуда это явилось последней каплей. Сенатор и вообще-то не слишком жаловал Вашингтон, работа в котором отрывала Арчера-старшего от семьи. Он подал в отставку с сенаторского поста и, сломленный, вернулся в Калифорнию. Он понял, что ему не удалось отплатить за смерть Джо Тандера. А именно это и было главной и единственной целью «крестового

похода» сенатора. Тот факт, что ход истории не может изменить никто, даже американский сенатор, не имел для Арчера-старшего никакого значения — он попросту считал себя неудачником. Окруженный богатством, накопленным супругой, он погрузился в своего рода летаргию, вспоминая о тех временах, отстоявших теперь на добрую четверть века, когда он скакал верхом вместе с Джо Тандером. Он часто говорил сыну, что то были самые лучшие, самые светлые дни в его жизни. И хотя Арчер-младший силился понять отца, при всем желании он не мог этого сделать. Мистер Младший слишком любил и ценил материальные блага, которые обеспечивали деньги его матери. И вот почему Арчер-младший, когда был пьян, задирал Эмму и превозносил отца.

— Отец!.. — прошептал Арчер, улыбаясь все еще красивому человеку, лежавшему на постели.

— Послушайте, мистер Младший, — также шепотом сказал Кан До, — не беспокойте его.

— Отец!

Выражение пьяного ужаса появилось на лице Арчера-младшего, когда он коснулся руки отца, лежавшей поверх стеганого одеяла. Отцовская кожа была холодной, пульс не прощупывался.

— О Господи… Нет же, нет!..

Арчер упал на колени возле кровати. К нему поспешила сиделка.

— Он умер, — недоуменно прошептал сын. — Самый замечательный человек из когда-либо живших на свете — умер…

Закрыв лицо руками, Арчер-младший разрыдался. И тут его коснулась мысль, что он уже не кронпринц. Теперь он — король.

Да, но была еще и королева, всемогущая Эмма.

Может быть, он и король, но пока еще не глава семьи.

Девятнадцатилетний китаец снял рубашку и протянул ее двум солдатам тонги Суэй Синг — общины под названием «Чертог благоприятной победы». Молодой человек, которого звали Фонг Ах Синг, выглядел испуганным и в то же время взволнованным, ибо это был величайший момент всей его жизни. Солдат тонги аккуратно сложил протянутую ему рубашку и положил ее на деревянную полочку, в то время как второй солдат открывал железную дверь. Эти, более пожилые, солдаты тонги были *«бу хау дой»*— «сыновья боевого топора», поскольку тонга Суэй Синг была чертогом убийц, как и большинство из многих дюжин тайных общин, которые играли главенствующую роль в преступном мире Сан-Франциско. Как только железная дверь открылась, двое суэй-сингов

сделали знак Фонг Ах Сингу, чтобы он проходил внутрь.

Во внешних помещениях тайного убежища «Чертога благоприятной победы» было так же жарко и так же воняло, как на Споффорд-Элли, грязной улочке Чайнатауна, где размещался «Чертог». Но как только молодой человек очутился во внутренней комнате с низким потолком, он сразу же ощутил сырую прохладу, к которой примешивались ароматы благовоний. Комнату освещали тусклые китайские светильники. Железная дверь закрылась, и двое суэй-сингов повели молодого человека по узкой лестнице, кирпичные ступени которой вели в подвальную комнату.

Эта комната была пустой и темной, хотя молодой человек и смог разглядеть деревянную дверь. Где-то раздался удар далекого гонга, и почти сразу эта дверь распахнулась внутрь. Суэй-синги схватили молодого человека за руки и втолкнули в другую комнату, гораздо большую и хорошо освещенную фонариками и свечами. Несколько китайцев в белых, подпоясанных кушаками одеждах и повязанных на пиратский манер платках дружно повернулись в сторону Фонга Ах Синга и двоих сопровождающих его людей. Обряд посвящения в тонгу совершался с чрезвычайной торжественностью; два человека, приведшие сюда Фонга, считались его «крестными отцами». Сам по себе обряд, который несколько разнился в каждой из тонг, основывался на ритуалах, которые возникли двести лет назад, когда для сопротивления манчжурским завоевателям в Китае были сформированы самые первые тонги — пекинские.

Напротив двери был воздвигнут затянутый материей алтарь, а над ним был укреплен длинный свиток с надписями в стиле китайской иероглифической каллиграфии. На алтаре были в соответствующем порядке разложены колосья хлеба и сплетенные из ивовых прутьев корзины, некоторые из которых были наполнены благовониями. Перед самым алтарем на специальном плетеном коврике сидел, скрестив ноги, человек, облаченный в одежды ярко-красного цвета. Ему было за тридцать, красивое лицо отличалось жестким выражением, по левой щеке змеился шрам от ножа, похожий на зигзагообразную молнию, ударившую в самый угол тонких, плотно сжатых губ. Его темные глаза, казалось, пронзали Фонга насквозь, тщательно изучая его самые потаенные мысли.

«Крестные» подвели к нему Фонга.

— Это Кай Йи, — сказал один из «крестных» на кантонском наречии.

— Снимай одежду, — приказал Кай Йи.

Фонг тотчас же повиновался.

— Изучите его тело на предмет родимых пятен и прочих отметок злых духов.

Оба «крестных» обошли тщедушное тело Фонга, внимательно осматривая и изучая его.

— Похоже, он чист, — хором ответили «крестные».

— Надень штаны.

Фонг повиновался.

— Хорошо ли ты продумал тот шаг, который сейчас намереваешься предпринять?

— Да, Кай Йи, — ответил юноша.

— Ты готов штурмовать Великую Стену?

— Хоть сейчас, Кай Йи.

— А оружие у тебя приготовлено?

— Пока что нет, Кай Йи.

— Как может быть ребенок рожден без матери?

— Моя почтенная матушка следует за мной, Кай Йи, — сказал Фонг, показав рукой на того из «бу хау дой», который был слева от него и чье лицо казалось особенно кровожадным. — Она стоит сейчас но левую руку от меня, а крестный мой отец — по правую.

— Готов ли ты стать кровным братом?

— Готов, Кай Йи.

— Так пусть же тогда твоя матушка прольет материнскую кровь.

Фонга подвели к алтарю.

— На этом алтаре, — сказал Кай Йи, — ты видишь символы нашей тонги. Это блюда с сахаром, чтобы устранять горечь из наших сердец, колосья хлеба, символизирующие изобилие, чаша с маслом, чтобы освещать будущее, и чаша с уксусом, с которым сейчас мы смешаем нашу кровь.

«Крестная мать» схватил Фонга за правую руку и уколол иглой его указательный палец. Затем с силой опустил кровоточащий палец Фонга в обжигающий уксус, наблюдая за тем, как уксус окрашивается в алый цвет, потом этим же пальцем размешал полученную жидкость. Затем «крестная мать» проколол иглой также и свой палец и к покрасневшему уксусу добавил несколько капель своей крови. То же проделал и «крестный отец». Затем при общем молчании каждый из присутствующих в комнате людей подходил к алтарю и подмешивал в чашу собственную кровь. Наконец чашу поднесли Кай Йи; не поднимаясь со своего коврика, он также уколол себе палец и добавил в чашу своей крови. Помешав пальцем жидкость, вытащил палец из чаши и насухо облизал его.

— Теперь, — воскликнул он, — ты стал моим кровным братом.

— Хо! — в один голос крикнули члены тонги, что означало:

«Хорошо!»

Передавая чашу из рук в руки, каждый окунал в красную жидкость палец и облизывал его, после чего выкрикивал слова: «Теперь ты стал моим кровным братом».

— Хо! — всякий раз вторили ему члены тонги.

Наконец чаша была передана Фонгу, который повторил весь ритуал.

— А теперь, — сказал Кай Йи, — нужно проверить твое мужество. Ты должен будешь пройти по Дороге Сабель.

Солдаты тонги быстро образовали двойную шеренгу, при этом каждый вытащил из ножен саблю, кинжал или нож. Фонга, который явно нервничал, втолкнули в проход между двумя рядами вооруженных людей, и, по мере того как он продвигался вдоль шеренги, каждый из них, размахнувшись, резко опускал лезвие своего оружия и лишь в самую последнюю минуту молниеносным движением кисти переворачивал свою саблю или кинжал, так что обнаженной спины и плеч Фонга касалась тупая сторона клинков. И все же это была очень неприятная процедура, заставившая немало поволноваться. Когда юноша наконец добрался до самого конца Дороги Сабель, пот лил с него градом.

Затем его вновь подвели к Кай Йи, который поднялся и взял в руки чашу с уксусом и кровью.

— Ты прошел проверку на мужество, — сказал он, — а теперь ты должен выпить кровь своих братьев и поклясться, что никогда не предашь их. Куда бы судьба ни завела тебя, в каждом уголке земли ты непременно отыщешь своих братьев. Они будут защищать тебя до самой твоей смерти. Но только помни, что Суэй Синг не только защищает, но и наказывает. Если ты будешь уличен в предательстве, мы накажем тебя без всякого снисхождения, и вся твоя кровь до последней капли уйдет в землю. Ты понял?

— Понял, Кай Йи.

— Произнеси клятву и выпей кровь.

Фонг взял у него чашу.

— Я торжественно клянусь перед Суэй Синг, — сказал он, поднимая чашу над головой обеими руками. — И в случае, если я окажусь недостойным этой клятвы, то пусть же жизнь моментально покинет мое презренное тело.

— Хо! — прокричала хором тонга, когда молодой человек одним махом осушил чашу с отвратительным содержимым.

Кай Йи протянул руку к сабле. — Теперь ты один из кровных братьев, — сказал он, держа саблю над головой Фонга. — Но до меня

дошли слухи, что ты являешься шпионом и работаешь на тонгу Хоп Синг.

Глаза молодого человека расширились.

— Нет, Кай Йи, это ложь!

— Ты предал нашу тонгу своей лживой клятвой и потому за свое предательство должен заплатить полной мерой.

С этими словами Кай Йи резко опустил саблю, наполовину отделив от туловища голову Фонга. Молодой человек рухнул на колени, а из ужасной раны на шее брызнул фонтан крови. Юноша упал в лужу собственной крови, прожив на свете всего девятнадцать лет.

Кай Йи поднял окровавленную саблю и описал ею над головой три полных круга, стараясь, чтобы капли свежей крови с клинка окропили стены и потолок.

— И да постигнет такая же смерть всех шпионов и предателей нашей могущественной Суэй Синг! — провозгласил он.

— Хо! — крикнула хором тонга.

Кай Йи передал саблю одному из «крестных» Фонга и вышел из комнаты; прочие члены тонги стали убирать обезглавленное тело.

Кай Йи был Крейн Канг, наследник Чинлинг, — матери Стар Коллингвуд.

— Моя дорогая графиня, — говорила миссис Леланд Стэнфорд, — я ничуть не сомневаюсь, что вы гений швейной иглы, но на меня вы напрасно тратите время и талант. Я толстая, как корова.

Жена бывшего губернатора и одного из организаторов строительства трансконтинентальной железной дороги, связавшей Калифорнию с остальной Америкой (что произошло восемь лет назад), стояла сейчас перед трюмо в Замке высокой моды графини Давыдовой. Зита сейчас переделывала корсаж на платье миссис Стэнфорд. Две швеи стояли рядом, готовые при первой же необходимости прийти на помощь своей хозяйке, и внимательно наблюдали за всеми движениями Зиты, Джейн Стэнфорд была, вероятно, одной из самых богатых женщин Америки: она была хозяйкой особняка стоимостью в два миллиона долларов, который располагался на углу Калифорния-стрит и Пауэлл-стрит в районе Ноб-Хилл; кроме того, ей принадлежала одна из богатейших в мире частных коллекций ювелирных изделий, в которой насчитывалось шестьдесят пар одних только бриллиантовых сережек. Но то, что Джейн была неимоверно толстой, — это был бесспорный факт. И никакой корсаж не помогал.

— Дорогая миссис Стэнфорд, — улыбаясь, отвечала Зита, — мне рассказали об одной совершенно новой диете: грейпфрутовый салат и чай.

Я сама потеряла три фунта за одну только неделю. Вы обязательно должны попробовать.

— Для диет у меня решительно нет времени. Мы с Леландом всегда ходим на эти политические банкеты, а куда уж с диетой на банкет? Когда начинаются все эти бесконечные нудные речи, только и спасаешься, что едой. Ну а раз уж мы заговорили о политике, как там дела у бедного сенатора Коллингвуда?

— Полагаю, сейчас ему гораздо лучше.

— Рада слышать это. Он ведь такой приятный человек — и такой красивый! Что ж, Зита, вам опять удалось: платье получилось восхитительное, как, впрочем, и вообще все ваши платья. Я беру все шесть.

Новое шестиэтажное здание «Де Мейерс» было построено в пышном стиле Второй Французской Республики и занимало весь квартал, обращенный к Юнион-сквер, и выходило также на Гири-стрит и Стоктон-стрит. Оно было открыто пять лет назад, и о нем говорил весь Запад. Мода на названия в мире недвижимости постоянно менялась, вот почему Портсмут-сквер в один прекрасный день стала называться Юнион-сквер в честь состоявшегося здесь во время Гражданской войны митинга в поддержку тред-юнионов. За отливом в мире недвижимости наступил прилив. Эмма с головой нырнула в него и выстроила многоэтажный универсальный магазин, снабженный системой гидравлических труб и потрясающий тогда воображение многочисленных покупателей неслыханными новейшими гидравлическими лифтами. Новый магазин ожидал громадный успех. Зита на втором этаже универсального магазина устроила свой «Salon de Bon Ton» [21], — именно здесь заказывали себе туалеты супруги «Большой Четверки», как называли железнодорожных магнатов. Помимо миссис Стэнфорд тут одевались миссис Марк Хопкинс (которая была известна тем, что ее особняк, оцениваемый в три миллиона долларов, имел конюшни с хрустальными светильниками, а лошади содержались в стойлах красного дерева); одевалась, амбициозная миссис Чарльз Крокер (чей особняк занимал целый квартал на Ноб-Хилл) и миссис Коллис П. Хантингтон (которая, поговаривали злые языки, была когда-то проституткой). Сан-Франциско вновь переживал строительный бум. В 1859 году, едва только основной приступ «золотой лихорадки» схлынул, в штате Невада было обнаружено серебряное месторождение «Комсток Лоуд» — и новый, обильный поток серебра хлынул в город, вызвав второй строительный бум, который оказался даже более мощным, нежели первый. И жены нуворишей жаждали приобщиться к высокой моде.

А также к драгоценностям. Буквально через десять минут, заплатив

шесть тысяч долларов за пошитые Зитой платья, Джейн Стэнфорд была уже в ювелирном магазине Феликса де Мейера и пожирала взглядом великолепной работы колье из жемчуга и бриллиантов стоимостью в триста тысяч долларов, как было указано на аккуратном ценнике.

— Феликс, — сказала она, — колье великолепно, прямо дух захватывает! Только вот муж говорит, что я слишком много трачу на драгоценности. Он считает, что я становлюсь фривольной.

— О! — воскликнул Феликс и изящным движением приложил колье к ее толстой шее. — Вы не просто вкладываете деньги в драгоценности, вы вкладываете деньги в поэзию. Эти жемчужины, например, воистину слезинки наяд.

Феликс, все так же щегольски одетый, хотя и по-стариковски хрупкий, приближался к семидесяти. Он скопил огромное богатство, а его магазин имел отличный оборот. Покупатели, а вернее покупательницы, приходившие к Феликсу, имели столько денег, что их миллионы прямо-таки жгли их владельцам руки, и потому они не интересовались ценой, но им нравилось выслушивать умные комплименты Феликса.

— Вы прямо-таки волшебник, — сказала Джейн Стэнфорд, глядя в зеркало на украшение. — Вы знаете, что перед вашими обольстительными речами я решительно бессильна. Да и колье замечательное. Но Леланд говорит, что мы должны думать о тех, кто беден и голодает… Но колье и вправду потрясающе красивое! Надо же, «слезинки наяд»! Ну как тут устоишь!

— Совсем недавно я продал миссис Херст замечательное — из бриллиантов и сапфиров — колье, которое она наденет на бал по случаю помолвки моей внучки, которая состоится в следующем месяце.

Джейн Стэнфорд сверкнула глазами.

— По-моему, Феба Херст решительно потеряла чувство меры. На нее посмотришь — такое впечатление, будто весь Ноб-Хилл принадлежит ей одной. Она тратит деньги не считая…

— Как-то Зита рассказывала мне, что у российской царицы было колье в точности такое же, как вот это, — продолжал Феликс, зная, что настойчивость — путь к успеху в торговле.

Джейн Стэнфорд вновь посмотрела на свое отражение в зеркале, затем вздохнула.

— Нужно покупать, что ж тут поделать…

— Папочка!

Все одновременно повернули головы к дверям магазина, выполненного в пышном, с обилием золота стиле Людовика XIV. Эмма,

одетая в платье с черной каймой, прислонилась к дверям, по ее щекам струились слезы.

— Эмма, что случилось?

— Ох, папочка, Арчер умер!

Зита, которая сопровождала Джейн Стэнфорд, бросилась к Эмме. Эмма упала в ее объятия и дала волю истеричным рыданиям.

— Умер?! — воскликнул Феликс. — Но ведь доктора уверяли, будто кризис миновал!

— Эти ужасные, глупые доктора, что они знают?! Еще две недели назад они не сумели определить, что у него брюшной тиф. Я должна была отправить его в Бостон, где есть приличные больницы… О, мой дорогой муж, ушел, ушел, ушел навсегда!..

— Эмма, дорогая моя, садись вот сюда, — сказала Зита, помогая ей добраться до софы. — У меня есть нюхательная соль…

— Нет, не нужно, сейчас все пройдет. Прекраснейший человек, какой только появлялся на свет, сущий ангел… Я *никогда*не найду второго такого же, как он!

Джейн Стэнфорд подумала меж тем: «Никогда не найдешь и будешь одна всем распоряжаться…»

На следующее утро во время завтрака Эмма неожиданно сказала отцу:

— Больница…

— Что?

— Больница. Я построю больницу и назову ее в честь Арчера. Городу нужна первоклассная больница, и я построю самую лучшую в стране. Это будет Мемориальная больница Арчера Коллингвуда. Скажи, папочка, разве это не хорошая мысль?

— Да, дорогая, — сказал Феликс, взяв ее за руку. — Превосходная!

— И город, таким образом, никогда не забудет его.

Глава вторая

— Итак, она похоронила мужа номер два, — задумчиво сказал Слейд Доусон, сидя за обеденным столом своего особняка на Ноб-Хилл и просматривая утреннюю газету. Финансируемая Эммой «Таймс-Диспетч», разумеется, вышла в этот день с аршинным заголовком: «Выдающийся сенатор Коллингвуд не выдержал борьбы с тифом!», в то время как «Бюллетень» Слейда опубликовал это известие на неприметном месте на второй полосе под заголовком: «Политик умирает от лихорадки».

— А вспомни ее первого мужа, — сказала жена Слейда, сменившая

свое имя с Летти на Лоретту и ставшая прихожанкой епископальной церкви в попытке скрыть свое прошлое проститутки. — А хоронили-то тогда всего лишь унцию пепла. Помнишь, как она ворвалась в мою комнату в «Бонанзе» и приставила пистолет к твоей голове?

Слейд оставался все таким же тощим, хотя прошедшие годы превратили его черные волосы и усы в седые. Отпив свой апельсиновый сок, он прорычал:

— Я никогда не забуду этого! Сука так перепугала меня, что это стоило мне, наверное, двадцати лет жизни.

— Она не пригласила нас на бал в честь помолвки своей дочери, — сказала Лоретта, намазывая на тост поверх сливочного масла мармелад. Родив Слейду двоих детей, она перестала следить за своей фигурой и, как результат, сильно раздалась. — Эта сука никогда не присылает нам приглашений, снобистская баба! Хотя я была бы не прочь посмотреть на ее дом изнутри.

— Мой редактор светской хроники однажды была там, так вот она рассказывала, что у них дом ничуть не лучше нашего. Слейд допил апельсиновый сок и закурил сигарку, чтобы покурить с кофе. Однажды в 1858 году золотоискатель, проигравший в казино «Бонанза» пять тысяч долларов, чтобы расквитаться, переписал на Слейда свои акции серебряного месторождения в Неваде, а еще через полгода бывший миссисипский шулер проснулся одним из владельцев «Комсток Лоуд», став вдруг «серебряным бароном». Теперь Слейд уже стоил не менее полусотни миллионов долларов. И когда это фантастическое вознесение в мир богачей произошло, Слейд не преминул отдалить на почтительную дистанцию своих дружков — «сиднейских уток». У него в ушах постоянно звенело словцо, брошенное Эммой: «Мразь!» Именно тогда Слейд и задался целью стать *уважаемым,*настолько уважаемым, насколько это вообще возможно, имея жену из бывших шлюх. Он нередко повторял своей Лоретте: «Если это смог сделать Коллис П. Хантингтон, то почему же не смогу я?!» Продав Чикаго свою долю от кафе «Бонанза», Слейд помимо того, что продолжал издавать «Бюллетень», занялся недвижимостью. Его главным делом оказалось строительство шикарнейшего отеля на той самой улице, которой суждено было стать одной из самых модных улиц Сан-Франциско — Нью-Монтгомери-стрит. Скромно названный «Грандом», отель раскинулся на целых два акра: только в сторону залива были обращены семьсот окон, а столовая отеля славилась обеденным набором из ста золотых предметов. Так что Слейду Доусону удалось далеко уйти от шаромыжника и карточного шулера, специализировавшегося на обыгрывании пассажиров

речных пароходов.

Загасив окурок сигарки в серебряной пепельнице, он сказал:

— И кроме того, еще неизвестно, состоится ли вообще бал по случаю помолвки мисс Стар Коллингвуд и мистера Клейтона Деламера.

— То есть как? — с набитым ртом поинтересовалась Лоретта.

— Я четверть века поджидал того момента, когда можно будет поквитаться с Эммой Коллингвуд.

— Слушай, дорогуша, ты уже столько понаписал о том, как она покупала помилование для этого ее грабителя банков…

— Все это так, но только публике было на это наплевать. Народец даже находил всю ту ситуацию забавной, не более того. И из пьяных выходок кронпринца мне не удалось выжать многого, потому что эти выходки тоже считаются забавными. Но я приставил одного из своих репортеров к очаровательной мисс Стар, и он сумел такое раскопать, что всех этих Коллингвудов просто скорчит.

Лоретта подалась вперед, глаза ее возбужденно сверкали.

— Расскажи!

Слейд чуть усмехнулся.

— У Стар Коллингвуд есть дружок из «поднебесников».

Лоретта Доусон, бывшая Летти Браун из кабинета «А», открыла рот от изумления.

— Шутишь!

— Не-а. Но и это еще не все. В Чайнатауне произошло убийство. Полиция нашла тело обезглавленного мальчишки. Ходят слухи, будто бы этот молодой человек шпионил в пользу одной из тонг, а Суэй Синг, это другая тонга, его убила. Более того, предводитель тонги Суэй Синг, который именует себя Кай Йи, или Крестный Отец Чайнатауна — это человек, которого зовут Крейн Канг. Все свои средства этот самый Крейн получил в наследство от китаянки, бывшей любовницей Скотта Кинсолвинга. Полиция считает, что он контролирует рэкет, а также торговлю опиумом и девочками. Так вот, «поднебесник» — любовник Стар Коллингвуд и есть этот самый Крейн Канг…

— Боже правый! И ты, Слейд, можешь это доказать?

— Не только могу доказать, но и намерен опубликовать все эти сведения утром того самого дня, на который намечен бал по случаю помолвки Стар Коллингвуд. И тогда великая Эмма Кинсолвинг Коллингвуд, которая выложила на этот самый бал сотню тысяч баксов, вместо огромного сказочного дворца получит пустой молчаливый дом.

Лоретта Доусон сияла от счастья.

— Слейд, миленький мой, я уже дрожу от нетерпения. Месть — это даже лучше, чем секс.

Слейд сухо взглянул на свою толстую жену.

— Удивляюсь, что ты еще можешь что-то помнить.

Сан-Франциско быстро разрастался, и с неменьшей скоростью менялись названия. То, что прежде называлось Спэниш Калль де ла Фундасьон, было переименовано в честь некоего капитана Самуэля Ф. Дюпона, и улица эта стала главной улицей Маленького Китая, которая была известна также как Дюпон-гэ. После Гражданской войны улица была переименована в честь Улисса С. Гранта, и потому главная магистраль того района, который теперь назывался Чайнатауном, получила наименование Грант-авеню. Не оставили перемены в стороне и Крейна. Когда он унаследовал состояние Чинлинг, то принял имя ее отца Канга; Ах Той же умерла своей смертью в Китае.

По мере того как укреплялось влияние Крейна в Чайнатауне, возрастали и его доходы от недвижимости в том же китайском районе Сан-Франциско. Он построил себе на Грант-авеню особняк в китайском стиле, разбил возле дома сад и окружил его высокой сплошной стеной, в которой были сделаны трое ворот. Крейн утвердился как влиятельнейший китаец в Сан-Франциско, но он не был склонен демонстрировать свою реальную власть, предпочитая обращать к миру скромный фасад. Круглые сутки бойцы Суэй Синг охраняли особняк и территорию возле него, что отнюдь не говорило о том, что особняк этот — твердыня «закона и порядка». Но полиция Сан-Франциско предпочитала смотреть сквозь пальцы на то, что сама же считала «неотъемлемой частью криминальных тенденций этих «языческих китаезов». Десять тысяч китайских крестьян были привезены сюда из Кантона по цене сорок долларов за голову (что, кстати, приносило весьма ощутимый доход пароходным линиям Кинсолвинга); этих китайцев использовали в качестве рабочей силы при постройке трансконтинентальной железной дороги через горы Сьерра-Невады. А по завершении строительства в 1869 году они были вынуждены поселиться в китайском районе Сан-Франциско, увеличив и без того многочисленное население Чайнатауна. Ненавидимые и презираемые большинством белых, бедные кули (что по-китайски означает «грязная работа») шныряли по улочкам Чайнатауна в поисках какой-нибудь работы, женщин и тайных опиумокурилен. Поскольку количество китайцев-мужчин в Сан-Франциско существенно разнилось от количества китайских женщин, импорт «певичек» — девочек для утех — явился очевидным ответом на не менее

очевидную проблему. Вместе с «поднебесными» шлюхами в город прибыл и опиум. Не случайно многие «круглоглазые» считали Чайнатаун рассадником заразы. Китайцы, оказавшиеся в окружении совершенно иной, чуждой им культуры, вынужденные учить трудный для них язык, начали сплачиваться в тонги — общины, которые могли бы помочь им выжить во враждебной Америке.

Даже в пору юности Крейн уже понимал, что тонги — это путь к власти. Имея деньги, «черный пояс» тэквондо и железную волю, Крейн очень скоро стал главой весьма сильной тонги Суэй Синг.

Но в Чайнатауне был кое-кто, кто собирался уничтожить подпольного хозяина Сан-Франциско.

— Кай Йи, эта записка прислана вам с Ноб-Хилла, — сказал Ли Ванг Ю, второй после Крейна человек в тонге и его же спарринг-партнер в военных тренировках. Крейн в этот момент медитировал в гимнастическом зале своего особняка, поскольку среди прочего занимался также и йогой. Взяв из рук Ли письмо, открыл его и прочитал:

«Моя единственная любовь!

Сердце мое исполнено печали. Я потеряла своего обожаемого отца, а теперь вот новая беда. Матушка убеждена, что именно ты виновен в гибели молодого хоп-синга. О, любовь моя, я-то ведь знаю, что матушка не права, но никак не могу убедить ее в твоей невиновности. К сожалению, в течение нескольких последних лет она все более ожесточалась против тебя. И вот теперь она категорически запретила мне даже видеть тебя, и я не знаю, что мне делать.

Когда десять лет назад ты пришел к моей матери и рассказал ей, что дал моей настоящей матери, Чинлинг, обещание научить меня китайскому языку и культуре, поскольку они часть моего наследия, ты изменил всю мою жизнь. Мать была против, но я пришла к тебе охотно, преисполненная радости. Когда ты обучал меня премудростям и красоте китайской культуры — это было как сладостный дождь, который взлелеял цветы мыслей и чувств в моей душе и моем сердце. Но в то же самое время, возможно, даже и не отдавая себе отчета, ты посеял во мне зерна сомнения. Если бы ты только знал, сколь тяжело мне было видеть различие между миром моих родителей и твоим миром, к которому по рождению принадлежу также и я.

А вот теперь отец умер, а мать понуждает меня выйти замуж за Клейтона. О дорогой мой, я столько раз говорила тебе, что не люблю

Клейтона и меньше всего на свете хочу выйти за него замуж. Но я не нахожу сил оказать неповиновение матери, поскольку она была по отношению ко мне такой преданной и любящей. Но одна мысль о том, что я могу потерять тебя, разрывает мое сердце, которое принадлежит и будет всегда принадлежать только тебе! Но, Бога ради, что мы можем поделать?! Не могу же я одновременно жить в обоих мирах! Если я приду в твой мир, то мне придется порвать все свои связи с миром моей семьи. И вот, после того, как я хорошенько все обдумала, я пришла к выводу, что у нас с тобой нет будущего.

Я с трудом заставляю себя написать слово «прощай» человеку, которого я люблю больше жизни. Я буду всегда любить тебя, мое верное сердце, но… Господи, неужели я сейчас смогу написать это слово?!

ПРОЩАЙ.

Стар».

Крейн дважды перечитал письмо, и на его обезображенном шрамом лице появилось кровожадное выражение.

Когда дело касалось смерти, Эмма была типичнейшей представительницей своего поколения: она с полной серьезностью относилась к мрачной помпезности похорон, принятой в викторианскую эпоху. Люди середины XIX века смотрели на все ритуалы, связанные со смертью, так же зачарованно, как их потомки — на сексуальные зрелища. Но поскольку Арчер не был евреем, то не стоял и вопрос о том, что Эмма будет выполнять по отношению к нему тягостный ритуал, обязательный для еврейских женщин. Но она распорядилась, чтобы огромный дом был обтянут по стенам черным крепом и оставался так полных два дня. Открытый бронзовый гроб, в котором лежал Арчер, был выставлен в главном холле особняка, утопая в цветах, а органист из епископальной церкви исполнял на органе, который по распоряжению Эммы был установлен под правой лестницей, подобающие случаю мелодии. Эмма стояла возле гроба, а все известные и состоятельные калифорнийцы проходили мимо, отдавая последнюю дань человеку, чей путь начался в американской тюрьме, а закончился в американском Сенате, где он безуспешно, однако же очень настойчиво отстаивал права краснокожих американцев.

Сама же погребальная церемония по контрасту была очень скромной. Рано утром прибыл в экипаже Дэвид Левин, его у дверей встретил скорбный Кан До. Дэвид, одетый в традиционную траурную одежду с

черной ленточкой вокруг тульи шляпы, выглядел подавленным, хотя Арчер никогда не принадлежал к числу симпатичных ему людей. Годы милостиво обошлись с Дэвидом: его седая борода была аккуратно подстрижена по самой последней моде — это называлось «имперский стиль», — а хорошая жизнь прибавила к его костлявому телу добрых двадцать фунтов, придав его облику степенность и достоинство, которых не было в молодости. Вручив пальто и шляпу Кан До, Дэвид Левин направился через весь холл к Эмме, которая в одиночестве стояла у открытого гроба и смотрела, не отрываясь, на лицо покойного мужа. Около минуты она ничем не давала понять, что знает о присутствии рядом Дэвида, наконец сказала:

— Странно, знаешь, он не одобрял меня.

— В каком смысле?

— Не одобрял мой успех. Он и вправду был идеалистом. От нашего богатства он всегда ощущал какой-то дискомфорт: Конечно, он любил меня, но, думаю, он был бы куда более счастлив, окажись я… не знаю… посудомойкой, что ли, или кем-то в этом роде. И сын его также меня не одобряет, хотя весьма доволен, что богат. — Эмма вздохнула, повернулась к Дэвиду и взяла его за руку. — Мне так его недостает, — продолжала она. — Я и Скотта любила, но Арчер был единственной настоящей страстью в моей жизни. Не думаю, чтобы я когда-нибудь еще вышла замуж.

Дэвид сочувственно пожал ее затянутую в перчатку руку.

— Не будь слишком в этом уверена, — сказал он, и нельзя было не понять, что косвенным образом это замечание имеет отношение и к самому Дэвиду. Во всяком случае, в душе он все еще питал некоторые надежды.

— Дорогой Дэвид, — с улыбкой сказала Эмма, — мы через столько всего прошли в этой жизни вместе. Однако ирония заключается в том, что я сама не верю, что меня можно назвать удачливой. По крайней мере, удачливой матерью. Мой сын спивается, моя дочь… Впрочем, тебе известны мои подозрения относительно ее отношений с Крейном. Если мои подозрения верны, то вина целиком лежит на мне. Хотя мне кажется, что я положила всему этому конец. Скажи, Дэвид, могу ли я попросить тебя об одной услуге?

— Конечно.

— Мне нужно подыскать какое-нибудь дело для Арчера. Единственное, к чему он проявляет хоть какой-то интерес, — это газета. Я знаю, что тебе не нравится его необузданность, но не мог бы ты подыскать для него работу в «Таймс-Диспетч»? Я не хочу, чтобы ты проявлял по отношению к нему какой-либо фаворитизм, пусть начнет с первых ступенек служебной лестницы, мне все равно… Ну как, мог бы ты сделать

это для меня?

— Конечно.

«Боже, — подумал Дэвид, — теперь еще и этот испорченный кретин окажется на моей шее…»

Эмма улыбнулась и крепко обняла его.

— Мой дорогой Дэвид, — прошептала она, — мой самый настоящий друг!

Вот именно — друг… Тридцать лет все друг и друг, черт побери!

— Только пусть Арчер не знает о нашем разговоре, — добавила Эмма, отпуская его. — Я хочу, чтобы он сам решил, каким делом заняться, но, по-моему, он захочет работать именно в газете. Мне хотелось бы, чтобы он думал, что принял это решение совершенно самостоятельно. Я лишь хотела сначала обговорить это дело с тобой.

Она одарила Дэвида улыбкой, и хотя улыбка эта была невеселой, она произвела на него свое обычное магическое действие. «И какой же я старый дурак! — подумал Дэвид. — Никак не могу вырвать эту женщину из своего сердца…»

— Арчер, пожалуйста, не напивайся, — сказала Стар, входя в обшитую деревом библиотеку. Брат как раз наливал себе из хрустального графина виски. — Ради Бога, не сегодня. Ведь только что вынесли папин гроб!

— А почему бы не напиться? — спросил Арчер и как бы в подтверждение своих слов сделал большой глоток. — Эта ужасная органная музыка, этот траурный креп, бедный папа, лежащий в этом безобразном гробу…

— И вовсе не в безобразном!

— Все гробы безобразные. Да сама смерть — безобразная штука. Но эти похороны были прямо-таки чудовищными от начала до конца. Уж если где и устраивать церемонию, то где-нибудь в лесу, который папа так любил. Он ненавидел этот дом, а мать никогда этого не понимала. Отец был свободным человеком, человеком свободной души, которого поймала в сети миссис Денежный Мешок.

— Но ты как будто ничего не имеешь против того, чтобы тратить деньги этой, как ты сказал, миссис Денежный Мешок, — раздался голос у него за спиной. Арчер чуть не подавился своим виски.

Его мать, в черном платье, с тремя нитками жемчуга на шее, стояла в дверях.

— Почему ты так жесток по отношению ко мне? — спросила Эмма,

подходя к сыну. — С тех пор как умер отец, ты не нашел для меня даже слова сочувствия, тогда как мне так нужна твоя любовь и твоя поддержка. А вместо этого — пренебрежительное «миссис Денежный Мешок»…

— Тебе не нужна моя поддержка, — сердито возразил Арчер. — Тебе никогда не была нужна чья-либо поддержка. Ты очень сильная — сильнее, чем большинство мужчин! И ты была наверняка сильнее, чем отец, да упокой, Господи, его душу.

— Это что же, преступление — быть сильной?

— Это неестественно. Ты — женщина. И должна заниматься женскими делами, ну, например… например…

— Шитьем? — прервала его Эмма; ее прекрасные глаза сверкали.

— Именно. Шитьем или игрой на фортепиано. Когда я был маленьким, мне так нравилось слушать, как ты играешь на фортепиано, но вот уже много лет ты даже не прикасалась к нему. Только и заняты твои мысли, что делом и деньгами. Большинство женщин за всю свою жизнь ни разу даже не переступали порог офиса, тогда как твой офис — это твой дом. Твой банк, твоя страховая компания, твой универсальный магазин — вот где лежит твое сердце.

— Мое сердце похоронено вместе с отцом, так что не нужно говорить мне о моем сердце. Но я с готовностью признаю — и отец с этим бы согласился, — что, несмотря на многие его прекрасные качества, он никогда не был деловым человеком. Я горжусь тем, чего мне удалось достичь в жизни. Конечно, я не собираюсь оправдываться перед собственным сыном, у которого, насколько я могу судить, главное в жизни достижение — рекорд по потреблению алкоголя.

— Да, я пью, а ты знаешь, почему? Большинству сыновей приходится состязаться со своими отцами, что само по себе плохо. Но мне же приходится состязаться с собственной матерью, а это совсем уж нечестно. Знаешь, как это тяжело для меня?

Эмма посмотрела на сына. Она любила его страстной любовью собственницы, поэтому все эти годы заставляла себя соблюдать с ним эмоциональную дистанцию, чтобы не подавить его, не превратить в тряпку. Именно эту ошибку допускали в отношении своих детей многие матери Ноб-Хилла, и Эмма видела катастрофические последствия этого. Нельзя сказать, что она слепо любила сына. Теперь же, внимательно посмотрев ему в лицо, в котором соединились англо-саксонская привлекательность отца и еврейская красота матери, она впервые заметила признаки беспутного образа жизни: тонкие морщинки вокруг голубых глаз, легкая одутловатость, даже его густые светлые волосы начали редеть на висках —

а ведь ему было всего двадцать шесть. Но теперь она легко могла видеть, как тяжело ему было состязаться с ней.

— Не будем ссориться, — сказала она, потрепав его по плечу. — Тем более после похорон твоего отца. Но поверь, дорогой, менее всего я желала бы состязаться с собственным сыном. — Она убрала руку с его плеча. — Полагаю, многое из сказанного сейчас тобой — правда. Не думай, пожалуйста, будто я совершенно не знаю, что люди говорят у меня за спиной, тем более, случается, они говорят мне то же самое в лицо. Например: «Место женщины — в ее доме», или: «Она носит брюки в семье», и так далее и так далее. Многие договариваются даже до того, что я преуспела в бизнесе только потому, что я еврейка.

— Стало быть, тебе не о чем беспокоиться, — сказал Арчер. — Они не стоят того.

— Конечно же не стоят, но они так говорят. К лучшему или к худшему, а эта страна быстро богатеет, но Боже сохрани того, кто разбогател, ибо на него люди готовы всех собак навесить. Как бы то ни было, Арчер, я надеюсь, что мы с тобой сумеем все начать по-другому. До сего дня я позволяла тебе делать, что вздумается, не вмешивалась в твои дела, потому что… Ну, наверное, потому, что я избаловала тебя. Вероятно, многое из того, что вызывает у тебя обиду, — это моя вина. Но дело в том, что теперь, когда не стало отца, нужно помнить, что какие бы расхождения у нас в семье ни были, мы — одна семья, а семья — вещь исключительно важная. Теперь ты — глава семьи.

— Я?! — спросил он, и в голосе его прозвучало нечто большее, чем скептицизм, чего Эмма не могла не заметить.

— Да, ты, если бросишь пить.

На лице Арчера отразилось удивление. Со стакана, который держал в руке, он перевел взгляд на мать, затем с матери опять на стакан. Арчер вздохнул, подошел к одной из росших в кадушках пальм и вылил виски в землю.

Эмма улыбнулась.

— Это, мой дорогой сын, твой первый шаг к возмужанию. А теперь я предлагаю тебе работу. Ты можешь быть главой семьи, но пока что все дела веду я — до тех пор, пока ты не докажешь, что можешь справляться с делами не хуже меня. Ты можешь избрать себе любое поприще. Когда-то ты интересовался и даже задавал мне вопросы относительно различных аспектов работы в газете. Не хочешь ли начать оттуда?

— Да! — ответил он так быстро, что не оставалось сомнений, к чему лежит его душа.

— Отлично. Утром пойдешь к Дэвиду Левину. Ты сможешь изучить работу газетчика от и до. А теперь, дорогой, пойдем-ка ужинать.

«Все проблемы решены, — подумала Эмма, — и, кажется, мне недурно удалось с этим справиться».

Обнаженная Стар внимательно изучала в зеркале свое отражение в полный рост. Хотя она была в меру тщеславна, ей все-таки иногда хотелось в большей степени быть похожей на других. Смесь генов Скотта Кинсолвинга и Чинлинг создала экзотическое существо: куда бы Стар ни пошла, всюду мужчины, открыв рот от удивления, а женщины с завистью в глазах, провожали ее взглядом. Хотя немногие жители Калифорнии слышали когда-либо об австрийском монахе по имени Грегор Мендель, который занимался вопросами генетики, проживая на другом конце Земли, природа знала свое дело, и гены Скотта были доминирующими. Отсюда — мягкий оттенок темно-рыжих волос и белоснежная кожа Стар. Однако ее янтарные глаза имели миндалевидный разрез, а лицо отличала мягкая округлость. Этот легкий восточный колорит делал ее красоту особенно эффектной. Стар была высокой, стройной и очень грациозной, с небольшой грудью и изящно округлыми бедрами.

Она была создана для любви, и она любила. Но так получилось, что предметом ее любви оказался вовсе не Клейтон Деламер.

Подойдя к своей затянутой матерчатыми пологами постели с белоснежным балдахином, Стар взяла белую кружевную ночную рубашку с хорошенькими розовыми бантиками по низу. Такой фасон придумала Зита, которая, впрочем, шила все белье для Стар. Надев через голову рубашку, Стар прыгнула в постель. Будучи дочерью и внучкой хозяев магазина «Де Мейерс», она имела открытый счет в универсальном магазине, и потому все три ее шкафа были доверху набиты одеждой и обувью, а также шляпами, перчатками и прочими аксессуарами. Стар обожала красивую одежду и была очень благодарна матери за то, что та позволяла ей приобретать все, что душе угодно. Однако в этот вечер она немного нервничала как раз из-за обилия нарядов, и это уже не в первый раз. Если для Арчера главной проблемой была Эмма, она же была проблемой и для Стар, хотя и совершенно по-другому. Стар была восхищена тем, как мать обошлась с Арчером в этот вечер, и она искренне радовалась тому, что сводный брат, судя по всему, намерен начать новую жизнь (если он и вправду откажется от выпивки, может, прекратятся и его пьяные приставания к ней). «Семья, — сказала мать. — Семья — самое важное на свете».

Крейн Канг определенно не входил в число членов семьи.

Она должна вырвать Крейна из души, как вырывают из земли ядовитый сорняк. Стар отвергла уже столько достойных претендентов на ее руку, что в конце концов у нее уже иссякли все уловки и объяснения. Когда мать подчеркнула, что ей уже двадцать шесть, Стар наконец смирилась с неизбежным и приняла предложение Клейтона Деламера. И не скажешь ведь, что Клейтон был сродни утешительному призу. Красивый, мягкий и добрый, он был сыном одного из «серебряных баронов» — о подобном замужестве оставалось лишь мечтать. Более того, Клейтон был без ума от нее, а Стар даже помыслить не могла о том, чтобы не выходить за него замуж. Это уничтожило бы мать. Уничтожило бы семью.

Но едва только Стар закрыла глаза, как тотчас же увидела перед собой мускулистое красивое тело Кай Йи Чайнатауна — того самого, который воспламенил ее тело и душу.

Разбудил ее лязгающий звук.

Торопливо усевшись на постели, Стар зажгла ночник, посмотрела на одно из двух открытых окон и как раз под подоконником увидела странный тройной крюк, царапавший розовые обои. К стальному крюку был привязан канат, по которому снаружи здания кто-то лез к ней в комнату. Она готова была уже поднять панику, как вдруг в окне показалось обезображенное шрамом лицо Крейна. Он быстро забрался внутрь и втащил веревку, по которой поднялся сюда, затем повернулся к Стар. Как обычно, на Крейне были мягкий костюм из иссиня-черного шелка и черные сандалии, а его черные волосы были забраны на затылке в косичку — «свинячий хвостик».

— Ты сумасшедший, — прошептала она. — Ты что, играешь в китайского пирата? Если мама узнает…

— Черт с ней, с твоей матерью!

Сняв через голову шелковую рубашку, Крейн бросил ее на стул. Стар посмотрела на его безволосый торс: после многих лет занятий тэквандо все мышцы у него рельефно выступали на теле. Подойдя к постели, Крейн поставил левое колено на край матраса, взял обеими руками голову Стар и привлек ее к себе, страстно и жадно целуя ее. Стар даже не пыталась сопротивляться. Она в этот момент была похожа на наркомана, который дал себе слово воздерживаться от зелья, долго терпел и наконец-таки уступил желанию организма. Она гладила его мускулистую спину, в то время как Крейн навалился на нее, не отнимая своих губ от ее рта.

Он задрал ее ночную рубашку и прижался губами к ее отвердевшим

соскам: сначала он провел по ним языком, затем пососал каждую грудь, после чего принялся осторожно покусывать соски, в то время как руки его ласкали ее лоно. И, как обычно, от его яростной страсти Стар тотчас потеряла голову.

— Крейн, — простонала она, кое-как сумев снять ночную рубашку. Закрыв глаза, повторила: — Крейн…

Он снял брюки бросил их на пол. Больше ничего на нем надето не было.

— Я получил твое проклятое письмо, — сказал Крейн, снова ложась на нее. Его жар, сила, запах его тела переполнили Стар. — Там одна только ложь. Ты не можешь вот так сказать мне «прощай». Наши души — это одна душа. Оставь Ноб-Хилл и всех этих круглоглазых идиотов. Выходи за меня замуж, Стар, не выходи за того круглоглазого маменькиного сыночка, у которого, вероятно, вместо члена маринованный огурец.

Теперь Стар попыталась сопротивляться. Семья… Она уперлась руками в его твердую, как сталь, грудь.

— Не надо, Крейн…

— Ты хочешь меня так же, как и я хочу тебя. Скажи!

— Да, это так, я… О Господи, хоть ты-то не усложняй! И так…

Его палец оказался внутри нее, мягко массируя. Она больше не могла говорить: все существо ее было переполнено животной похотью. Крейн принялся губами ласкать ее тело, пробираясь все ниже и ниже, так что скоро Стар ощутила прикосновение его губ к своей вагине. Горячее дыхание Крейна обожгло ей нижнюю часть живота, и вот язык его оказался в ней.

— О Боже…

Казалось, это длилось бесконечно, затем Крейн распрямился и снова лег на Стар. Он неистово целовал ее, тогда как руки его сильно стискивали ей грудь, затем начали мять ягодицы. Казалось, он полностью подчинил себе тело Стар, полностью завладел ею. Не было ни одного участка ее тела, над которым бы он не властвовал — физически и психически.

«Нет, нет… — думала она, — я не должна подчиняться ему!»

Стар оттолкнула его изо всех своих сил.

— В чем дело? — спросил он, прекратив свое любовное занятие.

— Ты прекрасно понимаешь, в чем! — Стар едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. — Я ведь написала тебе: у нас нет будущего.

— Почему? Ты не любишь больше меня?

— Люблю, конечно! Ты отлично знаешь, что я с ума по тебе схожу, но я не могу выйти за тебя замуж.

— Потому что я китаец?

— Крейн, я ведь и сама наполовину китаянка. Дело не в этом. И мама совсем не предубеждена против китайцев. Но только… — Она запнулась, не решаясь высказаться дальше.

— Что? Что она сказала обо мне?

— Она думает, что ты преступник.

— А ты? Ты что думаешь?!

— Я уверена, что ты не… — И опять она заколебалась. Глядя в его наполненные гневом глаза, она впервые в жизни подумала, что ее мать может быть не права. — Ты не преступник, ведь так, да? — прошептала она.

— Преступник — это тот, кто нарушает законы, которые он признает. Ну а поскольку я не признаю законы, выдуманные белыми, то я и не считаю себя преступником. — Он встал с постели и натянул брюки. — Так что в конечном итоге ты права, Стар. Будущего у нас действительно нет. Тебе лучше оставаться тут, в своем особняке на Ноб-Хилл, и притворяться круглоглазой. Я же вернусь в Чайнатаун к моему народу.

— Подожди…

— Чего ждать? Ты ведь не любишь меня, это очевидно.

— Я люблю, но…

— Недостаточно любишь. Если бы ты любила меня, то отправилась бы со мной.

— Все не так просто, Крейн. Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что не признаешь законов белых?

— Только то, что имею.

— Тогда ты и вправду убил хоп-синга?

— Ты сейчас говоришь совсем как круглоглазый прокурор. Может, ты и вправду белая, а?

— Прекрати! — крикнула она, спрыгнула с постели и, плача, устремилась к нему. Подбежав, начала бить кулаками в грудь. В первый момент Крейн удивился, затем схватил ее за запястья. — Почему ты так поступаешь со мной? — рыдая, сказала Стар. — Почему ты заставляешь меня чувствовать себя такой гадкой? Разве ты не видишь, как я разрываюсь надвое? Я люблю тебя, Крейн! Я хочу тебя, хочу быть твоей женой, но я не могу… — Голос изменил ей. Спрятав лицо у него на груди, она принялась истерично рыдать. Крейн погладил ее по волосам.

Тут открылась дверь. На пороге стоял Арчер в пижамных брюках и халате. Увидев любимую сестру, совершенно обнаженную, в объятиях полуголого «поднебесника», он вскричал:

— Ты, тварь! — и, рыча от ярости, ринулся в комнату.

Стар вскрикнула, когда Крейн оттолкнул ее от себя, но тотчас же посмотрела прямо в лицо своему непрошенному защитнику. Арчер некогда в Принстоне был чемпионом среди боксеров полутяжелого веса, но сейчас у него не было шансов. Крейн поднял левую ногу и с силой ударил ею — как выстрелил — в живот Арчеру, а левой рукой, сжатой в кулак, столь же мощно ударил в лицо. *Ката,*выполненная с ритуальной грациозностью, отправила полубессознательного Арчера на пол.

Взяв рубашку, Крейн подошел к окну, выбросил наружу веревку, затем посмотрел на Стар.

— Я пришел сюда, на Ноб-Хилл, — сказал он. — Следующий шаг — твой. Если я буду тебе нужен, приходи в Чайнатаун.

Все произошло столь стремительно, что Стар все еще не могла опомниться. Ловкий, как обезьяна, Крейн перебросил ногу через подоконник, ухватился за канат, и был таков.

А через улицу, прячась в тени особняка Флудов, один из работающих на Слейда Доусона репортеров «Бюллетеня» аккуратненько все записал. Дигби Ли был уверен, что эту статейку у него с руками оторвут многие газеты.

Глава третья

— Только послушай этот заголовок! — воскликнул утром следующего дня Слейд, потрясая зажатой в руке газетой «Бюллетень». — «Полномочный хозяин Чайнатауна через окно влезает в спальню наследницы Ноб-Хилл! Какая связь между Стар Коллингвуд и Крестным Отцом Чайнатауна?»

— Великолепно, Слейд! — сказала Лоретта, усаживаясь напротив него за обеденный стол, накрытый для завтрака. — Но я думала, ты хотел дождаться бала по случаю помолвки.

— Бала по случаю помолвки? Ты что же, полагаешь, что теперь Клейтон Деламер женится на ней? Да никогда в жизни! И скажи ведь, как все обставил: по веревке забрался прямиком к ней в спальню, а затем, минут через двадцать и уже без рубашки, слез по той же самой веревке. Разве это не заслуживает приза!

— Представляю, что должна чувствовать Эмма Коллингвуд! Она, наверное, рвет и мечет. Еще бы: весь город будет теперь над ней потешаться!

Слейд подался чуть вперед.

— Именно об этом я сейчас и думаю, Лоретта. И еще я думаю, что это,

возможно, и есть самый большой наш шанс.

— Какой шанс?

— Мы наконец закончили отделку этого дома, который удался ничуть не хуже иных особняков на Ноб-Хилл. Но мы никогда еще никого не приглашали в него.

Лоретта нахмурилась.

— И ты знаешь почему, миленький! Нас никогда не считали социальной ровней себе из-за… из-за прошлого, ты понимаешь.

— К черту прошлое! Все это было четверть века назад, было, да быльем поросло. Мы не хуже всех прочих в этом городе!

— Ты, правда, так считаешь? — несколько тоскливо спросила Лоретта.

— Ну конечно, черт побери! А теперь вот что мы с тобой сделаем. Я возьму у своего редактора отдела светской хроники список всех тех, кого Эмма пригласила на бал по случаю помолвки своей дочери. Ты возьмешь этот список и всем, кто там есть, пошлешь наше приглашение на бал, который состоится в нашем доме в тот день, когда Эмма собирается устроить свой праздник. «…Мистер и миссис Слейд Доусон имеют честь пригласить Вас на прием» — или на новоселье? — придумай в общем сама, как обозвать все это. «Приходите взглянуть на наш Дом», — в таком вот роде. Я скажу Алисе Бомон помочь тебе с приглашениями: она все это отлично знает. Настало нам время занять свое место среди важных людей, живущих в этом городе.

Глаза ее так и сияли от волнения.

— И ты думаешь, они действительно придут?

— Наверняка придут. Ведь самые выдающиеся люди Сан-Франциско бывают в моем отеле. Если приходят туда, значит придут и сюда, будь спокойна. И вот что я могу сказать тебе: после такого заголовка ни один уважающий себя человек больше никогда шагу не ступит на порог дома Коллингвудов, какие бы балы Эмма там ни организовывала. А поскольку на репутации Коллингвудов поставлен теперь жирный крест, не исключено, что и деловые партнеры от них тоже отвернутся. И, возможно, мы сможем купить все их дело на корню, по десять центов за доллар.

Жена обожающе смотрела на Слейда.

— Вот, стало быть, что за всем этим стоит. Ты решил не только отомстить им, но и вовсе сжить их со свету.

— А что, разве что-нибудь не так? — Слейд улыбнулся, раскуривая сигарету.

— Как ты могла?! — в нескольких кварталах от Слейда, в своем

особняке кричала Эмма, комкая «Бюллетень». — Буквально в тот самый день, когда похоронили твоего отца, ты впускаешь в свою спальню этого бандита и, более того, занимаешься с ним любовью. Ты унизила свою семью! После того, как отец и я отдали тебе всю наша любовь, вот уж не думала, что ты отплатишь нам за это стыдом, выставив нас на посмешище!

— Мама, пожалуйста…

Стар сидела за обеденным столом с распухшим от слез лицом. Арчер сидел напротив нее; левая щека его была перевязана: именно сюда пришелся удар Крейна. Эмма, вне себя от ярости, ходила вокруг стола.

— «Мама, пожалуйста…» Что, пожалуйста?! Пожалуйста, простить тебя, так? Конечно, я прощаю тебя, ведь ты моя дочь. Но как ты могла поступить столь безрассудно? Полагаю, он не впервые занимался с тобой любовью?

— Не впервые. Но я люблю его…

— Ты хочешь его, а это нечто совсем другое. Я не в состоянии поверить, что ты могла полюбить убийцу.

— Мы ничего об этом не знаем!

— Знаем! Не будь дурочкой! Мои репортеры раскопали те же самые факты, что и репортеры Слейда Доусона. Канг возглавляет целую преступную сеть в Чайнатауне, он организовал доставку опиума и девочек, является владельцем десятка весьма сомнительных заведений. И вот такого человека ты желаешь! И именно его впустила в свою спальню прошлым вечером…

— Но я не впускала его! Он сам залез через окно. Что же мне было делать, выпихнуть его?

— Да уж о чем говорить, если ты даже не выпихнула его из собственной постели! Я просто не могу в это поверить. Я пытаюсь организовать в Сан-Франциско оперу, а в это время моя дочь разыгрывает сцены из оперы-буфф у себя в спальне. Я не собираюсь читать тебе проповедь или казаться святее, чем я есть. Что касается моего прошлого, то я всегда была с вами честна: да, Бог свидетель, у меня были грехи. Но этот преступный роман, назовем его так, совершенно не укладывается в рамки здравого смысла.

Увидев появившегося в дверях Кан До, Эмма замолчала.

— Извините, тайтай, от мистера Клейтона только что пришло письмо.

Эмма закрыла глаза, как бы покоряясь судьбе.

— Что ж, я этого и ожидала. Дай мне его, пожалуйста.

Кан До протянул ей на серебряном подносе письмо и удалился. Эмма, прочитав письмо, отложила его на стол.

— Ты наверняка можешь догадаться, что тут написано. Клейтон очень сожалеет, он любит тебя, но при сложившихся обстоятельствах его отец настоял на том, чтобы он взял назад свое предложение. Что ж, этого и следовало ожидать.

— Ох, мамочка! — Стар вскочила и, рыдая, выбежала из комнаты.

Эмма опустилась в кресло, чтобы допить кофе.

— Единственный человек, за которого я смогла уговорить ее выйти замуж, отказывается от нее. — Эмма вздохнула. — Не знаю, сможет ли она теперь вообще выйти замуж. Не могу поверить, что все это случилось. — Она посмотрела на сына. Ты считаешь, я была слишком сурова с ней?

— Ничуть. Она это заслужила. Не могу понять, что Стар нашла в нем.

— Я могу понять: он экзотичен, он опасен и он китаец. Стар всегда испытывала неловкость по поводу своей китайской наследственности, что, впрочем, вполне естественно. Моя ошибка была в том, что я вообще позволила Крейну обучать ее. Но когда он пришел в мой дом десять лет назад, я подумала, что в том, чтобы она выучила китайский, есть свой смысл. Конечно, мне уже тогда следовало сообразить, что могут возникнуть осложнения. Слейд Доусон, должно быть, пляшет от радости.

— Я должен кое в чем признаться.

— В чем?

— Я уже давно знал о связи Стар с Крейном.

Мать стрельнула в него глазами.

— И почему же ты не сказал мне?

— Хотел остаться в стороне. Хотя нет, не только. Дело в том, что я… — он поиграл вилкой. — У меня противоречивые чувства по отношению Стар. Они всегда были такими.

— Какого же рода эти противоречивые чувства?

— Она очень красивая.

Эмма нахмурилась.

— Да, я чувствовала, что между вами двумя существует какая-то напряженность. Молю Бога, чтобы мне не пришлось волноваться еще и по этому поводу.

Арчер покачал головой.

— Не придется.

— Если Слейд Доусон будет подозревать еще и это, тогда уж действительно нам придет конец. Господи, как же я ненавижу этого человека! Он был причиной смерти моего первого мужа, теперь он покрыл нас позором и сделал мишенью для всеобщих насмешек.

Эмма отвернулась, нервно сжимая и разжимая кулаки. Глядя сейчас на

мать, Арчер впервые в жизни почувствовал, что и у нее есть уязвимые места.

— А разве мы, в свою очередь, не можем нанести ему удар? — спросил он. — Ведь все знаю, что его жена была проституткой.

— В том-то и дело, что все знают. Лоретта Доусон — всего лишь объект для насмешек: подумаешь, сменила имя, зачастила в церковь и думает, что теперь дорожка в рай перед ней открыта… — Эмма замолчала, раздумывая. Хотя, с другой стороны, возможно, ты и прав. Я знаю, что они очень чувствительны во всем, что касается прошлого Лоретты. И, может быть, для некоторых газет это окажется сущим даром.

— Что ты имеешь в виду?

Она вздохнула.

— Теперь, раз уж ты намерен начать работать в газете, тебе можно и рассказать. У «Таймс-Диспетч» большие проблемы с тиражом, который неуклонно падает. Дэвид Левин превосходный редактор, но он слишком принципиален, слишком старомоден. Публике подавай скандалы и преступления, публика жаждет пощекотать свои нервы. Именно такие материалы и публикует «Бюллетень» — его утренний тираж, должно быть, уже распродан! — а «Таймс-Диспетч» хиреет. Более того, года три тому назад След предложил мне продать ему газету по смехотворной цене. Я, разумеется, дала ему от ворот поворот.

— Было бы хорошо, если бы ты рассказала мне об этом тогда.

— Три года назад ты беспробудно пил.

— Если бы знал, может быть, и не пил бы.

Арчер поднялся.

— Куда ты?

— На работу. Помнишь? Вчера вечером ты дала мне работу. — Он подошел и, наклонившись, поцеловал мать. — А насчет Слейда Доусона не переживай. У меня есть одна идея, как с ним справиться.

Эмма подняла голову и взглянула на сына.

— Что ты имеешь в виду?

Он улыбнулся и вышел, бросив в дверях:

— Увидишь.

Оставшись одна, Эмма старалась не дать воли слезам. Столько лет она потратила на то, чтобы у людей имя Коллингвудов ассоциировалось с такими понятиями, как культура, независимость, власть, богатство. И вот один дурацкий случай все это перечеркнул. Она хорошо знала жителей Сан-Франциско: если происшествие не шокировало их, они будут над случившимся потешаться, что едва ли не хуже.

Эмма отодвинулась от стола. Для такой гордой женщины, как она, стать предметом насмешек всей Калифорнии было похуже распятия на кресте. Подойдя к одному из высоких окон, Эмма нервно потерла руки, посмотрев на особняк Флудов, расположенный через улицу: уж не смеется ли он над ней? И все эти Крокеры, Стэнфорды, Хопкинсы, Херсты — они не смеются над ней? Скандал! И не менее горько было то, что газета Слейда Доусона снова обскакала ее собственную газету. В утреннем выпуске «Таймс-Диспетч» главный материал был посвящен тому, что городу требуются культурные заведения, в том числе и своя опера. Ну и времечко же газета выбрала для этого!

Эмма понимала, что нужно срочно что-то предпринять, но что?! Несколько минут она расхаживала взад-вперед возле стола, посмотрела на красивые, ручной росписи, обои в столовой, слегка нахмурилась. Как бы ни была она сейчас зла на дочь, Эмма понимала, что должна защитить ее — если, конечно, уже не поздно. Ведь в один катастрофический, ужасный вечер Стар из наиболее выгодной партии в Сан-Франциско превратилась в девушку, к которой подходящий жених не подойдет ближе чем на десять футов. Ее красота, семья, богатство перевешивали расовые предубеждения, которые существовали в обществе по поводу смешанной крови, но Эмма знала, что тот факт, что Стар побывала в постели главаря китайской тонги, незамедлительно превратит ее в парию. Конечно, можно представить все как изнасилование, но кто из сан-францисских кумушек купится на такое?

«Нужно убрать ее из города, — подумала Эмма. — Найти ей мужа где-нибудь еще. Только где?»

И внезапно ее осенила догадка. «Ну конечно же, — подумала Эмма, — он будет подходящим мужем. Он влюблен в нее, могу поклясться. Когда полгода назад он впервые увидел ее, у него даже челюсть отвисла. Только если за это время у него ничего не изменилось… Хотя там не очень-то много женщин…»

Эмма заторопилась к звонку и вызвала Кан До.

Нельзя было терять времени. «Если мне удастся договориться с его матерью… А почему бы нам не договориться? Они ведь практически сейчас без гроша в кармане, а их закладная у меня. Слава Богу, что Скотт был такой предусмотрительный! Он всегда повторял, что это ранчо — отличный способ вложения денег. Если с его помощью мне удастся спасти Стар, то это ранчо — просто Божий дар».

— Тайтай звонили? — спросил Кан До, застывая в дверях.

— Да. Распорядись, чтобы закладывали экипаж, самый большой. Скажи Адель, чтобы упаковала мои вещи в расчете на два дня. Пусть также

упакует и вещи мисс Стар. Повар пусть соберет нам провизии на дорогу. Нас не будет несколько дней.

— Слушаюсь, тайтай. Что мне сказать кучеру, куда вы уезжаете?

— На ранчо «Калафия».

Когда Эмма выходила из пышно обставленной столовой, она подумала, что, может статься, их кровь окажется разбавлена толикой испанской. «А почему бы и нет? Все остальное у нас практически есть».

Глава четвертая

Шестеро вооруженных парней — «сыновей боевого топора» — шли по Росс-Элли. Они были одеты, как одевались прочие «поднебесники», которыми в любое время кишмя кишела эта узенькая улочка, более известная под названием улица Игроков. Китайцы были страстными игроками, а Росс-Элли была той улицей, на которой располагалось множество игральных заведений. Чтобы обмануть местную полицию, на фасаде такого заведения висела вывеска, оповещающая, что здесь находится ломбард или же прачечная. Впрочем, полиция не склонна была обманываться на сей счет.

Возглавлял шестерых молодых членов тонги Хоп Синг («Общество объединенных завоевателей») китаец, у которого были короткие ноги и длинная реденькая бороденка. И холодные глаза убийцы. Звали его Вонг Йем Йен, он собирался стать очередным Кай Йи Чайнатауна.

Перед двухэтажным деревянным домом они остановились. Время было около полуночи, и на первом этаже здания света не было. Но Вонг Йем Йен и его помощник Чарли Конг знали, что изображенные на черных занавесках китайские персонажи «Зала поднебесной удачи» означают, что здесь находится игорный дом. Если Росс-Элли, темная, вонючая, всегда наполненная людьми улица выглядела опасной, то «Зал поднебесной удачи» и вовсе был местом, куда обычным людям лучше не входить. Вонг открыл входную дверь, и его «сыновья боевого топора» вошли внутрь.

Табачный дым, смешиваясь со сладким дымом опиума, создавал удушливую атмосферу. Комната, куда они вошли, была грязной, грязным был и невысокий потолок; все помещение занимали койки из грубого дерева, на которых устроились курильщики опиума — молодые и старые, но всех их объединял характерный блеск глаз. Тут также располагались четыре игральных столика — два для игры в «фан-тан», два других для «пак-коп». Вокруг них толпились «поднебесники». С краю в ожидании посетителей примостились несколько китаянок-«певичек». Было очень жарко и не слишком много света: помещение освещалось лишь

несколькими дрянными газовыми светильниками. За одним из столов для игры в «фан-тан», или тан кун, как его здесь именовали (буквально: «раздающий по правилам»), раздающий взял с блюда несколько фишек, бросил их на стол и сразу же накрыл металлическими чашками. Игроки принялись держать пари, столько фишек оказалось под чашками.

— Три доллара на нуль, — крикнул на кантонском наречии один из игроков.

— Три доллара на тройку, — крикнул другой.

Вонг выхватил из-под рубашки пистолет, то же самое проделал и стоящий рядом с ним Чарли Конг. При виде пистолетов одна из «певичек» завизжала.

— Все вон! — крикнул Вонг. — Все, кроме тан кунов. Дилеры остаются, а все прочие вон отсюда!

«Поднебесники» толпой устремились к дверям, некоторые помогали обкурившимся опиумом людям встать на ноги и подталкивали их к выходу. Когда во всем помещении остались только четверо насмерть перепуганных тан кунов, Чарли Конг закрыл на замок входную дверь.

— Это заведение принадлежит Крейн Кангу, — сказал Вонг, наступая на скорчившихся от страха дилеров. — Эта скотина из Суэй Синг убил одного из наших людей. За каждого убитого члена Хоп Синг мы будем убивать четырех людей из Суэй Синг.

— Нет! — закричал, повалившись на колени, один из четырех тан кунов. — Я вовсе не член тонги…

— За вранье тебя первого и шлепнем.

Вонг сделал знак. Чарли Конг и еще один из парней вытащили из-под рубашки ножи и замахнулись над дилером, который истерично рыдал и вопил от страха. Толстый, весивший более трехсот фунтов, Чарли Конг хохотнул, когда горячий фонтан крови из раны жертвы окропил ему огромный живот.

Двое других Дилеров стремительно кинулись к окну. Вонг обернулся и двумя выстрелами из револьвера уложил обоих, хотя одному из них и удалось высунуться наружу.

После этого «сыновья боевого топора» стали надвигаться на последнего оставшегося в живых тан куна, который в конце концов оказался зажатым в углу забрызганной кровью комнаты. Он завизжал, как поросенок, а Чарли Конг и его парни ударили его ножами в дюжину разных мест. Чарли всадил свой нож в левый глаз тан куна, так что острие лезвия уперлось в самый мозг. Кровь брызнула во все стороны. Грязная комната превратилась в кровавый бассейн.

— Эти ублюдки мертвы, — осклабился Чарли, круглое лицо которого было забрызгано кровью.

— Прикреплю наш знак, и сматываемся, — сказал Вонг. Подойдя к стене, он приколол кнопками свиток, на котором по-китайски было написано:

«Тонга Хоп Синг объявляет войну тонге Суэй Синг! Победит тонга Хоп Синг!»

После этого Вонг и «сыновья боевого топора» вышли через заднюю дверь «Зала поднебесной удачи» и исчезли.

— Прошу прощения, мисс Доусон, но я не советовал бы вам брать эту книгу. Я читал ее и могу сказать, что в ней содержатся пассажи, которые отличает некоторая страстность. Едва ли молодая леди, такая деликатная и хорошо воспитанная, как вы, должна читать подобное.

Арабелла Доусон повернула голову и холодно посмотрела на Арчера Коллингвуда, подошедшего к ней в маленькой книжной лавке на Монтгомери-стрит.

— Мистер Коллингвуд, — ответила хорошенькая девятнадцатилетняя брюнетка, — мне бы не хотелось, чтобы вы или кто-либо из вашей семьи следили за моралью книг, которые я читаю. Хотя, возможно, ваша очаровательная сестра и могла бы порекомендовать мне какие-нибудь интересные китайские романы.

«Ну и противная же ты сучка», — подумал Арчер и выдавил из себя улыбку.

— Наверное, мисс Доусон, когда дело касается романтической литературы, то гораздо лучший совет вы можете получить от вашей матушки. Я ведь знаю, что в области романтики у нее чрезвычайно богатый опыт.

— Подонок, — покраснев, прошептала девушка. — Не смейте разговаривать со мной в подобном тоне! Моя мать образцовая прихожанка епископальной церкви, и какие бы омерзительные, гнусные сплетни вам ни доводилось о ней слышать, все это грязная ложь!

Улыбнувшись, он коснулся пальцами шляпы.

— В таком случае беру назад все свои слова. В том, разумеется, случае, если вы составите мне компанию и пообедаете со мной.

— Я лучше пообедаю с гремучей змеей! Отец мне постоянно говорил, чтобы я держалась от вас подальше. В данном случае послушаться его

совета — одно удовольствие для меня.

Арчер вздохнул.

— Что ж, ладно. Придется, как видно, продолжить мои изыскания где-нибудь в другом месте.

— Какие изыскания?

— Видите ли, я начал работать в «Таймс-Диспетч». И вот неожиданно мне пришло в голову, что поскольку газета вашего отца создала столь грандиозную рекламу моей семье, то было бы честно и справедливо, если бы газета моей матери вернула должок. И вот почему первое из полученных мною заданий было написать серию статей о выдающейся семье Сан-Франциско — семье Доусонов, сделав особый акцент на ее интересном и колоритном происхождении. И вот я вдруг подумал, что, возможно, мне удастся совместить приятное с полезным, если я приглашу вас на обед, чтобы взять интервью о вашей матушке. Но коль уж вы предпочитаете питаться в компании рептилий, то я, наверное, отправлюсь сейчас на Портсмут-сквер и возьму интервью у одной очень полнотелой леди, известной под интересным именем Чикаго. — На лице Арчера появилась неотразимая улыбка.

Арабелла закусила губу, а он тем временем взял у нее шляпку, сделанную из той же зелено-белой полосатой материи, что и платье, и зонт. Волосы Арабеллы были завиты, как это называлось, àl'africaine [22], что в сочетании с пушистой бахромой и локонами crève-coeur [23]представляло собой последний писк моды в помешанном на моде Сан-Франциско. Вокруг длинной шеи Арабелла еще повязала широкую шелковую ленту (горожане называли такие ленты «завлекалками», а те, кто был сведущ во французском, что тоже было сродни мании, называли ленты «n'y touchez-pas» [24]. Кроме ленты на шее, в волосах у нее были еще два искусно заплетенных бантика, а полупрозрачные носки были вышиты клубничками, что по представлениям жителей Сан-Франциско считалось крайним проявлением легкомыслия, которое только могла позволить себе скромная и порядочная девушка. А Арабелла как раз вовсю старалась быть скромной и порядочной, поскольку она росла в дурно пахнущей тени мамочкиной весьма неопределенной репутации. Арчер не смог бы найти лучшего способа запугать эту высокую, хорошенькую девушку со стройной фигурой и глазами «цвета бутылочного стекла» — так называли этот зеленый цвет.

— Что ж, хорошо, мистер Коллингвуд, — сказала она. — Я принимаю ваше приглашение, на том, однако, условии, что мы оба понимаем, что это чистейшей воды шантаж и что вы, сэр, не джентльмен.

— О, и даже хуже, — улыбнулся он и предложил ей руку. — Я избалованный ребенок, отродье и алкаш. Именно поэтому дамы находят меня неотразимым.

— Сегодняшняя ваша дама не находит ничего неотразимого в вашем грубом очаровании, сэр. Куда мы идем обедать? В Чайнатаун?

— Как насчет кафе «Бонанза»?

Он улыбнулся, и снова она закусила губу.

— Что бы вы ни могли сказать о моих родителях, — говорила она полчаса спустя, когда они сидели в элегантном ресторане недавно открытого «Палас-Отеля», что на Нью Монтгомери-стрит (неподалеку от «Гранд-Отеля» Слейда Доусона, что не преминула отметить снобистская Арабелла), — вы безнадежно опоздали, хотя бы потому, что ваш покойный папочка начал свой жизненный путь банковским грабителем.

— Да, правда. Ну а поскольку ваш папочка начинал свою яркую карьеру шулером на пароходах, что ходили по Миссисипи, то я полагаю, что ни одна из наших семей не могла бы рассчитывать на получение награды Библейского общества по номинации «Гражданская добродетель».

Она посмотрела на него. Высокий метрдотель Рене, начинавший свою карьеру посудомойщиком в ресторане Тортони в Париже, поклонился хорошо одетой, красивой молодой парочке.

— Monsieur Collingvood, comment ca va? [25]— сказал он с улыбкой. Арчер был известен как здешний завсегдатай, который к тому же охотно и щедро давал на чай.

— Ca va bien [26], Рене, мошенник. Впрочем, ты бы лучше не задавался и говорил по-английски.

— Да, но чаевые бывают много выше, когда я говорю по-французски, — парировал Рене, и Арчер рассмеялся.

— Monsieur Collingvood n'est past pas bien élevé, — сказала Арабелла. — Ou peut-être il est stupide [27].

— О-ля-ля! Мисс Доусон говорит о вас что-то очень ужасное.

— Я это понял: я слишком глуп, чтобы говорить по-французски.

— Да неужели? — улыбнулась Арабелла.

— Что ж, кажется, у меня будет сегодня романтический обед. Рене, принеси нам два коктейля с шампанским.

— Пардон. Я буду заказывать сама, благодарю. Я не употребляю алкоголь ни в каком виде. Un tasse de thé, s'il vous plaît [28].

— Один чай. Oui, mademoiselle [29]. А что мсье Коллингвуду? Du

champagne [30]?

Арчер усмехнулся, припомнив данное матери слово. Что ж, следовало бы оговорить шампанское и легкое вино. Он вздохнул.

— Стакан воды.

Рене был потрясен.

— Воды?! Что это с вами приключилось? Рыба умирает в воде. Вода нечистая.

— Религиозные убеждения.

Качая головой и бормоча себе что-то под нос, Рене сделал знак одному из своих официантов и передал Арабелле огромное меню.

— Je vous recommmand les huitres, mademoiselle. Elle sont superbes aujourd'hui. Et aussi le hon [31].

— Он советует взять устрицы и тунца, — со своего края стола сказала Арабелла.

— Спасибо за перевод, — усмехнулся Арчер. — Может быть, после десерта вы порадуете нас еще канканом?

— Вы не только дурно воспитаны, мистер Коллингвуд, вы еще и грубиян. — «А кроме того, — подумала Арабелла, — он чертовски недурен собой».

— Вот было бы интересно, если бы мои моральные качества улучшил один из Доусонов, — ответил Арчер. «Пусть даже мамаша ее шлюха, а отец мерзавец, — подумал при этом он, — они произвели на свет интересную дочку. У нее светлая головка на плечах. Конечно же, она не так уж красива и сноб каких мало, но все равно было бы забавно с ней переспать.

Вот уж когда Слейд Доусон взвоет…»

— Его полное имя дон Хуан Рамон Хосе Висент Сантиссима Тринидад Лопес-и-Сепульведа, но все его называют просто Хуанито, — сообщила дочери Эмма, когда их экипаж двинулся в направлении «Камино Реаль», поднимая за собой тучи пыли. — Ему двадцать два года, он ужасно застенчив и заикается к тому же. Его отец и старший брат умерли, он управляет ранчо вместе с матерью, ее зовут донья Фелисидад. Ты слушаешь меня?

Стар смотрела в окно на бурые, чахлые холмы Южной Калифорнии. Уже три мили назад они въехали на ранчо «Калафия»; на самой границе ранчо их встретили, и к хозяевам был послан вакеро с известием об их прибытии. Им еще надлежало одолеть семнадцать миль.

— Да, мама, я слушаю.

— И что же я говорю?

— Ты говоришь, что его зовут Хуанито, что он стеснительный и еще заикается.

— Ты хоть понимаешь, что мы здесь вовсе не на экскурсии?

Стар вздохнула.

— Мамочка, я отлично понимаю, зачем мы приехали сюда. Ты хочешь сбыть меня замуж, и притом побыстрее.

— Я намерена организовать твой брак, дорогая, для твоего же собственного блага.

— Это то же самое, но сказанное более вежливо.

— Если ты не намерена помогать мне, Стар, то мы лишь потратим время впустую. Я не собираюсь заставлять тебя выходить замуж, но…

— Я буду помогать.

Эмма с чувством взглянула на дочь.

— Дорогая моя, я ведь понимаю, насколько тебе сейчас тяжело, мне ведь тоже нелегко, но ты понимаешь, что это самое лучшее для тебя?

— Понимаю.

И Стар вновь уставилась в окно экипажа. В глазах ее больше не было слез: она все их выплакала. Теперь Стар просто оцепенела. Она все еще сходила с ума по Крейну, однако смирилась с тем, что никогда больше не сможет увидеть его. Если этот Хуанито захочет жениться на ней, что ж, прекрасно. Теперь ей было уже решительно все равно. Без Крейна ее жизнь кончилась.

Она выйдет замуж за дона Хуана Как Там Его Зовут даже в том случае, если у него окажется две головы.

Нет, у него была одна голова, вдобавок гораздо более выразительная, чем ей помнилось. Как только Стар вышла из экипажа, который остановился перед большим домом из белого известняка, то сразу же увидела его: вместе с матерью он стоял в тени, которую отбрасывало небольшое крыльцо. Дюжина вакеро стояла неподалеку, опершись на изгородь, и с интересом наблюдала прибытие экипажа: сообщение о прибытии миссис Коллингвуд с дочерью на ранчо «Калафия» было доставлено вовремя. Сейчас донья Фелисидад, почтенного вида седая женщина, одетая в черное, вышла навстречу выходящей из экипажа Эмме.

— Сеньора Коллингвуд, — сказала она, протягивая руку. — Добро пожаловать. Mi casa es su casa [32]. Ваш визит — большая честь для нас.

Эмма, одетая в коричневый дорожный костюм и шляпу с вуалью в стиле императрицы Евгении, улыбнулась в ответ и пожала протянутую

руку.

— Благодарю вас, донья Фелисидад. Позвольте мне представить вам свою дочь Стар.

Стар, одетая в платье цвета хаки, сделала реверанс, тогда как донья Фелисидад внимательно изучала ее.

— После своей поездки в Сан-Франциско прошлой осенью мой сын рассказывал мне о вашей красоте, — сказала она. — Теперь я вижу, что в его словах не было преувеличения. Вы прекрасны, дитя мое.

— Благодарю вас, донья Фелисидад.

Матрона жестом указала на стоявшего позади нее сына.

— Я полагаю, — вы помните Хуана? — спросила она. — Ваша матушка была столь добра, что приняла его у вас в доме.

Стар подняла глаза и посмотрела на высокого молодого человека, шагнувшего к ней. Она смутно помнила, как их знакомили, но в данную минуту ее мысли были всецело заняты Крейном.

— Конечно же помню, — солгала она. И тем не менее она была приятно удивлена. В отличие от матери, у которой была белоснежная кожа (потому что донья Фелисидад, подобно многим аристократкам, никогда не подставляла кожу прямым лучам более чем на несколько минут), дон Хуан был смуглым. Шести футов роста, стройный брюнет с тонкими чертами лица, орлиным носом и карими глазами. На нем сейчас было черное сомбреро с лентой, украшенной серебряной мишурой чуть ли не в дюйм толщиной. Его чакета, иначе говоря верхняя куртка, была расшита цветным позументом и снабжена причудливыми пуговицами. Брюки, называемые *кальсонерас,*имели разрезы от бедра до колена, а вдоль разрезов шли филигранной работы пуговицы. На брюках его также было немало позумента, а на кожаных сапогах были приделаны серебряные испанские шпоры. Он глядел на Стар, словно в трансе.

— Хуанито, — вывела его из этого состояния мать.

Явно волнуясь, он взглянул на нее, затем вновь перевел глаза на Стар, после чего неуверенно протянул дрожавшую руку.

— Д-д-д-добрый день.

Стар ответила рукопожатием и сделала реверанс, после чего перевела взгляд на его мать, тогда как Хуанито продолжал смотреть на нее во все глаза.

— Не пройти ли нам в дом, подальше от солнечных лучей? — поинтересовалась у гостей донья Фелисидад. — Вы приехали как раз к обеду. А потом, возможно, Хуанито сможет показать сеньорите ранчо, если, конечно, ей это интересно.

— Очень интересно, — сказала Стар без всякого энтузиазма.

— Р-ранчо оч-чень б-большое, — сказал Хуанито.

«Боже праведный, — подумала Стар, — если мне суждено выйти за этого человека, то не иначе, как в наказание за мои грехи».

— Это л-л-лассо, — говорил час спустя Хуанито, который за все время замечательного обеда не проронил ни слова. Хозяева угощали гостей «гуакамоле» и «энчиладас» — двумя совершенно незнакомыми Стар блюдами. Разговор поддерживали Эмма и донья Фелисидад, которые главным образом говорили о том, как обстоят дела на ранчо. А дела эти шли плохо: ранчо неуклонно приходило в упадок из-за постоянных засух, несмотря на установленную двадцать пять лет назад с помощью Скотта Кинсолвинга ирригационную систему. После обеда Хуанито повел Стар в один из загонов для лошадей и принялся демонстрировать чудеса в обращении с лассо.

— Л-лассо происходит от испанского «ла риата», что з-значит в-веревка.

Петля из веревки, которую Хуанито вращал над головой, теперь была им мастерски опущена до земли, так что Хуанито стоял в центре этой вращающейся петли. Потом он несколько раз ловко выпрыгивал и вновь впрыгивал в нее. Стар была потрясена его умением и грацией не меньше, чем была удручена его ужасным заиканием, хотя она заметила, что когда Хуанито разговаривал по-испански, это заикание почему-то пропадало. Сейчас он прокричал какое-то распоряжение по-испански, и два вакеро затащили молодого бычка в огороженный загон.

— «Вакеро» п-происходит от «вака», что по-исп-п-пански «к-корова», — объяснил он, ловко складывая лассо. — Ам-мериканские к-ковбои изменили его на «б-бакеро». А т-теперь п-посмотрите, по-пожалуйста.

Он вскочил на белую лошадь, на которой было красивое кожаное седло.

— Это с-седло с-совершенно н-новое, — сказал он, обращаясь к Стар. — Его н-называют «к-калиф-форний-ским с-седлом», оно на целых д-десять ф-фунтов легче, нежели обычное ден-денверское. Я вот сейчас завязал л-лассо вокруг л-луки. По-ис-испански она называется «дар ла вуэльта», то есть «с-сделать пов-ворот», но американские ковбои и это п-переиначили и говорят «дэл-ли». Ну к-как, о'кей?

Вонзив серебряные шпоры в бока лошади, он проскакал вокруг загона, затем въехал в ворота. Волнуясь, Стар смотрела, как Хуанито раскрутил

лассо и затем с силой швырнул его так, что петля, просвистев в воздухе, обвилось точнехонько вокруг шеи бычка. Хуанито тут же соскочил с седла, подбежал к вставшему на дыбы животному, схватил его за рога и принялся пригибать его голову, пока она не коснулась земли. Легко связав ноги бычка, Хуанито под приветственные выкрики вакеро и аплодисменты Стар взобрался на лошадь и подскакал к девушке.

— Вот т-так мы с-связываем животных, — сказал он.

— Очень впечатляюще, — сказала она, впервые улыбнувшись за все это время. И улыбка Стар была вполне искренней. Она понимала, что Хуанито захотел показать ей, Что, за исключением языка, все остальное у него в полном порядке.

* * *

— Приданое Стар составит сто тысяч долларов наличными, — говорила меж тем Эмма, обращаясь к донье Фелисидад. Они сидели в довольно-таки затрапезно обставленной гостиной сельского дома. — Плюс к тому, я верну вам вашу закладную на ранчо на сумму в восемьдесят тысяч в качестве подарка. Ну и, конечно, Стар впоследствии унаследует часть моего состояния. Я тут совсем недавно составила новое завещание, по которому я оставляю Стар десять миллионов долларов. Так что если ваш сын женится на ней, он станет не только полноправным владельцем этого ранчо, но и мультимиллионером.

Пока Эмма говорила, донья Фелисидад молча и недвижно сидела в своем испанском — из кожи и дерева — кресле. Теперь она сказала:

— Сеньора, ваша дочь столь же прекрасна, сколь и богата. Мой сын красив, и в его жилах течет одна из самых благородных кровей Новой Испании. Но мы бедны. Полагаю, что ваша дочь могла бы выйти практически за любого человека на Западе, но вы тем не менее вдруг приезжаете сюда и делаете мне это весьма неожиданное предложение. Извините меня, сеньора, но тут волей-неволей возникают некоторые подозрения. В чем дело? Ваша дочь нецеломудренна?

Эмма была готова к этому вопросу.

— Она целомудренна в сердце. Стар — милая девушка, получившая и хорошее воспитание, и образование. Я пыталась растить ее таким образом, чтобы сочетать воспитание и предоставление широких свобод, которые в наши дни, как мне кажется, необходимы всем молодым людям в Сан-Франциско. Однако не буду лгать вам, донья Фелисидад, моя дочь — не девственница. Она была испорчена человеком, бывшим у нее учителем китайского языка и культуры. В действительности это был уголовник.

— Стало быть, насколько я понимаю, ее лишили невинности против ее воли?

— К сожалению, так. — «Господи, прости мне эту ложь», — подумала Эмма.

Донья Фелисидад поднялась с кресла, подошла к окну и увидела, что Стар и Хуан направились на север ранчо, где при помощи ирригационной системы выращивались апельсины. Животноводство приносило все меньше и меньше дохода из-за засухи, и главным образом из-за того, что после Гражданской войны в Техасе возникло множество огромных животноводческих ранчо. Таким образом, сбывалось пророчество Скотта относительно того, что будущее ранчо «Калафия» лежит в выращивании цитрусовых. Но даже и в этом случае ранчо несло огромные убытки от падежа скота. Только лишь благодаря деньгам Скотта и Эммы ранчо еще было на плаву. И вот теперь, как гром с ясного неба, — обещание миллионов.

Донья Фелисидад повернулась к Эмме.

— Конечно, я предпочла бы, чтобы она была целомудренна. Но коль уж Хуанито хочет ее, а она, в свою очередь, согласна растить детей в католической вере — я не буду стоять у них на пути.

Впервые за три последних дня, с того самого момента, как на нее обрушилась эта катастрофа, Эмма почувствовала некоторое облегчение.

— Ну? — спросила вечером Эмма, входя в спальню дочери и присаживаясь на край ее постели. — Каково твое мнение о Хуанито?

Обеим им предоставили комнаты для гостей, расположенные на втором этаже. Несмотря на то что обстановка была скудная и порядком обшарпанная, архитектура старого дома была восхитительной, тем более что толстые стены не выпускали наружу прохладу. Комната Стар имела две двери, ведущие на балкон, с которого можно было видеть маленький внутренний садик. Стар открыла балконные двери и впустила в спальню приятный, ласкающий кожу ветерок, который тотчас же своим прикосновением оживил занавески. На востоке вздымались в звездное небо черные холмы, на западе лежал Тихий океан.

— Он очень милый, — ответила Стар, одетая уже в легкую белую ночную рубашку. — Конечно же, он ужасно заикается, однако сегодня днем он так старался быть вежливым и столько всего интересного показал мне на ранчо, что, пожалуй, я могу сказать, что он мне нравится. Ах, мамочка, ранчо просто восхитительно!

— Значит оно тебе нравится?

— Очень! Хуанито сказал, что может научить меня ездить верхом по-мужски, если я захочу. Конечно, я сразу ему сказала, что ни одна леди и не мечтает ездить верхом иначе, чем в дамском седле, но, думаю, если бы я осталась тут подольше, он сумел бы научить меня. Расстояния здесь такие ужасные и сидеть в дамском седле так непрактично. А ранчо такое огромное — как королевство.

— Это королевство может стать твоим дорогая. Я переговорила с доньей Фелисидад. Она сказала, что если ты согласна растить детей католиками, то она не возражает против вашего брака.

— Но Хуанито пока не сделал мне предложения.

— Сделает. И очень скоро. И если все пойдет нормально, то уже в субботу состоится венчание. Тут есть часовня в миссии Святого Хуана Капистрано.

— Да, ты и вправду не теряла времени даром.

— В этом случае действительно не теряла. А после венчания вы с Хуанито поедете со мной в Сан-Франциско, и бал по случаю помолвки, который я намеревалась устроить и для которого я все уже заказала, мы превратим в прием по случаю вашей свадьбы.

— Я вижу, ты все уже продумала: ни напрасных трат, ни напрасных желаний. Действительно, к чему выбрасывать на ветер двести ящиков французского шампанского, что ты заказала, только лишь потому, что я отпугнула жениха?

— Да, я практична, но твой горький тон делает тебя не слишком привлекательной.

Стар вздохнула.

— Извини меня. Впрочем, все это уже совершенно неважно. Я сделаю все, что ты хочешь. При чем тут любовь?

— Когда я выходила замуж за твоего отца, я тоже его не любила, однако потом полюбила, и очень сильно.

— Что ж, тогда, возможно, и я полюблю Хуанито. Кто знает? Возможно, и он полюбит меня. А если и не полюбит, то это не имеет значения.

Эмма сжала ей руку.

— Тебя это может удивить, дорогая, но с Хуанито ты можешь оказаться счастливее, чем с Крейном. — Поднявшись с постели, Эмма поцеловала дочь. — Спокойной ночи, Стар. Я рада, что Хуанито понравился тебе.

— Спокойной ночи, мама.

Оставшись одна, Стар уселась на постели и подняла голову,

разглядывая скошенный потолок комнаты — были видны наклонные стропила, разрисованные выцветшими цветами. «Вот и я такая же: выцветший цветок, — подумала она. — Выцветший цветок. Ох, Крейн…» Она зажмурила глаза и сжала кулаки. Нет! Никакого Крейна! Крейн — убийца, криминальный хозяин Чайнатауна. О нем больше и речи никакой не может быть!

Затем Стар вспомнила, как он занимается любовью, и вспыхнула.

Она только-только притушила ночник, когда услышала под балконом мягкий гитарный перебор. Удивленная, она вылезла из постели, подошла и открыла балконные двери. Луны не было, а небо имело потрясающе красивый бархатно-лиловый оттенок. Секунду Стар стояла, очарованная прелестью ночи и мелодичным тихим перебором гитарных струн.

Затем вышла на балкон и посмотрела вниз. Было, однако, слишком темно, чтобы можно было разглядеть кого-то. Тут чистый тенор принялся петь «Ла Палома». Голос принадлежал Хуанито.

Он пел по-испански и совершенно не заикался.

Глава пятая

Хотя в первые после «золотой лихорадки» годы в Калифорнии не было сильных антикитайских настроений, но когда после Гражданской войны тысячи китайцев были привезены для строительства трансконтинентальной железной дороги, слепая фанатичная злоба против них начала распространяться, особенно среди низших классов, представителям которых приходилось вести с кули настоящую борьбу за рабочие места, тем более, что кули готовы были работать практически даром. К 1870-ым годам антикитайские настроения в Сан-Франциско достигли опасного уровня. На распространение таких настроений оказывали также влияние легенды о китайской преступности, о рабском положении «певичек», о драках среди китайских игроков и курильщиков опиума. Был выпущен муниципальный указ о так называемых «свиных хвостах», согласно которому всем заключенным в тюрьмах волосы на голове должны были быть подстрижены до одного дюйма. И хотя очевидно, что это была всего только лишь санитарная мера, чтобы избавить их от вшей, китайцы восприняли этот указ как попытку унизить их, запретив ношение ритуального «хвостика». (Хотя манчжуры приказали китайцам носить «свиные хвосты» именно как знак неполноценности и низкого положения, калифорнийские китайцы превратили его в символ национальной гордости). Был также выпущен указ «О кубических метрах воздуха», направленный против чудовищного перенаселения жилищ в Чайнатауне, а кроме того, было

принято решение об уплате пятнадцати долларов за лицензию на открытие в городе прачечной. А прачечные были главным бизнесом кули. «Шесть Компаний», как называлась крупная, уважающая закон китайская организация, постоянно подвергалась нападкам в прессе, которая связывала ее деятельность с нелегальной деятельностью сугубо криминальных тонг, тогда как в действительности «Шесть Компаний» не имели с ними ничего общего. Лидеры «Шести Компаний» выразили протест против принятых указов, рассматривая их как легализацию застарелых предубеждений, и они послали меморандум президенту Гранту, требуя дать им возможность развивать свою экономику. Однако они оказались не в состоянии справиться с волной усиливающихся антикитайских настроений, которые теперь принимали все более жесткую форму: американцы требовали не только запретить дальнейшую китайскую иммиграцию в Америку, но и репатриировать китайцев в Азию. По всей стране создавались тайные антикитайские общества, а случаи насилия в отношении китайцев стали настолько частым явлением, что китайцы начали вооружаться кто чем: огнестрельным оружием, кортиками, длинными охотничьими ножами. Чайнатаун стал бомбой замедленного действия, которую и взорвала тонга Суэй Синг. Началась Тонговая война.

На следующий день после убийства в игорном доме четырех тан кунов Вонг Йем Йен, главарь тонги Хоп Синг, пришел с двумя своими охранниками на Уэйверли Плейс, ту самую улицу, которую китайцы Сан-Франциско прозвали Хо Бун Гай — «Пятнадцатицентовая улица», потому что здесь одна за другой тянулись парикмахерские, в которых стрижка обходилась клиентам в пятнадцать центов. Вонг вошел в заведение своего любимого парикмахера Чин Поя, тогда как оба охранника, толстый Чарли Конг и Эрни Ву, с пистолетами в руках заняли позицию перед входом.

Вонг потерял свой «свиной хвост» во время двухлетней отсидки в Ливенворте и решил больше не отращивать его, потому что ему нравилось бравировать своим уголовным прошлым. Сейчас же, войдя в узкое помещение, он уселся на единственное парикмахерское кресло, а Чин Пой сразу же набросил ему на лицо горячее полотенце. Чин Пой выбрал бритву и стал править ее лезвие на кожаном ремне, глядя в окно на спины двоих охранников. Когда бритва была отточена, Чин Пой подошел к креслу, запустил руку под полотенце и перерезал горло Вонг Йем Йену так быстро, что тот даже не пикнул. Издал лишь слабый булькающий звук — и безмолвно отошел в вечность. Чин Пой накинул полотенце на его лицо, выбросил бритву в таз и выскользнул через заднюю дверь.

Прошло семь минут, прежде чем Чарли Конг обернулся и увидел, что

парикмахерская пуста, если не считать Вонга, который как-то неестественно выпрямился в парикмахерском кресле.

А потом он увидел, как на полотенце, накрывавшем лицо Вонга, проступает красное пятно.

— Черт! — выругался он на кантонском и бросился в парикмахерскую, Эрни Ву — за ним. Полотенце было сдернуто с лица. Кровавая рана на горле Вонга была настолько широка и глубока, что голова чудом держалась на плечах. Кровь потоками стекала на пол.

Чарли Конг взбесился. Он ринулся в задние комнаты, затем через заднюю дверь выбежал в узкий, кишевший людьми переулок.

Но Чин Пой исчез.

— Дэвид, не могу поверить, — воскликнул Арчер, едва только ворвался в кабинет Левина на втором этаже редакции «Таймс-Диспетч», находившейся на Монтгомери-стрит, 15. — Ты запихнул статью об убийстве в парикмахерской на шестую страницу!

Седой средних лет редактор, в зеленых очках для защиты глаз и нарукавниках, поднял от верстки глаза. Дэвид все еще любил Эмму, однако ее сын ему определенно не нравился.

— Арчер, я знаю, что ты работаешь здесь меньше недели, но, думаю, этого времени достаточно, чтобы понять: я предпочитаю, чтобы мои служащие стучали, прежде чем врывались в мой кабинет.

Арчер нахмурился, взглянув на этого человека, у которого с матерью были особые отношения.

— Служащие?! — переспросил он. — Мне почему-то казалось, что я нечто большее, чем просто «служащий».

— Казаться тебе может все что угодно. А для меня ты всего лишь служащий, не больше и не меньше. Ну, а теперь выкладывай, что там у тебя?

Арчер подошел к редакторскому столу, протягивая утренний выпуск газеты.

— Ты похоронил мою статью об убийстве в парикмахерской. Но это же сущий динамит! «Бюллетень» посвятил одной только этой теме всю первую страницу.

— «Бюллетень» — дрянная газетенка, и твоя статья о так называемом «убийстве в парикмахерской» тоже дрянная. Потому я поместил ее на шестой полосе, как и «убийство в игорном доме». Более того, я намерен и впредь помещать мусор туда, где тому и надлежит быть.

Арчер уставился на редактора.

— Мусор?! — повторил он, не веря собственным ушам.

— Мусор. Я редактирую эту газету вот уже четверть века и могу сказать, что не намерен пичкать своих читателей рассказами про ужасных убийц и зловещие убийства.

— А они остались, эти читатели? Ведь эти «зловещие убийства» являются новостями, а то, что мы делаем — газетой. Разве ты не понимаешь, что в Чайнатауне началась настоящая тонговая война? Может, эта ерундовая война, из разряда мусора, но тем не менее это война, и наша газета должна освещать ее ход.

— Закрой дверь.

Смутившись, Арчер вернулся и прикрыл дверь, взглянув через вставленное в верхнюю часть стекло на большую редакционную комнату и две дюжины находящихся там столов для репортеров и редакторов. Затем вернулся к заваленному бумагами столу Дэвида.

— Буду с тобой откровенен, Арчер, — сказал тот. — Я вовсе не был рад, когда твоя мать сказала, что ты будешь работать в этой газете, хотя она и заверила меня, что ты начал новую жизнь. Ты говоришь, что ты больше, чем просто служащий. Да, разумеется, так оно и есть. В один прекрасный день эта газета перейдет к тебе, ты станешь ее владельцем, и я это знаю. Но до тех пор, пока ты здесь — для твоего же собственного блага, могу добавить, я не могу делать тебе никаких поблажек, потому что остальные служащие просто возненавидят тебя. А моральный климат в газете играет огромную роль. Мы все — единая команда, а сегодня именно ты являешься самым молодым членом этой команды. У тебя могут быть собственные мысли по поводу того, как делать газету. Надеюсь, я ясно выразил свою мысль?

— Предельно ясно. А тем временем моя мать тратит деньги на эту скукотищу, а наш тираж менее пятнадцати тысяч. И кроме того, «Таймс-Диспетч» невозможно, прямо-таки невозможно читать без зевоты. Со времен «золотой лихорадки» эта Тонговая война — самая горячая тема. Все другие газеты пишут про эту войну и хорошо продаются, а ты тем временем рассуждаешь о мусоре. А ты знаешь, что люди делают с нашей газетой? Уж точно не читают. Они используют ее, чтобы заворачивать пищевые отходы, так что не говори мне про мусор.

Дэвид холодно посмотрел на него.

— Ты уволен, — сказал он.

Арчер даже заморгал от такого поворота дел.

— Ты не можешь уволить меня.

— Именно это я только что сделал. Ты уволен. Убирайся из моего

кабинета.

Упершись в редакторский стол кулаками, Арчер подался к Дэвиду.

— Ты ненавидишь меня, — негромко сказал он. — Ты всегда ненавидел меня, потому что мать влюбилась в моего отца, а вовсе не в тебя. Ты просто ничтожество, Дэвид, и всегда был им, вместе со своим идиотским палисадником на своей идиотской Джексон-стрит, со своими паршивыми кошками и шлюхами. Только не думай, будто бы мне не известно о твоих девочках, равно как и о твоих — назовем их тайными — посещениях — самых занюханных борделей на Пасифик-стрит. Может, именно поэтому ты не желаешь печатать, как ты говоришь, мусор? Потому, что ты сам мусор?

— Моя любовная жизнь — это мое дело, — сказал Дэвид, чеканя каждое слово. Он с трудом сдерживался, чтобы не взорваться: Арчеру удалось пронюхать о его маленьком и довольно-таки грязном секрете. — И кроме того, уж если кому и читать мораль, то не тебе. А теперь убирайся к чертовой матери, Арчер, пока я не вышвырнул тебя собственноручно, что, признаюсь, страшно хочу и могу сделать.

Арчер от удивления выпрямился: он никогда прежде не видел Дэвида таким.

— О'кей, я ухожу. Но как только мать вернется домой, тебе придется паковать чемоданы. Газета требует много сил и энергии, Дэвид, а у тебя их нет вот уже много лет. А у меня они есть, и я сделаю эту газету крупнейшей и лучшей на Западном побережье. — Он подошел к двери, шагнул через порог, но вдруг повернулся и, ткнув в Дэвида пальцем, сказал: — И не только на Западном побережье, но и в мире!

Дэвид смотрел на него через стекло. Он не сожалел о том, что сделал. Пусть Эмма тридцать лет вытирала о него ноги, но, будь он проклят, если позволит ее сыну так обращаться с собой. Дэвид потянулся за ручкой, чтобы написать прошение о своей отставке.

Ему вовсе не улыбалось, чтобы его выгнали.

Кан До пересек огромный, как пещера, холл и открыл дверь. На пороге стояла очень хорошенькая, заметно нервничавшая молодая девушка в голубом атласном вечернем платье.

— Я мисс Доусон, — сказала она. — Мистер Коллингвуд ожидает меня.

— Конечно, входите, пожалуйста.

Оказавшись в холле, девушка сняла шиншилловую накидку, защищавшую ее от прохладного майского ветра, и передала Кан До вместе

с легким шарфом, который покрывал ее голову.

— Сюда, пожалуйста, хорошая мисс.

Кан До проводил Арабеллу к сдвоенной лестнице, где висел портрет Эммы в полный рост. Арабелла украдкой огляделась по сторонам, стараясь, чтобы слуга не заметил ее любопытства. Она жадно принялась осматривать интерьер особняка, о котором было столько разговоров в Сан-Франциско и который наполнял сердце ее матери жгучей завистью. Конечно же, она никогда не сможет признаться матери в том, что приходила сюда. Никто из родителей не знает, куда она направилась на самом деле. Арабелла сказала лишь, что хочет навестить Клару Флуд, одну из кузин мистера Флуда, жившего через улицу от Коллингвудов. Отец Арабеллы был человеком вспыльчивым, и хотя он практически никогда не поднимал руку на дочь, но если он только узнает, что она приняла приглашение Арчера Коллингвуда пообедать у него дома, вряд ли он сможет отвечать за свои поступки.

— Мистер Арчер, он ожидать вас наверху в картинной галерее, — сказал Кан До, провожая девушку по правой лестнице. — Он сказал, что подумал, что вы можете захотеть видеть картины тайтай перед ужином.

— О, это было бы замечательно, — сказала Арабелла, стараясь скрыть свое нетерпение. Во время обеда с Арчером в «Палас-Отеле» она недвусмысленно дала понять, что очень бы хотела взглянуть на собранные Эммой картины. Подобно многим сан-францисским девушкам из обеспеченных семей, Арабелла получила образование за границей, а именно в привилегированной школе для молодых леди в Париже, где единственным ее интересом, скоро ставшим настоящей страстью, было искусство. Она закончила колледж год назад и десять месяцев потом осматривала крупнейшие музеи и кафедральные соборы Европы. Лишь совсем недавно она вернулась в Сан-Франциско, и почти сразу судьба столкнула ее с Арчером.

Архитектор, который строил для Эммы этот особняк, разместил картинную галерею на верхнем этаже, с тем чтобы днем картины освещались естественным светом. Добравшись до третьего этажа, Кан До распахнул двойные двери красного дерева и объявил:

— Мисс Доусон!

Затем он отступил в сторону, давая Арабелле пройти. Миновав двери, она увидела, что находится в начале длинной галереи, освещенной газовыми светильниками в круглых, как маленькие глобусы, плафонах. Посередине галереи тянулась красная бархатная дорожка, с которой надлежало любоваться картинами. Стены были сплошь увешаны ими, и в свете газовых светильников замысловатого рисунка золоченые рамы картин

чуть загадочно сверкали.

Арчер, выглядевший потрясающе красивым в белом галстуке и фраке, подошел и поцеловал ее затянутую в печатку руку.

— Добрый вечер, мисс Доусон, — сказал он. — Так как, насколько я понимаю, вы в некотором роде эксперт по искусству, почему бы вам не посмотреть картины, собранные моей матерью? Если вдруг у вас возникнут какие-либо вопросы, я попытаюсь ответить.

— Благодарю вас, мистер Коллингвуд.

Арабелла подошла к левой стене галереи, и первая же картина, на которую она взглянула, заставила ее затаить дыхание.

— Ватто! — воскликнула она. — Я обожаю Ватто!

— Да, мне и самому он нравится, — сказал Арчер, сцепив руки за спиной. — Я люблю клоунов.

Смущенно взглянув на Арчера, Арабелла открыла свою крошечную серебристую сумочку.

— Вы не будете против, мистер Коллингвуд? У меня небольшой астигматизм. — Она извлекла из сумочки золотой лорнет и раскрыла его. — Стараюсь это особенно не афишировать, но поскольку уж тут собрана такая замечательная живопись… — Приложив лорнет к глазам, Арабелла жадно впилась в полотна. — Да… — вымолвила она наконец, обращаясь больше к самой себе, нежели к Арчеру. — Какая техника! А краски… Потрясающе!

Почти пять минут Арабелла рассматривала картину, и Арчер наконец напомнил о себе, деликатно прочистив горло.

— Следующее полотно — это Рубенс, — сказал он. — Если мы чуть-чуть не увеличим скорость осмотра, то, боюсь, обед у нас может превратиться в ужин.

Арабелла опустила лорнет.

— Извините, но для меня это такое наслаждение, что я могла бы и вовсе обойтись без обеда.

— Правду говорят, что перед лицом такой сверхъестественной красоты — в ее разряд я включаю и вас, мисс Доусон, — надо быть чрезвычайно вульгарным, чтобы думать о еде. Но поскольку я как раз и являюсь очень вульгарным… А кроме того, мама просто убьет меня, если я огорчу ее повара.

На лице Арабеллы появилось презрительное выражение.

— Я попытаюсь шевелиться быстрее, мистер Коллингвуд. Тем не менее живописью нужно упиваться, а не поедать ее впопыхах, хотя грубиян вроде вас может не понять, в чем тут разница.

Она шагнула к следующей картине, огромному полотну работы Рубенса, на котором был изображен мускулистый плотоядно ухмыляющийся сатир, бегущий по полю с пышными розовыми наядами на руках; на ягодицах наяд имелись ямочки, а груди были навыкат.

— Это «Изнасилование сабинянок», — сказал Арчер. В данном случае «изнасилование» имеет смысл «похищение», или «захват», в таком примерно духе.

Арабелла окинула его холодным взглядом.

— Вы и впрямь вульгарны и любите паясничать. Искусство — это религия, и потому следует к нему относиться с величайшим уважением. — Взгляд ее вернулся к картине.

— А как вы думаете, о чем Рубенс думал, когда выписывал всю эту плоть? — спросил Арчер. — О религии?

Арабелла взглянула на полотно — сладострастный гимн человеческому телу — и через секунду тихонько фыркнула. Потом виновато взглянула на Арчера, стараясь сохранять строгое выражение лица, и снова перевела взгляд на картину.

Прошло несколько мгновений, и Арабелла громко расхохоталась.

— Вы ужасный человек! — только и смогла произнести она.

Арчер улыбнулся.

Сорок пять минут спустя, когда глаза ее насытились созерцанием самых прекрасных картин, которые она только видела в Америке, Арабелла в сопровождении Арчера спустилась в главный холл. И тут настал черед пировать ее ушам: Арабелла услышала музыку Бетховена.

— Что это? — спросила она.

— Сюрприз, — ответил Арчер, предложил ей руку и повел по мраморному полу к дверям, по бокам которых стояли, в классическом стиле, колонны. Двое китайцев-слуг изнутри распахнули створки дверей, и Арчер ввел Арабеллу в гостиную. Золоченые китайские обои, изображавшие легендарный зимний сад, сверкали при свете свечей. На другом конце комнаты стоял огромный стол, сервированный знаменитым, из позолоченного серебра сервизом Эммы с высокой пирамидкой из фруктов и четырьмя массивными канделябрами. Прекрасная музыка доносилась из алькова, задрапированного голубой бархатной шторой.

— Немного камерной музыки очень полезно для пищеварения, — сказал Арчер Арабелле, подводя ее к стулу. Кан До усадил ее, а сам Арчер обогнул стол и уселся напротив.

— Это первое трио Бетховена, — сказал он, разворачивая камчатую

салфетку, в то время как один из слуг проворно наполнил венецианские кубки ледяной водой. — Вам нравится Бетховен?

— Конечно. И мне также нравятся ваши обои. Что это такое?

— Это большая редкость, они сделаны по рисунку, который изображает знаменитый «Юань Минь Юань», что значит «Круглый светлый сад», который был построен в 1709 году Канши, императором Китая. Это был своего рода земной рай, сооруженный неподалеку от Пекина — там были павильоны, озера и сады. Каких только животных и птиц ни поселили в этот дворец! Семнадцать лет назад это архитектурное сооружение было полностью уничтожено английскими и французскими войсками. По-моему, это один из самых постыдных актов, который когда-либо совершил так называемый «цивилизованный» белый человек.

— Почему?

— Почему? Да вы только взгляните! — и он обвел жестом светящиеся в отраженном свете обои. — Это было сооружение невероятной красоты. Не может быть оправдания тем, кто уничтожает красоту.

Арабелла по-новому, с интересом взглянула на Арчера.

— Знаете, мистер Коллингвуд, — сказала она, — я начинаю подозревать, что вы закоренелый романтик, нацепивший на себя личину грубияна.

Он посмотрел на нее.

— Может быть, я немного и то, и другое.

В то время как слуги-китайцы наливали в изящные китайские чашки суп из телячьей головы, Арабелла через стол изучающе смотрела на Арчера. Молодой плейбой с дурной репутацией, оказывается, более сложный — и интересный — человек, чем она представляла. После того как слуги удалились, Арабелла взяла позолоченную ложку.

— Мистер Коллингвуд, — сказала она, — скажите мне, а чего вы добиваетесь?

— Разве непонятно? — улыбнулся он. — Вас.

Она почувствовала легкий озноб. Арабелла не могла понять, то ли от предчувствия, то ли от страха.

А может быть, это просто волнение?

Час спустя Арчер открыл другие двери и пригласил Арабеллу в бальный зал. Когда один из корреспондентов «Бюллетеня» писал в статье о том, что по своим размерам этот зал не уступит Тронному залу Букингемского дворца, то, разумеется, это была гипербола, хотя это помещение, безусловно, поражало воображение. Двадцать футов в высоту и

шестьдесят в длину; одна стена представляла собой сплошную череду стрельчатых дверей, откуда можно было попасть на узкий балкон, нависающий над Калифорния-стрит. Остальные три стены были выложены рыжевато-белым сиенским мрамором; поверх мраморных плит висели три огромных гобелена XVII века, изображавшие «Свадьбу в Кане Галилейской». Две огромные хрустальные люстры мягко освещали помещение, отражаясь в паркете. Однако Арабеллу больше всего поразило то, что в дальнем конце зала сидел целый оркестр, в котором она узнала любимца Сан-Франциско — Общественный оркестр Болленберга. В тот самый момент, когда Арчер широко распахнул створки дверей, дирижер взмахнул палочкой, и оркестр заиграл начальные такты «Geshichten aus dem Wienezwald», или, как перевели название этого нового штраусовского вальса в Америке, «Сказки венского леса».

— Потанцуем, мисс Доусон? — предложил Арчер.

— Да, но вы не предупредили, что устраиваете танцы.

— Я не устраиваю их. По крайней мере, здесь больше некого приглашать.

Она взглянула на безбрежный пустой пол.

— Вы хотите сказать, что мы только вдвоем будем танцевать?

— Именно. Итак, потанцуем? — И он протянул ей руку.

— Вы сумасшедший! — воскликнула она, когда они закружились по паркету. — Вы самый настоящий сумасшедший!

— Я сошел с ума от любви, — с улыбкой сказал он. — И сошел с ума из-за вас.

Когда они вальсировали по огромному, дух захватывающему залу, Арабелла подумала, а не снится ли ей все это. Всем отчаянно колотившимся сейчас сердечком она надеялась на то, что происходящее является сном, потому что она, Арабелла Доусон, которую с детства учили ненавидеть Коллингвудов, вдруг почувствовала, что влюбилась.

— Ледяная вода, женщина и музыка, — сказал Арчер. — Разве это не прекрасно?

— Да, — выдохнула она, а перед глазами у нее кружились окна и гобелены. — Это прекрасно, совершенно прекрасно.

Глава шестая

Крейн Канг и Ли Ванг Ю смотрели друг на друга, стоя, сжав кулаки, в боевой стойке. Оба они были без обуви, с обнаженными торсами.

— Хайи! — вскричал Крейн и сильно ударил левой ногой. Ли тотчас же ответил правой. Придвинувшись чуть ближе к противнику, он сейчас

продемонстрировал классическое исполнение каты, которую защитным приемом отвел от себя Крейн. Они были в гимнастическом зале на втором этаже особняка Крейна на Грант-авеню, занимаясь ежедневной тренировкой по тэквандо.

Вдруг на улице раздался взрыв, и сразу же после него послышалась стрельба. Крейн и Ли подбежали к окну и выглянули в сад. В городской стене была проделана изрядная дыра, через которую толпой валили и стреляли какие-то люди, в ответ на что охрана особняка Крейна отвечала встречным огнем.

— Хоп Синг! Это они! — закричал Крейн и устремился через спартанский гимнастический зал к двери, крикнув Ли: — За мной!

Дверь открывалась на узкую лестницу, ведущую на крышу дома. Крейн и Ли быстро одолели ее, Крейн открыл стальную дверь и оказался у парапета, который огибал всю верхнюю часть особняка, в том числе и часть пологой черепичной крыши. Был заход солнца. Из пролома в стене все еще валил дым, и две дюжины бойцов из Хоп Синг перестреливались внизу с охраной Крейна. Выстрелы и крики раненых наполнили воздух, пахнущий пороховым дымом.

— Гатлинговская пушка! — крикнул Крейн, устремился по балкону вдоль парапета, рывком сорвал брезентовый чехол с одной из двух пушек, которые он купил у торговца, распродававшего оружие, оставшееся после Гражданской войны. Ли был тут как тут: из-под козырька крыши он извлек деревянный ящик со снарядами, присоединил патронную ленту к орудию — фактически это был первый в истории случай скорострельного ведения огня.

Внизу, в темноте сада, за одним из деревьев прятался и стрелял по дому Чарли Конг. После взрыва охрана ретировалась в особняк и стреляла по нападавшим из окон первого этажа. Эрни Ву выбежал из гущи рододендронов, петляя, чтобы не попасть под перекрестный огонь.

— Не самое ли сейчас время штурмовать дом? — тяжело дыша, спросил он у Чарли на катонском наречии. Именно Чарли Конг принадлежала идея украсть взрывчатку и с ее помощью организовать нападение на особняк Крейна в отместку за убийство в парикмахерской Вонг Йем Йена. Взрывчатку они прошлой ночью выкрали из складского помещения Южно-Тихоокеанской железной дороги. Китайцы, которые, как известно, изобрели порох, научились самым современным подрывным способам во время строительства тоннелей при прокладке железной дороги через горы Сьерра-Невады.

— Давай, — ответил Чарли, перезаряжая ружье. — Передай команду:

как только я дважды выстрелю в воздух, начинаем штурм.

Эрни побежал обратно к кустам, откуда семеро бойцов Хоп Синг обстреливали особняк. За стеной, отделявшей сад от улицы, на Грант-авеню собралась изрядная толпа китайцев, которых привлекали сюда звуки выстрелов. И хотя по городу уже разнесся слух о разразившейся наконец тонговой войне, полицейские из «круглоглазых» держались от места события подальше, полагая, что будет куда лучше, если «китаезы-уголовники» сами перережут друг другу глотки. Однако бесстрашный репортер «Бюллетеня» Дигби Ли прилетел сюда на всех парусах.

— Штурмуем дом, — сказал Эрни. — Сигналом послужат два выстрела в воздух…

— Ай-йи! — вскричал, схватившись за правую щеку, один из бойцов Хоп Синг, и повалился лицом в рододендроны.

— Смерть суэй-сингам! — закричал Эрни и выстрелил в сторону дома. — Смерть, смерть, смерть!

Чарли Конг дважды выстрелил в воздух.

— Это сигнал, начинаем!

Бойцы Хоп Синг вышли из-за кустов и, беспрерывно стреляя, устремились к дому. Остальные хоп-синги высунулись из-за небольшой каменной ограды, которая располагалась неподалеку от сверкавшего водой бассейна, и начали атаку с восточной стороны.

Наверху, на парапете, Крейн открыл стрельбу, с помощью рукоятки поворачивая колесо гатлинговской пушки, так что это колесо превратилось в обойму. Восемь цилиндрических дул изрыгали до полсотни пуль в минуту — огненный град обрушился на сад. Дергаясь в предсмертных корчах, несколько бойцов тонги Хоп Синг лежали на лужайке, из десятков ран струились потоки крови. Пули взрывали дерн, с корнем вырывали ранние цветы, уже успевшие взойти, осыпали набухшие почки рододендронов.

— Что за дьявол! — взревел Чарли Конг, выглядывая из-за ствола дерева. Он поднял голову и уставился туда, откуда изрыгала потоки огня гатлинговская пушка. Подоспел и Эрни Ву, придерживая ладонью кровоточащую рану на левой руке.

— У них, оказывается, есть пушка Гатлинга! — закричал он. — Сматываемся отсюда к черту!

Чарли Конга в этой ситуации не пришлось просить дважды. Новый главарь тонги Хоп Синг и его главный помощник поспешили к пролому в стене и нырнули на улицу как раз в ту секунду, когда Крейн навел свое орудие на пролом в стене. Пули забарабанили по оштукатуренной

поверхности стены. Чарли и Эрни, растолкав собравшуюся толпу зевак, поспешили ретироваться в безопасность штаб-квартиры тонги.

— Каковы наши потери? — спросил Чарли полчаса спустя, накладывая повязку на окровавленную руку Эрни.

— Пока не знаю, но слишком много.

Пятеро других хоп-сингов стояли рядом с Эрни и Чарли в подвале штаб-квартиры, расположенной на Аллее Убийц.

— Против пушки Гатлинга у нас не было никаких шансов, — сказал один из них. — Было так, словно у него на крыше засел огнедышащий дракон.

— Атаковать особняк была моя идея, и я беру на себя ответственность за то, что это не удалось, — сказал Чарли. — Хотите ли вы, чтобы я отказался от поста главы тонги?

Бойцы Хоп Синг переглянулись, потом отрицательно покачали головой.

— Нет, Чарли, не хотим, — ответил один из них. — Мы верим тебе. Крейн Канг получает от рэкета пять миллионов долларов в год, и если нам удастся уничтожить Канга, то все эти денежки могут стать нашими.

— И будут нашими, кроме того, опиум и «певички», — заметил другой.

— Ладно, — сказал Чарли, завязывая бинт на руке Эрни. — Я и сам немного сплоховал, однако в следующий раз такого не случится. Мы попытались атаковать особняк Крейна, однако эта задача оказалась слишком сложной. В следующий раз попытаемся выманить Крейна из его убежища — и тогда посмотрим.

— Но как это сделать? Он крайне редко выходит из дома.

— Есть один способ, — вкрадчиво сказал Чарли Конг. — Есть способ…

Арчер вышел из экипажа и посмотрел на семиэтажное здание конторы «Пасифик Бэнк энд Траст», расположенное в финансовом центре Сан-Франциско на Монтгомери-стрит. Это было самое высокое здание на Западном побережье, построенное из кирпича и камня в так называемом «нео-флорентийском» стиле. Правда, будучи во Флоренции, Арчер не видел там ничего похожего (во Флоренцию он приехал, когда по окончании Принстона совершал большое турне по Европе). Войдя в темно-зеленый, отделанный мрамором вестибюль конторы, он поднялся затем по внушительных размеров лестнице на второй этаж. У него была назначена

здесь встреча с матерью, и Арчер знал, что разговор предстоит весьма бурный.

Эмма разбогатела потому, что нужная мысль пришла ей в нужный момент. Это было восемнадцать лет назад, когда в Неваде были обнаружены большие серебряные месторождения. В отличие от «золотой лихорадки», когда можно было разбогатеть, имея сито, лопату и немного удачи, залежи серебра находились в горах. Требовались огромные денежные средства, чтобы рыть специальные шахты, ведущие к серебросодержащим рудам, поэтому владельцы шахт и прибыли тогда в Сан-Франциско за деньгами. Именно тогда Эмме пришла нужная и верная идея: ее страховой компании удалось аккумулировать огромный капитал, так почему бы не открыть еще и собственный банк?

Компания «Пасифик Бэнк энд Траст» открыла свои двери 1 октября 1859 года и вскоре выпустила заем на многие миллионы долларов с небольшим процентом для владельцев серебряных рудников, которые в качестве финансового обеспечения представили акции своих шахт. Когда же взятые по займу деньги не возвращались, а очень многие шахтовладельцы не сумели вовремя это сделать, акции, отданные в залог, переходили банку, что позволило и без того имеющий большое влияние в разработке сьерра-невадского серебра компании «Пасифик Бэнк энд Траст» стать еще более солидным владельцем акций. У Эммы был «синдром Мидаса»: ее банк с самого начала оказался предприятием исключительно успешным. В течение пяти лет, пока Гражданская война сотрясала Восточное побережье, Эмма сумела создать «Пасифик Бэнк энд Траст», чтобы консолидировать свою финансовую империю, куда входили банк, страховая компания, корабельная компания, газета и универмаг.

Когда Арчер вошел в ее приемную, его приветствовал секретарь матери мистер Куотермейн, и Арчер — причем не в первый раз — подумал, что его мать, должно быть, одна из наиболее могущественных женщин Америки. Что ни говори, а трудно добиться того, чего добилась она. Но Арчер был полон решимости последовать по ее стопам.

Арчера провели в святая святых — кабинет Эммы, в котором все несло на себе мужественный отпечаток силы и власти: стены, совсем как в Английском клубе, были обиты панелями темного дерева, стояла мебель английских мастеров XVIII века, на стенах висели картины, где давно уже скончавшиеся клиперы «Кинсолвинг Лайнз» были запечатлены в их лучшую пору. Особенно выделялась картина, изображавшая «Императрицу Китая», корабль, который много лет назад доставил Эмму в Калифорнию.

Эмма сидела за огромным столом. Как всегда она была

безукоризненно одета и отлично выглядела. В соответствии с последним криком парикмахерской моды прическа ее состояла из множества кудряшек, забранных на затылок единой массой, — это называлось прической «под пуделя». Великолепное платье было из серого шелка, отдельные его детали были выполнены из яркой алой материи. Герцогиня Сан-Францисская, как он часто называл ее.

Как обычно, когда Эмма сердилась, она сразу перешла к делу.

— Дэвид Левин прислал мне письмо с прошением о своей отставке, — резко сказала она. — Тебе что-нибудь известно об этом?

Опустившись на один из стульев, стоявших перед столом, Арчер пожал плечами.

— И что же он говорит в этом письме?

— Немного. Называет причиной плохое здоровье, а это попросту глупо, потому что у него отличное здоровье. Я специально разговаривала с его врачом. Но я подозреваю тебя. Через пять дней, как ты приступил к работе, Дэвид подал в отставку. У вас была с ним стычка?

— Да. Я заявил ему, что считаю, что он руководит газетой из рук вон плохо, а он уволил меня. Но он на самом деле плохо ведет работу. Отказывается помещать сообщения о тонговой войне на первой полосе, но именно на ней такие сообщения и следует печатать. А он считает, что тонговая война — это, видите ли, мусор. Ты читала утреннюю газету? Вчера вечером хоп-синги вломились в особняк Крейна Канга, разворотив каменную стену украденной взрывчаткой. Погибли девять бойцов Хоп Синга, а также убиты четверо человек из тонги Суэй Синг. И такое вот сообщение он, видите ли, помещает на восьмую полосу! А что же у него в выпуске главное? Лесной пожар у Русской реки. Глупо! Это примерно то же самое, как анекдот с Колумбом: он возвратился в Испанию и рассказал, какая отличная рыбалка в Атлантике, а потом так, между прочим, сообщил, что открыл Америку.

— Конечно, ты прав. Я знаю, что Дэвид не годится для газеты. Иногда я даже думаю, что таким образом он пытается отомстить мне.

— За то, что ты не стала его женой, миссис Дэвид Левин?

— Да. Но, Арчер, разве нельзя было хоть немного подождать? Пять дней! Подождал хотя бы неделю, прежде чем наезжать на редактора газеты. Ты нагрубил ему?

— Почему ты так думаешь?

— Потому что в своем письме он очень лаконичен.

Арчер чуть поколебался.

— Да, пожалуй, я был груб.

— В таком случае я хочу, чтобы ты перед ним извинился. Дэвид — очень милый человек, я знаю его почти всю свою жизнь и не хочу, чтобы мой родной сын причинял ему боль, вне зависимости от того, как он руководит газетой.

Арчер вновь пожал плечами.

— Я напишу ему письмо, — сказал он.

— А я положу ему приличную пенсию. Вопрос в другом: кого я поставлю на его место?

Арчер подался вперед.

— А почему бы не меня? — тихо сказал он.

— Не смеши меня. Ты там не проработал и недели. Мне же необходим такой человек, за плечами которого имелся бы опыт работы.

Арчер взвился со стула.

— Мамочка, ну пожалуйста, разреши мне! Я ничего в жизни так не хотел! Я сделаю газету совершенно иной, вот увидишь! У меня есть идеи…

— Арчер, не глупи!

— Я совершенно серьезен! Ты ведь столько денег потеряла на этой газете, почему бы не дать мне шанс сделать наоборот? Худшее, что я смогу натворить, будет не хуже того, что сделал Дэвид. Но я верю, что смогу сделать настоящую газету!

— Неужели ты не понимаешь? Если я передам тебе газету, все вокруг скажут: «Даже тут он не обошелся без мамочкиной поддержки».

— Да мне плевать, что будут говорить. Слушай, вот уже четыре года, как я закончил колледж. Из них три года я ничего не делал, только пил и дурачился. И все это главным образом потому, что я боялся тебя! Ну хорошо, я дал зарок. Но теперь мне нужно наверстать упущенное время. Из «Таймс-Диспетч» можно сделать первоклассную газету, я уверен, которая сможет приносить большие доходы. И я смогу это сделать! Дай же мне шанс доказать самому себе. Пожалуйста!

Эмма внимательно посмотрела в глаза сыну.

— Что ж, — после паузы произнесла она, — насколько я понимаю, теперь ты не боишься меня, не так ли?

Арчер не сразу нашелся, что ответить.

— Да, думаю, что не боюсь.

Эмма побарабанила пальцами по столешнице.

— Ладно, бери газету. Я буду тебе платить столько же, сколько получал Дэвид — десять тысяч в год.

— Йа-ахо! — заверещал Арчер, обежал вокруг стола и схватил мать в объятия. — Спасибо, мамуля, ты никогда не пожалеешь об этом!

— Постарайся не разочаровать меня, — сказала Эмма. — Я очень в тебя верю, дорогой. Сделай так, чтобы я могла тобой гордиться.

— Я сделаю, вот увидишь! — И он чуть не вприпрыжку помчался к двери.

— Арчер!

— Да?

— Ты мне еще не сказал, кого собираешься пригласить завтра вечером на прием по случаю замужества Стар.

Он взялся за дверную ручку, некоторое время поколебался.

— И кроме того, — продолжала Эмма, — мистер Болленберг прислал мне чек на восемьсот долларов. Похоже, что, пока я была в отъезде, ты развлекался дома с какой-то леди и для вас двоих выписал целый оркестр. Кан До сообщил мне, что леди, о которой идет речь — Арабелла Доусон. Правда?

Арчер улыбнулся.

— Ты ничего не пропустишь. Да, правда. И я пригласил Арабеллу на бал завтра вечером.

— Она согласилась?

— Да.

Эмма нахмурилась.

— Что происходит? Лоретта Доусон завтра вечером тоже устраивает у себя бал и переманила к себе половину моих гостей. Эта глупая корова пытается переплюнуть меня, как будто меня это очень волнует. Но почему, не могу понять, ее дочь согласилась прийти в наш дом?

— Потому что влюблена в меня. Я же говорил тебе, что возьмусь за Слейда Доусона.

И прежде чем она успела задать еще какой-нибудь вопрос, он выскочил из кабинета.

— Миссис Леланд Стэнфорд, Мэри Крокер, Феба Херст. Все они придут завтра вечером, Нелли. — Лоретта Доусон так и сияла, глядя в зеркало в своей битком набитой мебелью спальне. Перед Лореттой на четвереньках ползала ее австралийка-служанка, подшивая низ бального, цвета слоновой кости платья. — Какой триумф! Лучшие дамы Сан-Франциско предпочли мой дом дому Эммы Коллингвуд. Боже мой, какое счастье! Ой! Ты уколола меня иглой, сука неуклюжая!

— Извините.

— Как бы там ни было, но это будет потрясающий вечер. Икра, шампанское — а шампанское у меня будет ничуть не хуже того, каким

угощает Эмма Коллингвуд. «Перье-Жуэ», урожая семьдесят первого года, пять долларов бутылка. О завтрашнем вечере будут потом годы напролет вспоминать как о вечере, когда Лоретта Доусон стала королевой Ноб-Хилла.

— Мама!

Лоретта увидела в зеркале отражение дочери.

— Да, дорогая?

— Можно одну минутку поговорить с тобой?

— Ну конечно. Я только что рассказывала Нелли, какой великолепный вечер будет у нас завтра. А мою Арабеллу будет сопровождать — только представьте! — настоящий английский лорд.

— Я ненавижу англичан, — проворчала Нелли.

— Уж кто бы говорил! Вы там в своей Австралии все через одного уголовники, поэтому и ненавидите англичан. Но эти двое очаровательных англичан, которые приехали сюда к британскому консулу, лорд Эвондейл и лорд Мандевилль — я послала им приглашения, и они заверили, что будут. Не просто приняли мое приглашение — лорд Эвондейл даже попросил оказать ему честь быть кавалером Арабеллы. Конечно, я сразу же дала свое согласие. Подумай, дорогая, в один прекрасный день ты можешь стать леди Эвондейл, связанной благодаря браку с лучшими и знатнейшими фамилиями Англии. Кстати, Нелли, он такой симпатичный…

— Завтра вечером лорд Эвондейл не будет моим кавалером, мама. Всем отлично известно, что и он, и лорд Мандевилль всего лишь охотники за приданым, которые живут на деньги, присылаемые из Англии их родственниками.

Лоретта обернулась и уставилась на дочь.

— Он не будет твоим кавалером? А что случилось? Лорд Эвондейл заболел?

— Насколько мне известно, он в отличнейшей форме. Но дело в том, что я иду на бал к Коллингвудам, который миссис Коллингвуд устраивает в честь своей дочери.

При этих словах Лоретту одолел приступ кашля. Когда же она наконец восстановила дыхание, то повернулась к дочери.

— Куда ты идешь?

— Арчер Коллингвуд пригласил меня на бал, и я дала ему свое согласие.

— Нелли, выйди отсюда.

— Но, миссис Доусон…

— Пошла вон, австралийская жаба! — завопила Лоретта. Нелли

вскочила и бросилась к дверям. Когда она скрылась, Лоретта требовательно спросила: — Что вообще происходит? Значит, ты за моей спиной видишься с Арчером Коллингвудом?!

— Да. И знаешь, мама, он действительно очень приятный, милый молодой человек.

— «Приятный»? «Милый»? Он пьянь и развратник! Он что же, лапал тебя?

— Он истинный джентльмен.

— Не верю! Просто не могу поверить, что моя дочь вопреки воле родителей тайно бегала к этому ужасному Коллингвуду!

— Мама, ты совершенно не права! Арчер дал зарок и ничего, кроме воды и апельсинового сока, не пьет.

Лоретта, положив ладони на пышный бюст, рухнула в кресло.

— Это не может быть правдой, — простонала она. — Я не могу поверить, что моя собственная дочь обошлась с родной матерью, как змея подколодная!

— Я вовсе не змея подколодная! — с жаром воскликнула Арабелла. — Но завтра вечером я иду с Арчером.

Лоретта обвиняющим перстом указала на дочь.

— Но прежде я запру тебя в твоей спальне.

— Только вот угрожать мне не нужно, мама! — холодно сказала дочь. — Одна из причин, почему я приняла приглашение Арчера, заключается в том, чтобы не допустить, чтобы он опубликовал серию статей о тебе, папе и кафе «Бонанза».

Молчание. Лоретта, побагровев, боролась со своими чувствами. Наконец прошептала:

— Ты знаешь, что все эти россказни — сплошная ложь.

— Раньше я и сама так считала, поскольку ты говорила, что это ложь, и я верила тебе. Но сегодня я решила отправиться на Портсмут-сквер и самой все выяснить. Я пошла туда и поговорила с этой жуткой пьяной бабой, с Чикаго. — Арабелла замолчала, прикусив губу. — О, мамочка, — прошептала она, — как же ты могла?

— Признаюсь, я работала официанткой и ничего больше. Ты поняла? Ничего! Господи, за день до того, как твой отец и я пригласили в этот дом весь город, ты хочешь погубить меня?

— Конечно, я не хочу погубить тебя. Ведь это погубит и меня. Но, мамочка, после всех этих долгих лет лжи и уверток я хочу наконец знать правду! Ты ведь не была всего лишь официанткой — Чикаго сказала мне об этом. Ты, оказывается, была, как это вежливо говорят, «замаранная

голубка». Ты, оказывается, была… — Арабелла набрала побольше воздуха, ибо ей было больно произносить это слово: — проституткой!

Обе женщины застыли, не сводя глаз друг с друга. Наконец Лоретта выпрямилась в кресле.

— Хорошо, это правда, я была ею, — сказала она с явным вызовом. — Хочешь знать правду? Мои родители умерли от холеры по пути на Запад, как умирали сотни и сотни других переселенцев, и потому, когда я приехала в Сан-Франциско, у меня, кроме молодости и хорошей внешности, ничего не было. Ты даже и представить себе не можешь, каким местом был в те времена Сан-Франциско. Сейчас это современный космополитический город, его даже называют «Парижем американского Запада». Но в те времена тут была жуткая дыра. Практически здесь не было женщин, тогда как у мужчин было большое… желание, в общем. Они все что угодно готовы были сделать, сколько угодно готовы были заплатить. Помню, как один мужчина предложил мне триста долларов золотом только за то, чтобы взглянуть на мое нижнее белье. Я зарабатывала тысячу долларов в час…

— Ох! — воскликнула Арабелла, прижимая ладонь ко рту.

— Я понимаю, ты шокирована. Ты, которая понятия не имеет о том, что значит быть бедной, ты, которая всю жизнь получала все на блюдечке с голубой каемочкой: одежду, игрушки, французское образование, драгоценности — словом, все, что твоей душе было угодно, — так вот, все это я покупала тебе лишь потому, что не хотела, чтобы ты повторила мой путь. Ты и стала лучше матери. Я понимаю, что такой, как ты, леди я не смогу стать, проживи я хоть сто лет. Но не гляди на меня свысока только лишь потому, что мне приходилось зарабатывать на жизнь лежа на спине. Твой отец сделал меня уважаемой женщиной, когда я была беременна твоей бедняжкой-сестрой, да упокой, Господи, ее безгрешную душу. Может, таким именно образом Бог хотел наказать меня, сделав так, что она родилась мертвой, не знаю… Но как бы то ни было, я сделала все, что было в моих силах, чтобы скрыть прошлое, и если ты ненавидишь меня за это, что ж, ничего тут не поделаешь.

Арабелла опустила глаза: все эти годы мать лгала ей. Чуть слышно она сказала:

— Кто я такая, чтобы судить? В тех же обстоятельствах я, может быть, и сама сделала бы то же самое…

— О, благодарю тебя, дорогая! — Лоретта вскочила с кресла и сжала дочь в объятиях. — Благодарю! У меня как гора с плеч свалилась. И пообещай мне, что ты будешь держаться подальше от Арчера Коллингвуда.

При этих словах Арабелла отстранилась.

— Но почему?

— Разве не понимаешь? Если завтра вечером моя дочь отправится на бал к Коллингвудам, надо мной будет потешаться весь Сан-Франциско.

— Мамочка, но это же так глупо…

— Совсем не глупо. Очень важно, чтобы общество приняло тебя как равную среди равных. И завтра вечером состоится такой вот прием меня и твоего отца в местное общество. А кроме того, я ненавижу Эмму Коллингвуд. Она очень богата и любит напускать на себя… Когда мы встречаемся на улице, она в упор меня не замечает, смотрит сквозь меня, как будто меня не существует. Какого черта она мнит о себе?

— Мамочка, если то, что рассказал мне Арчер, правда, то у нее имеются веские причины смотреть сквозь тебя.

Лоретта закурила сигарету.

— О, конечно. Она обвиняет в смерти Скотта Кинсолвинга твоего отца. Уже много лет подряд она твердит об этом, но никогда еще ничего не сумела доказать — и не сумеет. Она низкая, мстительная баба, а сын ее и того хуже. Пообещай мне, что ты будешь держаться подальше от него. Пообещай же!

— Нет. Я иду завтра с Арчером на бал.

— Ты не посмеешь! Ты знаешь, какое значение для отца и для меня будет иметь завтрашний вечер. Ты должна быть здесь! Это будет немыслимое унижение для тебя, если… если ты пойдешь *туда*.

— Мамочка, я могу тебя простить за то, что ты когда-то была «замаранной голубкой». Но вот чего я не могу тебе простить, так это снобистских настроений и желания получше выглядеть в глазах общества. Я не желаю, понимаешь, не желаю принимать участия в этой глупой войне, которую вы ведете против миссис Коллингвуд. Все, что меня интересует — это Арчер и я. Спокойной ночи!

Оставшись в одиночестве, Лоретта сжала кулаки.

— Черт! — прошипела она. — Черт побери!

Поднявшись с кресла, она схватила ужасную немецкую фарфоровую вазу и со всей силы швырнула ею в зеркало, которое разлетелось на тысячу осколков.

Глава седьмая

Алисия Бомон работала в «Бюллетене» редактором светской хроники. 18 мая 1877 года она опубликовала статью, которая занимала всю первую полосу и называлась «Новая звезда зажглась на небосклоне Ноб-Хилла! Сегодня вечером шикарный бал в особняке Слейда Доусона! Полное

описание интерьера особняка; вина из Франции, икра из России; весь городской бомонд готовится принять участие в событии, равного которому Сан-Франциско не знал последние десять лет!»

В статье говорилось:

«В славном нашем городе сегодня происходит поистине историческое событие. Все жители Сан-Франциско с интересом наблюдали за тем, как новая фигура нашей динамичной социальной жизни все более и более начинает задавать тон на Западном побережье. Мы говорим о миссис Слейд Доусон. Именно она намерена устроить бал в своем великолепном особняке на Ноб-Хилл. Тема предстоящего бала — «Вечерок в старой доброй Калифорнии». По этому случаю самые выдающиеся представители городского общества провели последние недели, приготавливая себе костюмы в стиле «а-ля, мексикан-калифорнио». Мантильи, кружевные веера и томные сверкающие глаза должны быть de rigueur [33], и можно сказать наверняка, что многие из наших представительниц прекрасной половины человечества заставят не одно сердце взволнованно забиться.

Не менее интересен, чем наряды и гости, сам особняк, строительство и полная отделка которого были полностью завершены четыре месяца назад и обошлись в три миллиона долларов. Это, без всякого сомнения, один из самых эффектных домов Сан-Франциско. Выстроенный в «парижском» стиле, дом имеет огромный вход с мозаичным полом из белого и серого мрамора. Внутренняя лестница сделана из орехового дерева, колонны лестничного парапета имеют усложненную конфигурацию, а верх лестницы венчают два бронзовых римских легионера.

Среди многих потрясающих воображение элементов особняка следует упомянуть о гидравлическом подъемнике, гостиной невероятных размеров с драпри из золотой атласной материи (поговаривают, что оформление каждого окна обошлось приблизительно в две тысячи долларов, что соответствует стоимости весьма недурного домика где-нибудь в Окленде). Обращают также на себя внимание занавески из тончайших алансонских кружев и один из самых больших аксминстерских ковров, какой когда-либо был изготовлен в Англии. В особняке есть биллиардная, а в ванной комнате, помимо раковин и ванны, имеется также бассейн. Спальня миссис Доусон имеет на окнах розовые атласные шторы, отороченные белым шелком, спальная мебель изготовлена из клена, на богато декорированной постели вышитые наволочки стоимостью сто сорок долларов пара. Также в спальне имеется большая хрустальная люстра.

На балу гостям будут поднесены лучшие французские вина, а

полуночный ужин включит такие блюда, как consomme de volaille, тушеная американская черепаха, паштет из утиной печенки, дупеля и перепела, равно как и десятки прочих угощений. Залы будут украшены букетами фиалок, гелиотропов, роз, тубероз, жасмина, резеды и других цветов.

Будут присутствовать лучшие люди города, и ходят разговоры, что бывший признанный лидер городского общества, чья фамилия совсем недавно была у всех на устах в связи с разыгравшимся скандалом, отныне зачахнет в социальном вакууме».

Вчера, когда Арчер взял на себя выполнение обязанностей редактора газеты «Таймс-Диспетч» и принялся за дело с присущим молодости задором, он вызвал своего редактора светской хроники, ведущего колонку городских сплетен, Сидни Толливера и раскрыл перед ним на столе газету, где на первой странице говорилось:

«ДВЕ ПОЛОСЫ ЦЕЛИКОМ ПОСВЯЩЕНЫ СВАДЬБЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ!

ПОТРЯСАЮЩИЙ, ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ БЛЕСК СУПРУЖЕСКОГО СОЮЗА!

ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК КОЛЛИНГВУДОВ И ЛОПЕС-И-СЕПУЛЬВЕДА ПО СЛУЧАЮ БРАКОСОЧЕТАНИЯ!

ОПИСАНИЕ ОСОБНЯКА КОЛЛИНГВУДОВ!

КАК ОБЛАДАТЕЛЬНИЦА МИЛЛИОННОГО СОСТОЯНИЯ ОКРУЖАЕТ СЕБЯ РОСКОШЬЮ!

НАИБОЛЕЕ ЭЛЕГАНТНЫЙ ОСОБНЯК НА ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ! ЛЮБОВЬ ВО ДВОРЦЕ! ЭЛЕГАНТНЫЕ ТУАЛЕТЫ КОРОЛЕВЫ НАШЕГО ОБЩЕСТВА!

Имя Эммы де Мейер Кинсолвинг Коллингвуд давно уже стало синонимом всего самого восхитительного и изысканного, что есть в нашем городе. Совсем недавно она заставила говорить о своих серьезных филантропических начинаниях, сделав щедрый вклад в сооружение новой больницы в Сан-Франциско. Сегодня вечером эта удивительная, экстраординарная леди устраивает в своем особняке на Ноб-Хилл бал в честь недавней свадьбы своей дочери Стар, потрясающая красота которой несколько сезонов кряду служила украшением городской общественной жизни, и представителя одного из старейших и наиболее уважаемых семейств Калифорнии — дона Хуана Лопес-и-Сепульведа. По таком случаю миссис Коллингвуд украсила свой особняк пятью тысячами

тюльпанов, которые были выращены в ее теплицах на ферме в Пало Альто. Для гостей будет играть Общественный оркестр Болленберга, состоящий из тридцати шести музыкантов. Мистер Арчер Коллингвуд, недавно назначенный на пост главного редактора данной газеты, будет также присутствовать на приеме в честь его сестры вместе с мисс Арабеллой Доусон, мать которой в этот вечер тоже устраивает скромную вечеринку».

И хотя Лоретте Доусон удалось зазвать к себе на «скромную вечеринку» несколько городских «шишек», все-таки к Эмме прибыла половина из четырех сотен приглашенных ею гостей. Экипажи один за другим подъезжали к парадному подъезду залитого огнями особняка на Ноб-Хилл, и из них выходили превосходно одетые, увешанные драгоценностями гости. На улице собралась изрядная толпа зевак, жаждущих хоть одним глазком взглянуть на них.

В главном холле особняка настоящий орган играл переложения популярных арий из известных опер, в то время как Кан До провожал гостей меж корзин белых тюльпанов к изножию раздвоенной центральной лестницы, где стояла Эмма в зелено-изумрудном, приталенном шелковом вечернем платье с черными перьями, слегка прикрывающими декольте. На груди у нее было потрясающей красоты ожерелье из рубинов и бриллиантов, в ушах — такие же серьги. Покрой платья был разработан, конечно, Зитой, и, кстати, немногие женщины обладали такой красотой и фигурой, чтобы позволить себе надеть подобное платье. И хотя вдове Коллингвуда было уже за пятьдесят, что для большинства современниц Эммы означало весьма и весьма преклонный возраст, Эмма была полна решимости не стареть. Постоянная диета и физические упражнения по утрам позволяли ей поддерживать свою фигуру такой стройной, что у многих мужчин при виде ее сразу же резко увеличивалось количество адреналина в крови.

— Она выглядит так молодо, — прошептала одна пожилая вдова. — Вы не думаете, что она может еще раз выйти замуж?

— Почему бы и нет… — прошептала ее безвкусно одетая собеседница. — Но за кого?

Стоявшая справа от Эммы Стар была одета сейчас в бледно-персиковое атласное платье; на шее у нее было бриллиантовое колье, которое мать подарила ей по случаю замужества. Хуанито выглядел тоже потрясающе красивым в новеньком фраке. Арабелла, облаченная в желтое плисовое платье с широченной юбкой, стояла рядом с Арчером.

Все это обозревал сверху, с левой лестницы, небольшого роста усатый

мужчина с моноклем в правом глазу, с орхидеей в петлице и записной книжечкой в надетой на руку перчатке. Сидни Толливер, единственный сын винодела из Кентукки, преклонялся и обожал Эмму и вообще все семейство Коллингвудов так, как можно обожать только высшие существа. Прирожденный подхалим, он отыскивал такие слова, с помощью которых можно было бы описать подробности наиболее расточительного и блистательного события в социальной жизни, свидетелем которого ему когда-либо доводилось быть. «Я уже столько раз писал «захватывающий дух», — подумал он, — что затрепал это словосочетание. Впрочем, как и слова «ослепительный», «эффектный», «потрясающий». Нужно найти какое-нибудь новое слово — и я отыщу его!» И после некоторой паузы его золотой карандаш вывел на страничке записной книжки следующую бессмертную фразу: «Вчера вечером Эмма Коллингвуд устроила в своем особняке на Ноб-Хилл бал, который был абсолютно шикарноэлегантнейшим».

Английский язык слегка пошатнулся — но выжил.

— Хочу тебя поблагодарить за то, что ты не уничтожил маму, — говорила спустя полчаса Арабелла, когда они с Арчером закончили танец. — После всех омерзительных вещей, которые они опубликовали в «Бюллетене», Сидни Толливер, по-моему, продемонстрировал редкостную сдержанность.

— Я сказал ему, чтобы он не слишком-то наседал на нее, — признался Арчер. — В конце концов, мне была оказана честь быть с тобой весь вечер. И с моей стороны было бы глупо доводить твою мать до инсульта.

— В любом случае, я очень тебе благодарна. О, Арчер, твоя сестра просто прекрасна!

Арчер посмотрел через весь зал туда, где сейчас Стар танцевала с Хуанито.

— Да, действительно, — сказал он немного печально, потом повернулся и с улыбкой посмотрел на Арабеллу. Но не прекраснее, чем ты.

— Даже на секунду не поверю в это. — Арабелла немного поколебалась, затем улыбнулась. — Но мне очень приятно слышать это.

— Ты с-счастлива? — спросил Хуанито, вальсируя со Стар.

— Да, очень, — искренне сказала она.

— Я лю-люблю тебя.

— И я тоже.

Она говорила правду. Высокий, стройный, сухощавый Хуанито хотя и

сильно заикался, но в постели показал себя не менее искусным любовником, чем Крейн. И даже имя его почти совпадало с именем Дон Жуана. За несколько дней, прошедших с тех пор, как они обвенчались в церкви Святого Хуана Капристрано, Стар начала избавляться от стыда, вызванного мыслью о прежней связи с Крейном.

— Я и Ар-арчера т-тоже очень люблю. К-как ты думаешь, он влю-люблен в Арабеллу?

— Не знаю, да меня это и не волнует. Сегодня наш вечер, дорогой, мы будем танцевать вальс, пить шампанское, веселиться, а потом ты на руках понесешь меня наверх, в нашу спальню, и поцелуешь меня десять тысяч раз:

— Это о-очень много.

— Совсем нет, если учесть, что будут целовать твои сладкие губы. Мне и миллиона твоих поцелуев было бы недостаточно.

— У нас будет оч-чень м-много детей, — сказал он, с гордостью глядя на свою великолепную невесту. — П-пять мальчишек и п-пять девочек.

— От одной только мысли об этом я чувствую себя предельно опустошенной, — со смехом ответила Стар.

И в тот же момент у нее вдруг мелькнула мысль о том, что делает сейчас Крейн, но она заставила себя выбросить эту мысль из головы.

— Она просто великолепна! — сказал лорд Редклиф Уиллоуби де Вер Мандевилль, второй сын маркиза Торнфилда, глядя, как Эмма вальсирует со своим новоявленным зятем Хуанито. — Возможно ли, чтобы кто-нибудь был одновременно и так богат, и так красив?

На это его собеседник, британский консул в Сан-Франциско сэр Персиваль Гор только улыбнулся.

— В Америке все возможно.

— Этот особняк, должно быть, стоит миллионы. Каково же тогда ее состояние?

— Говорят, если бы она все перевела в наличные, то у нее оказалось бы около восьмидесяти миллионов.

— Восемьдесят миллионов! Господи, должно быть, это все было заработано нелегальным путем! И что же, у нее никого нет?

— Пока никого, Редклиф. Улавливаешь? На восемьдесят миллионов можно восстановить Торнфилдское аббатство и семейное состояние.

— И расплатиться с карточными долгами моего отца. Что ж, такая сумма стоит того, чтобы попытаться, не так ли? А поскольку я опоздал на представление гостей, возможно, ты смог бы представить меня?

— С удовольствием.

— Она, правда, немного старовата для меня, но ведь говорят, что женщины подобно говядине: со временем улучшаются.

— Только, старина, не нужно все романтизировать.

— Никакой романтики. Это будет чистой воды деловое предприятие, простое причем.

— Дорогой мой Редклиф, в деловом мире ничто не бывает чистым и очень редко простым.

— В романтике тоже.

— Я вижу, Сидни Толливер что-то вынюхивает и записывает в свою книжечку, — сказала Эмма, танцуя вальс с сыном. — Надеюсь, ты не собираешься печатать еще какую-нибудь ерунду, вроде той, что я увидела сегодня на первой полосе?

— Эта, как ты выразилась, «ерунда» позволила нам продать сегодня утром дополнительно пять тысяч экземпляров, — ответил Арчер. — По-моему, совсем неплохо для первого дня моей работы в качестве редактора.

— Да, конечно, в этой статье ты сообщил решительно обо всем, за исключением моей ванны.

— Значит, ты невнимательно читала. Я упомянул о ванне и кране из чистого серебра. Люди любят читать подобные вещи. Американцы заявляют, что они демократы, но в душе они роялисты. Но поскольку в этой стране не может быть короля, они довольствуются богачами. То есть людям нужны такие, как ты, моя дражайшая мамуля, как вся эта публика с Ноб-Хилл. Если ты вдруг подхватишь насморк, я непременно про это напишу, и газету тут же раскупят.

— Но это же вульгарно!

— Разумеется.

— Я передала тебе «Таймс-Диспетч» вовсе не для того, чтобы ты превратил ее в «Бюллетень», этот мусорный ящик!

— Мусорный! Опять я слышу это слово! Но дело в том, что ты отдала газету мне. Теперь она моя, и я буду вести ее так, как считаю нужным. Преступления, скандалы, сплетни, политическая коррупция — вот чем занимаются газеты во всем мире. А в достопочтенном Сан-Франциско такого добра хоть пруд пруди. Между прочим, завтра я обедаю с Дигби Ли. Хочу предложить ему на пять тысяч в год больше, чем он получает у Слейда Доусона.

Эмма была потрясена.

— На пять тысяч больше?! Но ведь для простого репортера это целое

состояние!

— И он его вполне стоит. Дигби лучший репортер в Калифорнии, и он будет работать на меня сколько бы мне ни пришлось за это заплатить. Я также пытаюсь наладить контакт с Марком Твеном, чтобы он согласился написать несколько юмористических рассказов для газеты. Погоди, я еще разворошу этот муравейник на Монтгомери-стрит.

— Мне, наверное, следовало бы быть недовольной тобой, — несколько сурово сказала мать, но тут же улыбнулась. — В действительности я должна признать, что все, что ты делаешь, впечатляет, несмотря на вульгарность.

— Ты знаешь, что у тебя самая очаровательная улыбка на свете? Если бы ты не была моей матерью, думаю, я влюбился бы в тебя без памяти!

— А как же мисс Доусон? Разве не в нее ты влюблен без памяти?

Арчер нахмурился.

— Я предпочел бы не говорить на эту тему, — сказал он и погрузился в угрюмое молчание, чем очень заинтересовал мать.

* * *

Для обслуживания приема была приглашена фирма «Гюстав Корбо и сыновья». Тридцать круглых столов на восемь персон каждый были расставлены в столовой, гостиной, библиотеке и на третьем этаже в картинной галерее. Ровно в десять часов вчера в бальном зале было объявлено о том, что обед подан, и двести тридцать гостей разошлись по разным помещениям особняка, чтобы, заняв свои места, насладиться трапезой, состоявшей из galantin de dinde à la parisienne, lange de buffalo à l'échalote, civet de lièvre [34], перепелов, жаренных на углях, спинок утиных, пирогов с орехами, миндального печенья с ломтиками лимона и апельсина. На каждый стол повара мсье Корбо поставили специально для этого случая изготовленные из сахара и сладостей миниатюрные копии крупнейших архитектурных сооружений, включая Триумфальную арку, Вандомскую колонну, Белый дом, памятник Вашингтону.

Стар и Хуанито шли через главный холл, когда к ним вдруг подбежал один из французских официантов и подал Стар конверт.

— Мадам, это только что просили вам передать.

Стар взяла конверт, распечатала и прочитала: «Если вы хотите когда-нибудь еще увидеть Крейна Канга в живых, будьте в час ночи в конюшне вашей матери. Никому не говорите, приходите одна — в противном случае Крейн Канг умрет».

Подписи не было. Вместо нее было грубое изображение змеи, которая,

как было известно Стар, являлась отличительным знаком тонги Хоп Синг.

— Ч-то это? — спросил Хуанито.

Стар выдавила из себя чуть нервную улыбку и засунула записку обратно в конверт.

— Это от Клары Флуд, которая живет через улицу, — объяснила она. — Она простудилась и потому не смогла сегодня быть у нас, однако она шлет нам свой привет и наилучшие пожелания.

Главным образом из-за своего заикания Хуанито производил впечатление тихого, замкнутого в себе молодого человека. Однако от своих родителей он унаследовал взрывной испанский темперамент, бешеную гордость идальго и изрядную долю ревнивого чувства. Кровь бросилась ему в голову, как только он понял, что его молодая жена впервые за все время их короткого брака солгала ему. Он протянул руку.

— Дай мне эт-т-то письмо! — прошептал он.

— Нет! — Стар резко отняла руку с конвертом и сунула полученное послание за лиф платья. Она была испугана так потому, что боялась навредить Крейну. Однако по кровожадному выражению в глазах мужа Стар моментально испугалась и за самое себя. Ситуацию разрядил приход Эммы.

— Вам двоим накрыт стол наверху в картинной галерее, — улыбаясь, сказала она. — Пусть молодые карабкаются по ступеням, а мы, старики, будем пировать внизу, — сказала она и тут заметила испуганное выражение на лице Стар. — Что-нибудь не так?

— Нет, мама, все прекрасно. Замечательный вечер. — Стар поцеловала Эмму в щеку. — И я очень тебя люблю, — шепотом добавила она.

С этими словами Стар заторопилась к лестнице. Хуанито хотел было что-то сказать теще, но передумал и поспешил за женой. Эмма, прищурившись, смотрела им вслед, уверенная в том, что что-то случилось. Она любила развлечения и играла роль хозяйки со всей серьезностью. Теперь ей не давала покоя мысль о том, что эта пара, в честь которой и был устроен этот пышный прием, испытывает какие-то трудности. Внешне Стар казалась вполне счастливой и спокойной, что отчасти давало матери возможность несколько расслабиться после организованного в спешном порядке брака Стар с Хуанито. Но неужели Эмма настолько заблуждается насчет радости молодых?

— Миссис Коллингвуд!

Обернувшись, она увидела сэра Персиваля Гора, который стоял позади нее вместе с очень высоким молодым человеком в белом фраке и белом галстуке.

— А, сэр Персиваль, — улыбнулась она и протянула гостям руку. — Очень рада, что вы смогли приехать. Я уже боялась, что вы предпочли моему дому другой на этой же самой улице.

Британский консул поцеловал Эмме руку.

— Та, другая, хозяйка дома на этой же самой улице — падающая звезда, не более того, — учтиво молвил дипломат. — Вы же, дорогая леди, по сравнению с ней настоящая луна: сияющая, восхитительная, имеющая свое постоянное место на небосклоне Сан-Франциско.

Эмма рассмеялась, взглянув на молодого человека, стоящего рядом с дипломатом.

— Вы явно льстите мне, сэр Персиваль, а я обожаю лесть.

— Позвольте мне представить вам еще одного гостя, которого я взял на себя смелость привезти с собой. Это мой кузен, виконт Мандевилль, сын маркиза Торнфилда.

Голубые глаза Редклифа не отрывались от Эммы, когда он целовал протянутую ему руку.

— Я прибыл в Калифорнию, чтобы посмотреть Дикий Запад, — сказал он, — но я не ожидал увидеть в этих краях столь элегантный дом, как ваш, и столь прекрасную особу, как вы, мадам. Совершенно очевидно, что мы, европейцы, имеем ошибочное представление об американском Западе. Я ожидал найти здесь американских ковбоев и индейцев, а вместо этого получил шампанское и настоящую Венеру.

— Надеюсь, вы не разочарованы, милорд? — улыбнулась Эмма и подумала: «Он восхитителен!»

— Отнюдь. Я уже видел и ковбоев, и индейцев. Они занятны, но как только элемент новизны исчезнет, они становятся скучны. Не могу представить, чтобы вы наскучили мне даже через тысячу лет.

«Ловко, — подумала она. — Явно пыль в глаза пускает, но все равно приятно слышать». Вслух же Эмма сказала:

— Мне следовало бы рассердиться на вас, сэр Персиваль, — произнесла она, не отводя взгляда от молодого англичанина. — Ведь если бы вы хоть словом обмолвились о том, что привезете с собой лорда Мандевилля, я смогла бы включить и его в placement [35]. И вот теперь у него нет заранее приготовленного места. Что англичанин подумает об американском гостеприимстве? Но вы, лорд Мандевилль, можете сесть рядом со мной. Я уж постараюсь как-нибудь втиснуть дополнительный стул. Таким образом, все почувствуют себя уязвленными, поскольку почетное место окажется предоставлено совершенному незнакомцу.

— Может быть, я незнакомец, миссис Коллингвуд, но я отнюдь не

совершенный.

— Вот и замечательно. Стало быть, есть место для совершенства, а, по моему мнению, все молодые люди нуждаются в совершенствовании.

Мандевилль предложил ей руку.

— В таком случае, я, должно быть, чрезвычайно интересный человек, — сказал он.

— Так и есть, — подтвердила она.

Они пошли к большой лестнице. «А ведь он ухаживает за мной, — подумала Эмма. — Забавно! Тысячу лет никто всерьез не ухаживал за мной, потому что все знали, что это пустая трата времени. Конечно же, все это глупость! Он вдвое моложе меня, да и сама я никогда не смогла бы заинтересоваться другим мужчиной после смерти моего дорогого мужа. Но он очень красив. И даже немного похож на моего милого Арчера».

— Должно быть, это ужасно романтично — провести детство в Торнфилдском аббатстве, — говорила Эмма двадцать минут спустя, когда официанты подали консоме. Она втиснула лорда Мандевилля справа от себя, чем вызвала некоторое раздражение Феликса, который оказался теперь едва ли не на коленях у Зиты.

— Ну, если считать, что романтично зимой превращаться в сосульку, то да, несомненно, это было романтично, — сказал Редклиф. — В аббатстве не было практически никаких современных удобств, в том числе и водопровода, а кухни там имели такой же вид, как и в десятом веке, когда аббатство принадлежало еще церкви.

— Да, но это история! Не только монахов, но и вашей семьи. Если не ошибаюсь, аббатство принадлежит Мандевиллям со времен Генриха VIII?

— Да. Он передал и само аббатство, и его угодья моим предкам, когда в XVI веке отобрал себе все церковное имущество. Я…

— Она ис-счезла! — воскликнул Хуанито, подбежав к столу, за которым сидела Эмма.

— Кто?

— С-стар! П-полчаса на-зад она в-вышла из-за с-стола попудрить лицо, как она ска-казала, и с те-тех пор с-счезла!

— Но это невозможно!

— Я отыскал официанта, — сказал Арчер, прибежавший вместе с шурином. — Того самого, который передал Стар записку. Официант говорит, что ее принес какой-то «поднебесник».

— Какая записка? — воскликнула Эмма. — О чем вы говорите?

— Недавно Стар передали какое-то письмо. Хуанито говорит, что Стар

заявила, будто бы это записка от Клары Флуд, но он считает, что она солгала. В общем, я вызвал полицию.

Кровь застыла в жилах у Эммы.

— Ты думаешь…

— Я не знаю, что и думать.

На других пяти столах разговор сам собою утих, и все гости повернулись к центральному столу.

— Я скажу вам, что я думаю, — сказал Хуанито, лицо которого пылало от гнева и страха. — Мою ж-жену по-похитили.

Глава восьмая

Его язык медленно лизал ее сосок. Грин Джейд была главной наложницей Крейна и самой великолепной из тридцати девяти имевшихся у него «певичек». Они, совершенно обнаженные, лежали сейчас на «драконовой», как называл ее Крейн, кровати. Занимавшая изрядную часть спальни, кровать эта была излюбленной темой разговоров в Чайнатауне. Крейн сам придумал и продумал ее до малейших деталей, после чего нанял троих — китайских резчиков по дереву, чтобы те вырезали изголовье — свившегося в клубок, злобного черно-золотого дракона, огромный хвост которого обвивал всю покрытую бельем постель. Фимиам из курительниц на треножниках, стоявших по обе стороны постели, освежал воздух. Крейн продолжал ласкать языком тело Грин Джейд. Когда пенис возбудился до полных восьми дюймов, Крейн лег на «певичку» из Кантона и вошел в нее.

— Кай Йи! — раздался чей-то крик, и в дверь забарабанили. — Кай Йи!

— Пошли к черту!

— Послание от Чарли Конга! Это чрезвычайно важно! Они захватили Стар Коллингвуд!

— Стар! — прошептал Крейн, выходя из Грин Джейд. Спрыгнув с «драконовой» кровати, он накинул ярко-красный шелковый халат и торопливо открыл дверь. Крейн увидел Ли Ванг Ю, который и сунул ему в руку письмо. В нем говорилось:

«Презренный сын тысячи шлюх!

Стар Коллингвуд у нас. Если хочешь, чтобы она осталась в живых, приходи в штаб тонги Хоп Синг, один и без оружия. Если пройдешь через наши испытания, тебе будет позволено увидеться с ней, и мы отпустим ее с миром. Но если же ты не подчинишься нашим требованиям, она умрет медленной смертью».

Подписи не было, только изображение змеи.

Крейн прочитал письмо, сложил его и закрыл глаза.

— Что это, Кай Йи? — спросила Грин Джейд, подойдя к нему и скользнув руками под халат. — Кто захватил Стар?

— Чарли Конг. Черт возьми, я и не подумал о Стар!

— И что они намерены с ней сделать? — Ее прохладные пальцы ласкали его живот.

— Убьют ее, если я не приду к ним. И конечно, если я к ним пойду, они убьют меня.

— Тогда ты не должен идти. Пускай убивают Стар — что тебе до нее?

Крейн прислонился к стене, прижавшись затылком к черному шелку, которым была обита спальня. В уголках его глаз выступили слезы.

— Она — все для меня, — прошептал он.

Исчезновение Стар вызвало переполох на приеме в особняке на Ноб-Хилл. Когда прибыла полиция, известие об исчезновении виновницы торжества уже распространилось по всему особняку, и вид капитана Тома Броудера из сан-францисской полиции вынудил нескольких наиболее нервных гостей покинуть торжество, хотя обед был в самом разгаре.

— Вы думаете, это дело рук Крейна Канга? — осведомился Броудер у Арчера в музыкальном салоне, куда они уединились, чтобы спокойно поговорить. — Вы думаете, он имеет еще достаточно власти над вашей сестрой, чтобы при помощи записки выманить ее из дома?

— Я абсолютно так не думаю, — сказала Эмма.

— Минутку, мама, — возразил Арчер. — Крейн все равно имеет к этому какое-то отношение. Он или не он послал записку — это другой вопрос. Но, капитан, я думаю, что ваши люди могли бы прочесать Чайнатаун.

— Согласен. И прежде всего мы отправимся на Грант-авеню, где живет Канг.

— Можно мне пойти с вами? — спросил Арчер.

— Разумеется, если хотите.

В комнату вошел полицейский.

— Извините, капитан, — сказал он, — но мы только что получили известие о том, что Джордж Коулман собрал на Кирни-стрит митинг Антикитайского общества. Они взбешены тем, что «поднебесники» похитили белую женщину.

— Если это именно так, — заметила Эмма.

Капитан Броудер нахмурился.

— От этого Коулмана могут быть неприятности. Я распоряжусь послать туда наряд полиции, чтобы наши парни проследили за ним. А пока что, мистер Коллингвуд, поедемте-ка в Чайнатаун.

Когда полицейские направились к выходу из комнаты, Арчер прошептал матери:

— Завтра утром в газете будет потрясающий материал на всю первую полосу.

— Арчер, как ты можешь! — воскликнула Эмма. — Ведь речь идет о твоей сестре!

— И сестра может стать новостью для газеты. Уж не думаешь ли ты отдать весь этот материал завтрашнему «Бюллетеню»? Нет, уж на этот раз мы утрем нос Слейду Доусону!

С этими словами он направился к двери. Эмма была потрясена его репортерским зудом почти так же, как она была потрясена исчезновением дочери.

Как только город облетело известие о том, что Стар Коллингвуд Лопес-и-Сепульведа похищена китайцами, давно копившаяся против «поднебесников» злоба разом выплеснулась наружу. На Кирни-стрит быстро собралась изрядная толпа, и хотя никого из этих людей не интересовала истинная сторона происшествия, но все возбужденно слушали одного из наиболее одиозных демагогов, который был известен своими антикитайскими настроениями и возглавлял полуподпольное Антикитайское общество.

— Что есть китаец? — во всю глотку орал Джордж Коулман, баптистский проповедник из Алабамы. — Это иностранец, который явился в Америку и привез свои собственные законы и свою собственную мораль. Китаец есть косоглазый, со «свиным хвостиком» на голове желтокожий человек, который отказывается подчиняться законам и обычаям белых людей — нас с вами. Он — червь в яблоке Америки, превращающий в проституток своих же женщин, червь, который курит опиум, объединяется в тонги, чьи солдаты убивают людей. Скажите, можно ли считать Чайнатаун частью Америки? Нет, Чайнатаун — это часть китайской по сути территории. Говорю вам, друзья-американцы, одно дело — когда косоглазые убивают друг друга в своем Чайнатауне, и совсем другое — когда они переносят это зло на белых жителей Сан-Франциско. Подумайте только, они подослали кого-то из своих в самое сердце Сан-Франциско — на Ноб-Хилл — и выкрали представительницу одной из ведущих семей

нашего прекрасного города. И я спрашиваю вас, друзья, можем ли мы допустить, чтобы происходило подобное?

— Нет! — взревела толпа.

— Что же в таком случае мы предпримем?

— Сожжем весь Чайнатаун к чертовой матери! — заорал кто-то из толпы, а все остальные подхватили: — Сжечь Чайнатаун! Сжечь Чайнатаун!

— Тогда пошли! — крикнул Коулман, и несколько сотен белых жителей Сан-Франциско, многие из которых были вооружены, ринулись в направлении Чайнатауна.

Во всем Чайнатауне — и на Аллее Салливана, и на Аллее Убийц, и на Аллее Мясников — нарастало напряжение: китайцы услышали отдаленный, становившийся сейчас все ближе и ближе рев разъяренной толпы. И хотя было уже заполночь, в разных местах на стенах домов и на заборах вдруг начали появляться чан-ханги — листовки, в которых все законопослушные китайцы призывались выступить сообща против тонг, которые и являются главной причиной бедствия, которое обрушилось на головы всех китайцев, проживающих в городе. И все же многие утверждали, что при всех присущих им отрицательных качествах тонги все-таки — сугубо китайские образования. Разве может китаец доверять *фан куэй* —белому иностранному дьяволу?! Так одно предубеждение рождало другое, и город у залива был готов к взрыву, который неминуемо должен был произойти.

— Кай Йи, надо что-нибудь предпринять! — настаивал Ли Ванг Ю. Почти все члены тонги Суэй Синг набились в подвальное помещение штаб-квартиры на Споффорд-Элли. Крейн, одетый в ярко-красные одежды, сидел неподвижно, словно Будда, на коврике перед алтарным возвышением, на котором стояли сосуды, раскрашенные в типично китайском стиле. — Если мы не начнем действовать, — продолжал Ли, — то потеряем контроль над Чайнатауном.

— Он прав, Кай Йи, — сказал Квонг Си, другой молодой солдат тонги. — Наши люди боятся круглоглазых, которые враждебно настроены по отношению к китайцам. Если не мы защитим китайский народ, то кто?

Воцарилась тишина, и все бойцы тонги обратили взоры на своего лидера, ожидая, что он скажет. Лицо Крейна было словно высечено из камня, глаза напряженно смотрели вперед, не мигая. Наконец Крейн поднялся, повернулся к алтарю и поднял с него тот самый меч, которым он обезглавил молодого шпиона из тонги Хоп Синг. Несколько мгновений

Крейн держал меч двумя руками, затем обернулся и передал его Ли Ванг Ю. Смутившись, Ли смотрел, как Крейн снял с себя ярко-красные одежды и положил их на алтарь. Обнаженный до пояса, он повернулся лицом к своей тонге.

— Братья мои, — сказал он. — Все вы знаете, что я ставлю тонгу Суэй Синг превыше своей жизни. Но есть одна вещь, которая еще более дорога мне, и это — Стар Коллингвуд. Как вам известно, Чарли Конг захватил Стар и согласен отпустить ее только после того, как я сдамся ему. Он оказался более умным, чем я, поскольку мне никогда в голову не приходило, что он может использовать Стар Коллингвуд, чтобы поймать меня. Поэтому у меня нет иного выбора, кроме как отдать себя в руки тонги Хоп Синг. Когда я сделаю это и когда Стар вернется в свою семью, опасность со стороны круглоглазых исчезнет и мир вновь возвратится в Чайнатаун.

Но поскольку Чарли Конг желает моей смерти, я оставляю за собой право умереть среди друзей, а не среди врагов. Вот почему я прошу тебя, мой любимый кровный брат Ли, которому я отдал меч нашей тонги, осуществить мою казнь.

Среди потрясенных бойцов тонги послышалось тихое бормотание, Ли начал было протестовать, но Крейн поднял руку, приказывая ему замолчать.

— Отошлите мою отсеченную голову хоп-сингам. Это удовлетворит их. Затем, как только они отпустят Стар, вы, братья мои, под руководством Ли Ванг Ю будете продолжать борьбу за сохранение нашей власти в Чайнатауне. Прощайте же, братья мои. Я пытался верой и правдой служить вам. Однако сейчас самая большая служба, которую я могу сослужить — это покинуть вас.

Он опустился перед Ли на колени и нагнул голову.

— Размахивайся сильнее, — сказал он. — Сделай все как следует. Не доставляй мне ненужной боли.

Ошеломленный Ли посмотрел на Квонг Си, у которого был сейчас такой же ошеломленный вид. Затем оба они обвели взглядом остальных бойцов тонги.

— Делай! — приказал Крейн, и его склоненная шея напряглась.

— Кай Йи, — умоляюще сказал Ли. — Я не могу сделать эту ужасную вещь. Ты не можешь просить об этом меня.

— Я не прошу, — сказал Крейн, — я приказываю. Ну же, давай!

Ли, которого трясло, как в лихорадке, схватил меч обеими руками, медленно поднял его над головой. Глядя на шею Крена, он начал опускать клинок, потом резко остановился.

— Нет!!! — закричал он. — Я отказываюсь взять на себя ответственность за отнятие твоей жизни. Пусть кто-нибудь другой сделает это. — И он повернулся к остальным. — Кто вызовется казнить Кай Йи?

Молчание. Крейн обвел взглядом бойцов тонги и наконец поднялся.

— В таком случае, — сказал он, направляясь к двери, — вы обрекаете меня на жестокую и жуткую смерть. Прощайте, братья мои. Я один иду к хоп-сингам. — Он чуть задержался в дверях и еще раз оглянулся. — Впервые в жизни со мной такое, — тихо добавил он, — я боюсь…

Влекомый парой лошадей, полицейский фургон грохотал вниз по Ноб-Хилл. У подножия холма капитан Броудер заметил полицейское отделение, расположившееся за квартал отсюда, на Пайн-стрит.

— Туда! — скомандовал он.

Фургон завернул и помчался к пересечению Грантавеню и Пайн-стрит. Большая толпа «поднебесников» собралась, наблюдая за действиями полиции, однако внешне все казалось спокойным. Один из полицейских подошел к затормозившему фургону и отсалютовал.

— Не так давно тут были настроенные против китайцев люди, капитан, — сказал он. — Однако мы воспрепятствовали их проникновению в Чайнатаун, и они убрались.

— Куда они направились?

— В доки.

— В доки? — Броудер изумился. — Но почему туда?

— Ну, раз уж им не удалось попасть в Чайнатаун, — сказал сидевший рядом с капитаном Арчер, — тогда они решили, видимо, попытаться сжечь несколько кораблей тех пароходных компаний, которые принимают «поднебесников» на работу, например «Пасифик Мейл».

— Пошлите кого-нибудь к мэру, — сказал Броудер. — Пусть он свяжется с военно-морской базой на острове Мар, чтобы они прислали военный корабль для защиты доков.

— Слушаюсь, капитан.

— И пропустите нас. Мы направляемся к Крейну Кангу.

Полицейский дал знак своим парням, и они разомкнули живую цепь. Лошади галопом проскакали в Чайнатаун.

Однако когда они достигли особняка на Грант-авеню, тот оказался пуст.

Смотровое окошко в двери, выходившей на Аллею Убийц, приоткрылось, и в него выглянул какой-то мужчина в белом капюшоне с

прорезями для глаз. Перед ним в пыли стоял Крейн Канг. Боец из Хоп Синг отомкнул замок. Держа ружье наизготовке, открыл дверь и высунулся наружу.

— Я один, — сказал Крейн.

Как только человек в капюшоне удостоверился, что Крейн сказал правду, он отступил чуть в сторону, давая возможность пройти. Крейн, облаченный в шелковый черный костюм, похожий на пижаму, вошел внутрь. Под масляными светильниками, свисавшими с низкого потолка, стояли четверо бойцов из тонги Хоп Синг. На головах у них были капюшоны, двое были вооружены мачете, один — топориком, а у четвертого в руках было ружье. Как только впустивший Крейна закрыл дверь на засов, вооруженный ружьем подошел к Крейну.

— Подними руки.

Крейн подчинился. Хоп-синг моментально обшарил его одежду.

— Он чист.

— Где Стар? — спросил Крейн.

— Тут мы задаем вопросы! — рявкнул человек с ружьем и с силой ткнул пальцем в грудь Крейна. — Теперь, когда ты здесь, делаешь только одно — подчиняешься. В противном случае мы заткнем тебе глотку. Отведите его вниз.

Двое бойцов схватили Крейна за руки и по узкому коридору подвели к двери. По деревянным ступеням они спустились в подвал с сырыми каменными стенами. Еще двое хоп-сингов в капюшонах стояли на страже у другой двери. Они открыли ее и втолкнули Крейна в большое подвальное помещение, где было много людей с капюшонами на голове. Все они сидели на корточках прямо на полу.

К Крейну подошел толстый мужчина и снял с головы капюшон. Это был Чарли Конг. Он улыбнулся безжалостной улыбкой.

— Мы ожидали тебя. Добро пожаловать в «Общество объединенных завоевателей», — сказал он, используя формальное название тонги Хоп Синг. — Могущественный Кай Йи Чайнатауна несколько смирился, а?

Облаченные в капюшоны бойцы тонги Хоп Синг встретили это заявление дружным хохотом.

— Где Стар? — повторил свой вопрос Крейн. — Я подчинился твоим требованиям: пришел сюда один и без оружия. Теперь ты должен отпустить Стар, если ты человек чести.

— О, я человек чести. И потому ты увидишь свою возлюбленную — в последний раз. Но если только ты попытаешься сказать ей, кто мы, она не уйдет отсюда живой. Ее привели сюда с завязанными глазами, и таким же

точно образом она покинет этот дом. Не советую глупить.

— Не буду.

Чарли Конг водрузил на голову капюшон и хлопнул в ладоши. В другом конце помещения двое бойцов открыли дверь, и через мгновение в комнату вошла Стар. Она все еще была одета в персиковое бальное платье, а бриллианты ей удалось оставить на Ноб-Хилл. При виде ее красоты сердце Крейна бешено забилось.

— Крейн! — вскрикнула Стар, едва увидев его. — Ты жив!

Обойдя несколько сидевших бойцов, она устремилась к Крейну. Чарли Конг дал знак своим парням, и те отпустили Крейна, чтобы он смог обнять ее.

— Я так боялась, — сказала Стар, в то время как Крейн крепко прижал ее к себе. — Они ничего мне не говорят. Я тут уже три часа, и все это время молилась, чтобы с тобой ничего не случилось.

— Разве это так важно для тебя? — прошептал он.

Она взглянула ему в глаза.

— Важнее всего. И ты знаешь это.

— Не знаю. Ты вышла замуж за другого.

— Только потому, что у меня не было выбора.

— Но ты любишь своего мужа?

Она немного поколебалась, прежде чем ответить.

— Да, но совеем не так, как я люблю тебя. Ты был прав: мы с тобой одно целое. И ради тебя я здесь, в Чайнатауне.

На секунду он прикрыл глаза. Именно эти слова он и хотел услышать.

— Они сделали тебе что-нибудь плохое?

— Нет.

— Тогда поцелуй меня, и они отвезут тебя обратно на Ноб-Хилл.

Она поцеловала его, затем сомнение снова закралось в ее душу.

— Что будет с тобой? — спросила она, нервно оглядываясь на людей в капюшонах.

— Со мной все будет в порядке. — Крейн улыбнулся. — Я понимаю, все вокруг выглядит довольно-таки зловещим, но все это — составная часть старинного ритуала.

Она вновь посмотрела ему в глаза.

— Ты уверен?

— Это мои друзья. Нам надо обсудить некоторые деловые вопросы, после чего я отправлюсь домой. Я в безопасности, не беспокойся.

Она облегченно вздохнула.

— Ну, если так…

Стар потянулась к Крейну, и он поцеловал ее со всей страстью своей души, затем едва слышно прошептал: — Никогда, никого, кроме тебя, Стар.

В глазах ее стояли слезы.

— О, дорогой, пусть одна моя половина любит мужа, но зато другая половина всегда будет любить только тебя. И я думаю, что это лучшая моя половина.

Крейн улыбнулся.

— Как прекрасно слышать такое. А теперь иди домой. Мы снова встретимся когда-нибудь. Где-нибудь.

По ее красивому лицо мелькнула тень сомнения, но Крейн коснулся пальцем ее губ, заверяя, что нет причин для беспокойства. Один из бойцов Хоп Синг взял Стар за руку и повел прочь. Но прежде чем она перешагнула порог, ее остановили, чтобы надеть на глаза повязку. Стар обернулась и бросила взгляд на Крейна, который смотрел на нее не отрываясь.

И внезапно она все поняла.

— Крейн! — закричала она.

— Иди! — крикнул он. — Ради Бога, иди!

Когда ей надевали повязку на глаза, она дрожала как осиновый лист.

— Я люблю тебя! — крикнула Стар. — Ты мое сердце!

Тут Стар выпихнули в дверь.

Как только створка двери с грохотом захлопнулась, Чарли Конг снял капюшон.

— Оч-чень трогательная сцена, — улыбнулся он. — И поздравляю: ты великолепно справился со своей ролью. Благородный любовник жертвует жизнью ради своей возлюбленной. Я тронут.

— Спасибо, что позволил мне увидеть ее, и за то, что не причинил ей зла.

— Я ведь сказал, что я человек чести. — Чарли Конг сделал знак своим людям. — Подготовьте его.

Трое бойцов тонги подошли к Крейну и принялись стаскивать одежду.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Крейн. — Просто убейте меня, и покончим на этом.

— Но тогда мы откажем себе в удовольствии позабавиться.

Неистовствующая толпа напирала на оплетенные колючей проволокой ворота дока компании «Пасифик Мейл».

— Эй, бросайте факелы! — распорядился Коулман. — Подожгите склад, и пламя перекинется на корабли, которые стоят с той стороны.

После этих слов целый град горящих факелов полетел через

ограждение.

— Сжечь! Сжечь! Сжечь! — вопила толпа.

Большинство факелов с шипением потухли на земле, однако некоторые все-таки долетели до стен склада и, ударившись, разлетелись огненными брызгами. Из дверей склада выскочили с ведрами воды двое перепуганных ночных сторожей-китайцев.

— Узкоглазые! — завопила толпа. Кто-то вытащил револьвер и выстрелил, после чего один из «поднебесников» вскрикнул и рухнул лицом вниз на землю. Вода пролилась, а сам китаец схватился за то место, куда угодила пуля. Другому сторожу удалось залить один из горевших факелов, однако тотчас же прогремели сразу несколько выстрелов, и сраженный насмерть китаец рухнул навзничь. Второй сторож попытался уползти, но толпа почуяла кровь. Снова раздались выстрелы, и он был изрешечен пулями.

Два брошенных факела подожгли стену склада; разгоравшееся пламя уже лизало готовую заняться крышу. Как только повалил черный дым, толпа приветствовала его появление радостными криками.

— Полиция! — заорал Джордж Коулман, увидев два фургона, которые с колокольным трезвоном катили по дороге к докам.

— Я был прав, — крикнул сидевший в первом фургоне Арчер. — Склад уже горит. Черт возьми, если бы у меня был художник!

— Пламя уже у них над головами! — рявкнул Броудер.

Полицейские в обоих фургонах открыли огонь. Толпа начала разбегаться, издавая дикие вопли. Но для двух «поднебесников» это случилось слишком поздно.

И для горящего склада тоже. Половина здания была охвачена пламенем, и по всему Сан-Франциско вовсю трезвонили пожарные колокола. Словно завороженный пляской огня, Арчер наблюдал за жуткой толпой воинственно настроенных людей. «Нужно как-то остановить эту ненависть к «поднебесникам», — думал он, — иначе у Сан-Франциско нет будущего. Может быть, напечатать редакционную статью о положительных качествах китайцев, пусть даже статья появится в разгар этой истерии. Как бы то ни было, — улыбнулся он, — будет статья или нет, но десять тысяч дополнительного тиража газеты завтра утром мы продадим».

Именно в этот момент раздался глухой отдаленный звук: «Бум!» — и сразу в небо над заливом взметнулась ракета, превратившаяся в яростно горевшую звезду, висевшую над дымом.

— Военные корабли с острова Мар, — проворчал Броудер. — Поздновато, конечно, явились, но какого черта…

— Стар, — пробормотал Арчер, глядя на ракету. Он тут размышляет о том, как будет продаваться завтра утром газета, а его сестра тем временем, возможно, уже мертва. После того как они нашли дом Крейна пустым, Броудер решил, что у него нет иного выбора, кроме как направиться со своими людьми в доки и попытаться сдержать антикитайски настроенную толпу.

— Капитан, а как же моя сестра? — спросил Арчер.

— Черт возьми, Коллингвуд! — взорвался усатый полицейский. — Не могу же я делать все одновременно. В случае, если вы не заметили, могу сообщить, что сегодня нам выдалась довольно-таки бурная ночка, и начала всю эту заваруху именно ваша сестра.

— Знаю, но факт остается фактом: она в опасности.

— Слушайте, сэр, что же, по-вашему, я должен делать? Где нам искать ее?

— А разве не может быть так, что ее захватила тонга Хоп Синг? Может, поискать у них в штаб-квартире?

— На Аллее Убийц? Пока мне не дадут по крайней мере три дюжины полицейских, я ни за что не полезу в эту задницу! В этой тонге Хоп Синг — сплошь убийцы, один к одному.

— А разве вы не можете получить три дюжины полицейских?

— Мистер Коллингвуд, если бы вы читали собственную газету, то вы бы знали, что в полиции Сан-Франциско ощущается острая нехватка людей. Сейчас, сэр, я и так собрал всех, кого только можно, чтобы попытаться защитить этот город от банды маньяков, жаждущих смерти «поднебесников». И как бы мне лично не хотелось помочь вашей сестре, первым делом я должен думать о жителях нашего города.

— Капитан, — прервал его Арчер, — толпа сейчас разошлась по домам. Вы идете в тонгу Хоп Синга, а я обещаю вам начать в «Таймс-Диспетч» такую кампанию, после которой у вас будет полицейских сколько душе угодно. А кроме того, я обещаю, что полицейским Сан-Франциско значительно прибавят жалованье.

Секунду Броудер смотрел в глаза Арчера.

— Слово? — прошептал он.

— Да, сэр.

— Черт побери!.. — Броудер обернулся к вознице. — Поезжай на Пайн-стрит. Возьмем там еще наших людей и двинем на Аллею Убийц. Пошевеливайся!

Как только возница принялся нахлестывать лошадей, Арчер почувствовал прилив крови к лицу. Он только что испытал не просто

волнение, а волнение, связанное с влиянием прессы на людей.

* * *

Наклонив кружку с медом, он начал медленно лить содержимое на гениталии Крейна.

— Один мой дружок из Перу, он работал в доках, рассказывал мне про эквадорских индейцев, — сказал Чарли Конг, стоя возле стола, на котором лежал привязанный Крейн. — Они, эти индейцы, кровожадный народ, тратят уйму времени, чтобы выдумывать различные экзотические способы, как убивать людей. Этот способ они придумали, чтобы покарать насильников. Хотя, если быть точным, ты не насиловал Стар Коллингвуд, но этим можно пренебречь. Это весьма интересный способ уничтожения людей.

Крейн, у которого во рту был вбит кляп, посмотрел на свой живот и член, по которым сейчас стекал теплый мед, вызывая какое-то жутковатое и смутное эротическое ощущение. Он не знал, что хоп-синги задумали с ним сделать, однако липкий пот страха покрыл все его тело: Крейн чувствовал приближавшийся ужас, и чувства его были сейчас отнюдь не эротического свойства.

Когда в кружке не осталось меда, Чарли Конг, скрестив на груди руки, сказал:

— Думаю, что теперь он вполне готов. Давайте пчел.

Крейн уставился на него и принялся мычать и елозить по столу.

— Совершенно верно, Кай Йи, — улыбнулся Чарли. — Дергайся, дергайся. У нас три дюжины желто-полосатых в банке, и как раз эту банку мы и наденем на твои причиндалы. А эти желто-полосатые в банке ужасно кусачие, Кай Йи. Мой перуанский друг говорил, что от такого обилия меда они сходят с ума. Они будут жалить тебя, Кай Йи, в то место, которое, ты наверняка согласишься, у тебя самое чувствительное. Мой дружок из Перу рассказывал мне, что боль при этом бывает такой невыносимой, что, если дать в руки насильнику нож, он сам начнет отрезать себе все, что только можно отрезать. А это его и убивает. А, вот и наша баночка.

Один из хоп-сингов принес большую стеклянную банку, горло которой было закрыто куском картона. Внутри по стенкам банки медленно ползали огромные черно-желтые пчелы. Крейн уставился на насекомых, лицо его было мокрым от пота.

— А мы немного понаблюдаем за тобой, Кай Йи, — сказал Чарли. — Полагаю, это будет забавное и поучительное зрелище. Впрочем, ладно. Наденьте ему. И смотрите, чтобы все влезло. Мы слышали, что у тебя эта

штука, как у жеребца, Кай Йи, потому мы и раздобыли для тебя самую большую банку.

Крейн лежал распростертый на столе; стол стоял под углом в сорок пять градусов. Хоп-синг медленно поднес банку к животу Крейна, одной рукой придерживая картонку. Все собравшиеся с вожделением следили за происходящим. В подвальном помещении все сейчас старались не дышать — только и слышно было, что слабое жужжание пчел.

Затем хоп-синг быстро убрал картонку, накрыл банкой самые интимные части тела Крейна и крепко прижал ее.

На секунду пчелы замерли, словно были оглушены таким резким движением.

Затем почувствовали мед. Они облепили сладкие органы, отпихивая друг друга, пока не разозлились и свились в один черный клубок.

Как завороженный, Чарли Конг наблюдал, как от нестерпимой боли Крейн начал сдавленно мычать. Если поначалу пчелы его кусали, то затем принялись прямо-таки жрать. От невыносимой боли Крейн так дергался, что хоп-синг с трудом удерживал банку на месте.

Затем Крейну удалось прокусить кляп, и вырвавшийся у него крик был столь ужасным, что даже у Чарли Конга застыла кровь в жилах.

За каких-нибудь пятнадцать минут гениталии Крейна распухли наполовину против их обычного размера и стали темно-пурпурного цвета. И тогда вдруг дверь подвала с шумом распахнулась и вбежавший боец тонги Хоп Синг крикнул:

— Полиция!

Следом в дверь вломились капитан Броудер со своими полицейскими, которые сначала выпустили несколько пуль в потолок, а затем принялись палить и в китайцев, как только Чарли Конг выхватил свой пистолет и открыл ответный огонь. Чарли и шесть солдат тонги были убиты, остальные сдались.

Когда в подвал вошел Арчер, полиция надевала наручники на «поднебесников», стоявших со сложенными перед собой руками в ожидании, когда на них наденут «браслеты». В дальнем конце комнаты вокруг наклонного стола сгрудились капитан Броудер и четверо полицейских. Арчер подошел к ним и посмотрел.

— Боже мой… — пробормотал он, увидев отвратительное зрелище. — Он умер?

— Конечно, черт побери! — сказал Броудер.

Один из полицейских, совсем молоденький парень, подошел, взглянул — и сразу же бросился в угол, где его вывернуло наизнанку.

За какую-нибудь минуту до приезда полиции один из хоп-сингов отрезал гениталии Крейна, прекратив его мучения.

Глава девятая

На следующее утро «Таймс-Диспетч» вышла с кричащими заголовками:

АНТИКИТАЙСКИЕ БЕСПОРЯДКИ ПРЕСЕЧЕНЫ!
ВЫЗОВ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ!
ПОТУШЕН ПОЖАР НА СКЛАДЕ ПАСИФИК МЕЙЛ!

ОТЧЕТ ВАШЕГО РЕДАКТОРА-ОЧЕВИДЦА О КРОВАВОМ ФИНАЛЕ ТОНГОВОЙ ВОЙНЫ! ЧУДОВИЩНАЯ СМЕРТЬ ПОД ПЫТКОЙ ГЛАВЫ ТОНГИ СУЭЙ СИНГ!
ТОНГА ХОП СИНГ УНИЧТОЖЕНА ПОЛИЦИЕЙ ГОРОДА!
НАСЛЕДНИЦА НОБ-ХИЛЛ ОСВОБОЖДЕНА НЕВРЕДИМОЙ!

— Мой отец прямо-таки рвет и мечет! — воскликнула Арабелла Доусон, когда метрдотель усадил их за столик в ресторане «Палас-Отеля», где они встретились на следующий день за завтраком. — Я слышала, как он утром кричал на мать, что «Таймс-Дйспетч» обскакала «Бюллетень».

— Именно так, — ухмыляясь, подтвердил Арчер. — Нам пришлось четыре раза допечатывать тираж, и сегодня утром мы продали самое большое число экземпляров за всю историю «Таймс-Диспетч».

— Что значит «чудовищная смерть под пыткой»? Что сделали с Крейном Кангом? — спросила она, понизив голос. — Из статьи я что-то не вполне поняла. Где именно пчелы жалили его, в какие места?

— Моя дорогая мисс Доусон, я не мог напечатать всей правды, равно как не намерен посвящать в нее такую утонченную молодую леди, как вы. Достаточно сказать, что каковы бы там ни были грехи Крейна, в последние минуты своей жизни он сполна и даже больше чем сполна расплатился за них. Моя сестра, кстати, чувствует себя опустошенной, что, конечно же, не радует моего шурина. Ну, Рене, что ты порекомендуешь нам сегодня? Только, ради Бога, говори по-английски, а не на своем непроизносимом французском.

— Есть морские ушки, monsieur, они великолепны. Кроме того, у нас имеется баранья отбивная, приготовленная с анисом и сладким чесноком.

Он подал им меню. Элегантный ресторан был сейчас полон, и взгляды всех посетителей были устремлены на Арчера и Арабеллу: все в это утро

залпом проглотили «Таймс-Диспетч».

После того как заказ был сделан, а Рене надменно налил им ледяной воды, Арчер перегнулся через стол и взял руки Арабеллы.

— Вчера вечером я видел такое, что, сколько бы мне ни довелось прожить на свете, я никогда не смогу этого забыть, — тихо сказал он. — Но есть одна вещь, о которой я не упомянул в статье, но которая настолько же прекрасна, насколько ужасной была смерть Крейна. Если то, что рассказала мне сестра, правда — а у меня нет причин ей не верить, — то Крейн отдал свою жизнь ради того, чтобы спасти Стар. И сделал он это потому, что любил ее, и за это я восхищаюсь и преклоняюсь перед ним. Я назвал бы это высшим испытанием на мужество и, полагаю, на любовь тоже. Не знаю, обладаю ли я подобным мужеством, но я знаю, что люблю тебя.

Арабелла вспыхнула.

— Прошу тебя, Арчер, на нас все смотрят…

— Ну и пусть, мне наплевать. Послушай, Арабелла, я хочу быть с тобой предельно откровенным. Я познакомился с тобой для того, чтобы заманить тебя в ловушку.

Арабелла выпрямилась.

— Что ты хочешь сказать?

— Твой отец такое напечатал в своей газетенке про мою сестру, что я был просто взбешен. И подумал: «Как я могу отплатить ему? Что я могу сделать такое, что причинило бы настоящую боль Слейду Доусону?» Тогда я подумал о тебе. Подумал, что если бы мне удалось соблазнить тебя…

— О! — Она вырвала у него свои руки. — Ты ужасный человек! — Затем, понизив голос до шепота, добавила: — Вероятно, ты подумал так потому, что моя мать действительно была тем, кем она была, и ты решил, что это у меня в крови. Что ж, но ты ошибся!

— Знаю, но выслушай меня! Идея — плохая или хорошая, другой вопрос — заключалась в том, чтобы соблазнить тебя и бросить, сделав, таким образом, «падшей женщиной», как это принято называть в дешевых романах. Но произошло то, на что я не рассчитывал — я влюбился в тебя.

— Уж не надеешься ли ты, что я поверю в это?

— Да, надеюсь, потому что это — правда. Ты удивительная, милая, прекрасно образованная и очень, очень красивая…

— Вовсе я не красивая, — прервала его Арабелла. — Не пытайся опутать меня сладкой ложью. Я отлично знаю, какая я есть на самом деле. Я привлекательная… временами.

Если ты не будешь все время перебивать меня, то я скажу, что как раз и собирался сказать. Выходи за меня замуж.

Она пристально посмотрела на него.

— Все, что я могу сказать: ты сделал свое предложение весьма необычным, мягко говоря, способом.

— Наверное, ты права.

— Даже если не принимать в расчет твои грязные и оскорбительные мотивы, то и тогда мой отец никогда не позволит мне выйти замуж за Коллингвуда. И первое, что он сделает — лишит меня наследства.

— И отлично. В таком случае ты поймешь, что я вовсе не гоняюсь за твоими деньгами. Между прочим, не исключено, что и меня тоже мать лишит наследства за то, что женюсь на дочери Слейда Доусона. Так что мы оба рискуем закончить свои дни бедными, как церковные мыши. Вот уж когда мы сможем узнать, правда ли это, что с милым рай и в шалаше.

— Сэр, мне кажется, вы не в своем уме, если полагаете, что я хоть на секунду задумаюсь, менять ли мне свое наследство на то, чтобы выйти замуж за такого» невозможного, такого лживого…

— Не забудь еще «вульгарного». Я ведь вульгарный, помнишь?

— Очень хорошо помню. Лживый, невозможный, вульгарный человек — вот ты кто!

— Что ж, ты, похоже, весьма недурно нарисовала мой портрет. Но понимаешь, Арабелла, журналистика… Словом, она у меня в крови. Это действительно волнует кровь. Я на самом деле могу что-то сделать для этого города. Ты читала утром мою редакционную статью про китайцев?

— Да.

— И что ты думаешь?

— Плохо написано.

— Вероятно. Я писал ее в четыре часа утра, полусонный. Но что ты можешь сказать про содержание статьи?

Она несколько поколебалась.

— Я… я восхищена. Ты пишешь, что неправильно, грешно быть предубежденным против китайцев. Я понимаю, что от тебя потребовалось немалое мужество, чтобы напечатать эту редакционную статью именно сейчас, когда многие горожане испытывают далеко не самые лучшие чувства по отношению к китайцам.

— Значит, ты понимаешь, куда я клоню? Газета может стать очень сильным орудием в борьбе за добро. Я хочу использовать это орудие, и мне нужна такая жена, которая поможет мне в этом. Ты нужна мне, Арабелла. Пожалуйста, подумай о том, что я сейчас сказал. Я ведь так люблю тебя!

Она все продолжала пристально смотреть на него, а тем временем к столику подошел официант с серебряным подносом, на котором лежала

нарезанная ломтиками семга, и встал за спиной Арчера.

— Я уже подумала, — резко ответила Арабелла.

— Уже?

— Да. Я согласна.

— Ты хочешь сказать…

— Я буду твоей женой. Я готова закрыть глаза на все твои ужасные черты, потому что… — ее грозный взгляд сменился улыбкой, — потому что я тоже люблю тебя.

— Йа-хо-о!

Он сорвался с кресла, вскинул руки и тут же выбил поднос с семгой из рук официанта. Рыба упала Арчеру прямо на голову так, что ее хвост оказался прямо перед его носом.

Арабелла — и все другие посетители ресторана — от души расхохотались.

— Ты со-солгала мне! — кричал Хуанито, торопливо засовывая свои рубашки в кожаный чемодан. — И ма-мать твоя т-тоже лгала мне! Ты любила К-крейна К-канга.

Стар стояла рядом с ним в спальне.

— Да, признаюсь в этом. Может, мамочка немного солгала…

— Немного?!

— Но, Хуанито, он ведь отдал за меня свою жизнь, и, конечно же, я ужасно расстроена. Нет, больше чем расстроена. Крейн был очень дорог мне, но это вовсе не означает, что я не люблю тебя.

— Ж-женщина не мо-может любить двух мужчин одновременно!

— Может!

Хуанито хлопнул крышкой чемодана и посмотрел на Стар.

— Послушай, Стар, я лю-люблю тебя. В-влюбился с первого в-взгляда. Но м-меня по-по-просту купили. Ока-аказалось, что ты о-отнюдь не хрупкая девственница, которую н-насильно лишил не-невинности коварный к-китаец. Ты его любила, и т-тебе о-очень нравилось, что он д-делал с тобой. Т-ты так любила этого к-китайца, ч-что хватило одной т-только з-записки — которую т-ты не по-показала м-мне, своему мужу, — чтобы т-ты полетела очертя г-голову из д-дому.

— Я пыталась спасти его жизнь, которую он отдал за меня, за женщину, которая вышла замуж за другого. И, думаю, позорно и низко с твоей стороны бросать мне в лицо обвинения после той благородной жертвы, которую он принес ради меня.

— «Благородная же-жертва», чтоб ей!.. В любом случае, с меня до-

достаточно. Я во-озвращаюсь на ранчо.

Хуанито схватил чемодан с постели и направился к дверям. Стар бросилась за ним.

— Хуанито, ты не можешь бросить меня, ведь я твоя жена!

— Непохоже, если с-судить по твоему поведению. Я п-представлял себе, ч-что жена — это ж-женщина, которая любит т-только одного м-мужчину — своего м-мужа. А т-ты под это определение не по-подходишь!

Открыв дверь, он выскочил в верхний холл. Стар побежала следом, ухватилась за его рукав.

— Но ты же не прав, — теперь она уже плакала. — Я очень люблю тебя. Просто я любила Крейна до того, как встретила тебя.

Развернувшись, Хуанито свободной рукой сильно ударил ее по щеке, так, что она отлетела и ударилась спиной об облицованную мрамором консоль, опрокинув китайскую вазу, которая упала на пол и разбилась.

— Puta [36]! — рявкнул он, после чего Стар залилась слезами.

Хуанито вихрем промчался по коридору, спустился, грохоча каблуками, по лестнице и вылетел из особняка.

* * *

— Бедняжка моя, — говорила Эмма вечером того же дня, обнимая Стар. Они были в библиотеке.

— Он назвал меня шлюхой и ударил! — рыдала Стар.

— Да, и разбил вдобавок вазу эпохи Мин. У нашего Хуанито более горячий, чем я предполагала, нрав. Что ж, может быть, это даже к лучшему, что затея с вашим браком не удалась. Наверное, на это не было никаких шансов.

Выпустив из объятий Стар, Эмма села на софу.

— Что ты хочешь сказать?

— Я солгала его матери насчет тебя, так что нельзя сказать, что он целиком неправ. Но только я ненавижу мужчин, которые бьют женщин, да и его заикание кого хочешь сведет с ума.

Стар бросилась к софе и села рядом с матерью.

— Но мамочка, я же люблю его! — воскликнула она.

Эмма была сбита с толку.

— Дорогая, ты все-таки должна решить для себя…

— Я действительно люблю его. Что тут поделать, если раньше я Крейна тоже любила, но Крейн мертв, а я хочу быть с Хуанито.

— Даже после того, как он назвал тебя шлюхой и ударил?!

— Может быть, я это заслужила. Я была причиной всего этого ужаса.

Я была страстно влюблена в Крейна, поэтому у Хуанито были причины злиться. Мамочка, сделай как-нибудь так, чтобы он вернулся ко мне. Хуанито — мой последний шанс. Если он бросит меня, ни один мужчина на свете не захочет быть со мной… — И она снова принялась рыдать.

Эмма обняла и прижала к себе дочь.

— Если ты и вправду хочешь его, у меня есть способ, как можно заставить его вернуться. Но должна предупредить тебя, что потом он, вероятно, будет презирать тебя, и потому я не очень-то уверена, что ваш брак будет удачным.

— Это не важно. Я не хочу до конца своих дней жить в одиночестве!

— Ну, знаешь, лучше быть одной, чем жить с человеком, который тебя ненавидит.

— А ты счастлива одна?

Эмма закусила губу.

— Нет, не счастлива, — призналась она. — Быть одному — сущий ад. — Она посмотрела на заплаканные глаза дочери, увидела в них сильнейшее желание возвратить мужа и вздохнула. Она понимала, что все шансы сделать Стар счастливой были теперь потеряны. — Что ж, я верну его тебе.

— А как ты собираешься это сделать?

— Скажи спасибо, что у меня есть ловкий юрист.

Раздался стук в дверь, и появился Кан До.

— Тайтай, пришел лорд Мандевилль.

Стар заметила, как мать машинально поправила прическу.

— О?.. — воскликнула Эмма. — И что же привело его сюда?

— Говорит, что приходить сюда выразить свое почтение и узнавать, все ли хорошо после вчерашнего.

— Надо же, какая забота! Пожалуйста, проси. Да, и вот еще, Кан До…

— Слушаю, тайтай?

— Будешь накрывать на стол, поставь еще один прибор. Если лорд Мандевилль свободен, я попрошу его отобедать с нами. Тем более что вчерашний обед получился, прямо скажем, нервным.

— Can do, тайтай.

Когда слуга удалился, Стар спросила:

— Мама, а кто такой этот лорд Мандевилль?

— Один очень приятный молодой англичанин, который вчера приходил к нам вместе с сэром Персивалем Гором. Его отец маркиз Торнфилд — владелец Торнфилдского аббатства.

Она поднялась с софы, подошла к зеркалу, висевшему над каминной

полкой, и внимательно на себя посмотрела.

«Бог ты мой, — подумала, глядя на нее, Стар. — Мамочка заинтересовалась этим человеком».

— Лорд Мандевилль, — объявил в дверях Кан До.

Стар обернулась и увидела высокого, безукоризненно одетого блондина.

«Что ж, вполне понятно, почему мама заинтересовалась…»

— Э-гей, Хуанито! — кричал вакеро, галопом скакавший по полю, залитому нещадными солнечными лучами. — Твоя мать хочет видеть тебя! Хуанито!

В куртке «левис» и кожаных «чепсах» [37]Хуанито гонялся за пони, который умудрился сбежать из корраля. Раскрутив лассо, он бросил петлю, которая описала плавную дугу и опустилась как раз на шею беглеца.

— Хуанито!

Вакеро направил лошадь напрямую, в то время как Хуанито привязывал свободный конец лассо к седельной луке.

— Что там такое, Диего?

— Твоя матушка послала меня разыскать тебя. На ранчо приехал какой-то человек. Он работает на сеньору Коллингвуд.

На загорелом лице Хуанито появилось хмурое выражение.

— Я вышвырну его с ранчо к чертовой матери! — энергично сказал он по-испански. — Не желаю больше иметь ничего общего с этой проклятой семейкой!

— Ага, вот так и скажи своей матушке. Я бы, впрочем, не рискнул. И она сказала, чтобы ты поторопился. — Развернув лошадь, вакеро поскакал прочь.

— Дерьмо! — выругался Хуанито сквозь зубы, пришпорил лошадь и поскакал следом.

Через двадцать минут он вошел в гостиную своего дома и нашел мать в одиночестве. Она стояла у окна, и на глазах у нее были слезы.

— Что случилось, мамочка? — спросил он по-испански. — Где этот человек?

Донья Фелисидад вытерла глаза и повернулась к сыну.

— Он уехал. О, Хуанито, у нас ужасные, ужасные неприятности!

Хуанито поспешил к матери и взял ее за руку.

— Какие неприятности? И кто этот человек?

— Некто Палмер, он адвокат твоей тещи.

— Да, я встречал его на прошлой неделе в Сан-Франциско, когда

подписывал брачный контракт.

— А ты читал этот контракт?

— Разумеется.

— От начала и до конца?

— Ну, не совсем. Там было страниц тридцать, такая тягомотина….

Она воздела руки и застонала.

— Значит, мы разорены! — воскликнула она. — Разорены!

— Но почему же? В чем дело?

— А вот, полюбуйся. Можешь прочитать, хотя теперь читай — не читай, все равно поздно.

Она подошла к столу и взяла документ, написанный на недавно изобретенном и только что введенном в бытовой обиход чуде канцелярского света — пишущей машинке.

— Десятая страница, параграф пятнадцатый, раздел «В».

Хуанито просмотрел десятую страницу и прочитал нужный раздел:

«Если в любое время на протяжении первых пяти лет с момента заключения брака жених, мистер Лопес-и-Сепульведа, по любой причине покинет невесту, мисс Коллингвуд, то закладная на ранчо «Калафия», которую в настоящее время держит у себя миссис Коллингвуд, снова вступает в силу, а приданое в размере 100 000 долларов возвращается в качестве штрафа».

Хуанито поднял глаза.

— И что это значит? — спросил он.

— А как ты думаешь, что это может значить? Это значит, что если ты не вернешься к жене, то мы потеряем ранчо.

— Необязательно. Мы просто вернем приданое — в любом случае, мне теперь не нужны ее чертовы деньги! — и закладная вступит в силу. Иначе говоря, мы окажемся там же, где и были до того, как я попал в этот переплет.

— Ох, Хуанито, какой же ты наивный! Ты не представляешь, насколько хитры оказались эти янки. Она просто-напросто откажет в праве выкупа закладной вследствие отсрочки, а мы ведь уже на целых три месяца просрочили выплату. Если же мы вернем приданое, у нас совсем не останется денег, и вот тогда-то она и откажет нам в праве выкупа закладной. Мы потеряем ранчо, потеряем *все!*

— Вот сука! — прошептал Хуанито, и его черные глаза наполнились ненавистью.

— У нее есть деньги, — рыдала мать, — есть власть. Этот сеньор Палмер говорит, что если мы попытаемся занять денег в банке, то банк сеньоры Коллингвуд выкупит у нашего банка наши, как он назвал их, «бумаги». Что тогда прикажешь нам делать? Мы беспомощны! Адвокаты, банкиры… Что, скажи на милость, мы, калифорниос, понимаем в адвокатах и банкирах? Мы люди от земли.

Красивое худощавое лицо Хуанито выражало решимость.

— Кажется, настало время и нам кое-что узнать об адвокатах и банкирах, — тихо сказал он. — Эти янки явились и уничтожили наш рай. Ладно, пусть будет так: Стар тоскует по моему телу, что ж, тогда я буду ее брюхатить двадцать лет подряд, чтобы у нее не было ни малейшей возможности даже взглянуть на ее чертова китаезу или на кого бы то ни было еще. И либо я сам, либо один из моих сыновей наверняка сумеем выучить всю эту премудрость про адвокатов и банкиров, про деньги и власть. Мы выучим все уловки, которыми сейчас пользуются янки, так что в конечном итоге мы победим этих светловолосых скотов в их же собственной игре.

После этого Хуанито скомкал копию брачного контракта и швырнул ее через всю комнату. Она ударилась о стену и, как дохлый клоп, упала на пол.

Однако сила печатного слова от этого ничуть не пострадала.

* * *

Голубые глаза Мандевилля упивались великолепием изумрудного с бриллиантами колье Эммы, переливающегося в свете свечей, стоявших в золотых подсвечниках. «Восхитительно, — думал Мандевилль. — И ее грудь тоже восхитительна, ни одной морщинки на коже, а ведь ей уже, наверное, около пятидесяти…»

— О чем это вы так задумались, милорд? — спросила Эмма, поднося к губам бокал с шампанским. — Знаете, говорят: «Пенни за мыслишку!» Хотя у меня такое впечатление, что ваши мысли стоят много долларов, а уж никак не пенни. Вероятно, даже фунтов стерлингов.

Редклиф улыбнулся.

— Неужели это так явно читалось у меня на лице? — спросил он. — Признаюсь, я восхищался вашим колье. Камни изумительные, никогда я не видел изумрудов такого глубокого цвета. Они завораживают.

— Отец купил их в Париже три года назад у индийского магараджи.

— Они, должно быть, обошлись ему в целое состояние.

— Во всяком случае тех денег было бы достаточно, чтобы провести в Торнфилдском аббатстве водопровод.

Редклиф чуть не поперхнулся своим шампанским.

— Эмма, да вы колдунья! — рассмеялся он. — Ведь именно об этом я как раз и думал, вы поймали меня, можно сказать, с поличным.

Эмма улыбнулась.

— Редклиф — полагаю, что после того, как мы обедали с вами четыре вечера подряд, я могу называть вас просто Редклиф, — так вот, когда молодой человек такой красоты и обаяния, как у вас, начинает обращать внимание на женщину, по возрасту годящуюся ему в матери, совершенно очевидно, что молодой человек думает не о любви и возвышенных чувствах, а о недвижимости.

— А о чем в подобной ситуации думает эта женщина?

— Честный вопрос, — сказала она, несколько вдруг погрустнев. — Эта женщина думает о многом, очень о многом. Думает, например, о том, что она больше уже не молода, что смириться с этим очень трудно, а нужно. Она думает о двоих мужьях, которых она потеряла и которых преданно любила. Наверное, следовало бы сказать «страстно» любила. Эта женщина думает о том, что теперь она очень одинока. Она думает также о том, что не должна терять достоинство и делать глупости. Но! — И тут Эмма подняла на него свои прекрасные аметистовые глаза. — Она думает также и о том, что, может быть, жизнь для нее еще не совсем закончилась. *Не совсем.*

— Полагаю, для женщины вашей красоты и жажды жизни жизнь не закончится до самой смерти. И, возможно, даже после нее.

— О, мне совсем не интересно стать привидением. Привидения вытворяют такие ужасные глупости, вроде того, что стучат по столам на спиритических сеансах, мебель еще, бывает, двигают. Нет уж, когда я умру, то умру. Никаких фокусов, благодарю покорно. Пройти через этот сумасшедший мир — уже более чем достаточно. Но как бы то ни было, а пока я еще жива. И еще мне пришла в голову мысль, что было бы замечательно бросить вам вызов — отреставрировать что-нибудь прекрасное, например Торнфилдское аббатство. То есть, если бы сумасшедшей судьбе было угодно сделать меня вдруг маркизой Торнфилд.

И она опять улыбнулась. «Боже ты мой, — подумал он, — как лихо эта женщина расставила все точки над i».

— Должен напомнить вам, что титул наследует мой старший брат.

— Да, я знаю. Но я расспросила сэра Персиваля — за вашей спиной, разумеется, — и тот рассказал мне, что у вашего брата чахотка и что ему осталось жить не больше года. Более того, кроме лошадей и собак, он не интересовался ничем в жизни.

— Верно.

— Так что, когда ваш отец умрет — а ему уже восемьдесят, — велика вероятность того, что именно вам достанется один из старейших в Англии титулов, а также четырнадцать тысяч акров йоркширских болот, под которыми обычно кроются богатые залежи угля; кроме того, вы получите один из огромнейших особняков в Англии, который, правда, разрушается, и что-то около миллиона фунтов стерлингов игральных долгов. Подобное будущее имеет много pro и совсем мало contra [38].

— Вы очень верно обрисовали ситуацию.

— Моя ситуация тоже имеет pro и contra, — сказала она, разрезая спаржу. — Я сумела сохранить брак своей дочери весьма неприятным способом, о чем, возможно, когда-нибудь придется пожалеть, но… — она пожала плечами, — так хотела Стар, а я очень люблю свою дочь. Сегодня утром мой сын сказал, что собирается жениться на дочери человека, которого я ненавижу больше всего на свете. Подобное известие явилось для меня ударом, и я сказала ему, что мне нужно обо всем этом хорошенько подумать, вот почему я столь откровенна с вами, дорогой Редклиф. Скажите, а ваша спаржа нежная?

— Да, очень. — «Нежнее во всяком случае, чем твое сердце, старушка», — подумал он, а вслух продолжил: — Хорошо, а если бы какой-нибудь очаровательный молодой англичанин попросил некую богатую, но страшно одинокую американскую вдову стать его женой, то сын и наследник этой вдовы пришел бы в ярость и стал бы причиной всевозможных неприятностей. Но если бы эта вдова согласилась на брак сына и дочери ненавистнейшего ей человека, то принцип «qui pro quo» [39], восторжествует, и обе стороны, возможно, достигнут мирного урегулирования. Понимаете, что я имею в виду?

— Да, думаю, что улавливаю суть.

— Конечно, этот брак будет в лучшем случае договором, сделкой, если хотите, и, возможно, без любви с английской стороны.

— А как насчет американской стороны? — Она печально взглянула на него. — Американка устала просыпаться одна. — Эмма вздохнула. — Ужасно, наверное, слышать от меня такое?

Редклиф положил нож и вилку и взял салфетку.

— Конечно нет, — сказал он. — Это вполне естественно. Я тоже не люблю просыпаться один.

— Дорогой Редклиф, — улыбнулась Эмма, — я подозреваю, что вы редко просыпаетесь один.

— Кгм… — Он вытер губы салфеткой. — Ладно, раз уж вы так быстро и точно расставили все по своим местам, не вижу причин скрывать свои нежные чувства. Дрожайшая Эмма, как только на прошлой неделе я впервые увидел вас, я почувствовал жгучее волнение в груди, которое разожгло целый костер моих самых нежных чувств…

— Вы дважды употребили слово «нежный».

Он положил салфетку на стол.

— Черт побери, Эмма, я плохой оратор. Я люблю вас. Вы будете моей женой?

Почти целую минуту она мечтательно смотрела на него, затем взяла вилку, нож и снова принялась за спаржу.

— Мне нужно подумать об этом.

Он чуть было не шарахнул кулаком по столу.

— Эмма, может быть, эти слухи верны? — требовательно спросил у нее три дня спустя Дэвид Левин, сидя напротив Эммы в ее библиотеке.

Вот уже почти три десятка лет его сердце взволнованно билось от красоты Эммы, и сегодняшний вечер не был исключением. В мягком свете газового светильника она выглядела неправдоподобно прекрасной. На ней было платье из мягкого бежевого шелка, отделанное тонкой кружевной тесьмой, на груди знаменитые жемчуга, несколько колец красиво подчеркивали линии рук. От такой элегантной утонченности у Дэвида дух перехватило. В то время когда молодые женщины использовали висмут и соединения свинца, чтобы отбеливать кожу, обесцвечивать волосы на голове, использовали индийскую тушь, чтобы подводить глаза, когда женщины специально расширяли себе зрачки с помощью сульфата атропина и наклеивали вдобавок искусственные ресницы — иначе говоря, во время торжества безвкусных подделок, призванных сделать женщин более привлекательными, Эмма вполне могла довольствоваться тем, что дала ей природа (разве что используя самую капельку румян).

— Какие слухи? — спросила она, наливая в стакан своему бывшему учителю и бывшему редактору его любимое шерри.

— Весь город болтает о том, что ты собираешься выйти замуж за лорда Мандевилля.

— Неужели? И почему так говорят?

— Потому что вот уже целую неделю он проводит вечера в твоем доме. И остается далеко заполночь. — Последнее прозвучало угрожающе.

Эмма рассмеялась, затем протянула ему стакан шерри.

— Держу пари, что и Алисия Бомон, и Сидни Тол-ливер умирают от

желания написать про дикие оргии, которые творятся в особняке на Ноб-Хилл, но не могут, поскольку Арчер и Арабелла собираются пожениться.

— Ты можешь относиться к этому несерьезно, но Арчер очень расстроен. Сегодня утром он пришел ко мне. И хотя я дал себе слово никогда с ним не разговаривать после того, как он обошелся со мной, он был в таком жалком состоянии, что я все-таки выслушал его. Он умолял меня как твоего старинного друга попытаться вразумить тебя.

— Мы с ним заключили сделку, — с жаром сказала Эмма. — Я сказала, что соглашаюсь на его женитьбу на Арабелле, а этого мне очень не хотелось делать, если он согласится на то, что я выйду замуж за лорда Редклифа. А теперь он что же, идет на попятную? Ну ничего, мы еще посмотрим! — И она направилась к звонку.

— Погоди! Что ты намерена сделать?

— Вызвать сюда Арчера.

— Пожалуйста, Эмма, оставь его хотя бы на минуту. Позволь, я буду говорить с тобой как… как человек, который на протяжении многих лет считал себя почти членом этой семьи.

Эмма убрала руку с ленты звонка.

— Ты действительно член этой семьи, Дэвид, и ты отлично это знаешь. — Она улыбнулась. — Если бы Скотт не высадил тебя тогда на Ямайке, ты, возможно, был бы моим мужем.

— Я это слишком хорошо знаю. В любом случае лорд Мандевилль вдвое тебя моложе.

— Послушай, Дэвид, я же не дурочка.

— Ему явно нужны только твои деньги…

— И это не секрет.

— Ну, это просто… это просто нечестно! Ты же настоящий социальный институт этого города. Ты сделала городу прекрасный подарок, выстроив больницу, и я знаю, что люди надеются на твою щедрость, надеются, что после больницы, возможно, придет черед и музея, например…

— Может быть, я и музей со временем захочу построить. Но вот не слишком ли эти самые люди пытаются упреждать события? Я еще не умерла, отнюдь! Социальный институт? Ты заставляешь меня чувствовать себя чем-то вроде детского дома или памятника героям Гражданской войны.

— Ты отлично понимаешь, что я имею в виду. Люди в этом городе любят тебя. Ты ведь тут практически с самого начала, ты часть истории Сан-Франциско, если хочешь. И вот ты покидаешь его и едешь в Англию…

— Дэвид, но ведь теперь есть железная дорога. Есть и морские корабли. Калифорния больше не край света. И кроме того, я… — она нервно повертела кольцо с бриллиантом в виде розы, — я чувствую, что моя жизнь здесь уже заканчивается, грядет новый этап. Будущее семьи — Арчер, и, если судить по нему, у семьи будет очень сильное будущее. Хотя я знаю, что ты не согласен со мной.

— Вовсе нет. Арчер влил в газету жизненную силу, которой мне недоставало. И я признаю это.

— Ну, теперь она у тебя есть. А что касается меня, то, кажется, пришло время сойти со сцены, образно говоря. Расчистить путь для Арчера. А кроме того, идея стать маркизой кажется мне восхитительной. Начнется иная, совершенно новая для меня жизнь. И кроме того… — она слегка улыбнулась, — Редклиф молод и ужасно элегантен, а тебе известна моя слабость к красивым мужчинам.

Дэвид залпом выпил остатки своего шерри и поднялся.

— Да, известна, и именно из-за нее ты ошиблась! — Дэвид почти кричал. — Скотт Кинсолвинг был подлым ублюдком, который украл тебя у меня с помощью грязного трюка. А твой разлюбезный Арчер — всего лишь смазливое личико, за которым крылось не так уж много ума. Все, чего он хотел — это стать индейцем.

— Не смей так говорить о моем любимом!

— Твоем *любимом?!*Ты двадцать пять лет держала беднягу под каблуком, и все это прекрасно видели. И вот теперь, в третий раз в жизни, ты готова все на свете позабыть и припуститься за еще одним смазливым личиком. Причем на сей раз избранник вдвое моложе тебя. Ты собираешься сделать из себя круглую дуру и опозорить свою семью только потому, что ты лишаешься здравого смысла, когда дело касается мужчин.

Эмма едва могла поверить собственным ушам.

— За тридцать лет, что я тебя знаю, Дэвид, ты никогда так не разговаривал со мной.

— Знаю, и это была моя ошибка. Ты замечательная женщина, Эмма, но ты далека от совершенства, когда речь заходит о противоположном поле.

— Я возмущена и обижена, Дэвид! Ты лучше расскажи мне о своих огромных успехах у женщин! Я слышала такие истории, Дэвид…

— О да, мои восхитительные женщины! Не буду отрицать. Я мужчина, и ничто, свойственное мужчинам, мне не чуждо. Готов признать, что то, в чем меня обвинял Арчер, правда: я пытался сохранить респектабельность газеты, потому что сам хотел быть более респектабельным, а в результате превратил «Таймс-Диспетч» в занудную газету. О, на свой счет я не питаю

ни малейших иллюзий, Эмма. Я совершеннейший неудачник! Не вышел из меня писатель, не вышел и редактор, да и любовник из меня тоже не вышел. Но я не собираюсь потерпеть неудачу в качестве твоего друга.

Эмма завороженно смотрела на него. Никогда прежде она не думала, что Дэвид может быть таким убедительным, таким искренним.

— Арчер был неудачником, — мягко сказала она. — Но несмотря на это я любила его больше, чем кого бы то ни было. Поверь, Дэвид, нет ничего страшного в том, чтобы быть неудачником. Я думаю, большинство людей — неудачники. И вот теперь ты говоришь мне, что и я — неудачница. Может быть, я такая и есть, не знаю. По крайне мере, неудачница, когда речь заходит о мужчинах.

— Но есть и еще одно, в чем со мной согласится твой отец, как согласилась бы и твоя бедная покойная матушка. Разве не пришло время, чтобы ты вышла замуж за кого-нибудь из наших? Два раза ты выходила замуж за гоев. И вот теперь, вместо того чтобы выходить замуж за этого англиканского охотника за богатством, не думаешь ли ты, что пришло время выйти замуж за еврея?

— Но за кого? — воскликнула Эмма.

К ее крайнему изумлению, Дэвид опустился перед ней на колени и взял за руку.

— За меня, — сказал он. — За человека, который любит тебя вот уже тридцать лет и который всегда был для тебя чем-то вроде любимой собачонки. Эмма, я отлично понимаю, что не могу похвастаться такой эффектной внешностью, какой обладает этот лорд Мандевилль, я не молод и, Господь свидетель, не красив…

— Нет, Дэвид, — прервала его Эмма. — Сегодня впервые ты выглядишь красивым.

— Что ж, и на том спасибо, хотя я знаю, что ты просто стараешься быть любезной. Но если только любовь хоть что-то значит для тебя, то я умоляю подумать о моем предложении, каким бы абсурдным, каким бы сумасшедшим оно ни было. Я люблю тебя всем сердцем, всей душой, и это все, что я могу предложить тебе. Но, Эмма, если поэты правы, моя любовь чего-нибудь, да стоит.

Она смотрела на него во все глаза. Это был один из немногих случаев в ее жизни, когда Эмма потеряла дар речи. Она вспомнила свою мать, бальный зал во Франкфурте много лет назад, крики студентов: «Juden! Juden! Juden!»

— Знаешь, Дэвид, все это так внезапно для меня, так неожиданно. Не знаю даже, что и сказать, кроме того, что я ужасно польщена.

— Тогда ответь мне. Пожалуйста. Да или нет?

«Лорд Мандевилль и Дэвид Левин… Какая невероятная альтернатива!»

— Я должна подумать, — сказала она.

Часть IV

Вода и слово

Глава первая

Однажды утром в марте 1906 года молодая Черайз Уиллер шла по пляжу в Санта-Монике и вдруг увидела перед собой в полосе прибоя темный предмет. Подойдя ближе, она вскрикнула.

Это было тело мужчины в черном костюме.

Высокий стройный человек спускался по винтовой лестнице выстроенного в испанском стиле особняке в Пасадене. Несмотря на то что было ему двадцать восемь лет, он уже имел репутацию одного из самых агрессивных бизнесменов на американском Западе.

— Пошлите в Лондон моему отцу телеграмму, — говорил он на ходу спускавшейся вместе с ним симпатичной секретарше, которой приходилось почти бежать, чтобы успевать за ним. — Текст такой: «Закончил переговоры с людьми из Далласа точка Они согласны продать нам журнал «Курьер» за два миллиона точка Честер отрабатывает с нашим банком вопросы финансирования точка Начал переговоры с газетой де Муана «Геральд» точка В прошлое воскресенье общий тираж «Клэриона» перевалил за полмиллиона точка Надеюсь, тебе понравилось в Лондоне точка Передай привет маме точка Кертис». Все понятно?

— Да, мистер Коллингвуд, — сказала Роза Маркхэм, заканчивая записывать скорописью у себя в секретарском блокноте.

— Не назначен ли у меня на утро визит к дантисту?

— В десять часов.

— Отмените.

— Мистер Коллингвуд, вы и так уже дважды откладывали этот визит. Доктор Симмонс говорит, что если в самое ближайшее время вы не вылечите все свои больные зубы, вы их потеряете.

— Ну и пускай. Сегодня у меня просто нет времени на дантистов. Мэри, доброе утро. Как поживает мой сын и наследник?

Пышнотелая няня-ирландка в белой униформе как раз поднималась

навстречу им.

— У него, бедняжки, газики. Плачет и плачет, прямо спасу нет.

— И что вы делаете, когда у малышей газики? — спросил Кертис, не задерживаясь возле няни и на ходу справляясь по карманным золотым часам о времени.

— А ничего, пускай себе поплачут, покуда газики сами не выйдут и покуда нянька не будет пахнуть с ног до головы.

Кертис усмехнулся.

— Смотрите, мол, еще один из семейства Коллингвудов входит в этот мир!

— Мистер Коллингвуд, так я не буду вычеркивать дантиста. Не хочу, чтобы вы потеряли все свои зубы.

— Хорошо, хорошо, Роза, какая вы, право…

Они сейчас спустились на белый мраморный пол главного холла. Мартин, англичанин-дворецкий, стоял у входной двери, держа ее открытой. На улице, возле входа, стояла новая черно-красная машина Кертиса «грейт эрроу», «большая стрела» — автомобиль «для особенных людей», как говорилось в рекламе, что означало «для богатых».

Кертис Коллингвуд, старший сын Арчера и Арабеллы, без сомнения, принадлежал к числу богатых людей. Кроме того, к нему перешла красивая внешность Коллингвудов, или, если уж быть более точным, внешность де Мейеров; не случайно многие люди, которым случалось видеть Кертиса, по его мягким чертам и черным, зачесанным назад волосам сразу же вспоминали Эмму, его великолепную бабку. Роза Маркхэм считала, что ее босс, на которого она работала вот уже четыре года, является самым элегантным мужчиной, какого ей только доводилось видеть. Она была более, чем немножко, влюблена в него, однако если у Кертиса Коллингвуда и были с кем-нибудь связи на стороне, то никак не с кем-либо из числа пяти тысяч сотрудников «Коллингвуд корпорейшн».

— Вы еще не подписали контракт, — говорила она, торопливо семеня по холлу за своим боссом.

— Все бумаги я подпишу в автомобиле. Доброе утро, Мартин. Передай миссис Коллингвуд, что Роза похитила меня в город на завтрак с юристами.

— Слушаюсь, мистер Коллингвуд.

Из двери под лестницей появилась еще одна служанка.

— Мистер Коллингвуд, вас к телефону.

Кертис обернулся.

— Черт! Ну кто там еще?

— Мистер Ли. Говорит, по важному делу.

— Идите в машину, Роза.

Кертис поспешил назад в дом, прошел в служебный холл, где находился ближайший телефонный аппарат.

— Да, Дигби?

Выслушав редактора газеты «Клэрион», которая считалась в Лос-Анджелесе второй по влиянию и тиражу и входила в число четырнадцати других всеамериканских изданий, которыми владела «Коллингвуд корпорейшн», Кертис переспросил:

— Убит?! — Он был явно потрясен этим известием. — Господи! Буду в офисе через двадцать минут.

Бросив трубку, он выскочил из дома.

— В офис! Быстро! — приказал он шоферу, садясь на заднее сиденье, где уже расположилась Роза. — Кто-то, — сказал он секретарше, как только автомобиль тронулся с места, — убил Карла Кляйна.

Роза Маркхэм с трудом проглотила комок в горле.

Детектив Клифф Паркер из лос-анджелесского полицейского управления поднял голову и оглядел новое двенадцатиэтажное здание редакции «Клэрион», помещавшееся на Хилл-стрит. Паркер, уроженец Лос-Анджелеса, «анджелино», с чувством скрытого восхищения наблюдал, как в различных кварталах города поднимались небоскребы: это было верным признаком того, что Лос-Анджелес входит в свою лучшую пору. Еще сорок лет назад это была «отвратительная небольшая мусорная свалка», по выражению отца Паркера. А ныне город насчитывал более четверти миллиона человек, он рос как на дрожжах и теперь по размерам и значимости мог тягаться с самим Сан-Франциско. «Небоскребы! — подумал тридцатилетний небритый детектив и почесал свою светлую щетину. — И вдруг убийство…»

Он вошел в отделанный зеленым мрамором холл, где находились лифты — шесть кабин с бронзовыми дверями.

Высоченный потолок был расписан на сюжеты из истории Калифорнии. Автором росписи была жена владельца небоскреба Арчера Коллингвуда. Тут можно было видеть, как Фрей Джуниперо Серра обращает индейцев в христианство, тут были и миссионеры, и Камино Реаль — и все это было написано яркими красками и так натурально, как рисуют на картинках в книжках. Все неприглядное, вроде смертей, болезней, использование испанскими миссионерами индейцев практически как своих рабов — все это оказывалось за пределами художественного замысла. «Что ж, — подумал Паркер, когда открылись двери лифта, —

нарисовано очень красиво, только где сейчас эти самые индейцы?..»

— Я получил задание заняться этим делом, — сказал Паркер в офисе Кертиса, расположенном на самом верхнем этаже здания. — Тело Карла Кляйна было обнаружено на пляже в Санта-Монике сегодня утром. Его убили выстрелом в голову примерно около полуночи. Имеет ли кто-нибудь из вас, джентльмены, какие-либо предположения относительно мотивов убийства?

Сидевший за рабочим столом Кертис обменялся взглядом с Дигби Ли, сидевшим в низком кожаном кресле.

— Нет, — сказал Кертис. — Желал бы я сам это знать, но увы… Карл Кляйн был первоклассным репортером и одним из самых лучших наших сотрудников. Между прочим, я назначил награду в десять тысяч долларов за любую информацию, которая может привести к поимке убийцы.

— Скажите, в последнее время Кляйн расследовал какую-нибудь особую ситуацию? — спросил Паркер.

— Да, — ответил Дигби Ли, который за свою успешную работу репортером в сан-францисской «Таймс-Диспетч» получил от Арчера назначение главным редактором в лос-анджелесскую газету. — Он в последнее время готовил серию статей о проекте «Оуэнс Вэлли».

— Это тот самый план доставки воды в Лос-Анджелес из более северных штатов?

— Совершенно верно.

— Мне казалось, там нет никакого криминала. Кроме того, я навел справки: на Кляйна не заведено никакой полицейской карточки. Не знаете ли вы, были у него какие-нибудь порочные наклонности? Может быть, женщины? Игра? Или пьянство?

— Карл Кляйн был одним из молодых людей, ведущих наиболее безупречную жизнь, насколько я знал его, — сказал Кертис. — Не курил, и, я сомневаюсь, пробовал ли хоть раз пиво. Он приглашал на свидания нашу девушку из приемной, мисс Гвин, допускаю, что мог ухаживать и за другими девушками, однако мне никогда не приходилось слышать даже намека на то, что в его поведении было хоть что-то аморальное.

— Вас послушать, он был само совершенство.

— Практически так оно и было.

Клифф Паркер оглядел своих собеседников.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — надо искать, кто хотел смерти первоклассного репортера, занимавшегося водными проектами.

— У меня нет на этот счет никаких идей, — сказал Кертис.

Безотчетно Клифф Паркер вдруг подумал, что сейчас этот человек

сказал явную неправду.

— У нас есть хорошая зацепка, — продолжал Паркер. — На убитом обнаружили записку, написанную, как мы думаем, самим убийцей. Она подписана «Дж.». Вам это о чем-нибудь говорит?

— «Дж.»? Нет, боюсь, что нет.

«Дж.», — подумал Кертис. — Джизус Крайст, Иисус Христос, может, как раз он и совершил это!»

— Эта церковная кафедра, мистер Коллингвуд, была сделала в середине XVI века для одной из церквей, расположенных в пригороде Сиены. Резьба по дереву исключительно изящная, одна из лучших для этого периода, какую мне только доводилось видеть. Полагаю, что лик архангела, держащего в руках аналой, можно считать особенно удавшимся.

Арчер и Арабелла Коллингвуды медленно шли вокруг деревянного возвышения кафедры, которая была снабжена винтовой лестницей. Они сейчас находились в лавке старинных вещей, именуемой «магазином» и расположенной на Нью-Бонд-стрит в Лондоне. Впрочем, даже и слово «магазин» не давало точного представления о помещении, которое занимал один из наиболее известных торговцев стариной, лорд Рэдферн. Сейчас сам хозяин водил Арчера по большому экспозиционному залу, забитому вещами давно ушедших эпох. «Этот легендарный калифорниец, — как думал об Арчере лорд Рэдферн, — никогда не уходил из магазина, не оставив здесь хотя бы сто тысяч долларов, каждый год». И как раз поэтому к Арчеру здесь относились как к самому дорогому гостю. К настоящему моменту Арчер уже приобрел средневековый алтарь за двадцать тысяч долларов и за пятьдесят тысяч — шкаф XVII века. Теперь же Арчер присматривался к кафедре, которая стоила пятнадцать тысяч, причем по его глазам можно было понять, что она ему весьма приглянулась. (И все это происходило в то время, когда годовой оклад Клиффа Паркера в Лос-Анджелесе составлял тысячу восемьсот долларов).

— Она восхитительна, — бормотал себе под нос Арчер, которому исполнилось пятьдесят четыре года. Поскольку в демонстрационном зале было весьма прохладно, он не снимал пальто с норковым воротником, а Арабелла не сняла своих соболей. Подобно покойной матери Лоретте, Арабелла с возрастом значительно располнела, тогда как Арчеру удалось сохранить стройную юношескую фигуру, хотя его светлые волосы поседели на висках. — Я беру ее, — решительно сказал он.

— Мудрое решение, мистер Коллингвуд, — сказал лорд Рэдферн, которого неизменно восхищало всяческое отсутствие у этого калифорнийца

какого бы то ни было желания поторговаться.

Хотя, если разобраться, когда имеешь ежегодный доход в три миллиона, к чему торговаться?..

— Очень любопытно, — говорила Арабелла, рассматривая в лорнет холст. — Ну очень. У этого художника несомненный талант. Кто это?

Она и Арчер от лорда Рэдферна пришли теперь в Пилмико, в картинную галерею, где проницательный молодой человек по имени Эдвард Лейси занимался сомнительным искусством так называемой «современной школы».

— Один молодой испанец из Барселоны, — объяснил Лейси. — Сейчас он работает в Париже. Его зовут Пикассо.

Профессиональным взглядом Арабелла рассматривала холст, который был назван «Арлекин в розовом рядом с сидящей дамой».

— Чрезвычайно интересно, — сказала она, тогда как ее муж уже во второй раз перечитывал полученную телеграмму.

Страстью Арчера был антиквариат, а его жена пристрастилась к живописи. Антиквариат навевал на Арабеллу точно такую же скуку, какую навевала на Арчера ее живопись. А вот текст телеграммы Арчер никак не мог считать скучным:

«МИСТЕРУ АРЧЕРУ КОЛЛИНГВУДУ, ОТЕЛЬ «САВОЙ», СТРЭНД, ЛОНДОН. РЕПОРТЕР КЛЯЙН УБИТ ТОЧКА ПРОСИМ РАЗРЕШЕНИЯ НАПЕЧАТАТЬ ВСЮ ЭТУ ИНФОРМАЦИЮ ТОЧКА ОБОЙДЕМ ВСЕ ПРОЧИЕ ГАЗЕТЫ И ДОБАВИМ ТЫСЯЧ ТРИДЦАТЬ К НАШЕМУ ТИРАЖУ ТОЧКА КАК НАСЧЕТ «ДЖ» ТОЧКА КЕРТИС».

* * *

— И сколько же это стоит? — поинтересовалась Арабелла, все еще рассматривая картину в лорнет.

— Тысяча фунтов, — ответил Лейси.

— Но это же целое состояние!

Лейси не издал ни звука. Он знал, что покупательница уже у него на крючке.

— Ладно, я беру ее.

— Зачем, скажи ты мне на милость, понадобилось приобретать эту жуткую картину? — спросил Арчер двадцать минут спустя, когда они с Арабеллой в своем «даймлере» ехали в отель.

— А зачем, скажи на милость, понадобилось приобретать эту жуткую церковную кафедру? — тотчас же парировала жена. — Надеюсь, ты не намерен в нашем новом доме организовать еще и частную церковь?

— Ты не понимаешь, это великолепное произведение, резьба по дереву. А твою картину любой ребенок мог бы намалевать.

— Ну, не исключено, что в этом все и дело. Что это произошло с нашим перемирием? Ты покупаешь то, что нравится тебе, а я приобретаю то, что нравится мне. А что было в телеграмме, которую ты получил утром?

— Да так, деловые вопросы. — Он улыбнулся. — А тебе не кажется, что здесь погода и в самом деле отвратная? Я читал, что и в Риме дождь льет вовсю. Нужно как следует подумать, стоит ли нам отправляться в Италию.

Арабелла вздохнула.

— Иными словами, ты хочешь вернуться домой.

Когда они добрались до отеля, Арчер послал следующую телеграмму:

«МИСТЕРУ КЕРТИСУ КОЛЛИНГВУДУ, ЛОС-АНДЖЕЛЕССКАЯ «КЛЭРИОН», ЛОС-АНДЖЕЛЕС КАЛИФОРНИЯ РАЗРЕШЕНИЯ НА ПУБЛИКАЦИЮ НЕ ДАЮ ДО СВОЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ ТЧК ЗАВТРА ОТПРАВЛЯЮСЬ НА «КРОНПРИНЦЕССЕ СЕСИЛИИ» ТЧК ОТЕЦ».

* * *

Мужчина поднял наездничий кнут и с размаху опустил его на обнаженные ягодицы мексиканской девушки. Согнувшись над козлами для пилки дров в комнатенке конюха неподалеку от конюшни, девушка так и взвилась от невыносимой боли. Кнут ударил так сильно, что на упругой смуглой коже моментально выступил крупный малиновый рубец. Желая стряхнуть с себя боль (подобно тому, как собаки после купания стряхивают с шерсти воду), девушка отчаянно дернулась, отчего ее небольшие груди с темными сосками вздрогнули.

— Готова?! — прошептал мужчина, лицо которого от возбуждения было совершенно мокрым. Рубашка его была расстегнута, открывая поросшую черными волосами грудь. Подняв кнут, он вновь, причем на сей раз еще сильнее, опустил его.

Девушка зарыдала.

Он ударил еще раз, затем еще и еще. К тому моменту, как он нанес ей дюжину ударов, она уже истекала кровью и непрерывно кричала.

— Тсс! Не шуми, ты, сука, или я тебе ни цента не дам, — прошептал он по-испански.

— Не хочу больше, больно!

— Ну, хорошо, хорошо, больше не буду и кнут убираю. А теперь слезай с козел и ползи ко мне.

— Но, сеньор, пол такой грязный!

— Я достаточно плачу тебе, чтобы ты могла покупать самое лучшее мыло, какое только продают в Тихуане. Ползи, говорю!

Морщась от боли, девушка слезла с козел и опустилась на четвереньки прямо на пол. Молодой человек наблюдал, как она ползет к нему. Он был очень красив, но его красота была какой-то грубой, а глаза слегка косили. В лице чувствовалась азиатская кровь. Волосы были иссиня-черные, а кожа скорее смуглая, нежели светлая.

— Ноги мне целуй! — прошептал он, глядя на нее сверху вниз.

Повинуясь, она поцеловала его босые ноги.

— А теперь сними мне штаны!

Приподнявшись с пола, она расстегнула ему ширинку, пуговку за пуговкой, после чего сняла с него трусы.

— А теперь делай то, что ты делаешь лучше всего, ты, шлюха! — прошептал дон Хайме Висент Хуан Рамон Лопес, старший сын Стар и Хуанито, наследник ранчо «Калафия».

Через двадцать минут он появился из конюшни, на ходу застегивая рубашку. Управляющий ранчо стоял возле двери, покуривая «свит кепорал».

— Рауль, заплати ей полсотни и отправь домой, — сказал Джимми Лопес.

Когда пять лет назад в аварии на железной дороге погиб его отец, Джимми перестал пользоваться формальной приставкой к его испанской фамилии части «и-Коллингвуд», поскольку фамилия его и без того теперь выглядела вполне нормально, тогда как с приставкой выходило как-то несерьезно; кроме того, он англизировал свое имя «Хайме» и превратился в Джимми. Хуанито, будучи фанатиком в том, что касалось «сохранения испанского наследства», настоял, чтобы сына назвали Хайме и чтобы все четверо его детей знали два языка английский и испанский. Джимми Лопес уважал свое испанское наследство, однако век на дворе был двадцатый, он был на четверть «анджело» и, кроме того, окончил Гарвард.

Стоял серенький прохладный денек, воды Тихого океана имели оттенок грифельной доски с редкими барашками на волнах. Весь скот на ранчо был давным-давно уже продан, поскольку его разведение было чрезвычайно невыгодно с экономической точки зрения. Ранчо теперь

перешло на выращивание апельсинов и лимонов. Джимми сохранил полдюжины ковбоев, чтобы те присматривали за лошадьми и выполняли отдельные виды работ, этих ковбоев он называл по старинке «вакеро». Направляясь сейчас в усадьбу, Джимми увидел, как двое таких вакеро занимались починкой изгороди. Приподняв шляпы при виде хозяина, они поздоровались:

— Buenas tardes, señor [40].

Как бы ни изменял он на английский манер свое имя, для них он по-прежнему оставался «el patron» [41].

Хуанито и Стар модернизировали старую усадьбу, проведя туда в 1880-х годах водопровод и электричество. Однако происшедшее в 1901 году землетрясение привело к тому, что примитивно сделанная проводка закоротила, и начался пожар. Старая усадьба сгорела дотла, причем во время пожара погибло двое слуг. После этой трагедии между родителями Джимми произошла одна из наиболее резких стычек. Хуанито намеревался воссоздать особняк в испанском стиле, тогда как Стар, сытая по горло всем, что имело хоть какое-нибудь отношение к испанскому началу, включая собственного мужа, хотела вместо сгоревшего выстроить современный дом. И поскольку именно она контролировала семейный бюджет, победа осталась за ней, и на месте пожарища появился новый особняк «Калафия»: это была огромная постройка из камня с огромными, под навесом, крыльцами, круглой башней в одном конце дома, закругленными окнами, обращенными в сторону океана.

Хуанито до такой степени ненавидел новый особняк, что в тот самый день, когда жена въехала туда, он покинул ранчо и на поезде «Юнион Пасифик» отправился из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, чтобы взглянуть на недавно поставленные на Бродвее шоу и немного развеяться. Когда отъехали от Сент-Луиса двадцать миль, их поезд столкнулся с товарным составом, в результате чего погибло тридцать три человека, включая Хуана. Однако личность его была такой сильной, а испытываемая им ненависть к красавице-жене столь ожесточенной, что, как рассказывали слуги, его привидение начало посещать особняк, который был для Хуанито столь отвратительным при жизни.

Джимми поднялся по деревянным ступеням большого крыльца, которое было уставлено плетеной мебелью и цветами в горшках и кадках. Возле дверей его встретила одна из трех сестер, Алисия.

— Тебя мама зовет, — сказала сестра, когда Джимми вошел. — По-моему, у нее опять крыша поехала.

— Вряд ли это новость. Ничего, хочет увидеть меня — подождет, а мне сперва нужно принять ванну.

Пройдя по кафельному полу, он стал подниматься по деревянным ступеням. Полчаса спустя, вымывшись и переодевшись в белый льняной костюм, он спустился и зашел на кухню.

Чинина, жена Рауля, помешивала что-то в кастрюльке, которая стояла на плите. Плита топилась углем и имела восемь горелок.

— Buenas tardes, señor, — сказала она, увидев, как он направился прямиком к телефонному аппарату. Она знала, что сеньор Джимми провел целый час в комнате конюха вместе со шлюхой, вытворяя с ней немыслимые вещи. На ее круглом лице было написано явное неодобрение, чего, впрочем, сеньор Джимми решительно не заметил, а если бы даже и обратил внимание, то не придал бы этому никакого значения. Он поднял трубку, назвал оператору требуемый номер и подождал, пока звонок пройдет по всей линии.

— Алло? Будьте добры, могу я попросить преподобную Уандер? Да, конечно подожду… — После нескольких секунд он сказал: — Ванда? Это я, Джимми. Минут через десять я выезжаю в Лос-Анджелес. Увидимся во время церковной службы. Пока.

Он повесил трубку, подошел к кладовой дворецкого, где были прилавки из нержавеющей стали, вытащил из кармана связку ключей. Выбрав нужный, он открыл дверцу в стене, за которой оказался небольшой винный склад. Взяв одну из бутылок, Джимми закрыл дверцу на ключ и через гостиную прошел к выходу.

Возле лестницы он увидел Алисию. Заметив у него в руке бутылку джина, она нахмурилась.

— Мне казалось, что ты намерен немного подождать, — нервно сказала она. — Завтра к обеду у нее все уже пройдет.

— Не пройдет. На пару дней я отправляюсь в Сан-Франциско. Я намерен ей заявить, что этого ей должно хватить до моего возвращения.

— Джимми, она не справится! Она вновь сойдет с ума!

Он принялся подниматься по лестнице.

— Может быть, наша дражайшая маменька уже и так спятила, — сказал он. — А мы просто слишком боимся признаться в этом.

Третьего апреля 1906 года в сан-францисской «Таймс-Диспетч» (газете, которая слилась с «Бюллетенем», унаследованным Арабеллой Коллингвуд от отца) появилось следующее сообщение:

ГОРОДСКИЕ СПЛЕТНИ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ ОТ СИДНИ ТОЛЛИВЕРА

Завтра одна из наиболее выдающихся дам Сан-Франциско миссис Себастьян Бретт порадует группу любителей живописи во время обеда, который будет устроен в первоклассном «Берлингамском загородном клубе». Миссис Бретт, которая уделяет много своего времени искусству нашего замечательного города, и сама — очень неплохой скульптор. Она содержит свою студию в своем имении неподалеку от Берлингама; именно там она занимается своим нынешним проектом — создает героический монумент Женщине-Первопроходцу. Заказчик — Историческое общество Небраски.

Было четыре часа пополудни, когда Альма Бретт открыла дверь своей студии и вошла туда. За окнами был отвратительный дождливый денек, и миссис Бретт была чрезвычайно рада, что разделалась наконец с обедом, который давала в «Загородном клубе». Двухэтажная студия, которую она сама выстроила два года назад, была тем самым местом, где миссис Бретт всегда могла найти уединение, тишину и покой. Не случайно студия помещалась в одном из дальних концов восьмидесятиакрового поместья, на холме, с которого открывался вид на Сан-Францисский залив; это место было значительно удалено от особняка, в котором миссис Бретт проживала с мужем Себастьяном, двумя детьми и двенадцатью слугами. В двадцать шесть лет Альма представляла собой эффектную блондинку, одну из наиболее известных красавиц города Сан-Франциско.

Сложив зонт, она поставила его в специальную фарфоровую стойку, сняла шляпу и прошла по коридору через холл в студию, потолок которой возвышался на два этажа. Свет в студию попадал через северные окна, которые занимали целую стену, плавно перетекали на крышу, а самые верхние из них приближались чуть ли не к самому коньку. Центральное место в студии занимала двенадцатифутовая мраморная статуя женщины в мешковатой шляпке. Голова у женщины была высоко поднята, в руках она держала ребенка и шла, широко ступая, на Запад, через Великие Равнины, в Калифорнию. Мраморный ветер шевелил ее мраморную юбку, прижимая материю к мраморным бедрам. Это и был монумент Женщине-Первопроходцу, который ваяла Альма. Она была профессиональным скульптором, причем талантливым.

Другое дело, что творческое вдохновение не особенно часто ее посещало.

Альма повесила шляпу на стойку, развесила плащ, чтобы он подсох.

Студия была комфортабельная, все тут было приспособлено для работы. Кроме мебели из дерева здесь имелась большая железная плита. Повсюду стояли пальмы и цветы.

Включив несколько ламп, Альма неторопливо обошла Женщину-Первопроходца, внимательно рассматривая почти совсем законченную фигуру. Она несколько раз огладила рукой мраморную поверхность, проверяя отделку. Так, оглаживая мраморную фигуру, она сделала уже почти полный круг, как вдруг почувствовала у себя на талии чью-то ладонь.

— Ой!

— Альма.

Она почувствовала, как чьи-то руки обняли ее за талию, грубая щека мужчины прижалась к ее нежной коже, и Альма сразу ощутила тот самый запах лосьона после бритья, который она обожала.

— Джимми! Ты до смерти испугал меня, черт тебя побери! — Она обернулась, оказавшись лицом к лицу с Джимми Лопесом. Затем улыбнулась ему. — Но какой же это приятный сюрприз, — прошептала она.

Джимми стал целовать *ее,*и с каждым поцелуем ногти Альмы все сильнее вонзались ему в спину.

Он был абсолютно голый.

— Ну и как поживает самый хорошенький в мире ребеночек, а? — спросил Кертис Коллингвуд, беря на руки своего двухлетнего сына Джоэла и шутливо шлепая его, когда мальчик ухватил прядь черных густых отцовских волос.

— Паппи, — пролепетал круглолицый светловолосый человечек.

— Опять, неслось, обделал свою няню, да, Мэри? — обратился он к кормилице, стоявшей тут же.

— Нет, газики у него уже отошли, слава Богу.

— Кажется, он мокрый.

— Святые Иосиф и Мария, ведь какой-то час назад переменила ему. Ну-ка, иди ко мне, мой маленький, мой сладенький, иди ко мне…

— Спасибо, Мэри. Спокойной тебе ночи, разбойник!

Обожающий отец поцеловал сына, затем передал его Мэри и вышел из детской. Кертис был сейчас в черном галстуке и вечернем костюме; ему не терпелось отправиться на вечеринку. Он очень хорошо понимал, что убийство Карла Кляйна могло привести к наихудшему скандалу, который когда-либо доводилось переживать семейству Коллингвудов со времени похищения Стар Коллингвуд на Ноб-Хилл почти тридцать лет назад.

Кертис вместе с проживающим в Сан-Франциско братом Честером

были наследниками огромной империи Коллингвудов, и оба они решительно не хотели никакого скандала.

— Это тот мой чертов кузен, Джимми Лопес, — сказал он жене через несколько минут, когда разливал в библиотеке джин и шампанское. — Этот омерзительный Джимми. Еще в то время, как мы были детьми, я уже ненавидел его.

— Успокойся, дорогой, — сказала Бетти Коллингвуд, привлекательная блондинка, одетая в черное платье. — Что Джимми теперь натворил? И не пей, ради Бога, такими дозами.

— Кузен Джимми приучил Кэрри Нэшн к выпивке, как в свое время его папаша сделал алкоголичку из тети Стар.

— Потому что у тети Стар был ужасный роман с одним жутким китайцем?

— Именно. Джимми ненавидит всех нас, всех Коллингвудов. Его папаша-заика вбил ему в голову еще в раннем детстве, что нас нужно ненавидеть. Где-нибудь в его отравленном мозгу таится мыслишка как-нибудь поквитаться с нами, потому что мы, мол, белокурые гринго, которые пришли и уничтожили его достопочтенное испанское наследство. И все это отлично уживается у него с тем, что он англизировал свое имя и учился в Гарварде. Тем не менее, как тебе известно, одним нашим репортером стало меньше. Я, например, не сомневаюсь, что причиной его смерти стало то, что он обнаружил связь между кузеном Джимми и одним из самых грязных муниципальных скандалов в истории Калифорнии, каковым является проект «Оуэнс Вэлли».

— Погоди-ка, — сказала Бетти, вставляя сигарету в черный лакированный мундштук. — Мы все прекрасно знаем, что кузен Джимми, мягко говоря, паршивая овца, гнилое яблоко. Но на убийство он уж точно не способен. Ведь, в конце концов, он и вправду учился в Гарварде!

Муж прикурил ей сигарету.

— Сам ли Джимми прострелил ему голову или же кого нанял — этого я не знаю. Но я почти уверен, что каким-то боком он причастен к случившемуся.

— А полиция знает об этом?

— Нет, и я не хочу, чтобы они думали так же, как и я, потому что тогда может разразиться крупнейший скандал, о котором мечтает любой газетчик. За последние полгода «Клэрион» столько всего напечатала, столько грязи подняла со дна, причем досталось от газеты кое-кому из наиболее влиятельных людей в Лос-Анджелесе, в том числе и издателю «Экспресса».

— Это генералу Дж. Дж. Ченнингу?

— Именно. Стоит ли говорить, что «Экспресс» затаил злобу, а когда мы опубликуем свой материал, то утрем нос им, а также полиции.

— Тогда почему же ты ничего не печатаешь?

— Из-за отца. Я получил от него из Лондона телеграмму. Мы ничего не можем предпринять до его возвращения. Ты же знаешь, он всегда опекал тетю Стар, а кузен Джимми — ее родной сын.

— Да, которого она всей душой ненавидит. У вас, дорогой, есть родственники — так они всем родственникам родственники. А что, этот Джимми все еще повязан с этой самой сумасшедшей церковью — как ее там?

— Церковь Божественной медитации. Ее возглавляет чокнутая евангелистка, преподобная Ванда Уандер.

— Вряд ли это ее подлинное имя.

— Конечно. В действительности ее зовут Ирма Димбоу, но она создала целое учение. Почему, собственно, Джимми и крутится возле нее. Я не уверен, однако многие поговаривают, что эта самая Ванда — любовница генерала Ченнинга.

— Темны дела людские…

— Но мотивация Джимми отнюдь не темная. Старая, обычная человеческая жадность.

Глава вторая

Топор проломил стенку шкафа, напрочь изуродовав замок.

— Я не смогла ее остановить, — сказала Алисия Лопес. — Боялась, она покалечит всякого, кто приблизится.

Джимми сейчас подсчитывал бутылки из-под джина.

— Она выдула целых три.

— Как только ты отправился в Сан-Франциско, она пила не переставая. Что же нам делать, Джимми?!

— Настало время, когда дражайшей мамочке следует преподать хороший урок, — заявил Джимми, вышел из столовой, миновал холл и начал подниматься по лестнице.

Следуя за братом, сестра спросила с волнением в голосе:

— Но ты не сделаешь ей больно?

— Ведь она сделала больно всем нам, в том числе и мне!

— Но, Джимми, мамочка ужасно переживала! Она любила Крейна, тот тоже ее любил, а отец так и не смог ей этого простить. Будь хоть ты чуточку более терпимым по отношению к ней! Она прожила ужасную

жизнь.

— Я тоже, — сказал он, продолжая подниматься по ступенькам. — И мне осточертело, что старая пьянь ломает мне жизнь.

Поднявшись на самый верх, Джимми прошел через холл в угловую башенную комнату. Повернув бронзовую ручку двери, медленно распахнул ее.

— Я слышала, как ты подъехал, — сказал скрежещущий голос. — Знаю, что ты вернулся. Что ж, добро пожаловать, дорогой мой Джимми. Добро пожаловать домой, *сынок*.

Последнее слово было исполнено злобы. Войдя в комнату, Джимми притворил за собой дверь. Башенная комната была с трех сторон окружена окнами, выходившими на Тихий океан. Стоявшая здесь мебель белого цвета представляла собой копии известных образцов, выполненных в стиле эпохи Людовика XVI, — моду на этого рода мебель недавно ввела Элси де Вулф.

Стар сидела в постели, откинувшись на четыре огромные подушки. Светлые ее волосы, которые уже много дней подряд не знавали щетки, были разбросаны по грязным подушкам, отчего ее голова сейчас была похожа на морские водоросли. Лицо Стар, некогда столь восхитительно красивое, теперь было испещрено морщинами. В руках у нее был бокал с джином. Рядом, на ночном столике, стояли початая бутылка и доверху наполненная окурками смердевшая пепельница. На полу возле постели валялись еще несколько пустых бутылок.

— В этой комнате запах, как в кабаке, — заметил Джимми.

— Эта комната и есть кабак, — ответила его мать, дополнив эти слова пьяным смешком.

— Пока меня здесь не было, мамочка очень дурно себя вела. Мамочка взяла топор и проломила дверцу шкафа, где стояли бутылочки.

— Лиззи Уарден взяла топор, — забормотала она. — Лиззи Уарден вышла во двор и нанесла своей мамочке сорок ударов. Джимми ведь тоже хочется нанести мамочке сорок ударов топором, не так ли? — И она снова пьяно рассмеялась, но на этот раз смех перешел в астматический кашель. Как только Джимми направился к постели, мать ухмыльнулась ему, обнажив черные от никотина зубы и неприятные на вид десны. Внезапно ухмылка исчезла. — Ты как скорпион, — прошипела Стар. — Ума не приложу, как это я могла родить на свет Божий скорпиона? Что такого ужасного я сделала, за что мне такая кара?!

— Может, именно за то, что ты шлюха? — мягко спросил сын. — Отец всегда повторял, что ты шлюха. Он говорил, что если бы не бабка с ее

вонючими жидовскими башлями, он и под пистолетом ни за что не дотронулся бы до тебя.

— Но тем не менее он дотрагивался. Вновь и вновь дотрагивался, делая детей, детей, делая множество детишек. Только этим мне и пришлось заниматься в жизни: вынашивать и рожать детей. А моим самым дорогим, моим первым и самым сладеньким ребеночком был *ты*,дорогой мой Джимми. Джимми Скорпион, который, как я вижу, начал позволять себе отвратительные антисемитские замечания! Это что-то новенькое, не так ли? Откуда ты всего этого набрался? От твоей подружки, от так называемой преподобной Ванды Уандер? Алисия рассказывала, что эта женщина — известная антисемитка.

— Алисия ни черта не знает о Ванде!

— Может быть. Как бы то ни было, не намерен ли теперь и *ты*,сынок, начать делать детей? Или ты слишком занят, избивая этих мексиканских шлюх на конюшне? Какой же извращенный и больной, должно быть, у тебя ум! Как же ты должен ненавидеть женщин!

— Если уж я и ненавижу женщин, то исключительно потому, что моя мать — пьяная шлюха! — прорычал он, выхватил бокал из рук матери и швырнул его в другой конец комнаты. Бокал ударился о каминную полку и разбился вдребезги.

— Puta, puta! — кричал он, забираясь на постель. — Puta, puta! — Схватил обеими руками дряблую шею матери и начал душить. Мать издала булькающий звук. — И мой отец не-не-ненавидел тебя, — истерично вопил он. — И я тоже не-не-ненавижу тебя! Я и так уже д-достаточно от тебя…

— Джимми! — закричала от дверей сестра. — Боже мой! Чинина! Рауль! Он убивает ее! Джимми, остановись!!!

Она пробежала через всю комнату, схватила его руку и попыталась оторвать ее от материнского горла.

— Прекрати, прекрати же!

— П-пусти, п-пусти меня, Алисия! Отвали!

— Он заикается, совсем как его папочка. О Господи, папочка вернулся к нам!

В комнату влетел Рауль и ринулся к постели. Схватив другую руку Джимми, он с помощью Алисии сумел-таки оторвать сына от матери. Джимми грохнулся на пол; он дышал так тяжело, как дышит загнанное животное, в его глазах была одна только животная злоба.

— Я еще доберусь до тебя, старуха! — выкрикнул Джимми. — Сделаю так, что доктор Брюстер запрет тебя в психушке, я добьюсь этого, шлюха! С-с-сука ненормальная!

Стар растирала шею, на которой остались красные отпечатки в тех местах, где пальцы Джимми касались ее. Протянув руку к ночному столику, она взяла лежавшую там страничку.

— Нет, ты не сделаешь этого, ты ничего не сделаешь, потому что мой брат не позволит! — проскрежетала она. — Прочти вот эту телеграмму, скорпион. Читай же, ну!

И она бросила ему в лицо телеграмму, которая мягко спланировала на пол. Джимми поднял листок. Все еще тяжело дыша, прочитал:

«МИССИС СТАР ЛОПЕС, РАНЧО «КАЛЛФИЯ»,
ОКРУГ ОРИНДЖ, КАЛИФОРНИЯ
ДОРОГАЯ ПРИЕДУ В ЛОС-АНДЖЕЛЕС ЛИЧНЫМ ПОЕЗДОМ ЗАВТРА УТРОМ В ВОСЕМЬ ТОЧКА СКАЖИ ДЖИММИ, ЧТОБЫ БЫЛ У СЕБЯ ТОЧКА ЭТО ПРИКАЗ ТОЧКА Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ТОЧКА АРЧЕР».

Джимми медленно смял телеграмму, а его мать закурила сигарету, посмотрела на сына и усмехнулась.

— И ты будешь дома, не так ли? — спросила она, выдыхая слова вместе с табачным дымом. — Джимми ведь не посмеет ослушаться дядю Арчера, потому как дядя Арчер очень влиятельный. А теперь немедленно дай мне новый бокал. Мамочке ужасно хочется пить.

С 1890 года на протяжении полувека ни один символ, свидетельствующий о могуществе и богатстве, за исключением разве что яхты, не мог сравниться с личным железнодорожным вагоном. И когда все прочие мечты оказывались уже воплощенными: и особняк появлялся на Пятой авеню или на Ноб-Хилл, и к столу подавались золотые приборы, и в доме находилась целая армия слуг, а на стенах висели полотна старых мастеров — даже и тогда еще требовалось приложить некоторые усилия, чтобы приобрести обтекаемый частный вагон, который специалистами Пульмана будет приспособлен под личные вкусы и нужды владельца.

Такие частные вагоны прицеплялись к одному из так называемых «именных» поездов. Разъезжая на таком поезде, в таком вагоне по железным дорогам Америки, мимо ее крошечных сельских городков, мимо огромных американских городов, владелец вагона видел, как люди останавливаются, чтобы поглазеть на это чудо — памятник богатству на колесах. В мире, где Господь создал всех людей равными, оставалось лишь поражаться тому, как неравномерно распределялись денежные богатства между этими самыми людьми. Потому что если швырять подачки бедным

слоям населения и своим богатством провоцировать социальные конфликты, то лучшего способа не сыщешь, как разъезжать по стране в вагоне, который стоил не менее ста тысяч долларов и был известен среди простых людей под названием «шкатулка».

Арчер Коллингвуд был не больше, но и не меньше подвержен слабостям, чем его коллеги-миллионеры. По вполне понятным причинам он не питал больших симпатий к социализму, а рассматривал частный вагон как единственный достойный способ путешествия по стране.

Его «Арабелла» представляла собой один из наиболее впечатляющих образчиков роскоши и инженерной железнодорожной мысли. Выкрашенный в темно-зеленый цвет и снаружи покрытый лаком, этот стальной вагон внутри имел богатые панели на стенах, хрустальные канделябры и плафоны под потолком, красные бархатные шторы и обтянутые чехлами элегантные стулья и диваны. Внутри «Арабеллы» была устроена также собственная кухня; кроме того, здесь находились две спальни и две ванные комнаты; отсек для сопровождающих лиц, в котором были еще две небольшие спальни и ванная; небольшая столовая и огромный кабинет. В вагоне имелся большой выбор вин, причем каждая бутылка была снабжена собственной этикеткой с указанием сорта вина и года урожая. Вина предназначались для гостей: Арчер и Арабелла были великими трезвенниками. Кнопки вызова прислуги (а в вагоне путешествовали три человека из числа прислуги) были сделаны из перламутра, тогда как краны и пробки в ваннах были изготовлены — из чего же еще?! — из чистейшего золота.

За шесть дней Арчер и Арабелла пересекли Атлантический океан. Оставив Арабеллу в Нью-Йорке, чтобы сделать кое-какие покупки, сам Арчер отправился через всю страну на трансамериканском экспрессе «Юнион Пасифик» — и на это ушло еще шесть дней. «Пятьдесят лет назад путь от побережья до побережья растягивался на многие недели, так что нынешние шесть дней, — подумал Арчер, — представляют собой явный прогресс». Когда в прошлом веке его мать из Европы отправилась в Калифорнию, у нее этот путь занял около полугода. Сейчас, облаченный в белоснежный пиджак стюард наливал ему свежего, только что сваренного кофе, Арчер смотрел через двойное, в деревянных рамах окно на пути вокзала Лос-Анджелеса, по которым к его вагону пробирался его племянник Джимми Лопес.

— Клод, — сказал Арчер, — сходите на вокзал и купите утренние газеты, все, кроме этой гадости «Экспресса». Вагон переведут на восьмой путь и прицепят к «Сан-Франциско Лимитед». Поезд отойдет в девять с

восьмого пути, там вы и найдете мой вагон.

— Слушаюсь, сэр, мистер Коллингвуд.

Клод отнес кофейник на кухню и через заднюю дверь вышел из вагона в то самое время, как через дверь на противоположном конце вагона входил Джимми.

— Дядя Арчер! — крикнул Джимми, ослепительно улыбаясь. — Добро пожаловать в Лос-Анджелес!

Джимми был щегольски одет в аккуратно сшитый двубортный серый костюм, на голове его красовалась легкая прогулочная шляпа с полями. Подойдя к дяде, который сидел в кресле, Джимми протянул руку. Дядя ему своей руки не подал.

— Сядь, Джимми. Вряд ли наш разговор будет приятным.

— Стало быть, настолько неприятным, что ты не хочешь мне руку пожать?

Дядя посмотрел на него тяжелым взглядом.

— Не вполне уверен, что хочу пожать руку убийце.

Пораженный, Джимми нервно рассмеялся.

— Ну, это провокационное замечание. Хотелось бы мне знать, кого это я убил?! Просто интересно, кого именно и когда.

Он уселся в кресло напротив, шляпу положил рядом, на столик.

— Одного из моих репортеров, Карла Кляйна.

— Как я мог убить человека, о котором никогда даже не слышал?

Арчер подался вперед.

— Зато, полагаю, ты слышал о проекте «Оуэнс Вэлли»?

— Разумеется. Это великолепная идея, которая спасет будущее Лос-Анджелеса. Я никогда не понимал, почему твои газеты выступили против этого проекта.

— Потому что Билл Малхолланд и лос-анджелесский городской Совет, черт бы их побрал, украли целое озеро и реку у кучки ничего не подозревающих фермеров из северных областей, вот почему. Потому что Малхолланд — который на свой лад может считаться, даю слово, гениальным торговцем водой — послал своих людей в северные области, и эти люди активно принялись скупать там земли и воды, причем провернули это все с такой стремительностью, что фермеры из Оуэнс Вэлли и очухаться-то не успели, прежде чем поняли, чем это им грозит. А теперь люди Малхолланда намереваются строить гигантский акведук, чтобы провести всю воду из Оуэнс Вэлли, а это в двух с половиной сотнях миль, в Лос-Анджелес. Эта затея обойдется налогоплательщикам во многие миллионы, превратит Оуэнс Вэлли в пустыню, но зато набьет карманы

нескольким ловкачам. Это одна из наиболее крупных афер, до которых додумывались когда-либо жадные бюрократы и грязные бизнесмены.

— Погоди минутку! — прервал его племянник. — Тебе отлично известно, что Лос-Анджелес переживает одну из сильнейших засух за многие годы. Артезианские колодцы пересохли, и если городу не удастся получить новый источник воды, он перестанет расти и… развиваться! Какая же альтернатива проекту «Оуэнс Вэлли»?

— А тебе никогда не приходило в голову, что Лос-Анджелес изначально расположен в пустыне, что, может, именно в таком месте и не должно быть вообще никакого города?!

— Но это же глупо! Тут уже есть целый город, который с ужасной силой растет, и ему необходима вода. Та же самая проблема и у Сан-Франциско с резервуаром «Хетч Хетчи».

— Правильно, только мы все делаем на законных основаниях.

— Черт возьми, дядя Арчер! Я не для того поднялся на рассвете и притащился сюда, чтобы обсуждать с тобой проблемы городского водоснабжения. Какое, к черту, отношение имеет все это к возможному убийству одного из твоих репортеров?

Дядя откинулся на спинку кресла, вытащил из кармана записную книжку. Раскрыв ее, проверил некоторые данные.

— Два года назад ты обратился к Честеру за получением банковского займа в размере двухсот тысяч долларов, а в качестве обеспечения представил акции твоей матери в «Коллингвуд корпорейшн». При этом ты сказал Честеру, что деньги намерен вложить в компанию, которая занимается освоением новых земель и которая называется «Вэлли Фанд». Она, якобы, скупает дешевые земли в долине Сан-Фернандо.

— И что? Каким образом это делает меня убийцей твоего корреспондента? Извини, дядя Арчер, но без присутствия адвоката я более не намерен выслушивать от тебя все это.

— Ты не смеешь втягивать в подобное дело адвокатов! Это приведет к тому, что наше имя будут трепать по всей стране! — с жаром сказал дядя. — Предупреждаю тебя по-хорошему: если ты, Джимми, продашь свои акции «Вэлли Фанда» и уберешься из страны…

— Продать?! К черту! Эти акции принесут мне целое состояние!

— Не принесут, если я опубликую в газете условия сделки, заключенной твоими компаньонами. Именно об этой сделке разузнал Карл Кляйн, и это стоило ему жизни.

— Да о какой сделке? О чем, черт побери, речь? — Джимми вскочил с кресла. — Все это бред какой-то! Не знаю я никаких твоих проклятых

репортеров! И уж наверняка могу сказать, никого из них я не убивал. И никуда не уеду из этой страны. Более того, хочу сказать тебе еще кое-что. — Он порылся в кармане. — Твои газеты постоянно публикуют дерьмовые редакционные статьи о материнстве и семейных отношениях, о Доме и Флаге, тогда как заголовки остальных материалов пестрят сообщениями об убийствах, изнасилованиях, скандалах. А почему? Потому что тебе отлично известно, что именно эти материалы вынуждают людей покупать газеты. Позволь, я кое-что прочитаю из семейной переписки, а потом ты мне скажешь о святости своего дома.

Вытащив листок, Джимми прочитал:

— «Мой самый-самый дорогой Джимми, вот ключи от студии. Носи их возле своего сердца, любовь моя. Пожалуйста, дорогой мой, приезжай в Сан-Франциско так часто, насколько это возможно. Я умираю по твоим поцелуям, смысл моей жизни заключается в твоей любви. Твоя покорнейшая раба. — Он поднял на Арчера глаза и после некоторой паузы закончил: — Альма». Иначе говоря, Альма Коллингвуд Бретт, твоя дочь. Узнаешь бумагу и чернила, которыми все это написано?

Джимми приблизил листок к глазам Арчера, лицо которого побагровело.

— А теперь, дражайший дядюшка, если ты попытаешься навесить на меня этот скандал с убийством, я передам эту записку Дж. Дж. Ченнингу. Он будет более чем рад опубликовать ее в лос-анджелесской «Экспресс». Я уже сейчас мысленно вижу заголовок: «Поборник семейных ценностей обнаружил любовное гнездышко на своем заднем дворе». Может, моему варианту заголовка недостает журналистского изящества, однако общую мысль ты улавливаешь.

Арчер Коллингвуд, Легендарный Калифорниец, владелец четырнадцати национальных газет, председатель Совета директоров «Коллингвуд корпорейшн» — а корпорация к настоящему времени контролировала «Пасифик Бэнк энд Траст», сеть «Де Мейер и Кинсолвинг», состоящую из шести супермаркетов, страховую компанию «Золотой штат» и Судоходную компанию Кинсолвинга, — этот самый Арчер Коллингвуд уставился сейчас на своего племянника.

— Альма?! — прошептал он. — Моя дорогая Альма — твоя любовница?

— «Твоя дорогая Альма» выросла в знойную дамочку, дядя Арчер, и не думай, что я у нее первый! А дражайший кузен Честер, который дал мне банковский заем… Ты знаешь что-нибудь о его уютном любовном гнездышке на Рашн-Хилл?

— Да, знаю, ублюдок ты эдакий! Но Альма!..

— Известна среди так называемой «золотой молодежи» Сан-Франциско под кличкой «Берлингамская сука». В нашей семейке немало горячей крови и пылких сердец, дядя Арчер. Полагаю, что твоя английская кровь такая же горячая, как моя испанская. — Аккуратно сложив написанную Альмой записку, он положил ее в карман. — В любом случае я уверен, что наша сегодняшняя беседа несколько расширила твой кругозор. И поскольку у тебя нет ни малейшего доказательства моей причастности к этому убийству…

— Отчего же, есть.

Джимми замер на полуслове. Спокойная угроза, прозвучавшая в голосе дяди, охватила его волной ужаса.

— Признаюсь, когда полиция впервые известила Кертиса об убийстве, он и Дигби сразу же заподозрили, что ты причастен к этому делу. Затем им сообщили о том, что на убитом была обнаружена записка. Дигби и Кертис отправились в морг, чтобы ознакомиться с ее содержанием. — Арчер полистал записную книжку. — Записка датирована двадцать восьмым марта, она гласит: «Мистер Кляйн, если хотите разузнать больше о деятельности «Вэлли Фанд», я готов переговорить с вами. Ждите меня у причала прогулочных судов в Санта-Монике ровно в полночь». Подписано инициалом «Дж».

Джимми засунул руки в карманы и постарался как можно беззаботнее пожать плечами.

— Ну и что? У миллионов людей инициал «Дж.».

— Кертис по почерку определил твою руку. Однако мы еще не известили полицию — пока. Мы пытаемся защитить тебя, Джимми, хотя сейчас я начинаю сомневаться, а нужно ли…

— И все-таки у тебя нет доказательств.

— У тебя есть алиби относительно двадцать восьмого?

— Да. Я был на молитвенном собрании в Церкви Божественной медитации на Орегон-Авеню. Преподобная Ванда Уандер подтвердит, что весь тот вечер я находился с ней.

— Эта антисемитская дура?!

— Она имеет счастье разговаривать с самим Иисусом! Именно с ним она и общалась в ночь на двадцать девятое. Сам Иисус будет моим алиби!

— Ты что, спятил?!

— Может быть, спятил именно ты, пытаясь повесить на собственного племянника мокрое дело? Ничего у тебя не выйдет! Ну-с каким будет следующий ход, дядюшка Арчер?

Арчер несколько мгновений в упор смотрел на Джимми, потом сказал:

— Отлично, Джимми. Может быть, мы ошиблись. Может быть, ты не имеешь отношения к самому убийству. Но все же ты имеешь отношение к «Вэлли Фанд», а кроме того, ты — мерзавец.

— Альма думает по-другому. Она даже вышла бы за меня замуж, если бы я сделал ей предложение, и этот, как ты выразился, «мерзавец» может еще стать твоим зятем!

— Если подобная мерзость когда-либо случится, это будет означать, что Альма разбирается в людях много хуже, чем я полагал. Это будет для меня очень большим огорчением. Ты спросил, каким будет мой следующий ход. Я отправляюсь в Сан-Франциско, чтобы поговорить со своей матерью. Намерен убедить ее вычеркнуть тебя из ее завещания, а это будет стоить тебе, Джимми, очень больших денег.

— Она не сделает этого! — прошипел Джимми. — Бабка меня любит!

— Нет, сделает, когда я порасскажу ей о твоих аферах. А теперь выметайся из моего вагона к чертям собачьим, после тебя здесь нужно хорошенько проветрить!

— Я натравлю на тебя Альму!

— Черт тебя побери, Джимми, твои угрозы похожи на клубы дыма. Делай, негодяй, что угодно. Если Альма настолько глупа, чтобы слушать тебя, пусть получает по заслугам! А теперь убирайся. Не желаю больше никогда тебя видеть! Вон!

Трясясь от ярости, Джимми схватил со стола шляпу и направился в дальний конец вагона. Потом вернулся и сказал:

— Если только бабка вычеркнет меня из завещания, я сделаю так, что весь остаток своей жалкой пропитой жизни мать будет горько жалеть об этом.

Оставив вагон, он выпрыгнул на железнодорожные пути. Несмотря на всю свою браваду, Джимми был панически напуган. «Записка! — думал он, шагая по путям к платформе. — Как же я мог так сглупить, что оставил записку на проклятом теле?!» Джимми никогда еще не видел дядю в такой ярости. Было чертовски необдуманно настроить против себя дядю Арчера! Эх, бабкины деньги, прекрасные жидовские деньги!.. Но она не может лишить его наследства!..

Он остановился, увидев, как пятится по железнодорожной колее паровоз, двигаясь к личному вагону дяди Арчера, чтобы прицепить этот вагон к поезду «Сан-Франциско Лимитед».

«Что ж, — подумал Джимми, — может быть, именно мне нужно съездить в Сан-Франциско? Поеду, переговорю с бабкой, установлю

мирные отношения со всеми. Может, даже увижу Альму, пусть *она*обработает отца…»

Он побежал в здание вокзала, чтобы купить билет в вагон первого класса до Сан-Франциско.

Глава третья

В сан-францисской «Таймс-Диспетч» 17 апреля 1906 года появилась следующая заметка:

ГОРОДСКИЕ СПЛЕТНИ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ ОТ СИДНИ ТОЛЛИВЕРА

Сегодня вечером мистер и миссис Дэвид Левин устраивают прием в своем особняке на Ноб-Хилл. На обеде будет присутствовать его честь мэр Юджин Шмиц, которому миссис Левин намерена сделать еще один направленный на благо города подарок. Миссис Левин, которую все жители Сан-Франциско знают как «Эмму», без сомнения, может считаться доброй феей и главной благотворительницей нашего города. Среди множества ее прошлых даров следует назвать Мемориальный госпиталь Арчера Коллингвуда, пожертвование десяти миллионов долларов в дар Калифорнийскому университету, пяти миллионов — нашему оперному театру, а также немало других, анонимных, пожертвований, все сейчас просто невозможно перечислить. Поговаривают, что сегодня вечером будет объявлено о ее пожертвовании на строительство Музея изящных искусств. Если о каком-нибудь жителе Сан-Франциско и можно сказать, что он представляет все самое лучшее, что есть в нашем городе, то это, без сомнения, наша дорогая и любимая Эмма.

Альма Коллингвуд Бретт выбирала драгоценности, которые она наденет на даваемый бабушкой обед, когда в ее берлингамской спальне зазвонил телефон.

— Трубочку можешь взять, сладенькая моя? — крикнул из ванной ее муж. — Я еще бреюсь…

Альма взяла два из десяти бриллиантовых браслетов, которые лежали в кожаном футляре флорентийской работы, затем прошла через всю огромную спальню и подняла трубку французского телефонного аппарата из слоновой кости и золота.

— Да?

— Альма, это Джимми.

Она подобралась, бросила взгляд на далекую дверь в ванную комнату,

где возле умывальника стоял Себастьян.

— Нет, мне не требуется подписка на «Субботнюю вечернюю почту», — произнесла она, пользуясь их условленным кодом, что означало «муж рядом».

— Я должен увидеть тебя. Я только что приехал в Сан-Франциско.

— Мы идем на обед к бабушке, — прошептала она. — Будем там всю ночь.

— Я тоже буду там. Уточни номер моей комнаты у прислуги.

— Мне бы хотелось, чтобы вы прекратили докучать мне, — громко сказала она. — Я терпеть не могу вашу «Субботнюю вечернюю почту»! — И она швырнула трубку на рычаг.

— Кто это был, сладенькая моя? — крикнул правивший бритву Себастьян, великан около шести футов роста, который в бытность студентом играл нападающим за команду Йельского университета и был сейчас наследником огромного состояния, нажитого на добыче серебра.

— Звонил какой-то идиот, пытался уговорить меня подписаться на «Субботнюю вечернюю почту».

— Снова? Черт возьми, никак не хочет угомониться этот тип! Это, наверное, самый настырный распространитель журналов во всей Америке.

Альма чуть приподняла бровь, удивленная тем, до чего же все-таки глуп ее муж.

— Может, подписаться, чтобы уж он наконец заткнулся?

В комнату вошла служанка Альмы Лили.

— Мисс Альма, вы уже выбрали драгоценности?

— Да, заверните вот эти два браслета, — она передала украшения Лили, — а также сапфировое ожерелье и еще парные к нему серьги.

— О, с серебристым платьем эти сапфиры просто божественны!

— Для бабушки я должна выглядеть как можно привлекательней. Скажите Энтони, чтобы через двадцать минут подавал машину.

— Слушаюсь, мадам.

«Джимми… — подумала Альма и тотчас же ощутила приятное возбуждение. — Интересно, что у него случилось? У него был такой испуганный голос».

Она вновь бросила взгляд в сторону ванной комнаты. Себастьян закончил бриться и теперь, подавшись к зеркалу, внимательно разглядывал свое лицо, нет ли на нем порезов.

«Вот буйвол, — подумала Альма. — Может, если ночью он, как всегда, напьется, я смогу тихонечко прокрасться в комнату Джимми?..» Ее сердце учащенно забилось, стоило только Альме подумать, как замечательно они с

Джими смогли бы заняться любовью! По сравнению с Джимми, ее муж был похож на вареную рыбу. Альма была убеждена, что в тот самый момент, когда Себастьян засовывал в нее член, он неизменно думал о своей бирже и биржевых делах. Одно только утешало: с каждым месяцем их ужасного замужества это делалось все реже и реже.

— Не понимаю, почему меня не пригласили на обед к твоей бабке, — сказала Элли Донован, жуя шоколадное пирожное. Она сейчас возлежала на диване в своей спальне на Рашн-Хилл. — Можно подумать, что я заразная какая-нибудь…

— Все равно тебе там было бы страшно скучно, — ответил ее любовник Честер Коллингвуд, который, стоя перед небольшим зеркалом, повязывал себе белый галстук.

— Хватит врать, Честер! Мне отлично известно, почему меня обошли приглашением. Я представляю из себя женщину, которую ты держишь подальше от своей семейки, потому и поселил меня здесь, на Рашн-Хилл, как какую-нибудь дешевку-актрису! Я так и слышу, как в твоей семейке судачат обо мне: «О, моя дорогая, она, эта женщина, такая ужасная дешевка, она, представьте себе, красит лицо…» Да, я уж читала про твою семейку. Одна твоя бабка чего стоит — шлюхой была в кафе «Бонанза!»

— Мы стараемся смотреть на это сквозь пальцы, — сказал Честер, младший из сыновей Арчера и Арабеллы. Они с Альмой унаследовали ослепительную красоту родителей своего отца.

— Все вы — шайка снобов с Ноб-Хилл, которые на всех в этом городе смотрят свысока. Иногда у меня возникает желание послать тебя к черту. А ведь если я не буду радовать тебя в постели, тебе, поверь, будет очень меня недоставать. Все ваши недотроги из высшего света искренне убеждены, что секс — это занятие для бродячих собак, но никак не для них.

— Думаю, что здесь ты несколько ошибаешься.

— Значит, поэтому ты и не женишься на мне?

— Моя сладчайшая Элли, подобно всему, что исходит от тебя, такое предположение просто очаровательно!

— Ерунда!

Он подошел и поцеловал ее.

— И если ты подойдешь к камину и заглянешь в лежащий на полке конверт, ты обнаружишь там билет на спектакль Джона Барримура в «Тиволи». Начало ровно через час, так что самое время тебе начать одеваться.

Красивое лицо Элли осветилось.

— Он самый обворожительный актер в Америке!

— А ты — самая обворожительная актриса. Я вернусь около полуночи и расскажу о самом тягомотном обеде у моей высокомерной бабки. Потом мы будем трахаться до утра.

— Звучит великолепно, — хихикнула Элли. — Это мой любимый вид спорта.

— И ты в нем очень хорош, дорогой. Спасибо за билет. Извини, что была занудой. Ты ведь знаешь, что я и вправду люблю тебя.

Честер еще раз поцеловал ее и заспешил вниз по лестнице дома, который он арендовал специально для Элли. Была туманная ночь. Вице-президенту «Пасифик Бэнк энд Траст» и сыну Коллингвуда самой судьбой было предназначено когда-нибудь возглавить семейный бизнес, а Кертису — руководить всеми семейными газетами. Усевшись в шикарный лимузин, стоимость которого составляла невероятную сумму в пять с половиной тысяч долларов, Честер отправился сквозь туман на Ноб-Хилл.

Автомобиль, подобно личному железнодорожному вагону, был игрушкой лишь очень богатых людей, но многие уже поняли, что какими бы отравленными ни были выхлопы двигателей, все-таки загрязнение города автомобилями было куда меньшим, чем от конского навоза. Хотя, с другой стороны, навоз источал дурной запах, ощутимый лишь на расстоянии в несколько футов, тогда как отравленные выхлопные газы автомобилей поднимались в атмосферу, отравляя всю планету.

— Но вы должны дать мне комнату, — говорил Джимми Лопес, стоя возле стойки администратора в «Гранд-Отеле».

— Мне чрезвычайно жаль, сэр, но отель заполнен до отказа, ответил администратор. — Сеньор Карузо исполняет партию дона Хосе в «Кармен» сегодня вечером, и любители оперы со всего Запада прибыли в город.

— Вы ведь недавно здесь работаете, так?

— Именно так, сэр.

— Стало быть, вы не знаете, кто я такой. Я племянник Арчера Коллингвуда и хочу вам напомнить, что тесть Арчера Коллингвуда как раз и выстроил этот отель. А теперь, черт возьми, дайте мне комнату!

Управляющий поколебался.

— У нас есть двухкомнатный номер на самом верхнем этаже, это номер 6-А.

— Вот это другое дело. Я полагаю, мистер и миссис Себастьян Бретт тоже остановились у вас?

— Да, сэр. Они в таком же точно номере, как раз под вами.

Джимми вытащил из бумажника двадцатидолларовую купюру и вложил ее в ладонь администратора.

— Потрудитесь сообщить миссис Бретт, в каком номере я остановился.

За две мили от отеля по дну Сан-Францисского залива двигались десятки крабов-отшельников. Им приходилось делить океан с миллионами уникального вида креветок, называемых crago franciscorum. Прятавшийся под одной из подводных скал осьминог представлял собой одного из наиболее тихих, застенчивых и потому неприметных обитателей залива, и это несмотря на то, что в схватке осьминог мог смертельно поразить противника. Поверху плыл огромный электрический скат, надеясь поживиться устрицами — своей излюбленной пищей.

Далеко внизу, под океанским дном, по линии Сан-Андреасского разлома накапливалось титаническое давление, высвобождение которого было эквивалентно взрыву двенадцати миллионов тонн тринитротолуола. Этого количества взрывчатки было бы вполне достаточно, чтобы разрушить всю хрупкую экологию океана.

Что-то огромное намеревалось сдвинуться с места, и этим огромным был город Сан-Франциско.

Глава четвертая

Огромный особняк на Ноб-Хилл был ярко освещен, как и всегда во время многочисленных торжеств, происходящих под его крышей на протяжении последних трех десятков лет. Домашняя прислуга Эммы — а в особняке постоянно находилось два десятка слуг — занималась своими обязанностями с привычной точностью и скрупулезностью. На кухнях, расположенных в подвальном этаже, полным ходом шла работа. Французский шефповар завершал последние приготовления к гастрономическому гала-концерту. Сегодняшнее событие, по иронии судьбы, куда в большей степени, чем шестилетней давности новогоднее торжество, знаменовало вхождение города Сан-Франциско в XX век. Классическое, составленное по канонам XIX века, меню обеда Эммы, которое было просмотрено и одобрено поседевшим Кан До, выглядело весьма продуманным:

Устрицы
Шабли
Консоме «Руайяль»
Шерри «Изабелла»

Лосось «гласе», запеченный а-ля Шамбор
Сотерн
Белая кровяная колбаса а-ля Ришелье
«Шато ля Тур»
Говяжье филе а-ля Провиданс
Шампанское
Паштет из гусиной печенки
«Шато д'Икем»
Запеченная в тесте куропатка по-сенаторски
«Кло Вужо»
Котлеты из ягненка «соте» со спаржей
Шербет
Бекасы с кресс-салатом
«Шато Марго»
Французский салат
Десерт

Молодой шеф-повар, который проходил стажировку у Эскофье в парижском «Ритце», считался самым лучшим в Сан-Франциско и, подобно всем жителям «Американского Парижа», получил тут прозвище «Кескиде», явившееся местным вариантом французской фразы «Au'est qu'il dit?» — «Что он говорит?» Сейчас повар колдовал над одной из восьми больших плит, где готовился соус для дичи.

Наверху, на третьем этаже, в картинной галерее Маргарет Гиллиам, секретарь Эммы по связям с общественностью, в самый последний раз проверяла, где кому из приглашенных отведено место за огромным овальным столом, который специально по случаю такого торжества был установлен в зале. На нем красовалось знаменитое столовое серебро Эммы, изготовленное в Париже мастером Томиром в 1820-х годах прошлого века (точно такое же серебро было впоследствии приобретено президентом Джеймсом Мэдисоном для Белого дома).

Под стать серебру были тарелки — Лиможский сервиз, изготовленный по заказу Екатерины Великой. На стол было также выставлено огромное блюдо из позолоченного серебра, некогда принадлежавшее королю Франции Луи-Филиппу. Шесть огромных канделябров из позолоченного серебра, в каждом из которых было по дюжине свечей, придавали всему столу поистине царский вид, задавая соответствующий тон всему вечеру. Между канделябрами, подобно белым разрывам фейерверка, застыли белоснежные тюльпаны, любимые цветы Эммы. Возле каждого прибора

стояло на специальной фарфоровой подставочке каллиграфически выполненное меню, вокруг которого были расставлены по шесть хрустальных бокалов, вручную сработанных стеклодувами с острова Мурано для одного из венецианских дожей XVIII века. В последнюю четверть века Эмма потратила многие миллионы долларов, однако стиль Ротшильдов ей пока не прискучил.

Поскольку она считалась одной из первых женщин Сан-Франциско, кто еще десять лет назад провел в свой дом электричество, что произошло вскоре после того, как Эмма вышла замуж за Дэвида Левина, то висевшие в картиной галерее около сорока полотен были ярко залиты электрическим светом. А какие это были полотна! Тут были прекрасно представлены старые мастера: Ватто, Рубенс, Рембрандт, де Латур, Копли, Энгр, Фра Анжелико, Фра Липпо Липпи, а также две работы Тициана и три полотна Гейнсборо.

За последние десять лет Эмма начала приобретать также и некоторые работы современных французских художников: Дега, Моне, две картины Мане, две блестящие работы Ван Гога. Современные полотна, приобретаемые Эммой, вызвали немало усмешек и даже насмешек, когда Эмма впервые вывесила их в галерее, однако теперь эти полотна вызывали всеобщее восхищение. Консервативный Сан-Франциско, словно осторожный кот, подошел и уже сунул лапу в страшноватые воды потока, который уже начали называть «современным искусством».

К парадному подъезду особняка подкатил лимузин «грейт эрроу». Позади шофера восседала Зита, которая для женщины восьмидесяти с лишним лет выглядела весьма неплохо. На шее у нее было бриллиантовое колье, которое подарил ей Феликс де Мейер в 1890 году и куда входили еще восемь больших рубинов «голубиная кровь», сделанных из знаменитого рубина «Могок», найденного в Северной Бирме. Это колье было одной из многих драгоценностей, которые Феликс подарил своей любимой женщине. Когда в 1894 году он умер, то оставил Зите около десяти миллионов долларов, а остальной свой капитал, в том числе половину сети супермаркетов «Де Мейер и Кинсолвинг», он завещал Эмме. Когда Феликс лежал на смертном одре, Зита держала его руку, а он шептал ей: «Я всегда любил тебя, всегда…» Для Зиты, которая всю жизнь верила в Настоящую Любовь, эти слова были дороже всех драгоценностей и денег.

Выбравшись из автомобиля, она направилась к сделанным из полированной стали и стекла входным дверям, которые перед ней услужливо распахнул порядком постаревший Кан До.

— Добрый вечер, Кан До, — сказала она с улыбкой. — Тайтай у себя в

комнате?

— Оу, да, мисси Зита, и очень есть расстроена.

— В самом деле? Из-за чего же?

— Ей не нравится цвет нового платья, которое вы сделать ей к сегодняшнему вечеру.

Зита вздохнула.

— Чувствую, опять назревает спор.

Пройдя по мраморному полу фойе, она начала подниматься по огромным каменным ступеням, бросив взгляд на огромный портрет Эммы. «Сколько же времени утекло с того дня, когда все мы прибыли в Калифорнию», — подумала она. Одолевая сейчас ступени лестницы, она подумала о том, о чем нередко задумывалась в последнее время: кому же оставить свое состояние? Ведь у нее были не только деньги Феликса, но и те деньги, которые она сама заработала на пошиве платьев. И вот надо же: у нее так много денег — и никого из близких родственников, кому можно было бы их завещать. Зита с грустью вспомнила о своей дочери, жестоко убитой кровожадным южно-американским диктатором полвека назад. Она вспомнила, как ее жизнь чудесным образом переплелась с жизнью семьи Феликса, и ей пришло в голову, что, может быть, оставить свое состояние кому-нибудь из них. Направляясь в комнату Эммы, она прикидывала: «Может, Джоэлу, сыну Кертиса? Он самый молодой, и в этом случае меня будут поминать добром на протяжении текущего века».

— Да, скорее всего, Джоэлу.

Открыв дверь спальни, Зита увидела, что Эмма стоит перед огромным, в полный рост зеркалом и придирчиво изучает новое платье.

— Кан До сказал мне, тебе не пришлось по душе новое платье, — сказала Зита, входя в спальню.

— Оно фиолетовое, — отвечала Эмма. — Только пожилые женщины носят фиолетовый цвет.

— Глупости. Фиолетовый тебе очень идет.

— Но тем не менее это старушечий цвет. Пусть мне сейчас семьдесят четыре, однако я не чувствую себя старухой. В этом платье я выгляжу так, как будто мне пора усаживаться в инвалидное кресло.

— Послушай, я шью тебе наряды столько лет, что лучше не упоминать вслух, сколько именно. Скажи, был ли хоть один случай, когда я оказывалась неправа?

— Не было. Сегодня — первый раз, причем в такой вот день! Само платье превосходное, только вот цвет его мне не нравится.

— А вот и Дэвид. Пускай он рассудит нас.

Дэвид вошел в спальню, одетый в белый фрак с белым галстуком. Несмотря на то что он был на четыре года старше Эммы, он до сих пор выглядел на удивление подвижным. Волосы его и борода приобрели красивый снежно-белый оттенок.

— Эмме не нравится это платье, — сказала Зита, — а тебе?

Дэвид подошел к двум пожилым дамам.

— Думаю, платье восхитительно. Дорогая, ты никогда прежде не выглядела такой очаровательной.

— Это, конечно же, ложь, но в мои годы уже никакой лестью пренебрегать нельзя. Ну хорошо, будем считать, что фиолетовый — вовсе не старушечий цвет. Я надену это платье.

— Арчер внизу, — сообщил Дэвид. — Он только что прибыл из Лос-Анджелеса и спрашивает, можно ли провести вечер в твоем доме, поскольку Арабелла еще в Нью-Йорке.

— Конечно. Пусть отправляется в свою комнату, она полностью в его распоряжении.

— Он хочет поговорить с тобой. Кажется, он чем-то расстроен.

— Скажи, чтобы поднялся ко мне.

— Я передам, — сказала Зита, направляясь к дверям. — Я как раз собралась вниз, чтобы не мешать двум влюбленным голубкам.

— Влюбленным голубкам?! — воскликнула Эмма, когда дверь за Зитой закрылась. — Это в нашем-то возрасте? Зита явно уже немного ку-ку.

Дэвид обнял и поцеловал жену.

— Ну, не знаю, не знаю… Ты сегодня так прекрасна, что я чувствую себя почти шестидесятилетним. Так что с моей стороны не исключена какая-нибудь глупость.

Она рассмеялась и погладила его по щеке.

— Если в нашем с тобой возрасте позволять себе какие-нибудь глупости, можно запросто оказаться в больнице. Вот что, я хочу на сегодняшний вечер дать тебе в пару сенаторскую жену, чтобы ты ее развлекал.

— Огромное тебе за это спасибо. Последний раз, когда мне доводилось ее развлекать, она только и говорила, что о гардеробе Алисы Рузвельт.

— Да, она зануда, я знаю, но таковы жены подавляющего большинства политиков. Придется тебе с этим смириться.

— Я очень горд тем, что ты устраиваешь сегодня, Эмма. Музей для города — это потрясающий подарок. И все твои картины!

В глазах у нее мелькнуло какое-то детское волнение.

— Ты думаешь, им это понравится?

— Понравится ли? Разумеется! Они будут круглыми идиотами, если им это не понравится. Это самая замечательная вещь, которую ты когда-либо делала.

— Ну уж нет, — мягко сказала она. — Самая замечательная вещь, которую я когда-нибудь совершила, это когда вышла за тебя замуж. Если бы ты знал, дорогой, как я люблю тебя! Ты сделал меня счастливейшей женщиной Америки.

Она поцеловала его, после чего они, держась за руки, пристально посмотрели друг другу в глаза. Сейчас они и впрямь, выражаясь словами Зиты, выглядели как два влюбленных голубка.

Раздался стук в дверь и вошел Арчер. Эмма по его лицу тотчас заметила, что что-то действительно случилось. Арчер, обыкновенно такой жизнерадостный, полный сил и энергии, сейчас выглядел потухшим. Подойдя к матери, он поцеловал ее, затем обменялся рукопожатием с Дэвидом.

— Ну как там Лондон? — поинтересовалась Эмма, направившись к стенному сейфу, скрытому благодаря отодвигавшейся панели.

— Туманен и дождлив. Сегодня утром у меня с Джимми была отвратительная встреча. Отвратительная. — Он присел в ногах обтянутого ситцем материнского шезлонга. — Разговор расстроил меня до такой степени, что впервые в жизни я не знаю, что делать.

— Стало быть, ты убежден в том, что именно он убил Карла Кляйна? — спросила Эмма, поворачивая наборную ручку сейфа.

Внук Кертис держал ее в курсе этого дела, равно как она была в курсе всех тех дел, которые имели отношение к ее гигантской империи, которую Эмма по-прежнему контролировала, если даже не управляла…

— Нет, я не уверен, что он убил Кляйна. Он утверждает, что у него алиби, потому что он был со своей сумасшедшей евангелисткой — преподобной Вандой Уандер.

— С антисемиткой.

— Совершенно верно.

— Странная, мягко говоря, компания для одного из моей семьи, — заметила Эмма. Открыв сейф, она вытащила две кожаные шкатулки, на каждой из которых большими буквами была сделана надпись: «Felix de Meyer, Haute Joaillerie [42], Сан-Франциско». Обе шкатулки она поставила на туалетный столик.

— Действительно, странно, — согласился Арчер.

— А что насчет «Вэлли Фанд»? — продолжала мать, открыв большую из шкатулок и вынимая бриллиантовое колье с восемью изумрудами,

каждый из которых был размером с голубиное яйцо: эти камни ее покойный отец купил у одного индийского махараджи. Дэвид помог ей застегнуть колье. — Имеем мы какие-нибудь доказательства, что Ченнинг намерен использовать лос-анджелесский акведук, чтобы провести воду в долину Сан-Фернандо?

— Карл Кляйн имел эти доказательства у себя в голове, поэтому его и пристрелили.

— Я все же не понимаю, — сказал Дэвид, — что это за проблема с долиной Сан-Фернандо?

— Генерал Ченнинг и его компаньоны, включая Джимми, по чудовищно низкой цене приобрели много сотен акров земли, — сказала Эмма, вдевая в уши серьги. — Сейчас это голая пустыня, однако если с помощью акведука они сумеют провести туда воду, то из пустыни сделают равнину и будут лопатой грести деньги. Причем получится так, что остальные налогоплательщики Лос-Анджелеса проголосуют за билль по добыче воды, тогда как сами с этого ни пенни иметь не будут. Это грабеж на большой дороге, но очень изощренный грабеж. Правда, в данном случае лучше сказать не «грабеж на дороге», а «грабеж на воде». — Она обернулась к сыну. — Но если ты не думаешь, что Джимми убил Карла, что же в таком случае произошло сегодня утром, что ты так расстроен?

— Дело в Альме, — сказал Арчер. — Джимми — ее любовник.

— Боже! И с каких же пор?!

— Понятия не имею. Известие прямо-таки подкосило меня. Ты же знаешь, как я буквально дышал над ней. Я-то, дурак; думал, что они с Себастьяном счастливы, но теперь… И из всех мужчин именно Джимми! Этот грязный, омерзительный…

Эмма подошла и села рядом с сыном на шезлонг. Взяв его за руку, она заметила в его глазах слезы.

— Дорогой, ты в этом абсолютно уверен?

Арчер кивнул.

— Он показал мне ее записку. Она послала ему ключ от своей студии. Боже, такое чувство, будто вся жизнь пошла крахом, а я — страшный неудачник.

— Не глупи. Уж кто-кто, но только не ты неудачник. Все мы ужасно гордимся тем, что тебе удалось сделать в газетном бизнесе. Даже Дэвид признал, что совершенное тобой сродни чудесам. А ведь не секрет, что он не самый ярый твой приверженец.

— Да, мне удалось сделать чудеса. Я превратил свои газеты в цирк. Джимми популярно объяснил мне это сегодня. Он сказал, что я строчу

редакционные статьи о материнских чувствах и гордости национальным флагом, а сам завлекаю читателей заголовками об убийствах и изнасилованиях, чтобы газеты лучше раскупались. И, черт побери, он прав! Если бы ты только видела подлое выражение на его мерзкой роже, когда он показал мне записку Альмы…

— Арчер, ты можешь как угодно называть Джимми, но только у него никак не рожа.

— А для меня его лицо — именно рожа. Более того, я даже думаю, что и Альму он затащил к себе в постель только для того, чтобы иметь против меня оружие на случай, если я пойду против него и против ченнинговской затеи с «Вэлли Фанд». В любом случае сегодня вечером он уже в Сан-Франциско. Я видел его на вокзале. Надеюсь, ты не приглашала его на обед?

— Нет.

— Значит, он приехал, чтобы как-нибудь остановить меня.

— То есть?

— Чтобы я не успел поговорить с тобой о том, чтобы ты вычеркнула его из завещания.

Эмма была потрясена. Тут зазвонил телефон.

— Я подниму трубку, — сказал Дэвид, направляясь к ночному столику и поднимая трубку внутреннего домашнего аппарата. — Да? — Некоторое время он слушал, потом положил трубку. — Звонил Кан До. Приехали сенатор и мэр Шмиц.

— Тогда нужно спускаться вниз. — Эмма поднялась и погладила сына по голове. — Мне очень жаль, что все так получилось с Альмой, — сказала она, — но, может быть, все еще образуется?

— Как? Такие вещи никогда не образуются.

— Она твоя дочь. Естественно, что ты думал, будто она святая, но дело в том, что в этом мире не слишком-то много святых.

Арчер поднялся.

— Мой отец часто повторял, что не оправдал надежды индейцев. Однако, если он и неудачник, то неудачник, достойный уважения. Я же — просто неудачник, и все тут.

Эмма резко повернулась к нему, и ее аметистовые глаза сверкнули, как в былые времена.

— Ну хватит! — сказала она. — Хватит заниматься самобичеванием, Арчер. Ты совершал в жизни ошибки — все мы ошибаемся, но ты отнюдь не неудачник. В этой семье нет неудачников. Это касается меня, тебя, это касается… — Она повернулась в сторону Дэвида и протянула ему руку,

вспомнив сейчас тот день, когда он сделал ей предложение. — Особенно это касается моего любимого мужа. В чем-то мы все неудачники, однако терпя неудачу в одном, мы добиваемся успеха в другом, и так всю жизнь. А теперь пойдем-ка вниз, пора встречать гостей. — Она подала сыну другую руку, и они пошли к двери. — Но я намерена сделать так, чтобы Джимми был наказан. Может быть, я лишу его наследства в пользу его сестер. Они очень милые, особенно Алисия. Я должна хорошенько подумать. Ну, а пока в моем доме праздник, которого я ждала очень долго. Будем веселиться.

* * *

— Я хочу поблагодарить всех, кто счел возможным прийти сегодня ко мне, — говорила Эмма два с половиной часа спустя, когда последние блюда утонченного обеда были убраны со стола. — А теперь вам придется заплатить за те яства, что приготовил для нас Ален, и выслушать мою небольшую речь, хотя я обещаю вам, что она будет короткой. Дэвид собирался помочь мне в составлении речи, но немного простудился, что, конечно же, ложь: всем вам известно, что при каждом удобном случае я произношу речь.

Длинный овальный стол взорвался смехом, и в свете свечей засверкали драгоценные камни. В этом зале собрались сливки города Сан-Франциско: промышленные магнаты, крупные брокеры, общественные лидеры, а также мэр Сан-Франциско и несколько сенаторов от штата Калифорния. Эмма стояла во главе стола, ее седые волосы были зачесаны наверх, что придавало ей несколько напоминавший пуделя вид, который за многие годы стал чем-то вроде ее торговой марки.

— Я приехала в Сан-Франциско пятьдесят шесть лет назад, — продолжала Эмма. — Мне пришлось огибать Южную Америку вместе с моим дражайшим покойным отцом; мы плыли на корабле, который принадлежал моему первому мужу, Скотту Кинсолвингу. В те времена Сан-Франциско и городом-то в настоящем смысле этого слова не был. Помню, первым впечатлением, которое на меня произвел этот город, было: *дыра.*А Скотт тогда сказал: «Погоди, пусть этот город чуточку подрастет». И он был прав. Город вырос, теперь нас, жителей, почти полмиллиона, хотя в это трудно поверить. Говорят, что Калифорния — это штат будущего. Не исключаю, что те, кто так думает, окажутся правы. — Она сделала паузу, отпила воды. — Как бы там ни было, но в те годы мы все жили исключительно мечтами о лучшем будущем, — продолжала Эмма. — Мы мечтали о великом городе с больницами, отличными школами, хорошо работающими предприятиями, собственной оперой. И вот сегодня мы все

это имеем; единственное чего у нас нет, это Музея изящных искусств. — Тут она лукаво улыбнулась. — И я намерена восполнить сей досадный пробел.

За столом раздались оживленные восклицания, глаза всех присутствующих обратились к развешанным по стенам замечательным картинам.

Рано утром 18 апреля город утопал в тумане и мглистой дымке. В десятиэтажном здании страховой компании «Золотой штат», расположенном на Монтгомери-стрит между Калифорния-стрит и Саттер-стрит, было темно. Далее по Монтгомери-стрит, в здании компании «Пасифик Бэнк энд Траст» горели всего два-три окошка, поскольку все двадцать четыре часа в сутки требовалось следить за многочисленными счетами банка и котировкой ценных бумаг как на бирже Сан-Франциско, так и на нью-йоркской бирже. Еще дальше по Монтгомери-стрит, в доме номер 15, где располагалась редакция «Таймс-Диспетч», свет горел во всех окнах: газетчики готовили утренний выпуск с кричащим заголовком: «Эмма дарит городу свои картины и музей!»

Театры уже опустели, однако в барах многочисленных отелей было битком народу: обожавшие вечеринки горожане и гости праздновали визит в Сан-Франциско великого Карузо и молодого Джона Барримора. На Ноб-Хилл сказочно богатый Джеймс Бен Али Хаггин давал ужин после театрального выступления певца, и ужин этот был почти такой же блестящий, как и прием, который устроила Эмма.

В июне 1836 года мощное землетрясение разрушило всю округу Сан-Франциско и порт, и хотя тогда стихией были нанесены огромные разрушения, погибло всего несколько человек, поскольку жителей в городе было очень мало. Два года спустя землетрясение еще раз тряхнуло весь Сан-Францисский полуостров. Открылся громадный разлом, южный конец которого дотянулся до Санта-Клары; от землетрясения стены многих домов пошли трещинами как в Пресидио, так и в Миссис Долорес. В 1857, 1865 и 1890 годах трясло вдоль всего Сан-Андреасского разлома, а в 1868 году землетрясение случилось возле Хейуардского разлома на восточной стороне залива.

Сан-Андреасский разлом считается одним из древнейших разломов земной коры; он идет от мыса Мендосино в Северной Калифорнии до пустыни Колорадо, восточнее Лос-Анджелеса. В районе Сан-Франциско разлом проходит под Тихим океаном неподалеку от Золотых Ворот. Когда

мэр города Юджин Шмиц развлекался и наслаждался за столом гостеприимной Эммы на Ноб-Хилл, его мысли куда больше были сосредоточены на еде и винах, нежели на проблемах городского водоснабжения. Хотя расположение Сан-Андреасского разлома было прекрасно известно, хотя беды проистекшие за последнее время от этого разлома также были свежи в памяти многих горожан, однако трубы диаметром в тридцать футов, по которым Сан-Франциско снабжался питьевой водой, в нескольких местах пересекали этот разлом. В случае повреждения труб было бы негде раздобыть воду для тушения пожаров.

Это был готовый рецепт катастрофы, и хотя никто об этом не знал, катастрофа была на подходе.

Глава пятая

От стука в дверь Джимми тут же проснулся. Выскочив из постели, накинул красный шелковый халат поверх пижамы, прошел в гостиную своего двухкомнатного номера, включил свет и открыл дверь.

Облаченная в розовый пеньюар, на пороге стояла Альма.

— Позволь войти, — прошептала она.

Он отошел в сторону, пропуская Альму, и она торопливо скользнула в номер. Он закрыл дверь, запер ее на ключ, схватил Альму в объятия и начал целовать.

— Себастьян наконец отрубился, — все так же шепотом сказала она. — Я прокралась по пожарной лестнице и страшно боялась, что кто-нибудь из охраны отеля заметит меня.

— Сколько сейчас времени?

— Шестой час.

— Себастьян не придет в себя до полудня. Отлично. Давай-ка быстро в постель, — и он повел ее в спальню.

— Нужно будет нам с тобой придумать какой-нибудь другой журнал, а то даже у Себастьяна могут возникнуть подозрения, если всякий раз делать вид, будто это из «Субботней вечерней почты», — сказала она.

— Как насчет «Новейшего любовного романа»?

— О, мне нравится. Папуля меня сегодня у бабушки буквально заморозил. Как ты думаешь, он может что-нибудь знать про нас?

— Откуда? Мы ведь так осторожны!

— Ну, если ты считаешь, что использование пожарных лестниц — это проявление осторожности, тогда да, без сомнения.

Спальня сейчас была заполнена мягким пастельным светом, какой обычно предшествует восходу солнца. Джимми снял с Альмы пеньюар и

бросил его в кресло. Затем спустил с ее плеч бретельки ночной рубашки и начал целовать плечи. Альма закинула голову и закрыла глаза, когда он начал медленно продвигаться губами к ее груди.

Восходящее солнце начало понемногу нагревать воздух и рассеивать туман; ему в этом помогал свежий ветерок. Все предвещало отличный день. Ден Уайлдер, рыжеволосый юнец-репортер, работавший в «Таймс-Диспетч», вышел на Монтгомери-стрит и широко зевнул. Он весь вечер и всю ночь просидел за рабочим столом, обрабатывая статью о бейсболе, которая должна была пойти во вторник. Улицы были практически безлюдны, когда он направился к себе домой. Тут из-за угла вырулила «пирс-эрроу» и с ужасным грохотом покатила по Монтгомери-стрит, пьяно виляя из стороны в сторону. Когда машина поравнялась с ним, Уайлдер увидел, что в ней сидели несколько пьяных мужчин и женщин в вечерних туалетах. Однако такой пьющий город, как Сан-Франциско, пьяными выходками удивить было весьма непросто.

Впрочем, горожане пили также и молоко. Уайлдер как раз в эту минуту заметил, как на улицу выехала влекомая лошадью тележка молочника.

Стрелки знаменитых часов на башне Ферри-билдинг показывали двенадцать минут шестого. Минутная стрелка больше чем на половину деления (фактически на тридцать восемь секунд) продвинулась к тринадцатой минуте, как вдруг часы остановились.

— О, Джимми, как хорошо!.. О… О… О!.. Боже!..

По словам Джимми, Альма во время занятий любовью бывала «шумной штучкой». Когда он имел ее, она корчилась и громко стонала, а ее острые ногти впивались ему в спину и ягодицы в неистовстве сексуальной страсти.

Внезапно комната принялась раскачиваться, а воздух наполнился странным завыванием, которое отдаленно напоминало звук, издаваемый на больших скоростях грузовыми железнодорожными составами. Джимми на полудвижении замер и огляделся вокруг. Хрустальная люстра над его головой раскачивалась, как сумасшедшая, подвешенное над бюро зеркало моталось из стороны в сторону, как будто в дикой пляске.

— Не останавливайся! — простонала Альма, ибо она переживала сейчас самое дикое сексуальное переживание в жизни.

Вдруг и кровать медленно поехала по полу.

— Господи… — Джимми вышел из Альмы. — Это ведь землетрясение…

Здание отеля ходило ходуном. За окном спальни тяжелый медный карниз крыши сорвался с креплений и грохнулся на тротуар, убив при этом привратника отеля и лошадь.

Альма закричала, и крик ее не имел к сексу никакого отношения. Вцепившись в Джимми, который хотел соскочить с постели, она еще раз закричала. Воющий звук стал угрожающе громким. Половина штукатурки с потолка вместе с узорами и сложными викторианскими розанчиками рухнула на пол; Джимми и Альму не задело каким-то чудом. В комнате поднялись клубы меловой пыли. Плясавшая на потолке люстра наконец оборвалась и упала на постель; граненые стекляшки сильно поранили левую руку Альмы. Обнажившиеся на потолке электрические провода сердито шипели и искрили.

— Мы же можем умереть! — кричала Альма, хватаясь за Джимми с такой силой, с какой тонущий хватается за своего спасителя. — Мы можем сейчас умереть!

Как раз под ними Себастьян Бретт пьяно храпел, не ведая того, что «Гранд-Отель» разваливается на куски. С кирпичного фасада падали кирпичи и целые фрагменты. Внезапно на Себастьяна рухнул потолок, в мгновение ока превратив его в кровавую лепешку.

Он так никогда и не узнал, что прямо на него упали его жена со своим любовником.

Через весь город от этого места, на Рашн-Хилл, еще одна молодая пара, Честер Коллингвуд и Элли Донован, тоже занимались любовью, когда началось землетрясение. Они держали друг друга в объятиях секунд пятнадцать, в то время как их деревянный дом скрипел и качался.

Затем высокая кирпичная труба обрушилась прямо на них.

На Ноб-Хилл картины Тициана, Рембрандта, Мане пьяно мотались на стене картинной галереи, той самой картинной галереи, где еще несколько часов назад сливки сан-францисского общества вкушали прекрасный обед. И вот сейчас с прозрачного потолка обрушилась груда полированного стекла, разлетевшись на миллион осколков, в то время как тяжелые массивные стены особняка, сделанные из песчаника, начали выгибаться и трескаться.

На втором этаже Эмма де Мейер Кинсолвинг Коллингвуд Левин села на постели. Привезенная ею из Праги большая хрустальная люстра раскачивалась, рассыпая свои хрустальные висюльки, которые падали, но звук их падения тонул в реве землетрясения.

— Дэвид! — крикнула она.

Ее муж сел на постели рядом с ней и обхватил ее руками. На них сначала упала люстра, затем большие фрагменты потолочных перекрытий, а потом рухнул и весь особняк.

Булыжная мостовая под ногами Дена Уайлдера шевелилась, словно чешуя некоего пробудившегося каменного дракона, и потому Ден крепко уцепился за фонарный столб, стоявший на Монтгомери-стрит. Он увидел, как надломился и рухнул церковный шпиль, вслед за ним и вся церковь, подобно смятой яичной скорлупе.

И затем, через тридцать секунд после начала, землетрясение так же внезапно прекратилось.

— Господи! — пробормотал Ден, отпустил фонарный столб и сделал несколько робких шагов, не будучи уверенным в том, что тротуар снова твердый. Более того, Ден сейчас был не вполне уверен, намерена ли та самая планета, где он прожил тридцать два года, вновь двигаться по прежней орбите и вообще вести себя как прежде. Вдруг на него напал нездоровый нервный смех.

— Эге-гей! — заорал он во всю глотку. — Я живой! Живой!!! — и сделал несколько па, характерных для джиги.

Прошло десять секунд, затем обрушился второй удар, еще более жестокий, нежели первый.

Джига Дена Уайлдера оборвалась, когда фасад здания, перед которым оказался молодой человек, вдруг отделился от остальных конструкций и упал, погребая под своей массой недавнего танцора.

В порту внезапно образовались огромные трещины, к которым даже страшно было приблизиться. Тротуары сморщились своеобразной гармошкой, со складками, достигавшими трех футов в высоту. Бордюры тротуаров оказались сметены, сметены были и береговые укрепления, лопнули газовые и водонапорные трубы.

Второй удар землетрясения длился двадцать пять убийственных секунд. Затем Великое землетрясение закончилось, разве только было еще несколько остаточных толчков, которые, однако, существенных разрушений не наделали. Сан-Андреасский разлом сдвинулся к северу, и от этого перемещения в пятидесятимильном радиусе произошли огромные подвижки на поверхности земли, хотя наиболее пострадал Сан-Франциско. Вода во многих местах залила сушу. Чайнатаун был почти полностью разрушен, равно как и другие кварталы бедноты, где располагались дома, выстроенные из случайных материалов, и без особого тщания. Хибары

бедняков завалились в один момент, словно костяшки домино. Всего было разрушено двадцать восемь тысяч зданий.

Смерть, однако, оказалась демократичной: все дома на Ноб-Хилл были уничтожены, кроме одного. Им оказался особняк Флуда, расположенный напротив дома Эммы.

К полудню в городе начались пожары, дым которых затянул голубизну неба. На развалинах особняка на Ноб-Хилл копался Кан До, который прослужил там столько лет.

— Я не верю, — вновь и вновь твердил старый китаец, качая головой, — я не верю…

Каждую минуту тут и там он натыкался на какую-нибудь знакомую вещь, будь то обломок китайской вазы, сколотый угол картинной рамы, покореженный французский стул или серебряная позолоченная ложка от сервиза. Кан До и сам не знал, что он ищет, но что-то внутри него запрещало прекратить поиски. Может быть, он искал свое прошлое.

И вот он заметил человеческую руку, торчавшую из груды штукатурки, как бы указывая на небо. То была старая рука, с холеной ладонью и знакомым золотым колечком на безымянном пальце.

— Тайтай! — прошептал Кан До, упал на колени и осторожно дотронулся до похолодевшей руки. Из глаз его брызнули слезы. — Тайтай, — снова прошептал он, — зачем ты оставлять Кан До?

Для Эммы, Дэвида, Арчера, Честера, Элли, Себастьяна и Дена Уайлдера, равно как и для тысячи других людей — точную цифру так никто и не знает, — блеск и золото навсегда погасли.

Глава шестая

— Черт тебя побери, каким же ты оказался счастливым! — говорил некий толстый мужчина с большой сигарой и говором уроженца штата Теннесси. — Прямо-таки слепая, можно сказать, удача! Пока ты трахался на верхнем этаже, разрушился весь «Гранд-Отель», а у тебя только сломано запястье. Но самое лучшее, когда твоя постель сверзилась этажом ниже и она же прибрала мужа твоей подружки. И если мне кто скажет, что не это самое большое везение, то я уже и не знаю, что же это такое.

Генерал Дж. Дж. Ченнинг зашелся от смеха, и его объемистый живот заходил ходуном примерно так же, как за пять дней до этого ходил ходуном Сан-Франциско. Джимми, левая рука которого висела на перевязи, глупо ухмыльнулся. Они сейчас сидели в салоне яхты, принадлежавшей Дж. Дж., и яхта эта направлялась к острову Каталина.

— Да, похоже, что я и впрямь счастливчик, — признал Джимми. — Альма сказала, что это был самый лучший секс в ее жизни.

Владелец лос-анджелесской «Экспресс» при этих словах начал давиться смехом и, раскачиваясь в кресле, от полноты чувств хлопал себя по жирным ляжкам.

— Лучший секс… Ох, не могу! — тяжело дыша, хрюкал он. — О-йе! Сношение, потрясшее весь Сан-Франциско! Да, сэр, держу пари, что твоя подружка до самой смерти этого не забудет. Да, Джимми, но ведь у тебя погибло столько родственников, знаешь ли ты, сынок, об этом? Почти все! Ты только не принимай это слишком близко к сердцу. Однако мне кажется, что в действиях Господа есть нечто странное, когда он убивает твою милую бабульку и оставляет жить такого сукина сына, как ты, с легкой царапиной на руке. Как думаешь?

И снова Джимми ухмыльнулся.

— Да, я тоже так считаю, Дж. Дж.

— У Ванды, конечно, на сей счет свои объяснения. В любом случае перед тобой открываются некоторые возможности, не так ли?

— Что ты имеешь в виду?

— Послушай, Джимми, пошевели мозгами. Смотри, что получается: твоей бабки больше нет, да упокой, Господи, ее Душу, нет и этого старого еврея, за которого она вышла замуж. Твой дядя Арчер тоже погиб. Кузен твой Честер погиб. Муж твоей подружки раздавлен насмерть. Не кажется ли тебе, что Господь оказал тебе некоторую услугу? Он ведь убил в клане Коллингвудов всех, за исключением Кертиса и Альмы. Вот мне и кажется, что если бы ты женился на Альме, а потом мы избавились бы от Кертиса, то ты стал бы наследником огромнейшего капитала, не так ли? Особенно потому, что у твоей бабки не было возможности изменить свое завещание.

Джимми уставился на него во все глаза.

— Не знаю, Дж. Дж., я вовсе не уверен, что там она понаписала в своем завещании. И потом, еще только начаты работы по восстановлению Сан-Франциско. Я знаю лишь, что в страховую компанию «Золотой штат» страховые полисы стекаются прямо пачками.

— Конечно, что тут удивительного! Но, черт побери, сынок, ты все еще не хочешь подумать хорошенько своей головой. Мне плевать, что у нее там было в завещании. Дело в другом: была многочисленная, богатая и влиятельная семья, которая вдруг стала малочисленной. Фактически сейчас в руках всего двоих людей сконцентрированы все составные «Коллингвуд корпорейшн», включая банк, судоходную компанию, компании по недвижимости и страховую, а также, что более важно, целых четырнадцать

газет. Другое дело, что в завещании может оказаться что-нибудь из ряда вон, о чем я пока не догадываюсь. Альма и Кертис — единственные, насколько я знаю, дети Арчера, которым удалось выжить в землетрясении. Стало быть, ты, три твоих сестры, Альма и Кертис — единственные внуки Эммы, которые остались в живых, правильно?

— Да.

— Вот, а если мы избавимся от Кертиса, а ты женишься на Альме, то, как мне кажется, ты окажешься единственным из всей семьи, который мог бы взять на себя руководство всей корпорацией. Я при этом подразумеваю как своего рода данность, что ты хочешь встать во главе всей корпорации, потому что только круглый дурак не хотел бы этого. Твои кузины из семейства Коллингвудов куда богаче тебя, сынок.

— Да, но я прежде никогда не думал о том, чтобы возглавить все дело, — признался Джимми.

— Так не пришло ли время задуматься об этом? Потому что если бы ты, а не Кертис стал боссом лос-анджелесской «Клэрион», нам можно было бы не беспокоиться о том, что газета бьет во все колокола по поводу нашей славной операции с недвижимостью, ведь так? Теперь ты понимаешь, к чему я все это говорю?

Дж. Дж. чиркнул спичкой и прикурил свою потухшую сигару. У Джимми было сейчас изумленное лицо человека, увидевшего, как двери Монетного двора города Сан-Франциско внезапно распахнулись перед ним.

— Но ты все время повторяешь: «Если мы избавимся от Кертиса». А как мы могли бы избавиться от него?

Свиные глазки Дж. Дж. Ченнинга сверкнули недобрым блеском.

— Точно так же, как от того репортера: убьем его. И таким образом мы убьем одним выстрелом двух зайцев, Джимми. Потому что я могу поклясться своим последним долларом, что Кертис и сам уже высчитал, что это ты убил Карла Кляйна.

Высокая женщина в белоснежной юбке и блузке спустилась по трапу на главную палубу. Открыв дверь салона, она застыла на пороге, и тут порыв тихоокеанского ветра распушил ее белоснежные волосы. У нее было красивое лицо, темные густые брови, светло-голубые глаза с фанатичным блеском. Эта женщина, почти шести футов ростом, оглядела сперва Джимми, затем Дж. Дж.

— Я только что разговаривала с Иисусом, — объявила преподобная Ванда Уандер.

Дж. Дж. стряхнул пепел с сигары в пепельницу, сделанную из осколка артиллерийского снаряда, выпущенного по укреплениям филиппинцев во

время испано-американской войны. Во время боевых действий за то, что ему удалось рекрутировать взвод американских солдат и заплатить издержки по их содержанию в течение месяца, Дж. Дж., по решению президента Маккинли, получил звание Почетного генерала.

— И что же, милая, Иисус поведал тебе?

Ванда Уандер драматическим жестом указала на Джимми.

— Иисус сказал, что Господь уничтожил Сан-Франциско за гордыню и грехи его, за его шлюх и бордели, за людскую жадность и похоть. Но самое важное, Иисус сказал, что Господь разрушил Сан-Франциско из-за богатства, что скопили тамошние евреи.

Глаза у Джимми расширились.

Генерал Дж. Дж. Ченнинг встал с кресла, подошел к Ванде и запечатлел на ее щеке слюнявый поцелуй.

— Я расскажу, милая, своим парням о твоем разговоре. У нас тут Джимми — наш друг, который собирается помочь нам взять все это богатство в наши руки. Скажи, Джимми, я правильно сказал?

Джимми медленно, как во сне, кивнул.

— Да, Дж. Дж.

— Аллилуйя! — воскликнула Ванда Уандер, взглянув на облачное небо, простиравшееся над островом Каталина. — Слышишь ли ты эти слова, о Иисус? — крикнула она. — Все деньги Эммы Левин, вся ее власть и слава, все, буквально *все*перейдет к нам. Да будет славен Господь!

— Да будет славен Господь, — как эхо откликнулся Дж. Дж., хлопнув по округлому заду Ванды.

— Да будет славен Господь, — прошептал Джимми.

«Это месть моего отца, — подумал он. — Эт-т-то м-месть м-моего отца всем этим К-коллингвудам!»

— Это весьма неожиданно, — сказал детектив Клифф Паркер из полицейского управления Лос-Анджелеса, помешивая утренний кофе на кухне своего бунгало в Санта-Монике.

Его жена Дори жарила на плите яичницу.

— Дорогой, и я тоже так думаю, — мягко сказала она. Подобно собаке, мусолившей любимую кость, Клифф Паркер весь предыдущий вечер только об этом и говорил. — Зачем бы еще комиссару Мюррею говорить тебе, чтобы ты прекратил расследование по еще не раскрытому делу об убийстве?

— Он даже не потрудился привести хоть какие-нибудь символические причины. Он просто сказал мне: «Паркер, дело об убийстве Карла Кляйна

передано полиции штата». И точка. Я уверен, что это очень даже неспроста. Нет никаких причин, чтобы убийство местного значения расследовала полиция штата. Есть и еще одна вещь…

— Я знаю. Кертис Коллингвуд знает куда больше, чем говорит. Ты говорил это вчера вечером.

Клифф вздохнул.

— Извини. Но я никак не могу примириться с этим. Кто-то заплатил комиссару, чтобы он похерил это дело.

— Совершенно очевидно, что это Кертис Коллингвуд.

Клифф вскочил из-за стола, направился к плите, чтобы налить себе еще кофе.

— Не исключено, — сказал он. — А может, и не он. Этот Кляйн раскручивал историю с проектом «Оуэнс Вэлли»…

Тут раздался телефонный звонок. Клифф Паркер поставил кружку на стол и, подойдя к стене, снял трубку.

— Алло?

Затем на его лице обозначилось удивление, причем чем больше он слушал собеседника, тем больше оно возрастало. Наконец он сказал:

— Хорошо, я приеду.

Повесив трубку, повернулся к жене.

— Это был Кертис Коллингвуд. Он назначил мне встречу у себя в офисе в десять часов.

— Час назад я разговаривала с Иисусом! — кричала преподобная Ванда Уандер с кафедры небольшой Церкви божественной медитации в центре Лос-Анджелеса. — Я сказала ему: «Иисус, что нам делать с грехом, который превратился сейчас в общенациональную проблему?» А Иисус сказал мне: «Ванда, нам нужно закатать рукава и работать без устали над искоренением греха. Ты сама должна делать все возможное, чтобы очиститься от греха и чтобы в душе твоей для греха не осталось места, подобно тому, как ты скоблишь на кухне пол дочиста, чтобы не осталось соринки». Еще Иисус говорил мне: «Ванда, что пользы в таком положении вещей, когда полы на кухнях у людей чистые, тогда как души их исполнены греховных устремлений?» И вот потому я и обращаюсь ко всем вам: давайте же очистим наши души!

— Аминь! — закричала толпа почти в две сотни человек, которым удалось протиснуться внутрь деревянной церкви.

— Давайте же начисто выметем скверну из сердец наших, равно как и из домов наших.

— Аминь!

— Давайте же выстираем наше постельное белье, вытряхнем наши пропылившиеся матрасы, наведем порядок в бельевых шкафах и очистим наши души!

— Аминь!

— Положим средство от моли в ящики шкафов и точно так де положим любовь в сердца наши.

— Аминь!

— Выстираем занавески на окнах, вымоем окна и отмоем так же точно наши грешные души!

— Аминь!

— И лишь затем, когда души у нас будут столь же чисты, как и жилища наши, мы сможем раскрыть наши объятия, распахнуть наши сердца и воззвать: «Иисус, мы хотим позвать тебя как нашего брата и помолиться с тобой вместе». И если бы точно так же поступил каждый американский христианин, эта великая нация решила бы национальную проблему греха и тогда Америка смогла бы войти в Славное Братство! Аминь! Да хвалите Господа нашего!

— Хвалим Господа нашего!

— А теперь, когда возлюбленная сестра Харриет начнет петь «Скалу Времен» и члены нашего славного братства пройдут по рядам с блюдами для пожертвований, я умоляю всех вас отдать всю щедрость ваших сердец. И помните, вы даете самому Иисусу!

Одетая в широкие белые складчатые одежды, Ванда покинула кафедру и уселась в большое деревянное кресло, а возлюбленная сестра Харриет начала петь «Скалу Времен» высоким и не совсем чисто выводившим мелодию голосом. Вся конгрегация, состоявшая исключительно из белых, порядком, правда, пообносившихся, начала подпевать, в то время как молодые люди в белых костюмах пошли по рядам прихожан с блюдами для пожертвований. Когда Ванда выводила «Весеннее очищение с Иисусом», Кертис Коллингвуд протиснулся в церковь и стал в последнем ряду молившихся, которые умилялись при одной только мысли о совершаемом дарении и с чувством подпевали гимн. Кертис подумал сначала, что воображение Ванды просто смехотворное, но, судя по тому, с какой готовностью прихожане бросали на блюдо свои денежки, можно было сделать вывод, что она знает, что делает.

Кертис увидел, как рядом с ним пробрался в церковь и Джимми Лопес. Как и Кертис, Джимми в знак траура повязал на рукав черную траурную ленту; левая его рука все еще была на перевязи. Подойдя к Кертису, он

сказал:

— Спасибо, что пришел.

— Ни за что не упустил бы случая взглянуть на Ванду.

— Ну разве она не восхитительна?

— Не то слово! Ты сказал мне по телефону, что Дж. Дж. намерен внести ясность в вопрос об убийстве Карла Кляйна. Что именно следует понимать под словами «внести ясность»?

— Он хочет признаться.

— Хочешь сказать, что Дж. Дж. застрелил его?

— Правильно, и сейчас он ужасно мучается из-за этого. Ванде наконец-то удалось убедить его, что лучший выход из этой ситуации — полное признание. Она советовалась на сей счет с самим Иисусом, и Иисус с ней согласился. Вот поэтому Дж. Дж. позвонил в полицию. Возле церкви нас ожидает Карлтон Мюррей, он и отвезет нас на причал. Дж. Дж. сейчас у себя на яхте.

— Что это вдруг Дж. Дж. стал таким сговорчивым? Тем более по отношению ко мне? Вся эта история попахивает жареным. Я подумал, что раз уж все так обернулось, он захочет рассказать все по крайней мере кому-нибудь их своих журналистов.

— Иисус сообщил Ванде, что часть искупления Дж. Дж. должна заключаться в том, чтобы он позволил тебе поглотить его газету; Более того, Карл Кляйн был твоим репортером.

Кертис уставился на кузена, а все прихожане в этот момент затянули третий куплет «Скалы Времен».

— Джимми, а как ты думаешь, почему это Иисус всегда разговаривает с Вандой Уандер и никогда не разговаривает… ну, со мной, например!

— Ты должен попросить его об этом.

— Все вы — банда сумасшедших. И если ты подумал, будто я готов в одиночку отправиться на яхту Дж. Дж., ты, должно быть, считаешь и меня таким же сумасшедшим.

— Ты отправишься туда с полицией.

— У меня есть основания считать, что Дж. Дж. отстегивает от своих щедрот комиссару Мюррею. Так что спасибо тебе за приглашение, но уж нет, благодарю покорно. Я только что и сам переговорил с Иисусом, и он сказал мне: «Дуй отсюда, пока тебя не разделали на мелкие кусочки». Спокойной ночи, Джимми.

Открыв створку большой двустворчатой церковной двери, он вышел на улицу. Был холодный вечер. Кертис увидел, как неподалеку, как раз через улицу, стояли двое полицейских. И вот в этот момент он вдруг

почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в спину.

— Это револьвер, — тихо сказал Джимми. — Не вынуждай меня использовать его. Полезай в автомобиль комиссара Мюррея.

* * *

Была почти полночь, когда они сошли с моторного баркаса и по забортному трапу, спущенному с правого борта, начали взбираться на яхту генерала Ченнинга, длина которой достигала сотни футов. Первым поднимался Кертис, сразу за ним Джимми, затем двое полицейских и следом комиссар Карлтон Мюррей, обрюзгший мужчина в костюме из шотландки и серой шляпе, плотно сидевшей на голове. У Мюррея был насморк, и потому комиссар постоянно чихал; он чихал, когда моторный баркас отчаливал от причала Санта-Моники, чихал в дороге, продолжал чихать, взбираясь на борт яхты, которая сейчас, как в зеркале, отражалась в водах Тихого океана.

— Добро пожаловать на борт, — радостно сказал Дж. Дж., как только Кертис ступил на главную палубу. — Как поживаешь, Кертис? Давно мы не виделись с тобой, давненько… Хочу выразить свои самые искренние соболезнования по поводу того, что во время землетрясения погибло столько членов вашей семьи. Это и впрямь ужасно.

— В самом деле? Но почему у меня сейчас такое странное предчувствие, что еще один член нашей семьи может закончить свой земной путь.

Дж. Дж. рассмеялся.

— Ох ты, черт побери, кто же так ведет беседу? Я бы на твоем месте высказался в том духе, что, мол, здесь немного дует. Пойдемте-ка лучше в салон и сделаем по глоточку. Поняли мою мысль? Коли холодно чуточек, срочно нужен нам глоточек, прямо как в водевиле. Черт побери, мне бы водевили писать! Пошли, пошли, парни. А между прочим, все ли вы знакомы? Конечно, все знают комиссара, а вот эти двое красавчиков-полицейских, да будет вам известно — Пит Хоукинс и Билл Грей. Оба они превосходнейшие стрелки. Как говорил мне комиссар, лучшие стрелки во всем Лос-Анджелесе! Ну а теперь отправимся-ка мы внутрь, под крышу, так сказать. Как тебе понравилась служба Ванды Уандер? Ну разве не бой-девка? Иисус столь часто с ней разговаривает, что иногда меня подмывает посоветовать ей, чтобы она попросила этого Иисуса заткнуться.

Загоготав, он провел всех в салон яхты.

— Я отпустил команду на берег, пускай, думаю, порезвятся до утра, так что, Пит, быть тебе сейчас за бармена, — сказал Дж. Дж. и указал на

небольшой бар. Над баром находился большой аквариум, где плавали крошечные тропические рыбки изумительной окраски. — Кертис, ты что предпочитаешь? Виски, может быть? У меня есть такое шотландское виски, что просто пальчики оближешь.

— Слушай, Дж. Дж., прекрати трепаться. Что тебе нужно?

Толстый издатель прикурил сигару, глядя на конкурента.

— Что ж, коль желаешь сразу взять быка за рога, я скажу тебе, что мне нужно. Мне нужно, чтобы ты подписал одно письмо. А что я с ним сделаю? Я положу его в карман. А что в письме, ты, наверное, хочешь знать? А вот давай-ка развернем его да посмотрим. — Он вытащил из кармана листок бумаги и развернул его. — Оно адресовано присутствующему здесь комиссару Мюррею. Тут сказано: «Дорогой комиссар, настоящим я признаюсь, что совершил убийство Карла Кляйна, одного из своих репортеров, которого обнаружил в постели с моей женой. От гнева я помешался и выстрелом в голову убил его. Затем отвез его тело на пляж, положил в лодку, отъехал на какое-то расстояние от берега и выбросил его в воду. Больше с такой огромной виной я не могу жить. К тому моменту, когда вы получите это письмо, я уже сведу с Господом счеты. Это для меня единственный выход. Искренне ваш…» И твоя подпись.

— Надо же, Дж. Дж., и все-то ты предусмотрел. Только прежде чем я подпишу его, расскажи мне, как это случилось на самом деле. Кто застрелил Карла?

Дж. Дж. взглянул на Джимми, сидевшего у стойки бара на одном из высоких стульев, все еще держа в правой руке револьвер. Пит Хоукинс, зайдя за стойку бара, меланхолично жевал арахис. Комиссар Мюррей, сидя в кресле, прочищал платком нос. Билл Грей стоял, привалившись к перегородке левого борта, держа руку на кобуре.

— Ну, черт побери, — сказал Дж. Дж., — полагаю, что все мы друзья, не так ли? Джимми, расскажи ему.

— Все было исключительно просто. Я послал Кляйну записку, в которой сообщил, что хочу встретиться с ним на прогулочном причале и рассказать все, что его интересует о деятельности «Вэлли Фанд». Написал, что готов назвать имена, в общем, все. Итак, мы с ним встретились и отправились обедать на яхту Дж. Дж. Ванда согласилась предоставить мне алиби…

— Но почему? — спросил Кертис. — Она-то как сюда замешалась?

— Ванда Уандер — моя подружка, — сказал Дж. Дж. — Она разговаривает с Иисусом, но трахается-то с генералом Ченнингом. Кроме того, она вложила изрядное количество собранных ею церковных денежек в

«Вэлли Фанд». Ванда своего ни за что не упустит.

— Когда мы подплыли к яхте, я застрелил его, — продолжил Джимми. — К ногам мы привязали груз и выбросили тело за борт. Но только, судя по всему, веревку мы недостаточно сильно затянули, потому что тело волны выбросили на берег, как тебе известно. — Джимми сделал паузу, затем сказал: — Именно это мы и собираемся проделать сейчас с тобой.

Наступила тишина, которую нарушал только хруст орехов, которые грыз Пит Хоукинс.

— Вы убийцы, — тихо сказал Кертис. — Вы хладнокровные убийцы, упоминающие всуе имя Иисуса. Вы убили молодого человека только затем, чтобы скрыть ваши проклятые делишки с недвижимостью.

— О, дело гораздо в большем, Кертис, — сказал Дж. Дж. — Не только эти делишки. Мы ведь разрабатываем ни больше ни меньше, как всю долину Сан-Фернандо. Мы намерены удвоить размеры Лос-Анджелеса. Ты только представь! Лет через десять Лос-Анджелес будет таким же крупным городом, как Новый Орлеан или Канзас-Сити. А когда мы с Джимми сольем обе наши газеты, в нашем распоряжении окажется одна из самых крупных газет в Америке.

— Как, Джимми готов проглотить «Клэрион»?

— Все будет выглядеть приблизительно таким образом. После того как ты умрешь, останется не так уж много Коллингвудов. Понимаешь, что я имею в виду?

— Мы с Альмой в следующем месяце собирались пожениться, — улыбаясь, сказал Джимми. — На свадьбе нам будет недоставать тебя…

Внезапно дверь с треском отворилась, и на пороге появился Клифф Паркер. Билл Грей начал было вынимать свой револьвер из кобуры, но Паркер выстрелил первым, и его пуля угодила в правую руку Грея. Еще двое полицейских ворвались вслед за Паркером в салон, держа револьверы наизготовке. Джимми открыл огонь по Паркеру. Три пистолета выстрелили почти одновременно, и Джимми был сражен в грудь. Раздалось еще несколько выстрелов. Пит Хоукинс едва успел нырнуть под стойку бара. Аквариум разбился, и вода вместе с аквариумными рыбками пролилась на палубу. К этому времени полдюжины полицейских набились в салон, каждый двумя руками держал револьвер. Генерал Дж. Дж. Ченнинг, бледный как смерть, стоял с поднятыми руками; комиссар Мюррей закричал:

— Кто, черт побери, санкционировал все это?!

— Я, — ответил Кертис. — Готов ли ты подтвердить сказанное? Ты

все слышал? — добавил он, обратившись к Паркеру.

— Каждое слово, — сказал детектив, потрясая записной книжкой.

— Полагаю, в завтрашнем номере «Клэриона» появится потрясающий материал…

— Кертис, да мы только дурачились, — выпалил Дж. Дж. — Это была всего лишь шутка!

— Хорошенькая шуточка.

Кертис присел возле Джимми, который свалился на пол с высокого стула у стойки бара. Джимми лежал лицом вниз, вокруг него трепыхались тропические рыбки.

— Мы можем обо всем договориться, — сказал Дж. Дж. — Тедди Рузвельт — мой добрый приятель. Я позвоню ему в Белый дом…

— Заткнись!

Кертис осторожно перевернул Джимми на спину. Джимми был еще жив. Из трех пулевых отверстий в груди хлестала кровь. Затуманенным взором он посмотрел на Кертиса.

— Ты победил, — прошептал он. Гринго всегда побеждают…

Затем он дернулся — и умер.

На следующий день «Клэрион» вышел с кричавшими заголовками:

ИЗДАТЕЛЬ «ЭКСПРЕСС» ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В ЗАГОВОРЕ С ЦЕЛЬЮ УБИЙСТВА!

ПЕРЕСТРЕЛКА НА ШИКАРНОЙ ЯХТЕ НЕПОДАЛЕКУ ОТ ОСТРОВА КАТАЛИНА!

УБИТ РОДСТВЕННИК КОЛЛИНГВУДА!

ОБВИНЯЕТСЯ КОМИССАР ПОЛИЦИИ!

СКАНДАЛ С ДОСТАВКОЙ ВОДЫ ОБОЙДЕТСЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКАМ В МИЛЛИОНЫ ДОЛЛАРОВ!

ДЕСЯТЬ ПОДОНКОВ ЗАМЕШАНЫ В АФЕРЕ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ!

ГЕРОИЗМ ДЕТЕКТИВА ПАРКЕРА!

— Джимми! — рыдала Альма Бретт, замахиваясь кувалдой на свою героическую статую Женщины-Первопроходца. Со всего размаха Альма ударила кувалдой по ноге статуи — и мраморные брызги разлетелись во все стороны. — Джимми! О Боже, они убили моего Джимми!

Бросив кувалду, истерически рыдая, она побежала на маленькую кухню студии, расположенной в ее Берлингамском поместье.

— Я не могу жить без Джимми! — кричала Альма. Схватив подвернувшийся под руку нож для фруктов, она одним махом перерезала себе левое запястье. Как только брызнула кровь, Альма тут же опомнилась, отбросила нож и побежала к телефону, чтобы позвонить домой.

— Лили, немедленно приходи сюда! — крикнула она в трубку. — Я чуть не покончила с собой!

Бросив трубку на рычаг, она схватила полотенце и обмотала его вокруг запястья.

Джимми Лопеса хоронили на ранчо «Калафия», на холме, с которого открывались просторы Тихого океана. Рядом с его могилой находились могилы его отца Хуанито, а также деда и бабки. После непродолжительной церемонии мать Джимми и три его сестры несколько минут постояли возле надгробного камня; ветер играл их черными вуалями и складками траурных платьев. Затем подошел Кертис и крепко обнял свою тетю Стар.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Он был паршивой овцой, — ответила Стар. — Скорпионом. Когда он был еще совсем ребенком, отец научил его ненависти. Может, в этом моя вина… Как знать? Как бы то ни было, может, все к лучшему. Но как же много смертей! Мама, Арчер, Честер, и теперь вот еще Джимми. Может, мы прокляты?

Кертис вздохнул.

— Не знаю… Но я хочу собрать всех наших, кто еще остался. Адвокаты хотят помочь нам создать новую корпорацию. Необходимо зачитать бабушкино завещание. А поскольку сейчас и отца с нами нет… в общем, все сейчас так перепуталось, но адвокаты сумеют связать концы с концами.

— Полагаю, теперь глава семьи — это ты, — сказала Стар.

— Да, наверное, я.

Кертис смотрел на Алисию Лопес, и внезапно до него дошло, что он не сводил с нее глаз все время, пока длилась церемония. «Как же она хороша, — подумал он. — Как потрясающе красива…»

— Говорят, что я вхожу в пятерку богатейших женщин мира, — сказала Арабелла Коллингвуд, проходя мимо Сиенской кафедры, той самой, которую ее покойный муж приобрел в Лондоне три месяца назад. — Наверное, Господь думает, что это своеобразная компенсация мне за то, что он взял к себе моих мужа и сына, но если он и вправду так думает, он очень ошибается.

Кертис находился с матерью в Пало Альто, в складском помещении,

которое десять лет назад купил его отец. Все в этом помещении — статуи, гобелены, старинное оружие, картины, мебель — было привезено Арчером после его блужданий по антикварным магазинам и магазинчикам европейских городов. В этом он был похож на мышь, которая все тащит себе в норку. Арабелла, одетая во все черное, была двойной наследницей: не только части баснословного богатства Эммы, но и состояния Арчера.

— И вот сейчас, — говорила она, — словно у меня и без того мало горя, Альма из-за Джимми пыталась покончить с собой. К счастью, ей это не удалось. Я понимаю, это звучит горько, но я ничего не могу с собой поделать. Благодарю Господа за тебя, дорогой мой! — Она протянула руку, которую Кертис взял в свои.

— Но есть и некоторые добрые известия, — сказал он. — Джоэл начал уже говорить целыми предложениями.

Мать грустно улыбнулась за черной вуалью.

— Такой милый ребенок. Это и вправду хорошая новость.

— А кроме того, Бетти считает, что она снова беременна.

— Да?

— Сегодня собиралась пойти к доктору.

— Что ж, будем надеяться, что так оно и есть. Наша семья почти полностью уничтожена землетрясением, и потому, видит Бог, нам очень нужны дети. Ох, Кертис, если бы ты только знал, как же мне недостает твоего отца! Он был самым лучшим мужем на свете!

— Мама, — как можно тактичнее сказал Кертис, — мы все это понимаем, нам всем также очень недостает отца, но только нужно что-то решать со всеми этими вещами, которые он накупил за многие годы. Бухгалтеры настаивают…

— Бухгалтеры… — фыркнула она. — Ненавижу бухгалтеров.

— Да, все это так, но одна только страховка этого склада обходится в сотню тысяч долларов в год. «Золотой штат» вынужден был выплатить более сорока миллионов долларов за ущерб, причиненный землетрясением и последующими пожарами, и пока компания переживает трудные времена, ее бухгалтеры пытаются сделать все возможное, чтобы максимально сэкономить…

Мать повернулась к нему.

— Сэкономить? То, о чем ты сейчас говоришь, это мечта. Все эти «вещи», как ты их назвал, были мечтой твоего отца.

— Я понимаю, но все это настолько непрактично… Вот, например, кто и что намерен делать с этой старинной кафедрой?

— А что люди вообще делают с произведениями искусства? Предметы

искусства совершенно бесполезны, однако это, может быть, и есть самые ценные вещи на свете. Твой отец очень любил все эти «вещи», точно так же, как я очень люблю живопись. Картины бедной Эммы были уничтожены, как была уничтожена она сама и множество других людей… — Арабелла сделала паузу, чтобы справиться со слезами. — Однако мечта Эммы о музее для города не должна развеяться. Я построю этот музей. Вместо ее картин я вложу в это дело все свои и твоего отца сокровища и драгоценности. И музей этот окажется совершенно бесполезным, за тем, конечно, исключением, что многие поколения жителей Калифорнии смогут получать там радость. А в конечном итоге, это, наверное, и есть самое полезное в мире. Наверное, ты думаешь, что я глупая, выжившая из ума старуха?

Кертис поцеловал ее.

— Вовсе нет, — сказал он. — Я думаю, что это превосходная идея.

Генерал Дж. Дж. Ченнинг предстал перед судом и был признан виновным в соучастии в убийстве первой степени. Его приговорили к тюремному заключению на срок от десяти до тридцати лет, но благодаря своим деньгам и связям в политических кругах он просидел за решеткой всего десять месяцев.

До окончания строительства гигантского акведука, по которому вода должна была поступать из Оуэнс Вэлли в Лос-Анджелес, оставалось еще шесть лет. Специалисты считали это сооружение подлинным инженерным шедевром, сравнимым разве что с Великой китайской стеной.

* * *

На двенадцатом этаже редакционного здания газеты «Клэрион» Кертис Коллингвуд стоял возле окна, глядя, как дождь заливает улицы Лос-Анджелеса. По иронии судьбы именно после грандиозного скандала, вызванного недостатком воды в южных районах Калифорнии, дожди в тот год начались рано и оказались на редкость обильными. Стояла первая неделя ноября.

— Всем служащим «Коллингвуд корпорейшн», — начал он. Роза Маркхэм, которая в белой блузке и строгой серой юбке выглядела чрезвычайно стройной, сидела на своем обычном месте и записывала под диктовку. — В качестве нового председателя корпорации я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить благодарность всем, кто оказал посильную поддержку моей семье в этом тяжелом году. И в качестве… мм… частного лица я хочу выразить благодарность за ваши

многочисленные письма с выражением сочувствия по поводу недавнего… недавней моей личной потери…

Он замолчал. Секретарша подняла глаза и взглянула на Кертиса. К ее крайнему изумлению, энергичный, агрессивный шеф плакал.

— Мистер Коллингвуд, вы не хотели бы, чтобы я вернулась сюда через…

Он отрицательно замотал головой, вытащил из кармана платок, и вытер слезы. Затем отвернулся от окна, прошел и сел за свой рабочий стол, покрасневшими глазами он посмотрел на Розу.

— Скажите, Роза, неужели моя семья проклята? — хрипло спросил он. — Сначала землетрясение, потом Джимми Лопес, теперь вот…

Думали, что у Бетти очередная беременность, однако эта предполагаемая беременность в действительности оказалась раком матки. Неделю назад Бетти скончалась.

Роза обожала этого человека, и потому сердечко ее сжалось от жалости к нему.

— Да, бывают такие полосы в жизни… — сказала она первое, что пришло на ум.

— Ничего себе полоса… — он высморкался. — И вот теперь у Джоэла не стало матери, мне следует найти ему мать, Роза. Этому мальчишке нужно расти красивым и сильным. Ему уготовано серьезное будущее, ведь в один прекрасный день я передам ему все дела…

— Я понимаю.

Он взглянул на нее.

— Скажите, а вам никогда не хотелось переехать в Сан-Франциско? Как, Роза?

— Да, сэр. Если я нужна вам, я непременно переберусь.

— Ну, поскольку отец и брат теперь оба в могиле, мне все придется делать самому, и, значит, все дела в Сан-Франциско лягут исключительно на меня. Что ж, это хорошо, что вы будете рядом со мной, Роза. Если бы я еще и вас потерял, тогда…

Он грустно пожал плечами. Роза внимательно посмотрела на его изящное, красивое лицо и вдруг подумала о том, не метит ли он ее в… «Тихо, тихо, не дай разыграться своему воображению, — сказала она себе. — Но, Господи, стать миссис Кертис Коллингвуд!..»

— Что это еще там за автомобиль? — спросила Стар Лопес, снова наполняя джином стакан.

Она была, как всегда, на ранчо, в башенной комнате, в постели, с

бутылкой у изголовья. Ее дочь Алисия поднялась со своего места и подошла к залитому дождем окошку. Красно-белый автомобиль «ред-эрроу» — «красная стрела» — остановился перед самым домом. Чуть поодаль сильный ветер вздымал волны Тихого океана.

— Это же Кертис! — воскликнула Алисия, увидев, что именно он вылезает с заднего сиденья машины.

— Кертис? — Мать подняла глаза от своего джина и прошептала: — Я обратила внимание, как во время похорон Джимми он смотрел на тебя. И когда хоронили на той неделе Бетти, он опять смотрел на тебя во все глаза. Разве это не будет великолепным завершением?

— Мама, о чем ты говоришь?!

— Я говорю о твоем кузене, самом красивом и подходящем женихе во всей Калифорнии. Звонят! Иди открой. И постарайся выглядеть получше!

Алисия поспешила к двери.

— Знаешь, мамочка, по-моему, джин распаляет твое воображение. Кертис никогда не заинтересуется мною.

— А почему бы и нет? Чем ты плоха? Твоя кровь ничуть не хуже его. Пригласи его пообедать. Пусть Чинина ставит сковородку для жарки, а ты принеси мне новую пачку сигарет.

Закрывая за собой дверь, Алисия недовольно покачала головой, но все же быстренько побежала по лестнице и распахнула входную дверь.

— Привет, Алисия.

Кертис всегда казался Алисии таким недоступным, таким погруженным в дела, таким… богатым. К тому же он был на девять лет старше ее. Но в этот дождливый серенький день он выглядел на удивление молодым и взволнованным.

— Мне, гм, дали пару билетов на новый спектакль, — сказал он. — Вот я и подумал, а вдруг ты захочешь пойти со мной? Это в Сан-Франциско.

— В Сан-Франциско?

— Я как раз проезжал здесь и подумал, что, может быть, ты захочешь съездить в Сан-Франциско на несколько дней. Последнее время тут такая отвратительная погода, а ты все время проводишь с матерью…

— Заходи, Кертис, я не намерена держать тебя на крыльце. Когда ты едешь туда?

— Завтра утром. Мать дает «Арабеллу».

Личный железнодорожный вагон! Ей всегда хотелось хоть одним глазком посмотреть на него…

— Нужно будет спросить у мамы, но… Впрочем, да, я с удовольствием

поеду с тобой.

Когда Кертис вернулся в свой автомобиль, он увозил с собой потрясающую испанскую улыбку Алисии. «Какая же Алисия все-таки красивая! — подумал он. — Она была бы идеальной матерью для Джоэла и неплохой женой для меня».

Кроме того, в результате такого брака ранчо «Калафия» вновь перешло бы к Коллингвудам.

Часть V

Фантом Голливуда

Глава первая

После того как в 1909 году у Арабеллы случился сердечный приступ, оказавшийся последним, ее сын, Кертис, стал старшим в изрядно поредевшей семье Коллингвудов. Будучи одними из богатейших людей в мире, они с женой Алисией купили сорок акров земли на полуострове неподалеку от Берлингама и решили выстроить там себе дом. Когда миновали два года, а на строительство ушло несколько миллионов долларов, Коллингвуды смогли перебраться в сорокакомнатную виллу, построенную в средиземноморском стиле, фасад которой был обращен на залив Сан-Франциско.

Неподалеку от этого места, причем также с окнами на залив, поднималось здание затеянного Арабеллой музея.

Выстроенная из белого камня, под оранжевой черепичной крышей, вилла выглядела представительно, однако же не подавляла своими размерами. Были посажены высокие кипарисы, а Алисия, чьей страстью было садоводство, начала разводить сад; потребуются многие годы и немало усилий, чтобы завершить эту работу над садом, которому суждено было стать одной из достопримечательностей Калифорнии.

Тем временем семейные адвокаты, работавшие под руководством блестящего молодого человека по имени Ламонт Вейн, потихоньку восстанавливали деловую империю, которую создала Эмма. Страховая компания «Золотой штат» сумела пережить утечку денег, вызванную землетрясением и пожарами, хотя было множество исков, но все они были удовлетворены. Сейчас компания «Золотой штат» процветала как никогда раньше благодаря вполне понятной общей нервозности населения, связанной с возможными будущими землетрясениями. Поскольку здание

«Пасифик Бэнк энд Траст» на Монтгомери-стрит было полностью разрушено, в 1908 году на том же самом месте был построен новый небоскреб высотой в тридцать этажей.

Энергично прибирая к рукам все новые газеты, Кертис начал соперничать с самим Уильямом Рэндольфом Херстом, что, однако, пошло лишь на пользу и тому, и другому газетному магнату. В 1909 году «Коллингвуд корпорейшн» предложила на публичную распродажу акции общей стоимостью пятьдесят миллионов долларов. И хотя акции эти были очень быстро раскуплены, это были всего лишь акции класса «Б», не дающие акционерам права голоса. Контроль за положением дел в корпорации по-прежнему сохранялся за семейством Коллингвудов, которое владело дающим право решающего голоса пакетом акций класса «А». В 1910 году «Уолл-стрит Джорнал» оценивал общую стоимость «Коллингвуд корпорейшн» более чем в один миллиард долларов.

Наследнику всего этого огромного богатства, Джоэлу де Мейер Коллингвуду, было тогда восемь лет от роду, и больше всего он любил играть в куклы.

— Мой сын — размазня, неженка, кисейная барышня какая-то! — кричал жене через стол Кертис. — Ты знаешь, что он на сей раз коллекционирует? Маски!

— Дорогой мой, до Дня Всех Святых осталось всего три недели, — ответила Алисия. — И все ребятишки собирают маски.

— Золотые маски с перьями?

— Он сам ее смастерил. Ты знаешь, он чрезвычайно развит, не по годам. Он также показывал мне бело-золотой костюм, который тоже сам себе сделал. Увидел в книжке рисунок — и сделал себе точно такой же наряд… По-моему, в таком костюме какой-то придворный выступал однажды в Версале в балете.

— И что же? Ты хочешь сказать, что мой сын нарядится в какой-то балетный костюм XVII века и напялит золотую маску с этими дурацкими перьями? Не бывать этому! Я скорее запру его в комнате. Послушай, Алисия, у меня Джоэл вот где уже сидит! Каким-то образом он унаследовал самое худшее, что только было в нашей семье, причем я включаю сюда также и семейство Бетти. Ее брат Джералд работает где-то художником, причем все знают, что он — педик. Как бы там не было, но мой сын никогда не будет педиком!

— Кертис, мальчику всего восемь лет! Он очень чувствительный, застенчивый ребенок с огромным воображением.

— Почему ты всегда защищаешь его?

— Потому что я люблю его. И очень хорошо знаю, что такое быть застенчивым. У меня было ужасное детство: мать в своей спальне не отрывала бутылку ото рта, а на конюшне Джимми такое вытворял со своими мексиканскими шлюхами!.. Это был сущий ад, и я не желаю, чтобы нечто подобное случилось и с Джоэлом только потому, что мальчик не похож на других.

— Не похож?! Да он просто чудной! Он не любит играть в бейсбол. Кто, скажи на милость, когда-нибудь слышал о мальчишке, которому не нравится играть в бейсбол? Знаешь, Алисия, что я намерен сделать? Я намерен заставить его полюбить бейсбол!

— Ой, не говори глупостей! Как ты можешь заставить человека полюбить эту игру?

— Я найму для него тренера по бейсболу. Я буду платить этому тренеру, чтобы он научил Джоэла, как подавать мяч, и как отбивать его битой, и как бежать от базы к базе. Я собираюсь устроить великолепную бейсбольную площадку.

— Только не рядом с моим садом!

— Да нет же, поле будет достаточно далеко от твоего сада. Я куплю Джоэлу спортивную форму, и мой сын все-таки будет играть в бейсбол!

Алисия зазвонила в хрустальный колокольчик.

— Удачи тебе. Но, зная Джоэла, могу сказать, что его значительно больше интересуют такие вещи, как дизайн спортивной формы, чем ношение ее.

Чим, англичанин-дворецкий, вошел в столовую и наполнил вином бокалы. Пока он наполнял их, Кертис со скучающим видом жевал котлету, а Алисия разглядывала висевшую на стене большую желтую картину, написанную французским художником по фамилии Матисс. После того как во время землетрясения погибла вся коллекция картин его бабушки Эммы, Кертис решил поддержать семейную традицию и начал коллекционировать живопись. И стоило ему только начать, как, к вящему своему удивлению, он обнаружил, что не только испытывает от этого удовольствие, но и, более того, коллекционирование захватило его.

— Пообещай мне одну вещь, — сказала Алисия после того, как Чим возвратился в буфетную. — Не очень-то нажимай на ребенка. Помни, он потерял мать. Постарайся пойти ему навстречу. И не ожидай чудес.

— Нажимать на него я не намерен, но буду тверд для его же собственного блага. Ни один американец не может считать, что у него было нормальное детство, если он не играл в бейсбол.

Джоэл выглядел довольно странно: мрачный, чуть ли не изможденный и высокий для своих лет. У него были густые каштановые волосы, маленькие голубые глаза и длинный нос. От своих красивых предков он унаследовал немало приятных черт, однако собранные вместе на одном лице они, казалось, не сочетались друг с другом. Сидя на полу своей спальни, мальчик забавлялся игрой в кукольный театр, как вдруг раздался стук в дверь.

— Войдите.

Вошел Кертис.

— Привет, папа!

Подойдя к нему, Кертис сверху вниз посмотрел на миниатюрный театр.

— Ну и какой же спектакль ты разыгрываешь сегодня, Джоэл? — спросил он, стараясь скрыть раздражение.

— Это не пьеса, это опера, — пробормотал Джоэл, продолжая возиться с четырехдюймовыми фигурками людей, которые он в каком-то определенном порядке расставлял на сцене.

— И какая же у тебя опера?

— «Кармен». Я сам придумал все костюмы.

— Гм… Они очень колоритные.

— Спасибо, папа. У меня ушло пять вечеров на то, чтобы вырезать их из картона — конечно же, после того, как я приготовил домашнее задание.

— У меня нет жалоб на то, как ты готовишь уроки, Джоэл. У тебя великолепные оценки. Но… Слушай, а ты не мог бы пока отложить эти чертовы игрушки и посмотреть на меня?

Джоэл вытащил руку из картонной авансцены, которую он тоже сам сделал, и без слов посмотрел на отца. Кертис поборол дикое желание растоптать этот игрушечный театр вместе со всеми его картонными актерами и актрисами.

— Джоэл, завтра после занятий в школе придет человек, которого зовут мистер Рейнольдс. Он будет в течение часа заниматься с тобой.

— А кто такой этот мистер Рейнольдс, папа?

— Бейсбольный тренер в средней школе в Пало Аль-то. Он будет учить тебя, как нужно играть в бейсбол.

Молчание.

— Тебе это наверняка понравится, сынок. И тебе обязательно понравится сам мистер Рейнольдс.

Молчание. Личико Джоэла застыло.

Кертис присел на корточки, чтобы сыну было сподручнее слушать его.

— Джоэл, — мягко сказал он, — мальчик не должен возиться с куклами. Вместо этого он должен играть в бейсбол. Разве ты не понимаешь этого?

— Как скажешь, папа.

— Да, именно так я и говорю.

Отец и сын пристально смотрели в глаза друг другу. Кертис был удивлен, что в маленьких голубых глазах сына сейчас читалось столько упорства. Может, Джоэл и возится с куклами, но в душе он тверд как сталь.

— Ты ненавидишь меня? — шепотом поинтересовался Кертис, искренне озадаченный.

Джоэл сжал губы, но ничего не ответил.

— Ответь мне, Джоэл!

Молчание.

— Отвечай же, черт тебя побери!

Молчание.

Кертис встал, чувствуя, что не может больше сдерживаться. Нацелив на ребенка указующий перст, сказал, как отрезал:

— Ты будешь заниматься бейсболом! И научишься играть в него хорошо. И выбросишь к чертям все свои дурацкие куклы!

И с этими словами он правой ногой изо всей силы наступил на картонный театр, расплющив его вместе с крошечными актерами. Затем он вылетел из комнаты, хлопнув дверью.

Джоэл, дрожа, медленно протянул руку к кукле, изображавшей Кармен. Фигурка была полностью уничтожена.

Терпеливо, со странным выражением в глазах, Джоэл начал восстанавливать ее.

— Ты только взгляни на него! Все оказалось бесполезным.

Две недели спустя Кертис стоял возле окна библиотеки с коктейлем в руке и смотрел на расположенную за домом лужайку. Возле плавательного бассейна Джоэл отрабатывал бейсбольные приемы с мистером Рейнольдсом.

— Бесполезно? — спросила Алисия, подходя к мужу. Она, как и ее брат Джимми, унаследовала интригующую красоту отца и полуманьчжурскую прелесть Стар, своей матери.

— Бесполезно пытаться научить Джоэла игре в бейсбол. Ты только взгляни на него. У него ведь, как говорится в таких случаях, «стеклянная рука». Да он будет посмешищем на бейсбольной площадке! Он ненавидит эту игру, и меня он тоже ненавидит за то, что заставляю его заниматься

бейсболом. Скажу Рейнольдсу, чтобы больше не приходил. Это пустая трата времени.

— В жизни много других вещей, помимо бейсбола.

— Знаю. А вот наверняка предложи ему вышивать — он чудеса продемонстрирует.

— Дорогой, это жестоко.

— Знаю, что это жестоко, но мне теперь плевать. Мой сын — и вдруг педик. Не думаешь ли ты, что это тоже жестоко, но теперь уже по отношению ко мне?

— Кертис, но ты ведь не знаешь…

— Очень даже знаю. Может, я и ошибаюсь, но это вряд ли. Могу сказать тебе одно: никакой чертов педик не будет управлять «Коллингвуд корпорейшн»!

Алисия обняла и поцеловала мужа.

— Может быть, на сей раз у тебя будет такой сын, какого тебе хочется.

В радостном изумлении он посмотрел на нее.

— О, дорогая, пожалуйста! Пожалуйста, подари мне настоящего сына!

Глава вторая

В 1913 году произошло событие, которому суждено было оказать на дальнейшую судьбу Калифорнии такой же драматический эффект, как и «золотая лихорадка» шестьдесят четыре года назад. Несколькими годами раньше уже было открыто несколько киностудий: компания «Нью-Йорк Моушн Пикчер» еще в 1909 году открыла студию в Эдендейле, которая в 1912 году перешла под управление Мака Сеннетта. «Витаграф» открыл свою студию в Санта-Монике в 1911 году. Но когда Сесил Б. де Милль прибыл в Лос-Анджелес, чтобы снимать своего «Сына индианки» — а приехал он исключительно потому, чтобы сбежать от Патентного треста, — критическая масса уже образовалась, и на свет Божий появился Голливуд, хотя в указанное время лишь несколько студий размещались там. Но, если быть точным, родилась идея Голливуда.

В 1916 году, когда на другом конце света, в Европе, война была в самом разгаре, Алисия и Кертис вместе с тремя своими детьми отправились на ранчо «Калафия», чтобы принять участие в церемонии погребения ее матери Стар, печень которой в конце концов отказала. Когда гроб опустили в могилу, вырытую между могилами ее мужа Хуанито и сына Джимми, Кертис мысленным взором окинул ее жизнь. Родилась Стар в самый разгар «золотой лихорадки» и прожила в Сан-Франциско годы,

которые можно было бы назвать «самым диким периодом» в его истории. Сейчас же все тут было исключительно ухожено и респектабельно. Заново отстроенный после разрушительного землетрясения Чайнатаун выглядел почти так, как выглядят кварталы, выстроенные для представителей среднего класса. Дикий район побережья, Барбари-Коуст, был объявлен вне закона. Колоритное насилие времен юности Стар теперь, казалось, послужило пищей для киносюжетов.

После похорон вся семья села в свой личный железнодорожный вагон и на несколько дней отправилась в Лос-Анджелес. И пока Кертис совещался с руководством лос-анджелесской газеты «Клэрион», Алисия вместе с Джоэлом и двумя дочерьми побывала на студии «Фокс», которая расположилась на бульваре Сансет и Вестерн-Авеню, чтобы посмотреть, как делаются фильмы. В тот раз снимали комедийный фильм «про общество» под названием «Бесконечные раскаяния».

Сейчас Джоэлу было четырнадцать, а вымахал он под шесть футов. Вот уже два года он вынужден был носить очки с толстенными стеклами, чтобы как-то подкорректировать резко ухудшившееся зрение, ослабленное развившейся миопией. Очки придавали его лицу еще более странный вид.

Когда он смотрел, как работает камера и разыгрывается очередной эпизод комедии, причем довольно глупой, в его миопических глазах, которые за толстыми линзами были похожи на глаза совы, появилось напряжение, почти сексуальное возбуждение.

Однажды в дождливый осенний день 1920 года сборная по футболу Академии Св. Стефана из Нью-Хэмпшира мерилась силами с командой Экзетера. Прозвучал судейский свисток, означавший конец первого тайма, и все игроки побежали трусцой по грязному полю к скамейкам.

— Эй, водонос, сюда! — крикнул Норман Никби, полузащитник.

Высокий неуклюжий юноша в очках поспешил на этот зов с оловянным ведерком в руке.

— Джоэл-не-поэл! — сострил Никби, крупного сложения, шести футов роста парень, на которого уже серьезно поглядывали тренеры из Дартмунда. Презрительно усмехнувшись в лицо Джоэлу, он вытащил из ведерка ковш и через край выпил всю воду, после чего швырнул ковш в пустое ведро.

— Спасибо, Сестренка, — сказал он.

Поскольку Джоэл уставился на него, Никби сморщил губы, изобразив поцелуй, ухмыльнулся и уселся на скамью.

Часа полтора спустя вся команда находилась в душевой

Мемориального спортивного комплекса Арчера Коллингвуда. Это был дар, преподнесенный городу отцом Джоэла. Команда Св. Стефана выиграла у Экзетера, и потому все игроки сейчас напевали и возбужденно переговаривались.

— О, парни! — воскликнул левый нападающий. — А вот и наша Сестренка явилась. Смотри, не урони мыло!

Джоэл, который без очков выглядел еще беззащитнее, вошел во вдруг затихшую душевую. Все глаза устремились на его тощую, сутулую фигуру. Найдя в углу незанятую кабинку, он направился туда и включил воду.

— Уо! — воскликнул правый защитник. — Ну и Сестренка у нас, ну и умница!

Прозвища и уничижительный свист заполнили все помещение, когда Джоэл ступил под душ.

— Водоноска! — орал правый нападающий. — Водоноска! А я тэк пить хочу, тэк мне пить хотца. Дорогая, не принесешь ли мне глоточек?

— Неужели папочка дал деньги на этот комплекс, чтобы Сестренка могла ходить в одну душевую с парнями?

Слова вызвали дружный взрыв гогота.

Джоэл намыливался, ничего не отвечая обидчикам.

— Сестренка, — сказал Норман Никби, подходя и протягивая Джоэлу кусок мыла. — Не помылишь ли ты мне спинку, а?

Опять взрыв хохота. Джоэл посмотрел на Никби, потом отвернулся, уставившись в угол кабинки. Норман сделал шаг вперед и резко всунул кусок мыла Джоэлу меж ягодиц.

— Оп-па! — крикнул он, отпрыгнув.

А пока футбольная команда издевалась и изгалялась над Джоэлом, он, крепко зажмурив глаза, выдернул из своего зада мыло.

Вечером того же дня, когда он готовил задание по алгебре в своей маленькой комнатке на верхнем этаже общежития, раздался стук в дверь. Прежде чем он успел сказать «войдите», в комнату вошел одетый в ночную пижаму Норман Никби. Закрыв за собой дверь, он улыбнулся.

— Приветик, Джоэл, — произнес он.

Толстые линзы очков Джоэла обратились на него.

— Что тебе нужно?

— Ну… — скрестив руки на груди, Никби привалился своей мощной спиной к двери. — Знаешь, хотел просто сказать, что я в некотором роде восхищаюсь тобой. Ты столько дерьма выслушиваешь от парней, и никогда еще не огрызнулся.

— А если бы огрызнулся, кому от этого было бы лучше? Все они —

банда полоумных.

— Полагаю, в это число вхожу и я?

— Ты сам сказал это, не я.

— Знаешь, если бы ты с ними хоть раз поговорил по душам, они, возможно, и отвалили бы. Знаешь, все они думают, что ты — мокрая курица.

Джоэл повернулся к своим записям.

— Может, и так. А может, я плевать хотел на все, что они думают. Спокойной ночи, Норман. Завтра у меня экзамен.

Норман несколько мгновений пристально смотрел на Джоэла, затем подошел и положил руки на его костлявые плечи.

— Я мог бы защищать тебя, — мягко сказал он и дружески сжал плечи Джоэла.

Джоэл отложил учебник.

— А зачем тебе это делать?

Норман подался вперед и прошептал на ухо Джоэлу:

— Сделаю, Сестренка, если ты станешь моей подружкой.

Джоэл застыл. Затем из его горла вырвался рык, столь яростный, похожий на звериное рычание, что Норман тут же отпрыгнул назад. Джоэл вскочил со стула и обернулся к Норману, трясясь от ярости.

— Ты мерзкий извращенец! — завопил он.

Сжав кулак, он с такой силой ударил Нормана в нос, что полузащитник грохнулся на пол.

— Слушай, ты, — проговорил, все еще дрожа, Джоэл. — Мой отец дает этой школе огромные деньги и имеет тут большое влияние. Если ты еще хоть раз дотронешься до меня, я скажу отцу и директору школы, и уж они-то позаботятся о том, что кроме гребаной стрижки и бритья ты ничем другим не будешь заниматься всю свою жизнь! А теперь пшел вон!

Явно струсив, Норман Никби, из носа которого текла кровь, кое-как поднялся и выскочил из комнаты.

Однажды теплым летним утром 1926 года одна из пяти горничных, служивших в особняке Коллингвудов, закончила застилать постель Джоэла. Шарлен Миллер была очень смазливой девушкой, начавшей работать у Коллингвудов всего три недели назад. Но и этого времени оказалось достаточно, чтобы набраться от остального персонала самых невероятных сплетен о своих новых хозяевах. Она уже была в курсе того, что мистер Джоэл, единственный сын, только что закончил Йельский университет. Знала, что Джоэл не слишком-то ладит с отцом, и знала — почему.

Вытирая пыль, она задумалась о том, что в этой большой спальне много всяких странностей. По стенам, например, были развешаны самые разнообразные маски: серебряные и деревянные, маски клоунов и маски страшилищ. Повсюду: на стульях и на подоконниках были куклы: тряпичные, фарфоровые, куклы, изображавшие совсем маленьких девочек. Целая стена была забита книгами о театре: полное собрание сочинений Шекспира, полные Ибсен, Джордж Бернард Шоу, а также пьесы, которые сейчас с успехом шли на Бродвее.

На столе, который стоял перед широким окном, выходившим на теннисный корт, возвышалась потрясающей красоты игрушечная сцена. Шарлен даже на минуту замерла с тряпкой в руке, чтобы получше разглядеть маленькое чудо: двух футов в глубину, четырех футов в ширину, театральная сцена была выполнена со всеми подробностями, как в настоящем театре, так что, стоя перед авансценой, можно было разглядеть даже, как мерцают складки настоящего золотого занавеса. «Он, наверное, очень любит театр», — подумала она, протянула руку и коснулась маленького игрушечного актера в костюме Гамлета.

— Не трогать!

Она быстро отдернула руку, подскочив от неожиданности. В дверях стоял Джоэл.

— Пожалуйста, — более мягко добавил он. На нем сейчас были белые фланелевые брюки и полосатая бело-голубая рубашка, расстегнутая у ворота. Он был таким высоким, таким стройным и таким (подумала она) странным, тем более в этих своих толстых очках.

— Извините, сэр, — пролепетала она. — Я ничего тут не хотела испортить.

— Знаю. Тебя зовут…

— Шарлен, сэр.

Он мягко притворил за собой дверь и уставился на нее своими странными глазами.

— А ты очень хорошенькая, Шарлен.

— Благодарю вас, сэр.

Он медленно приблизился к ней, достал из кармана бумажник и, вынув оттуда пятидесятидолларовую купюру, протянул ее Шарлен. Рука Джоэла при этом дрожала.

— Не могла бы ты… — прошептал он.

Она попыталась уйти, однако Джоэл шагнул в сторону и загородил ей дорогу. Вытащив еще одну полусотенную купюру, добавил ее к первой.

Она с любопытством взглянула на него.

— А говорили, что вам девушки не нравятся… — прошептала она.

— Они ошибались, — так же шепотом ответил он, уставившись на ее грудь.

Она взяла из его руки деньги и стала расстегивать форменное платье.

— Закройте лучше дверь.

Он вытащил ключ.

— Уже закрыл.

— Но если нас кто-нибудь застукает…

— Никто нас не застукает… Скажи, как ты считаешь, я безобразный?

Освободившись от своей униформы, она ответила:

— О нет, сэр, вовсе вы не безобразный. По-моему, в вас есть что-то особенное.

Он снял со стены серебряную маску.

— Ты видела развешанные внизу портреты моих предков?

— Да.

— Разве моя прабабка не была красавицей?

— О да. Я часами могла бы любоваться ею. И сенатор тоже был очень красивый.

Стащив через голову рубашку, она увидела, как он через свои толстенные линзы разглядывает ее пышные формы.

— Но ведь по сравнению с ними я безобразен, не так ли?

— Ну…

Он снял очки, положил их на столешницу и приложил к лицу серебряную маску.

— Вот так, — шепотом сказал он, — ты сможешь представить, будто я такой же красивый, как и мой прадед. Фантазия всегда сильнее реальности. В действительности же реальность *тоже* может быть фантазией.

Когда он протянул руку и коснулся ее соска, она нервно прошептала:

— Вы почти как «Привидение в опере». Так называется кино, которое я смотрела. Когда Мэри Филбин сняла там маску с Лона Чейни, я даже вскрикнула.

— Но ведь его отвратительная внешность придает ему некоторый шарм, разве не так?

— Не знаю, мистер Джоэл. Я хотела бы, чтобы вы убрали с лица эту маску. В ней вы немного страшный.

Но маски с лица Джоэл не убрал.

— Наследник здесь! — сказала одна из секретарш в здании «Пасифик Бэнк», что на Монтгомери-стрит.

— Ты хочешь сказать, сын мистера Коллингвуда? — уточнила другая секретарша, и ее намалеванный рот сложился в вопросительную гримаску.

— Да, первый раз он явился сюда. Можешь представить? Быть наследником всех этих миллионов и ни разу даже не заглянуть, чтобы хотя бы узнать, как все эти миллионы выглядят в действительности.

— Я видела его фото в отделе ретрогравюр. Кажется, он очень хорошенький.

— Не трать попусту времени, Джинни. Я слышала, будто бы он… — она сделала непередаваемое движение бедрами, — из *этих*.

— В самом деле?! — вздохнула Джинни. — Какая жалость…

* * *

Как президент и крупнейший держатель акций «Коллингвуд корпорейшн», Кертис имел соответствующий его престижу кабинет. Подобно тому, каким был полвека тому назад офис Эммы, его кабинет был обставлен старинной добротной английской мебелью, стены обшиты деревянными панелями. До сих пор в отношении меблировки бытовало мнение, что самое стильное, что только можно было приобрести, — это обстановка в стиле лондонского клуба. Главным отличием от кабинета Эммы была высота: у Кертиса кабинет был приблизительно на двадцать пять этажей выше над землей, чем некогда кабинет Эммы. 1870-х годах даже мысль о подобной этажности никому не приходила в голову. Однако Эмме наверняка понравились бы те полотна, что были развешаны тут по стенам: картина Пикассо кубического периода и огромная работа Кандинского. Внук Эммы со временем стал одним из крупнейших на Западном побережьи коллекционеров современной живописи.

Дверь в кабинет открылась, и секретарша, миссис Джиффорд, ввела Джоэла. На Джоэле был темно-синий костюм, чрезвычайно консервативный по любым меркам. Однако стоило отцу взглянуть на Джоэла, как он подумал, что даже в обличии банкира сын выглядит «белой вороной».

— А, Джоэл… С Ламонтом ты, конечно же, уже знаком, — он указал на Ламонта Вейна, который стоял у своего стола. Ламонт был дородный лысеющий мужчина, одетый в «тройку». — И, полагаю, ты знаком с мисс Миллер?

Джоэл взглянул на Шарлен, сидевшую на кожаной софе. Она была в очень простом и строгом платье, которое ей очень шло, на каштановых волосах — крошечная шляпка. Джоэл кивнул.

— Я перейду сразу к сути проблемы, — сказал Кертис. — Как тебе

известно, Шарлен поступила к нам на службу в качестве горничной. Вчера она принесла мне письмо от своего доктора, некоего… — он взглянул на конверт, который держал в руке, — доктора Менденхолла из Пало Альто, который подтверждает, что Шарлен на седьмом месяце беременности. Шарлен уверяет, что ты — отец будущего ребенка, и просит, чтобы ей заплатили сто тысяч долларов на содержание ребенка. В противном случае она передаст подробности этой истории Вилли Херсту. Конечно, я совсем не считаю, будто ты и вправду мог оказаться отцом ее ребенка, но Ламонт считает, что в любом случае мы должны расспросить тебя.

Джоэл холодно взглянул на отца, который ответил несколько недоумевающим взглядом, как бы говорившим: «Ты? Отец?! Да брось ты…»

— Это правда, — сказал Джоэл.

Отец даже рот разинул от удивления.

— В самом деле? — выдохнул он.

— Шарлен давно уже моя любовница, и никто из нас не предохранялся. Когда она сообщила мне, что забеременела, я посоветовал ей обратиться к тебе за деньгами для будущего ребенка. Я лично даю ей пятьдесят тысяч долларов и буду заботиться о нем или о ней, в зависимости от того, кто родится, на протяжении всей жизни моего ребенка. Я намерен дать ему самое лучшее образование.

Шарлен расплылась в улыбке.

— Спасибо, Джоэл.

Кертис все так же изумленно разглядывал сына, наконец повернулся к Ламонту Вейну.

— В таком случае, Ламонт, позаботься о деталях этого дела.

— Разумеется. Мисс Миллер, не затруднит ли вас пройти в мой кабинет?

Шарлен поднялась и последовала за Ламонтом. Проходя мимо Джоэла, она послала ему воздушный поцелуй, затем взглянула на его отца.

— Я знаю, что вы думаете про Джоэла, — сказала она, — но, мистер Коллингвуд, вы так неправы! В постели он великолепен. До свидания… дедуля! — и, улыбаясь, вышла с Ламонтом из кабинета; Ламонт прикрыл дверь.

Кертис уткнулся лицом в ладони и почти целую минуту оставался так. Когда же поднял голову, глаза его были красны.

— Я… — он прокашлялся, — я хочу извиниться перед тобой, мой мальчик.

— Почему? Потому что все эти годы обращался со мной как с

уродцем? — Джоэл говорил спокойно, однако за этим спокойствием чувствовалась непоколебимая решительность. — Потому что стыдился своего единственного сына? Думал, что он «голубой» — и только потому, что сыну не нравился бейсбол? Какие же у тебя в таком случае ограниченные, провинциальные представления о том, что такое мужчина. Хочешь, скажу, кто был единственным «голубым», которого я встретил в жизни? Норман Никби. Ты на его счет отпускал столько комплиментов, особенно когда он играл в футбол. Ведь именно его провозгласили «лучшим атлетом года». Едва ли я могу гордиться чем-нибудь из содеянного в моей жизни. Йельский университет я закончил посредственно, умею мастерить кукол и театральные костюмы, но ведь это все девчоночьи игрушки. Творчество и чувствительность для тебя всегда «девчоночьи игрушки». Впрочем, кое-что ты все-таки должен мне, отец. Именно ты сделал невыносимым мое детство. Ты пыжился от самодовольства, тогда как мне нужна была любовь — каким бы странным я ни был. Ты был для меня дерьмом.

Последнее слово было как удар хлыста. Кертис напрягся. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал, сложил руки за спиной, подошел к окну и уставился на улицу. Джоэл подумал, что отец как-то вдруг состарился. Наконец Кертис обернулся.

— Все, что ты сейчас сказал — правда, — произнес он. — Я недооценивал тебя. Если честно, то я попросту тебя ненавидел.

— Я знаю.

— Я молился, чтобы Алисия родила мне еще одного сына, но вместо этого она рожала мне дочерей.

— Знаю. И ты был обязан иметь дело со мной, ибо что девчонки понимают в бизнесе!

— А ты интересуешься бизнесом?

— Не исключено. Но только теперь тебе придется бороться за мою любовь, папа. Нужно сначала рассчитаться за прошлое. Ты должен дать мне то, что я у тебя попрошу.

— И что же ты попросишь, Джоэл?

— Киностудию.

Несколько секунд, раскрыв рот, отец смотрел на сына.

— Киностудию?!

— Да, мне нравится кино. Ты же знаешь, что с детства театр завораживал меня. Но будущее именно за кино! Я был лучшим учеником в «Йельской школе драматического искусства», и я уверен, что смогу делать превосходные, коммерчески выгодные киноленты. Купи мне студию и

финансируй меня в течение первых шести лет, а столько ты уж наверняка мне задолжал. Позволь мне до тридцати лет заниматься тем, чем я хочу заниматься, что я люблю. А там, что меня ждет — успех или поражение, — но обещаю, что потом я приеду сюда, в Сан-Франциско, и войду в семейный бизнес, начав изучать все стадии дела, начиная с самого начала. Всю оставшуюся жизнь ты можешь использовать меня, но шесть лет ты мне дать обязан. Позволь же мне шесть лет заниматься киностудией.

Кертис внимательно оглядел костлявого, чем-то похожего на птенца сына.

— Джоэл, — сказал он, — ты порядком меня огорошил, и не буду сейчас притворяться, будто бы понимаю тебя. Но главное, что после всех этих лет я наконец-то обрел сына, и сердце мое исполнено радости. Ты получишь, что хотел получить.

Он подошел к Джоэлу и крепко обнял его.

Впервые с детских лет Джоэл Коллингвуд, этот странный ребенок, разрыдался.

В «Вэрайети» от 20 сентября 1926 года появился такой материал:

ПРУМ-БУРУМ-БУМ-БУРУБУМ!

Потомок Коллингвуда покупает «Пэнтейджес-Студио». Намерен делать классные фильмы, шедевры «качества и красоты»!

Ехидный Знаток.

Глава третья

Однажды теплым летним днем 1928 года Тед Споулдинг ехал на своем «форде-Т» по пыльной дороге штата Айова и вдруг увидел на обочине голосующую девушку. В руке у нее был небольшой саквояж, одета она была в белое платье, не доходившее до коленок, которые были круглыми, как у девочки-подростка. Тед еще подумал, что никогда в жизни ему не доводилось видеть таких великолепных ножек. Подъехав поближе и разглядев лицо девушки, он возбудился настолько, что адреналин чуть было не разорвал его кровеносные сосуды.

— О черт, неужели сегодня мой счастливый день?! — пробормотал он себе под нос, вырулил на обочину и остановился.

— Куда едем? — осведомился Тед.

— В Голливуд, — ответила блондинка.

— Ну, так далеко я, разумеется, не собирался ехать, но мог бы подбросить тебя до Де Муана.

Девушка ловко взобралась в кабину и уселась на переднее сиденье рядом с водителем. Тед выжал сцепление.

— В Голливуд, значит, путь держишь? Должно быть, хочешь стать кинозвездой? — спросил Тед, у которого было дружелюбное, все в веснушках лицо.

— Верно.

— А как тебя зовут, мисс Кинозвезда?

— Дикси Давенпорт. Нравится?

— Дикси Давенпорт. Ловко придумано, в этом есть и немного хвастовства, и даже подобие ритма, если понимаешь, что я имею в виду. Это твое настоящее имя?

— Конечно нет! Я сама придумала его.

— А настоящее как?

— Не твое дело.

— О'кей. Откуда родом?

— Из маленького городка около Луисвилля, это в штате Кентукки. Именно поэтому я и придумала себе имя «Дикси».

Тед ухмыльнулся.

— А почему тогда «Давенпорт»? В память о каком-нибудь пареньке, который отделал тебя на софе?

Она холодно посмотрела на него своими голубыми глазами.

— Нет конечно. Я просто вспомнила про город Давенпорт, штат Айова.

— А любовью ты заниматься умеешь?

— Не твое дело.

— Что ж, ты достаточно хорошенькая, чтобы стать кинозвездой. Я тут недавно читал в одном журнале, что они, эти парни в Голливуде, чего там только не вытворяют. В некотором смысле можно сказать, что Голливуд — это что угодно, но только не девственная территория Америки. — И вновь он улыбнулся ей.

— Не будь вульгарным.

— А вот скажи, если бы вдруг какая-то шишка, директор там, или продюсер, сказал тебе, что за поцелуй — или кое-что побольше — даст тебе какую-нибудь роль в фильме, ты бы согласилась?

— Тебя это совершенно не касается. И, пожалуйста, смотри лучше на дорогу. Не хочу сыграть в ящик.

— Слушай, а ты, что называется, прохладная штучка в жаркий денек. А ведь сегодня и впрямь жарко, а?

— Угу.

— Такая жарища, что самое бы время снять с себя всю одежду и прыгнуть в бассейн, правда ведь? И звучит заманчиво. Прохладная вода бассейна на твоей коже, а?

— Угу.

— А между прочим, я знаю один такой бассейн. Поедем?

— Как тебя звать?

— Тед. Тед Споулдинг.

— Слушай, Тед, ты такой примитивный, что просто смешно. И кроме того, я не такая, как ты думаешь. И если уж я отважусь на какой-нибудь поступок, то не иначе, как в самом Голливуде, где мне от этого польза может быть. Но уж никак не с каким-то рыжим водилой, который, наверное, и не знает, что делать, если я разденусь.

— Хочешь на спор?

— О! Ты, наверное, воскресший Рудольфо Валентино?

— Во всяком случае, я знаю, как сделать так, чтобы женщине было по-настоящему приятно.

Она бросила на него быстрый взгляд. По ее расчетам, он был двадцати с небольшим лет, при этом симпатичный. На нем был джинсовый костюм и ничего больше.

— Я что хочу сказать, — произнес он. — Сейчас три часа пополудни. Неподалеку отсюда есть один мотель, возле Де Муана, мы через час будем уже там. Я оплачу комнату в мотеле и заплачу за твой обед, идет?

Почти целую минуту девушка молчала, а тем временем «форд-Т» трясся по сухой пыльной дороге. Наконец она сказала:

— О'кей.

На следующее утро в пять часов, когда Тед еще громко храпел, лежа на животе в комнате «А», на измятой после бурной ночи постели, Дикси осторожно слезла с кровати, надела на себя легчайшие кружевные трусики, которые приобрела при помощи голливудского каталога «Лав Найт». Затем натянула на себя белое платье, туго облегавшее фигуру, надела белые туфельки. Глядя на спавшего Теда, она осторожно подошла к стулу, на который он швырнул свои джинсы, пошарила в карманах и наконец обнаружила бумажник. Осторожненько вытащила его. Четыре десятки и три бумажки по доллару она аккуратно сложила и сунула в свою сумочку. Взяв с ночного столика ключи от машины, подхватила чемодан и на цыпочках двинулась к двери.

Две минуту спустя Тед проснулся от странного звука: именно такой звук издавал его «форд-Т», когда он заводил мотор. Тед поднял голову и

сонно оглянулся вокруг. Через кисейные занавески он вдруг увидел, что его машина, стоявшая перед окном, вдруг тронулась с места.

— Э-эй!

Он выскочил, как наэлектризованный, из кровати и подбежал к окну. Его родной «форд-Т» выруливал на автостраду, нацеливаясь на запад, туда, где розовел рассвет.

— Су-ука! — крикнул он и кинулся к двери, распахнул ее, позабыв, что совершенно голый. — Верни машину, сучара!

Автомобиль скоро скрылся из глаз.

— Дерьмо!

— Джентльмены, я принял решение, что следующим фильмом, который мы запустим в производство на студии «Коллингвуд», будет первый у нас звуковой фильм «Жанна д'Арк».

Сидевший в зале совещаний во главе длиннейшего стола Джоэл Коллингвуд сделал это заявление в своей обычной спокойной манере. Однако реакцией на это заявление была гробовая тишина.

— «Жанна д'Арк»? — переспросил Чак Розен, вице-президент компании Джоэла, отвечавший за финансы. — Это про ту святую, что ли?

— Совершенно верно. Это одна из самых захватывающих историй всех времен и народов, а Жанна — одна из величайших героинь в истории человечества.

Розен оглядел стол, за которым сейчас собрались еще восемь человек. Они, казалось, не меньше его были огорошены услышанным.

— Джоэл, — сказал он, — когда ты нанял меня, ты сказал, что тебе совершенно не нужны люди, которые поддакивают начальству. Так вот, я намерен сказать то, что думаю. Полагаю, что фильм про Жанну д'Арк. — затея ужасная, более того, никудышная. Но, конечно, если ты намерен и дальше бросать деньги на ветер, то это великая идея. С того самого момента, как ты приобрел эту студию, были сделаны три картины — и все три оказались убыточными. На «Леди с лампой» мы потеряли целое состояние, потому что никому в Америке нет дела до какой-то там бабенции, которая погибает от холеры во время войны, о которой никто в Америке и слыхом не слыхивал.

— Флоренс Найтингейл едва ли подпадает под определение «какой-то там бабенции». И кроме того, я горжусь этой кинокартиной. Она получила прекрасные отзывы критики.

— Это были критики, печатающиеся в газетах твоего старика.

Джоэл в ответ сжал губы.

— Газеты моего отца не отдают мне никакого предпочтения перед другими.

— Да брось ты, Джоэл, кого ты пытаешься надуть? Даже если твой отец вызовет к себе репортеров и даст им задание написать то, что они в действительности думают о твоих фильмах, неужели ты полагаешь, что они такие кретины, что вовсе не дорожат своими рабочими местами? Пойми, я даже рад, что они поместили хвалебные отзывы. Приятно иметь у себя в кармане целых двадцать девять газет с национальной аудиторией. Но люди-то на эти фильмы как не ходили, так и не ходят. Они не пришли, чтобы посмотреть на Флоренс Найтингейл, равно как, даю голову на отсечение, не придут смотреть и на Жанну д'Арк. В фильмах им нужен секс, нужны потасовки, титьки и стволы, направленные в объектив, шлюхи и заварухи. А никакие французские святые им и даром не нужны.

Маленькие глаза Джоэла, увеличенные линзами, впились в финансиста.

— И тем не менее, — сказал он своим высоким голосом, — мы будем снимать фильм про Жанну д'Арк. Я не Луис Б. Майер. Я не бизнесмен от кино, я художник. Я хочу создавать красивые фильмы, а если публика не желает смотреть мои картины, тем хуже для нее, а не для меня.

Чак пожал плечами.

— Твои деньги — тебе их и тратить.

— Вот именно. — Джоэл повернулся к Барри Маршаллу, который возглавлял отдел рекламы. — Барри, мне нужна твоя помощь. Я хочу, чтобы ты помог мне разыскать девушку, которая могла бы сыграть Жанну. Хочу, чтобы сами поиски кандидатуры уже превратились в великолепную рекламу фильма. Свяжись с Венди Фэрфакс из «Клэрион» и скажи ей, что я начинаю поиски самой красивой и самой непорочной девушки Америки, чтобы эта девушка сыграла роль Жанны. Пусть Венди поищет как следует.

— Самая непорочная девушка Америки… — задумчиво сказал Барри. Его задача была непростой, поскольку студия «Коллингвуд» заработала себе репутацию фирмы вечно прогорающей и не прогоревшей до сих пор только потому, что служит игрушкой для богача. — Интересный поворот: самая непорочная девушка Америки. Что ж, мне это нравится.

— Держи эти гроздья перед своими титьками, детка. Как зовут-то тебя?

— Дикси.

— Так вот, Дикси, теперь улыбнись так, словно ты любишь весь мир.

Дикси позировала обнаженной, и лишь три стратегических места были

прикрыты виноградными гроздьями. Съемка велась в затрапезной фотостудии на бульваре Голливуд. Дикси изобразила улыбку, и фотограф немедленно полыхнул вспышкой.

— Великолепно, Дикси. Знаешь, у тебя к этому и вправду талант. Да и фигурка твоя мне очень нравится. Давай-ка сделаем один снимочек без винограда.

— Хочешь сказать, что намерен снять меня совсем без ничего?

— Именно так, Трикси.

— Дикси.

— Извини, Дикси [43]. На вспышечку смотрим… так… Конечно же, потом я несколько подретуширую снимки, чтобы твой Гранд Каньон выглядел чуть затуманенным. Получится очень недурственно, сама увидишь.

— Мистер Эванс, я не позирую голой.

Фотограф вынырнул из-под своей черной накидки.

— Послушай, милочка, — сказал он, — не кажется ли тебе, что сейчас несколько поздновато жеманиться? Я приплачу еще десять долларов, только брось ты эти чертовы гроздья.

— Пусть будет двадцать долларов.

Джордж Эванс немного поколебался.' Не было никакого сомнения в том, что Дикси Как Бы Там Ее Ни Звали прямо-таки исходит сексапильностью. Как профессиональный фотограф, не чуравшийся и левых заработков, Джордж уже снимал дюжины потрясающих девиц. Этого добра в Голливуде всегда хватало с избытком. Они стекались сюда со всего света, привлекаемые славой и блеском кино.

Но эта была совершенно особая. У этой девушки была аура…

— Ладно, двадцать, — сказал он.

Дикси Давенпорт положила гроздья на стол и посмотрела в объектив — совершенно и восхитительно обнаженная.

— Ну вот, у Младшего опять все то же, — сказала Венди Фэрфакс, входя в офис издателя лос-анджелесской «Клэрион» Декстера Грея.

— И что на сей раз? — спросил Декстер, откидываясь на спинку крутящегося кресла.

— Гениальный Парень с бульвара Санта-Моники намерен теперь делать фильм о… — приготовься, чтобы не упасть, — о Жанне д'Арк!

— О Господи!

— Лучше бы уж он делал ту картину, которая называется «Ему». — Венди оперлась о стол босса и потянулась за сигаретой.

Любившая эффектно одеваться, Венди вела в «Клэрион» колонку городских сплетен. Кроме того, ее материалы появлялись во всех двадцати девяти газетах, принадлежавших Коллингвудам. Ее ежедневную колонку «Сегодня в Голливуде» прочитывали около четырех миллионов человек. В свои тридцать шесть Венди была симпатичной, влиятельной и, что еще важнее, неглупой. Закурив, она выпустила длинную струю дыма.

— Ты все время контактируешь с его отцом, — сказала она. — Неужели ему еще не надоело смотреть, как его сынок выбрасывает деньги на ветер? Я, конечно, понимаю, что Коллингвуды стоят уже N-лионы долларов, но даже и в этом случае этот псих буквально разбрасывается ими. Неужели его отцу это до лампочки?

— Кертис никогда не критиковал Джоэла, по крайней мере при мне, — сказал Декс Грей. — У меня такое чувство, что они с сынком заключили какую-то сделку. Но — Жанна д'Арк?! Я уже слышу свист и улюлюканье.

— Угу. А Барри Маршалл рассказывал мне, что наш Гениальный Парень собирается потратить на этот фильм миллион долларов. Как бы то ни было, Джоэл уже начал грандиозные поиски Самой Непорочной Девушки Америки, чтобы та сыграла Жанну.

— Лос-Анджелес в своих поисках он может пропустить.

— Пожалуйста, босс! Кто может быть назван более непорочной, чем одна ваша очаровательная ведущая колонки? — Она распахнула свои большие карие глаза.

Венди когда-то мечтала стать актрисой, но, потерпев неудачу на актерском поприще, она начала свою журналистскую карьеру, найдя, что эта профессия куда забавнее и интереснее.

— Да уж такая непорочная, что дальше некуда!

— А как насчет Дороти Паркер? Она потянет на такую роль? Может, дадим разворот на эту тему, с фотографиями?

— А почему бы и нет? Это все-таки лучшая новость, чем ураган Санта-Анна, — сказал Декс Грей. — Жанна д'Арк, о Господи!

Венди отклеилась от его стола и направилась к дверям.

— Между прочим, есть и еще некоторые новости, — сказала она. — Джил сообщил мне, что они нашли еще одно тело где-то на холмах.

Декс Грей вскинул голову.

— Еще одна «прости-господи»?

— Да, опять шлюха. Горло перерезано, а вся она — как туша, побывавшая у мясника. Стиль Джека-Потрошителя. Так что, добро пожаловать в солнечный Лос-Анджелес!

Боб Крейн читал вестерн и одновременно слушал радио, когда раздался стук в дверь его меблированной комнаты в пансионе на Ван Несс-Авеню. Была душная ночь, поэтому все окна у него были нараспашку, а сам Боб сидел в одних трусах. Положив сигарету «Кэмел» в изящную пепельницу, он поднялся и пошел открывать. Боб был крепким мужчиной с иссиня-черными волосами и резкими, слегка лисьими чертами лица.

Он открыл дверь. На пороге, облаченная в халат, стояла одна из самых сексуальных блондинок, каких ему только доводилось видеть.

— Привет! — с легким придыханием сказала она, одарив его своей самой очаровательной улыбкой. — Я понимаю, что сейчас поздновато, но нельзя ли у вас одолжить немного сахара?

Крейн не мог отвести от нее глаз.

— Ну конечно же! Минуточку.

Он направился к окну, где стояла двухконфорочная плита. Взяв с полки пачку сахара, вернулся к двери.

— У меня только рафинад. Вас это устроит?

— Разумеется. Весьма любезно с вашей стороны. Завтра я вам непременно верну.

— Договорились. А вы что же, новенькая здесь?

— Угу. Снимаю комнату напротив вас через холл. Кажется, здесь премиленький пансион.

— Хороший. А вы что же, из мира кино?

— Пытаюсь как-нибудь проникнуть в него, но пока не слишком-то успешно. Чертовски трудно прорваться!

Он поднял бровь.

— Не думаю, что у вас могут возникнуть в этом сложности.

— Спасибо за комплимент, но вы не знаете, сколько девушек спят и видят себя актрисами.

— Очень даже знаю, я ведь сам кинооператор.

Улыбка Дикси сделалась еще слаще.

— О да, миссис Кендалл, хозяйка, что-то такое рассказывала про вас. Она говорила, что вы такой приятный жилец. Это она произнесла после целой лекции о том, как, почему и отчего она не любит киношников.

— Ну, вы должны понять. Еще лет десять назад по всему городу были развешаны плакаты: «Запрещается вход людям с собаками и киношникам».

— Разве это не ужасно? Можно подумать, что все, кто связан с кино, сплошные отбросы общества. Но если среди киношников и попадаются непорядочные люди, это ведь не повод, чтобы клеймить всех без разбора, ведь правда? — и она робко улыбнулась. — Что ж, не буду вам больше

мешать. Была очень рада познакомиться с вами, мистер… О, мы ведь незнакомы.

— Гм… Боб. Боб Крейн.

— А я Дикси Давенпорт.

— А скажите, Дикси, зачем вам сахар?

— Я собиралась сварить кофе…

— А у меня как раз кофе готов, так что если вы…

Дикси, понизив голос, сказала:

— Мисс Кендалл говорит, что не положено заходить в комнаты других жильцов пансиона.

— Чего мисс Кендалл не узнает, то ей и не повредит.

Дикси не заставила себя долго упрашивать и впорхнула в комнату, одарив Крейна такой улыбкой, которая растопила бы и камень.

— Пожалуй, вы правы, Боб.

Дувший с холмов ветер растрепал светлые волосы девушки. Ее обнаженное тело лежало, распростертое, во рву в районе голливудских холмов. Горло ее было перерезано, а сама она была частично выпотрошена.

— Хорошенький вид, не правда ли? — спросил Клифф Паркер. Будучи теперь комиссаром полицейского управления Лос-Анджелеса, он оставался тем же простым и мужественным человеком, каким начал свою службу в полиции двадцать два года назад, каким был и тогда, когда помог Кертису Коллингвуду найти убийцу Карла Кляйна на яхте генерала Ченнинга.

Клифф и прибывшие с ним на место происшествия двое полицейских смотрели на обезображенный труп, в то время как полицейский фотограф делал снимки тела в различных ракурсах. Репортер из «Клэрион» Джил Амстер и еще шестеро журналистов ожидали в нескольких футах разрешения полиции подойти к трупу.

— Есть какие-либо соображения, кто она?

Мы обнаружили ее сумочку, — сказал детектив Брайан Филлипс. — Ее имя Труди Уайтхед, представлялась мужчинам актрисой. Такая же, словом, история, как и с теми тремя случаями. И на теле мы обнаружили ту же «визитную карточку». Причем на ней опять никаких отпечатков пальцев.

И он продемонстрировал серебряную маску.

— Эй, шеф! — крикнул со своего места Джил Амстер. — Стало быть, еще одно убийство, совершенное Фантомом?

Паркер перевел взгляд на курчавого репортера, который придумал эту кличку «Фантом Голливуда» для убийцы, который оставался до сих пор непойманным и который на каждой жертве оставлял серебряную маску в

качестве своего «товарного знака».

— Похоже на то, — ответил Паркер.

— Вот это да, черт побери!

Остальные репортеры, услышав ответ, устремились к своим автомобилям, торопясь первыми донести эту новость до газет.

Ветер продолжал ерошить волосы Труди Уайтхед, которая была не настоящей, а крашеной блондинкой. Четыре года назад она приехала в Голливуд из штата Монтана, желая стать кинозвездой.

Сейчас душа ее была среди настоящих звезд.

Глава четвертая

Венди Фэрфакс сидела за рулем своего скоростного «дузенберга джей», который только что миновал освещенные ворота из белого кирпича дома 1141 по Саммит-Драйв, что в Беверли-Хиллз, по одной стороне с особняком Чарли Чаплина. «Дузи», обошедшийся своей владелице в десять тысяч долларов, был ее страстью; даже в охваченном автомобильной лихорадкой Лос-Анджелесе этот автомобиль был из разряда тех, которые невольно обращают на себя внимание зевак; изящных форм, с откидным верхом, алюминиевой легкой основой и двигателем в 265 лошадиных сил прямой состыковки.

Венди направлялась сейчас к выстроенному в испанском стиле особняку, что просматривался в отдалении. «Фейрхилл» был построен десять лет назад одним из «апельсиновых королей», снимал же особняк Джоэл Колллингвуд, выплачивая огромную сумму в две с половиной тысячи в месяц. Поскольку Джоэл жил замкнуто, не стремясь попасть в голливудский водоворот, и поскольку Венди никогда прежде не бывала в «Фейрхилле», то она строила большие планы на сегодняшний вечер. Сегодня утром Венди брала у Джоэла интервью по поводу его поисков никому не известной девушки, которая могла бы сыграть Жанну д'Арк. К ее удивлению, Джоэл пригласил ее на ужин. Венди не нуждалась в уговорах.

Доехав до особняка, Венди выключила мотор и вышла из автомобиля. Одетая в черное бархатное платье от фирмы «Шанель», с ярко подведенными губами, несколько фривольными черными кудрями над карими глазами, она уверенно направилась к главному входу, освещенному искусной работы яркими светильниками на стальных подставках. В ожидании Венди осмотрелась вокруг. На территории в семь акров располагались ухоженные сады с освещенными мягким светом фонтанами. Венди еще подумала, что это место просто магическое, но тогда и Джоэл — «Гениальный Мальчик» — тоже отчасти маг. Но не сродни ли магии все то,

что связано с миром кино?

Дверь открыл сам Джоэл. Он был одет в то, что уже давно стало его «фирменным знаком»: белоснежные фланелевые слаксы и итальянскую шелковую цветную, расстегнутую у ворота рубашку, вокруг шеи был повязан спортивный галстук. Джоэл был значительно выше Венди, и с высоты своего роста сквозь сильнейшие линзы смотрел на нее.

— Добро пожаловать в «Фейрхилл», — сказал он своим тихим голосом.

Она вошла в огромный вестибюль, охватив сразу взглядом и деревянные панели на потолке, и бриллиантовые искры на мраморных плитах пола.

— Мне, наверное, следовало бы вас предупредить, — продолжал Джоэл, провожая ее в гостиную, — что я придерживаюсь несколько необычной диеты. Я вегетарианец, совершенно не ем жира, главным образом употребляю салаты, хлеб и фрукты. Надеюсь, вы не будете против?

— Отнюдь. Я сама думаю, что немного похудеть мне не помешало бы. — Тут она остановилась в изумлении: огромная гостиная оказалась совершенно пустой. — Может, на бирже что-нибудь случилось, о чем я не успела узнать?

— Пардон?

— А где же обстановка? Или ее описали и увезли?

— А, вы об этом… — Он сделал неопределенный жест, по которому она поняла, что мысли Джоэла были далеко отсюда. — Когда я арендовал этот дом, обстановка здесь была такая отвратительная — совсем как та, которую вы можете видеть в любом универсальном магазине, — что я отправил ее на склад. А поскольку все мои фирмы убыточны, я дал себе своего рода обет оставаться в бедности.

Венди улыбнулась.

— Нехарактерно для Коллингвуда.

— Фактически те деньги, на которые я живу, приходят вовсе не от Коллингвудов.

— От кого же?

— Был когда-то такой покрой платьев — «от графини Зиты».

— Я помню, эти платья носили, когда я была еще совсем маленькая.

— Эта самая графиня Зита существовала на самом деле, она жила с моим прадедом, Феликсом де Мейером. В те времена они считались скандальной парой, ибо жили невенчанные, главным образом по религиозным соображениям. Когда Феликс умер, он оставил Зите несколько миллионов долларов. Когда же в 1910 году и она умерла, то все,

чем владела, завещала мне. Вот как раз на эти деньги я сейчас и живу. Знаю, что в этом городе едва ли не все уверены, будто бы у меня денег куры не клюют, но это не совсем так. Ну и кроме того, мне нравится жить, не видя перед собой ничего лишнего.

— Да уж, здесь поистине нет ничего лишнего.

Он усмехнулся.

— Лишнее — это то, что у меня в голове, — сказал он, постучав по виску. — Она забита одним только кино. Мои фильмы — это для меня главное в жизни. В кухне есть несколько стульев. Можем пойти туда и побеседовать.

Он провел Венди в еще одну пустую комнату.

— Это столовая, — сказал он. — Тут некогда стоял отвратительный стол.

— У вас нет слуг?

— Нет. Я живу очень просто.

— Не возражаете, если в своей колонке я расскажу читателям про это?

— Думаете, кому-нибудь это интересно?

— Вы шутите? Вы ведь Коллингвуд! Вам достаточно чихнуть — людям уже интересно!

Он задержался у входа в комнату дворецкого и нахмурился.

— Мой отец частенько говорил то же самое, ссылаясь при этом на своего отца, моего деда. Многим людям хотелось бы быть Коллингвудом, но еще в детстве, засыпая, я часто молил Бога сделать так, чтобы утром я проснулся не Коллингвудом, а кем-нибудь еще.

— Почему?

— Потому что мой отец ненавидел меня.

Открыв дверь, Джоэл проводил Венди через комнату дворецкого на огромную чистую кухню, где имелась по крайней мере хоть какая-то мебель: деревянный стол и четыре деревянных стула. На столе было накрыто на двоих: стояли мексиканские тарелки и раскрашенные мексиканские стаканы.

— Хотите вина? — поинтересовался Джоэл. — Я получил его от бутлегера отца. Это белое бургундское.

— Благодарю, не откажусь. Скажите, а что означают вот эти маски? — Она показала на десяток с лишним масок, которые были развешаны по стенам кухни. Одни из них были серебряными, другие золотыми, некоторые были украшены перьями.

— О, я их собираю, — пояснил Джоэл. Открыв холодильник, он вытащил бутылку вина. — Маски всегда меня завораживали, еще когда

ябыл совсем мальчишкой. Может, потому, что в детстве я никогда не был особенно счастлив, я всегда пытался отгородиться маской от мира и притвориться, что я — не я, а кто-то совсем другой.

— А сейчас вы счастливы?

— О да. В разумных пределах, по крайней мере.

Когда Джоэл начал откупоривать бутылку, Венди стала разглядывать маски, затем перевела взгляд на полку, где находились разнообразные кухонные ножи. Вдруг она поймала на себе странный взгляд Джоэла.

Венди Фэрфакс неожиданно для себя испытала чувство, которое никак не рассчитывала испытать в этот мягкий душистый вечер на Беверли-Хиллз. Чувство было — животный, могильный ужас, пронизавший все ее существо.

Над входом в закусочную Баркиса красовалась огромнейшая собака, которая своими когтями дотягивалась в обе стороны до краев здания. Около одиннадцати часов вечера Венди затормозила около этой популярной закусочной на бульваре Сансет. Припарковав автомобиль, она поспешила в закусочную Баркиса, которая слыла местом, где обычно тусовались журналисты. Здание было одним их тех многих недавно появившихся заведений диковатой архитектуры, которые расплодились по всему Лос-Анджелесу и благодаря которым город приобрел тот несколько необычный облик, который у знатоков и снобов вызывал ухмылку.

Джил Амстер сидел в углу и ел жареный картофель с подливкой. Венди уселась на свободное местечко напротив него.

— Ну, как тебе наш Гениальный Парень? — спросил Джил, симпатичный мужчина, коренной житель Лос-Анджелеса.

— Странный. И весьма любопытный. Просмотрел уже полсотни девушек на роль Жанны д'Арк, однако так и не сумел пока найти то, что ищет.

— Если ему нужна непременно девственница, ему надо отправиться в Северную Дакоту.

— Почему ты так уверен, что в Северной Дакоте водятся девственницы?

Подошла симпатичная официантка-блондинка.

— Приветствую, мисс Фэрфакс. Хотите чего-нибудь?

— Боже, конечно! Я умираю от голода! Принесите мне средний чизбургер, картофель и порцию коки.

— Сейчас, мисс Фэрфакс.

— Какую-нибудь работенку в кино судьба еще не подбросила?

— Пока нет, хотя надежды еще не потеряла.

— Теперь я знаю, почему наш Гениальный Парень жутко тощий, — сказала Венди, когда официантка отошла к прилавку. — Обед был поистине монашеским: пшеничный хлеб, салат и немного клубники.

— Хорошо, что он меня не пригласил.

— Но он весьма странный. Во всем доме практически нет никакой мебели, хотя сам особняк просто огромный. Но знаешь, Джил, я там увидела еще кое-что — куда более странное.

— А именно?

Она перегнулась к нему через стол.

— Он собирает маски.

Джил Амстер, доедавший последнюю порцию жареного картофеля, нахмурился.

— Какие маски?

— Самые разные. Для лица. Как твой дружок Фантом.

Джил некоторое время размышлял, затем пожал плечами:

— Ну и что?

— Как «ну и что»?! А вдруг Джоэл Коллингвуд и убивает всех этих женщин? Это был бы материал столетия!

— Слушай, детка, ты, похоже, уже все для себя решила.

— Может, да, а может, и нет. В семействе Коллингвудов есть ярко выраженная ненормальная черта, которая передается из поколения в поколение. Брат Алисии Коллингвуд Джимми был убийцей, сестра Кертиса Коллингвуда Альма — законченная нимфоманка. Кто может поручиться, что у Джоэла нет каких-нибудь своих прикидов? С моей точки зрения, он определенно ненормален.

Джил открыл новую пачку «лаки страйк», третью за этот день.

— Ты это серьезно? — спросил он, щелчком выбивая сигарету, — Ты действительно веришь в то, что Джоэл Коллингвуд и есть Фантом Голливуда?

— Я лишь говорю, что такое возможно.

— Господи… — Джил прикурил сигарету. — Если это правда, то скандал будет грандиозным. Он выдохнул струю голубого дыма под закопченный потолок закусочной. — Не знаю, опубликуют ли это коллингвудовские газеты, но это будет сенсация! И с каким же удовольствием я обмажу Коллингвуда дерьмом!

— Политика здесь ни при чем.

— А почему? У них слишком много деньжищ, слишком много вообще всего. Необходимо делиться. Именно в перераспределении богатства и

нуждается эта страна.

— О'кей, о'кей, только брось ты эту свою социалистическую белиберду! В любом случае, что ты собираешься делать?

Джил Амстер на мгновение задумался.

— Может быть, начну слежку за Джоэлом Коллингвудом.

— Бобби, — промурлыкала Дикси Давенпорт, проводя кончиком пальца по острому носу помощника оператора, — как ты думаешь, можно мне как-нибудь прийти на площадку, чтобы хоть одним глазком посмотреть, как ты работаешь? Раз уж мне, судя по всему, не светит получить работу в кино, так по крайней мере хоть посмотрю, как это самое кино делается.

— О чем речь, детка… — сказал Крейн, лежа рядом с ней в своей постели. Четыре ночи кряду Дикси на цыпочках приходила по главному холлу пансиона и делала Боба по-настоящему счастливым. Он нежно погладил ее поистине великолепную грудь. — Но, может быть, я смогу организовать для тебя и кое-что получше. В четверг начинаются съемки фильма о Великой французской революции, понадобится много массовки. Я переговорю с Джитером Смитом — он занимается набором людей для съемок. Тебе не хотелось бы сыграть какую-нибудь французскую пейзанку?

— О, Бобби, это было бы великолепно! О, я обожаю тебя!

Забравшись на Боба, она принялась страстно целовать его.

— Господи, детка, — отдувался он. — Если участие в массовке привело к такому эффекту, то что же будет, если я сумею раздобыть для тебя роль со словами?

Она взяла свою левую грудь и поднесла сосок к его губам, одновременно тесно прижимаясь животом к его члену.

— Достанешь — тогда и увидишь, — прошептала она. — Только достань, тогда все-все и увидишь.

— Кто эта блондинка? — спросил Уиллард Корнелл, режиссер фильма «Дочь дьявола», картины о Великой французской революции, которую снимала студия «Парамаунт».

— Новая подружка Крейна, — ответила Джитер Смит. — Он упросил меня дать ей роль.

— Черт возьми, Джитер, ты же знаешь, что мне это не нравится.

— Знаю, но Боб отличный парень и, кроме того, взгляни на нее!

— Я вот и смотрю. Какая шикарная баба, Господи! У нее такие титьки, что ни за что не удержишь член в трусах!

— О чем и речь.

— Давай ее сюда и познакомь нас.

Джитер протиснулся сквозь галдевшую массовку, расположившуюся около декорации, долженствующей изображать Бастилию. У электриков возникли какие-то неполадки со светом, и потому объявили получасовой перерыв.

— Извините меня, мисс, э…

— Мисс Давенпорт.

— Да, так вот, мистер Корнелл, режиссер, хочет познакомиться с вами.

— О! — Она улыбнулась. — С удовольствием!

Колыхнув грудями так высоко, как только позволял лиф крестьянского платья, она поспешила вслед за Джитером сквозь толпу, маняще выставив грудь. Когда они подошли к вращающемуся брезентовому креслу Уилларда, Джитер представил:

— Мистер Корнелл, это мисс Давенпорт.

Уиллард, коротконогий, невысокого роста мужчина за пятьдесят, осмотрел ее с ног до головы.

— Если бы французские крестьянки так же вот, как вы, обнажали грудь, мисс Давенпорт, вряд ли бы французам было до штурма Бастилии.

— Девушка из костюмерной сказала мне, что нужно «показать товар лицом».

— Ага. И вы в точности последовали этой инструкции. Ну ладно, с исторической достоверностью все ясно. У вас есть какой-нибудь опыт киносъемок?

— Нет, сэр. Я впервые на съемочной площадке. И это *так*интересно!

— Хм… Вы очень хорошенькая молодая девушка, мисс Давенпорт, и я желаю вам успехов.

— Благодарю вас, мистер Корнелл.

Подошел главный электрик.

— Можно начинать, мистер Корнелл.

— Отлично. Внимание, все по местам! Продолжаем работать. — Когда Дикси заторопилась на отведенное ей место, Корнелл сказал Джитеру: — Сделай-ка пробные съемки этой девчонки: хочу посмотреть, умеет ли она хоть сколько-нибудь играть.

— Хорошо.

Один из ведущих голливудских режиссеров, который специализировался на исторических фильмах, Корнелл знал, что Джоэл Коллингвуд намерен пригласить его для съемок фильма про Жанну д'Арк, который будет щедро финансироваться. В том, что Дикси Давенпорт —

самая невинная девушка в Америке, Корнелл весьма сомневался, но что одна из самых красивых — это уж точно. И если только камера вынесет ее, Дикси вполне может стать той самой Жанной д'Арк, которую разыскивает Джоэл.

А уж если Уиллард доставит Джоэлу искомую Жанну д'Арк, тогда едва ли Джоэл сможет не взять его в качестве режиссера этого фильма.

— А кто она такая? — спросил Джоэл, которого увиденное явно поразило. Он сидел сейчас с Корнеллом в просмотровом зале, который располагался этажом ниже его кабинета. На экране перед ними облаченная в белые одежды молодая девушка молилась перед алтарем.

— Ее зовут Дикси Давенпорт, — ответил Уиллард, посасывая сигару.

Джоэл поморщился.

— Имя можно бы и заменить. Хотя сама она очень необычная. Только посмотри на эти глаза!

— Камера так прямо и впитывает ее, правда?

— Мне никогда не доводилось видеть такую… такую чувственность в сочетании с такой невинностью. Она когда-нибудь снималась?

— Нет. Недавно появилась у меня на площадке в группе массовки. Я приметил ее и подумал, что она как раз то, что нам нужно. Я поставил ее перед камерой и приказал сыграть мать, которая молится в церкви, чтобы Господь излечил ее ребенка от этой сумасшедшей киношной лихорадки. Только это и сказал, и поглядите, что получилось! Она схватила все на лету! И я тогда подумал, что вам следует посмотреть этот материал.

— И я не забуду увиденного, Уиллард. А какой у нее голос?

— С придыханием и капелькой южного акцента, но можно будет дать ей речевика-репетитора.

— Мне как-то страшновато спрашивать об этом, но… она — девственница?

Проба подошла к концу и, включив свет в зале, киномеханик начал перематывать пленку.

— Нет, — ответил Уиллард, стряхивая сигарный пепел в стоявшую рядом пепельницу. — Она спит с одним из моих ассистентов оператора.

— Черт!

— Прошу прощения, Джоэл, но ведь вы снимаете кино, а не ищете жертву на алтарь богам. Сколько теперь девственниц в этой стране? Они исчезли вместе с эпохой Мэри Пикфорд. С таким же успехом можно искать летающих медведей.

Джоэл нервно потер губы костяшками пальцев. Он уже растрезвонил

по всей стране о том, что ищет самую непорочную девушку в Америке, так что теперь, если он возьмет, так сказать, «бывшую в употреблении» женщину, то это может оказаться катастрофой, хотя у этой девушки именно такая внешность, о которой он только мечтал для этой картины.

— Прокрути еще разок, «Фил, — сказал он киномеханику.

Свет в зале погас, и девушка с сильно освещенным лицом опять появилась на экране.

* * *

Джил Амстер клевал носом, сидя в своем «додже». Было почти три часа утра, а Джил около полуночи примостился на обочине напротив принадлежавшего Джоэлу особняка на Саммит-Драйв. Вот уже две ночи он нес это утомительное дежурство, и сон его окончательно разладился. Джил начал уже было подумывать, что все его подозрения — сумасшедший полет фантазии, подстегнутый сообщением Венди Фэрфакс, у которой с воображением тоже, очевидно, не все в порядке.

И тут буквально через минуту светло-голубой «мерседес-бенц» выскочил из ворот особняка и помчался по — Саммиту. Мелькнувший по лицу Джила свет фар окончательно разбудил его. Быстро посмотрев на часы, он завел мотор. Когда голубой «мерседес» готов уже был скрыться из виду, Джил только-только стронулся с места, и ему пришлось выжимать из автомобиля все, на что тот был способен. Заметив, как «мерседес» свернул направо, на бульвар Сансет, Джил последовал за ним.

Однако «додж» Джила никак не мог соперничать с «Нюрбургом 460» 1928 года выпуска; этот автомобиль, сконструированный доктором Порше, был последней моделью, построенной на заводе в Маннгейме. Это была зверь, а не машина! Спидометр автомобиля Джила зашкалил на 65 милях в час, а с такой скоростью нечего было и думать тягаться с «мерседесом», который исчез в ночи.

Рэнди Бейтс карабкался на холм вместе с отрядом бойскаутов неподалеку от Бенедикт-Каньон, но оступился и съехал на дно оврага и там запутался в зарослях кустарника. Пытаясь выбраться из них, он вдруг наткнулся на что-то холодное и твердое. Он посмотрел себе под ноги и обнаружил, что это — человеческая рука. Рэнди с воплем выскочил из оврага.

— Мистер Кроуфорд! Мистер Кроуфорд! Там, внизу, какое-то тело!

Джек Кроуфорд, командир отряда скаутов, поспешил к рыдающему пареньку.

— Рэнди, что случилось?

— Там, внизу, лежит мертвая женщина. Она вся порезана, а я *дотронулся*до нее.

Все остальные бойскауты подбежали к кромке оврага. Мистер Кроуфорд осторожно спустился по склону. Раздвинув кусты, он заглянул, и тут же горячая желчь подступила к горлу.

На земле была распростерта хорошенькая девушка с копной светло-каштановых волос. За исключением шелковых носков на ней была лишь левая туфелька, задранная под каким-то невероятным углом. Горло у девушки было перерезано, а одна грудь буквально искромсана на куски.

На животе у нее лежала серебряная маска.

Глава пятая

Закончив чистить зубы у себя дома на Рексфорд-Драйв, что в Беверли-Хиллз, Джил Амстер пошел в спальню и забрался в постель, где уже лежала его жена, Венди Фэрфакс, которая сохранила девичью фамилию для своих колонок городских сплетен в «Клэрион».

— Боже, как я устал, — сказал Джил. — Три ночи слежки за Джоэлом Коллингвудом вымотали меня до предела.

— И что ты намерен делать, Джил? — нервно спросила Венди.

— Девушку звали Эллен Басби, убийство, скорее всего, произошло сегодня около четырех утра. Между прочим, она тоже представлялась всем как кинозвезда. Поскольку Джоэл выехал из дома в три часа, так что вполне возможно, что именно он убил эту девушку. Кроме того, он собирает маски, Ни первое, ни второе не доказывает, что именно он — убийца, но все же утром я непременно расскажу обо всем полиции.

— Нет! — едва не закричала Венди.

— Дорогая, я ведь не могу один следить за Джоэлом Коллингвудом. У меня своя работа, так что пускай полиция сама наблюдает за его домом.

— Я так и знала, что это случится. Теперь я готова вырвать себе язык за то, что рассказала тебе про эти маски у него в доме!

— Что ты имеешь в виду?

— После того как я тебе рассказала, то поняла, что ты ничего не сможешь сообщить полиции о Джоэле Коллингвуде. Во-первых, возможно, убийца не он. Но главное — он наследник Кертиса Коллингвуда, а когда Кертис Коллингвуд узнает, что именно ты сообщил полиции о его сыночке — а он рано или поздно это узнает, — то выгонит с работы нас обоих. Но еще хуже то, что он наверняка позаботится о том, чтобы нас с тобой не взяли ни в одну другую газету. Поверь, Коллингвуд может быть очень

безжалостным. И ни ты, ни я не сумеем найти себе работу.

Джил недоуменно уставился на нее.

— Детка, мы же говорим о том, что совершено *убийство!*Так что забудь о том, что может случиться с нашей работой…

— Нет! Я не собираюсь забывать о работе! Я у Кертиса Коллингвуда на хорошем счету, он платит мне тридцать пять тысяч в год, а это чертовски хорошие деньги! И кроме того, со мной начинают считаться в этом городе. И я вовсе не намерена ставить все это под угрозу, распространяя слухи о его сынке.

— Но Венди, я же репортер!

— А кроме того муж и отец! Главная наша обязанность — наши дети. Так что позабудь, пожалуйста, все, что я рассказала тебе о масках Джоэла Коллингвуда. Вообще позабудь, что есть такой Джоэл Коллингвуд. И держись подальше от полиции…

— Ушам своим не верю…

— А ты поверь.

— Ты просишь меня наплевать на принципы, которые я всегда исповедовал как репортер и как гражданин.

— Забудь о них! Джил, нам с тобой удалось неплохо устроиться в этой жизни. У нас работа, которая кормит и доставляет нам удовольствие, у нас великолепный дом, две красивые дочери. Нам не по зубам тягаться с Коллингвудами! Они слишком могущественны. — Она выключила ночник. — И закончим этот разговор. — Венди повернулась к мужу спиной.

— Нет же, мы не закончим разговор.

— Джил, ты любишь меня?

— Конечно люблю.

— А наших детей ты любишь?

— Конечно, но…

— Вот поэтому и закончим разговор. Ни в какую полицию ты завтра не пойдешь.

— Такие, как ты, и губят эту страну, — сердито воскликнул муж. — Вы позволяете таким семействам, как Коллингвуды, всегда и всюду выходить сухими из воды, даже если речь идет об убийстве. В данном случае — буквально. И все потому, что вы их чертовски боитесь.

— Да, черт тебя подери, ты прав, я их боюсь. А если эта страна тебе не по нраву, нечего голосовать за Гувера.

— Я скорее проголосую за Ленина, чем за Гувера!

— Ну и голосуй за Ленина, но только выключи свой ночник.

Джил смерил ее взглядом, хотел было сказать что-то, но передумал и, протянув руку, выключил ночник со своей стороны. Однако он настолько устал, что не смог сразу заснуть. Он понимал, что по-своему Венди права, но в этом деле были затронуты его принципы, а отказаться от этих принципов он не мог.

Или мог?

Дикси Давенпорт сидела на кожаном диване в приемной Джоэла Коллингвуда и размышляла о том, не пришло ли время разразиться той самой судьбоносной молнии, о которой она мечтала еще с тех пор, когда, будучи десятилетней девчонкой, увидела свой первый в жизни кинофильм. Когда Уиллард Корнелл сказал ей, что Джоэл рассматривает ее кандидатуру на роль Жанны д'Арк, поначалу она решила, что это какая-то глупая шутка. Но позднее со студии «Коллингвуд» по телефону ей сообщили, чтобы Дикси была на следующий день в десять утра в приемной Коллингвуда. Был ли то сон, тот самый сон, о котором мечтали чуть ли не все смазливые девушки во всей Америке, или она и вправду сидит в приемной голливудского продюсера?

— Мистер Коллингвуд ждет вас, — сказала высокая секретарша в юбке «в горошек», появившись из-за двери шефа. Дикси поднялась, нервно одернула юбку своего белого платья. Какой-то внутренний голос сказал ей, что обязательно следует на эту встречу надеть белое. Белое — это цвет невесты, цвет девственности, возможно, даже цвет французских святых.

Дикси ступила в кабинет Джоэла, окна которого выходили на бульвар Санта-Моника. Студия, выстроенная в ублюдочном миссионерском стиле, как и многие другие здания Лос-Анджелеса, имела оштукатуренные стены с внешней стороны, однако изнутри эти стены были украшены грубой тяжеловесной лепниной. На этих стенах висели в рамках большие фотографии кинозвезд, которые снимались в предыдущих фильмах Джоэла. Но Дикси сейчас даже и не взглянула на эти фотографии. Она смотрела только на продюсера. Джоэл обошел свой большой стол, устремив срой взгляд на блондинку в белом платье.

— Мисс Давенпорт? Меня зовут Джоэл Коллингвуд.

— Привет.

Он пожал ей руку.

— Присаживайтесь, пожалуйста, Дикси. Чашечку кофе?

— Нет, спасибо. Я бы выпила коки, если у вас есть такая.

Джоэл сделал знак секретарше, которая безмолвно удалилась. Затем он усадил Дикси на стул перед столом, после чего вновь возвратился на свое

место, глядя на нее.

— Расскажите мне о себе, Дикси. Между прочим, это ваше настоящее имя?

— Нет, я его придумала.

— А ваше настоящее имя?

— Оно такое ужасное.

— И все же мне хотелось бы узнать его.

— Беула Снодграсс. Теперь убедились?

— Гм… Я понимаю, почему вы сменили его. А родом вы откуда?

— Кентукки. Отец владеет бензозаправочной станцией в небольшом городишке под названием Пайн-Гроув. Это недалеко от Луисвилля. Он…

— Да?

Дикси закусила губу.

— Он пьяница и… Впрочем, я не должна так о нем говорить.

— Почему?

— Когда мне позвонили от вас, я решила срочно придумать себе приличную биографию, чтобы вы не подумали, будто имеете дело с какой-нибудь дешевкой. Ведь у вас такая семья…

— И в моей семье были всякие люди. Например, был грабитель банка, проститутка была, а уж про убийц я и не говорю. Так что не стыдитесь своей семьи, Дикси. Она не может быть много хуже моей.

Она удивленно взглянула на него.

— Забавно, — сказала она. — Я думала, предстоит разговор с большущей «шишкой», а вы совсем не такой.

Джоэл едва заметно улыбнулся.

— А я не хочу быть «большущей шишкой».

Мисс Берд принесла кока-колу и подала ее Дикси, после чего сразу же вышла.

— Да, так вы начали рассказывать о своем отце, Дикси.

— Мы очень бедствовали. Ужасно. Мама умерла, когда мне было десять лет, и тогда отец… словом, каждый раз, когда он напивался, то становился прямо-таки невозможным и бил меня почем зря. Он проделывал со мною и другие штуки.

— Какие, например?

Она нахмурилась.

— Я бы не хотела говорить об этом. Как бы там ни было, но все было так безобразно, что с тех самых пор, как помню себя, я всегда спрашивала себя: «Почему именно я? За что мне выпало такое наказание? Почему в моей жизни нет ничего хорошего? Ни красивого платья, вообще ничего».

Затем я открыла для себя кино, и вдруг в моей жизни появилось нечто прекрасное.

— И тогда вы решили приехать в Голливуд?

Она глотнула кока-колы.

— О, не сразу. Но всякий раз, глядя на себя в зеркало, я говорила: «Ты хорошенькая, так почему бы тебе не поехать туда, где столько много хорошеньких женщин и симпатичных мужчин?» И вот наконец… — И снова она остановилась как бы в нерешительности.

— Наконец — что?

— Ох, мистер Коллингвуд, я не должна рассказывать вам такое! Вы подумаете…

— Подумаю, что вы честная девушка, которая сумела рассказать мне всю правду о себе. Дикси, это может быть очень важным для нас обоих.

В ее голубых глазах появились слезы, когда она взглянула на Джоэла.

— Однажды ночью отец напился, завалился ко мне в спальню и… в общем, он попытался заняться со мной любовью. Мой собственный отец! Именно тогда я и решила уйти из дома.

«Врет как по-писаному, — подумал Джоэл. — К ее сексуальным достоинствам следует, таким образом, приплюсовать и незаурядную способность вживаться в образ…»

Раскрыв сумочку, она вытащила платок и промокнула глаза.

— Ну вот, теперь вы знаете, какая я, а это не очень-то приятно. Но я так хочу, мистер Коллингвуд, чтобы в моей жизни были красивые вещи: красивые наряды, красивые авто, красивые дома, потому что все в моей прежней жизни было исключительно безобразным.

— Вы можете сейчас не поверить, Дикси, — тихо сказал он, — но мое детство тоже было безобразным, и я часто так же вот мечтал о красивом. Так что, может быть, мы с вами сможем вместе творить эту красоту.

Он поднялся.

— Первое, что я хочу сделать, это получить несколько ваших первоклассных фотографий. Я передам вас моему главному специалисту по макияжу, Эрни Лоусону, и моему костюмеру Берту Карновски. Они подготовят вас для фотосъемки сегодня же. Все приготовления и сама съемка займут много времени, и вы можете подумать, что все это напрасная суета, но, поверьте мне, хорошие, профессионально сделанные фотографии значат очень много. У меня есть лучший в этом городе фотограф, он придет фотографировать вас. Его зовут Джордж Эванс, и…

Дальше она уже не слышала. Ей хотелось взвыть. Она-то, дура, сидела тут, расписывала свое детство, стараясь придерживаться некоторой правды.

Сейчас у нее было такое ощущение, что вокруг сверкают молнии, и каждая может ударить со страшной силой. Дикси могла бы сказать, что произвела на Джоэла Коллингвуда благоприятное впечатление — и вот…

Теперь все может рухнуть, потому что из всех лос-анджелесских фотографов Джоэл выбрал именно того человека, который снимал ее нагишом.

В жизни не доводилось ей видеть таких прекрасных нарядов. Почти час Эрни Лоусон делал ей макияж, и Эрни сказал ей, что нечасто ему доводилось работать с лицами, которые требовали столь небольшого его участия. Еще час — и волосы ее приобрели такой вид, какого она и представить себе не могла: с пробором посредине, расчесанные на стороны, концы загнуты внутрь, что сделало ее поистине пленительной. В костюмерной Берт Карновски вместе с костюмершей перебрали не одну дюжину платьев, пока нашли расшитое серебром светлосерое вечернее платье с широкой юбкой и глубоким декольте. Платье отлично подошло к фигуре, но все же Бренда стянула его тесьмой на спине.

А потом Дикси предстала перед Джорджем Эвансом.

Высокий сухопарый мужчина с добродушным лицом и каштановыми волосами, он смотрел, как само совершенство приближалось к объективу его фотокамеры, и думал: «Где же видел ее?»

— Джордж, это Дикси Давенпорт, — представил ее Берт. — Джоэлу нужны ее первоклассные снимки.

Фотограф и модель уставились друг на друга. Теперь он знал, кто перед ним.

— Как поживаете, мисс Давенпорт?

Дикси многозначительно улыбнулась ему.

— Отлично.

— Это платье совершенно преобразило вас. Ну и ну. Берт, тебе не хочется оставить нас одних?

— Ухожу, ухожу…

— Ну-с, Трикси…

— Дикси.

— О, да, прошу меня простить, конечно же, Дикси. Я не хочу использовать никакую бутафорию, — он чуть заметно улыбнулся, — виноградные гроздья, например. — Глаза ее расширились от ужаса. — Я просто хочу сосредоточиться на вашем лице. Не зря ведь в Голливуде бытует поговорка, что лицо — это главный капитал. Хотя, случается, фотографируют и другие части тела… — Он сделал паузу и дождался,

когда Берт убрался наконец из комнаты. — Итак, Дикси, с тех пор, как мы виделись в последний раз, ты проделала длинный путь. Сам Джоэл Коллингвуд! Ты вполне можешь сорвать большой куш.

— У тебя до сих пор хранятся те фотки? — прошептала она.

— О да. Мне они так нравятся, что я запрошу за них очень высокую цену. Очень высокую. И я даже думаю, что теперь цена на них поднимется еще выше.

— Сколько?

— Если тебе нужны негативы, они обойдутся в целое состояние.

— Но у меня нет больше денег.

— Знаю. Но они есть у Джоэла Коллингвуда. Так что давай пока не будем говорить о цене. В конце концов, если он не даст тебе роль, фотографии не будут стоить дорого, так ведь? Но если он даст тебе роль — если Дикси Давенпорт сыграет Жанну д'Арк, — ну и смеху же будет! Тогда фотографии будут стоить целое состояние. Так что подождем. А пока что в наших же с тобой интересах сделать шикарные снимки. Так что постарайся. Очень постарайся. Это тебе уже не фотки с виноградом.

Когда на следующий день Джоэл разглядывал принесенные ему фотографии, сердце его отчаянно колотилось. Она была ослепительна. Ему было все равно, откуда она родом, какое у нее было в действительности детство. Тот факт, что она вышла из грязи и что ее папаша пытался изнасиловать ее, лишь оттенял красоту этой девушку. Ведь и Жанна д'Арк была крестьянкой, и она ходила босиком по грязи в Домреми, а ее уши слышали голоса ангелов. Босые же ножки Дикси шлепали по мазуту бензозаправочной станции небольшого городка. Дикси Давенпорт — нужно непременно сменить это идиотское имя — должна быть превращена им в символ красоты. У него достанет денег и влияния для того, чтобы сотворить идеальную женщину, безусловную кинозвезду.

Наконец-то у Джоэла Коллингвуда появилась живая кукла, с которой он мог играть.

Красавица Шарлотта Коллингвуд, сестра Джоэла по отцу, аккуратнейшим образом срезала верхушку яйца, которое варилось ровно три минуты.

— Кто такая эта Лаура Лорд, которую Джоэл привел с собой на церемонию моего обручения? — спросила она родителей. Все они сейчас сидели в столовой особняка в Берлингаме.

— А я знаю, — хихикнула младшая сестра Шарлотты Фиона. — Я

читала о ней в колонке, что ведет Венди Фэрфакс. Это счастливая находка Джоэла, актриса, которую нашли на роль Жанны д'Арк. Я и фотографию ее видела. Она такая сексуальная!

— Фиона! Что еще за ужасное слово! — сказала мать.

— Да, мамусик, но это именно так. А ты все еще пребываешь в каменном веке. Ничего плохого в слове «сексуальная» нет. Все вокруг произносят его.

— Ты — не «все», дорогая.

— Понимаю. — Фиона тяжело вздохнула. — Я — Коллингвуд. Скука, скука и скука.

— Фиона, — сказал отец, — если тебе так уж наскучила твоя семья, я буду счастлив перестать содержать тебя.

Фиона, красавица-брюнетка, красотой пошедшая в мать, закатила глаза.

— О черт… Беру свои слова обратно. Все равно, как вы думаете, эта самая Лаура Лорд — подружка Джоэла.

— Венди Фэрфакс сказала Дексу Грею, — сообщил Кертис, намазывая на тост поверх масла джем «Оксфорд», в то время как слуга наливал ему кофе, — что прежде ее звали Дикси Давенпорт.

Фиона взвизгнула от смеха.

— Ой, не могу! Просто чудо! Дик-си Да-вен-порт! Такая дешевка, невероятно!

— Мамуля, она будет вести себя так и на моем вечере? — спросила Шарлотта.

Алисия бросила на мужа озабоченный взгляд.

— Я очень надеюсь, что такого не произойдет.

— Джоэл тратит на нее кучу денег, — сказал Кертис. — Нанял ей преподавателя по вокалу, преподавателя по дикции. Он даже нанял старую актрису-англичанку, которая обучает эту женщину светским манерам. Так что в один прекрасный день все мы сможем удивиться.

— О, она непременно будет настоящей ле-э-ди, — хихикнула Фиона.

— Уж этот мне Голливуд, — презрительно сказала Алисия, помешивая кофе. — Все сходят с ума по фильмам, но, если хотите знать мое мнение, эти фильмы губят мораль этой страны.

— Ой, мамуля, ты такая старомодная! — сказала Фиона. — Мне тоже хотелось бы стать кинозвездой. Как ты думаешь, Джоэл дал бы мне роль в каком-нибудь из своих фильмов?

— Только через мой труп! — отрезал Кертис. — Достаточно и того, что один ребенок в нашей семье уже пошел в этот киношный бизнес.

— А как ты думаешь, этот новый фильм Джоэла окажется сексуальным?

— О Жанне д'Арк? — уточнила мать. — Едва ли.

— Беда фильмов Джоэла в том, что они недостаточно сексуальны, — продолжала Фиона. — Эта Флоренс Найтингейл и картина про нее! Скука, и скука.

— Беда фильмов Джоэла в том, — вздохнул отец, — что это пустая трата денег.

Глава шестая

В свои шестьдесят два миссис Белгрейв представляла собой импозантную даму старой школы. Ей доводилось играть на лондонской сцене с сэром Генри Ирвингом, первым актером за всю историю английского театра, получившим титул баронета. Миссис Белгрейв по сей день носила платья до колен в стиле Королевы Марий и, как и ее британская монархия, держала себя с подчеркнутым достоинством.

— Ну так вот, моя дорогая, — сказала она новоявленной Лауре Лорд, — когда поднимаете чашечку с чаем, поднимайте также и блюдечко. Вот так.

Они сидели в звукозаписывающей студии «В» на студии «Коллингвуд», а перед ними на ящике из-под апельсинов стоял чайный поднос. Когда миссис Белгрейв приподнимала свою чашку и блюдце, Лаура (которая так для себя и не определила, нравится ли ей классическое имя «Лаура» больше, нежели «Дикси», и это несмотря на то, что новое имя для нее придумал сам Джоэл) в точности повторяла все движения своей наставницы.

— Очень хорошо. И мы будем помнить о том, что ни в коем случае нельзя отставлять пальчик в сторону. Это считается ужасно вульгарным и показывает, что как бы мы там ни притворялись, а вышли мы вовсе не из лучших слоев общества.

— Миссис Белгрейв, но и я вовсе не из лучших слоев, — со вздохом произнесла Лаура, которую занятия по этикету утомляли сверх всякой меры. — У моего отца бензозаправочная станция.

— Это не имеет никакого значения, дорогая моя. Мистер Коллингвуд хочет сделать так, чтобы вы чувствовали себя свободно в любой обстановке, и именно поэтому он обратился за помощью ко мне. Я научу вас таким вещам, которые люди из высших слоев впитывают с молоком матери. А теперь повторим утреннее задание. Мы с вами находимся на званом обеде. Лакей — или официант, что также может быть — приносит

рыбное блюдо. Благодарим ли мы лакея?

— Мм… н-нет.

— А почему нет, прошу объяснить.

— Потому что его услуги нужно принимать как само собой разумеющееся, а хорошие слуги должны быть невидимыми. Знаете, это для вас может прозвучать отвратительно, миссис Белгрейв, но, по-моему, ужасно ничего не сказать, а просто принять во внимание, будто бедняги вовсе не существует. Не слишком-то это демократично.

— Знаете, моя дорогая, демократия не имеет ничего общего с удачными зваными обедами. И опять же: должны ли мы употреблять такое словечко, как «бедняга»? Это весьма непривлекательное слово.

Лаура вздохнула, подавив в себе желание громко сказать: «Дерьмо!» — слово, которое наверняка повергнет миссис Белгрейв в глубокий нокаут.

И занятие продолжалось.

Она продолжала изучать и запоминать все, чему Джоэл хотел научить ее. Она сознавала, что он пытался сделать из нее кого-то, какую-то леди, каковой Лаура вовсе не была. Но она понимала, что для нее это было бы весьма неплохо, если, конечно, она действительно станет кинозвездой. Она прочитала достаточно журналов для кинозрителей, чтобы знать, что кинозвезды с их мировой популярностью и умопомрачительными гонорарами вне зависимости от того, откуда они родом, делались новой элитой Лос-Анджелеса. По мере того как век двадцатый приближался к четвертому своему десятилетию, индустрия развлечений становилась все более важной в жизни людей; кинозвезды приобретали такой престиж, который лет пятьдесят назад был прерогативой титанов индустрии.

Но Лаура еще не была кинозвездой, и эти уроки этикета были похожи на сани, едущие впереди лошади. И тем не менее Джоэл настаивал на том, чтобы она продолжала брать эти уроки. Но зачем и почему — она на самом деле не понимала.

Она размышляла также над тем, начнет ли Джоэл когда-нибудь приставать к ней или не начнет. Ей бы этого весьма хотелось. К ее собственному удивлению, она теперь находила костлявого, похожего в очках на сову Джоэла Коллингвуда необычайно привлекательным…

— Я так нервничаю, — говорила она три дня спустя, усаживаясь рядом с Джоэлом в его голубой «мерседес». Они собрались ехать по автостраде «Пасифик Коуст» в Сан-Франциско.

— А вот это совершенно незачем, — сказал он, обеими руками берясь за рулевое колесо. — Моя семья — немного старомодная, но все они милые

люди. Сама увидишь. Сейчас давай-ка просмотрим список действующих лиц. Имя моей приемной матери?..

— Алисия. Урожденная Алисия Лопес, она кузина вашего отца.

— Совершенно верно. А отец?

— Кертис Коллингвуд. Его отцом был Арчер Коллингвуд, погибший во время землетрясения вместе с вашими дедом и бабкой.

— Великолепно. А мои две наполовину родные сестры?

— Шарлотте двадцать два, она обручена с ее кузеном Алистером Бреттом. Фионе девятнадцать, учится в Вассаре.

— Браво. Остается еще мать Алистер, которая?..

— Это ваша тетушка Альма.

— Ты прекрасно разучила свою роль.

— А что, у богатых всегда женятся на кузинах?

Джоэл улыбнулся. Многие из тех замечаний, которые походя делала Лаура, казались ему весьма проницательными.

— Полагаю, что богатые люди предпочитают вращаться только в кругу себе подобных.

— А бедные вращаются в кругу себе подобных, потому что у них не очень-то большой выбор. Но когда бедняк женится на кузине, то у них появляются психически нездоровые дети.

— Что ж, много таких полудурков и в семьях богатых.

Некоторое время они ехали в тишине.

— Мистер Коллингвуд, можно вас спросить?

— Конечно. Только почему бы тебе не называть меня просто Джоэл.

— О'кей, Джоэл. Зачем ты везешь меня в такую даль, чтобы я познакомилась с твоей семьей?

— Мой отец никогда не испытывал особого энтузиазма по поводу того, что я кинопродюсер. Он договорился с редакторами своих газет, чтобы те писали обо мне так, словно я вовсе и не Коллингвуд. Это потому, что отец не желает слышать обвинений в фаворитизме, чтобы не было так, как у Уильяма Рэндолфа, газеты которого расхваливают все картины Мэрион Девис только потому, что она — его любовница. Признаюсь, что большинство рецензентов в отцовских газетах писали о моих фильмах более или менее положительно, но, думаю, это потому, что журналисты боятся быть выгнанными с работы, если напишут обо мне неодобрительно. Как бы там ни было, но Барри Маршалл намеревается организовать крупную рекламную кампанию с целью сделать тебя знаменитой по всей стране в качестве той девушки, которая будет играть Жанну д'Арк.

— Что?

— Я сказал, ты будешь играть Жанну д'Арк.

— О Господи! Это правда? Ты, наверное, меня разыгрываешь? Роль — моя?

— Да.

— О, у меня такое чувство, что я либо закричу, либо упаду в обморок, либо сделаю еще что-нибудь в этом роде. Но почему ты не рассказал мне об этом раньше?

— Я только что сделал это.

Она протянула руки, обняла его и расцеловала в обе щеки.

— Спасибо, спасибо, спасибо!!!

— Осторожнее, я ведь за рулем.

Она разжала объятия.

— В любом случае я хочу, чтобы отец познакомился с тобой и полюбил тебя, потому что надеюсь, что тогда он откажется от своей политики равного отношения к моим и чужим фильмам. Тогда нашу кампанию по раскрутке фильма поддержат все его двадцать девять газет, которые превратят имя Лауры Лорд в наиболее часто упоминаемое имя Америки после, разве что, Чарльза Линдберга.

— О, мистер Коллингвуд, это звучит так волнующе…

— Джоэл.

— Я и хотела сказать «Джоэл». — Она чарующе улыбнулась ему. — Ты единственный человек, который сделал мне столько добра, честно. Все прочие мужчины, которых мне доводилось знать, всего лишь пытались использовать меня, как используют вещь.

— Я тоже использую тебя, правда, на свой лад.

— И лад этот великолепен. О, Джоэл, ты самое замечательное, что когда-либо происходило в моей жизни.

И снова он замолчал, хотя она обратила внимание, что лицо его странным образом напряглось, как если бы в душе Джоэла разыгрывался некий шторм. Затем в своей обычной, мягкой манере он сказал:

— Я хочу познакомить тебя с семьей также потому, что когда-нибудь ты можешь стать членом нашей семьи.

Ее переполнила радость, что Джоэл дал ей роль Жанны д'Арк. Однако эта радость была ничто по сравнению с ураганом чувств, нахлынувших на нее от предположения, что в один прекрасный день она может стать миссис Джоэл Коллингвуд, одной из богатейших в Америке женщин. Так вот для чего понадобились занятия этикетом, постановка голоса, бесконечные усилия сделать Лауру во всех отношениях безупречной, для чего визажисты и парикмахеры часами держали ее в кресле? Неужели Джоэл

делал из нее не только кинозвезду, но и свою будущую жену? Жену, которую он представлял в своих мечтах?

— Не знаю, что и сказать, — прошептала она.

— Ничего и не нужно говорить.

Беула Снодграсс из Пайн-Гроув, штат Кентукки, смотрела на пролетающую мимо береговую линию Калифорнии.

Но не видела ни берега, ни воды; перед глазами мелькали галактики звезд… Самый затаенный сон, самая невероятная мечта начинали сбываться.

Оркестр Реда Чартера исполнял «Он любит — она любит», новый хит из последнего мюзикла Гершвина «Смешная мордашка», в котором главные роли исполняли Фред и Адель Асторы. Под эту музыку изысканнейшая публика Сан-Франциско скользила в танце на импровизированной танцплощадке, устроенной в огромном палаточном павильоне в желтую и белую полосу; сам же павильон был установлен на задней лужайке коллингвудского поместья. Для освещения вокруг павильона были установлены двенадцать высоких столбов со светильниками; наверху каждого были огромные бело-пурпурные цветы, выращенные на десяти акрах разбитого Алисией сада. На столах, покрытых белоснежными скатертями, в специальных лампах горели свечи. Около столов стояли в полной готовности полсотни официантов, чтобы ровно в десять часов начать накрывать ужин из семи блюд. Был мягкий осенний вечер, месяц висел над заливом Сан-Франциско, являясь как бы завершающим штрихом этого романтического вечера.

— Как замечательно жить в наше время. — Шарлотта Коллингвуд вздохнула, опустив голову на грудь жениха, и они продолжали танцевать под мечтательную музыку. — Похоже, я самая счастливая девушка в мире.

— А я самый счастливый в мире парень, — сказал Алистер Бретт, старший сын Альмы и Себастьяна Бретта. — Ты сегодня восхитительно выглядишь, Шарлотта.

— Как же тут не выглядеть восхитительно, если ты влюблен в меня, а я в тебя? И мне так нравится колечко!

Она вновь взглянула на полученное по случаю помолвки кольцо с бирманским рубином в окружении бриллиантов, которое Алистер купил в ювелирном магазине «Феликс де Мейер»: семье до сих пор принадлежал этот магазин. Невеста была в бледно-голубом платье от «Шанель». Это платье также было приобретено в крупнейшем универсальном магазине «Де Мейер и Кинсолвинг», который по-прежнему располагался на Юнион-

сквер, хотя полвека минуло с тех пор, когда Эмма выстроила его.

Алистер, приятной наружности молодой человек с типично англо-саксонской длинной челюстью, заметил, как из дома на террасу вышла какая-то пара.

— А вот и мамочка, — с выражением легкого неудовольствия в голосе сказал он. — Она и Филипп. Боже, как все это неловко!

— Дорогуша, ты не должен испытывать никакой неловкости. Тетя Альма любит молоденьких мужчин, и всем это давно известно.

— Да, но кто же заставляет ее выходить за них замуж? Это отвратительно, такое чувство, что она покупает их. Ему двадцать четыре, тогда как ей уже практически шестьдесят.

— Не дай Бог она услышит тебя. Все равно, он такой симпатичный, и, кроме того, у него есть какой-то французский титул. Так что тут не из-за чего испытывать неловкость. Если уж непременно хочешь почувствовать себя неловко, подожди, пока приедет Лаура Лорд, в девичестве Дикси Давенпорт.

— Знаешь, а мне хочется увидеть ее. Вот только где они?

— Она и Джоэл остановились в городе в «Марке Хопкинсе», так что могут немного и припоздниться.

— Если она такая же красивая, как на фотографиях, то она действительно сногсшибательная.

Шарлотта подозрительно посмотрела на жениха.

— Не слишком-то интересуйся ею. Сегодня я — единственная твоя девушка, помнишь?

— Мне нравится, когда ты ревнуешь, — улыбнулся он.

Маркиза де Рошфор, прежде известная как Альма Коллингвуд Бретт, курила папиросу через длинный тонкий черный мундштук и с террасы обозревала прием. Альма, говорившая, что ей пятьдесят (истинный ее возраст держался в строжайшем секрете), была одета сейчас в платье от Вионне с косым декольте; этот свой наряд она приобрела во время ежегодного наезда в Париж. На шее у нее красовались четыре нитки розового бирманского жемчуга и еще одна нитка настоящего черного жемчуга с острова Таити. Все они были скреплены застежкой с бриллиантами и изумрудом; этот изумруд-кабошон, бывший ее любимым камнем, удалось извлечь из-под развалин на Ноб-Хилл после землетрясения. Из всех драгоценностей Эммы после разрушительного землетрясения 1906 года уцелели только украшения, находившиеся в стальном сейфе. Вместе с половиной бабушкиных ювелирных украшений

Альма унаследовала от бабки и пылкую любовь к драгоценностям. У Альмы в настоящее время была одна из лучших в Америке коллекций ювелирных изделий, которую для пущей безопасности при оформлении страховки оценили в пятьдесят миллионов долларов. Шестью бриллиантовыми браслетами, сделанными в стиле «арт-деко», которые были сейчас на одной руке, и четырьмя браслетами на другой, Альма демонстрировала всем и каждому свою глубокую страсть к драгоценностям.

— Великолепный выдался вечер, как раз для гостей, — сказала она, когда к ней на террасу поднялись Кертис и Алисия. Алисия была одета в хорошенькое красное шелковое платье от Лавена, на ней было ожерелье из бриллиантов и рубинов — то самое, которое Кертис подарил ей на десятилетие их свадьбы. — И Шарлотта выглядит великолепно.

— Да, они — очень симпатичная молодая пара, — согласилась Алисия, — Мы так рады.

— А где же Джоэл со своей девкой? — спросила Альма, в то время как ее пятый супруг Филипп, маркиз де Рошфор, пришел с двумя бокалами шампанского в руках.

— Должны прибыть с минуты на минуту, — сказал Кертис.

— Думаю, что это moche [44]со стороны Джоэла привозить сюда всяких голливудских бродяжек, зная, что у нас прием по случаю обручения его сестры. Благодарю тебя, дорогой мой… — Взяв у Филиппа шампанское, Альма не заметила, как муж поморщился при его французском слове, употребленном вместо сленгового английского «мерзко». — Хотя Джоэл у нас мастер по части удивительных выходок, что и говорить. Про таких людей говорят «марширует под собственный барабан».

— Я читаль, что он хотель снимать фильму по Жанну д'Арк, — сказал Филипп на своем убогом английском. — Может, я могу помогать им, ведь я происходить от одного из друзей Жанны д'Арк, От Жиль де Рэ.

— От того, кто убивал толпами и растлевал малолетних, — сказала Альма. — Знаешь, дорогой, я бы на твоем месте не слишком бравировала таким предком. А, кажется, вот и они. Боже, да она и вправду восхитительна.

Все повернули головы. Из раскрытой стрельчатой двери на защищенную черепичной крышей террасу вышли Джоэл в смокинге и с ним — Лаура. На ней было белое шелковое платье с переливающейся серебряной тюлевой сеткой поверх короткой юбки; лиф платья низко вырезан и скроен таким образом, чтобы открывать значительную часть великолепно вылепленной груди. На длинных, восхитительных ногах

Лауры были легкие бальные туфельки с декоративными пряжками из искусственных бриллиантов.

«Господи, — подумал Кертис, — теперь мне понятно, почему он так рвался делать фильмы».

Джоэл подвел Лауру к семье.

— Мама, папа, тетя Альма, позвольте вам представить Лауру Лорд.

Улыбнувшись, Лаура протянула руку.

— Так мило с вашей стороны, миссис Коллингвуд, что вы пригласили меня в гости, — сказала она, используя самые чарующие и светские интонации, каким научила ее миссис Белгрейв. — Джоэл столько рассказывал мне о вашем доме. Он просто великолепен.

Алисия пожала ей руку.

— Спасибо, мисс Лорд. А это мой супруг.

Лаура обернулась к Кертису, и ее улыбка стала еще обворожительней.

— Очень рада познакомиться с вами, мистер Коллингвуд.

«Ничего более сексуального в жизни своей не видел, — подумал Кертис, пожимая ей руку. — Это она-то — Жанна д'Арк?!»

— У тебя такая красивая мама, — говорила минут десять спустя Лаура, танцуя с Джоэлем под музыку «Увидимся вновь». — И такая, судя по всему, добрая.

— Добрая. Ее я очень люблю.

— А твоя тетя Альма — я никогда не видела столько драгоценностей.

— М-да. Тот изумруд, что украшает ее колье, некогда принадлежал одному магарадже.

— Господи! Правда, сама она показалась мне немножко сухой.

— В постели она совсем другая. Она отчасти нимфоманка.

— Это как?

— Любит мужчин, и чем они моложе, тем больше их любит. Француз — это ее пятый, кажется, муж. Я уж и счет им потерял. Тетя Альма некогда была скульптором, но сменила искусство на секс.

Лаура усмехнулась.

— А кроме того, она страдает от того, что раздавила своего первого мужа, когда во время Великого землетрясения рухнула на него с верхнего этажа вместе с кроватью и любовником.

— Да, интересная у тебя семья.

— Богатые называют нас «колоритными людьми».

— «Богатые…» — Лаура вздохнула. — Никогда не думала, что смогу побывать на такой вечеринке.

Она почувствовала, как рука Джоэла стала прижимать ее сильнее, и вот тела их соприкоснулись. «И все-таки он, кажется, начинает приставать… — подумала она. — Только подумать, что в один прекрасный день все это богатство может оказаться моим… а это не исключено, если все ловко разыграть… О, если бы не те проклятые фотографии! Дернул же черт сняться голой! И главное, зачем?»

Но она хорошо знала зачем. В тот момент, когда решила сняться, у нее было всего лишь пять долларов.

Джоэл снял смежные номера на десятом этаже «Марка Хопкинса». Этот новейший отель расположился на вершине Ноб-Хилл, где некогда стоял особняк с башенками, в котором жил железнодорожный промышленный магнат Марк Хопкинс. Один лишь квартал отделял отель от места, где находился когда-то особняк Эммы, построенный в псевдо-французском стиле.

Лаура, обнаженная, лежала в своей постели. Было около четырех часов утра, но она не могла уснуть, поскольку еще не улетучилось возбуждение от невероятного вечера в доме Коллингвудов. Всю жизнь она знала, что некоторые люди так вот и живут: носят потрясающие наряды, спят только на чистом, прекрасно пахнущем белье, как вот эти простыни на ее постели. И сегодня она впервые получила возможность увидеть все это собственными глазами. Увидела волшебный мир очень богатых людей.

Дверь в номер Лауры открылась, и через ковер на ее кровать упал острый тонкий лучик света. Она схватила простыню и, прикрыв ею грудь, села. Дверь медленно распахнулась. В шелковом халате на пороге стоял Джоэл. Он тихонько вошел и подошел к постели. Она глядела на него, а он из-за своих сильных линз в очках глядел на нее.

— Я гордился тобой сегодня, — прошептал он, развязывая шелковый пояс своего красного халата. — Ты вела себя так естественно, словно всю жизнь там прожила.

— У меня было такое чувство, словно я и вправду там прожила многие годы. Я там и прожила, правда, одну только ночь. Спасибо огромное за то, что взял меня с собой.

— Моему отцу ты очень понравилась. Он сказал, что сделает все от него зависящее, чтобы помочь нам в рекламной кампании, а уж возможностей-то у него немало.

— Боже…

— Хватит говорить «Боже…». Ты тогда похожа на девчонку-подростка, это они так говорят. Я сделаю тебя самой красивой и

знаменитой женщиной в мире. Вся твоя жизнь будет одним сплошным «Боже…»

Сняв очки, он положил их на ночной столик, затем вновь посмотрел на нее.

— Знаешь, я люблю тебя. Никогда прежде не влюблялся. В некотором смысле необычно и страшно.

— Почему же любовь пугает тебя?

— Потому что боюсь, что ты можешь причинить мне боль.

— О, мой дорогой Джоэл! Никогда, никогда не причиню я тебе боли. Я ведь говорила тебе, что ты — первый мужчина, отнесшийся ко мне по-доброму.

Он продолжал пожирать ее своими маленькими глазками.

— Ты рассказала мне правду о себе?

— Да.

— Я знаю, что в твоей жизни были мужчины. Знаю я про Боба Крейна, помощника оператора на «Парамаунте». Я и не рассчитывал на то, что такая красивая женщина, как ты, может быть девственницей. Но был ли у тебя еще кто-нибудь?

— Ну… мой отец.

— Но ведь ты говорила, что он лишь пытался заняться с тобой любовью? Разве не так?

Она закрыла глаза и проговорила:

— Он изнасиловал меня.

— Господи Боже!

— Я была просто в ужасе. Думала, что забеременею, у меня родится ребенок, какой-нибудь монстр… Но ничего не случилось. — Она открыла глаза. — Вот поэтому я и покинула дом. Сказала отцу, что не желаю никогда больше его видеть.

— Бедная моя Лаура.

В ее глазах стояли слезы.

— Вот почему я и люблю тебя, — прошептала она. — Разве ты не видишь? Ты сделал мою отвратительную грязную жизнь подлинной сказкой.

— Только не говори, что любишь меня. Ты не должна лгать.

— Но я действительно люблю, Джоэл!

— Я знаю, что я странный и вовсе не красивый. Поэтому я не ожидаю, что ты будешь любить меня. Но позволь мне тебя любить, Лаура. И никогда, никогда не лги мне!

Он снял халат и бросил его на пол. Она уставилась на его сухопарое,

почти безволосое тело.

Она отбросила простыню, дав ему возможность видеть собственную наготу. Очень медленно он забрался на постель и опустился на Лауру. Она обняла его, а Джоэл принялся страстно целовать ее.

Она только теперь почувствовала любовь Джоэла, ибо он был сдержан, скрывая свои чувства за маской. Но — теперь маска была сброшена.

Глава седьмая

— Фантом прекратил свои убийства, — сказал Клиффу Паркеру Джил Амстер, садясь на высокий стул возле стойки в «Сэндвич Шоп» на бульваре Сансет. — У ваших парней есть какие-нибудь соображения, почему он так поступил?

Шеф детективов, который был одет в мятый серый костюм и серую шляпу, откусил изрядный кусок гамбургера.

— Может, ему осточертели убийства.

— Может. Или маски закончились. — Джил осмотрелся по сторонам. Была половина третьего дня, пришедших сюда пообедать оставалось уже совсем немного. Повернувшись опять к Клиффу и понизив голос, он сказал: — Хотел бы я знать, имеются ли у вас какие-нибудь версии?

— Конечно ты хочешь, Джил, — сказал Клифф, которому газетчик был симпатичен. Но как и в отношениях со всеми прочими журналистами, он предпочитал держать язык за зубами.

— Я хочу сказать, что у вас наверняка есть какие-то новости на сей счет.

Клифф молча жевал.

Миловидная официантка по имени Тельма подошла к Джилу.

— Привет, мистер Амстер, — сказала она. — Как всегда?

— Да. Чизбургер, картошку и колу.

— О'кей. — Она быстренько записала заказ в блокнот.

— Когда-нибудь ты сам превратишься в один большой чизбургер, — заметил Клифф. — Ты что же, больше ничего не ешь?

— По пятницам я ем салат из тунца.

— Ты католик?

— Вроде того.

— Вот не знал.

Джил постоянно боролся со своей совестью, равно как и со своей неуемной репортерской страстью раздобыть сокрытую от других информацию. Совершенные Фантомом убийства были самой сенсационной темой года, они даже вытеснили с первых полос американских газет

материалы о президентских выборах. Декстер Грей требовал каких-либо новостей по этому делу, а у Джила они были, но он сам их боялся, тем более боялся их опубликовать.

— Послушайте, капитан, — а что, если у *меня*есть кое-что, касающееся этого дела?

Клифф взглянул на него.

— О чем это ты?

Из кармана пиджака Джил вытащил пачку «лаки» и закурил сигарету. Он заметил, что от влажных пальцев на папиросной бумаге остались темные следы. Если только Венди узнает…

— Что, если у меня имеется кое-какая информация, которая может помочь вашим парням? Тогда вы посвятите меня в некоторые подробности расследования?

— Давай-ка прекратим бесполезный разговор, Джил. Если тебе что-либо известно, ты обязан сообщить мне. Тебе это известно. В противном случае понесешь ответственность за сокрытие информации, важной для следствия.

— Но вы должны дать мне слово, что никому не сообщите источник полученной вами информации, — прошептал Джил. — В буквальном смысле никому. Иначе Венди и я вполне можем лишиться работы.

Клифф изучающе посмотрел на собеседника.

— Хорошо, даю слово, — сказал он наконец. — Так что это?

— Есть один человек, он из очень могущественной семьи, который собирает маски. Маски, понимаете? Случайно мне удалось узнать, что этот человек выехал из своего дома за час до того, как была убита Эллен Басби, так что, возможно, именно он и совершил это убийство.

— О ком именно идет речь?

— О Джоэле Коллингвуде.

— Бог ты мой!

— Вы и сами знаете, что порой он ведет себя весьма странно.

— Да, наслышан. Господи, мне это кое-что напоминает.

— Имеете в виду убийство Карла Кляйна?

— Да.

— Может, это у них в крови, у всей семейки?

— Как знать… В любом случае спасибо за сведения, Джил. Теперь понятно, почему ты так переживаешь за свою работу. Да, с Кертисом Коллингвудом не просто справиться. Но раз уж ты насыпал мне угольков за шиворот, насыплю и я тебе. У нас действительно есть новость по поводу убийств.

Джил стал подобен пиранье, учуявшей кровь.

— Какая?

— А вот этого я сказать не могу.

— И есть подозреваемый?

— Есть.

— Это… Джоэл Коллингвуд?

— А вот — и твой чизбургер.

— Его зовут Тед Споулдинг, — сказала мисс Берд. — Очевидно, фермер из Айовы. Он очень расстроен, мистер Коллингвуд, и настаивает на том, чтобы увидеть вас.

— По поводу чего? — спросил Джоэл.

— Говорит, что хочет поговорить о Дикси Давенпорт.

Джоэл побарабанил пальцами по столу.

— Пригласите его.

Несколько секунд спустя мисс Берд вернулась вместе с высоким, загорелым выходцем из Айовы, лицо которого было усыпано веснушками. На нем был плохо сидевший костюм, в руке он держал соломенную шляпу. Мужчина нервно посмотрел на мисс Берд, которая незамедлительно покинула кабинет.

— Меня зовут Джоэл Коллингвуд. Насколько я могу судить, вы хотели бы обсудить то, что касается Дикси Давенпорт?

— Я все про нее знаю! — с места в карьер закричал парень, сменив нервозность на гнев. — Она сменила имя, сейчас называет себя Лаурой Лорд. Я видел в газетах фотографии и все читал про нее. Теперь она намерена сыграть Жанну д'Арк! Но позвольте вам кое-что рассказать, мистер Коллингвуд. Найдите-ка вы кого-нибудь еще, потому что эта самая Дикси Давенпорт — воровка и шлюха.

— Воровка?

— Я все про нее знаю! Она выкрала сорок три доллара у меня из бумажника и угнала мой автомобиль. А теперь, понимаете ли, сделалась кинозвездой — фу-ты ну-ты ножки гнуты! Если она не вернет украденных денег, я пойду в полицию, и она окажется за решеткой. Именно там шлюшонок ее пошиба и надлежит держать.

— Одну минуточку. Где все это с вами приключилось?

— В мотеле «Лейзи Дейз», неподалеку от Де Муана, около полугода тому назад. Я подвез Дикси… ну, она на обочине голосовала, чего не подвезти-то… Направляясь в Голливуд, собиралась сделаться кинозвездой. Черт меня раздери совсем, но должен признать, что она самая сексуальная

штучка, которую я видел.

— У вас с ней… словом, вы занимались с ней любовью?

— О да, конечно, и признаюсь вам, у нее по этой части полнейший ажур. Она знает в постели все приемчики, это уж точно. Послушать ее похвальбу, так она перетрахалась с половиной всех мужиков в Америке. И я не очень бы удивился, окажись оно и в самом деле так. Вот… А на следующее утро эта дешевая шлюшка вытаскивает из моего бумажника всю, понимаешь, наличность, крадет ключики от моей машины — и уезжает на моем «форде-Т», который я уже полностью оплатил.

Лицо Джоэла стало белее мела. Несколько секунд он обдумывал ситуацию.

— Это, как вы понимаете, очень серьезное обвинение, мистер Споулдинг. Откуда мне знать, что вы говорите правду? За последние несколько недель Лаура стала такой знаменитой. Как знать, что вы не из тех, кто пытается выманить деньги у меня или у нее?

— Я не вымогатель! — в ярости завопил Тед, махая своей соломенной шляпой перед носом Джоэла. — И я могу доказать, насколько хорошо мне известна эта маленькая грязная паршивка. У нее родимое пятно с пенни величиной как раз над… этим самым… ну, вы меня поняли.

Джоэл вздрогнул.

— Вы говорите правду, — шепотом подтвердил он, выдвинул ящик стола и извлек оттуда большую чековую книжку. — Тысяча долларов в качестве компенсации вас устроит, мистер Споулдинг?

Фермер даже рот раскрыл.

— Ну, машина не стоила, конечно же, так много. Я наездил двадцать тыщ миль. Думаю, она стоит сотни две баксов.

— Ну а моральный ущерб, да и к тому же проезд до Калифорнии.

— Ну, в каком-то смысле… Но ведь я намеревался отсюда рано или поздно уезжать, хотя тут и климат, и вообще…

— Тем не менее. — Джоэл выписал чек, оторвал листок и протянул его через стол.

Тед взял бумажку, прочитал цифру и громко сглотнул.

— Боже… Мистер Коллингвуд, это так порядочно с вашей стороны. Огромное вам спасибо. И надеюсь… надеюсь, что ваш новый фильм окажется удачным.

— Я также рассчитываю на это. Правда, теперь мне нужно будет кое о чем поговорить с моей актрисой.

— Скажите ей, чтобы вела себя попристойней, и также передайте, что она должна чувствовать себя очень счастливой, имея продюсером такого

хорошего парня, как вы.

— Спасибо.

Тед направился было к двери кабинета, засовывая чек в карман. Возле самой двери он остановился и обернулся к Джоэлу.

— Скажите, мистер Коллингвуд, а в этом самом вашем фильме не найдется ли какой роли для меня? Я имею в виду, вдруг да я смог бы сыграть какого-нибудь там французского фермера…

— Оставьте ваши имя и адрес у мисс Берд. Если вдруг будет вакансия, вам позвонят.

Лицо Теда просияло.

— Боже мой, огромнейшее спасибо! Надо же!

И с этими словами он чуть ли не вальсовой глиссадой выплыл из кабинета.

На Родео-Драйв Джоэл снял для Лауры дом в стиле тех особняков, которые строили плантаторы Юга. Участок земли оказался настолько мал, что колонны фасадной террасы отделяли от соседнего претенциозного особняка в тюдоровском стиле какие-нибудь десять футов. Розовые и белые цветы, высаженные возле дома, окаймляли также и прогулочные дорожки. Джоэл арендовал дом, меблированный готовой мебелью из универсального магазина, которая была сделана по эскизам классических образцов. Но как только Лаура однажды заикнулась о том, что ей не нравится расцветка штор в гостиной, Джоэл немедленно выделил ей десять тысяч на обстановку и хозяйство. Кроме того, он выделил Лауре пятьдесят тысяч долларов на покупку одежды, а когда она отправилась по магазинам, послал вместе с ней костюмера Берта Карновски. От последнего требовалось, чтобы все покупки Лауры соответствовали имиджу кинозвезды, который с таким трудом и ценой таких огромных затрат создавал Джоэл. Что же касается расходов на деятельность студии, то по линии «Пасифик Бэнк энд Траст» Джоэл ежегодно получал пять миллионов долларов, как и было условлено между ним и отцом. Таким образом, все расходы на превращение Лауры в кинозвезду покрывались исключительно за счет бюджета студии, ну а давно было известно, что там, где речь заходила о кинематографе, Джоэл Коллингвуд оказывался чудовищным мотом (или «сущим расточителем», как выражался в подобных ситуациях Чак Розен, главный финансист студии). Теперь, когда оказалось возможным воплотить давнюю мечту в реальность и снять наконец-то заветный фильм, Джоэл абсолютно не считался с расходами, дав волю собственному воображению. Ничто не казалось «слишком», если речь шла о Лауре: если чемоданы — то

непременно вуиттонские, если обувь — так обязательно ручной работы, если нижнее белье — то с отделкой из рукодельных кружев, сделанных по специальному заказу в одном из бельгийских монастырей. Для ванны использовалось только французское мыло, да и сама ванна была из отличнейшего мрамора. Джоэл согласился сделать только одно исключение: хотя у Лауры появилось множество нарядов, все они были приобретены в лос-анджелесском филиале универсального магазина «Де Мейер и Кинсолвинг». В довершение всего Джоэл приобрел для Лауры сверхшикарный обтекаемый автомобиль «испано-суиза». Этот автомобиль был построен в Барселоне и имел королевскую печать короля Альфонсо XIII Испанского, сходившего с ума по автомобилям. Именно эта модель «испано-суизы» играла главную роль в характерном для 1920-х годов романе «Зеленая шляпа», в котором автор Мишель Арлен написал, что эта машина — «огромное желтое насекомое, упавшее на Землю из цивилизации бабочки». Купленный Лауре «испано» был белого цвета и имел на боку, около крыла, знаменитого cigoghe volante — летящего аиста. Покупка автомобиля сократила бюджет Джоэла на целых двенадцать тысяч долларов в ценах 1928 года. Однако в автомобиле, управляемом седым шофером-мексиканцем, которого звали Хосе, Лаура и вправду выглядела, как и должна была выглядеть настоящая кинозвезда. Звезда, впрочем, она звезда и есть.

Лаура нежилась в мраморной ванне, окруженная большими флаконами «Шанель № 5» (эти духи впервые представила Коко Шанель лет восемь тому назад), у нее были все основания считать, что, встретив Джоэля, она как бы стала обладательницей волшебной лампы Аладдина. Когда она мыла ему спину — а делала это Лаура частенько, поскольку Джоэл обожал, когда ему массажировали спину, — в ее распоряжении оказывалось все состояние семейства Коллингвудов. Но, что еще важнее, в отличие от такой кинозвезды, как Марион Дейвис, которой приходилось отвечать взаимностью на домогания 65-летнего Уильяма Рэндолфа Херста и таким образом расплачиваться за свое шикарное существование, Лаура нашла в Джоэле молодого и страстного любовника, в которого она — и не без причин — влюблялась все больше.

Пока она мылила руку огромной губкой, дверь ванной комнаты медленно раскрылась, и на пороге возник высокий мужчина с серебряной маской на лице. Подобно всем жителям Калифорнии, Лаура жадно поглощала газетные материалы о таинственном убийце по кличке «Фантом Голливуда». Увидев в правой руке вошедшего нож, она отчаянно закричала. Человек быстро добежал до ванны и приставил острие к ее горлу. Лаура

застыла от ужаса, ее широко раскрытые глаза впились в серебряную маску, которая сейчас оказалась в считанных дюймах от ее лица.

— Пожалуйста, — прошептала она, — не убивайте меня.

— Я ведь говорил тебе, чтобы ты никогда не лгала мне, — прошептал мужчина, и Лаура поняла, что перед ней Джоэл. — Ты не рассказала мне о Теде Споулдинге.

— О ком?

— Фермере из Айовы, чью машину ты украла. Сегодня он пришел ко мне на студию и все рассказал. Ты лгала мне!

— Я не лгала. Просто я не рассказала тебе об этом. И убери нож, не то ты сделаешь мне больно.

— Это ты сделала мне больно, как я и боялся. А мне не нравится, когда мне причиняют боль.

Она разрыдалась.

— Пожалуйста, Джоэл, я боюсь… пожалуйста…

— С кем ты еще занималась любовью?

— Больше ни с кем. Убери нож. И эта маска, почему ты вдруг надел ее?

— Я посвятил тебе свою жизнь. Я даю тебе все, что ты пожелаешь. И если ты дурачишь меня…

— Нет!

— Что еще я должен знать?

— Больше ничего… ничего!

— Клянешься?

— Да, клянусь! Пожалуйста, убери же нож, пожалуйста!

Она была сейчас на грани истерики. Медленно, как бы нехотя, он убрал нож и выпрямился. Затем снял с лица маску, вытащил из кармана очки и надел их. Все еще рыдая, Лаура неотрывно глядела на него.

— Так ты… ты и есть убийца? Ты и есть тот самый Фантом?

— Нет конечно, — сказал он. — Я просто подумал, что это будет драматичный способ произвести на тебя глубокое впечатление, прикинувшись, будто бы я сумасшедший. Но помни, ты дала мне слово, что у тебя в прошлом не осталось ничего такого, что мне следовало бы сейчас знать. В будущем я ожидаю от тебя исключительной честности.

— Ты до смерти напугал меня! — закричала она, когда он направился из ванной. — Ты чуть с ума меня не свел!

Он повернулся и строго посмотрел на нее.

— Вот и отлично, — и вышел.

Дрожа всем телом, она продолжала рыдать. Она подумала сейчас, а не

маньяк ли он, часом? Несмотря на то, что она была близка с Джоэлом, она все еще очень мало знала о его мыслях, разве только то, что большую часть времени разум Джоэла витал где-то в мире грез. Может, он мысленно представлял себя киногероем, игравшим Фантома, и именно потому и решил напугать ее с помощью маски и ножа. А может, все совсем иначе. Маска и нож были сильными средствами, чтобы перепугать подружку.

Одно лишь Лаура сейчас осознала со всей очевидностью: если он повел себя так омерзительно, узнав всего лишь о Теде Споулдинге, то неизвестно, что он может сделать, если увидит фотографии Джорджа Эванса.

— Я должна заполучить негативы, — прошептала она. — Непременно должна.

На следующее утро она на такси поехала в студию на бульваре Голливуд, потому что Менее всего в этот момент хотела выглядеть кинозвездой, которая сидит в «испано-суизе» с персональным шофером. А потому Лаура специально надела на себя простенькое домашнее платьице, подвязала свои светлые волосы платком, надела солнцезащитные очки.

Фотостудия помещалась в небольшом двухэтажном оштукатуренном доме в середине квартала, который знавал и лучшие времена. Справа от нее располагался книжный магазинчик, в глубине которого всякий желающий мог хоть до одури рассматривать иллюстрированные журналы. Лаура еще подумала, что для порнофотографа такое соседство более чем удачно. Заплатив таксисту, она поспешила в фотостудию. Ей было известно, что Эванс, будучи холостяком, жил один в верхнем этаже и что у него не было помощников, он все делал сам и проявлял негативы в задней комнате. Свободная площадь студии была уставлена несколькими дешевыми стульями, таким же дешевым столом с пожелтевшими журналами и утыканной окурками пепельницей. Деревянная контора, поставленная возле двери, была сейчас пуста, и потому Лаура уверенно подошла к двери и нажала кнопку электрического звонка. Через несколько секунд дверь открыл сам Джордж.

— А, мисс Давенпорт, — улыбнулся он. — То есть я хотел сказать мисс Лорд, прошу прощения.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Входи.

Он пропустил ее внутрь той самой фотостудии, где еще совсем недавно она стояла нагишом перед объективом ненасытной камеры. Черные электрические лампы слепо уставились сейчас на кирпичную

стенку, покрытую простыней: именно тут Джордж устанавливал своих моделей.

— Может, сигарету?

— Нет, спасибо.

Он закурил, внимательно глядя на Лауру.

— Итак, чем обязан? — спросил он, задул спичку и швырнул ее на пол.

— Сколько ты хочешь за негативы?

Он улыбнулся.

— А ведь я давно поджидал вас, мисс Лорд. Я читал в газетах, как стремительно растет ваша популярность. Что ж, признаюсь, такое обилие статей довольно впечатляюще. В таких обстоятельствах очень разумно начинать съемки Жанны д'Арк. Слышал, у тебя нынче дом на Родео-Драйв, что ты катаешь по городу в «испано-суизе». Что ж, недурственно… Джоэл Коллингвуд из-за тебя, должно быть, вовсе потерял голову.

— Сколько?

Он посмотрел на нее.

— Миллион долларов, — сказал он наконец.

— Это же идиотизм! Миллион долларов за дюжину негативов?

— Один миллион.

— Но у меня нет миллиона долларов!

— Возьми их у своего богатого дружка, мразь.

«Мразь» прозвучало слишком уж отвратительно.

— Ты что, не понимаешь? Я не могу их у него попросить!

— Почему?

— Не могу, и все! Проси что-нибудь более реальное. Я дам тебе десять тысяч долларов, которые могу взять у него якобы для своих автомобильных нужд.

— Один миллион.

— Ну пожалуйста.

— Один миллион. Причем достать его ты должна до завтра, достать и принести мне. В противном случае я покажу фотографии Джоэлу.

— Пожалуйста, — взмолилась она, начиная плакать. — Мне совершенно необходимо заполучить их. Позднее я заплачу… когда сделаю фильм. Тогда я буду стоить кучу денег.

— Ты уже и сейчас стоишь весьма изрядно. И закрой кран, моя дорогая. Условия тебе известны. Миллион до завтрашнего дня. Всего наилучшего, мисс Лорд.

Он выдохнул сигаретный дым ей в лицо.

— Подонок! — презрительно фыркнула она.

— Давай не будем переходить на личности. Все вы, голливудские суки, одним миром мазаны. Даже если вас разоденут в пух и прах, если на вас будут груды драгоценностей и вы будете ездить в классных тачках, все равно вы останетесь сворой грязных шлюх.

Она размахнулась и изо всех сил влепила ему пощечину. Его реакция удивила Лауру: сначала он поднял кулак, чтобы дать ей сдачи, но тут же сдержался.

— Пошла вон, шлюха! — только и прошипел он.

Плача, она вышла на освещенный солнцем бульвар Голливуд. Подумать только, миллион долларов! Идя по тротуару, она лихорадочно перебирала варианты. Может ли она занять миллион у Джоэла? Но как она объяснит, для чего ей столько денег? Нет, нет, это совершенно немыслимо. Может ли она обратиться к Чаку Розену, главному финансисту студии? А ему что она сможет сказать?

Она остановилась. Вытерев слезы, оглянулась на студию.

Конечно же! Единственный вариант. Это единственное, что может спасти ее карьеру и, возможно, замужество.

Негативы нужно попросту выкрасть.

Почувствовав заметное облегчение, Лаура остановила проезжавшее такси.

Сидя в светло-голубом «мерседесе», припаркованном как раз на противоположной стороне улицы, за Лаурой наблюдал мужчина.

Это был Джоэл Коллингвуд.

В 4.10 на следующее утро по бульвару Голливуд медленно двигалось такси.

— Уже близко, — сказала Лаура, сидевшая на заднем сиденье. Сложив двадцать долларов, протянула деньги водителю. — Подождите меня здесь, вернусь — получите еще двадцать.

— Готов ждать, дорогуша, хоть до утра, — сказал водитель такси и лукаво подмигнул. — Но имей в виду, здесь не самый безопасный в городе район.

— Я смогу позаботиться о себе. Не знаю, сколько я там времени пробуду, но думаю, что сумею уложиться в полчаса.

Она выскользнула из такси. Улица была сейчас практически безлюдна, разве только на соседнем тротуаре Лаура увидела одинокую фигуру полицейского. Быстро пройдя меж домов, она оказалась на аллее, где уверенно свернула вправо. Поскольку в этом районе главным образом

располагались конторы компаний и фирм, мусора тут было не очень много; на одной из брошенных банок мирно посапывал кот. Пройдя вдоль аллеи, Лаура с тылу подошла к студии Джорджа Эванса.

На первом этаже у него имелись три окна, одно из которых было забито досками. Лаура знала, что это окно чулана. Поставив сумку на землю, она попробовала открыть первое окно. Заперто. Второе попробовала. Тоже заперто. Аллея была освещена единственной лампой на высоком столбе. Открыв сумку, она несколько секунд поискала и наконец обнаружила там черную резиновую присоску и стеклорез. Последний она одолжила в столярной мастерской на киностудии. Ловко сделав в стекле большую дыру, как ее научил столяр, она просунула руку и изнутри открыла раму. Сначала отправив внутрь сумку, Лаура затем влезла и сама.

Внутри студии было темно. Вытащив из сумки фонарик, она включила его и принялась шарить лучом по вещам. Подобно стражам темного дома, неподвижно стояли лампы на высоких штативах. Круг света вырвал из темноты закрытую простыней стенку, возле которой Лаура некогда позировала голая. Обнаружила дверь во вспомогательные помещения и те злосчастные восковые виноградные гроздья, которыми она однажды прикрывалась. Затем из темноты выступила гардеробная с платьями для приходивших сюда моделей. Проходя мимо большой фотографии шляпы XIX века, Лаура припомнила, что видела однажды сделанную Джорджем фотографию, на которой обнаженная модель была как раз в такой шляпе, а большой бант красиво приютился под самым подбородком женщины на фото.

Вот наконец луч фонаря наткнулся на шкафчик, столь памятный Лауре. Джордж по-прежнему использовал стеклянные негативы. Это был допотопнейший метод получения фотографий, однако именно этот метод позволял фотографу добиваться при портретной съемке особенной четкости линий и контрастности деталей. В этом шкафчике Джордж и хранил свои стеклянные негативы. Осторожно подойдя к нему, Лаура вытащила один из многочисленных ящичков, в которых хранились негативы. В первом ящичке оказалась фотография обнаженной девушки: она сидела в круглой дыре, в стене, что должно было, по-видимому, обозначать так называемые Китайские Лунные ворота. Обрамляли девушку цветущие и явно поддельные ветки вишневого дерева, что должно было добавить иллюзии того, будто бы девушка заснята в саду.

Лаура принялась поспешно выдвигать и задвигать ящички, пока не обнаружила одну из своих фотографий. Облегченно вздохнув, она вытащила негатив снимка, на котором была заснята с гроздьями винограда.

Остальные одиннадцать пластинок оказались под первой.

Зная, что стекло будет тяжелым, она специально захватила с собой хозяйственную сумку, чтобы, переложив газетами, сложить туда все негативы. Упаковка заняла считанные минуты. Подняв сумку, она осветила окно.

Вплоть до этого момента все ее движения были размеренными: несмотря на нервное напряжение, Лауре удалось контролировать все свои действия. Но теперь она засуетилась и зацепила опору одного из стоявших светильников, который неожиданно грохнулся, и Лаура, споткнувшись, тоже упала на пол. Раздался чудовищный грохот. Упав на негативы, Лаура превратила их в осколки. Она намеревалась принести негативы домой и именно там уничтожить их, понимая, что здесь этого сделать нельзя, потому что от шума Джордж мог проснуться. Приказав себе не паниковать — но тем не менее изрядно струсив, — она вскочила и потянулась за фонариком.

Она нагнулась и уже дотронулась до фонарика, как вдруг увидела перед собой пару мужских ног. Отпрянув, она посветила вверх — вслед за ногами из темноты появился торс высокого мужчины, стоявшего возле самой лестницы. Мужчины в серебряной маске. В правой руке он сжимал кухонный нож.

— Джоэл! — крикнула она и попятилась к окну. — Мне нужно было заполучить эти негативы… — От ужаса она принялась плакать. — Но только теперь они все уничтожены. Я поскользнулась и упала прямо на них… Посмотри…

— Это твой смертный приговор, — прошептал мужчина в маске, наступая на Лауру. — Пока пластины существовали, они стоили кучу денег и ты была в безопасности. А сейчас ты превратилась в одну из многих шлюх, которых мне доводилось снимать здесь…

— Джордж? — в недоумении прошептала она. — Это ты, Джордж?

— Да, это Джордж. Джордж Мститель. За свое аморальное поведение ты заслуживаешь наказания.

— Ты спятил…

— Вы, голливудские шлюхи, превратили некогда мирный город в Вавилон и за грехи свои должны понести наказание.

— Лаура, спасайся! — вдруг крикнул мужчина, забравшийся внутрь через окно. Она включила фонарик. К ее изумлению, это был Джоэл. От ярости мужчина в маске издал звероподобный рык и бросился с ножом на Лауру. Ринувшись навстречу, Джоэл схватил его. Лаура завизжала, направив на них дрожавший луч фонарика. Мужчины сплелись в схватке.

Рыча, как сумасшедший, Джордж всадил нож в живот Джоэла, затем резко его выдернул. Джоэл хватал ртом воздух.

— Джоэл! — вскрикнула Лаура.

Ухватившись за живот он, согнувшись пополам, рухнул на пол. Тогда она направила луч фонаря на Джорджа. Тот высоко держал нож, так что с лезвия кровь капала прямо на его серебряную маску.

— Вавилонская блудница! — крикнул он. — Приготовься получить по заслугам!

Она не перестала кричать и тогда, когда он ринулся на нее. Через окно раздался выстрел, затем еще два. Эванс вскрикнул, полуобернулся налево и лицом рухнул на пол. Через окно в комнату влезли какие-то мужчины. Когда она навела на них фонарик, то увидела, что это были полицейские.

— Джоэл!

Она упала возле него на колени. Джоэл лежал на боку, держась за живот, из которого хлестала кровь.

— Кто-нибудь, вызовите же «скорую»! — крикнула Лаура. — О Боже! Джоэл, дорогой мой!..

— Извини меня, — прошептал он. — Я прошлой ночью перепугал тебя. Это было глупо и жестоко с моей стороны…

— Забудь об этом! Но почему ты здесь?

— Я следил за тобой… хотел выяснить…

Глаза его закрылись.

— «Скорая» уже в пути, — сказал Клифф Паркер, присаживаясь на корточки возле Лауры.

Кто-то догадался включить наконец электричество в студии.

— Он что, умер? — шепотом спросила она, уставившись на лужу крови.

— Нет, но он потерял много крови. Этот сумасшедший буквально пропорол его.

— Он не может умереть… он не должен умереть…

Клифф Паркер посмотрел на дрожавшую блондинку.

— Вы действительно любите его, не правда ли? — спросил он с ноткой удивления в голосе.

Лаура повернулась к детективу, в глазах ее стояли слезы.

— Он единственный мужчина, который обращался со мной, как с леди, — прошептала она.

— Мы в течение десяти дней кряду следили за Эвансом из книжного магазина, расположенного тут рядом, — рассказывал Клифф час спустя.

Они с Лаурой ожидали в больнице, когда врачи закончат делать Джоэлу операцию. — Так что когда вы появились на аллее, мы были изрядно удивлены.

— А почему вы его выслеживали?

— Несколько мужчин в здешней округе… Ну, скажем, коллекционируют непристойные фотографии. Так вот они рассказали мне, что все пятеро женщин, убитые Фантомом, позировали голыми. Я проверил все порномагазины и обнаружил, что всех пятерых женщин фотографировал Джордж Эванс. И поскольку это было связующее звено в убийствах Фантома, мы и начали следить за Эвансом. Мы расположились по соседству, но десять дней он ничем не занимался, разве только самыми тривиальными делами: ходил за покупками, назначал деловые встречи. Может, он даже заподозрил, что мы следим за ним, не знаю. В любом случае вы оказали нам неоценимую услугу, заставив его действовать сегодня ночью. Конечно, вам пришлось натерпеться страху…

— Я и понятия не имела, что Джордж — сумасшедший. Но почему он всегда надевал маску?

— Ему нравилось читать о своих злодеяниях, я полагаю. Наверное, он посмотрел «Фантома из Оперы» и решил сделаться Фантомом из Голливуда. Именно это и произошло. Жизнь имитирует кино. Готов спорить, что он читал, да еще и смаковал все о нем написанное, в точности как это делал Джек Потрошитель.

— Но почему? Что он пытался доказать?

— Семья Эванса владела лимонной рощицей, а сейчас на этой земле находится студия «Универсал». Может, поэтому у него выработался комплекс киноненавистника.

— Да, да, сейчас припоминаю, как он говорил: «Вы, шлюхи голливудские, превратили этот тихий городок в Вавилон».

— Ну, стало быть, так все оно и есть. В этом городе много ему подобных. Благодаря кино Голливуд и вообще Лос-Анджелес стал чем-то большим, нежели точкой на карте. Ну а журналисты и вовсе пытаются превратить этот город в этакий американский Син-сити. Обитель Греха. Когда тридцать лет назад я был совсем еще мальчишкой, Голливудом управлял канзасский сторонник «сухого закона». Многие годы этот город отличался высоконравственной жизнью. Неудивительно, что многие жители Лос-Анджелеса до сих пор отличаются строгой моралью. Джордж Эванс решил повести свою войну. Конечно же, убивать актрис — явная крайность в борьбе с индустрией кино.

В приемную вошел один из врачей, который делал операцию Джоэлу.

Улыбка на его лице говорила сама за себя.

— Он будет в полном порядке, — сказал врач. — Лезвие ножа повредило внутренности, но мы все зашили. Следующие месяца два могут быть сильные боли, но потом, я полагаю, он быстро пойдет на поправку.

— Это самая лучшая новость! — воскликнула Лаура, вскочила с дивана и поцеловала доктора в щеку. Молодой человек смутился и покраснел.

— Хм… вы… вы и есть Лаура?

— Совершенно верно.

— Прежде чем мы дали ему обезболивающее, он сказал мне, что… в общем, что он любит вас.

Лаура Лорд заплакала, но на сей раз не от страха.

— Я чувствовал себя таким виноватым перед тобой после того, что сделал, — говорил Джоэл на следующий день, когда Лаура сидела на краю больничной койки в частной палате больницы и держала Джоэла за руку. — Надеть маску, напугать тебя до смерти в ванной. Это было идиотизмом, и боюсь, ты вообще сочла меня психом, хотя, вероятно, я немножко псих. Но я ни в коем случае не причинил бы тебе зла, Лаура. Это была всего только гипертрофированная реакция на то, что я услышал от Теда Споулдинга.

— У тебя были причины разозлиться на меня, — сказала Лаура. — Ты ведь искал самую непорочную девушку в Америке, а нашел меня, которая чиста, как лужа грязи.

— Все это неважно, — продолжил он слабым голосом. — Но мне было так стыдно того, что я сделал, что мне захотелось хоть как-то загладить вину, извиниться. Но когда я приехал к твоему дому, ты как раз садилась в такси. Я не мог понять, зачем было ехать в такси, если у тебя есть собственный автомобиль. Вот я и поехал за тобой на студию Джорджа, хотя это тоже показалось мне странным. И я начал следить за тобой. А прошлой ночью, когда ты опять поехала на студию, я вновь поехал следом. Кроме того, я не знал, зачем ты вообще ехала туда.

— А теперь знаешь? — прервала она его.

— Есть одна идея.

— Тогда я расскажу тебе, потому что хочу, чтобы ты все знал. Когда я впервые приехала в Голливуд, у меня совершенно не было денег и тут… тут я увидела это объявление в «Клэрион». Наверняка ты тоже не раз натыкался на эти объявления. «Фотограф приглашает на съемки симпатичных девушек. Хорошая плата…» Ну а поскольку я была в отчаянии от безденежья, то и направилась к нему в студию. Джордж

захотел, чтобы я позировала ему голой. И в конце концов я согласилась. А не так давно я пришла к нему, желая выкупить эти негативы. Ясно, почему я этого хотела, ну а он принялся шантажировать меня. Сказал, что ему нужен миллион долларов за эти негативы, и пригрозил, что в противном случае отнесет их тебе и уже от тебя получит этот самый миллион долларов. Вот я и решила, что мой единственный шанс — выкрасть эти негативы. Конечно же, я и понятия не имела, что Джордж — он и есть Фантом. А когда ты влез через окно и он ударил тебя ножом, я поняла, что все это — моя вина. Вот поэтому я чувствую себя такой виноватой перед тобой. Так что не чувствуй себя виноватым — виновата только я, я одна. Я и есть то гнилое яблочко. Я могу резюмировать это только так. Меня изнасиловал мой отец, я переспала со множеством мужчин, я угнала машину, фотографировалась для грязных снимков… Нельзя упасть ниже. Полагаю, ты должен понять, что я вовсе не подхожу на роль Святой Жанны. Я причинила тебе достаточно боли. И я не собираюсь плюс ко всему испоганить еще и твою картину. Найди кого-нибудь, кто больше бы подходил для святой, нежели я.

Джоэл долго смотрел на нее через свои сильные стекла.

— Не твоя вина в том, что ты родилась в бедной семье, — произнес он наконец. — Равно как и я не виноват, что родился богатым. Тебе пришлось бороться, чтобы преодолеть нищету, и поэтому ты воспринимала мир совершенно иначе, чем я. Я хотел, чтобы ты оказалась непорочной, а когда узнал, что ты далека от этого, я, понятное дело, взбесился. А кто, если подумать, непорочен в этом сумасшедшем мире? Ты прочитала объявление Джорджа Эванса в «Клэрион», той самой газете, которая принадлежит моей семье. Так неужели же я чище тебя? — Он чуть заметно пожал плечами и добавил: — Кроме того, я люблю тебя, со всей твоей грязью…

Она рассмеялась, вытерла глаза.

— Однако я согласен с тобой относительно Святой Жанны д'Арк. Ты не та женщина, чтобы сыграть эту роль. Если честно, ты слишком сексуальна. Я решил отменить весь этот фильм. Знаешь, Лаура, ведь я и кино-то начал заниматься с единственной целью — делать фильмы про красивое. Может, Чак Розен и прав: если никто не желает смотреть их, какой же тогда толк? Я тут разыскал один новый сценарий и хочу, чтобы ты его прочитала. Думаю, он как раз для тебя.

— И как же он называется?

Джоэл чуть улыбнулся.

— «Леди ночи».

— О, Джоэл… — она засмеялась. — Это мне очень созвучно.

— Он поехал навестить свою дочь, — сказала Венди Фэрфакс Джилу Амстеру, когда они сидели за угловым столиком в «Баркиз». — Это я узнала от Декса Грея. Пару лет назад Джоэл трахнул одну из служанок, и теперь она и его двухлетняя незаконнорожденная дочь проживают в Санта-Монике. В ту ночь, когда ты следил за ним, он как раз получил известие, что дочка заболела. Вот он и рванул в Санта-Монику, чтобы повидаться с ней.

— Я и сам теперь понимаю, что Джоэл Коллингвуд никакой в действительности не Фантом.

— Это была моя дурацкая идея, но, благодарение Богу, никто из нас ничего никому не сказал, особенно полиции.

— Да, пожалуй, ты права.

Джил Амстер решил, что чем меньше его жене известно, тем спокойнее будет у нее на сердце.

Симпатичная официантка подошла взять заказ.

— Как обычно, мистер Амстер?

— Почему бы нет? Чизбургер, картофель и коку.

— А вам, мисс Фэрфакс? Между прочим, я получила работенку.

— В самом деле? Роль получила?

— Да. Ну не чудо ли? Я в массовке, правда, и меня убивают в первом же эпизоде. Но убийство, знаете, шикарное, с кровищей и все такое.

— Звучит потрясающе! А в каком фильме?

— Это новая картина, ее начинает сейчас делать Джоэл Коллингвуд. Называется «Леди ночи», в главной роли Лаура Лорд. Так вот и бывает: сегодня в массовке, а завтра — кинозвезда. Раз это случилось с Лаурой Лорд, может случится и со мной.

— Точно! — улыбаясь, подтвердила Венди. — Как знать? В Голливуде все может случиться. Я напишу про это в своей колонке.

— О, в самом деле? Это будет шикарно!

— Но я не знаю твоего имени, детка.

— Тельма. Тельма Тодд.

Блондинка Тельма Тодд и вправду вскоре стала кинозвездой. Она снялась в целой серии картин, в том числе у нее были такие фильмы, как «Глупое занятие» с Марксом Бразерсом, «Вперед, гип-гип-ура!» и «Вверх дном». Шестнадцатого декабря 1935 года тело Тельмы было обнаружено в ее собственном открытом «паккарде» в гараже особняка на Пасифик-Палисейдз, где она проживала вместе со своим любовником режиссером Роландом Уэстом. Зажигание было включено, однако мотор не работал.

Одежда Тельмы была превращена черт знает во что, лицо выпачкано кровью, и тем не менее Большое Жюри вынесло вердикт: «Отравление выхлопными газами».

Убийца так и не был обнаружен.

В «Верайети» 8 ноября 1928 года был такой заголовок:

НЕИЗВЕСТНАЯ МАЛЫШКА НА РОЛЬ ГЕРОИНИ ГАНГСТЕРСКОГО ФИЛЬМА

Лаура Лорд будет играть главную роль в фильме про гангстеров!

Джоэл Коллингвуд уверен в возможностях новой актрисы:
«Она им всем еще покажет!» — уверен он.

«Леди ночи», история о сексапильной блондинке, которая является подружкой нью-йоркского буттлегера и которого она в конечном итоге выдает полиции и которую затем, изрядно нашпиговав пулями, превращают в кусок мяса, — история эта появилась в кинотеатрах по всей Америке буквально через десять дней после биржевого краха 1929 года. Странно даже, но для выхода картины лучшего времени Коллингвуд и пожелать не мог бы. Напуганные биржевым обвалом, люди стремились убежать от страшной реальности в успокоительную темноту кинозалов, а сексапильность Лауры Лорд доставила им огромное наслаждение. Фильм собрал отличную кассу и буквально в одночасье Лаура стала кинозвездой.

Для Джоэла, однако, эта победа оказалась пирровой. Его слепая любовь к кино умерла тотчас же, как только он понял, что публике в кино нужна не красота, а титьки, задницы и изрыгающие огонь стволы. К вящей радости отца, Джоэл объявил, что сыт кино по горло. Сдав Студию в аренду компании «MGM» за огромные деньги, он вернулся в Сан-Франциско, чтобы учиться азам семейного бизнеса.

В январе 1930 года, к огорчению семьи, Джоэл все-таки женился на Лауре Лорд. В июне того же года Лаура родила сына, нареченного Спенсером. Те из семейства Коллингвудов, кто взял на себя труд посчитать месяцы, вздохнули — и ничего не сказали.

В мае 1933 года, в самый разгар Великой Депрессии, Кертис Коллингвуд умер от сильнейшего удара. Джоэл стал главой «Коллингвуд корпорейшн», а Лаура после нескольких успешных фильмов объявила о своем уходе с экрана.

В 1936 году Джоэл Коллингвуд объявил о создании «Коллингвуд фаундейшн». Были выпущены акции на пятьдесят миллионов долларов группы «В», не дающие права участия в голосовании. «Коллингвуд фаундейшн» постоянно финансировала медицинские исследования Мемориальной больницы Арчера Коллингвуда. Джоэл, сделавшись таким же известным филантропом, как его бабка Эмма, предоставил несколько миллионов долларов из собственных средств на благотворительные нужды, а также продолжал поддерживать Музей изящных искусств Арчера и Арабеллы Коллингвуд: этому музею он передал отцовскую коллекцию картин импрессионистов и постимпрессионистов. В память об оставившей ему миллионы долларов Зите Джоэл основал для Стенфордского университета фонд в размере одного миллиона долларов. Из этого фонда получали средства нуждающиеся студенты, продемонстрировавшие незаурядный талант в сфере дизайна.

Джоэл так никогда и не научился играть в бейсбол, а Лаура так никогда и не была «принята» обществом Сан-Франциско. Они счастливо прожили до 1956 года, когда Джоэл умер от рака.

Спенсер Коллингвуд, которому исполнилось двадцать шесть лет, выпускник Принстона, наследовал все отцовское богатство, которое, по оценке журнала «Тайм», превосходило сумму в пятьсот миллионов долларов. Но на встрече всех членов семьи, а встреча такая состоялась в особняке Коллингвудов в Сан-Франциско, Спенсер объявил о своем нежелании заниматься семейным бизнесом, сказав при этом, что больше всего ему нравится жить на ранчо и заниматься фермерством. По условиям соглашения, выработанного семейными адвокатами, Спенсеру были переданы в собственность 25 процентов ранчо «Калафия». Контроль за «Коллингвуд корпорейшн» был передан 31-летнему кузену Спенсера, сыну Алистера и Шарлотты Бретт. Это был выпускник Гарварда Джеффри Бретт.

В 1960 году Спенсер Коллингвуд женился на Сильвии Девитт, занимавшей видное положение в обществе Лос-Анджелеса. На следующий же год Сильвия родила ему девочку, которой мать и отец дали имя Клаудиа.

В 1980 году, через два года после смерти Беулы Снодграсс, она же Дикси Давенпорт, она же Лаура Лорд Коллингвуд, а смерть эта была вызвана передозировкой барбитуратов (о смерти не говорили как о самоубийстве, несмотря даже на то, что после смерти мужа Лаура пристрастилась к выпивке и у нее были серьезные проблемы со спиртным) — так вот, после ее смерти Отдел кинематографии музея Современного искусства в Нью-Йорке устроил первую ретроспективу фильмов Лауры Лорд. Критики назвали исполнение ею роли в фильме

«Леди ночи» классическим.

Эпилог

Настоящее золото: ничья цена

Когда «Боинг-747» начал снижаться, подлетая к лос-анджелесскому аэропорту, Клаудиа Коллингвуд посмотрела в иллюминатор салона первого класса на пурпурный смог, который подобно гигантскому покрывалу висел над огромным мегаполисом. Солнце медленно садилось за Тихий океан, осталась лишь небольшая полоска светила.

— Жутковатая эта все-таки красота, не так ли? — заметил средних лет бизнесмен, сидевший в кресле рядом с Клаудией. Во время длительного перелета из Нью-Йорка он заговаривал с ней о самых различных предметах, а также выпил две бутылки превосходного «Джордан Уайнери каберне савиньон» урожая 1980 года.

— Это смог-то? — спросила Клаудиа. — Вы думаете, он красив?

— В нем красота смерти, — ответил мужчина. Заметив, что он уже не вполне четко произносит слова, она решила, что «каберне» оказало на него большее, чем она думала, воздействие. — Все эти миллионы автомобилей там, внизу, все производят и производят свои выхлопы… И это никогда не прекратится, смог будет делаться все более и более густым — до тех пор, пока все люди не задохнутся. И — пффф! — конец Калифорнии.

Клаудиа опять посмотрела в иллюминатор. Самолет сейчас находился в самой гуще смога, и огни города были сейчас неразличимы. Конец Калифорнии.

С такой мыслью не очень-то приятно возвращаться домой.

— Папочка, я сейчас в Бель-Эйр, — говорила она по телефону два часа спустя.

— Добро пожаловать домой, девочка, — сказал Спенсер Коллингвуд, находившийся сейчас в гараже, расположенном в полумиле от главного дома на ранчо «Калафия».

— Я взяла машину напрокат и завтра утром, как только проснусь, сразу же приеду. Подумал ты насчет Джеффри с тех пор, как я звонила тебе из Парижа?

— Разумеется, подумал. Трусливый, подлый подонок, пытающийся за моей спиной продать ранчо кучке иностранцев! Впрочем, и черт с ним! Я отлично знаю, почему он пытается это сделать, завтра я все тебе расскажу. Как там твой супруг?

— Папочка, я с ним развожусь.

— Что?

— Во время полета я приняла окончательное решение. Кстати, о трусости и подлости: он подставил меня лорду Нортфилду и Билли Чингу, и теперь я больше ни в чем не могу ему доверять. Ты был прав, я сделала ошибку.

— Аллилуйя! Значит, ты возвращаешься домой насовсем? Не вернешься больше во Францию?

— Совершенно верно.

— Черт возьми, это самые приятные слова, какие я слышал за много лет. И никакого разбитого сердца?

— Чуть-чуть разбито. Ты ведь знаешь, я так любила Ги, но его интересует лишь его замок и его коньяк. Мне понадобилось два года, чтобы понять это. Конечно, мне тяжело, ну да как-нибудь переживу.

— Детка, знаешь ведь, как я ненавижу разговаривать по телефону, — прервал Спенсер дочь. — Кроме того, вот и Микки дает мне понять, чтобы я закруглялся. Я все-таки купил «порше-926» и утром хочу впервые его опробовать. Давай так: ты завтра приедешь, и мы обо всем переговорим. О'кей?

— Хорошо, папочка.

— Доброй ночи, родная. И еще раз добро пожаловать домой. Ты сделала своего папочку счастливым.

Он повесил трубку. Клаудиа, которая сидела в постели, также положила трубку и слегка улыбнулась. Истинной и единственной страстью отца были спортивные автомобили, равно как единственной страстью Ги был коньяк.

«Ох уж эти мужчины, — подумала она, выключая свет и забираясь под одеяло. — Что бы они там ни говорили, а ведь в основе своей — это маленькие мальчики со своими игрушками».

И еще она подумала, засыпая, что было бы неплохо иметь сейчас в постели Ги. Нет, пошел этот Ги ко всем чертям!

* * *

В восьмидесяти милях от Бель-Эйр Спенсер и Микки Карлайл, его механик, закрыли ворота гаража, после чего направились к своим джипам.

— Прогноз погоды хороший, — сказал Микки.

— Да. Увидимся в семь, тогда и обкатаем ее.

Спенсер сел за руль своего джипа и поехал домой.

После того как лет двадцать назад он «заболел» спортивными

автомобилями, Спенсер выстроил не только полностью оснащенный гараж, но и собственный трек протяженностью в 1,8 мили, с которого можно было видеть Тихий океан. Только очень состоятельные люди могли позволить себе подобное. Но несмотря на тот факт, что к нему перешло огромное состояние Джоэла Коллингвуда и прекрасная внешность, унаследованная от Лауры Лорд Коллингвуд, известной кинозвезды, Спенсер де Мейер Коллингвуд никогда не считал себя особенно счастливым человеком. Уже с рождения судьба улыбнулась ему весьма экстравагантно. Он вырос чрезмерно подозрительным ко всем людям, как будто любой встречный человек может стянуть у него что-нибудь: Когда он был молодым, свое мрачное настроение и свою неизбывную подозрительность он как-то пытался держать под контролем и вел более или менее нормальную жизнь богатого человека. Но с годами он начал все больше времени проводить на ранчо и все меньше времени в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе. Когда его жена Сильвия погибла на своем частном самолете, разбившемся в 1974 году, он стал еще более замкнутым — до такой степени, что его прозвали «червем из «Калафии».

Спенсер был крайне правым по своим убеждениям и жертвовал миллионы на дела консервативных политиков. В весьма консервативном округе Ориндж он очень удачно вписывался в политическую палитру. С другой стороны, он был истинным консерватором в том смысле, что он желал сохранить красоту Южной Калифорнии против всяческих поползновений цивилизованного мира. Он с жаром говорил о своем предке, Арчере Коллингвуде-старшем, который век тому назад пытался защищать права индейцев. Спенсер утверждал, что у Арчера и Джо Тандера была философия, которая предполагала жизнь в единении с природой и которая, собственно, и была настоящим калифорнийским золотом. Человек XX века должен что-то принципиально изменить в своей жизни, иначе XXI веку ничего не достанется, кроме огромного зловонного болота. Спенсер использовал свое огромное влияние в «Коллингвуд фаундейшн», чтобы огромные суммы выделялись тем, кто пытается спасти планету от саморазрушения. Его самыми заклятыми врагами были те, кто осваивал девственные участки. Он говорил о них таким тоном, каким говорят о самых заклятых врагах.

Припарковав свой джип перед домом, который Стар и Хуанито построили почти девяносто лет назад, он прошел внутрь, поел — как всегда, в одиночестве. Обед Спенсера состоял из подогретого мяса, которое приготовила и подала единственная имевшаяся в доме служанка Ана, жена одного из мексиканцев, которых Спенсер нанял в качестве чернорабочих.

После обеда он прошел в библиотеку, выходившую окнами на океан, посмотрел «Колесо фортуны», после чего по скрипучей старенькой полутемной лестнице поднялся в башенную комнату, в ту самую, что Стар облюбовала себе и в которой она так много лет тому назад допилась до смерти. Там Спенсер лег в постель. Человек, имевший все, вел унылый и мрачный образ жизни. Если кому-нибудь захотелось доказать, что деньги необязательно приносят счастье, то миллиардер Спенсер Коллингвуд был бы живым доказательством этого тезиса.

В два часа ночи «рейндж ровер» с четырьмя молодыми китайцами проехал по пляжу и остановился чуть поодаль спенсеровского трека и гаража. Мужчины выскочили из автомобиля и побежали к гаражу. Один из них, профессиональный слесарь, быстренько открыл ворота. Вбежав внутрь, они наставили лучи своих фонарей на «порше-926», который стоял на гидравлическом подъемнике. Они подняли автомобиль, после чего слесарь вытащил из сумки специальную алмазную пилу, забрался под «порше» и принялся аккуратно подпиливать тяги рулевого управления.

Он перепилил их вполне достаточно.

Как только взошло солнце, над крышей ранчо «Калафия» с криками пролетела первая чайка. Под ее крылом простиралась девственная природа, к которой все ближе и ближе подступали быстро растущие города, торговые центры и прочие населенные пункты округа Ориндж. На ранчо до сих пор существовали несколько цитрусовых рощиц, но много лет назад Спенсер перестал заниматься выращиванием цитрусовых, и сейчас большую часть территории ранчо составляли заброшенные земли. На первый взгляд ферма выглядела не слишком-то приятной для глаз, однако когда взгляд путешествовал в сторону океана, ему открывалась целая палитра изумительных красок. Теплые охряные и кремовые тона менялись на оливково-зеленые краски выдающихся из воды скал; были тут и серые краски и даже грязно-розовые. В разных местах к скалам приклеились кактусы. Уж кому-кому, а морским чайкам было хорошо известно то множество тихих уютных бухточек, которыми изобиловала здешняя береговая линия: там вода и песок образовывали изумительное сочетание золотого и изумрудного.

Если следить взглядом от побережья, то чем дальше от океана, тем выше — уступами — поднимался ландшафт, пока плавный подъем не уступал место холмам. Ни хорошенькой, ни веселенькой здешнюю природу не назовешь, но в ее облике было что-то величественное. Морская чайка, имеющая великолепное зрение, могла заметить, что здешняя земля имела

самые разнообразные формы дикой природы. Земляные белки безудержно резвились, но стоило только показаться чужаку, как тут же застывали. Земляные совы сидели, как изваяния, лишь время от времени поводили по сторонам головами. Полевые мыши бестолково бегали взад-вперед, как бы имитируя их же собственных родственников из детских мультфильмов. Калифорнийские перепела были повсюду, койоты предпочитали жить в холмах, дикие кошки, рыжие лисы и миллион рыжевато-коричневых и серых зайцев бегали в зарослях вечнозеленого карликового дуба. Ну и конечно же, тут водилось немало змей.

Морская чайка на всякий случай старалась держаться подальше от коричневой крыши дома, над которой торчала телеантенна. Ей было видно сейчас, как перед обширным домом ранчо «Калафия» Спенсер Коллингвуд садится в свой джип, чтобы ехать в гараж. Морская чайка направляется в океан, чтобы немножко подкормиться. Когда же она подлетела к самой кромке воды, ее желудок внезапно заполнила страшная боль. Чайка жалобно закричала, сделала крутой вираж, резко начала снижаться и замертво упала, разбившись о прибрежные камни.

Чайку настиг выстрел.

Спенсер надел спортивный шлем и сел в кабину белого «порше-926», который они с Микки выкатили из гаража на покрытый асфальтом трек. Закрыв прозрачный верх, Спенсер сделал знак Микки и надавил на голубую кнопку стартера. «Порше» взревел.

— Удачи! — крикнул Микки Спенсеру, включившему первую передачу.

Утро было прекрасное, солнце освещало самые верхушки деревьев. Спенсер выбрал довольно-таки холмистую местность для устройства трека, который огромным овалом протянулся в этой безлюдной местности. Спенсер двинулся на север по колену трассы, которое было проложено параллельно линии пляжа. Он быстро набирал скорость: 60… 70… 80… Превосходно отрегулированный двигатель счастливо ревел, автомобиль превосходно слушался руля. Спенсер подумал, что никогда еще у него не было лучше автомобиля.

120… 130…

Машина летела стрелой. Спенсер сделал первый поворот и помчался по восточному участку трассы, практически летя над холмистой местностью.

150, 160… Теперь Спенсер двигался на юг, в направлении гаража.

170, 175… Затем он нажал на тормоза и остановился рядом с Микки.

— Великолепно! — прокричал он, откинув верх. — Сто семьдесят пять совершенно без всякой натуги. Поставим трубонаддув на четыре цилиндра, и я попробую выжать из нее две сотни.

— Понял.

Десять минут спустя Спенсер стартовал снова. И вновь обогнул трек, однако на сей раз продолжал давить на акселератор и после того, как была достигнута скорость в 175 миль.

180, 190, 200…

— Оу! — радостно воскликнул он, как только стрелка спидометра коснулась отметки в 200 миль.

И вновь автомобиль свернул на южный отрезок трека, снова он несся к заключительному повороту трассы. Спенсер повернул руль — и ничего не произошло!

Спенсер де Мейер Коллингвуд уставился на стену гаража, которая со скоростью его «порше» летела навстречу ему. «Порше-926» врезался в стену гаража со скоростью 200 миль в час.

Огненный шар и черный дым были видны вплоть до самого Лонг-Бич.

— Клаудиа Коллингвуд?

Клаудиа стояла возле стойки отеля, оплачивая счет, пользуясь кредитной карточкой «американ экспресс». Обернувшись, она увидела Гаррисона Форда, в которого влюбилась, когда на экраны вышел фильм «Звездные войны». Впрочем, окликнувший ее мужчина не был Гаррисоном Фордом. Этот человек был удивительно похож на известного актера, вот только ростом был чуть повыше, да нос имел несколько поострее. Одет он был в консервативного покроя серый пиджак и голубой галстук в горошек.

— Да?

— Я Артур Стивенс, адвокат вашего отца. Могу я поговорить с вами?

Взяв со стойки свою кредитную карточку, Клаудиа пошла вслед за ним через вестибюль в свободный уголок.

— Случилась авария, — спокойным тоном сказал он. — Мне позвонил Микки Карлайл, механик вашего отца. Он рассказал, что Спенсер сидел за рулем «порше», когда машина потеряла управление.

— С папочкой все в порядке?

— К сожалению, нет. Он врезался в гараж.

Она вздрогнула.

— Он…

Адвокат кивнул.

— Машина взорвалась… Весьма сожалею.

Клаудиа представила лицо трудного человека, каким был отец, с которым в последние годы она так часто спорила. Внезапно она вспомнила пони, которого отец подарил ей, когда ей было шесть лет, вспомнила, как заботливо он обучал ее верховой езде.

— Клаудиа?

— Да.

— С вами все в порядке? Мне, право, очень неприятно обрушивать на вас все это таким вот образом…

— Ничего, — услышала она как бы со стороны свой голос.

— Микки сказал, что вы сегодня собирались приехать на ранчо. Поскольку я еду туда же, если не против, может быть, поедете со мной?

Она была ошеломлена.

— Да, спасибо, может, так будет лучше…

Она почти ничего не видела: слезы застилали глаза. Она чувствовала внутри гложущую пустоту, как будто ничего не ела много дней.

Внезапно она оказалась последним Коллингвудом.

— Только не пытайтесь убедить меня, будто это — несчастный случай, — говорила она час спустя, когда по «Сан-Диего Фриуэй» они ползли на серебристом «мерседесе-300» Артура в южном направлении. В миле от них перевернулся тяжелый трейлер, отчего движение на этом участке практически замерло.

— Но и вы также не пытайтесь убедить меня, — сказал Артур. — Все это выглядит чертовским нагромождением случайностей. Кроме того, Спенсер был очень осторожным водителем. И за день до аварии они с Микки буквально вылизали с тряпкой и щеточкой весь «порше». Но все равно внутренний голос подсказывает мне, что как бы там ни было, мы ничего не сумеем доказать, поскольку автомобиль полностью уничтожен. Микки вызвал, конечно, полицию, потому что он подозревает не меньше нас с вами. Полицейские приехали, пытались обнаружить какие-нибудь сторонние отпечатки пальцев, но обнаружили только отпечатки пальцев Микки и вашего отца.

— Папа рассказывал вам про лорда Нортфилда и Билли Чинга?

— Рассказывал.

— И что сейчас они угрожают моему мужу?

— О да. Если это было убийство, то они — главные подозреваемые, хотя я и сомневаюсь, что мы сумеем их обвинить и засадить. В этой стране азиаты создали целую структуру из преступных организаций, и в Лос-Анджелесе немало членов «Триады», равно как и в Сан-Франциско. Билли

— гражданин Гонконга, его банк отмывает деньги, полученные за счет наркотиков, которые «Триада» завозит в Гонконг. И поэтому главари «Триады» с удовольствием сделают все возможное, чтобы потрафить ему. Билли достаточно сделать один-единственный телефонный звонок. Тогда сразу же приказ направляется в Лос-Анджелес. Совершается убийство, причем никто не может и близко подступиться к самому Билли. Все разыгрывается как по нотам. Билли и лорд Нортфилд хотят заполучить ваше ранчо. С вашим отцом им не удалось договориться, и поэтому… — Он пожал плечами.

— И конечно же, они рассчитывают на то, что я так перепугаюсь, что сделаю все, чего они только захотят.

— А вы напуганы?

— Вы чертовски правы: я напугана, но еще больше взбешена. И вовсе не собираюсь позволять каким-то двум дельцам от наркобизнеса хозяйничать на моем ранчо.

Артур на ее слова улыбнулся.

— Рад это слышать. Но с Билли будет справиться весьма непросто. Если та информация, которой я располагаю, правильная, то банк Билли отмывает миллиарды долларов, полученных на наркотиках. А «Калафия» — отличное место для вложения этих денег: сто квадратных миль, расположенных в одном из самых плодородных районов Америки.

— Как вы считаете, может ли Билли использовать это ранчо для маскировки своих операций с наркотиками?

— Мне не хотелось бы так думать, однако возможность этого определенно существует. У вас такая широкая прибрежная полоса — удобно подходить кораблям и катерам, а ночью на территорию ранчо могут садиться самолеты. Чертова пробка!..

«Мерседес» вынужден был и вовсе остановиться. Водители отчаянно сигналили.

— Вчера вечером, когда мы разговаривали по телефону, папа сказал, что он знает — знал, — почему мой кузен Джеффри Бретт хочет продать ранчо. Как вы думаете, что отец мог иметь в виду?

— Спенсер скорее всего полагал, что Джеффри воровал деньги у «Коллингвуд корпорейшн».

Клаудиа уставилась на него.

— Но ведь Джеффри возглавляет корпорацию.

— Совершенно верно. Приходилось ли вам когда слышать про торговцев-«инсайдеров»? В прошлом году Джеффри обратился к вашему отцу, пытаясь взять в долг двадцать миллионов долларов, но ваш отец

послал его к черту.

— Они никогда не любили друг друга.

— Важно то, в какой именно день позвонил Джеффри. А позвонил он через два дня после того, как в прошлом году был обвал на Бирже. Спенсер же был уверен, что Джеффри сильно играл на Бирже и прогорел. Он тогда нанял бухгалтерскую фирму, чтобы сделать аудиторскую проверку всех бумаг, однако они так ничего и не сумели отыскать. Впрочем, и отыскивать было нечего. Однако нутром чую, что ваш отец был прав в своих подозрениях.

Клаудиа усмехнулась.

— Еще одним высококлассным вором в семействе Коллингвудов стало больше. Что ж, неудивительно. Отец нередко повторял, что Джеффри — то, что Наполеон сказал о Талейране.

— А именно?

— «Дерьмо в шелковых носочках».

— Хорошо сказано.

Она вдруг поняла, что сидит, уставившись на замершую выхлопную трубу машины, которая оказалась в пробке перед ними. Она припомнила мужчину в самолете. Из труб будет валить и валить дым, пока все вокруг не задохнется… Конец Калифорнии.

— Нет, еще не конец! — внезапно с чувством сказала она.

— Простите?

— Калифорнии еще не конец. Один мужчина в самолете говорил, что смог будет все сгущаться, пока в один прекрасный день все не задохнутся и это будет конец Калифорнии. А папочка жертвовал экологам миллионы долларов. Мы все должны бороться со смогом и загрязнением природы точно так же, как я должна бороться с Билли Чингом и Найджелом Нортфилдом. Помню, когда были на яхте Найджела, там с нами была эта жуткая женщина Перфюм…

— Жена Билли?

— Да. Так вот Билли говорил, что с Америкой покончено, что ее превратили во второсортную страну и что рано или поздно мы опять превратимся в колонию, потому что богатые иностранцы скупят Америку. Но этого не произойдет! Я в долгу перед всеми моими предками — даже если иные из них и были не чисты на руку — и буду бороться против богатых чужеземцев. Билли Чинг и Найджел не получат ранчо «Калафия»!

Артур внимательно посмотрел на сидевшую рядом с ним ослепительную блондинку. Ее экспрессивность произвела на него впечатление. Он всегда слышал, будто Клаудиа Коллингвуд —

избалованная богатая девушка, сумевшая выскочить замуж за французского графа. Однако сейчас она предстала в новом свете.

В Клаудии была стальная воля Эммы де Мейер.

В 1982 году изящный 58-этажный небоскреб из стали и стекла был выстроен и открыт на Монтгомери-стрит в Сан-Франциско. Церемонию открытия возглавлял Джеффри Бретт, который посвятил новый «Коллингвуд-билдинг» Эмме, Арчеру, Скотту и Феликсу, чьи имена и даты жизни были запечатлены в бронзе в вестибюле небоскреба. «Коллингвуд корпорейшн» разрослась до размеров, о которых люди XIX века даже и помыслить не могли. Сейчас корпорация владела 5 телестанциями, 89 газетами, 10 журналами, 2 издательствами; кроме того, корпорация сдавала старую студию Джоэла на бульваре Санта-Моника в аренду одной из телевизионных компаний, которая специализировалась на пудрящих мозги игровых программах; корпорации принадлежали «Пасифик Бэнк энд Траст», страховая компания «Золотой штат», чьи капиталы составляли несколько миллиардов долларов, а также немало земли. В «Коллингвуд корпорейшн» входила и старенькая судоходная компания Кинсолвинга, с которой, собственно, и началось накопление капитала, однако без лишних сантиментов эта компания, ставшая в 1970-х годах убыточной, была продана, а полученные от продажи миллионы реинвестированы в одну из авиакомпаний, в фирму по изготовлению бумаги, в компанию по производству крекеров, в аптечную фирму и винодельческую фирму. Гигантская корпорация, подобно многим другим изрядно разросшимся компаниям, протянула свои щупальцы едва ли не во все важнейшие отрасли. И контролировал всю эту финансовую империю из «Коллингвуд-билдинг» 64-летний Джеффри Бретт.

Давно уже юристы взяли контроль над управлением колоссальными коллингвудовскими капиталами. Юристы пытались использовать всякую брешь в законах о налогообложении и делали все возможное для того, чтобы каждый член обширной семьи был в финансовом отношении человеком независимым и состоятельным. Однако все рычаги финансовой власти по-прежнему оставались в руках представителей мужской ветви Коллингвудов, и после смерти Джоэла контроль над капиталами перешел по наследству к Спенсеру. Но когда Спенсер в 1956 году объявил о своем нежелании заниматься вопросами корпорации, эта давняя фамильная традиция была нарушена. В соглашении, которое выработали юристы, контроль за делами корпорации переходил в кузену Спенсера Джеффри Бретту, а ему и его наследникам была передана половина ранчо, которое

Спенсер так любил. Более того, Спенсер был вовсе не из тех людей, которых — подобно его предкам — завораживает накопление капитала. Произведения искусства, драгоценности, роскошные дома — все это вызывало в нем смертельную скуку, и потому он распродал все драгоценности, которые получил в наследство, в том числе свое Берлингамское поместье; словом, все, что было, он продал Джеффри. Спенсер, правда, оставил себе немало золота, однако блеск перешел к той ветви семьи, которую возглавлял Бретт.

У Джеффри было много преимуществ, кроме того, что он был внуком Альмы Коллингвуд Бретт. Он был высоким, симпатичным мужчиной. Ежедневные тренировки с личным тренером в гимнастическом зале, который разместился на 57-м этаже, держали его постоянно в форме. Он четвертым закончил Гарвардскую Школу Бизнеса. У него были отличный вкус, большое личное обаяние, он говорил по-французски и по-испански совершенно свободно, был отличным отцом своим трем детям, прекрасным мужем для жены Ирен.

Но двух вещей ему недоставало — души и мозгов.

Он изучал финансовый рапорт о деятельности ККОЛ — ТВ, телестанции, расположенной в Сан-Франциско, которая была открыта еще Джоэлом в 1949 году, как вдруг зазвонил телефон. Его рука с отманикюренными ногтями потянулась к трубке.

— Да?

Несколько секунд он слушал голос в трубке, и вдруг лицо его смертельно побледнело.

— Спасибо.

Он повесил трубку. Звонил один из трех редакторов новостей с ККОЛ — ТВ, сообщивший, что Спенсер Коллингвуд убит. На патрицианском лбу Джеффри выступили капли пота.

Один из наиболее влиятельных людей в Калифорнии — может быть, даже самый влиятельный — казался сейчас предельно испуганным.

Ирен Бретт подняла колье с шестью огромными в виде кабошонов изумрудами и тремя сотнями бриллиантов — она упивалась красотой сверкавших камней. Ирен либо получила в наследство, либо купила все, что теперь называли в семье «драгоценностями Эммы», поскольку именно Эмма положила начало коллекции драгоценностей. Однако у Ирен были также и такие украшения, которые прежде принадлежали Альме и Алисии. Были у Ирен также и бирманские рубины Зиты. Сейчас, налюбовавшись, она застегнула колье на шее. В пятьдесят семь патрицианка, ведущая свой

род от одного из Четверки железнодорожных королей, все еще выглядела привлекательной. Она по моде выкрасила волосы в черный цвет, и вообще она была из тех женщин, за чьими приглашениями на обед устраивалась не явная, но вполне определенная погоня.

Поднявшись от туалетного столика, Ирен огладила стройные бедра, расправила складки материи на ярко-красном вечернем платье от Полин Трижер. Ежегодный бюджет Ирен только на наряды значительно превосходил четверть миллиона долларов — не случайно ее называли даже «Королевой Западного Побережья». Да, уж чего-чего, а блеска Ирен было не занимать.

— Как ты думаешь, должны мы ехать на похороны Спенсера? — спросила она мужа, когда тот вошел в комнату из ванной, на ходу поправляя галстук.

— Думаю, уж я-то во всяком случае должен.

Подойдя, Ирен поправила мужу галстук.

— Не понимаю зачем? — сказала она. — Он был таким противным человеком. За двадцать лет ни разу не удосужился пригласить нас к себе на ранчо.

— Но Клаудиа может обидеться.

— Ну и что?

— Кстати, мне бы хотелось, чтобы сегодня все прошло исключительно гладко.

— Дорогой, ты как будто нервничаешь. Все и пройдет без сучка, без задоринки. Как всегда, не так ли? У нас все всегда проходит самым наилучшим образом. Так было, и так оно и будет.

«Всегда все самое лучшее», — подумал он. Именно этого он и добивался от жизни. Вот только цену за все это приходится платить не меньшую, чем заплатил Фауст.

Перфюм сидела по правую руку хозяина — Джеффри Бретта. Она сейчас мысленно прикидывала, во что обошлось платье Калисты, леди Нортфилд.

— Симпатичное платье, — сказала она Калисте, сидевшей напротив нее за обеденным столом. — Это от Зандры Роуд?

— Да, — подтвердила Калиста, достаточно хорошо знавшая Перфюм и хорошо понявшая подтекст вопроса. — Да, и очень дорогое.

— Могу представить, — отметила, как бы бросая вызов, Перфюм. Она оглядела столовую, мысленно оценивая каждый предмет, какой только попадался ей на глаза.

— Хорошенький ковер, — сказала она, обратившись к Джеффри и показав рукой на напольный ковер с цветочным узором. — Обюссоновский, нет? Спорю, он обошелся в кругленькую сумму! Цены на ковры скачут в последнее время, как сумасшедшие. Ты, наверное, заплатил пятнадцать тысяч баксов, если не больше?

Джеффри уставился на блистательную гонконгскую кинозвезду, которая решила сейчас поухаживать за Джеффри Бреттом. Джеффри даже и в голову не пришло бы, что кто-то может прицениваться к ковру или еще чему-либо, причем делая это не таясь, во всеуслышание, за обеденным столом, и особенно в присутствии таких известных в мире культуры людей, как доктор Пирс Уолтон, хранитель Коллингвудского музея изящных искусств, и мистер Веллингтон Труекс, председатель Совета попечителей Сан-Францисской оперы. Специально для Билли Чинга и лорда Нортфилда Джеффри собрал изысканную компанию, однако невзирая на это Перфюм намерена была и это застолье превратить в блошиный рынок.

— Да, ковер обошелся недешево, — сказал он в свой черед принимая эстафету от Калисты.

— Не понимаю я порой белых американцев, — Перфюм горестно вздохнула, хотя в действительности она получала удовольствие от того, как ей удавалось, к удивлению других, точно называть стоимость различных вещей. — Не понимаю… Стоит только заговорить о цене, как все вы сразу делаетесь такими надутыми. А чего тут такого? Да, мне, например, нравится обсуждать, сколько что стоит. Брюс Уиллис, например, ежегодно получает пять миллионов долларов за роли в своих дурацких картинах — и про эти самые пять миллионов говорят в новостях наряду с самыми важными мировыми событиями. Но стоит только мне сказать: «Эй, Ирен, это шикарное платьице от Полин Трижер, что на тебе надето, наверняка стоит не меньше пяти тысяч баксов», как все сразу думают, будто я вульгарная особа и не умею себя вести в приличной компании. Вы не против, я закурю? Хотя я знаю, что не следует так делать.

— Ну, может быть, — сказала миссис Веллингтон Труекс, которая выглядела совсем как Маргарет Дюмонт в фильме Маркса Бразерса, — может быть, все и правы, думая, что вы вульгарны.

Перфюм уничтожающе глянула на нее, в то время как два официанта в белых пиджаках наполняли бокалы присутствующих «кортоном-шарле-манж» урожая 1973 года.

— Что ж, пусть так, пусть я и вульгарная, но тогда следует признать, что и вся эта страна не менее вульгарна. Ведь «купи-продай» — в этом вся Америка.

— Ну, тут ты, положим, несколько преувеличиваешь, — сказала Ирен, которая была в который уж раз неприятно поражена поведением Перфюм и сейчас отчаянно пыталась не допустить, чтобы званый обед превратился в копание в грязи. — Я, например, думаю, что есть еще и духовная сторона нашей национальной жизни.

— Правда? Это какая же?

— Наша любовь к искусству, например.

Доктор Уолтон одобрительно кивнул.

— К искусству? — переспросила Перфюм, выдохнув свой вопрос вместе с сигаретным дымом. — Искусство — это всего-навсего денежная игра, а музеи — это всего лишь места, существующие для того, чтобы люди могли выглядеть чопорными и получать приглашения на нужные вечеринки.

Доктор Уолтон конфузливо прокашлялся в кулак, а миссис Веллингтон Труекс едва не поперхнулась своим бургундским. Лорд Нортфилд выдавил смешок.

— Ну и кроме того, — уже с некоторым отчаянием продолжила Ирен, — для многих людей еще важную роль играет религия.

— Религия? Пфф… — Перфюм фыркнула. — За последние пять веков во имя этой самой религии убито больше людей, чем за что бы то ни было еще. От религии у меня мурашки. Когда я слышу, как ваши американские политики говорят, обращаясь к Богу, когда вижу утренние религиозные службы в Белом доме, у меня желание скрыться куда-нибудь и затаиться, чтобы меня было не видно и не слышно.

Лорд Нортфилд принялся нарезать «махи-махи», только сегодня утром доставленные на самолете с Гавайских островов.

— Кажется, на прошлой неделе у нас завязался такой же разговор, когда мы обедали на моей яхте, — сказал он. — Американские цели и все в таком же роде. Там еще была твоя кузина Клаудиа, Джеффри. Если не ошибаюсь, она сделала потрясающее заключение, что самые в этой жизни лучшие вещи приходят к человеку бесплатно, подобно воздуху или воде. Но конечно же, чистый воздух сегодня — это чрезвычайно дорогое удовольствие, да и воду в бутылках сегодня также продавать чрезвычайно выгодно. Я даже подумываю, не заняться ли и мне продажей экологически чистой воды. Могу себе представить, как лет через двадцать люди будут приходить в ресторан и вместе с картой вин им также будет предлагаться и карта разного сорта вод, типа «Эвиан 1964» или «Сан Пеллегрино 1996».

— Разумеется, — согласилась Перфюм. — Ничего нельзя получить бесплатно. Но все продается. Между прочим, с ума схожу по этому твоему

колье, Ирен. Какая прекрасная работа, и эти шикарные изумруды! Оу! Держу пари, они стоят ого-го!

Ирен изобразила свою самую патрицианскую улыбку.

— Мне они ровным счетом ничего не стоили, миссис Чинг. Мой муж получил колье по наследству от своей бабки.

«Вот ведь сука, — подумала Перфюм. — С нее гонор слетел бы, если бы только Билли и Найджел как следует побеседовали с ее муженьком».

— Это ты замочил Спенсера? — прошипел Джеффри час спустя. К тому времени персоны культурного фронта и их жены давно уже разошлись, а Джеффри пригласил Найджела и Билли Чинга в отделанную деревом библиотеку, чтобы покурить и выпить коньячку.

— Замочил Спенсера? — переспросил Билли, потягивая «Реми Мартэн». — Что за сумасшедшая мысль! Почему, скажи на милость, тебе вообще могло прийти в голову, что мы убили Спенсера Коллингвуда?

— Потому что когда вы позвонили мне с яхты, то сказали, что намерены разобраться со Спенсером по-своему. И когда мне позвонили сегодня и сказали, что Спенсер мертв… я… — он с трудом сглотнул.

— Не очень-то по-дружески полагать, будто «по-нашему» — это обязательно убийство, — сказал Билли. — Это накладывает определенный отпечаток на мою репутацию. Что скажешь, Найджел?

Найджел тем временем внимательно разглядывал термометр работы Фаберже: у Джеффри была целая коллекция русского ювелирного искусства и предметов старины.

— Без всякого сомнения, Билли. Джеффри, я полагаю, ты позволяешь себе слишком много. Ты должен бы извиниться. Мы ведь уважаемые бизнесмены, в конце концов. Бизнесмены, которым, могу добавить, ты должен восемьдесят миллионов долларов.

Покрывшись потом, с трясущимися руками, Джеффри явно потерял спокойствие и выдержку. Он выглядел как загнанная крыса.

— Я ведь не отказываюсь с вами сотрудничать. Слушай, Найджел, вы же оба отлично понимаете, что я и сам заинтересован поскорее избавиться от этого ранчо. Но мне и в голову никогда не могло прийти, что вы убьете Спенсера!

— Опять он употребил это слово, — сказал Билли. — Право же, Найджел, если Джеффри будет и дальше так продолжать, с ним нужно будет что-то сделать. С ним или с кем-нибудь из членов его семьи.

Джеффри уставился на него.

— Ты угрожаешь мне? — прошептал он.

Плоское восточное лицо Билли осталось невозмутимым.

— Джеффри, если в этой комнате и есть преступник, то это ты. Позволь мне обрисовать ситуацию. В прошлом году ты сильно играл на животноводческой бирже, используя для своих маневров подставную фирму, а фирма нужна была, поскольку ты использовал внутреннюю информацию, которую по служебным каналам тебе, как председателю правления, поставляли из «Коллингвуд корпорейшн». Ты по сути играл против собственной же корпорации.

— Да, Джеффри, все это чрезвычайно серьезно, — сказал Найджел, проводя пальцем по малахитовой раме, в которой было фото последнего русского царя. — Это серьезное уголовное преступление. Можно угодить в федеральную тюрьму.

— А может быть, и того хуже, — продолжил Билли. — Будучи председателем «Коллингвуд фаундейшн», ты использовал его акции для покупки на рынке других пакетов акций.

— Использовать капитал благотворительной организации — это очень дурной поступок, Джеффри, — не преминул заметить Найджел. — Дело не в том, что ты расписался в собственной жадности, не в том только, что данное деяние суть противоправное. Это может иметь серьезнейшие последствия.

— А затем наступило девятнадцатое октября, крах Биржи, и ты оказался на мели. Тебе чертовски была нужна наличность. А в банк ты идти не решился — даже в свой собственный банк — из-за своей криминальной активности.

— И тогда ты отправился к Спенсеру подзанять то, что ты сам оказался должен. Это была глупейшая ошибка, — сказал Найджел. — Следовало бы знать, что уж он-то ничего тебе не даст и что ты таким образом лишь возбудишь подозрения.

— Когда он выгнал тебя, ты пришел к нам. И мы дали тебе взаймы восемьдесят миллионов, которые тебе так были необходимы.

— Мы, так сказать, спасли твою задницу.

— Следовательно, дорогой Джеффри, если кто и преступник — так это ты, а не мы. Мы можем доказать твои деяния, и даже если смерть Спенсера организовали мы, тебе никогда не удастся это доказать. И потому ты будешь продолжать делать то, что мы тебе скажем. Все ли тебе ясно?

Джеффри одним махом допил коньяк и посмотрел на двух хорошо одетых змей.

— Да, — прошептал он.

— Вот и отлично. А теперь мы намерены дать Клаудии еще одну

возможность одуматься. Как тебе известно, завтра на ранчо состоятся похороны Спенсера. И ты, как премного скорбящий родственник покойного, непременно будешь присутствовать.

— Никогда я не чувствовала себя так неловко, как в присутствии ужасной Перфюм, — говорила Ирен, сидя за косметическим столиком и расчесывая волосы. Она уже переоделась в пеньюар, однако Джеффри, который сразу после ухода гостей отправился наверх, оставался еще в смокинге. Держа небольшую рюмочку коньяка, он привалился к двери спальни. — Чуть не умерла, когда она принялась разглагольствовать насчет того, что искусство — это, мол, только лишь денежная игра, способ для многих людей быть приглашенным на различного рода нужные им вечеринки… Подумать только… При том что тут же сидит доктор Уолтон! Амелия Труекс сказала мне потом, что, по ее мнению, эта женщина, должно быть, выросла в борделе. И потом, всюду глазеет и разговаривает только про деньги, как если бы весь мир был одним большим базаром. — В зеркало она увидела отражение мужа, который пьяно кивнул головой. — Дорогой, с тобой все в порядке?

Выронив рюмку, он сполз по двери на пол и растянулся во всю свою длину.

— Джеффри! — Ирен подскочила к мужу. — Господи, ты ведь напился! Этим, стало быть, ты там, наверху, и занимался?

— Я лишь для сна… — не открывая глаз и с трудом ворочая языком, сказал он.

— Джеффри Бретт, ты уже лет двадцать как не надирался, с того самого дня, когда Гарвард выиграл у Принстона. Ну-ка, поднимайся, и я уложу тебя в постель.

— Я боюсь, Ирен, — прошептал он. — Я боюсь…

— Чего именно?

— Их боюсь…

— Кого? Билли Чинга? Лорда Нортфилда? Кого? Ответь мне!

Но Джеффри уже полностью отключился. Через его полуоткрытый рот вылетали громкие храпящие рулады. Ирен поднялась.

— Что ж, тогда будешь спать на полу, — твердо заявила она. — Я вовсе не намерена волочь тебя до кровати. Надеюсь, у тебя будет утром ужасный вид.

Она выключила свет, прошла к своей кровати и забралась под одеяло. Погасив ночник, повторила про себя:

— Боится… Странно все это.

Клаудиа видела, как калифорнийский перепел упал на дорожку прямо напротив нее. Был следующий за похоронами отца день, рассветало. Поскольку от Спенсера буквально ничего не осталось после взрыва «порше», необходимости в погребальной процессии и церемониале практически не было. Клаудиа чувствовала себя одиноко и весьма неуютно, оттого что отец вдруг исчез с лица земли, даже не попрощавшись с ней. Хотя сама она терпеть не могла похороны, открытые гробы, Клаудии очень хотелось сейчас бросить хоть один последний взгляд на отца. Заупокойные службы проводили нынче в духе времени, и потому процедура отличалась неполнотой и оставляла чувство недоумения. Даже странно, во что превратилась некогда пышная викторианская церемония прощания с усопшими — в насмешку, не более того. Однако нынешнее поколение, упростив таким образом себе жизнь, едва ли стало более счастливым.

Она направилась по дорожке от дома к океану. Небо начинало розоветь, холодный бриз дул с океана. Будучи девчонкой, она столько раз гуляла здесь на пляже. Сейчас ритмичный шум прибоя подействовал на нее успокаивающе.

Она подумала об Артуре Стивенсе. Он оказался неожиданно милым, поскольку о влиятельных юристах никто не думает, что они плюс ко всему могут еще быть сострадательными людьми. Он осведомился у Клаудии, не хочет ли она, чтобы он провел ночь в доме на ранчо, и Клаудия поспешно сказала, что да: мысль о том чтобы остаться в доме одной была неприятна. Они вместе приготовили обед, чувствуя некоторую радость от компании друг друга. Она нашла, что он сильный, неглупый и… и надежный. Да, именно надежный. И потому ей было приятно от того, что он сейчас находится рядом.

А кроме того, должна была она признать, он был одним из самых сексуальных мужчин, каких ей только доводилось встречать. Она была ничуть не огорчена, когда он поведал о том, что его собственная жена удрала вместе с его личным тренером.

Когда она бродила по пляжу, то смотрела на ранчо, которое так любила, за которое она должна была теперь сражаться. Но как? Если Джеффри заодно с лордом Нортфилдом и Билли Чингом, какие у нее есть варианты?

Именно при этих размышлениях она вдруг увидела впереди себя пожилую женщину с седыми волосами. Женщина присела на корточки перед морской чайкой, разбившейся о камни.

— Доброе утро, — сказала Клаудиа, подходя.

— Доброе утро.

— Что случилось с чайкой?

— Да вот, убили бедняжку. В последнее время я видела много мертвых чаек. Около Кемп-Пендлтон оползень, вот к нему и устремляются многие чайки. Они ведь питаются всякой дрянью, вы понимаете. И иногда, наевшись отходов, они травятся. Одному Богу известно, что в этот оползень попадает.

«До того, как здесь появилась моя семья, — подумала Клаудиа, разглядывая мертвую чайку, — тут жили индейцы. А еще раньше жили птицы и животные. Казалось бы, одна птица — эка важность! Но не было ли в последних анализах чего-нибудь более важного?»

И внезапно она поняла, что именно нужно делать.

— Благодарю вас, — сказала она женщине и тотчас побежала вдоль кромки берега.

— За что? — крикнула вслед ей женщина, немало озадаченная.

Но Клаудиа не ответила. Она должна найти Артура. Она знала, что за полчаса до нее он вышел на свою обычную пробежку. Она же сама сказала ему, что выстроенный отцом трек может служить великолепной дорожкой для пробежек. Ей не хотелось видеть тот самый гараж, у стены которого Спенсера настигла смерть. Именно поэтому она не побежала вместе с Артуром, но теперь это уже было неважно. Она знала, как отомстить за смерть Спенсера. Впрочем, тут без помощи Артура ей было никак не обойтись.

Пятнадцать минут спустя она взобралась по крутому краю автомобильного трека. Солнце пригревало, ей сделалось порядком жарко, выступил пот. Она увидела, как в отдалении легким бегом к ней приближался Артур. Она побежала ему навстречу, начав издали махать рукой. Когда же они встретились, Артур продолжал бег на месте, чтобы не было резкого спада нагрузки. Держа сейчас в руках два груза по восемь фунтов каждый, он был практически обнажен, если не считать трусиков и кроссовок. Она с восхищением взглянула на его влажный мускулистый торс.

— Артур, я знаю, что я хочу сделать с ранчо. Хочу услышать ваше мнение, сработает ли мой план или нет.

Поминальная служба была короткой и немноголюдной — из-за того, что уединенно живший Спенсер имел немного приятелей. По окончании службы процессия из семи автомобилей вновь прибыла на ранчо, где Анна приготовила легкий ланч с салатами и белым вином. Большинство из

присутствующих были наемными батраками, работавшими на ранчо, и Клаудиа подумала, что они как никто другой оказались близкими ее отцу. Странный финал для представителя той самой семьи, которая как раз и была известна своим умением устраивать общественные развлечения и массовые пирушки.

К удивлению Клаудии, из Сан-Франциско на службу прилетел Джеффри в своем небольшом частном самолете. Она давным-давно не видела своего кузена, но хотя он и очень хорошо сохранился, тем не менее выглядел несколько сдавшим. Джеффри страдал от дикого похмелья, чего накануне ему так желала Ирен. Однако после нескольких бокалов вина он как будто немного воспрял.

— Хотел бы поговорить с тобой чуть позже, — сказал он, подойдя к Клаудии. — После того, как остальные разъедутся.

— Конечно. Деловой разговор?

— Скорее, семейный бизнес.

— В таком случае, если ты не против, я попрошу, чтобы присутствовал Артур. Сейчас он представляет меня как адвокат.

— О… — Налитые кровью глаза Джеффри уставились на Артура, одетого в синий, превосходно сшитый костюм.

«Черт побери, — подумал Джеффри, — это многократно усложняет дело. Этот Артур наверняка весьма ушлый сукин сын».

— Я прекрасно понимаю, что сейчас отнюдь не лучшее время для решения деловых вопросов, — говорил Джеффри час спустя, когда он, Клаудиа и Артур повели разговор в порядком обшарпанной библиотеке. — Но раз уж все мы собрались, то полагаю, что не худо обсудить возможность продажи ранчо. Билли Чинг и лорд Нортфилд связались со мной и предложили за ранчо два миллиарда долларов. Конечно, я ничего им в ответ не сказал…

— Да неужели? — перебила его Клаудиа.

— Хотя я бы непременно подумал о такого рода предложении, потому что, на мой взгляд, оно превосходное, да и сами Билли и Найджел — крупнейшие предприниматели, работающие с недвижимостью. Они сказали, что если ты увидишь модель будущей застройки, то будешь поражена.

— Может, и так, но только если земли ранчо будут застраивать, почему бы нам самим не взяться за это? У нас в распоряжении финансовые ресурсы «Пасифик Бэнк» и страховой компании, а если мы застроим эти земли, то сможем это сделать так, как того захотим.

— Да, конечно же, это так. Но пока твой отец был жив, о застройке этих земель даже не могло быть и речи. А сейчас мы одновременно занимаемся столь многими проектами, что пройдут годы и годы, прежде чем руки дойдут до ранчо. В то время как Билли и Найджел готовы приступить прямо сейчас, не откладывая, да и кроме того, они предлагают отличную цену, да еще намерены расплатиться наличными. Наши дела резко поправятся, причем это не будет стоить нам ни гроша.

Клаудиа подошла к каминной, старинной работы полке, которая сплошь была уставлена старыми фотографиями членов семьи. Здесь же находилась и сделанная где-то в студии на рубеже веков фотография Эммы. Секунду Клаудиа смотрела на эти фото, затем резко обернулась к Джеффри.

— Значит, ты, насколько я понимаю, готов расстаться с ранчо, так ведь? — Она прищелкнула пальцами. — Готов забыть семейные традиции, забыть и семью как таковую и продать эту землю шайке богатых иностранцев?

— Семейные традиции не исчерпываются одним только ранчо «Калафия», Клаудиа.

— Да, но это — огромная часть традиций нашей семьи. Ведь признайся, что ты не любишь эту землю. Для тебя все это — лишь очередная операция с недвижимостью.

Он пожал плечами.

— Действительно, не могу сказать, что с этим участком земли у меня связаны какие-нибудь сентиментальные чувства.

— Вот-вот, для тебя это вроде Судоходной компании Кинсолвинга. Компания стала убыточной — продать ее!

— Клаудиа, пора быть более практичной. Я тоже по-своему сентиментален, как и все люди. Но времена изменились. Мы не можем все время цепляться за прошлое. Мертвые мертвы, а мир принадлежит живым.

— Достаточно! Словом, как я понимаю, дело в том, что никто не намерен разрабатывать ранчо «Калафия», так, Джеффри? Ни мы, ни Билли с Найджелом, ни кто-нибудь еще. И поэтому я решила отдать ранчо штату Калифорния.

Джеффри тупо уставился на нее.

— Полагаю, ты шутишь, — сказал он.

— Отнюдь. Ранчо в точно таком же виде будет существовать всегда. Эта территория будет открыта для всех желающих, чтобы люди приезжали сюда отдыхать, с тем лишь условием, что приезжать можно будет на лошадях или приходить пешком. Никаких автомобилей, никаких торговых точек, никаких ресторанчиков быстрого обслуживания, никаких

тематических парков или кинотеатров с несколькими залами, никаких мусорных свалок, никакой грязи и уж наверняка никаких игорных домов. Ничего такого! Наши предки купили эту землю в том виде, как ее создал Господь, и мы передаем ее также чистой, незагрязненной против ее изначального состояния. Это будет самый большой дар, какой семья Коллингвудов может дать штату Калифорния, тому самому, который столько дал семье Коллингвудов.

— Не верю! — прошипел Джеффри. — Ты что же, вот так выбрасываешь миллиард долларов?

Клаудиа улыбнулась.

— Да. Шикарный жест, не правда ли? Совершенно в традиции нашей семьи. В моем распоряжении остаются еще деньги двух фондов — этой суммы мне будет достаточно на целых семь жизней, а я вовсе не свинья, в отличие от некоторых моих родственничков. Более того, если бы можно было посоветоваться с моими предками, я думаю, они одобрили бы мое решение. Ты говоришь, что мир принадлежит живущим, но я в это не верю. У нас есть долги перед прошлым и обязательства перед будущим. Одно из обязательств перед будущим — прекратить засорять планету.

Джеффри поднялся.

— Ты такая же сумасшедшая, как и твой отец, — сказал он.

— Может быть, папа был не таким уж сумасшедшим.

— Он был психом. Мне очень неприятно разочаровывать тебя, Клаудиа, однако не ты одна будешь решать судьбу этого ранчо. Я тут представляю остальных членов нашей семьи, и посему…

— Извини, Джеффри, мы тебя опередили. Прочитай ему, Артур, пожалуйста.

Артур вытащил из кармана бумагу.

— Когда сегодня утром Клаудиа сказала мне о своем решении, я послал по факсу в свой офис запрос, прося прислать копию соглашения, которое в 1956 году Спенсер подписал с остальными членами семьи. Так вот (он развернул бумагу) в параграфе восьмом говорится: «В ответ на это я, Спенсер Коллингвуд, отказываюсь от всякого контроля за положении дел в «Коллингвуд корпорейшн», тогда как нижеподписавшийся Джеффри Бретт соглашается не только предоставить Спенсеру Коллингвуду и его наследникам 50 процентов означенного ранчо, но также соглашается предоставить Спенсеру Коллингвуду и его наследникам право вето в вопросах, касающихся распоряжения означенным ранчо. Более того, все другие заинтересованные стороны, т. е. все остальные члены семейства Коллингвудов, имеющие в своей собственности акции класса «А» (с

правом голоса) «Коллингвуд корпорейшн», не имеют права препятствовать Спенсеру Коллингвуду или его наследникам принимать такое решение касательно судьбы ранчо, каковое Спенсер Коллингвуд или его наследники сами определят».

Он аккуратно сложил листок и улыбнулся.

— Ты делаешь ужасную ошибку, — хриплым голосом произнес Джеффри. — Умоляю тебя изменить решение. При разработке ранчо будут предприняты все меры по защите экологии…

— Нет, — сказала Клаудиа, — мое решение непреложно. Я все окончательно решила еще утром, когда увидела, что отрава добралась даже до морских чаек. Не будет здесь никакого развития, как ты это пытаешься представить. Ранчо навеки останется в своем первозданном виде, и, может, это немного поможет восстановлению озонового слоя, я уж не говорю про парниковый эффект. Джеффри, знаешь, если называть вещи своими именами, ты просто предал нашу семью. — Она взглянула на часы. — Передавали прогноз погоды. Говорили, что существует вероятность бури. Наверное, ты захочешь успеть вылететь в Сан-Франциско, пока…

— Намек понял, Клаудиа. Несмотря на все твои разговоры о необходимости спасения планеты, о необходимости соблюдения семейных традиций, именно ты создаешь ту трещину, которая в итоге и развалит нашу семью. Об этом подумала бы лучше, а не о своей чертовой озоновой дыре. Ну а тем временем мои юристы займутся своим делом. Что-то мне говорит, что в ближайшие лет десять мы нередко будем встречаться в зале суда. — И бросив уничтожающий взгляд на Артура, он вылетел вон.

Секунду Клаудиа не двигалась, затем обернулась к Артуру.

— Могут ли юристы помешать нам? — спросила она.

— Уверен, они попытаются сделать все возможное. Наверняка будут напирать на то, что соглашение 1956 года не предполагало возможности продажи ранчо, что остальные члены семьи при таком дарении теряют значительные суммы доходов. Хотя, с другой стороны, поскольку у вас имеется право вето и вы можете блокировать всякие их дела в этом направлении, основная власть остается по-прежнему в ваших руках. Рано или поздно они, возможно, и успокоятся, особенно если нам удастся договориться с властями штата о приемлемом варианте налогообложения.

— Как вы полагаете, я поступаю правильно? — нервно спросила она.

— Это отличный шаг, — ответил он. — Никем и никогда в жизни я не восхищался так, как вами.

Она повернулась и вновь посмотрела на фотографии, занимающие всю каминную полку.

— Думаю, — сказала она наконец, — что Эмма бы одобрила.

На борту частного «Боинга-727» огромными буквами было написано «Перфюм». Самолет опустился на единственную взлетно-посадочную полосу, которая, словно нож, глубоко вонзилась в тело залива Коулун. Из реактивного лайнера вышли Билли Чинг и Перфюм. Они прибыли в аэропорт Гонконга Кай Так. После того как таможенные сотрудники произвели осмотр багажа, пассажиры «Боинга» направились к поджидавшему их вертолету, который полетел в направлении порта Виктория, а затем дальше, к самому острову Гонконг. Через двадцать минут вертолет приземлился на специально оборудованной площадке, расположенной позади особняка Билли, который фасадом был обращен на залив Репалс. Особняк, выстроенный в начале тридцатых китайским магнатом, занимавшимся торговыми операциями, выглядел совсем как особняк в британской колонии. Имелось немало крылец и веранд. Когда мальчики-слуги принялись разгружать чемоданы Перфюм, произведенные фирмой «Боттега Венета», Билли направился прямиком в дом, пришел в свой рабочий, прохладный от работы кондиционера кабинет. Усевшись за стол, он взял телефонную трубку и набрал номер.

— Говорит Билли, — через несколько секунд сказал он. — Начинайте вторую фазу.

— Это один из моих самых любимых ресторанов, — говорил Клаудии два дня спустя Артур. Это был многим известный в Санта-Монике китайский ресторан Вольфганга Пака.

— Вы часто бываете в ресторанах?

— Да, с тех пор как сбежала Кати. Я не слишком-то умею готовить, да и…. В общем, я не люблю быть дома. Чувствую себя несколько одиноко.

Им показали столик неподалеку от кухни и медного жара.

— Вы позволите вам заказать? — спросил Артур. — Полагаю, вам может прийтись по вкусу то, что я выберу.

— Конечно.

— Мы возьмем сейчас копченую семгу с соусом силантро и еще черно-золотые макароны, — сказал он официанту. — И еще принесите даме ризотто из омара с хорошо поджаренным шпинатом. И бутылочку белого «Мондави Фюме».

— А не слишком ли калорийно? — поинтересовалась Клаудиа, когда официант удалился.

— Поверьте, нет.

— Расскажите мне о Кати.

Он некоторое время поиграл ложкой.

— Она очень красивая женщина. Мы познакомились с ней в Лос-Анджелесском университете. Минут десять с ней пообщался — и тотчас влюбился. Когда я закончил Школу Права, мы поженились. Ей хотелось стать актрисой, то есть она очень серьезно обдумывала это.

— Она была хорошей?

— Пожалуй. Но, знаете, весь этот мир кино — такой непредсказуемый. Я имею в виду, что одни люди становятся кинозвездами, тогда как другие, почти такие же, никогда не могут выбиться в люди.

Клаудиа улыбнулась.

— Моя бабка Лаура Лорд стала звездой лишь благодаря огромной помощи моего деда.

— О, конечно, связи очень помогают.

— Единственной связью меж ними был секс.

Артур улыбнулся.

— Что ж, может быть. Кати тоже была очень сексапильной. Как бы то ни было, но ей удалось сняться в парочке фильмов и в нескольких эпизодах «Лунного света». Однако большего ожидать не приходилось. Ее это очень угнетало. А в один прекрасный день она сбежала с тренером. Они живут нынче в Венеции, и она серьезно занимается йогой.

— Дети?

— Сын. Ему десять лет. Отличный мальчишка, обожающий скейтборд.

— Вот бы на него взглянуть.

— А не хотели бы вы после обеда взглянуть на мой дом? Я живу неподалеку от вашего отеля. Джил как раз будет к тому времени дома.

— С удовольствием.

Официант принес бутылку вина. Пока Артур наливал и нюхал винный букет, она испытывала какое-то странное чувство. Внезапно она поняла, какое именно.

Именно так она чувствовала себя во время первого чудесного ланча с Ги в замке Субиз два года назад.

— Вам нравится музыка Рахманинова? — спросил он ее час спустя, когда они ехали в его «мерседесе».

— Я его обожаю.

— Стало быть, вы романтик, как и я.

— Вы сумели влюбиться в Кати за десять минут, а я влюбилась в Ги минут через пять.

Он улыбнулся.

— И посмотрите теперь, чем мы оба закончили. Вот так.

Дом был симпатичной калифорнийской версией построек в новоанглийском стиле, хотя и был он построен из светлого камня, а не из досок.

— Мне нравится ваш дом, — сказала Клаудиа, когда они остановились возле парадной двери.

— Спасибо. Я купил его в прошлом году и назвал «Заложенным Поместьем». Сейчас строю теннисный корт. — Артур открыл входную дверь и вошел первым, чтобы включить в холле свет. И тотчас раздались звуки Третьего концерта Рахманинова.

— Горовиц, — пояснил он, когда Клаудиа переступала порог. — Чувствуйте себя как дома, а я пойду приведу Джила.

Клаудиа вошла в просторную гостиную. На стенах мерцали разным светом три электронные скульптуры, озаряя две огромных размеров картины современных художников. Интерьер выглядел очень современным. Ее отец, например, ненавидел подобный стиль, однако здесь чувствовался хороший вкус.

— Привет.

Обернувшись, она увидела стоявшего в дверях мальчика. Будучи похожим на отца, он был очень красив.

— Джилберт, — представился он. — Отец просил вам передать, что он пошел достать немного вина. И он был прав.

— В чем же он был прав?

— Он сказал, что вы выглядите прямо как принцесса Дайана.

— Благодарю за комплимент.

— Но только вы умнее ее.

Клаудиа рассмеялась.

— Джилберт, ты слишком много разговариваешь, — сказал появившийся позади него Артур, в руках которого были два светло-зеленых бокала. — Мы наскоро сообразим сейчас, затем я отвезу вас в отель. Вы что думаете насчет Джилберта?

— Думаю, что он очень красив и очень добр.

— На самом деле это не так, — возразил Джилберт. — Я самый настоящий грубиян.

— Его слова, не мои, — сказал Артур, протянув Клаудии бокал. — За Калифорнийский парк «Калафия», — и он прикоснулся краем своего бокала к бокалу Клаудии.

— О нет, он будет именоваться «Коллингвудовский Калифорнийский

заповедник».

— По-моему, звучит отлично. Ваше здоровье!

Они посмотрели друг другу в глаза и пригубили вино. «Интересно, — подумала она, — прилично ли спать с собственным юристом? Конечно, если он об этом попросит».

На следующее утро в 6.30 Клаудиа одела костюм для пробежек, завязала шнурки «рибоков» и вышла из отеля, чтобы пробежать свои две мили. Направилась она на юг и побежала через земли Сельского клуба «Бель Эйр». Дорога была абсолютно пуста.

Она уже одолела первые полмили, как внезапно серая «тойота» притормозила и двинулась вровень с Клаудией, держась за спиной бегуньи. Но вот автомобиль резко рванул, и из него раздались выстрелы. За какие-нибудь две секунды до ранения Клаудиа почуяла опасность и попыталась убежать с дороги. Но тут рванувшая машина сильно ударила ее, и Клаудиа пролетела по воздуху футов двадцать, приземлившись в кустах.

«Тойота», за рулем которой сидел азиат, умчалась.

Джеффри Бретт изнывал от страха. Известие об «инциденте» с Клаудией, который едва не окончился ее смертью, поверг Джеффри в состояние паники, потому что он знал, что это был отнюдь не инцидент. Артур позвонил ему и сообщил, что был совершен на Клаудию автомобильный наезд, однако же она осталась в живых и с переломанным бедром доставлена в больницу «Седарс-Синай». Сломаны были также правая нога, два ребра, не считая многочисленных контузий. Но самое ужасное — она была в состоянии комы. Доктора высказывали надежду, что она выживет, однако как только речь заходила о коме, они становились более осторожны в своих высказываниях. Мощнейший удар пришелся в затылочную часть черепа, и существовала опасность того, что Клаудиа не сможет никогда прийти в себя.

В своем просторном рабочем кабинете на 58-м этаже Джеффри расхаживал от окна к окну. Под ним расстилался весь Сан-Франциско. Джеффри мог хорошо разглядеть сейчас Ринкон-Хилл, где сто сорок лет назад Скотт Кинсолвинг выстроил деревянный особняк, куда и привез свою молодую жену. Нынче Ринкон-Хилл был западной оконечностью города. Мог Джеффри видеть и Ноб-Хилл, где Эмма и Арчер выстроили свой дворец в псевдоренессансном стиле, на месте которого стоял теперь двадцатиэтажный отель.

Клаудиа сказала, что он предал семью. Видит Бог, кого только в семье

не было — и нечестные люди и простолюдины, наиболее яркими примерами которых были Слейд Доусон и Лоретта Доусон. Однако же в настоящее время Коллингвуды были семейством сродни Рокфеллерам, Меллонам, Фордам, Дюпонам. Окруженные ореолом всего самого лучшего, они, без сомнения, приблизились к положению монархов, насколько вообще было можно стать монархом в Соединенных Штатах.

Однако же все они были не выше Закона этой страны. Вытащив из кармана платок, Джеффри промокнул лоб. Клаудиа была права: он конечно же предал семью, и за свое отступничество может поплатиться самым ужасным для члена семейства Коллингвудов образом — угодить в тюрьму. И все из-за старейшего порока людского — жадности.

Будучи одним из богатейших людей в Америке, имея доход примерно в пять миллионов долларов в год, Джеффри умудрялся проживать около семи миллионов ежегодно. Был даже такой год, когда он потратил девять миллионов. Деньги шли, разумеется, и на женщин, потому что спать с Ирен было все равно что спать с эскимо и потому у Джеффри были развлечения на стороне: высококлассные шлюхи и несколько дочек тех людей, с которыми у Коллингвудов были деловые отношения. Быть Коллингвудом — значило быть сексуальным: положение, известность и богатство были тем самым огоньком, вокруг которого, как мошкара, постоянно кружились девушки.

Но вовсе не девушки так подточили его состояние. Были у него автомобили, яхты, был, наконец, личный реактивный самолет. Кроме этого, Джеффри, подобно своим предкам, развил манию коллекционирования предметов искусства, и только за последние годы он потратил на это более тридцати миллионов долларов. Драгоценности и наряды Ирен, особняк в Берлингаме, апартаменты в Нью-Йорке, замок в Нормандии, шале в Гштааде, поместье в Мауи… Блеск поглотил золото.

Игра на Бирже, как представлялось ему, была тем беспроигрышным вариантом, который мог выправить дела. Как же все казалось просто: знал всякий шаг, который намерена предпринять твоя компания, продавать акции этой самой компании, а затем их же покупать по более низким ценам. Это был денежный станок. И откуда Джеффри мог знать, что Биржа в одночасье рухнет?

— Мистер Бретт, — сказал голос по селектору. — Пришел мистер Стивенс, хотел бы встретиться с вами.

Джеффри быстро вернулся за свой рабочий стол, нажал клавишу.

— Пригласите его. — И тяжело опустился в кресло. Вот и все. Он загнан, в него теперь можно стрелять из всех стволов. Джеффри был

уверен, что Артур все просчитал. Голос у Джеффри по селектору прозвучал безжизненно-слабым.

Сейчас он оглядел кабинет, которым прежде так гордился. Мебель была в стиле модерн, с некоторой примесью классических черт, представляя собой удачное сочетание, современных предметов с отдельной антикварной мебелью. Здесь, кроме всего прочего, стояли два потрясающе безобразных китайских божка войны — как раз по сторонам входной двери из нержавеющей стали. Те стены, которые не были сделаны из стекла, имели нежный оттенок гелиотропов. Оформлял кабинет сам Джон Саладино, вот почему все тут было самым лучшим. Едва ли во всей Америке был более шикарный кабинет.

Двери из нержавеющей стали распахнулись, и вошел Артур, скользнув взглядом по божкам войны, изготовленным еще в эпоху династии Мин. Дверь закрылась. Артур прошел по мягкому фиолетовому ковру к столу Джеффри, сделанному в стиле английского Регентства.

— Слейд Доусон, — начал Артур, — двенадцать часов я потратил, изучая движение акций «Коллингвуд корпорейшн» за последние два года и наконец-таки мне удалось найти искомое. Вы — настоящий Слейд Доусон.

Лицо Джеффри стало пепельно-серым.

— Не ясно только, почему бухгалтеры Спенсера сами не обратили внимания.

— Потому что они не знают историю семейства Коллингвудов так, как знаю я. Вы взяли имя одного из наименее почетных ваших предков для того, чтобы прикрывать незаконные покупки и продажи акций. Слейд Доусон — это была ипостась торгующего и обманывающего Коллингвуда. И ведь до девятнадцатого октября все было шито-крыто. Но затем Коллингвуда умыли, причем так умыли, как мало кого умывали в Америке. Кто вас вытащил? Билли Чинг и лорд Нортфилд?

— Да.

— Я передам полученные сведения в службу прокурорского надзора Калифорнии, так что если вы намерены уже сейчас драться, можете прямо сейчас вводить в курс дела своих юристов.

— Ни с кем я не намерен больше драться. — Голос Джеффри звучал устало. — Довольно с меня. Я и так предал семью. Но только клянусь вам, Артур, что я и понятия не имел о том, что они убьют Спенсера и попытаются убить Клаудиу. Я шулер, но не убийца.

Артур несколько секунд внимательно изучал перепуганное лицо Джеффри.

— Я верю вам, Джеффри, и если честно, вам мозгов не хватит кого-

нибудь убить. Если вы согласитесь сотрудничать с властями штата и поможете предъявить обвинение Билли и Найджелу, вам скостят срок за оказанную помощь.

Джеффри поднялся с кресла.

— Вы никогда не сумеете ничего доказать касательно Билли и Найджела. Не получится. Они слишком умные. И если я только пальцем против них шевельну, Бог знает, что они сделают с одним из моих детей. Нет, Артур, у меня остался только один выход. А в тюрьме я и одного дня не намерен проводить.

Легким движением он поднял сделанный из металла и кожи стул и изо всей силы швырнул его в стеклянную стену позади своего рабочего стола. Стекло разлетелось на мелкие осколки. Внезапно сильный ветер ворвался в кабинет.

— Джеффри! Ради Бога! — Артур рванулся вокруг стола. Джеффри отбросил стул и оказался сейчас на краю зияющего проема, взглянул с высоты пятидесяти восьми этажей вниз. Ветер ерошил его волосы, трепал одежду. Он чуть-чуть замешкался, однако этого Артуру оказалось достаточно, чтобы схватить его за руку.

— Пусти!

— Назад!

— Я не намерен отправляться в эту чертову тюрягу!

Они поборолись некоторое время напротив разбитого окна. Артуру удалось завалить Джеффри и они, сцепившись, катались по полу, норовя ударить друг друга. Тут внезапно Артур обнаружил, что находится рядом с зияющей дырой. Всегда боявшийся высоты, он на мгновение заглянул вниз и увидел Монтгомери-стрит. Машины с такой высоты казались не больше муравьев.

Тут Джеффри изловчился и оттолкнул его.

— Извинитесь за меня перед Клаудией! — крикнул он и выпрыгнул из окна. Артур видел, как над ним промелькнуло тело Джеффри — с зажмуренными глазами, с открытым в последнем крике ртом.

Крик отдалялся подобно свистку ушедшего в тоннель поезда.

И наступила тишина.

Она казалась Спящей Красавицей. Так думал Артур, сидя в частной больничной палате на стуле возле постели. Он нежно взял ее правую руку.

— Ты должна выздороветь, Клаудиа, — мягко сказал он. — Врачи говорят, что мозг должен сам лечить себя. Они больше ничем не могут тебе помочь. Уже три дня. Пожалуйста, проснись же.

Она дышала глубоко, глаза ее были закрыты. На мониторы выводилось биение сердца и мозговые импульсы, и приборы монотонно жужжали в изголовье кровати. В нос Клаудии была введена трубка для внутривенного питания.

— Ты должна проснуться, — продолжал Артур. Врач рассказал ему о теории, согласно которой больные, находящиеся в состоянии комы, могут слышать обращенную к ним речь, даже если не реагируют на слова. Были даже случаи, когда такие разговоры выводили людей из состояния комы. И потому Артур был уверен, что стоило попытаться. — Ты всем нам очень нужна, Клаудиа. Ты ведь последняя из Коллингвудов. Джеффри умер, Ирен распродает драгоценности Эммы, чтобы как-то расплатиться с Билли Чингом и Найджелом. Она и остальная семья согласны передать ранчо штату Калифорния, так что все кончилось: Билли и Найджел проиграли. Мы победили их, Клаудиа, так что, пожалуйста, пожалуйста, проснись.

Клаудиа не шевельнула ни единым мускулом.

— Не знаю, можешь ли ты слышать меня, — продолжал Артур, — но у меня есть и эгоистическая причина желать, чтобы ты проснулась, и не только потому, что ты хорошенькая женщина и важный для меня клиент. — Он вытер глаза. — Господи, глупо, конечно, так вот говорить об этом. Понимаешь, Клаудиа, я влюбился в тебя. Наверное, объясняться сейчас в любви — это своего рода сумасшествие, но что я могу еще сказать? Я считаю тебя потрясающей женщиной, и я так хочу тебя. Да и Джилберт со мной согласен, считая, что ты великолепная. Вот как у меня все повторяется. В Кати я влюбился за десять минут, а в тебя влюбился и того меньше, минуты за две. Поэтому, если ты можешь слышать меня, поверь, что я буквально с ума схожу по тебе.

Открылась дверь, и появилась медсестра.

— Как она? — шепотом поинтересовалась она, входя в палату.

Он пожал плечами.

— Все по-прежнему. Не знаю… Я чувствую себя таким раздавленным.

Сестра подошла к постели с другой стороны.

— Требуется какое-то время, — сказала она. — А теперь у нас водные процедуры, мистер Стивенс.

Не отрывая глаз от Спящей Красавицы, Артур поднялся.

— Доброй ночи, Клаудиа. Вернусь завтра. И помни, что я сказал тебе: ты должна бороться.

— Вы хороший друг, — сказала сестра.

— Ага, а хотел бы быть не только другом, — вздохнул он.

Он ожидал лифт внизу в холле, когда вдруг услышал голос медсестры:

— Мистер Стивенс!

Она бежала к нему, махая руками.

— Она проснулась! Только что она сказала слово!

— Какое?

— Она сказала: «Эмма». Кто эта Эмма?

Артур рассмеялся и бегом побежал к палате Клаудии.

— Потрясающая женщина, потрясающая!

Два месяца спустя Артур, взяв Клаудиу на руки, входил в бассейн. Наконец-то ее выпустили из больницы. Правую ногу освободили из гипса, в бедро поставили соединительное крепление. Все царапины и шрамы исчезли. Он привез Клаудиу к себе домой, где была организована круглосуточная помощь сиделок. Каждое утро Артур брал Клаудиу с собой в бассейн, чтобы она могла разрабатывать ногу. Из динамиков мягко звучала рахманиновская «Рапсодия на темы Паганини».

— За столько времени ты, должно быть, уже привык носить меня на руках, — с улыбкой сказала Клаудиа, обвивая руку вокруг шеи Артура.

— Надеюсь, это не плохая привычка.

— Как сказать. Ты был таким нежным со мной. Помимо исполнения своих адвокатских обязанностей. Действительно, я так благодарна тебе, Артур!

— Я тут получил факс от мэтра Леграна.

— Адвоката Ги? И что же?

— Никаких проблем. Более того, кажется, Ги уже присмотрел себе вдовушку из соседнего поместья и собирается на ней жениться.

— Мадам Вальмон? О, это прекрасно!

— Почему?

— Она владеет шестьюдесятью гектарами той земли, о которой Ги всегда мечтал. Она категорически отказывалась продавать землю, но Ги, как выяснилось, не мытьем, так катаньем получил желаемое.

— Как говорит нынче молодежь, «Собственность на землю — это жизнь». Теперь можно и начинать.

Они были в воде по шею. Артур поддерживал Клаудиу, которая начала работать в воде ногами.

— Этой ночью мне приснился очень странный сон, — сказала она.

— Какой?

— Мне приснилось, что я опять в больнице, а ты сидишь возле меня. Сидишь и говоришь… Да, ты сказал так: «Я влюбился в тебя. Наверное, глупо так вот говорить об этом. Понимаешь, Клаудиа, я влюбился в тебя.

Наверное, объясняться сейчас в любви — это своего рода сумасшествие, но что я могу еще сказать? Я считаю тебя потрясающей женщиной…»

Артур уставился на нее.

— Это был не сон. Все так и было. И я действительно говорил все это. Хочешь сказать, что ты к тому моменту уже проснулась и просто не отвечала мне?

Она пожала плечами и одарила его загадочной улыбкой сфинкса.

— Как знать. Но если ты немедленно не поцелуешь меня, думаю, я буду очень несчастна. Ты ведь знаешь нашу, коллингвудских женщин, страсть к симпатичным мужчинам.

Он коснулся губами ее губ. Клаудиа прекратила болтать ногами, и они поцеловались.

И волна огромного счастья захлестнула Клаудиу Коллингвуд.

notes

1

Евреи *(нем.)*.

2

Перевод Б. Пастернака.

3

Перевод Б. Пастернака.

4

«Гамлет, принц датский», акт I, сцена 4. *Перевод Б. Пастернака.*

5

Вранье *(нем.)*.

6

Как сказать по-английски «юношеская влюбленность?» *(фр.)*.

7

Слишком *(фр.)*.

8

Дома терпимости *(фр.)*.

9

Кан до — искаж. англ. «могу».
10

Опиум *(кит.).*
11

Звезда *(англ.).*
12

Встреча наедине *(фр.).*
13

«Очко» *(фр.).*
14

Журавль *(англ.).*
15

Все будет хорошо. Не бойся, сокровище *(нем.).*
16

Что это? *(фр.).*
17

Странно, не так ли? *(фр.).*
18

Ночь любви *(фр.).*
19

Очаровательная *(фр.).*
20

Замок Шамбор *(фр.).*
21

«Салон Хорошего Вкуса» *(фр.).*

22

Мелкими кудряшками *(фр.).*
23

Крупные пряди волос по обеим сторонам лица *(фр.).*
24

«Неприкасалочки» *(фр.).*
25

Как поживаете, мсье Коллингвуд? *(фр.).*
26

Нормально *(фр.).*
27

Мсье Коллингвуд очень плохо воспитан… Или, возможно, он просто глуп *(фр.).*
28

Чашечку чая, пожалуйста *(фр.).*
29

Да, мадемуазель *(фр.).*
30

Шампанского? *(фр.).*
31

Я рекомендую устриц, они сегодня великолепные. А также тунца *(фр.).*
32

Мой дом — ваш дом *(исп.).*
33

Обязательными *(фр.).*
34

Студень из индейки по-парижски, бычий язык с луком-шалот, рагу из зайца *(фр.).*

35

Список приглашенных *(англ.).*

36

Шлюха *(исп.).*

37

Чепсы, или чеперейхосы, кожаные ковбойские штаны *(исп.).*

38

«За» и «против» *(лат.).*

39

Досл.: «что за что?» *(лат.),*т. е. взаимовыгодный обмен, «ты — мне, я — тебе».

40

Добрый день, сеньор *(исп.).*

41

Хозяин, патрон *(исп.).*

42

Феликс де Мейер, драгоценности *(фр.).*

43

«Дикси» — наименование южных штатов, тогда как «Трикси» образовано от англ. «трик» (trick) — «хитрость», «обман».

44

Некрасиво *(фр.).*